Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

**Международная научно-практическая конференция,
приуроченная к 20-летию образования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
(25 февраля 2022 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя
2022

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2022
ISBN 978-5-9694-1182-1

УДК 343
ББК 67.73
М43

Рецензенты:
ведущий эксперт отдела уголовно-процессуального законодательства
и информационного права Уголовно-правового управления
Договорно-правового департамента МВД России **Мысина А. А.**;
старший уполномоченный 1 отдела НЦБ Интерпола
МВД России **Востроknутов В. А.**

Составитель *Ю. В. Пузырева*

М43 **Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью**: Международная научно-практическая конференция, приуроченная к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (25 февраля 2022 г.) : сборник научных трудов / [сост. Ю. В. Пузырева]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. – 553 с. – 1 электронный оптический диск (DVD-R). – Систем. требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб; Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-1182-1

В сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, приуроченной к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (25 февраля 2022 г.) вошли статьи, посвященные наиболее значимым вопросам международного сотрудничества в борьбе с преступностью. В статьях рассмотрены основные тенденции и перспективы развития нормативного правового регулирования в сфере борьбы с отдельными видами преступлений международного характера: киберпреступность, незаконная миграция и др. Особое внимание уделено отдельным аспектам правового закрепления и организации сотрудничества государств по взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Издание адресовано преподавателям, адъюнктам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России, преподавателям, студентам, аспирантам, докторантам юридических вузов. Определенный интерес может представлять для практических сотрудников правоохранительных органов.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Корректор *Чамарова Н. В.*
Компьютерная верстка *Чамарова Н. В.*

Подписано к изданию
Объем издания: Кб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1182-1

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
https://мосу.мвд.рф, e-mail: support_mosu@mvd.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. МАТЕРИАЛЫ ПО ИТОГАМ ПЛЕНАРОНОГО ЗАСЕДАНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

В. И. Алескеров, Е. В. Маркелова
Борьба с экстремизмом и терроризмом,
как один из важных элементов по обеспечению
национальной безопасности Российской Федерации 14

А. О. Андрианова
Актуальные проблемы уголовного законодательства
Российской Федерации в сфере
противодействия финансированию терроризма 18

М. М. Алексеева
К вопросу о сотрудничестве Интерпола
и Контртеррористического центра ООН
по противодействию распространению химических,
биологических, радиологических, ядерных и взрывчатых веществ 22

А. А. Афанасьева
Об отдельных вопросах международного сотрудничества
при расследовании уголовных дел с использованием
системы видеоконференц-связи 28

А. А. Бессонов
О путях совершенствования международного
сотрудничества по уголовным делам 32

Н. М. Бобошко
Международные индексы коррупции как способы
ее измерения в современных условиях 36

Р. Л. Габдрахманов
Квалификация преступлений, связанных
с использованием допинга в спорте 39

Р. С. Галиев
Деятельность организации по безопасности
и сотрудничеству в Европе
по противодействию преступности 47

Е. Е. Гуляева
Юридические последствия зарождения нейроправа
и обеспечение кибербиобезопасности человечества 51

Д. В. Деулин, Д. В. Белых-Силаев
Актуальные проблемы международного сотрудничества
в противодействии незаконной миграции 56

В. А. Иванов, Р. Р. Алиуллов
Вопросы сотрудничества должностных лиц
правоохранительных органов России
и стран Содружества Независимых Государств
в сфере профилактики IT-преступлений 61

Н. А. Карпова
Уголовно-правовые меры борьбы с хищениями
денежных средств, совершенными с банковского счета 67

А. А. Козлова, В. Г. Ищук
Международно-правовая защита жертв торговли людьми 73

Р. В. Кондрашечкин
Запросы международных правоохранительных организаций
и правоохранительных органов иностранных государств
как основание для проведения оперативно-разыскных мероприятий 77

В. А. Коннов
К вопросу о совместимости интересов государства
в области борьбы с преступностью и правовых
позиций международных договорных органов
по защите прав человека 82

М. Р. Корниенкова
Сравнительный анализ российского и зарубежного уголовного
законодательства, предусматривающего ответственность
за неуплату средств на содержание детей
или нетрудоспособных родителей 88

П. А. Литвишко
Актуальные направления развития международного
взаимодействия в сфере уголовного судопроизводства,
оперативно-разыскной деятельности и производства
по делам об административных правонарушениях 93

Е. Г. Ляхов, Д. Е. Ляхов, В. А. Рыжак
Формы и способы политико-правовой профилактики
криминальных угроз безопасности личности (индивиду)
и национальному (внутригосударственному) обществу 102

Э. А. Мамонтова, А. М. Попов
Противодействие незаконной миграции
через призму законодательной регламентации
правового статуса трудовых мигрантов 109

С. О. Махтюк
Влияние интернета и социальных сетей
на свободу оценки доказательств и законотворчество 114

Н. В. Михайленко, Е. О. Бондарь
Цифровая трансформация судебной системы:
отечественный и международный опыт 122

И. П. Можаева
Актуальные направления организационно-правового
обеспечения международного сотрудничества
при противодействии преступности 127

А. И. Мысина, А. В. Мысин
Цифровизация противодействия незаконной миграции:
международно-правовой аспект 131

Н. А. Овсянникова
Современное состояние международного сотрудничества
при противодействии преступлениям
в сфере культурных ценностей 135

Ю. В. Пузырева
Аракtика внедрения трансграничного доступа к электронным
доказательствам на примере Европейского союза 140

И. П. Сайфуллина
Взаимодействие государств – членов Европейского союза
в сфере охраны его внешних границ как инструмент
в противодействии нерегулярной миграции 146

А. Е. Симонова
Проблемы контроля за исполнением
международных обязательств в сфере
нераспространения оружия массового уничтожения 151

Н. В. Таранов
Развитие международного сотрудничества
в сфере судебной экспертизы 155

Е. И. Таранина
Международное сотрудничество Российской Федерации
и Республики Казахстан по противодействию преступлениям,
связанным с неприкосновенностью частной жизни, совершенным
с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 159

Р. А. Терентьев, Н. В. Михайленко
Совершенствование организации деятельности дознания
в сфере международного сотрудничества и противодействия
нелегальной миграции 164

А. А. Тит
Унификация положений об уголовной ответственности
в Российской Федерации и Республике Беларусь
(в рамках Договора о создании Союзного государства) 169

П. М. Титов
Взаимодействие при расследовании преступлений, совершенных с использованием IT-технологий 174

Я. М. Хаминский
Международный опыт противодействия финансированию терроризма с помощью криптовалют на ранних стадиях..... 177

С. О. Харламов, С. А. Егоров
Сотрудничество компетентных органов государственной власти в сфере обеспечения миграционной безопасности в приграничных регионах государств – участников Содружества Независимых Государств..... 185

А. С. Шаталов
Собирание доказательств по уголовным делам в иностранных юрисдикциях по запросам о правовой помощи..... 193

РАЗДЕЛ II. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

И. О. Алонзо
Опыт борьбы с наркоторговлей на примере Республики Гайана 200

Е. А. Алференок, Д. С. Андрюхин
Сравнительный анализ российского и зарубежного уголовного законодательства, предусматривающего принудительные меры воспитательного воздействия..... 203

А. А. Бурмистрова
Отражение решений Европейского суда по правам человека о провокации преступления в российской правоприменительной практике 210

Т. Т. Буй
Взаимодействие следователя с прокурором и судом на этапе окончания предварительного расследования в досудебном производстве социалистической Республики Вьетнам 215

А. Н. Видишева, Л. Н. Иванова
Киберпреступления в экономической сфере во время пандемии COVID-19 218

Г. А. Далакян
К вопросу о сотрудничестве государств по противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ..... 223

А. В. Дятлова
Международное сотрудничество по противодействию незаконной торговле объектами дикой природы..... 227

Д. В. Жоков
Международные принципы обеспечения
прав несовершеннолетних, вовлеченых
в совершение преступлений и антиобщественных действий 231

С. В. Илюхин, И. П. Сайфуллина
Отдельные аспекты международного сотрудничества
по пресечению (противодействию)
незаконной миграции на море 238

А. М. Каримов, Л. А. Новикова
К вопросу обеспечения кибербезопасности
ведомственных информационных систем 243

Е. А. Коновалова, А. С. Есина
Единый подход к определению «организованная преступная группа»
как одно из направлений международного сотрудничества 249

О. Н. Кузьмина, А. С. Прудников
Международное взаимодействие Российской Федерации
с иностранными государствами в сфере борьбы с преступностью
в условиях цифровой трансформации 255

Н. Р. Максимов, М. М. Алексеева
Сотрудничество органов предварительного расследования
государств – членов Европейского союза 259

С. В. Мурадян, А. В. Альховская
О некоторых аспектах международного взаимодействия
государств в борьбе с распространением
порнографических материалов с изображениями
несовершеннолетних с использованием информационно-
телекоммуникационных технологий *262*

Н. А. Назырова
О недостатках в международном сотрудничестве
по борьбе с отдельными видами экономических преступлений 268

А. А. Помелова, Ю. В. Пузырева
Проблематика международно-правового регулирования
с нелегальными источниками вредных выбросов 272

А. С. Соловьева
История становления и развития идей
о справедливом судебном разбирательстве
в нормах национального и международного права 275

А. П. Стефаненко
Оперативно-разыскное сопровождение
и тактика проведения выемки 279

Д. С. Тишкова, Ю. В. Пузырёва
Роль миротворческих миссий ООН и параллельных операций
в обеспечении безопасности в постконфликтный период 284

Д. В. Теткин, А. А.Троицкий
Перспективы развития международного сотрудничества
правоохранительных органов по предупреждению,
раскрытию или расследованию преступлений
в сфере оборота криптовалют 288

А. А. Харитонов, И. П. Сайфуллина
Противодействие международному терроризму
посредством механизмов конституционного строительства 294

М. С. Шарифзода
Система обеспечения законности и дисциплины
в деятельности органов внутренних дел
Республики Таджикистан 298

Д. А. Шведова, Ю. В. Пузырёва
Международное сотрудничество по борьбе
с преступлениями против сексуальной
неприкосновенности несовершеннолетних 303

РАЗДЕЛ III. ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Л. А. Безбородова, М. В. Аксенова
Борьба с должностными преступлениями
в Австрийской Республике 307

Л. А. Безбородова, В. В. Бекетова
Преступность в сфере нарушения
основных прав человека на примере Германии 311

Л. А. Безбородова, К. В. Кожевников
Специальные подразделения полиции Германии
и федеральные ведомства в борьбе с терроризмом 314

Л. А. Безбородова, В. А. Куксов
Борьба с терроризмом в Федеративной Республике Германия 317

Л. А. Безбородова, А. Д. Ровенская
Борьба с киберпреступностью в Швейцарии 321

Л. А. Безбородова, А. В. Третьяков
Обеспечение национальной безопасности
в Великом Герцогстве Люксембург 326

Н. С. Бельчиков
Основные направления международного сотрудничества Российской Федерации в сфере проведения оперативно-разыскных мероприятий 332

Ф. А. Бехзоди
К вопросу об определении понятия контроля в сфере незаконной миграции в Республике Таджикистан 336

Т. Л. Борисовец
Основные направления деятельности правоохранительных агенств в борьбе с современными вызовами и угрозами 340

А. К. Буравлева, Д. С. Бахтина
Формы и методы работы с несовершеннолетними преступниками в Англии и Уэльсе 343

А. К. Буравлева, А. А. Воронина
Эффективная борьба с транснациональным оборотом наркотиков: оценка результатов инициатив управления по борьбе с наркотиками в области международного сотрудничества 348

А. К. Буравлева, А. Е. Кружкова
Международное сотрудничество в противодействии транснациональной киберпреступности 353

А. К. Буравлева, Д. О. Курбакова
Российско-испанское сотрудничество в борьбе с терроризмом: новые вызовы или старые проблемы? 358

А. К. Буравлева, Д. Д. Чижова
Опыт борьбы с преступностью несовершеннолетних в странах Европы 363

Д. И. Василенко
Борьба за права женщин 366

И. А. Горшенева, Т. Ю. Баранова
Использование цифровой криминалистики при осуществлении уголовного судопроизводства на примере судопроизводства США 369

И. А. Горшенева, С. Ю. Давыдова
Добровольческая специальная полиция в Англии и Уэльсе 374

И. А. Горшенева, И. С. Кострова
Взаимодействие органов кадастровой системы в рамках уголовного права Испании 377

И. А. Горшенева, Е. В. Мануйлова
Зарубежный опыт профилактики и предупреждения
насильственных преступлений против личности 382

И. А. Горшенева, А. Е. Македонская
Терроризм не имеет национальности или расы 386

И. А. Горшенева, С. В. Мельникова
Законодательное регулирование миграционных процессов.
Отечественный и зарубежный опыт борьбы
с нелегальной миграцией 389

И. А. Горшенева, И. А. Муклецова
Международное сотрудничество в киберпространстве
для борьбы с киберпреступностью и терроризмом 394

И. А. Горшенева, М. С. Орлова
Использование зарубежного опыта
для предупреждения скулшутинга в России 398

И. А. Горшенева, Д. П. Трусов
Международное сотрудничество в расследовании
и уголовном преследовании экологических преступлений 402

И. А. Горшенева, П. О. Шлегель
Основные подходы критики правовой идеологии 408

И. А. Горшенева, В. М. Штиф
Сотрудничество правоохранительных и разведывательных органов
в предупреждении и пресечении терроризма 413

Д. С. Гридасова
Инновации в деятельности правоохранительных органов 419

Д. А. Гришанина
Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом 422

О. А. Емельянова, Д. В. Гапончук
Противодействие кибертерроризму в зарубежных странах 426

О. А. Емельянова, А. В. Зиннатов
Кибербуллинг 429

О. А. Емельянова, А. Д. Рыжих
Система полицейского образования в германии 433

А. С. Знобищева
Реабилитация и ресоциализация как позитивное явление.
Зарубежный опыт 437

А. В. Иванов, Л. А. Безбородова
Уголовно-правовая ответственность за вторжение
в частную жизнь граждан в Российской Федерации
и Республике Беларусь: правовая действительность 442

Е. Д. Иванова
Социально-бытовые факторы, обусловливающие
противоправное поведение несовершеннолетних.
Зарубежный опыт 446

П. С. Иванова, И. А. Кудалина
Основные направления и формы
международного сотрудничества в борьбе с преступностью 449

Д. В. Иванюшин
Киберпреступность как «услуга»:
темные рынки вредоносного программного обеспечения 452

Д. А. Капустина
Отношение к полиции за рубежом 455

Т. Я. Квасюк, Д. О. Волков
Борьба с преступностью и полиция Финляндии 458

Ю. В. Кеменяш
Проблема симулякров в праве на примере практики
реформирования законодательства Индонезии 461

Г. О. Короткова, С. А. Князев
Сотрудничество французской полиции
с международной организацией уголовной полиции 466

К. А. Краснова
Сотрудничество в сфере борьбы
с международным терроризмом 469

Е. Б. Кужевская, М. Д. Юнусов
Незаконный оборот наркотиков.
Цифры, факты, статистика 474

В. Н. Куликов, Д. А. Филюшин
Международное взаимодействие
сотрудников правоохранительных органов.
Поиск решения актуальных проблем в борьбе с преступностью 477

О. В. Лукашина, И. А. Кудалина
Международное сотрудничество полиции 480

Г. М. Мжельская, О. С. Михеева
Перспективы международного сотрудничества
в борьбе с транснациональной организованной преступностью 483

Н. Б. Нижниченко, Е. А. Жарова
Развитие гражданского и уголовного права США
в Новейшее время 486

Н. Б. Нижниченко, Ю. П. Макарова
Основные проблемы миграции в России и их решение 489

Н. А. Петраков
Мнения и подходы Европейского центрального банка
к вопросу о дизайне цифрового евро 492

В. С. Репников
Проблема международного терроризма
и борьбы с ним 496

В. В. Серебряков
Организационно-правовые меры
повышения безопасности дорожного движения
в странах с низким и ниже среднего уровнем дохода 499

О. М. Серебрякова, Э. С. Васильева
Борьба с организованной преступностью.
Роль и эффективность подготовки сотрудников
правоохранительных органов 503

О. М. Серебрякова, К. Д. Голикова
Международное сотрудничество в борьбе
с организованной преступностью 507

О. М. Серебрякова, Н. И. Ерофеева
Международное сотрудничество в области борьбы
с преступностью: направления, уровни и формы реализации 513

О. М. Серебрякова, Д. С. Коннова
Значимость структуры национальной безопасности
в зарубежных странах 520

О. М. Серебрякова, М. А. Кубков
Международная организованная преступность:
сотрудничество полиции в Китае и Европейском союзе 525

О. М. Серебрякова, А. А. Кузина
Регионализация международного сотрудничества
в борьбе с киберпреступностью 530

О. М. Серебрякова, А. В. Соколовский
Борьба с киберпреступнотью и кибербезопасность 536

А. В. Третьяков, Л. А. Безбородова
Обеспечение национальной безопасности
в Великом Герцогстве Люксембург 542

А. Д. Чурсина
Угрозы в социальных сетях:
ответные меры канадского законодательства 547

РАЗДЕЛ I.
МАТЕРИАЛЫ ПО ИТОГАМ ПЛЕНАРОНОГО ЗАСЕДАНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

Алескеров В. И.[1],
профессор кафедры
оперативно-технических мероприятий
органов внутренних дел Международного
межведомственного центра
подготовки сотрудников оперативных подразделений
имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева
Всероссийского института повышения квалификации
сотрудников МВД России
кандидат юридических наук, доцент

Маркелова Е. В.[2],
начальник кафедры
оперативно-технических мероприятий
органов внутренних дел Международного
межведомственного центра
подготовки сотрудников оперативных подразделений
имени генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева
Всероссийского института повышения квалификации
сотрудников МВД России

БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ, КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время сотрудники органов внутренних дел уделяют большое внимание своевременному выявлению и раскрытию различного рода проявлений экстремистской направленности. Данное направление борьбы с этим видом преступности является одним из важных элементов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В Российской Федерации проживает более 170 национальностей разных конфессий и вероисповеданий, общающихся на разных языках, и это нашему народу не мешает проживать рядом друг с другом и вершить благие дела, строить современное общество и улучшать благосостояние всего нашего народа. Однако некоторым зарубежным завистливым партнерам не нравятся быстрые

[1] © Алескеров В. И., 2022.
[2] © Маркелова Е. В., 2022.

темпы развития и процветания в экономической и финансовой сферах, индустрии и промышленности и других отраслях жизнедеятельности, что наш народ становится сильнее, крепче, успешнее и счастливее в Российской Федерации. Поэтому недоброжелательная идеология западных стран по отношению к Российской Федерации, выражающаяся в проявлениях экстремизма, направленная на дестабилизацию обстановки в нашем государстве, заставляет сотрудников оперативных структурных подразделений органов внутренних дел повысить активность в борьбе с данным видом преступлений.

Экстремизм создает опасность в обществе любого государства, так как он может дезориентировать мировоззренческие взгляды некоторых граждан и вовлечь их в экстремистскую преступную деятельность, которая может обернуться весьма печальными последствиями.

Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая 3 марта 2021 г. на расширенном заседании коллегии МВД России, отметил: «Самое серьезное внимание нужно уделить борьбе с экстремизмом. Прошу жестко пресекать пропаганду национализма, ксенофобии, религиозной вражды и насилия» [1].

17 февраля 2022 г. на расширенном заседании коллегии МВД России Президент Российской Федерации В.В. Путин указал, что рост преступлений, связанных с экстремизмом в 2021 г., вырос более чем на 25 %. Далее он сказал: «…Необходимо уделять особое внимание нейтрализации всех попыток экстремистов и разного рода радикалов, используя возможности сети интернет, действия которых направлены на разжигание межнациональной, религиозной и социальной вражды».

21 февраля 2022 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин в обращении к гражданам России через средство массовой информации высказал: «…Нашу особую озабоченность и тревогу, о тех фундаментальных угрозах, которые из года в год, шаг за шагом грубо и бесцеремонно создаются безответственными политиками на Западе в отношении нашей страны. Полномасштабно идет расширение блока НАТО на Восток» [2].

Мы видим, что происходит в настоящее время на Украине. Народ, который на протяжении последних 15 лет усиленно психологически обрабатывала разрушающая идеология американских спецслужб, направленная на экстремистские выходки-нападки и активной агитации против народов и политики Российской Федерации. В результате Украина как государство по всем направлениям своего развития превратилась в отсталое государство. Её экономика сильно подорвана, народ Украинского государства одного региона настроен против своего же народа, проживающего в других регионах – Луганской народной Республики и Донецкой народной Республики. Учитывая растущую угрозу распространения экстремизма среди населения не только на территории Украины, экстремистские выпады направлялись и через глобальную информационную сеть на территорию Российской Федерации.

В результате складывающейся обстановки Российское правительство усилило меры государственного принуждения в отношении лиц, совершающих подобные правонарушения. Данное обстоятельство вынудило принять ряд законодательных и судебных актов. Однако западные средства массовой информа-

ции продолжали подвергать народ Украины антироссийской пропаганде и вовлекать его в экстремистские проявления. В целях выполнения функций по противодействию проявлениям экстремизма, перерастающего в терроризм, скоординирована деятельность по своевременному выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экстремистской направленности. Затем исходя из складывающейся ситуации было принято решение об оказании помощи народам ДНР и ЛНР. В результате во избежание полного распада Украинской республики и ликвидации очагов насилия, расположенных на территории Украины, и в целях защиты интересов вышеуказанных вновь образованных народных республик Правительство Российской Федерации приняло непростое решение о проведении специальной военной операции по ликвидации очагов экстремизма, геноцида со стороны киевского режима на территории государства Украины. Данная ситуация говорит о том, что необходимы на международном уровне активизация и совершенствование организационных и правовых основ деятельности, направленных на противодействие различным экстремистским правонарушениям, промедление которых приводит к таким серьезным угрозам и очень тяжелым последствиям.

Негативная информация быстро распространяется через возможности информационных ресурсов, таких как глобальная сеть Интернет, социальные сети, *META PLATFORMS INC (Facebook, Instagram, WhatsApp, Oculus)*, которые в последнее время занимались активным распространением лживой информации, направленной против политики Российского государства и призывы к насилию Российского силового блока. Во избежание прекращения подачи этой информации, содержание которой носит явно экстремистский характер и содействует террористической деятельности, Генеральная Прокуратура Российской Федерации направила в суд заявление о признании *META PLATFORMS INC (Facebook, Instagram)* экстремистской организацией и потребовала запретить её деятельность на территории Российской Федерации.

Интернет – крупнейшая глобальная компьютерная сеть, насыщенная мощнейшим информационным резервуаром. Одновременно он входит в глобальную телекоммуникационную сеть, связывающей информационной средой все страны мира. За сравнительно короткий промежуток времени эта сеть сделала скачок от ведомственной сети к всемирной информационно-телекоммуникационной инфраструктуре [3]. С каждым днем увеличивается сегмент преступлений, связанный с размещением материалов в интернете. Данный факт обусловлен как развитием информационных технологий, так и тенденцией увеличения числа пользователей. Через данное информационное пространство и выбирая какой-либо сегмент информационной среды, представители ведущих стран НАТО проповедуют на территории Российской Федерации циничный обман и вранье, насильственные призывы экстремистской направленности, что реально причиняет угрозу к совершению трагических событий Российскому государству.

Исходя из вышесказанного, по складывающейся ситуации отметим такой факт, как слабое международное структурное межведомственное взаимодействие органов правопорядка отдельных государств, отсутствие должного вни-

мания использованию в этой сфере современных информационно-аналитических систем, таких информационно-коммуникационных технологий, которые способствовали бы правовой оценке, распространяемой в интернете экстремистской информации и в целом в информационном пространстве. Необходимы комплексный подход и баланс международного мнения по противодействию распространения экстремизма для достижения в сегменте информационного пространства проявления позитивных процессов, общественно полезной информации и обеспечения роста экономического и культурного прогресса как в Российской Федерации, так и в других странах.

Список литературы

1. Материалы расширенного заседания Коллегии МВД России, состоявшегося 03.03.2021 // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.http://kremlin.ru/events/ president/news/65090 (дата обращения: 10.03.2021).

2. Баранов, В. В. Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел по противодействию проявлениям экстремизма в глобальной компьютерной сети : дис. … кан. юрид. наук / В. В. Баранов. – С. 26.

Андрианова А. О.[1]***,***
старший инспектор
отделения развития информационных систем
общего пользования управления информации
(информационного центра)
Следственного комитета Российской Федерации

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

В современных реалиях международного противостояния, локальных вооруженных конфликтов и глобальной террористической угрозы, международный терроризм и финансирование терроризма справедливо обозначены как одни из главных угроз национальной безопасности Российской Федерации [1]. Финансирование терроризма занимает особое место среди преступлений террористической направленности, характеризуясь высокой латентностью и общественной опасностью, массовостью и использованием различных способов совершения – от поддержки продовольствием до использования сложных цепочек транзакций криптовалют [2].

Исследователи Пинкевич Т. В. и Смольянинов Е. С. утверждают, что несмотря на деятельность международных и национальных органов и организаций, озабоченность и сплоченность мирового сообщества, в противостоянии этим глобальным угрозам, развитие нормативного правового регулирования противодействия финансированию терроризма с использованием современных технологий находится на начальном уровне [3, с. 76]. Пресекая финансирование терроризма, необходимо исследовать криминологические особенности преступников, предпосылки, условия и признаки, способы совершения, тактику противодействия, раскрытия и расследования преступлений террористической направленности, координировать и информировать всех участников противодействия.

Для успешного и адекватного ответа угрозам национальной безопасности государству нужно осуществлять выявление, раскрытие и расследование готовящихся и оконченных преступлений террористического характера, а также их профилактику, разъяснять общественную опасность таких деяний, неотвратимость привлечения к уголовной ответственности и назначения сурового наказания. Для формирования в обществе устойчивого информированного и осознанного негативного отношения ко всем формам содействия террористической деятельности необходимо наличие простой и понятной уголовно-правовой нормы, определяющую и запрещающей такую преступную деятельность. Эти важнейшие задачи эффективной борьбы с терроризмом и его финансированием

[1] © Андрианова А. О., 2022.

можно реализовать только в процессе совершенствования национального уголовно-правового противодействия.

Ведущую роль в становлении уголовно-правовых норм противодействия финансированию терроризма в Российской Федерации сыграли требования ФАТФ, выраженные в соответствующих Рекомендациях, методических материалах и оценочных мероприятиях [4]. К уже существующим нормам уголовного законодательства были добавлены нормы, регулирующие и ужесточающие ответственность за финансирование терроризма и другие преступления террористической направленности, предусмотренные и запрещенные соответствующими международными Конвенциями [5]. Данные нормы вводились в право Российской Федерации в рамках принятых международных обязательств во исполнение замечаний ФАТФ и устранения пробелов уголовного законодательства несколькими этапами – как правило, к очередным оценочным мероприятиям ФАТФ. Такое формальное и ситуативное дополнение Уголовного кодекса новыми антитеррористическими нормами происходило в несколько этапов и, на мой взгляд, не улучшило его структуру, введя некоторые избыточные нормы, потенциальные проблемы и противоречия правоприменения.

Несмотря на то, что в последнем Отчете о взаимной оценке мер по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма в Российской Федерации в декабре 2019 г. [6], ФАТФ в целом положительно оценил состояние и динамику развития отечественного уголовного законодательства на соответствие своим Рекомендациям в этой сфере, совершенствование и систематизация норм национального уголовного права необходимы, прежде всего, самим правоприменителям и законодателям Российской Федерации.

Финансирование терроризма в Уголовном кодексе Российской Федерации представляет собой умышленное особо тяжкое преступление с усеченным составом. При квалификации преступления наступившие последствия, период и объемы финансирования могут не оказать существенного влияния на назначение наказания. Финансирование терроризма предусмотрено ст. 205.1 и ст. 361 Уголовного кодекса Российской Федерации, и привязано к содействию конкретному перечню преступлений террористической направленности [7]. При достаточно понятном и простом определении террористического акта в ст. 205 УК РФ используемая конструкция, отсылающая к другим уголовно-правовым нормам, без акцента на террористическую суть преступления, не в полной мере соответствует структуре Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом в ряде случаев возникает конкуренция норм с другими преступлениями террористической направленности, например, предусмотренным ч. 1 ст. 208 УК РФ (финансирование незаконного вооруженного формирования), а ответственность в отдельных случаях за финансирование преступления может быть гораздо строже, чем его организация и исполнение, например, за преступление, предусмотренное ст. 220 УК РФ (незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами).

Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрено достаточно строгое наказание за финансирование терроризма – санкция основного состава преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, содержит наказание в

виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет либо пожизненного лишения свободы. Следует поддержать вывод В. В. Кустовой о существовании противоречия между не всегда оправданной и адекватной строгости наказания, приведенных в Уголовном кодексе санкций за финансирование терроризма, и судебной практикой назначения наказания существенно менее строго наказания [8, с. 27].

Согласно ч. 3 ст. 64 УК РФ виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205.1 УК РФ, не может быть назначено наказание ниже низшего предела или назначен более мягкий вид наказания, чем предусмотренный соответствующей статьей. Однако в судебной практике по данным преступлениям широко встречается назначение наказания существенно ниже нижнего предела санкции за счет заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в соответствии с главой 40.1 УПК РФ, являющегося, по сути, единственной возможностью для снижения наказания, несмотря на возможное наличие смягчающих обстоятельств или малых объемов финансирования [9]. Подталкивание к использованию заключения досудебного соглашения о сотрудничестве может снизить качество и полноту раскрытия и расследования преступлений, так как на практике не требует должной подготовки доказательств. Такое упрощение процесса расследования и малочисленность квалифицирующих признаков также не способствуют дифференциации наказания.

Необходимо проанализировать отечественную и международную судебную практику, потенциальные угрозы и риски, определить квалифицирующие признаки, позволяющие адекватно оценить общественную опасность того или иного преступного деяния и обеспечить соразмерность наказания.

Правоприменитель должен обеспечить понятное, правильное и единообразное применение нормы о финансировании терроризма для привлечения к уголовной ответственности и обеспечить разумный и справедливый подход к назначению наказания, дифференцировать строгость наказания. Уголовный кодекс должен стимулировать и мотивировать к отказу от преступной деятельности, обеспечить возможность своевременным информированием, отказом от действий или деятельным раскаянием смягчить или избежать уголовной ответственности, получить условное осуждение, однако без снижения качества раскрытия и расследования преступлений. Для реализации данных изменений нужно создание простой и понятной нормы о финансировании терроризма, определения и ввода в уголовно-правовые нормы важных квалификационных признаков, обеспечения дифференциации наказания.

Список литературы

1. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – № 198 (5022) – 20 окт.

2. Андрианова, А. О. Цифровые валюты: особенности правового регулирования и противодействия финансированию терроризма / А. О. Андрианова, А. П. Андрианов // Публичное право сегодня. – 2022. – № 2 (12). – С. 115–128.

3. Пинкевич, Т. В. Международный опыт противодействия преступной деятельности с использованием криптовалюты : учебно-практическое пособие /

Т. В. Пинкевич, Е. С. Смольянинов. – М. : Академия управления МВД России, 2021.

4. Росфинмониторинг. Оценка ФАТФ // Официальный сайт Росфинмониторинг. – URL: https://www.fedsfm.ru/fatf (дата обращения: 15.02.2022).

5. Росфинмониторинг. Международные конвенции // Официальный сайт Росфинмониторинг. – URL: https://www.fedsfm.ru/documents/international-conventions (дата обращения: 15.02.2022).

6. Росфинмониторинг. Отчёт о взаимной оценке // Официальный сайт Росфинмониторинг. – URL: https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2020/ово%20рф%20rus.pdf (дата обращения: 16.02.2022).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ : текст с изм. и доп. на 30.12.2021: принят Государственной думой 24.05.1996 : одобрен Советом Федерации 05.06.1996 // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения: 21.02.2022).

8. Кустова, В. В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В. В. Кустова. – М. : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 30 с.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ : текст с изм. и доп. на 10.01.2021: принят Государственной думой 22.11.2001: одобрен Советом Федерации 05.12.2001 // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения: 21.02.2022).

Алексеева М. М.[1]*,*
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ИНТЕРПОЛА И КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ООН ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ХИМИЧЕСКИХ, БИОЛОГИЧЕСКИХ, РАДИОЛОГИЧЕСКИХ, ЯДЕРНЫХ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ

На современном этапе развития особую угрозу международной безопасности представляет доступ негосударственных субъектов (включая террористические группы) к оружию массового уничтожения (далее – ОМУ). На протяжении достаточно длительного времени организованные террористические группы и их последователи пытаются найти новые пути приобретения и применения химического, биологического, радиологического оружия и ядерных материалов (далее – ХБРЯ). В частности, запрещенная в Российской Федерации террористическая организация ИГИЛ использовала самодельные взрывные устройства в Ираке и Сирии для нанесения широкомасштабных и неизбирательных ударов, которые принесли смерть и разрушения. Преступные нападения имели место не только в зонах вооруженных конфликтов и применялись не только в отношении комбатантов, но и в отношении гражданских лиц и гражданских объектов. ИГИЛ является первым негосударственным субъектом, применившим химическое оружие со времен применения Аль-Каидой в Ираке взрывов газообразного хлора в 2006 и 2007 г. [1]. Понятие «негосударственный субъект» раскрывается в резолюции 1540 (2004) Совета Безопасности ООН [2]. Это «физическое или юридическое лицо, не действующее в соответствии с законными полномочиями какого-либо государства при осуществлении деятельности, подпадающей под действие настоящей резолюции».

Международное сотрудничество по противодействию распространению химических, биологических, радиологических, ядерных и взрывчатых веществ регулируется нормами Конвенции ООН о физической защите ядерного материала, Международной конвенцией о борьбе с актами ядерного терроризма, Международной конвенцией о борьбе с бомбовым терроризмом, Конвенцией о биологическом оружии, Конвенцией о химическом оружии и рядом других конвенций, принятых в рамках ООН [8]. Указанные конвенции квалифицируют конкретные деяния как преступления, устанавливают юрисдикционные основания для судебного преследования за их совершение, регулируют сотрудничество по оказанию правовой помощи, а также содержат требования к государ-

[1] © Алексеева М. М., 2022.

ствам-участникам предусмотреть уголовную ответственность на внутригосударственном уровне за их совершение [9].

Нормативную правовую базу совершенствуют резолюции главных органов ООН. Совет Безопасности ООН неоднократно рассматривал угрозу терроризма, связанного с применением ОМУ. В резолюции 1373 (2001) [4] Совет Безопасности признал связь между международным терроризмом и, в частности, незаконным перемещением химического, биологического, радиологического, ядерного оружия и взрывчатых веществ. Контртеррористический комитет ООН осуществляет мониторинг выполнения данной резолюции государствами-членами. Основополагающее заявление Совет Безопасности по этому вопросу было сделано в форме резолюции 1540 (2004), в которой Совет Безопасности подтвердил, что распространение ОМУ и средств его доставки представляет угрозу международному миру и безопасности. В резолюции 1540 (2004) предпринята целенаправленная попытка решить проблему угроз, не охватываемых существующими договорами в области нераспространения, особенно угроз, связанных с незаконным оборотом ядерного, химического и биологического оружия, средств его доставки и соответствующих материалов, который определяется в резолюции как новое измерение проблемы распространения. В резолюции 2325 (2016) [5] Совет Безопасности вновь призвал государства-члены укреплять свои национальные режимы противодействия распространению указанному оружию в рамках осуществления резолюции 1540 (2004).

В 2006 г. Генеральная Ассамблея ООН консенсусом приняла Глобальную контртеррористическую стратегию ООН [6], которая является глобальным инструментом укрепления национальных, региональных и международных усилий по борьбе с терроризмом. Генеральная Ассамблея рассматривает Стратегию каждые два года, актуализирует ее, учитывая приоритеты государств-членов в области противодействия терроризму. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН призывает государства-члены с целях противодействия распространению химических, биологические, радиологических, ядерных и взрывчатых веществ: бороться с контрабандой указанных материалов; обеспечить, чтобы достижения в области биотехнологий не использовались в террористических целях; улучшить пограничный и таможенный контроль для предотвращения и выявления незаконного оборота оружия и ядерных материалов; улучшить координацию при планировании реагирования на террористическую атаку с использованием оружия или ядерных материалов.

В Шестом обзоре Глобальной контртеррористической стратегии ООН Генеральная Ассамблея призвала все государства-члены «не допускать приобретения террористами оружия массового уничтожения и средств его доставки... и [призвала] к сотрудничеству между государствами-членами и соответствующими региональными и международными организациями для укрепления национального потенциала в этом отношении».

В рамках ООН принята Программа по предотвращению терроризма с применением оружия массового уничтожения/ХБРЯ и реагированию на него [7], которая направлена на формирование понимания государствами-членами и международными организациями уровня этой угрозы. Программа поддер-

живает их усилия по предотвращению, обеспечению готовности и реагированию по их просьбе.

В рамках Программы Контртеррористический центр ООН стремится укреплять партнерские отношения в целях содействия существующим усилиям международного сообщества по наращиванию потенциала. С 2018 по 2020 г. в рамках Программы было разработано семь пилотных проектов:

1. Укрепление национального потенциала по предотвращению химических и биологических террористических нападений в Ираке и реагированию на них. Проект, реализуемый совместно с Государственным департаментом Соединенных Штатов, фокусируется на биологической и химической безопасности, расследованиях, обмене разведданными, культуре безопасности в академических кругах и реагировании на них.

2. Расширение возможностей по подготовке и реагированию на террористическую атаку CBRN в Иордании. Проект включает определение потребностей Иордании путем самооценки; проведение учебного курса; организацию полевых занятий и занятий в виртуальной реальности и выдачу рекомендаций. Он реализуется совместно с Организацией Североатлантического договора (НАТО) в тесной координации с иорданскими властями.

3. Содействие универсализации и эффективному осуществлению Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма. Проект, осуществляемый совместно с Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) и при финансовой поддержке Европейского союза, включает мероприятия по повышению осведомленности на высоком уровне, тренинги для сотрудников правоохранительных органов, прокуроров и пограничников/таможенников, законодательную помощь и исследование причин несоблюдения Конвенции.

4. Расширение знаний о достижениях науки и техники в борьбе с терроризмом, связанным с применением оружия массового уничтожения. Этот проект, осуществляемый в рамках Рабочей группы по Соглашению о координации глобальной борьбы с терроризмом по возникающим угрозам и защите критически важных объектов инфраструктуры в сотрудничестве с Межрегиональным научно-исследовательским институтом ООН по вопросам преступности и правосудия (ЮНИКРИ), анализирует, как достижения в области науки и техники могут увеличить или усилить возможности террористов по приобретению и/или развертыванию оружия массового уничтожения.

5. Решение проблемы взаимосвязи терроризма, оружия и преступности: Предотвращение и борьба с незаконным оборотом стрелкового оружия и легких вооружений (ЛСО) и их незаконными поставками террористам в Центральной Азии. Проект, осуществляемый совместно с УНП ООН в сотрудничестве с Контртеррористическим управлением (ИДКТК) и Управлением ООН по вопросам разоружения (ЮНОДА), способствует укреплению национального законодательного, стратегического и оперативного потенциала целевых стран для надлежащего предотвращения, выявления и противодействия незаконному обороту огнестрельного оружия и, следовательно, связанной с ним деятельности терроризма и организованной преступности посредством серии националь-

ных тренингов и семинаров, а также региональных конференций и оценок потребностей и законодательства.

6. Обеспечение эффективной межведомственной совместимости и скоординированной связи в случае химических и/или биологических атак – Этап III (Внедрение). Этот проект, реализуемый в рамках Рабочей группы по Соглашению о координации глобальной борьбы с терроризмом по возникающим угрозам и защите критической инфраструктуры в сотрудничестве с Организацией по запрещению химического оружия (ОЗХО), направлен на повышение межведомственной готовности и реагирования международных учреждений в гуманитарной сфере, здравоохранении и секторах безопасности для поддержки запросов государств-членов о помощи, операциях по оказанию чрезвычайной помощи и поддержке жертв в результате нападения с применением химического и/или биологического оружия.

7. Разработка технических руководящих принципов для содействия осуществлению резолюции 2370 (2017) Совета Безопасности и последующих соответствующих резолюций, препятствующих приобретению террористами стрелкового оружия и легких вооружений (ЛСО), компонентов самодельных взрывных устройств (СВУ) и беспилотных авиационных систем (БАС) и компонентов. Проект реализуется совместно ИДКТК, ЮНИДИР и ЮНОКТ/ККООН в рамках Рабочей группы по Соглашению о координации глобальной борьбы с терроризмом по вопросам пограничного контроля и правоприменения, связанного с борьбой с терроризмом. Проект направлен на определение ключевых элементов того, как комплексно решать существующие проблемы в осуществлении резолюции 2370 (2017) и способствовать укреплению потенциала государств-членов по предотвращению приобретения террористами оружия путем разработки Руководящих принципов для содействия осуществлению резолюции.

Тесно сотрудничает Контртеррористический центр ООН с международной организацией уголовной полиции – Интерполом. Для координации сотрудничества государств-членов в борьбе с терроризмом создан антитеррористический центр «Фьюжн», в рамках которого осуществляется сбор и анализ информации о деятельности международных террористических групп и сообществ. В деятельности Интерпола особое место занимает противодействие феномену иностранных террористов-боевиков, которые выезжают в зоны вооруженных конфликтов немеждународного характера, что достаточно часто приводит к эскалации конфликта.

Международное сотрудничество правоохранительных органов по линии Интерпола на антитеррористическом направлении осуществляется как в двустороннем, так и в многостороннем форматах в рамках специальных антитеррористических проектов: «Al-Qabdah» (Ближний Восток и Африка); «Amazon» (Америка); «Baobab» (Африка); «Kalkan» (Центральная и Южная Азия); «Nexus» (Европа и Северный Кавказ); «Pacific» (Юго-Восточная Азия и Тихоокеанские острова), которые представляют собой форумы для практического взаимодействия, обмена информацией и координации усилий правоохранительных органов государств.

Для борьбы с терроризмом созданы проект и база данных «Иностранные террористы-боевики». Успех в противодействии такого рода преступникам напрямую зависит от их своевременного выявления на этапе пересечения границы. Особую тревогу вызывает тенденция к возвращению указанных лиц к местам постоянного проживания. Этому во многом способствует сложная миграционная ситуация в Европе.

Кроме того, Контртеррористический центр ООН совместно с Интерполом выступили с совместной инициативой по подготовке Исследования глобальных угроз от распространения химических, биологические, радиологических, ядерных и взрывчатых веществ. Эта инициатива поможет международному сообществу противостоять угрозе, создаваемой доступом негосударственных субъектов к ОМУ и ХБРЯ. Сегодня очевидно, что террористическая угроза носит глобальный характер, она по-разному влияет на регионы и поэтому требует индивидуального подхода со стороны правоохранительных органов, политиков и других заинтересованных сторон, предоставляя опыт правоохранительных органов различных регионов можно сосредоточить усилия государств – членов в областях, наиболее актуальных для глобального правоохранительного сообщества. Используя более результативные стратегии и процедуры предотвращения терроризма с применением ОМУ/ХБРЯ, обеспечения готовности к нему и реагирования на него, а также действуя на основе более высокого уровня информированности, знаний и понимания возникающих в этой связи угроз и рисков, государства – члены ООН смогут эффективнее противодействовать данной угрозе.

Список литературы

1. Bergen, P. Al Qaeda’s track record with chemical weapons // CNN. – URL: https://edition.cnn.com/2013/05/06/opinion/bergen-chemical-weapons-syria/index.html (дата обращение: 15.02.2022).

2. Резолюция 1540 (2004) Совета Безопасности ООН // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/sc/1540/about-1540-committee/general-information.shtml (дата обращения: 01.03.2022).

3. Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_terrorism.shtml (дата обращения: 01.03.2022).

4. Резолюция 1373 (2001) Совета Безопасности ООН // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-2001 (дата обращения: 01.03.2022).

5. Резолюция 2325 (2016) Совета Безопасности ООН // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/press/en/2016/sc12628.doc.htm (дата обращения: 01.03.2022).

6. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/counterterrorism/ru/un-global-counter-terrorism-strategy (дата обращения: 01.03.2022).

7. Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/counterterrorism/ru/cct/chemical-biological-radiological-and-nuclear-terrorism (дата обращения: 01.03.2022).

8. Международное уголовное право : учебник. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. – 149 с.

9. Правовые и организационные основы международного полицейского сотрудничества : учебно-практическое пособие. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. – 128 с.

Афанасьева А. А.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического
института МВД России

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМЫ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Использование видеоконференц-связи и иных дистанционных режимов при осуществлении международного сотрудничества приобрело международно-правовые основы в связи с ратификацией Второго дополнительного протокола от 8 ноября 2001 г. к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г., который вступил в силу для Российской Федерации с 1 января 2020 г. Федеральным законом от 6 июня 2019 г. № 120-ФЗ «О ратификации Второго дополнительного протокола» [1], ст. 9 которого предоставляет для его участников возможность оказывать и получать помощь путем допроса в режиме видеоконференции.

Второй дополнительный протокол содержит, нормативные положения об использовании видео-конференц-связи и телефонной конференции, а также электронного документооборота при оказании правовой помощи по уголовным делам [2, с. 7–11].

Одним из органов, уполномоченным на направление и получение запросов, содержащих просьбу о правовой помощи по уголовным делам (далее – запрос о правовой помощи), а также информации, передаваемой без запроса, является Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Федеральным законом Российской Федерации от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ с 10 января 2022 г. внес изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, который дополняется положениями, устанавливающими порядок производства допроса, очной ставки и опознания путём использования систем видеоконференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование (далее – ВКС) [3].

Теперь у лиц, ведущих расследование, имеется регламентированная уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации возможность применения видеосвязи для проведения следственных действий, хотя такая практика существовала и до этих изменений в норме закона, в рамках международного законодательства.

В 2020 г. апробирована практика проведения следственного действия по уголовному делу в режиме видеоконференц-связи в Отделе МВД России по Мокшанскому району Пензенской области при проведении допроса свидетеля.

---

[1] © Афанасьева А. А., 2022.

В условиях противодействия распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции, допрос осуществлялся с использованием сервиса видеосвязи «*Skype*», с составлением протокола в порядке ст. 166 УПК РФ.

В рамках расследования уголовного дела № 1200156001300052 от 12 марта 2020 г. возбужденного по факту дорожно-транспортного происшествия возникла необходимость допроса свидетеля П., который на момент расследования находился в г. Нарва Эстонской Республики.

Следственное действие сопровождалось записью на цифровую видеокамеру. После подключения к сервису видеосвязи *Skype* следователь допросил свидетеля П. и составил протокол. После окончания следственного действия протокол посредством электронной почты был направлен свидетелю, который, подписав протокол, отправил его на электронную почту следственного органа, а оригинал протокола выслал почтой. В результате к материалам уголовного дела приобщены два протокола. Ход следственного действия записывался следователем на карту памяти видеокамеры. В последующем данная запись переносилась на DVD диск, который после осмотра был признан вещественным доказательством и приобщён к материалам уголовного дела. В настоящее время уголовное дело рассмотрено судом с вынесением обвинительного приговора, решение суда вступило в законную силу [4].

Анализируя данный случай, несмотря на то, что стороной защиты не заявлялись ходатайства на действия следователя, а также проведенное таким образом следственное действие не обжаловано в суде, возникает вопрос правомерности производства данного следственного действия с использованием видеоконференц-связи, поскольку, в данном случае, международное поручение в компетентные органы Эстонской Республики следователем не направлялось, процедура его согласования проходила напрямую путем общения по телефону следователя и свидетеля. Вызывает беспокойство допустимость действий следователя, который пренебрег рамками действующего законодательства. Ведь по ту сторону экрана находился свидетель, который, с большой долей вероятности, мог сорвать данное следственное действие, имел возможность утратить протокол, а также могла возникнуть опасность того, что свидетель мог не отправить протокол почтой, в силу различных обстоятельств. То есть в данном случае действия свидетеля были самостоятельны, поскольку отсутствовал контролирующий орган в лице правоохранителей иностранного государства.

Еще одним примером проведённого следственного действия, является проведенная очная ставка по уголовному делу № 12001650001000196 возбужденному 18 августа 2020 г. следственной частью Главного следственного управления МВД по Свердловской области по ч. 4 ст. 160 УК РФ по факту растраты товарно-материальных ценностей. В рамках оказания правовой помощи в компетентные органы Республики Казахстан было направлено международное поручение о допросе свидетеля Х., находящегося на территории Республики Казахстан. Получив допрос свидетеля от компетентных органов иностранного государства, следователь приняла решение о проведении очной ставки между подозреваемой, которая находилась на террито-

рии Российской Федерации и свидетелем, ранее допрошенным сотрудниками правоохранительных органов Республики Казахстан. Поскольку свидетель находился на территории другой страны, было принято решение о проведении следственного действия в режиме видеоконференц-связи. Данное решение было оформлено следователем постановлением о проведении очной ставки с использованием технических средств связи.

17 февраля 2021 г. для фиксации следственного действия в кабинете следователя в г. Екатеринбург была установлена видеокамера. Следователь, находясь с подозреваемым Г., подключилась к свидетелю Х. посредством программы Zoom. Далее следователь разъяснила права всем участникам и порядок проведения следственного действия. Свидетель продемонстрировал паспорт гражданина Казахстана, после чего следователь, удостоверив личность свидетеля, провела допрос. По окончании очной ставки следователь распечатала протокол, который подписал подозреваемый Г. и следователь, после чего следователь, посредством сканоборудования, направила протокол свидетелю. Далее свидетель, находясь на территории Республики Казахстан, распечатал протокол, ознакомился с ним, подписал и направил его почтой. Полученный протокол был также приобщен к материалам уголовного дела. Кроме того, в рамках расследования уголовного дела была осмотрена видеозапись проведенной очной ставки, которая также признана и приобщена к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства [5].

Оценивая данное мероприятие, нельзя не отметить тот факт, что, несмотря на то, что показания свидетеля были получены при оказании международной помощи другого государства, при проведении очной ставки запрос о правовой помощи в Республику Казахстан, как и в первом рассмотренном нами случае, не направлялся.

Снова возникает вопрос в допустимости проведенного таким образом следственного действия, потому как свидетель, находившийся на территории иностранного государства был предоставлен самому себе, ему была предоставлена возможность, направить пописанный им протокол самостоятельно в отдел полиции Свердловской области.

Конечно активное внедрение в деятельность органов внутренних дел электронного документооборота и телекоммуникационных технологий создает организационные условия для правового регулирования и практического использования видеоконференц-связи и иных дистанционных режимов в досудебном производстве.

Хотя и не на международном уровне, но практика применения видеоконференц-связи при производстве следственных действий имеется и в Республике Башкортостан.

Так, 21 февраля 2022 г. в Альшеевском районе Республики Башкортостан проведен допрос свидетеля с применением видео-конференц-связи для осуществления очной ставки между свидетелем, находящимся в г. Череповец и подозреваемым, который находился по месту производства расследования, что, конечно, положительно сказывается на современное досудебное производство по уголовным делам.

Список литературы

1. Сборник законодательства Российкой Федерации. – 2019. – № 23. – Ст. 2903.

2. Зайцев, О. А. Новые правовые возможности участия России в Международном сотрудничестве по уголовным делам на Европейском континенте и перспективы их применения / О. А. Зайцев, П. А. Смирнов, З. А. Тлехуч // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2020. – № 4.

3. Федеральный закон от 30.12.2021 №501-ФЗ: «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 1. – Ст. 70.

4. Дело № 1 – 41/2020 // Арх. Мокшанского районного суда Пензенский области. – Оп. 1. – 140 л.

5. Дело № 1 – 27/2022 // Железнодорожный районный суд Свердловской области. – Оп. 1. – 156 л.

Бессонов А. А.[1]***,***
и.о. ректора Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент

О ПУТЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В последнее время процессы глобализации мировой экономики и политики, интенсификация развития цифровых технологий обусловили качественное изменение преступности, которая сегодня уже приобрела транснациональный характер. Всё чаще преступные деяния совершают лица, находящиеся вне юрисдикции государства, на территории которого они реализуют свой криминальный замысел, используя для этого информационно-телекоммуникационные средства. В этой связи современная преступность рассматривается в качестве угрозы мировой цивилизации, противодействие которой вести самостоятельно не в состоянии ни одно из государств.

В сложившейся ситуации международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства выступает неотъемлемым элементом успешного расследования таких преступлений. Более того, нередки случаи, когда в ходе расследования по уголовному делу выявляется факт вывода денежных средств и иного имущества, добытых преступным путём, за пределы Российской Федерации, а также нахождения подозреваемого (обвиняемого) либо свидетелей на территории иностранного государства. Здесь в целях полноты и объективности расследования не обойтись без взаимодействия с компетентными органами и должностными лицами других стран и международными организациями.

Основные формы взаимодействия с компетентными органами иностранных государств по вопросам оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам, находящимся в производстве российских следственных органов:

– направление запросов о правовой помощи о производстве следственных и иных процессуальных действий;

– направление запросов о выдаче лиц, скрывшихся от следствия и находящихся на территории иностранных государств.

Например, следственными органами системы Следственного комитета Российской Федерации в 2019 г. в компетентные органы иностранных государств направлено 813 запросов об оказании правовой помощи по уголовным делам, а в 2020 г. – 790. Однако случаются случаи отказы иностранными коллегами в исполнении таких запросов по различным причинам (в частности, в 2020 г. произошло 32 таких отказа, что составило 6,3 % исполненных запросов).

В процессе исполнения таких запросов в целях оперативного получения необходимых следствию доказательств на территории иностранных государств

---

[1] © Бессонов А. А., 2022.

нередко обеспечивается присутствие российских следователей и следователей-криминалистов при производстве следственных и иных процессуальных действий за рубежом. Например, следователи и следователи-криминалисты Следственного комитета Российской Федерации участвовали при производстве осмотров мест происшествия по факту авиационной катастрофы *Airbus* A320, произошедшей над Синайским полуостровом в 2015 г., и по факту убийства Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Турецкой Республике А. Г. Карлова в 2016 г. [1, с. 12]. Такая форма реализации международного сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства предусмотрена статьёй 4 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г., подписанной в г. Страсбурге (далее – Европейская конвенция).

Рассмотрим некоторые проблемы, сказывающиеся на эффективности международного сотрудничества по уголовным делам.

Основной причиной, непосредственно влияющей на соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства при исполнении международных запросов о правовой помощи, является поступление ответов на них в орган-инициатор спустя 6 и более месяцев, а то и 1–2 года. Вместе с тем сегодня преодолеть эту сложность вполне реально путём внедрения в международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства современных информационно-телекоммуникационных средств.

Так, Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ внес изменения в УПК РФ, позволяющие теперь проводить допрос, очную ставку и опознание путём использования систем видеоконференц-связи. Механизм реализации этой возможности прост: следователь даёт письменное поручение об организации участия в следственном действии необходимых лиц органу дознания, дознавателю либо следователю по месту нахождения таких лиц, а далее производит следственное действие с применением указанных систем и с участием перечисленных должностных лиц, выполняющих определённые процессуальные обязанности, связанные с удостоверением факта производства такого следственного действия.

Перспективно распространение такой процедуры производства перечисленных следственных действий в порядке исполнения компетентными органами иностранных государств запросов о правовой помощи по уголовным делам. Ключевая сложность реализации этой идеи видится в том, что в законодательстве стран, к которым относятся взаимодействующие компетентные органы, должна быть предусмотрена возможность производства допроса, очной ставки и опознания путём использования систем видео-конференц-связи. Это обусловлено требованиями ст. 8 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной 22 января 1993 г. в г. Минске (далее – Минская конвенция), согласно которым при исполнении поручения об оказании правовой помощи запрашиваемый компетентный орган применяет законодательство своей страны. Аналогичное предписание содержится в ст. 3 Европейской конвенции.

В то же время согласно всё той же ст. 8 Минской конвенции по просьбе запрашивающего компетентного органа могут быть применены и процессуаль-

ные нормы его государства, но, если только они не противоречат законодательству государства, в котором этот запрос исполняется. Для российских органов расследования рассматриваемую возможность производства следственных действий с применением указанных систем связи открывает прежде всего закрепление такой процедуры в национальном законодательстве, а именно в главе 53 УПК РФ. Тем не менее законодательством государства по месту нахождения лица, участвующего в следственном действии, должна быть разрешена либо по крайней мере не запрещена возможность составления процессуального документа с записью о разъяснении участникам следственного действия, находящимся на территории этого государства, их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, а также об оглашении им протокола следственного действия с одновременным удостоверением подписями данных участников такого следственного действия.

Таким образом, целесообразно, во-первых, предусмотреть такую возможность в УПК РФ путём внесения законодательных изменений и дополнений в его главу 53, во-вторых, проработать возможность реализации обозначенного механизма с конкретными иностранными государствами с учётом их национальных правовых систем, в-третьих, рассмотреть вопрос о возможности и необходимости инициирования совершенствования в этой части Европейской и Минской конвенций.

В любом случае в настоящее время это проблема, которая может быть успешно разрешена благодаря научно-техническому прогрессу, совершенствованию национального законодательства и правоприменительной практики. Иностранные государства вполне могут быть заинтересованы в использовании этого механизма в уголовном судопроизводстве в части международного сотрудничества с нашей страной и другими государствами.

Ещё одним проблемным вопросом, непосредственно влияющим на результативность международного сотрудничества по уголовным делам, выступают различия в методах, применяемых в разных странах для работы с криминалистически значимой информацией, прежде всего – следами преступлений и образцами для сравнительного исследования. Различающиеся форматы внутригосударственных учётов криминалистически значимой информации препятствуют её использованию в процессе расследования преступлений других странах.

В этой связи европейские страны задались вопросом о необходимости приведения к единому знаменателю основных методов и направлений дальнейшего развития мировой криминалистики ещё в 2011 г. Проблема различия в теории и практике этой науки как одна из ключевых причин неэффективного противодействия преступности стала предметом обсуждения в Совете Европейского союза. По итогам полугодовых слушаний 1 декабря 2011 г. принят проект рекомендаций Совета о концепции Европейской криминалистики 2020, включающей создание в Европе единого криминалистического пространства и развитие криминалистической инфраструктуры. В частности, эти рекомендации предусматривают разработку на европейской территории единых стандартов проведения криминалистических исследований и экспертиз, единой системы криминалистических учётов, совместную криминалистическую научно-исследовательскую деятельность и многое другое [2].

Для организации на мировом уровне эффективной совместной работы всех заинтересованных государств по противодействию преступности очень важно создать оптимальную систему накопления, обновления и использования криминалистических учётов и баз данных. Но, конечно же, важно соблюсти баланс между необходимостью противодействовать преступности и обеспечением национальных интересов и безопасности взаимодействующих государств, соблюдением прав и основных свобод человека.

Между тем актуальность этого направления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства диктуется необходимостью объединения усилий в противодействии киберпреступности, терроризму и экстремизму, коррупции, незаконному обороту наркотиков и оружия, торговле людьми и другим видам преступлений, носящим транснациональный характер.

Не менее актуальным направлением совершенствования международного сотрудничества по вопросам предварительного расследования преступлений является более активная совместная научная и образовательная деятельность учёных разных стран. Формами такого взаимодействия могут выступать совместные научно-исследовательские работы по проблемам криминалистики, судебной экспертизы, уголовного права и уголовного процесса, научно-представительные мероприятия различного формата (конференции, круглые столы, семинары и пр.), повышение квалификации практических работников путём их совместного обучения.

Например, Московской академией Следственного комитета Российской Федерации заключены соглашения о сотрудничестве в научной и образовательной сферах с ведомственными вузами некоторых стран СНГ: Академией Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Академией Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан, Академией правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Академией Министерства внутренних дел Республики Таджикистан.

Таким образом, международное сотрудничество в противодействии преступности носит многоаспектный характер, выступает одним из ключевых организационных и правовых вопросов, направленным на повышение эффективности деятельности по расследованию преступных деяний, а потому постоянно требует пристального и всестороннего внимания к разрешению существующих в его сфере проблем.

Список литературы

1. Бастрыкин, А. И. Международные аспекты деятельности Следственного комитета Российской Федерации : лекция / А. И. Бастрыкин. – М., 2018. – 78 с.

2. Draft Council Conclusions on the vision for European Forensic Science 2020 including the creation of a European Forensic Science Area and the development of forensic science infrastructure in Europe, Brussels, and 01.12.2011. – URL: https://db.eurocrim.org/db/en/doc/1700.pdf (дата обращения: 22.02.2022).

Бобошко Н. М.[1]*,*
профессор кафедры
экономической безопасности,
финансов и экономической безопасности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор экономических наук, профессор

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНДЕКСЫ КОРРУПЦИИ КАК СПОСОБЫ ЕЕ ИЗМЕРЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Коррупция – предстается одна из наиболее дискуссионных и актуальных тем за предшествующие года. Тема коррупции проявляется на различных ступенях – от гражданского общества до уровня президента: формируются и подвергаются дискуссиям нормативные правовые акты по вопросам противоборства коррупционным явлениям, издаются научные исследования, развиваются возможности и усиливается взаимодействие контрольно-надзорных органов при ликвидации коррупционной составляющей.

Действующее российское законодательство закрепляет понятие коррупции в Федеральном законе № 273 от 25 декабря 2008 г., в котором коррупция определяется как симбиоз различных преступлений, уже известных современному уголовному закону. Преимущественно речь идет о тех из них, которые в качестве основного квалифицирующего признака имеют указания на специальный субъект (должностное лицо) или на использование «своего служебного положения», например, как это следует из ч. 3 ст. 159 УК РФ. При этом специфической особенностью в определении «коррупции», является наличие корыстной цели.

Однако современная криминогенная обстановка требует рассматривать это явление несколько шире, поэтому научная дискуссия о сущности и формах коррупции ведется представителями различных отраслей знания, включая философию, экономику, психологию, криминологию, юриспруденцию. Однако, невзирая на законодательное закрепление данного термина, в научной сфере нет общего единства в подходе к его пониманию.

Необходимость экономического исследования коррупции привела к разработке системного подхода к ее изучению, основой которого являются методы измерения коррупции. В ходе исследования коррупционной составляющей научные изыскатели выявили ряд проблем, препятствующих точному и качественному определению уровня коррумпированности в стране. Во-первых, это высокая латентность коррупционных преступлений, которая может быть основана как на неэффективности антикоррупционного законодательства, так и на низком уровне ответственности правоохранительной системы. Во-вторых, достоверность отображения информации о количественном и качественном со-

[1] © Бобошко Н. М., 2022.

стоянии коррупции в СМИ зачастую связана со степенью зависимости коррумпированных лиц.

Основа коррупционного исследования – Международные индексы коррупции, так как именно они наиболее активно используются в различных странах для определения объёма коррупции. Рассмотрим их более подробно.

1. Индекс восприятия коррупции («Corruption Perception Index», далее CPI), начиная с 1995 г. – один из наиболее авторитетных показателей коррупции стран и рассчитывается международной компанией *Transparency International* (далее – TI).

На основе расчетов данного индекса компания «TI» предоставляет информацию о распределении стран в соответствии с уровнем восприятия коррупции. Данный индекс имеет шкалу распределения от 0 до 100 баллов, где 0 – наиболее высокий уровень восприятия коррупции, 100 – самый низкий.

В таблице сформированы результаты исследований индекса CPI, рассчитанные международной компании *Transparency International* за период 2010–2020 гг.

Таблица 1

Индекс восприятия коррупции и положение России в общем рейтинге за период 2010–2020 гг.

Год / Наименование	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
CPI	2.1	2.4	28	28	27	29	29	29	28	28	30
Позиция России в общем рейтинге	154	143	133	127	136	119	131	135	138	137	129
Количество стран, принявших участие в исследовании	178	183	176	177	174	168	176	180	180	180	180

При рассмотрении данных исследований индекса CPI, приведенных в табл. 1, можно заметить, что по итогам 2020 г. Россия набрала 30 баллов и заняла 129-е место из 180. Такое положение в рейтинге характеризуется отсутствием применения мер эффективного противодействия коррупции.

2. Индекс «Global Corruption Barometer» (далее – GCB) определяет коррупционные проявления в мире и отношение к ним общества на основе опроса граждан. Данный индекс рассчитывается международной компанией *Transparency International* в процентах. Индекс GCB определят в процентном эквиваленте коррупционные проявления в мире и отношение к ним общества на основе опроса граждан, что является отличительной основой от индекса CPI.

3. Индекс контроля коррупции («*Control of Corruption Index*», далее – CCI) рассчитывается Всемирным банком путем сбора данных и их анализа на основе агрегирования различных индикаторов, которые измеряют степень использования государственной власти в целях личного обогащения.

4. Показатель коррумпированности и демократичности стран *Freedom House*, рассчитывается одноименной организацией в неразрывной взаимосвязи с индикаторами, отражающими степень развитости гражданского общества и демократических институтов на основе экспертных оценок. Данный показатель делит страны на три категории «свободные», «частично свободные», и «не свободные».

5. Показатели распространения коррупционных практик в частном и государственном секторах экономики Всемирного экономического форума «*World economic forum*» ежегодно публикуют отчет о глобальной конкурентоспособности «*Global Competitiveness Report*».

При этом из всего многообразия разработанных методов измерения коррупции именно индексы, представленные в работе, позволяют наиболее достоверно оценить информацию о масштабе коррупции. Для составления и модернизации антикоррупционных программ в долгосрочной перспективе использование совокупности данных способов измерения коррупции создает определенные трудности в связи с постоянными изменениями исходных данных. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что для грамотного использования результатов таких исследований необходимы корректировка и последующее совершенствование имеющихся методов.

Список литературы

1. Антикоррупционная политика : учебник для вузов / [Г. А. Сатаров и др.]; под ред. Г. А. Сатарова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2020. – С. 126–128.

2. Бобошко, В. И. Разработка комплексных методов борьбы с коррупцией как элемент системы обеспечения экономической безопасности предприятий малого и среднего бизнеса на региональном уровне / В. И. Бобошко // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 12. – С. 257–259.

3. Долбилов, А. В. Преступления экономической и коррупционной направленности как угроза национальной безопасности России / А. В. Долбилов // Предупреждение преступлений органами внутренних дел в свете современных угроз национальной безопасности. – 2019. – С. 405–407.

4. Экономическая безопасность России: общий курс: [16+] / под ред. В. К. Сенчагова. – 6-е изд. – М. : Лаборатория знаний, 2020. – С. 818.

5. Россия не борется с проблемой подкупа иностранных должностных лиц : доклад Transparency International «Экспорт коррупции 2020» // Transparency.org.ru. – URL: https://transparency.org.ru/ (дата обращения: 15.10.2021).

6. World Economic Forum. The Global Competitiveness Report. – URL: https://www.weforum.org/ (дата обращения: 10.10.2021).

Габдрахманов Р. Л.[1]***,***
профессор кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДОПИНГА В СПОРТЕ

В Указе Президента Российской Федерации В. В. Путина от 2 июля 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [8] отмечается, что в международной политике в отношении Российской Федерации проводятся двойные стандарты в целях изоляции (п. 18), проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России. Это проявляется во всех сферах политики, в том числе и в области спорта.

Одна из задач в сфере сбережения народа России – повышение мотивации граждан к ведению здорового образа жизни, занятию физической культурой и спортом.

В России возрождена система физкультурно-спортивного воспитания ГТО (Готов к труду и обороне), строятся стадионы, проводится множество культурно-массовых и спортивных мероприятий. За последние годы в России проведены крупнейшие спортивные мероприятия. Универсиада в 2013 г. в Казани, Зимняя Олимпиада 2014 г. в Сочи, Универсиада 2019 в г. Красноярске и др. Успехи наших спортсменов в мировом спорте не давали и не дают покоя западным чиновникам от спорта.

Наряду с этим по инициативе Международного Олимпийского комитета (МОК) развернулась борьба с допингом. Допинг (англ. *doping* – «употребить наркотики») – вещества, временно усиливающие физическую и психическую деятельность спортсменов. С медицинской точки зрения допинг в спорте – это употребление веществ, повышающие работоспособность организма и приводящие к повышению результатов спорте. Употребление допинга в спорте приводит к неравным условиям проведения соревнований среди спортсменов. Спортсмены, употребляющие допинг, быстрее восстанавливают свое физическое и психическое состояние, что приводит к улучшению спортивных результатов.

В 2005 г. в Париже принята Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте [9]. В нашей стране был принят ФЗ РФ от 27 декабря 2006 г. «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте» [10], а также создано Всемирное антидопинговое агентство (WADA), которое ежегодно составляло списки, запрещенных в спорте, субстанций и методов.

---

[1] © Габдрахманов Р. Л., 2022.

В нашей стране была создана Национальная антидопинговая организация «РУСАДА», которая в 2021 г. успешно прошла сертификацию и ресертификацию на соответствии международному стандарту ISO 9001:2015 [14].

В РУСАДО создан отдел расследования, который по всем фактам использования допинга спортсменами проводит совместную работу с МВД России (Главным управлением по контролю оборотом наркотиков).

Только в 2019 г. проверено 215 сообщений о возможном нарушении антидопинговых правил, но только единицы материалов были направлены в МВД для решения вопроса по существу.

На законодательном уровне также уделено внимание борьбе с допингом в спорте. Так, в 2011 г. вносились изменения и дополнения в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан РФ» [2], Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) [4].

В 2016 г. приняты: ФЗ РФ «О внесении изменений в Федеральный Закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», Федеральный Закон от 22 ноября 2016 г. №392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)» внесены нормы об уголовной ответственности за склонение спортсменов к использованию субстанций (или) методов, запрещенных для использования в спорте, и использование в отношении спортсмена субстанций (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230-1, 230-2 УК РФ) [3, 5].

Ситуация по борьбе с допингом в спорте остается сложной. Правоохранительные органы столкнулись с рядом проблем, связанных с уголовно-правовой оценкой соответствующих деяний. Часть этих проблем обусловлена недостатками законодательной конструкции норм, предусмотренных ст. 230-1, 230-2 УК РФ.

Рассмотрим и проанализируем преступления, предусмотренные ст. 230–1, 230-2 УК РФ, где основным непосредственным объектом преступления является здоровье населения, а нравственное, физическое и психическое развитие несовершеннолетних дополнительным.

Диспозиция норм эти преступлений бланкетная, где для уяснения сути преступлений следует обращаться к другим законам и нормативнйм правовым нормам.

Под здоровьем населения как объекта преступлений понимается совокупность общественных отношений, в рамках которой обеспечивается безопасность здоровья населения. Для объекта преступления против здоровья населения характерно отсутствие персонификации потерпевших, в отличие от преступлений против личности. Другим непосредственным объектом является установленный законом и нормативными правовыми актами, порядок использования субстанций (или) методов, запрещенных в спорте.

В квалифицированных видах этих преступлений дополнительными объекты – жизнь, здоровье, честь, достоинство спортсмена, либо, если эти деяния совершаются в отношении несовершеннолетних спортсменов, нравственное, физическое и психическое развитие несовершеннолетних.

Существенно влияют на организм спортсменов, особенно несовершеннолетних, употребление запрещенных в спорте, субстанций и методов, которые могут причинить вред центральной нервной системе и другим органам, которые снижают контролирующую и руководящую роль. Употребление допинга молодыми людьми, в том числе спортсменами, нарушает их умственную деятельность, ослабляет память, логическое мышление. Эти негативные явления вызываются вследствие незрелости нервных клеток, повышенной рефлекторной возбудимости коры больших полушарий, слабости тормозных процессов даже при незначительных дозах употребления алкоголя, наркотиков.

Предметами преступлений, предусмотренных ст. 230-1, 230-2 УК РФ, являются: 1) субстанции, запрещенные в спорте; 2) методы, запрещенные в спорте. Перечень субстанций и методов, запрещенных в спорте, утверждается постановлением Правительства Российской Федерации от 23 августа 2021 г. № 1387 [17]. К запрещенным субстанциям относятся: 1) анаболические агенты (S1); 2) метаболиты и изомеры; 3) пептидные гормоны, факторы роста и миметики (S2); 4) гормоны и модуляторы метаболизма (S4); 5) запрещенные методы – а) манипуляции с кровью и её компонентами (м1); б) химические и физические манипуляции; в) генный допинг.

Данный список предметов частично не совпадает с запрещенным списком 2021 г. WADA [20]. В запрещенный список были внесены наркотические средства вещества, психотропные вещества, алкоголь в некоторых видах спорта, ответственность за незаконный оборот которых по нашему законодательству предусмотрен другими нормами уголовного и административного законодательства.

Если же спортсмены в качестве допинга используют наркотические средства, психотропные вещества, аналоги наркотических средств или психотропных веществ, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, части растений, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, то они являются предметами преступлений, предусмотренных ст. 228–230 УК РФ.

Для определения предмета как признака рассматриваемых преступлений правоохранительные органы должны проводить различные соответствующие экспертизы.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 230-1 УК РФ, заключается в совершении деяния в виде склонения спортсмена к незаконному использованию субстанций (или) методов, запрещенных в спорте. Незаконное использование (без назначения врача) субстанций (или) методов, запрещенных в спорте, заключается в нарушении тренером, специалистом по спортивной медицине или иным специалистом в области физической культуры и спорта, установленных законодательством о физической культуре и спорте, требований о предотвращении допинга в спорте, либо в содействии в использовании спортсменом или в отношении спортсмена запрещенной субстанции и/или метода. За данные нарушения предусмотрена административная ответственность по ст. 6.18 Кодекса об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ).

В соответствии с примечанием ст. 6.18 КоАП РФ под содействием в использовании спортсменом или в отношении спортсмена запрещенной субстанции и/или метода понимаются любые действия, способствующие использованию запрещенной субстанции и/или запрещенного метода, в том числе советы, указания, предоставление запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранение препятствий к использованию запрещенной субстанции и/или запрещенного метода, а также сокрытие следов использования запрещенной субстанции и/или запрещенного метода.

В примечании ст. 230-1 УК РФ раскрывается понятие «склонение» спортсмена к незаконному использованию субстанций (или) методов, запрещенных в спорте. Под склонением понимаются любые умышленные действия, способствующие использованию субстанций (или) методов, запрещенных в спорте, в том числе совершение путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и/или запрещенных методов. Как видно из сравнительного анализа данных определений, разницы между этими понятиями почти нет. При этом для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо – спортсмен фактически использовал субстанции (или) методы, запрещенные в спорте.

В преступлении, предусмотренном ст. 230-2 УК РФ, объективная сторона заключается в использовании в отношении спортсмена независимо от его согласия тренером, специалистом по спортивной медицине или иным специалистом в области физической культуры и спорта, субстанций (или) методов, запрещенных для использования в спорте, за исключением случая, когда в соответствии с законодательством Российской Федерации о физической культуре и спорте использование запрещенных субстанций и/или методов не является нарушением антидопингового правила.

В международных антидопинговых правилах разрешено терапевтическое использование запрещенных субстанций (4) [13]. В случае заболевания спортсмен может применять необходимые лекарственные препараты, субстанции которых входят в запрещенный список, но спортсмен должен заранее получить разрешение на терапевтическое использование от Комитета по терапевтическому использованию (КТИ) либо от соответствующей международной федерации.

В соответствии с Общероссийскими антидопинговыми правилами [21] использование запрещенных субстанций и (или) методов в таких случаях не является нарушением антидопингового правила.

Преступления, предусмотренные ст. 230-1, 230-2 УК РФ, имеют формальный состав и считаются оконченными с момента совершения какого-либо из умышленных действий, охватываемых понятиями «склонение» либо «использование».

Если тренер, специалист по спортивной медицине или иной специалист в области физической культуры и спорта, склоняет спортсмена к использованию допинга в виде наркотического средства, психотропного вещества или

их аналогов либо растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, то их действия следует квалифицировать по ст. 230 УК РФ за склонение к употреблению наркотических средств, психотропных веществ.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 230-1, 230-2 УК РФ, характеризуется прямым умыслом. Лицо (тренер, специалист по спортивной медицине или иной специалист в области физической культуры и спорта) осознает, что склоняет спортсмена к использованию субстанций и/или методов, запрещенных в спорте, либо использует в отношении спортсмена субстанции и/или методы, запрещенные в спорте и желает этого.

По ч. 3 ст. 230-1 и ч. 2 ст. 230-2 УК РФ преступления совершаются с двойной формой вины, где предусмотрен прямой умысел по отношению склонения к использованию субстанций и/или методов, запрещенных в спорте, либо использованию данных субстанций и методов (ст. 230-2 УК РФ) и неосторожная форма вины в виде легкомыслия или небрежности по отношению к последствиям в виде смерти спортсмена или иных тяжких последствий, например инвалидность спортсмена. Такое преступление признается совершенным умышленно в соответствии со ст. 27 УК РФ.

Субъектом преступлений, предусмотренных ст. 230-1, 230-2 УК РФ является физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Помимо общих признаков субъекта, названных преступлений, законодатель называет другие: ими может быть тренер, специалист по спортивной медицине или специалист в области физической культуры и спорта. При этом вышеназванные специалисты должны работать на основании соответствующих нормативных правовых актов, например, приказа по Федеральному ведомству по физической культуре и спорта либо контракта.

Таким образом, законодатель устанавливает уголовную ответственность за деяния, предусмотренные п. «а» ч. 2 ст. 230-1 УК РФ, при условии, если они совершены тренером, специалистом по спортивной медицине или специалистом в области физической культуры и спорта, достигшим 18 лет.

Каков же минимальный возможный возраст потерпевшего, и может ли им считаться малолетний? В настоящее время этот вопрос дискуссионный.

В ч. 2 ст. 230-1 УК РФ законодатель называет квалифицирующие признаки преступления: п. «а» совершение деяния группой лиц по предварительному сговору; п. «б» в отношении заведомо несовершеннолетнего спортсмена либо двух и более спортсменов; п. «в» с применением шантажа, насилия или угрозой его применения.

Совершение склонения спортсмена к использованию субстанций (или) методов, запрещенных в спорте, группой лиц по предварительному сговору, означает, что два тренера или тренер и специалист, заранее договорились о склонении спортсмена к использованию допинга (ч. 2 ст. 35 УК РФ).

Факт осведомленности лица о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего имеет непосредственное значение для квалификации преступлений. Под «заведомостью» следует считать, что виновному лицу было достоверно известно о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего.

Склонение двух и более спортсменов к использованию субстанций (или) методов, запрещенных в спорте, имеется вне зависимости от того, совершалось ли такое склонение одновременно в отношении нескольких спортсменов или в разное время в отношении каждого их них. Суть данного деяния в том, чтобы умысел виновного был направлен на склонение к использованию субстанций (или) методов, запрещенных в спорте двух и более лиц.

Склонение спортсмена к использованию субстанций (или) методов, запрещенных в спорте, с применением шантажа, насилия или угрозой его применения означает, что в отношении потерпевшего-спортсмена применяется физическое или психическое воздействие, что может выражаться в причинении легкого (ст. 115 УК РФ), средней тяжести (ст. 112 УК РФ), тяжкого вреда (ст. 111 УК РФ) здоровью или угрозе совершить подобного рода действия в отношении спортсмена, побоях (ст. 116 УК РФ), истязании (ст. 117 УК РФ), угрозе убийством или причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). В данном случае имеется совокупность преступлений и требуется квалифицировать действия виновного лица и по соответствующим статьям, связанных с причинением вреда здоровью.

В части 3 ст. 230-1 УК РФ и в ч. 2 ст. 230-2 УК РФ в качестве особо квалифицирующего признака преступлений называется, что деяния должны повлечь по неосторожности смерть спортсмена или иные тяжкие последствия. Данные преступления являются преступлениями с материальным составом. Обязательные признаки объективной стороны: деяния в виде склонения спортсмена к использованию субстанций (или) методов, запрещенных в спорте или использование субстанций (или) методов, запрещенных в спорте, общественно-опасные последствия в виде смерти спортсмена или наступление иных тяжких последствий и наличие причинно-следственной связи между этими явлениями. Момент окончания данных преступлений наступает с момента наступления последствий. Под иными тяжкими последствиями следует понимать самоубийство или покушение на самоубийство спортсмена, развитие у него тяжелого заболевания, связанного с использованием субстанций (или) методов, запрещенных в спорте, инвалидность спортсмена.

Проведенный анализ показал, что трудности при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных ст. 230-1, 230-2 УК РФ связаны с определением предмета преступлений.

Также следует отметить, что трудности могут возникнуть при отграничении административного правонарушения (ст. 6.18 КоАП РФ) от преступлений, предусмотренных ст. 230-1, 230-2 УК РФ, поскольку уголовная ответственность наступает фактически за склонение к административному правонарушению.

Для разрешения этой проблемы следует: изменить диспозиции административного правонарушения (6.18 КоАП) и преступления, предусмотренного ст. 230-2 УК РФ. Так в диспозиции административного правонарушения указать о том, что использование субстанций (или) методов, запрещенных в спорте, происходит с согласия спортсмена; в диспозиции ч. 1 ст. 230-2 УК РФ отме-

тить, что использование субстанций (или) методов, запрещенных в спорте, происходит вопреки воли спортсмена.

Возникают трудности и при возбуждении уголовного по делам о преступлении, предусмотренном ст. 230-1, 230-2 УК РФ. Если повод возбуждения уголовного дела заявление спортсмена, то могут возникнуть трудности в определении предмета преступления. Будут ли поводом возбуждения уголовного дела по этим делам заявления и сообщения WADA (Международное антидопинговое агентство) об отстранении спортсмена России от соревнований в связи с употреблением допинга? Где и когда были взяты пробы спортсмена? Либо потребуется заключение Российского антидопингового агентства (РУСАДА). Трудности также возникают при определении умысла лица, когда оно отрицает знание или допущение несовершеннолетнего возраста потерпевшего.

В ходе анализа, на наш взгляд, обнаружились пробелы уголовном законодательстве. Особо квалифицирующие признаки рассматриваемых преступлений:

– склонение к использованию субстанций (или) методов, запрещенных в спорте в отношении лица, не достигшего 14 лет;

– использование субстанций (или) методов, запрещенных в спорте в отношении несовершеннолетнего лица.

Таким образом, процесс совершенствования уголовного законодательства в сфере охраны здоровья населения и борьбы с допингом в спорте, практики его применения еще не завершен.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одоб. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2022).

2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 22.12.2020, с изм. и доп. от 01.01.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2022).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.02.2022).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «Гарант». – URL: http://base.garant.ru (дата обращения: 17.02.2022).

5. Федерадьный закон от 22.11.2016 № 392-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил)» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.02.2022).

6. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от

31.12.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 26. – Ст. 3177; 2015. – № 1 (ч. 1).

7. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (ред. от 02.12.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3802; 2013. – № 49 (ч. 1). – Ст. 6329.

8. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 11.02.2022).

9. Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте // РУСАДА. – URL: http: www.rusada.ru (дата обращения: 17.02.2022).

10. Федеральный закон от 27.12.2006 № 240-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте». – URL: http://base.garant.ru. 75749956 (дата обращения: 17.02.2022).

11. Всемирный Антидопинговый Кодекс // РУСАДА. – URL: http:www.rusada.ru (дата обращения: 17.06.2017).

12. Международный стандарт по тестированию и расследованием // РУСАДА. – URL: http: www.rusada.ru (дата обращения: 17.02.2022).

13. Международный стандарт по терапевтическому использованию // РУСАДА. – URL: http: www.rusada.ru (дата обращения: 17.02.2022).

14. Международный стандарт ISO 9001 // РУСАДА. – URL: http: www.rusada.ru (дата обращения: 17.02.2022).

15. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.08.2021 № 1387 «О внесении изменений в перечень субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230-1, 230- 2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 11.02.2022).

16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 30 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2016 № 314 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.02.2022).

17. Постановление Правительства Российской Федерации от 23.08.2021 № 1387 // РУСАДА. – URL: http:www.rusada.ru (дата обращения: 17.02.2021).

18. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник. – М. : Библиотека журнала «Союз криминалистов и криминологов». – 2015. – С. 670–673, 677.

19. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации. Научно-практический (постатейный). – М. : Юриспруденция. – 2015. – С. 648.

20. Запрещенный список 2021 года WADA // РУСАДА. – URL: http:www.rusada.ru (дата обращения: 17.02.2021).

21. Общероссийские антидопинговые правилам от 09.08.2016 // РУСАДА. – URL: http:www.rusada.ru (дата обращения: 17.02.2022).

Галиев Р. С.[1]***,***
доцент кафедры конституционного
и международного права
Барнаульского юридического
института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – СБСЕ) сыграло важную роль в закреплении и развитии основных прав и свобод человека и, соответственно, систем и механизмов их защиты, а также в реализации активно проводимой политики, основной целью которой выступает обеспечение безопасности, в том числе посредством сотрудничества государств по противодействию криминальным угрозам безопасности [3, с. 41].

С 1995 г. Совещание трансформировано в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – ОБСЕ) и сегодня ее деятельность способствует установлению международного правопорядка, внутригосударственного миропорядка в странах с кризисной политической обстановкой, обеспечивает контроль за соблюдением государствами обязательств по международным договорам, способствует формированию и развитию гражданского общества [5].

Данная международная организация действительно уникальна и неоднозначна. С одной стороны, отсутствие учредительного акта как такового не позволяет императивно признать ОБСЕ в качестве международной межправительственной организации, с другой – Организация отвечает всем требованиям предъявляемым Уставом ООН к региональным организациям безопасности. Признаваемый в качестве учредительного для ОБСЕ Заключительный акт СБСЕ 1975 г. [1] и другие последующие, развивающие его документы не в полной мере отвечают с точки зрения функционального подхода требованиям, предъявляемым к учредительному акту международной межправительственной организации. Но отсутствие признания за Заключительным актом СБСЕ 1975 и последующими ключевыми документами Организации качества международного договора не лишает данный документ статуса соглашения, содержащего политические обязательства государств-участников. Складывается особый случай, когда *de jure* исходя из положений международного права ОБСЕ не отвечает формальным требованиям и не является международной межправительственной организацией и соответственно классическим субъектом международного права. Однако *de facto* в силу сложившейся в Организации практике присутствия в ней официального представительства государств и соответствия требованиям главы VIII Устава ООН, ОБСЕ фактически является особенной

[1] © Галиев Р. С., 2022.

международной межправительственной организацией, однозначно являющейся актором международных отношений и в определенной степени *sui generis* субъектом международного права.

Одним из направлений деятельности ОБСЕ является координация деятельности государств-участников по сотрудничеству в одном из направлений обеспечения безопасности – безопасность от криминальных угроз. Противодействие преступности в рамках ОБСЕ, конечно, имеет определенные особенности, обусловленные отсутствием какой-либо собственной конвенционной основы, что не умаляет роли организации в рассматриваемой сфере сотрудничества [2, с. 43]. Основные направления сотрудничества в противодействии преступности как объекту внимания ОБСЕ – противодействие терроризму, торговле людьми, незаконному обороту наркотиков и коррупции.

ОБСЕ не имеет собственные конвенционные основы противодействия преступности, руководствуясь в такой деятельности универсальными и региональными соглашениями, политико-правовыми документами самой организации и резолюциями Совета Безопасности ООН.

Большинство государств – членов ОБСЕ являются участниками 19 антитеррористических конвенций и протоколов, заключённых под эгидой ООН:

- Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.
- Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2001 г., Палермский Протокол 2001 г.
- Конвенция совета Европы о противодействии торговле людьми 2005 г.
- Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г.
- Конвенция о психотропных веществах 1971 г.
- Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.

В рамках организации происходит своего рода аккумулирование существующих универсальных и региональных международно-правовых механизмов противодействия преступности, без вмешательства в обязательства государств по закрепляющим такие механизмы соглашениям.

Каждый участник ОБСЕ связан обязательствами в сфере противодействия преступности международно-правовыми договорами различных уровней. Но документы, принятые в рамках ОБСЕ, органично вписываются в массив международно-правового регулирования, дополняют его и нисколько ему не противоречат.

Документы ОБСЕ представляют собой перенос универсальных и региональных международных соглашений в сфере борьбы с терроризмом в измеренческую сферу ОБСЕ (военно-политического, человеческого и экономико-экологического измерения).

Принятые в ОБСЕ решения имеют рекомендательный характер, однако отсутствие юридической силы за такими решениями не лишает их силы морально-политической, и более того, принятие решений основано на консенсусе, соответственно, государства-участники исполняют добровольно и исключительно в том виде, который найдут приемлемым для себя и совместимым со своим суверенитетом, интересами национальной безопасности и международ-

но-правовым обязательствам, поэтому ОБСЕ является именно дополнительным инструментом реализации международных договоров в сфере противодействия преступности.

С развитием информационных технологий значительное внимание уделяется и использованию возможностей телекоммуникационных сетей в преступных целях. Например, в 2020 г. была выпущена публикация «Использование инноваций в борьбе с торговлей людьми: комплексный анализ технологических инструментов», в которой дана оценка всего спектра технологических инструментов, используемых в борьбе с торговлей людьми [4].

ОБСЕ осуществляет сотрудничество по вопросам противодействия преступности с международными организациями – ООН и ее специализированные органы (Управление ООН по наркотикам и преступности – ЮНОДТК), Интерпол, СНГ, некоторые международные сообщества государств (например, Центрально-Азиатский региональный информационно-координационный центр по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров – ЦАРИКЦ), и это необходимое условие качественного сотрудничества государств по противодействию преступности. Широкое взаимодействие ОБСЕ подчеркивает непосредственно истинные цели организации в рассматриваемой сфере, заключающиеся не в демонстрации своего потенциала, а противодействии международной преступности всеми возможными средствами, с использованием опыта и потенциала других акторов международных отношений.

Подводя итог, следует отметить, что ОБСЕ действительно вышла за рамки организации по сотрудничеству по безопасности исключительно от военных угроз и политических конфликтов и сегодня рассматривает категорию безопасность в широком аспекте ее абсолютизма безопасности от всевозможных угроз, в том числе криминальных. В рамках ОБСЕ создан уникальный механизм, отличающийся, с одной стороны, гибкостью, связанной с более простой процедурой принятия решений и добровольности их исполнения государствами-участниками в том виде, в каком они считают это приемлемым, с другой стороны – механизмы ОБСЕ находятся в строгих рамках международных договоров, универсального и регионального характера. Отсутствие у ОБСЕ статуса международной межправительственной организации не препятствие для организации и осуществления сотрудничества с другими международными организациями, а также использования в своей деятельности таких традиционных форм международного сотрудничества по противодействию преступности, как информационный обмен, сотрудничество по подготовке полицейских кадров, осуществление контроля за соблюдением государствами международно-правовых обязательств.

Список литературы

1. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (подписан в г. Хельсинки 01.08.1975) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М., 1977. – Вып. XXXI. – С. 544–589.

2. Галиев, Р. С. Деятельность Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе по противодействию торговле людьми / Р. С. Галиев // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2020. – № 39. – С. 99–101.

3. Галиев, Р. С. Деятельность международных организаций в противодействии преступности : учебное пособие / Р. С. Галиев. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2020.

4. Использование инноваций для борьбы с торговлей людьми: всесторонний анализ технологических инструментов // ОБСЕ. – URL: https://www.osce.org/files/f/documents/4/3/476359.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

5. Котляров, И. И. Международное право. Сборник документов : учебное пособие / И. И. Котляров, Ю. В. Пузырева. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. – 623 с.

Гуляева Е. Е.[1]*,*
доцент кафедры
международного права
Дипломатической академии МИД России,
кандидат юридических наук

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ НЕЙРОПРАВА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБИОБЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В российском научном сообществе в 2021 г. «Состав номенклатуры научных специальностей пополнили четыре новые группы, в частности компьютерные науки и информатика, *биотехнология*, недропользование и горные науки, когнитивные науки». Это служит основанием констатировать особую значимость данной темы для внутренней и внешней политики Российской Федерации.

Так, еще в 2019 г. Минкомсвязью России утверждена «Дорожная карта развития сквозной цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». В разделе субтехнологии «Нейросенсинг и Нейростимуляция» в рамках программы «Викиум» предусмотрена разработка программного обеспечения для отслеживания, анализа, визуализации мозговой активности и усиления когнитивных способностей пользователя. Кроме того, в рамках задачи для субтехнологии «Нейропротезирование и нейроинтерфейсы», программа «ЭкзоАтлет» ответственна за разработку продуктов в области протезирования и экзоскелетов, помогающие людям с ограниченными возможностями, а также улучшают физические способности пользователя.

В 2021 г. Президент России В. Путин поручил разработать программу, проект которой находится «в начальной стадии проработки». В Минобрнауки разрабатывается новая федеральная программа «Мозг, здоровье, интеллект, инновации на 2021–2029 гг.», в рамках которой планируется развивать технологии вживления чипов в мозг человека для передачи данных с внешних устройств. Согласно проекту в России планируется развивать технологии нейроинтерфейсов, позволяющих управлять внешними устройствами напрямую с помощью электрических сигналов мозга, которые с помощью искусственного интеллекта трансформируются в команды управления.

Кроме того, недавно была запущена новая российская технология воссоздания снов, помогающая при восстановлении после инсультов и коронавируса с помощью нейрогарнитуры, связанной с приложением в телефоне или компьютере.

Сегодня динамично развивается междисциплинарная область – кибербиобезопасность, которая сочетает в себе кибербезопасность, биозащиту и киберфизическую безопасность в отношении биологических систем. Очевидно,

---

[1] © Гуляева Е. Е., 2022.

что современное развитие медицины и биотехнологий, от генетики и нейронаук до гериатрии и паллиативной медицины расширили области влияния человека на его жизнь, превратив жизнь из ранее естественно-правовой категории в одну из форм культуры.

В сентябре 2021 г. на ежегодной конференции Европейской ассоциации международного права в Стокгольме (Швеция) обсуждались вопросы влияния эмоций на правоприменение. Вне зависимости от позиции в этом споре ясно, что эмоциональные аспекты использования искусственного интеллекта в войне требуют серьезного обсуждения и обдумывания. Профессор международных отношений Роуз Макдермот (*Rose McDermott*) считает, что понимание роли человеческих эмоций в принятии решений очень важно для выстраивания эффективной и взвешенной политики по отношению к киберсфере [1, с. 309–325]. Не менее важно мыслить в контексте международного военного законодательства и гуманитарного права.

Актуальность темы данного исследования предопределена следующими факторами. Во-первых, в настоящее время во всём мире активно реализуются международные научные проекты (*BRAIN, BIOS, Blue Brain Project, Human Brain Project* и т. д.), направленные на сбор, исследование, хранение и передачу нейронной информации о человеческом мозге, а также последующее применение приобретенных данных в повседневной жизни. Так, технологии, связанные с разработками в области нейронных связей человеческого мозга, повсеместно внедряются в сферы, например: военное дело, банковское дело, медицина, промышленная биотехнология, производство, маркетинг, индустрия игр, судебная экспертиза и криминалистическая деятельность. При этом отсутствует контроль со стороны международного сообщества за состоянием биоресурсных коллекций медицинских данных и биоматериалов для научных исследований. Совершенствование данных технологий требует поиска новых способов и методов обеспечения безопасности отдельного индивида и общества в целом. Таким образом, возникает потребность в осознании международным сообществом концепции «ответственного развития нейротехнологий» и проблем, связанных с необходимостью защиты конституционных и гражданских прав человека, которые могут возникнуть в результате проведения научных исследований и их последующего прикладного использования.

Во-вторых, исследования в области нейронных связей человеческого мозга порождают ряд не только правовых, но и социальных, этических, моральных проблем. Одним из современных направлений метаэтики выделяют «нейроэтику». Неоспоримые преимущества рассматриваемых исследований зачастую сопряжены с потенциальными рисками для здоровья человека и общества, окружающей среды и экологии. Быстрота прогресса разработок в области генетических и нейроисследований, в том числе применение искусственного интеллекта, обеспокоило не только международное сообщество, но и заставило ряд выдающихся учёных области биотехнологий (Д. Балтимор, П. Берг, Д. Дудна и др.) приостановить свои исследования и обратиться к другим учёным с подобной просьбой до выработки комплекса правовых, этических и технических норм в рассматриваемой сфере.

В-третьих, учитывая скорость развития и расширение масштабов разработок в области человеческого мозга, предмет правового регулирования указанной сферы подвержен постоянным трансформациям [2, с. 82–101]. Так, ежегодно не только появляются новые тенденции в исследованиях деятельности мозга человека, но и расширяются границы правового регулирования, а значит, возникает необходимость в юридическом исследовании и последующем формировании особой регуляторной среды [3, с. 99–121]. Как отмечает профессор В.С. Нерсесянц, «формирование новых отраслей права происходит на междисциплинарном стыке».

Сегодня становится серьезной угрозой, когда третьи стороны получают доступ не только к нашей личной информации, но и к нашим мыслям. Технологии, применяемые в нейробиологии, могут позволить сделать это уже в ближайшем будущем. Хотя в настоящее время правовое регулирование использования нейротехнологий может показаться ненужным, пока они используются только для картирования и изменения активности человеческого мозга, но этот вопрос становится актуальным и вызывает обеспокоенность. Потенциальные изменения произойдут в международном научном сообществе, когда информация о нейронной активности человеческого мозга будет полностью отображена и расшифрована специалистами в области исследования когнитивных особенностей и способностей головного мозга. Пересечение нейротехнологий (NeuroNet) и права, новые вызовы и угрозы, появление новых категорий прав человека, возникающих в нейробиологии, требуют правовой регламентации. Чили стало официально первым в мире государством, в котором предложен законопроект, содержащий четыре основных аспекта защиты прав человека: защита данных человеческого разума или нейроданных; установление ограничений на нейротехнологию чтения и особенно письма в мозге; установление справедливого распределения и доступа к этим технологиям; наложение ограничений на нейроалгоритмы.

Так, в апреле 2013 г. Президент США Барак Обама инициировал программу *BRAIN*, которая рассчитана на срок не менее 15 лет (до 2028 г.), бюджет на 2019 г. превысил 6000 млн долл., а лаборатории располагались в различных государствах мира. Программа представляет собой исследование, основанное на нейробиологии, направленное на изучение нервной системы и взаимодействия между различными частями мозга, которое дает начало биологическим основам познания. Заявленная цель проекта – отобразить нейронную активность человеческого мозга, чтобы понять, как она функционирует. В случае достижения этой цели трудно представить последствия: от возможности лечения болезней Паркинсона и Альцгеймера до создания протезов, которые позволят подключать мозг к интернету, узнавать о прошлых событиях, прогнозировать поведение и в конечном итоге изменять будущие модели поведения человека. Потенциальные изменения будут влиять на определенный образ жизни и на правовую природу того, что означает быть «человеком» (*right to be a human-being*).

Инициатива *BRAIN* структурирована аналогично тому, что было проектом генома человека, такой же глобальной научной инициативой, запущенной в се-

редине 1980-х годов с целью выявления около 25 тыс. генов, составляющих ДНК человека, завершенный в 2001 г. Цели инициативы разделены на три основных области: (i) картирование нейронной активности, (ii) помощь в лечении неврологических состояний и (iii) содействие созданию новых теоретических и компьютерных моделей.

Развитие технологий позволяет понять функционирование мозга, различные аспекты сознания, мыслительной деятельности, высших психических функций, открывает возможность непосредственно вмешиваться в его деятельность и различными способами манипулировать активностью мозга. Поскольку технология нейтральна, ее использование может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. Медицинские и технологические возможности могут быть использованы при расшифровке нейронного кода.

Основываясь на существовании данной угрозы с точки зрения применения современных биотехнологий, группа нейробиологов во главе с профессором Юсте опубликовала в журнале «Nature» серию этических правил, целью которых является регулирование применения нейронных технологий. Специалисты назвали их нейроправами, и цель состояла в том, чтобы спровоцировать дискуссию о необходимости правовой регламентации данного вопроса, о правах, обязанностях и юридической ответственности субъектов общественных отношений. Группа экспертов предлагают добавить нейроправа во Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. и рекомендуют разработать и принять международный договор, квалифицирующий запрещенные действия, связанные с применением нейротехнологий, и причиненный вред здоровью в качестве состава международного преступления, («*нейроцид*» – преступление против человечности), а Комитет по мониторингу сможет определять допустимость и необходимость использования современных нейротехнологий: нейроправа: (i) когнитивная (познавательная) свобода (англ. *cognitive freedom*); (ii) психическая конфиденциальность (англ. *mental privacy*); (iii) психическая неприкосновенность (англ. *mental integrity*); и (iv) психологическая преемственность (англ. *psychological continuity*). На международном и национальном уровне требуется юридическое закрепление в документообороте терминов «нейроправа», «нейрохакинг», «нейродоппинг», «нейроцид», «трансплантация имплантатов в мозг человека», «когнитивная свобода» и др.

Следует установить универсально согласованные и принятые правила и нормы поведения, которые были бы эффективны в предотвращении манипулирования человеческими мыслями, чувствами и нейронной информацией с помощью современных цифровых сквозных технологий.

Области потенциальных угроз индивидуальным правам требуют немедленных действий со стороны юридического сообщества. Хотя проблемы существуют в контексте нейротехнологии, они применимы к существующему искусственному интеллекту, среди них: (i) конфиденциальность и согласие; (ii) свободная воля; (iii) повышение человеческого потенциала; и (iv) предвзятость.

В условиях технологической революции возникает и необходимость важности защиты персональных данных в сфере исследований нейронных связей человеческого мозга в киберпространстве [4, с. 44–53]. Биологические и меди-

цинские исследования, разработки в области технологий привели к впечатляющим достижениям в области здравоохранения. Однако эти достижения поднимают этические вопросы, которые влияют на личность и защиту прав и достоинства человека (создание национальных и персонифицированных биобанков, использование современных технологий, создание баз данных о здоровье (*mental data/neural data*), развитие содержания парадигмы «нейроразнообразия» и т. д.). Некоторые специалисты в области прав человека высказывают мнение, согласно которому на смену правам индивида придет концепция коллективных прав всего человечества.

В январе 2022 г. были приняты Рекомендации Международного комитета ЮНЕСКО по биоэтике в отношении применения нейротехнологий. Главной темой последнего доклада стало провозглашение новых прав человека – нейроправ. В этом документе формулируется ряд рекомендаций и отмечается, что механизмы защиты прав человека не охватывают все аспекты нейронаук, в частности психическая неприкосновенность и свобода воли.

В международном обществе назрела необходимость создания нормативной правовой базы, которая включает правовые основания ограничения использования нейротехнологий с целью недопущения создания «цифрового концлагеря», целевого биологического оружия; разработать критерии законности применения современных медицинских технологий в отношении индивидов, а также обеспечить всестороннюю защиту прав и основных свобод пациентов через ответственное развитие нейротехнологий, как во внутригосударственном, так и в международном праве.

Список литературы

1. Rose McDermott, «Some Emotional Considerations in Cyber Conflict» // Journal of Cyber Policy 4 (3). – 2019. – С. 309–325.

2. Juan Antonio Travieso, Angelo Viglianisi Ferraro, Elena Trikoz, Elena Gulyaeva. Bioethical aspects of the institution of human rights in Latin America // Racionalidad, Derecho Y Ciudadanía [livro eletronico] / Organizacao Ricardo Mauricio Freire Soares… [et al.]. Salvador, BA: Direito Levado a Serio. – 2021. – P. 89–101.

3. Ястребова, А. Ю. Право на здоровье в системе международно-правовой защиты прав человека на универсальном и региональном уровне / А. Ю. Ястребова, Е. Е. Гуляева // Московский журнал международного права. – 2021.

4. Данельян, А. А. Международно-правовые аспекты кибербезопасности / А. А. Данельян, Е. Е. Гуляева // Московский журнал международного права. – 2020. – № 1. – С. 44–53.

Деулин Д. В.[1]*,*
ведущий научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России,
кандидат психологических наук, доцент

Белых-Силаев Д. В.[2]*,*
старший научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Президент России В.В. Путин, выступая 17 февраля 2022 г. на расширенном заседании коллегии МВД России, отметил, что эффективная борьба с преступностью, в том числе с экстремизмом, прямо связана с решением задач в миграционной сфере. Россия – гостеприимная страна, поэтому здесь всегда рады тем, кто приезжает «учиться, работать, просто жить», но при этом «соблюдает законы России и с уважением относится к нашей культуре и к традициям». Вместе с тем, как подчеркнул В. В. Путин, против «нелегальной миграции» должны быть выработаны «самые жесткие меры», а любые «проявления экстремизма, нарушения правопорядка, незаконная трудовая деятельность – служить основанием для быстрого принятия и исполнения решений о высылке таких людей за пределы России и о запрете на въезд в нашу страна в будущем»[3].

На основе официальной статистики по учету трудовой миграции в России за 2021 г. на миграционный учет в целях поиска работы было поставлено 9 530 934 мигранта[4]. По данным МВД России, в 2021 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 36 420 преступлений, что составляет 5,9 % расследованных преступлений[5] и на 6,3 % больше, чем за аналогичный период 2020 г. [16, с. 4]. Таким образом, можно констатировать увеличение угроз в связи совершением преступлений иностранными гражданами.

Понятие миграции – это любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением внешних и внутренних границ административно-

---

[1] © Деулин Д. В., 2022.

[2] © Белых-Силаев Д. В., 2022.

[3] Выступление Президента России В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 17.02.2022. URL: https://мвд.рф/document/836319 (дата обращения: 17.02.2022).

[4] Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года с распределением по странам и регионам. URL: https: мвд.рф (дата обращения: 17.02.2022).

[5] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года. URL: https: мвд.рф (дата обращения: 17.02.2022).

территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учёбы или трудовой деятельности [7, с. 35]. Нет сомнения в том, что причинами миграционных процессов являются социально-экономические, политические, геополитические, техногенные, военные и иные причины [9, с. 21]. Однако основными драйверами миграционных процессов выступают экономические факторы, связанные с развитием капитализма. Явление глобализации отражает эти современные экономические тенденции. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс, рассуждая «о деспотии капитала», предвидели «глобальные переселения народов, связанные с их эксплуатацией»: «Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают с развитием буржуазии, со свободой торговлей, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни» [15, с. 134]. Таким образом, с точки зрения экономики, чтобы снизить издержки в заработной плате, капиталист вынужден привлекать более дешевую рабочую силу, осуществлять демпинг на рынке труда. Подобные процессы происходили и ранее, например, в Европе в начале XIX в. О нечувствительности к изнурительной работе, к удивительной способности переносить самые суровые испытания и лишения, фактически каторжные условия труда мигрантами, упоминает Т. Карлейль: «В своих отребьях жизнерадостный дикарь всегда готов на любую работу, требующую только сильных рук и крепкой спины, за плату, которая обеспечит его картофелем. В качестве приправы ему нужна только соль; в качестве ночлега он довольствуется первым попавшемся хлевом или конурой» [12, с. 98]. Такие люди, по мнению писателя, «живут в грязи и беспечности, со своими хитростями и пьяным бесчинством, являясь очагом деморализации и беспорядка» [12, с. 102]. Таким образом, в работах ряда авторов прошлого заметно негативное отношение (негативная социальная установка, т. е. аттитюд) к незаконной миграции, детерминированную именно несоблюдением норм закона, а также традиций государства-пребывания [4, с. 7]. Это требует учета в осмыслении феномена неприятия мигрантов собственно психологических факторов, к каковым отнесятся, например, этнопсихологическая детерминированность доминирующих характерологических черт мигрантов, психологическая совместимость (несовместимость) мигрантов с местным населением в силу, например, тех или иных доминирующих заостренных черт характера (акцентуаций характера) [5, с. 31; 6, с. 35].

Некоторые авторы отмечают, что проблему противодействия незаконной миграции нужно рассматривать как деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по предупреждению незаконной миграции; выявлению и расследованию преступлений, связанных с незаконной миграцией и устранением негативных последствий от незаконной миграции [11, с. 710]. Однако возникает задача устранения всех противоречий при понимании данного социально-правового явления. Это обстоятельство требует на законодательном уровне уточнить понятия «незаконная миграция», «незаконный въезд», «незаконное пребывание», «незакон-

ный выезд» [17, с. 7]. На современном этапе незаконная миграция, наряду с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и трансграничной организованной преступностью представляет опасность для государственных интересов России. При этом подсчитать точное число незаконных мигрантов, по мнению некоторых исследователей, не представляется возможным в силу высокой латентности этого явления [19, с. 223].

Вместе с тем незаконная миграция продолжает оставаться фактором, способствующим возникновению межнациональной и межконфессиональной напряженности, распространению экстремизма [14, с. 153]. Но есть также все основания предполагать, что этот процесс является основной для возрастания террористических угроз [8, с. 16; 10, с. 197].

В качестве основных причин криминализации мигрантов указываются отсутствие должного медицинского обслуживания, антисанитарные бытовые условия, низкий уровень доходов, экономические кризисы, приводящие к утрате трудовой деятельности и источников дохода [11, с. 706]. Профилактикой незаконным миграционным процессом могут стать переориентация экономики страны на внутренние трудовые ресурсы и сокращение потребности в низкоквалифицированной рабочей силе [18, с. 953]. Кроме того, необходима диверсификация экономики в сторону производства высокотехнологичных продуктов, требующих интеллектуальные ресурсы и высококвалифицированные кадры. Что касается ответственности за незаконную миграцию, то В. А. Андрюшенков отмечает, что происходит смещение ответственности за данное посягательство от группы преступлений против государственной власти к категории общественно опасных деяний, причиняющих вред порядку управления [1, с. 79].

В других исследованиях артикулируется проблема выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенными незаконными мигрантами. Так, сотрудники полиции имеют значительные трудности при поиске оперативной информации, оперативном внедрении, а также сбору доказательственной информации [20, с. 65]. В некоторых исследованиях, посвященных взаимодействию органов правопорядка с сфере оперативно-розыскной деятельности государств – членов ОДКБ в целях раскрытия преступлений, отмечается необходимость конкретизация целей и задач применительно к оперативно-разыскному обеспечению коллективной безопасности; разработка предложений по развитию законодательных оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий; освоение инструментов оперативной аналитики на основе современных технологий искусственного интеллекта и др. [13, с. 154; 3, с. 27].

И тогда возникают задачи международной координации усилий по обеспечению национальной безопасности различных государств с применением специальных средств, сил и методов, при этом особую роль в укреплении и развитии международного сотрудничества в борьбе с незаконной миграцией может сыграть научная дипломатия [2, с. 16]. Отечественные ученые в области проблем оперативно-разыскного обеспечения предлагают создание модели оперативного учета данных, предполагающей обмен сведениями, информацией и разведывательными данными [13, с. 168]. Такая модель была бы

полезной и в области раскрытия преступлений, связанных с незаконной миграцией. В настоящее время обсуждаются проблемы международного сотрудничества в раках использования метода сбора электронных доказательств, при этом важное значение имеет также сотрудничество правоохранительных органов с частными организациями.

Таким образом, в области противодействия незаконной миграции важную роль представляет международное сотрудничество в рамках осуществления оперативно-разыскных мероприятий с использованием современных информационных технологий, в том числе систем искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Андрюшенков, В. А. Установление уголовной ответственности за организацию незаконной миграции / В. А. Андрюшенков // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2018. – № 3 (27). – С. 79–84.

2. Белых-Силаев, Д. В. Место и роль научной дипломатии в укреплении и развитии международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью / Д. В. Белых-Силаев // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью. – М. : МосУ МВД России, 2021. – С. 16–19.

3. Белых-Силаев, Д. В. Возможности применения искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности / Д. В. Белых-Силаев, Я. С. Коровин, И. А. Каляев // Цифровая полиция. Информационно-коммуникационные технологии. – М. : СТиС МВД России, 2021. – С. 27–29.

4. Белых-Силаев, Д. В. Формирование правопослушного поведения сотрудников правоохранительных органов в ходе информирования личного состава / Д. В. Белых-Силаев // Юридическая психология. – М., 2012. – № 4. – С. 5–8.

5. Белых-Силаев, Д. В. Типология личности военнослужащего в зависимости от акцентуации характера / Д. В. Белых-Силаев // Юридическая психология. – М., 2017. – № 4. – С. 30–38.

6. Белых-Силаев, Д. В. Акцентуации характера и подходы к их классификации / Д. В. Белых-Силаев, А. Г. Ивашин, Д. Е. Ланцов // Юридическая психология. – М., 2013. – № 2. – С. 34–40.

7. Воробьева, О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики / О. Д. Воробьева // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации. – 2003. – № 9 (202). – С. 35.

8. Деулин, Д. В. «Двойные стандарты» в подходах к детерминации терроризма как угроза экономической безопасности государства / Д. В. Деулин // Институциональные, экономические и юридические основы финансовых расследований в борьбе с терроризмом. – 2007. – С. 16–28.

9. Деулин, Д. В. Экспорт мультикультурности как итог глобальной миграционной политики / Д. В. Деулин // Миграционное право. – 2011. – № 4. – С. 20–25.

10. Деулин, Д. В. Проблемы миграции в условиях становления Шанхайской организации сотрудничества / Д. В. Деулин // Актуальные проблемы меж-

дународно-правового обеспечения миграционной безопасности России. – 2010. – С. 196–202.

11. Капинус, О. С. Научно-методологические подходы к деятельности органов государственной власти по противодействию незаконной миграции на территории Российской Федерации / О. С. Капинус // Всероссийский криминологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 704–710.

12. Карлейль, Т. Чартизм / Т. Карлейль; пер. с англ. А. Н. Мишурина. – М. : Издательские решения, 2015. – 114 с.

13. Кожокарь, В. В. Основы оперативно-розыскного обеспечения коллективной безопасности государств-членов ОДКБ : монография / В. В. Кожокарь, А. А. Маслов, А .А. Бабушкин. – М. : ФГКУ «ВНИИИ МВД России», 2020. – 228 с.

14. Козлов, В. Ф. Организация незаконной миграции: уголовно-правовая и криминалистическая характеристика / В. Ф. Козлов, Н. П. Фролкин. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 160 с.

15. Маркс, К. Манифест коммунистический партии. Соч. 2-е изд. Т. 4. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – С. 159.

16. Петров, И. МВД: Большинство приезжих преступников – гости из стран СНГ / И. Петров // Российская газета. – 2021. – Федеральный выпуск № 291(8642).

17. Попова, Е. А. Уголовно-правовые проблемы незаконной миграции / Е. А. Попова // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – Т. 10. – С. 6–9.

18. Прудников, А. С. Нелегальная миграция и административно-правовая ответственность за отдельные правонарушения в сфере миграции / А. С. Прудников, С. А. Акимова // Lex russica (Русский закон). – 2013. – № 9. – С. 953–960.

19. Рашитов, Л. Р. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям в сфере незаконной миграции / Л. Р. Рашитов // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 4. – С. 222–225.

20. Шматов, М. А. Особенности, влияющие на эффективность расследования преступлений, совершенных незаконными мигрантами / М. А. Шматов, В. М. Шматов, Н. Р. Хабибуллина // Известия Тульского государственного университета. – 2015. – С. 62–68.

Иванов В. А.[1]***,***
старший оперуполномоченный
Межрайонного отдела № 5
Управления уголовного розыска
МВД по Удмуртской Республике

Алиуллов Р. Р.[2]***,***
начальник кафедры
административного права,
административной деятельности
и управления ОВД
Казанского юридического
института МВД России,
доктор юридических наук

ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ И СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ IT-ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В современных условиях глобализации, сближения интересов государств в экономике и социальных отношениях Российской Федерации особая востребованность проявляется в активном развитии передовых информационно-телекоммуникационных систем, *IT-tehnologi*. Для этого определены Доктрина информационной безопасности; Стратегии экономической, а также национальной безопасности, развития информационного общества Российской Федерации [5, 7, 8, 13]. В этой связи Президент России В. В. Путин одними из приоритетов отечественной экономики назвал создание в стране научно-технологической базы, внедрение и использование новых технологий, цифровизацию и подготовку современных кадров для их осуществления [2], определены пути повышения эффективности государственной научно-технической политики [9].

Для реализации данных направлений государственной деятельности в стране сформирована и функционирует сеть органов и учреждений, направленность деятельности которых связана непосредственно с вопросами продвижения *IT-tehnologi,* в частности это – Управление Президента Российской Федерации по развитию информационно-коммуникационных технологий и инфраструктуры связи [12]; Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры) [11]; Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности [4] и др.

---

[1] © Иванов В. А., 2022.
[2] © Алиуллов Р. Р., 2022.

В то же время и несмотря на предпринимаемые руководством страны меры «…в целом следует констатировать, что общая государственная политика в данной сфере не сформулирована» [27, с. 3], «…отсутствует научно обоснованная модель правового регулирования» отношений в цифровой среде [25, с. 4]. И, как подтверждает правоприменительная практика последних лет, масштабная цифровизация в стране приводит и к активизации преступных проявлений, «порождая большие вызовы и глобальные проблемы» [19, с. 4]. Обретая «преимущества от использования информационных систем, построенных на основе глобальных компьютерных сетей, Россия постепенно входит в зависимость от их нормального функционирования» [21, с. 3], в результате, как заметил советник Председателя Конституционного суда Российской Федерации В. С. Овчинский, в настоящее время «в Российском государстве отсутствует какой-либо структурированный взгляд на образ преступности цифрового мир» [26, с. 136].

Не в последнюю очередь с этим связан безудержный рост IT-преступлений в Российской Федерации. В частности, согласно официальным данным в 2019 г., таких преступлений выявлено 294 тыс. 409 (+68,5 %). В 2020 г. – 510 тыс. 396 (+73,4 %), в 2021 г. – 517 тыс. 722. (+1,4 %), за январь 2022 г. – 38 тыс. 689 (+4,0 %), большую часть которых составляют преступления, относящиеся к тяжким и особо тяжким составам [16].

В то же время эти «статистические показатели не отражают всю гамму преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий» [17, с. 6]. Более того, «многие специалисты сходятся во мнении, что в будущем количество IT-преступлений будет только увеличиваться» [28, с. 133]. И не случайно данные преступления сегодня выступают одной из значительных угроз национальной безопасности [24, с. 94].

Изложенные и связанные с ними негативные обстоятельства требуют от государства активного поиска путей разрешения обозначенных проблем, обеспечения эффективности деятельности должностных лиц правоохранительных органов. Президент России специально заострил на этом внимание в послании Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г., указав на настоятельную потребность проработки вопросов кибербезопасности внутри страны и международного сотрудничества в этой сфере, упомянув ситуацию подготовки злоумышленниками к массированной кибератаке на Белоруссию [3].

В силу этого особую значимость в сегодняшних условиях имеет изучение вопросов противодействия преступности во взаимодействии со странами Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), которые в последние годы активно развиваются. В частности, Решением Совета глав государств СНГ от 28 сентября 2018 г. в г. Душанбе утверждена Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 гг., вызванных необходимостью совершенствования сотрудничества государств СНГ в противодействии в указанных сферах деятельности и повышения эффективности мер организационно-управленческого характера [15]. Востребованным продолжает оставаться относительно новое направление международного сотрудничества в борьбе с преступностью, а именно: институт расследований, осуществляемый совместной (международной) следственно-оперативной группой на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств [1, 10].

В вопросах сотрудничества должностных лиц правоохранительных органов России и стран СНГ в сфере профилактики IT-преступлений весьма актуально развитие усилий по координации противодействия как в целом криминальным проявлениям, так и преступлениям, совершаемым с использованием *IT-tehnologi*. Ибо именно такое правоохранительное объединение способно эффективно содействовать, с одной стороны, дальнейшему и успешному развитию международного сотрудничества в сфере противодействия IT-преступлениям, с другой – внести значительную помощь российской правоохранительной системе в вопросах координации деятельности в борьбе с преступностью и способствовать минимизации рассматриваемых деликтвенных отношений в стране.

В рассматриваемом случае речь следует вести о Координационном Совете генеральных прокуроров стран СНГ, созданного совместным решением генеральных прокуроров государств – участников СНГ 7 декабря 1995 г. и обладающего с 25 января 2000 г. статусом межгосударственного органа СНГ [20, с. 38–48; 23, с. 120–124]. В то же время, сегодняшнее российское законодательство не содержит действенного механизма реализации возможностей данного формирования.

Выступая на коллегии МВД России 17 февраля т.г. Министр внутренних дел В. А. Колокольцев, сообщил о намерении в ближайшее время решить вопрос о создании внутри руководимого им ведомства подразделения, которое будет координировать противодействие IT-преступлениям [14]. Однако в этом выступлении не было упомянуто о роли и значении будущего подразделения в связи с функционированием Координационного Совета генеральных прокуроров стран СНГ.

Полагаем, что сотрудничество должностных лиц правоохранительных органов России и стран содружества независимых государств в сфере профилактики IT-преступлений непременно должно быть «обеспечено правовыми, организационными, информационными, научными, методическими, ресурсными и других основами» [18] в стройной логической последовательности алгоритмизацией полномочий должностных лиц правоохраны.

В настоящее время для обеспечения конструктивного сотрудничества в рассматриваемой области важно изначально принять Федеральный закон «О координации деятельности правоохранительных органов Российской Федерации в противодействии преступности» [22], согласовав его с положениями Конституции Российской Федерации, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», Указа Президента России от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (в ред. от 31.12.2019) и указанного решения генеральных прокуроров государств участников СНГ 7 декабря 1995 г. о Координационном Совете генеральных прокуроров стран СНГ.

Все это безусловно позволит обеспечить эффективность сотрудничества должностных лиц правоохранительных органов России и стран Содружества Независимых Государств в сфере профилактики IT-преступлений и существенно их минимизировать как в Российской Федерации, так и в странах СНГ.

Список литературы

1. Федеральный закон от № 131-ФЗ «О ратификации Соглашения о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств»: принят Государственной думой 10.02.2017: одобрен Советом Федерации 15.02.2017 // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: https:// www.kremlin.ru (дата обращения: 10.01.2022).

2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 15.01.2022).

3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21.04.2021 // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 18.01.2022).

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.09.2018 № 1065 «О Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности» // Сайт Правительства Российской Федерации. – URL: http://government.ru (дата обращения: 18.01.2022).

5. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 19.01.2022).

6. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 19.02.2022).

7. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 19.02.2022).

8. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 10.01.2022).

9. Указ Президента Российской Федерации от 15.03.2021 № 143 «О мерах по повышению эффективности государственной научно-технической политики» // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 15.01.2022).

10. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2018 № 175 «О центральных компетентных органах и компетентных органах Российской Федерации, ответственных за выполнение Соглашения о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 10.01.2022).

11. Указ Президента Российской Федерации от 15.05.2018 № 215 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 18.01.2022).

12. Указ Президента Российской Федерации от 14.06.2018 № 334 «Положение об Управлении Президента Российской Федерации по развитию информационно-коммуникационных технологий и инфраструктуры связи» // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 16.01.2022).

13. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 10.01.2022).

14. Выступление министра внутренних дел России В. А. Колокольцева 17.02.2022 на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // Сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф (дата обращения: 19.01.2022).

15. Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 28.09.2018 «О Межгосударственной программе совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 годы (город Душанбе)» // Сайт «25 юрист». – URL: https://online.zakon.kz (дата обращения: 10.01.2022).

16. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации в период с 2019 по 2021 годы // Сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф (дата обращения: 15.01.2022).

17. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий : учебное пособие: в 2 ч. / [А. В. Аносов и др.]. – М. : Академия управления МВД России, 2019. – Ч. 1. – 208 с.

18. Уголовная политика Российской Федерации : учебник: в 2-х ч. / [Л. И. Беляева и др.]. – М. : Академия МВД России. 2020. – Ч. 2. – 264 с.

19. Григорян, Г. Р. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы криминализации, законодательной регламентации и квалификации : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Г. Р. Григорян. – Самара, 2021. – 23 с.

20. Денисович, В. В. Правовое регулирование деятельности Координационного совета генеральных прокуроров стран Содружества Независимых Государств / В. В. Денисович, А. А. Захаров // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 38–48.

21. Добровольский, Д. В. Актуальные проблемы борьбы с компьютерной преступностью (уголовно-правовые и криминологические проблемы) : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д. В. Добровольский. – М., 2005. – 26 с.

22. Зинуров, Р. Н. Концептуальные основы и научно-практические проблемы координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (тенденции и закономерности) : автореф. дис. … д-ра юрид.

наук: 12.00.11 / Р. Н. Зинуров; научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации. – Уфа, 2003. – 51 с.

23. Мамыкин, А. С. К вопросу о роли Координационного Совета генеральных прокуроров государств-участников СНГ в укреплении законности и правопорядка в странах Содружества / А. С. Мамыкин // Закон и право. – 2018. – № 12. – С. 120–124.

24. Молчанова, Т. В. Факторы, обуславливающие мошенничество, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Т. В. Молчанова, В. А. Аксенов // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 2. – С. 94.

25. Наумов, В. Б. Институт идентификации в информационном праве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.13 / В. Б. Наумов; Институт государства и права Российской академии наук. – М., 2020. – 52 с.

26. Овчинский, В. С. Преступность и борьба с ней в цифровом мире: Проектирование будущего / В. С. Овчинский // Проблемы цифровой реальности. – М. : ИПМ им. М.В. Келдыша, 2018.

27. Устинович, Е. С. Государственная политика в сфере информационных технологий (опыт Российской Федерации) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 23.00.02 / Е. С. Устинович; Российская академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. – М., 2012. – 47 с.

28. Шхагапсоев, З. Л. К вопросу о роли органов внутренних дел в предупреждении преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий (IT-преступлений) / З. Л. Шхагапсоев // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 2. – С. 133.

Карпова Н. А.[1]*,*
доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С ХИЩЕНИЯМИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННЫМИ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА

Хищение имеет многовековую историю развития уголовной ответственности. Выделение в самостоятельные особо квалифицированные виды кражи и мошенничества, совершенных с банковского счета, произошло Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». По мнению многих специалистов, всеобщая компьютеризация населения, развитие инструментов финансового рынка, появление в обороте электронных денежных средств, а также популяризация безналичного денежного обращения открыли возможности для новых способов совершения хищений с банковских счетов граждан.

В настоящее время в действующем уголовном законодательстве предусмотрена ответственность за хищения, совершенные с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, в следующих юридических нормах: п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3, ст. 159.6 УК РФ. Следует отметить, что судебная практика, в том числе решения Верховного Суда РФ (Определение № 12УДП-20-5-К6 от 29 сентября 2020 г.) и разъяснения Верховного Суда РФ, данные в постановлении Пленума № 29 от 27 декабря 2002 г. (с изм. от 29 июня 2021 г.), позволяют оценивать действия, связанные с противоправным списанием денежных средств с банковских карт или электронных кошельков, как тайное хищение по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [8, 11].

Обобщая изученные материалы правоприменительной практики, можно сделать вывод о том, в большинстве своем случаев лицо осуждалось за противоправное хищение в виде оплаты товаров в присутствии сотрудника торговой организации с использованием чужой банковской карты. Встречаются и случаи с иным способом – оплата с использованием приложений (*Google pay* и др.), что также свидетельствует об обмане продавца. Подход к квалификации подобных действий основан на применении п. «г» ч. 3 ст. 158 УК.

По официальным статистическим данным, в последнее время отмечается тенденция к увеличению числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. В январе – декабре 2021 г. зарегистрировано 517,7 тыс. таких преступлений, что на 1,4 % больше, чем за аналогичный период прошлого года.

---

[1] © Карпова Н. А., 2022.

Более чем, три четверти таких преступлений (78,4 %) совершается путем кражи или мошенничества: 406 тыс. (–1,1 %) [1].

Обобщение судебной практики по уголовным делам об ответственности за рассматриваемые преступления позволило выявить ряд проблем, с которыми сталкиваются представители правоприменительных органов при квалификации исследуемого преступления. Отметим основные сложности:

– в установлении предмета кражи;

– при определении размера причиненного имущественного ущерба;

– при определении места совершения преступления;

– при определении момента окончания преступления;

– в применении нормы о малозначительном деянии при хищении на незначительную сумму;

– при отграничении кражи от смежных преступлений, и прежде всего от мошенничества, присвоения и растраты.

Вопросы квалификации такого рода хищений вызывают трудности в правоприменительной практике и требуют юридического анализа имеющихся проблем реализации положений УК РФ. Противоправные действия виновных лиц получают различную уголовно-правовую оценку, поэтому важно отразить основные спорные ситуации, возникающие в этой сфере.

Необходимо отметить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 25.1 постановления № 29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указал, что «тайное изъятие денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств, например, если безналичные расчеты или снятие наличных денежных средств через банкомат были осуществлены с использованием чужой или поддельной платежной карты, надлежит квалифицировать как кражу по признаку «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» [11].

В 2020 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации вынесла решение, в соответствии с которым хищение денег с чужой банковской карты посредством бесконтактной оплаты в торговых организациях следует считать кражей. Судебная коллегия указала, что согласно нормативным предписаниям на сотрудников торговых организаций, осуществляющих платежные операции с банковскими картами, не возлагается обязанность по проверке документов, удостоверяющих личность их держателя. Поскольку К. оплачивал товары бесконтактным способом, то сотрудник магазина в данном случае не принимает непосредственного участия при совершении операции по списанию денежных средств с банковского счета. Таким образом, К. сведений, не соответствующих действительности о принадлежности ему карты, не заявлял, и в заблуждение работников торгового предприятия не вводил [8].

После принятого по делу вышеуказанного судебного решения последовали изменения в подходе квалификации хищения безналичных денежных средств с найденной банковской карты путем бесконтактной оплаты в торговой организации и на уровне разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

Анализ материалов судебной практики позволил сделать выводы о подходах к квалификации корыстных посягательств на собственность граждан, сопряженных с применением информационных технологий:

1) хищение безналичных денежных средств с похищенной или найденной банковской карты путем покупки товаров бесконтактным способом в торговой организации охватывается составом кражи (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ);

2) хищение денег с использованием заранее похищенной или поддельной платежной карты, когда выдача наличных денежных средств была произведена посредством банкомата считается кражей с применением п. «г» ч. 3 ст. 158 УК, поскольку денежные средства списываются прежде всего с банковского счета потерпевшего;

3) действия лица, завладевшего чужим имуществом, например мобильным телефоном и банковской картой, совершенные одномоментно, когда изъятие и телефона, и денежных средств потерпевшего с банковского счета объединены единым умыслом, содеянное является продолжаемым хищением и подлежит правовой оценке по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ;

4) если после хищения мобильного телефона виновный получает доступ к мобильным приложениям различных банков и, действуя с единым умыслом, с одного мобильного телефона, находясь в одном месте, одновременно осуществляет несколько незаконных переводов денежных средств на другие счета платежных карт в своих корыстных целях, то содеянное образует единое продолжаемое хищение, ответственность за которое предусмотрена п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств следует правильно отграничивать от хищения чужого имущества, совершенного посредством мошенничества и присвоения (растраты). Данный вопрос представляет порой большую сложность. Главным критерием для их разграничения выступает *способ совершения преступления*.

Согласно правовым разъяснениям, «когда изъятие денег с банковского счета совершается путем использования учетных данных собственника независимо от способа получения доступа к таким данным, то такие незаконные общественно опасные деяния следует квалифицировать как *кража*, если виновным не было оказано противоправного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети» [10].

Примером, иллюстрирующим совершение кражи, а не мошенничества в сфере компьютерной информации, выступило уголовное дело в отношении Х., который, находясь по месту своего жительства, прочел в телефоне отца сообщение о поступлении денег на его банковский счет, и решил их похитить. Удостоверившись, что его действия носят скрытый характер, воспользовавшись установленным в телефоне отца приложением «Сбербанк онлайн» перевел с банковского счета отца деньги в сумме 5000 руб., после чего обналичил их в банкомате. Содеянное Х. образует квалифицирующий признак кражи, содержащийся в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [6].

Если же виновным было оказано незаконное воздействие на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-

телекоммуникационные сети, то такие действия образуют состав мошенничества по ст. 159.6 УК РФ.

Так, суд установил, что действия Е., С., Д. следует квалифицировать по ст. 159.6 УК РФ как мошенничество, совершенное с банковского счета, поскольку они распространяли и использовали вредоносные компьютерные программы, заведомо предназначенные для несанкционированного блокирования, модификации и копирования компьютерной информации, в результате чего денежные средства потерпевших переводились с их банковских счетов одним и тем же способом: посредством «заражения» сотовых телефонов вредоносной компьютерной программой, которая позволяла удаленно и тайно от владельцев управлять ими [5].

Кражу, совершенную с банковского счета, следует отличать от присвоения либо растраты вверенного имущества, совершенных сотрудниками кредитной организации путем доступа к расчетным счетам клиентов банка. И в этом вопросе нет единообразного подхода к квалификации подобного рода действий.

Показательно уголовное дело в отношении М., имевшей доступ к расчетным счетам клиентов Банка и хранящимся на них денежным средствам. М., находясь на рабочем месте в офисе банка при помощи персонального компьютера, выполняя расходную операцию по выдаче денежных средств клиенту Банка П., имея доступ к персональным данным клиента, вошла в банковский счет, открытый в ПАО «Сбербанк» и выполнила расходную операцию по выдаче денежных средств владельцу счета П. в сумме 30 000 руб. После этого М. без ведома П. – клиента Банка выполнила еще одну расходную операцию по выдаче денежных средств в сумме 61 300 руб., и, желая придать своим действиям видимость законных, изготовила фиктивный расходный кассовый ордер на указанную сумму, в котором расписалась за П. Судом ее действия были квалифицированы по ч. 2 ст. 160 УК РФ *как присвоение*, поскольку похищенное имущество было вверено М. и обращено ею в свою пользу [7].

Приведем пример судебного решения, когда по аналогичному делу правоприменитель дал юридическую оценку содеянному, *как кража*. Б., работая в должности старшего менеджера ПАО «Сбербанк России», имея доступ к операционной системе базы клиентов, с помощью своего рабочего компьютера, интернета и электронного ключа, вошла в программу и осуществила операцию по снятию с расчетного банковского счета вклада «Пенсионный Плюс», открытого на имя М. денежных средств в сумме 38 тыс. руб. [4].

По другому уголовному делу, связанному с хищением денежных средств с банковского счета, суд вынес иное решение, применив *норму о мошенничестве*. Р.Л.С., работая в должности клиентского менеджера банка, в силу занимаемой должности имела доступ к клиентским базам данных. Вступив в предварительный сговор с П., в соответствии с отведенной ей ролью, осуществила вход в электронные карточки клиентов Банка. Получив сведения об анкетных данных вышеуказанных клиентов, реквизитах банковского счета и сумме остатка денежных средств, Р.Л.С. сообщила их П., который затем предъявил заведомо фиктивные документы, а именно: паспорт на имя П., свидетельство о смерти Б., свидетельство о праве П. на наследство, согласно которым П. якобы являлся

наследником денежного вклада умершего Б. Введя сотрудников банка в заблуждение, Б. получил денежные средства с банковского счета в сумме 3 009 895 руб. 74 коп., чем причинил Банку ущерб в особо крупном размере, и суд квалифицировал их действия по ч. 4 ст. 159 УК РФ [9].

Кражу следует отграничивать от мошенничества, когда обман используется как средство, облегчающее доступ к похищаемому имуществу. Действия ФИО1 были квалифицированы *как тайное хищение* по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. ФИО1, представившись сотрудником банка, путём психологического воздействия, под предлогом предупреждения несанкционированного списания денежных средств с банковской карты потерпевшей, создала условия, при которых потерпевшая, будучи обманутой, сообщила ФИО1 номер своей банковской карты, CVC – код, а также код, поступивший ей СМС-сообщением. После этого ФИО1, получив необходимую информацию, используя мобильный телефон и интернет, совершила операцию по незаконному списанию денежных средств на свой счет, причинив материальный ущерб на сумму 5000 руб. [3].

Рассмотрим еще одну ситуацию, при которой субъект преступления, используя интернет, под видом покупателя, ссылаясь на объявление на сайте «Авито», пытается завладеть конфиденциальной информацией платежной карты под предлогом перевода денежных средств за товар, в результате чего незаконным способом получает доступ к банковскому счету потерпевшего и совершает изъятие денег путем перевода их на свой счет или счет представляемых лиц. Эта противозаконная схема совершения хищения денег с банковского счета довольно-таки часто встречается в правоприменительной практике, что можно проиллюстрировать решением суда [2]. При этом в современных реалиях подходы к квалификации хищений безналичных денежных средств с банковских счетов граждан постоянно изменяются. Такие противоправные действия Все чаще признаются не мошенничеством, а кражей.

Вышеизложенные особенности квалификации хищений, связанных с несанкционированным списанием денежных средств с банковских счетов потерпевших, должны найти отражение в действующих разъяснениях Верховного Суда РФ в целях обеспечения единообразного подхода к их уголовно-правовой оценке. Верное разграничение данных составов преступлений является залогом правильной квалификации и справедливого назначения наказания.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года // Сайт МВД России. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/26023627/ (дата обращения: 10.02.2022).

2. Обвинительный приговор Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики от 28.07.2020 № 1-283/2020 по делу № 1 283/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: sudact.ru/regular/doc/jfnFn4DGa6ZJ/ (дата обращения: 10.02.2022).

3. Обвинительный приговор Когалымского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 07.05.2020 № 1-122/2019/1-19/2020 по делу № 1-122/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Фе-

дерации. – URL: sudact.ru/regular/doc/UvHCmAkAvGLH/ (дата обращения: 10.02.2022).

4. Обвинительный приговор Белорецкого городского суда Республики Башкортостан от 30.07.2019 № 1-444/2019 по делу № 1-444/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: sudact.ru/regular/doc/QqPkLBwmPWi/ (дата обращения: 10.02.2022).

5. Обвинительный приговор Центрального районного суда г. Читы от 20.02.2019 № 1-54/2019 1-950/2018 по делу № 1-54/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: sudact.ru/regular/doc/F5M3Ctl4apdB/ (дата обращения: 10.02.2022).

6. Обвинительный приговор Похвистневского районного суда Самарской области от 18.11.2020 № 1-149/2020 по делу № 1-149/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: sudact.ru/regular/doc/l58i79f5Ln6N/ (дата обращения: 10.02.2022).

7. Обвинительный приговор Ленинского районного суда г. Иваново от 28.01.2020 № 1-304/2019 1-38/2020 по делу № 1-304/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: sudact.ru/regular/doc/AbR7GzQgoxbC/ (дата обращения: 10.02.2022).

8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2020 № 12-УДП20-5-К6 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: (дата обращения: 10.02.2022).

9. Постановление Президиума Московского областного суда от 22.03.2017 № 44У-53/2017 4У-126/2017 4У-3903/2016 по делу № 1-134/16 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: sudact.ru/regular/doc/DeonjEhpQNZN/ (дата обращения: 10.02.2022).

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.02.2022).

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.02.2022).

Козлова А. А.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Ищук В. Г.[2]*,*
преподаватель кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин
Рязанского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖЕРТВ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

В настоящее время глобальные кризисы, включая пандемию COVID-19, затормозили прогресс в реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., включая важные задачи по предотвращению всех форм торговли людьми. Данные проблемы усугубляют существующую уязвимость к эксплуатации, включая торговлю людьми. Также пандемия COVID-19 имеет долгосрочные негативные последствия для жертв торговли людьми. Торговля людьми, особенно женщинами и детьми, нарушает права человека и основные свободы, препятствует пользованию ими [5].

Права женщин и детей, подвергшихся торговле людьми, должны быть в центре всех усилий по противодействию данному преступлению.

Во Всемирном докладе о торговле людьми за 2020 г., опубликованном Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, в 2021 г., отмечается, что в период пандемии COVID-19 торговцы «живым товаром» воспользовались тяжелой ситуацией и активизировали свою преступную деятельность, а также выросли масштабы эксплуатации детей [3].

В послании, по поводу Всемирного дня борьбы с торговлей людьми, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, Антониу Гутерриш выразил обеспокоенность, что «сегодня треть всех жертв торговцев людьми – дети». Он призвал бороться с такой позорной практикой и привлекать эксплуататоров к уголовной ответственности [6].

Дети составляют около трети выявленных жертв торговли людьми. Дети и женщины становятся часто пострадавшими и жертвами торговли людьми. «Доля детей, ставших жертвами торговли людьми, увеличилась в геометрической

[1] © Козлова А. А., 2022.
[2] © Ищук В. Г., 2022.

прогрессии и составляет более 30 процентов всех выявленных жертв торговли людьми…», «на каждые 10 жертв, выявленных во всем мире, приходится пять взрослых женщин и две девочки» [3], – упоминается в докладе *Global Report on Trafficking in Persons 2020*. Однако торговля детьми непропорционально затрагивает страны с низким уровнем дохода, где он связан с более широким явлением детского труда. В странах Африки к югу от Сахары детей продают в работах на плантациях, в шахтах и карьерах, на фермах, в качестве продавцов на рынках и на улицах. В Южной Азии детей в возрасте 12 лет продают для работы в кирпичных печах, гостиницах, швейной промышленности и сельском хозяйстве. Помимо сексуальной эксплуатации (72 % жертв-девочек) и принудительного труда (66 % мальчиков) детей эксплуатируют для попрошайничества и принуждения к преступной деятельности, и других преступлений, – говорится также в докладе.

По оценкам Международной организации труда, примерно 53 млн человек, в основном женщины и дети, заняты в качестве домашней прислуги, и из них 30 %, или почти 16 млн, не имеют доступ к правовой защите [7].

Форма транснациональной организованной преступности – торговля людьми, особенно женщинами и детьми, представляет собой опасное преступление и серьезную угрозу прав, достоинства и физической неприкосновенности человека, которая требует мгновенного реагирования. В связи с этим остаются серьезные, нерешенные проблемы. Так, жертвы торговли людьми, особенно женщины и дети, на протяжении всего периода жизни сталкиваются с множественными формами дискриминации правового статуса, что способствует торговле людьми. Женщины и дети, ставшие жертвами торговли людьми, могут не иметь доступа к необходимой поддержке, будучи жертвами торговли людьми. Этот опыт может вызвать дополнительные потребности в специализированных услугах для обеспечения полного физического и психологического восстановления, их реабилитации.

Важным аспектом является раннее выявление жертв торговли людьми, особенно женщин и детей, так как это имеет главное значение для получения юридической помощи и защиты. Нужно своевременно обеспечить их права и меры, распространить информацию о травмах, полученных жертвами, которые подверглись торговле людьми.

Важнейшим этапом в развитии сотрудничества государств в сфере оказания помощи жертвам торговли людьми стали принятая Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. и Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (далее – Палермский Протокол), дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [4, 8].

В настоящее время участниками Палермского протокола являются 178 государств. Одна из целей Палермского протокола – защита и помощь жертвам торговли людьми, особенно женщин и детей, а также полное уважение их прав человека. Одним из признанных «средств» торговли людьми, перечисленных в Палермском протоколе, является «злоупотребление уязвимым

положением» [1]. Данный протокол в соответствии со ст. 6 призывает государств-членов рассмотреть вопрос об осуществлении мер обеспечения надлежащего крова; консультативной помощи и информации, особенно в отношении их юридических прав, на языке, понятном жертвам торговли людьми; медицинской, психологической и материальной помощи; и возможностей в области трудоустройства, образования и профессиональной подготовки. В связи с этим существенным моментом данного протокола является защита жертв, так как жертвы торговли людьми, особенно женщины и дети, находятся в уязвимом положении [9].

Международные организации, защищая права человека, излагают в международных документах обязательства по предотвращению торговли людьми, особенно женщин и детей, а также эффективные правовые средства защиты торговли людьми. Международные организации призывают учитывать опыт людей, ставших жертвами и пострадавших в результате торговли людьми, обеспечивать их права и достоинство, распространять их истории, чтобы бороться за предотвращение и искоренение этой чудовищной преступной практики.

Совет по правам человека в резолюции от 16 июля 2020 г. № 44/4 «Торговля людьми, особенно женщинами и детьми: укрепление прав человека путем усиления защиты, поддержки и расширения прав и возможностей жертв торговли людьми, особенно женщин и детей» [2] призывает государства уважать, защищать и поощрять права человека жертв торговли людьми посредством усиления защиты и расширения прав и возможностей жертв торговли людьми, особенно женщин и детей, а также оказания им поддержки и помощи. В частности, предлагается рассмотреть вопрос о разработке в сотрудничестве с гражданским обществом, деловыми кругами и соответствующими заинтересованными сторонами долгосрочных стратегий интеграции, основанных на инновационных программах приобретения профессиональных навыков, в целях расширения прав и возможностей жертв торговли людьми и облегчения их доступа на рынок труда в соответствии с внутренними правовыми рамками; удовлетворения особых потребностей детей и решения проблемы их уязвимости перед торговлей людьми посредством проявления внимания наилучшему обеспечению интересов ребенка при принятии всех мер и решений, затрагивающих детей, а также путем поощрения образования и предупреждения детского труда и торговли детьми и борьбы с этими явлениями.

Последствия пандемии COVID-19, кризис в области системы здравоохранения, еще больше показали, что жертвы торговли людьми, особенно женщины и дети, находятся в более уязвимом положении из-за отсутствия доступа к медицинскому обслуживанию, различным услугам, а также переходу в интернет-пространства, которые стали использовать не только для сексуальной эксплуатации, но и для принуждения жертв к преступным действиям и принудительному труду.

Таким образом, на государства возлагаются обязанности по оказанию поддержки и помощи жертвам, пострадавшим от торговли людьми. Важное значение имеют быстрое реагирование, взаимодействие с различными службами, органами и международными организациями, в том числе региональными и не-

правительственными для предотвращения торговли людьми во всех ее формах, выявления и защиты жертв, подвергшихся торговли людьми, основанному на правах человека. Защита жертв торговли людьми, особенно женщин и детей требует, предоставления эффективных средств правовой защиты и поддержки пострадавших лиц, предусмотренным международным правом.

Список литературы

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 15.11.2000 № 55/25 «Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 10.02.2022).

2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 16.07.2020 № 44/4 «Торговля людьми, особенно женщинами и детьми: укрепление прав человека путем усиления защиты, поддержки и расширения прав и возможностей жертв торговли людьми, особенно женщин и детей» // Сайт Генеральной Ассамблеи ООН. – URL: file:///C:/Users/5B3B~1/AppData/Local/Temp/A_HRC_RES_44_4-RU.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

3. Всемирный доклад о торговле людьми за 2020 г. // Официальный сайт УНП ООН. – URL: https://www.unodc.org/unodc/data-and-analysis/glotip.html (дата обращения: 20.02.2022).

4. Козлова, А. А. Международно-правовые основы сотрудничества государств в сфере противодействия незаконному обороту человеческих органов : монография / А. А. Козлова. – М. : Граница, 2020.

5. Пузырева, Ю. В. Тенденции развития транснациональной организованной преступности под влиянием пандемии COVID-19 / Ю. В. Пузырева // Актуальные проблемы медицины и биологии. – 2021. – № 1. – С. 143–146.

6. Всемирный день борьбы с торговлей людьми // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/observances/end-human-trafficking-day/message (дата обращения: 20.02.2022).

7. ILO «Global Estimates of Modern Slavery» pag. 33 // Сайт МОТ. – URL:https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/documents/publication/wcms_575479.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

8. Международное уголовное право : учебник. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. – 149 с.

9. Правовые и организационные основы международного полицейского сотрудничества : учебно-практическое пособие. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. – 128 с.

Кондрашечкин Р. В.[1]*,*
доцент кафедры
оперативно-разыскной
деятельности ОВД
и применения информационных технологий
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я, Кикотя,
кандидат юридических наук

ЗАПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Исполнение отдельных запросов международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств, связанных с проведением гласных и негласных оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) по реализации международных соглашений и договоров о взаимодействии МВД России и независимых государств в сфере борьбы с преступностью имеет важное юридическое и политическое значение для Российской Федерации на международном уровне.

Международное сотрудничество закреплено в ч. 2. ст. 3 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» [1].

Сотрудничество с зарубежными странами в практике использования ОРД в настоящее время недостаточно эффективно. Основные предпосылки заключаются в несовершенстве нормативных правовых актов международного сотрудничества правоохранительных систем различных государств и ограниченность сферы применения методов ОРД за пределами государственных границ, а также закрытость ОРД даже на национальном уровне.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [2] в ч. 3 ст. 12 содержит норму определяющую действие УК РФ в отношении лиц, которые совершили уголовное преступление за пределами Российской Федерации. К такой категории лиц относятся: граждане иностранных государств; лица у которых гражданство отсутствует, лица не имеющие регистрации и не проживающие в Российской Федерации, которые совершили уголовное преступление за пределами территории Российской Федерации.

Глава 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [3] закрепляет правовые основания и порядок применения процессуального закона при осуществлении взаимодействия органов предварительного следствия и дознания, а также прокуроров, судов с соответствующими

[1] © Кондрашечкин Р. В., 2022.

уполномоченными лицами и компетентными органами зарубежных государств, и различными международными организациями.

Статья 453 УПК РФ закрепляет общий порядок осуществления запроса об оказании правовой помощи. Оказание правовой помощи имеет большое международное правовое значение, которое способствует и обеспечивает реализацию договоренностей, а также международных обязательств государств в рамках возбужденных уголовных дел, направленных на борьбу с преступностью, а также защиты общества и государства от преступных проявлений и профилактики правонарушений и недопущению совершения новых преступных вызовов и угроз.

В современных условиях отдельные вопросы международного сотрудничества об оказании правовой помощи, касающиеся запросов международных правоохранительных организаций урегулированы не в полной мере. Положения ст. 453, 454 УПК РФ содержат в качестве правоприменительного термина, слово «запрос». Нормы ст. 455 УПК РФ сформулированы законодателем иначе и используется слово «поручение». В юридических нормах международных правовых актов, в положениях Конвенции закреплено и используется словосочетание «поручение об оказании правовой помощи». В тексте Европейской конвенции содержится другая формулировка: «поручение» и «просьба о взаимной помощи».

Российское законодательство в тексте Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [4] содержит следующие положения: «соглашения по вопросам правовой помощи», «запрос о правовой помощи» и «поручение», Таким образом, в рассмотренных правовых нормах имеются значительные разногласия по использованию терминологии, которые фактически обозначают схожую природу образования действий, но в то же время используют различную терминологию, это обстоятельство – существенное упущение законодателя при подготовке юридических правовых документов и нуждается в совершенствовании.

Содержание постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ППВС РФ) от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [5] также учитывается при применении международного договора РФ.

При формировании терминологического пространства важно также учитывать положения Европейской конвенции о выдаче (далее – Конвенция) [6].

В Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») [7], в п. 6 ч. 1 ст. 7 указано, что для проведения ОРМ в качестве основания могут выступать: запросы правоохранительных органов иностранных государств, а также запросы международных правоохранительных организаций.

Кроме того, к обязанностям органов, осуществляющих ОРД, п. 3 ст. 14 рассматриваемого закона отнесено выполнение международных запросов.

Органы, осуществляющие ОРД, при решении ее задач, предусмотренных ст. 2 Закона на основе и в порядке, предусмотренных международными договорами РФ, обязаны выполнять:

– запросы международных правоохранительных организаций;

– правоохранительных органов;

– специальных служб зарубежных государств.

Содержание п. 6 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об ОРД» указывает на то, что соблюдение гарантий прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции Российской Федерации, можно осуществлять и средствами ОРД, так как заключенные и ратифицированные Российской Федерацией международные нормативные правовые документы выполняют роль самостоятельного источника правовое регулирование ОРД с позиции международного права.

Правовые нормы ч. 1 ст. 453 УПК РФ закрепляют положения о том, что «при необходимости производства на территории иностранного государства допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, должностное лицо (суд, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель) подготавливает запрос о производстве процессуальных действий компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором РФ, международным соглашением или на основе принципа взаимности».

В ч. 2 ст. 453 УПК РФ закреплены правовые принципы взаимности. Они определяются для оказания правовой помощи иностранному государству в производстве отдельных процессуальных действий и подтверждаются письменным обязательством от имени РФ в лице компетентных органов.

Запрос о проведении отдельных процессуальных действий регламентирован ч. 3 ст. 453 УПК РФ, который может быть направлен через уполномоченные органы.

Согласно требованиям на официальный язык иностранного государства, в которое они направляются, должны быть переведены как сами запросы, так и прилагаемые к ним документы и приложения.

Таким образом, порядок осуществления запроса о производстве процессуальных действий регламентирован действующим законодательством. Однако, как было отмечено ранее, ОРД представляет собой особый вид правоохранительной деятельности, которая требует соблюдения специальных принципов конспирации, а также сочетания гласных и негласных методов и средств. Кроме того, ОРД базируется на нормах Закона РФ 5485-1 «О государственной тайне» [8], который регулирует правоотношения, возникающие в связи с засекречиванием или рассекречиванием отдельных сведений и отнесением их к государственной и иной охраняемой законом тайне, а также обеспечение защиты засекреченных сведений в интересах осуществления безопасности Российской Федерации.

«Сведения в области военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-разыскной деятельности,

защищаемые государством, распространение которых может нанести ущерб безопасности РФ», – составляют охраняемую законом государственную тайну.

То есть законодатель определил в качестве основания для проведения ОРМ – «запросы международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами РФ», а непосредственное выполнение международных запросов – в качестве обязанности органов, осуществляющих ОРД.

Однако отдельные сведения в области ОРД конкретизированы в «Перечне сведений, составляющих государственную тайну».

В ст. 5 Закона «О государственной тайне» сформулирован «Перечень сведений, составляющих государственную тайну», который составляют: «сведения в области разведывательной, контрразведывательной и ОРД».

В качестве основания для рассекречивания сведений указанных в ст. 13 Закона «О государственной тайне», предусмотрено «взятие на себя РФ международных обязательств по открытому обмену сведениями, составляющими в РФ государственную тайну».

Запросы международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов зарубежных государств в соответствии с требованиями ФЗ «Об ОРД» выступают основанием для проведения ОРМ по реализации соглашения о взаимодействии МВД России и зарубежных государств в сфере борьбы с преступностью. Однако в ФЗ «Об ОРД» отсутствуют положения, регламентирующие непосредственное исполнения международных запросов, а также содержание и формы запросов и ответов на них, отсутствует процедура раскрытия сведений полученных в результате ОРД, составляющих государственную тайну и иных вопросов международного сотрудничества в области ОРД [9].

Результаты ОРД передаются органам дознания, следователю или в суд в установленном порядке. Если речь идет о передаче результатов ОРД по запросам международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в рамках международного сотрудничества, то в действующих нормативных правовых актах данный вопрос не нашел должного отражения и не урегулирован в полной мере. В результате в правоприменительной практике могут возникнуть ситуации, которые в условиях недостаточной правовой определенности могут нанести ущерб безопасности и привести к разглашению отдельных сведений [10].

Считаем, что для исполнения отдельных запросов международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств необходимо подготовить Инструкцию, содержащую положения по организации исполнения отдельных запросов международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств, связанных с проведением ОРМ и осуществлением ОРД. В Инструкции должны быть отражены правовые основания исполнения международных запросов, терминологический аппарат в соответствии с требованиями международных нормативных правовых актов, требования, предъявляемые к исполнению международных запросов в рамках ОРД, должностные и иные лица, привлекаемые к испол-

нению международных запросов в рамках ОРД, порядок представления результатов ОРД уполномоченными должностными лицами либо органами по результатам ОРД [11].

Высказанные предложения могут быть учтены при разработке оперативно-разыскного законодательства и направлены на его совершенствование, а также обеспечение сохранности государственной тайны по вопросам реализации международных запросов в ОРД.

Список литературы

1. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. – 1996. – № 113. – 18 июня; № 114. – 19 июня; № 115. – 20 июня; № 118. – 25 июня.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – № 249. – 22 дек.

4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. – № 244. – 2003. – 02 дек.

6. Европейская конвенция о выдаче (г. Париж 13.12.1957) // Бюллетень международных договоров. – 2000. – № 9. – С. 3–11, 19–28.

7. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

8. Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» // Российские вести. – 1993. – № 189. – 30 сен.

9. Кондрашечкин, Р. В. Участие специалиста в оперативно-розыскной деятельности / Р. В. Кондрашечкин // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2021. – № 3 (59). – С. 53–56.

10. Кондрашечкин, Р. В. Оперативно-разыскное противодействие распространению наркотических средств в информационно-телекоммуникационной сети / Р. В. Кондрашечкин // Подразделения по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации: 30 лет со дня образования : материалы международного научно-практического семинара. – Красноярск, 2021. – С. 216–219.

11. Кондрашечкин, Р. В. Особенности оперативно-разыскного задержания (захвата) / Р. В. Кондрашечкин // Актуальные вопросы теории и практики ОРД. – М., 2020. – С. 52–56.

Коннов В. А.[1]***,***
начальник кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О СОВМЕСТИМОСТИ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В настоящее время в мире существует несколько международных договорных органов, в которые могут обращаться физические и юридические лица за защитой своих прав в случае, когда они не удовлетворены решениями, принятыми национальными судебными или административными органами. Международная юрисдикция позволяет выявить ошибки национального правоприменителя и устранить их. Вместе с тем отдельные позиции, высказываемые договорными органами в процессе рассмотрения жалоб, не бесспорны с точки зрения применимости к вопросам противодействия преступлениям [6].

С 1998 г. Российская Федерация признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека[2]. С момента присоединения к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.[3] против России были поданы десятки тысяч жалоб, и сотни из них были рассмотрены[4]. Для многих граждан после обращения в ЕСПЧ открылась возможность защитить свои права, с чем не справилась национальная судебная система. В настоящее время Европейский Суд – один из немногих действующих международных механизмов, позволяющих действенно защитить и восстановить нарушенные государством права.

В практике ЕСПЧ значительное место занимают жалобы на действия сотрудников правоохранительных органов. При этом данные жалобы, как правило, связаны с грубыми нарушениями фундаментальных прав человека. Правоохранительные органы, выполняя свои функции, имеют право применять принуждение, силу, специальные средства и оружие, что делает их потенциальным источником нарушений. Высокий соблазн отдельных сотрудников использовать власть вопреки интересам службы и требованиям законодательства порождает реальные угрозы защиты граждан и юридических лиц от произвола [1].

В большинстве постановлений Суд выявляет и устанавливает факты нарушений Конвенции и протоколов к ней, которые действительно имелись и в силу разных причин не были устранены внутригосударственными средствами. Од-

---

[1] © Коннов В. А., 2022.

[2] Далее – ЕСПЧ, Суд, Европейский Суд.

[3] Далее – Конвенция 1950 г.; Конвенция.

[4] Федеральный закон от 30.03.1998. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 14. Ст. 1514.

нако в практике встречаются и такие дела, где позиции ЕСПЧ спорны с точки зрения интересов государства по эффективному раскрытию и расследованию преступлений, изобличению виновных и привлечению их к ответственности.

Рассмотрим правовые позиции ЕСПЧ, которые в настоящее время входят в определенное противоречие с действующей правоприменительной практикой различных правоохранительных органов.

Это ситуации, при которых Суд констатирует нарушение Конвенции в части соответствия действий сотрудников правоохранительных органов действующему российскому законодательству. Нарушения определяются в контексте «чрезмерного» применения силы, «неоправданного» применения оружия и специальных средств, «неуместности» проведения оперативно-разыскных мероприятий в той или иной форме. Данный аспект создает определенные трудности в соотнесении правовых позиций ЕСПЧ с законными действиями сотрудников правоохранительных органов, которые квалифицируются Судом как нарушение Конвенции. В тоже время отказ от применения таких мер в соответствии с позициями ЕСПЧ, особенно в контексте противодействия организованной преступности, может привести к утрате доказательной базы, продолжению совершения преступления или тяжким последствиям в отношении граждан. В таких условиях практика международного судебного органа может вступить в противоречие с интересами российского государства в области борьбы с преступностью.

Например, дела, в которых ЕСПЧ устанавливал нарушение права на жизнь со стороны сотрудников правоохранительных органов, учитывая только формальный процедурный аспект. При этом он не принимает во внимание то, что угроза, исходящая от вооруженного лица, вполне оправдывает действия сотрудников по применению оружия и специальных средств, в том числе в рамках силовой операции.

Характерным примером является постановление ЕСПЧ от 16 января 2014 г. по делу «Щиборщ и Кузьмина против России» (жалоба № 5269/08), где смерть была причинена вооруженному человеку, оказывавшему активное сопротивление и находившемуся в неадекватном состоянии [2]. В данном деле ЕСПЧ определил, что применение спецсредств было необоснованным, и правоохранительные органы вообще не должны были начинать операцию без присутствия медиков-психиатров. Однако в вынесенном ЕСПЧ решении остался без ответа и другой вопрос: могла ли измениться ситуация, если бы на место всё-таки прибыли медики? Гарантировало бы это то, что силовой вариант развития событий в итоге не состоялся бы и не завершился смертью лица? Ответ может быть только один – любое развитие событий возможно. В связи с этим позиция ЕСПЧ, по сути, основана на предположении о благоприятном исходе дела, на том, что соблюдение процедуры могло бы не допустить смерти сына заявителей. Но такая вероятность не очевидна. Но не применять силовые действия для обеспечения защиты других лиц также было нельзя. Следовательно, данная правовая позиция ЕСПЧ основана на обеспечении интересов правонарушителя, но не учитывает интересов других лиц, которые могли пострадать от действий психически неустойчивого лица.

Другое дело, в котором правовая позиция ЕСПЧ плохо соотносится с интересами государства по предупреждению и пресечению преступлений, прослеживается в относительно недавно вступившем в силу постановлении по делу «Зубков и другие против России» [3]. В данном деле были объединены жалобы на проведение сотрудниками правоохранительных органов оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) в отношении лиц, подозреваемых в совершении тяжких преступлений. Жалоба заявителей направлена на защиту права на неприкосновенность частной жизни, которое, по их мнению, было нарушено в результате проведения скрытого наблюдения, производства аудио- и видео записей. В частности, указывалось на нарушение процедур ведения ОРМ в арендованной квартире, которую обвиняемый использовал как склад для хранения наркотиков.

В ходе рассмотрения дела в ЕСПЧ сторона, представляющая интересы Российской Федерации, указывала на то, что в отношении всех заявителей правоохранительные органы действовали в строгом соответствии с законом, а заявленные нарушения права на неприкосновенность жилища и частной жизни не имелись. В частности, указывалось, что арендованная квартира не могла считаться его «жилищем» в значении, предусмотренном Конституцией России. Согласно российскому законодательству под особую защиту подпадают только те жилые помещения, которые являются «жилищем». Остальные помещения, например офисные, не считаются «жилищем» и, соответственно, не подпадают под особую защиту. Заявитель проживал не в указанной квартире, а по другому адресу. Он арендовал квартиру исключительно для использования ее в своей преступной деятельности, в частности для хранения и упаковки наркотиков, встреч с сообщниками, обсуждения планируемых преступлений, распределения денежных средств, полученных в результате торговли наркотиками. Поэтому ст. 8 ЕКПЧ не может применяться к вопросу видеонаблюдения за указанной квартирой. Следовательно, не было и вмешательства в право заявителя на уважение его жилища.

В отношении прослушивания телефонных разговоров, а также видеонаблюдения за арендованной квартирой представители России утверждали, что всё это осуществлялось на основании судебных разрешений, надлежащим образом полученных в предусмотренном российским законодательстве порядке. Судебные разрешения не были приобщены к материалам уголовного дела, так как согласно Закону об ОРД они являются секретными документами.

ЕСПЧ сформулировал совершенно иной взгляд на сложившиеся обстоятельства: частная жизнь лица может быть затронута действиями, предпринятыми за пределами его жилища; поэтому не обязательно решающим, но тем не менее важным фактором является обоснованная уверенность лица в ее неприкосновенности. ЕСПЧ фактически поставил знак равенства между жильем человека и местом, которое, хотя формально таковым является, но используется де-факто не в качестве жилища. Такое толкование может иметь далеко идущие последствия, поскольку расширяет сферу действия ст. 8 Конвенции на неопределенный круг помещений, где потенциальные заявители будут испытывать «уверенность в неприкосновенности жилища».

Отдельного внимания заслуживают правовые позиции ЕСПЧ по вопросам высылки иностранных граждан или запрета въезда в Российскую Федерацию, где ЕСПЧ не согласился с существующей на основе российского законодательства практикой недопущения въезда нежелательных лиц, имеющих криминальное прошлое.

Так, в деле «Джураев и Шалкова против России», вступившем в силу 6 марта 2017 г., речь шла о высылке иностранного гражданина в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства либо общественного порядка в соответствии с ч. 1 ст. 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [5].

В данном деле правовые позиции ЕСПЧ и Верховного Суда Российской Федерации принципиально разошлись. Международный судебный орган считает, что даже в случае высылки по соображениям государственной безопасности национальным судам и самим заявителям должна предоставляться открытая информация об основаниях и причинах высылки. Как следует из материалов дела, российский суд, который принимал решение, был ознакомлен с информацией от ФСБ России, однако в силу ее секретности не приобщил к материалам дела и не сообщил заявителям. ЕСПЧ данную ситуацию считает нарушением в силу того, что она не соответствует процессуальным гарантиям, необходимым в демократическом обществе. Напротив, Верховный Суд Российской Федерации, оставив жалобу заявителей без удовлетворения, указал на правомерность практики нераскрытия высылаемым лицам информации об основаниях и подозрениях, обусловивших принятие решения о высылке.

Другим примером спорности правовых позиций Суда служит дело «Гулиев и Шеина против Российской Федерации», которое в некоторых аспектах повторяет дело «Джураев и Шалкова против России». У заявителей имелись фактические семейные отношения, заявители имели совместных детей. Один из заявителей нарушал действующее законодательство, поэтому ему предписано покинуть страну.

В данном деле есть обстоятельство, которое позволило российским властям игнорировать правовую позицию ЕСПЧ о недопустимости нарушения семейных связей в связи с высылкой иностранца. Во-первых, брак заявителей не был зарегистрирован. Во-вторых, в свидетельствах о рождении детей Гулиев не был указан в качестве их отца. В-третьих, заявители не проживали совместно постоянно, не вели совместное хозяйство. Всё это позволило не только подразделениям МВД России по вопросам миграции, но и российскому суду, куда обратились заявители с обжалованием вынесенного решения, оставить его в силе. Пикантность ситуации заключается в том, что на стадии обжалования заявители фактически попытались злоупотребить правом, обратившись предварительно в органы загса и изменив записи в свидетельствах о рождении детей. На момент судебного рассмотрения там появились записи об отцовстве. Российский суд не стал отменять решение о высылке, сославшись на то, что на момент вынесения основного решения юридические основания для применения правовых позиций ЕСПЧ не было.

Однако ЕСПЧ посчитал, что при принятии решений относительно высылки лица надо опираться не на юридически подтверждаемые факты и действующее законодательство, а на «объективную действительность», свидетельствующую о наличии устойчивых семейных связей. Обозначая генеральную позицию о том, что национальные власти не должны формально подходить к оценке данного состояния, ЕСПЧ в различных делах указывает лишь на общие критерии, оставляя оценку фактов конкретной ситуации на усмотрение властей. Вместе с тем судам Российской Федерации, в соответствии с действующим процессуальным законодательством, приходится учитывать не просто «объективную действительность», а опираться на её доказательства, которые должны лечь в основу судебного решения. В данном деле ЕСПЧ игнорирует очевидный факт злоупотребления правом, указывая на то, что в приоритете должно быть установление «тесного характера» семейных связей, принцип «наилучших интересов детей», а не действия, которые дискредитируют заявителей. Такая позиция Суда спорная, поскольку вводит национальное правосудие в состояние правовой неопределённости.

Каковы же причины того, что в отдельных случаях правовые позиции ЕСПЧ в отношении жалоб на действия сотрудников правоохранительных органов не соответствуют российской правоприменительной практике и при их полной реализации могут создать существенные трудности в пресечении преступлений, выявлении и привлечении к ответственности виновных лиц? Представляется, что здесь следует выделить, по крайней мере, три позиции:

1. Национальное законодательство и правоприменительная практика всегда являются «догоняющими» в отношении практики ЕСПЧ. Часто национальный законодатель и правоприменитель реализуют нормативное регулирование в области борьбы с преступностью в качестве ответа на новые криминальные угрозы или новые формы их проявления. При этом зачастую ориентирование на практику ЕСПЧ при разработке законодательных инициатив или реализации конкретных мероприятий невозможно вследствие отсутствия таковой. Впоследствии Суд, оценивая действия властей, фактически применяет принцип «обратной силы» своих решений в отношении законодательства и практики, которая имела место на момент соответствующих событий.

2. ЕСПЧ не ограничен в эволютивном толковании Конвенции и протоколов к ней. Суд неоднократно менял свои позиции с течением времени, иногда на прямо противоположные, что говорит с одной стороны об объективной гибкости практики (что важно), а с другой – об отсутствии у Суда по отдельным вопросам четко сформулированного и окончательно устоявшегося представления о природе нарушения прав.

3. В силу специфики деятельности ЕСПЧ имеет приоритетом создание гарантий прав человека, их защиту и восстановление, а не интересы государства в раскрытии и расследовании преступлений. Часто нарушения констатируются вне зависимости от того, как такая констатация повлияет на виновность лица или окончательный исход дела, а равно без учета объективной потребности в эффективном раскрытии преступлений.

4. Категория «злоупотребление правом» в практике ЕСПЧ не соответствует аналогичной категории в российском законодательстве. Суд часто не обращает внимания на такие факты. ЕСПЧ демонстрирует в некотором смысле эгоцентричную позицию, которая сводится к отказу принимать во внимание отдельные объективные факты, имевшиеся на стадии национальных процедур, и формулировать своё мнение исключительно на основе собственной практики.

Список литературы

1. Коннов, В. А. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по жалобам на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / В. А. Коннов, А. Е. Симонова, Ю. В. Пескова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021.

2. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16.01.2014 по делу «Щиборщ и Кузьмина против России» (жалоба № 57519/09) // Сайт Европейского суда по правам человека. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-140013 (дата обращения: 24.01.2022).

3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 07.11.2017 по делу «Зубков и другие против России» (жалобы №№ 29431/05 и др.) // Сайт Европейского суда по правам человека. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-178343 (дата обращения: 24.01.2022).

4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 10.12.2015 по делу «Роман Захаров против России» (жалоба №№ 47143/06) // Сайт Европейского суда по правам человека. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159324 (дата обращения: 24.01.2022).

5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25.10.2016 по делу «Джураев и Шалкова против России» (жалоба № 1056/15) // Сайт Европейского суда по правам человека. – URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-167804 (дата обращения: 24.01.2022).

6. Международное уголовное право : учебник. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. – 149 с.

7. Симонова, А. Е. Становление механизма защиты прав и свобод человека Европейским судом по правам человека / А. Е. Симонова // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию принятия Генеральной Ассамблеей Организация Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека 1948 года. – 2019. – С. 133–138.

Корниенкова М. Р.[1]***,***
преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕУПЛАТУ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ ИЛИ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ РОДИТЕЛЕЙ

Защита семьи и несовершеннолетнего – одна из главных задач в Российской Федерации и в зарубежных государствах. Закрепляя право на защиту детства и семьи, государство обязуется создать условия для его защиты. По этой причине интересы детей, нетрудоспособных взрослых обеспечиваются в том числе и уголовным законом.

Сравнительный анализ ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей рассмотрим относительно уголовного законодательства стран: Австрия, Испания, Польша, Социалистическая Республика Вьетнам и Швейцария

Уголовное законодательство Республики Польша [1]. В абзаце первом ст. 209 главы XXVII «Преступления против семьи и опеки» Уголовного кодекса Республики Польша (далее – УК РП), установлена ответственность лица, которое «…упорно уклоняется от выполнения лежащей на нем в силу закона или судебного решения обязанности опеки путем непредставления средств на содержание самого близкого лица или иного лица и тем самым делает невозможным удовлетворение основных жизненных потребностей».

Анализируя данную статью, следует подчеркнуть, что «опеку» над несовершеннолетними могут осуществлять только супруги (родители ребенка). Это законодательно закреплено в ст. 146 «Уход за несовершеннолетним» Семейного и Опекунского кодекса РП. Данная статья гласит: «Уход осуществляется опекуном. Суд может доверить совместную опеку над ребенком только супругам» [2].

В диспозиции указанной нормы не раскрывается содержание термина «упорное уклонение от выполнения обязанности по выплате средств», не установлено, что относить к «удовлетворению основных жизненных потребностей». Однако к основным жизненным потребностям законодатель относит физиологические потребности человека, а также потребности в образовании и воспитании.

Далее, раскрывая абзац первый ст. 209 УК РП, отметим, что круг нуждающихся лиц в оказании материальной поддержки не ограничен определенным

---

[1] © Корниенкова М. Р., 2022.

перечислением. Данными лицами могут быть, как близкие, так и иные лица. Общепризнано, что к близким лицам принято относить родственников по восходящей и нисходящей линии. К иным лицам из анализа семейного законодательства РП относятся братья и сестры.

Абзац второй ст. 209 УК РП закрепляет круг субъектов, по инициативе которых может быть возбуждено преследование. К таким лицам относятся: 1) потерпевший; 2) орган социального обеспечения; 3) либо соответствующее учреждение.

Перечисленными выше субъектами, по инициативе которых может быть возбуждено преследование в соответствии с УК РП, данный круг лиц не ограничен, поскольку абзац третий ст. 209 закрепляет такое право за алиментным фондом, при условии, что потерпевшему была присуждена выплата из этого фонда.

Целесообразно отметить, что в нашей стране вопрос об алиментном фонде, поднимался уже не раз. В 2012 г. член Государственного совета Российской Федерации В. И. Матвиенко предлагала для поддержки института семьи создать подобную организацию – Государственный алиментный фонд. В 2013 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин поручал Правительству заняться вопросами создания алиментного фонда. Сегодня данный вопрос не остается без внимания законодателя. В октябре 2017 г. Правительство России внесло в Государственную Думу Законопроект № 277183-7 «О внесении изменений в ст. 278 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 65 Федерального закона «Об исполнительном производстве»», в котором предлагается положение о признании должников по алиментам «безвестно отсутствующими» и назначении их детям пенсии по потере кормильца.

Итак, круг субъектов, подлежащих уголовной ответственности за неуплату средств на содержание в РП (ст. 209 УК РП) шире, чем в России (ст. 157 УК РФ), но справедливо ли установление уголовной ответственности за неуплату средств родственникам по боковой линии? Данный вопрос дискуссионный.

Также следует обозначить, что существование алиментного фонда является положительным моментом для государства и лиц, в отношении которых не уплачиваются средства для содержания, как это проиллюстрировано выше в РП.

Уголовный кодекс Австрии в параграфе 198 «Нарушение обязанности по содержанию» десятого раздела «Преступные деяния против брака и семьи» закрепляет уголовную ответственность лица, которое грубо нарушает возложенные на него обязанности по содержанию [3].

Диспозиция абзаца первого параграфа 198 УК Австрии изложена следующим образом: «Кто грубо нарушает возложенные на него в соответствии с семейным правом обязанности по содержанию и тем самым ставит под угрозу содержание или воспитание лица, которому оно должно оказываться, либо создает такую ситуацию, при которой такая опасность не возникает только благодаря помощи, оказанной третьим лицом, тот…»

Возложенная семейным правом обязанность по содержанию считается нарушенной и в том случае, когда лицо ничего не предпринимает, чтобы получить работу для выполнения такой обязанности.

В абзаце первом параграфа 198 УК Австрии указано, что субъектом преступления может быть любое лицо, на которое семейным правом Австрии возложена обязанность по содержанию или воспитанию лица, которому они должны оказываться.

Абзац второй параграфа 198 УК Австрии предусматривает ответственность лиц, которые рецидивно совершают нарушение обязанности по содержанию. Также в абзаце втором указаны альтернативные последствия, которые могут наступить при совершении деяний, указанных в абзаце первом параграфа 198, а именно: беспризорность лица; причинение существенного вреда здоровью, физическому или духовному развитию потерпевшего, которому нужно оказывать содержание; наступление смерти.

Установление ответственности за повторность совершения преступления (рецидивно), демонстрирует особое внимание государства на соблюдение интересов семьи.

Уголовный кодекс Испании не оставляет без внимания противоправные деяния, посягающие на институт семьи [4].

Частью 1 ст. 228 Отдела второго «Оставление семьи, несовершеннолетнего, недееспособного» Главы третьей «Преступления против семейных прав и обязанностей» предусмотрена ответственность лица, которое не выплачивает материальную помощь в пользу супруга (супруги) либо детей.

В диспозиции ч. 1 ст. 228 Уголовного кодекса Испании говорится: «Тот, кто перестал в течение шести месячных заработных плат регулярно или три месяца подряд выплачивать материальную помощь в пользу своего супруга или своих детей, которая была установлена договором или судебным решением при разводе, объявлении брака недействительным, в процессе установления родства или алиментов на детей, рожденных вне брака…»

Как и во многих статьях Уголовных кодексов стран ближнего и дальнего зарубежья, обязанность по выплате средств, следуя из диспозиции ч. 1 ст. 228 Уголовного кодекса Испании, должна быть обязательно установлена судебным решением либо договором.

В Испании, как и в Польше, существует алиментный фонд. Но если в абзаце третьем ст. 209 Уголовного кодекса Польши законодатель закрепляет его как субъекта, по инициативе которого может быть возбуждено уголовное преследование, то Уголовный кодекс Испании в рамках рассматриваемой нормы не упоминает о нем.

Для этого следует обратиться к Королевскому Декрету Испании № 1618 от 2007 г., которым и было предусмотрено создание Гарантийного фонда выплат алиментов [8].

В Уголовном кодексе Швейцарии [5] в шестом разделе «Преступление и проступки против семьи» в ст. 217 «Небрежное отношение ответственного лица к обязанностям по содержанию» установлено: «Кто не выполняет свою семей-

но-правовую обязанность по содержанию или по материальной поддержке, хотя он располагает средствами для этого или может располагать ими…»

Из диспозиции данной статьи следует, что обязанность по содержанию вытекает из семейно-правой обязанности лиц. Данные семейно-правовые отношения закреплены и регулируются книгой второй «Семейное право» Гражданского кодекса от 10 декабря 1907 г. Швейцарии. Однако из содержания статьи не следует, кто именно может быть субъектом данного преступления (родители, дети, супруги), а также в отношении кого может совершаться данное противоправное деяния. Полагаем, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 217 УК Швейцарии, могут быть как родители, так и дети [7].

В Социалистической Республике Вьетнам [6] (далее – СРВ) уголовное законодательство представлено Уголовным кодексом от 27.11.2015, где в главе XVII «Преступления, связанные с ущемлением режима брака и семьи» ст. 186 «Отказ или уклонение от обязанности предоставлять финансовую поддержку».

«Лица, которые имеют вспомогательное обязательство и имеют практический потенциал для оказания поддержки лицам, в отношении которых установлено данное вспомогательное обязательство по решению суда, но они отказывается или уклоняются от своих обязательств. Если преступник находится в состоянии, опасном для своей жизни или здоровья, или был административно санкционирован за деяние, либо совершает другое преступление, он / она должен быть предупрежден…»

Обратим внимание на такое положение, как реальная возможность оказывать материальную поддержку (практический потенциал) в отношении потерпевшего лицом, в отношении которого установлено такое обязательство.

Законодатель СРВ также в диспозиции ст. 186 УК обращает внимание на жизненное положение виновного. В случае, если оно находится в опасном для жизни и здоровья состоянии, то к уголовной ответственности не привлекается. При этом виновного предупреждают о возможности привлечения к ней.

Таким образом, все проанализированные УК содержат нормы об ответственности в случае неуплаты средств на содержание, если эта обязанность установлена судебным решением либо договором.

Законодательство некоторых стран (Польша, Испания) предусматривает возможность получения средств на содержание из Государственных алиментных фондов соответствующих государств, в случае неуплаты данных средств обязанным лицом, это безусловно положительный опыт и для отечественного законодательства.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Польша / пер. с польск. Д. А. Барилович; адант. пер. и науч. ред. Э. А. Саркисова, А. И. Лукашов; под общ. ред. Н. Ф. Кузнецовой. – Мн. : Тесей, 1998.

2. Kodeks rodzinny i opiekuńczy // ArsLege. – URL: https://www.arslege.pl/kodeks-rodzinny-i-opiekunczy/k2/s105/ (дата обращения: 20.02.2022).

3. Уголовный кодекс Австрии / пер. с нем. А. В. Серебренникова; науч. ред. Н. Е. Крылова. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2001.

4. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова. – М. : Зерцало, 1998.

5. Уголовный кодекс Швейцарии / ред. кол. серии «Законодательство зарубежных стран». – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.

6. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27.11.2015 // THƯ VIỆN PHÁP LUẬT. – URL: https://m.thuvienphapluat.vn/van-ban/trach-nhiem-hinh-su/bo-luat-hinh-su-2015-296661.aspx (дата обращения: 20.02.2022).

7. Правове регулирование брачно-семейных отношений в Швейцарии // Генеральное консульство России в Женеве. – URL: http://geneve.kdmid.ru/ru.aspx?lst=ru&it=/ (дата обращения: 20.02.2022).

8. Real Decreto 1618/2007 // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. – URL: http://www.boe.es/boe/dias/2007/12/14/pdfs/A51371- 51376.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

Литвишко П. А.[1]*,*
заместитель начальника
Главного управления международно-правового
сотрудничества Генеральной прокуратуры
Российской Федерации – начальник управления
правовой помощи и правоохранительного содействия,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

За последнее время Генеральной прокуратурой Российской Федерации приняты результативные меры по совершенствованию и модернизации международного антикриминального сотрудничества, повышению его эффективности.

Наряду с участием в современных процессах децентрализации [1; 2[2]] и упрощения сношений в области международной правовой помощи Генеральная прокуратура Российской Федерации сохраняет роль обладающего широкими процессуальными, контрольными и координационными полномочиями главного центрального органа по вопросам правовой помощи и правовых отношений по уголовным делам на досудебной стадии уголовного судопроизводства (по ряду договоров также на судебной стадии наряду с Минюстом России), в частности в отношении поручений, затрагивающих конституционные права и свободы человека и гражданина и требующих решения суда или прокурора [16, с. 214–222].

Принятыми в Генеральной прокуратуре Российской Федерации организационными мерами за последний год удалось более чем вдвое увеличить количество уголовных дел, передаваемых за рубеж для осуществления уголовного преследования в порядке ст. 458 УПК РФ, что эффективно обеспечивает неотвратимость наказания преступников и разгружает международный и межгосударственный розыск.

При *передаче уголовного преследования* усовершенствованы [4; 15, с. 279–296]: порядок обеспечения возможности реального осуществления прав потерпевших и других участников уголовного судопроизводства (производится уведомление их о принятом решении о передаче уголовного дела за рубеж и разъ-

---

[1] © Литвишко П. А., 2022.

[2] По инициативе Генеральной прокуратуры Российской Федерации проект указа Президента Российской Федерации к одноименной Конвенции от 07.10.2002 по сравнению с Указом № 170 оптимизирован в части наделения центральных аппаратов органов предварительного расследования Российской Федерации полномочиями по прямому получению к исполнению запросов из-за рубежа.

ясняется порядок его обжалования); толкование принципа *ne bis in idem* (в большинстве случаев допустимо возобновление российского уголовного производства при принятии запрашиваемой страной неудовлетворительного окончательного процессуального решения по переданному ей уголовному делу); обеспечение неотвратимости наказания лиц с двойным гражданством, одно из которых российское, посредством механизмов правоохранительного содействия с учетом правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации [8].

Прокуроры обеспечивают надлежащие условия для заочного судебного рассмотрения уголовных дел; приостановления течения сроков давности исполнения заочных обвинительных приговоров судов путем вручения за границей их копий осужденным в рамках правовой помощи; передачи Минюстом России приговоров для исполнения за рубеж в порядке ст. 2 Дополнительного протокола к Конвенции о передаче осужденных лиц от 18 декабря 1997 г.

Пересмотрены подходы к *допросам подозреваемых и обвиняемых* в рамках международной правовой помощи, которые в настоящее время проводятся независимо от их гражданства; участию иностранных защитников в проведении следственных действий в России по зарубежным запросам о правовой помощи (такое участие обеспечивается) [14, с. 50–83].

Во многом совместно с ФСБ России по материалам иностранных запросов о правовой помощи, не затрагивающих передачу уголовного преследования, таковое самостоятельно инициируется в России против не подлежащих выдаче собственных граждан, в особенности причастных к компьютерным преступлениям.

Принимаются активные меры по сохранению *электронных доказательств* за рубежом с учетом политики отдельных провайдеров по автоматическому уведомлению абонентов (подписчиков) о подобных запросах правоохранителей [18, с. 149–150].

Такие *специальные методы расследования* (оперативно-разыскные мероприятия) – трансграничное наблюдение и негласные расследования – сопряжены с повышенными рисками несанкционированного вторжения в суверенное пространство запрашиваемого государства, в связи с чем при ратификации Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2001 г. Россией сделана оговорка об использовании права не принимать ст. 17 и 19 Протокола об этих действиях.

Соответствующие ограничения применимы при определенных условиях и к использованию российской ИКТ-инфраструктуры в целях проведения подобных мероприятий. Однако эти негласные действия могут при наличии потребности в этом проводиться в рамках другого вида правовой помощи – совместных расследований (ст. 20 Протокола), а также на основании положений многих других международных договоров Российской Федерации, таких как Палермская (ст. 20) и Меридская (ст. 50) конвенции, о специальных методах расследования, включающих в себя электронное наблюдение и агентурные операции (операции под прикрытием), многочисленных соглашений о правоохранительном содействии в проведении ОРМ, среди которых наиболее профильными являются Соглашение о сотрудничестве государств –

участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий 2018 г. и Протокол о взаимодействии государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности по противодействию преступной деятельности в информационной сфере 2014 г.

В 2022 г. разработанный УНП ООН Модельный закон о взаимной правовой помощи по уголовным делам 2007 г. будет актуализирован в части положений об электронных доказательствах и дополнен специальным методом расследования – (негласным) электронным наблюдением, которое в силу его дефиниции, упоминающей в том числе манипуляцию сообщениями, может включать в себя использование внедренных сотрудников и конфидентов онлайн, о чем свидетельствует история разработки этого документа [10] (от России в работе по обновлению Модельного закона участвует представитель Генеральной прокуратуры Российской Федерации).

В рамках специального межправительственного комитета экспертов открытого состава, представляющего все регионы мира, при ведущей роли Генеральной прокуратуры РФ разрабатывается проект всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. (Проект конвенции должен быть представлен Генассамблее ООН на ее 78-й сессии, которая будет проходить в период с сентября 2023 г. по сентябрь 2024 г.)

Важнейшее значение имеет внедрение *международного электронного документооборота* правоохранительных и судебных органов в области правовой помощи по уголовным делам и правоохранительного содействия посредством защищенных платформ (порталов) или защищенной электронной почты, без последующего направления оригиналов документов на бумажном носителе. На решение этих вопросов направлены инициатива Интерпола «e-MLA», в настоящее время «замороженная» по причине недофинансирования, а также подобная ей инициатива Узбекистана, прорабатываемая сейчас на площадке Исполкома СНГ. Одной из основных трудностей на пути использования трансграничных каналов юридически значимого электронного документооборота является выдвигаемое национальными законами требование наличия международного договора для взаимного признания усиленных электронных подписей, осуществляющих такой документооборот государств в соответствующей области правоотношений и учреждения доверенной третьей стороны.

С вступлением в силу в 2022 г. ст. 189.1 УПК РФ связаны ожидания ее широкого использования российскими органами предварительного расследования для получения доказательств из-за рубежа. В настоящее время путем использования систем *видео-конференц-связи* на досудебной стадии могут быть проведены допрос и очная ставка (независимо от процессуального статуса допрашиваемых), а также предъявление для опознания (ст. 189.1 УПК РФ), на стадии судебного следствия – допрос свидетеля или потерпевшего, а в некоторых случаях – участие в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей (ст. 240, 241, 277, 278.1 УПК РФ). Эти дистанционные действия могут проводиться также в трансграничном формате во взаимосвязи с положениями отсылочного характера ст. 453, 455, 457 УПК РФ. Однако препятствие к экстраполя-

ции «внутригосударственной» ст. 189.1 УПК РФ на исполнение российских и иностранных запросов о международной правовой помощи может быть усмотрено в требовании данной статьи об обязательном использовании «систем видеоконференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование», что, очевидно, относится к оконечному пользовательскому оборудованию обеих сторон – запрашивающей и запрашиваемой, и в транснациональном контексте используемое зарубежной стороной оборудование может быть расценено как не удовлетворяющее этому требованию.

Проблемным представляется положение ч. 8 ст. 189.1 УПК РФ, не допускающее проведение следственных действий в режиме видеоконференции в случае возможности разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны. Осуществленное уполномоченным лицом в установленном порядке предание гласности сведений, составляющих тайну следствия (ст. 161 УПК РФ), тайну связи, банковскую, коммерческую или иную, кроме государственной, тайну (например, путем их предъявления следователем допрашиваемым лицам), в ходе дистанционного следственного действия не должно толковаться как упомянутое разглашение.

Указанием Генерального прокурора Российской Федерации от 31 августа 2020 г. № 442/35 «О мерах по организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по возвращению активов из-за рубежа» алгоритмизировано взаимодействие подразделений Генеральной прокуратуры и других органов прокуратуры РФ в этой важной сфере. Проходят межведомственное согласование проекты межведомственного приказа «О порядке организации работы по возвращению из-за рубежа активов, полученных в результате совершения преступлений и иных правонарушений», а также двух федеральных законов о расширении полномочий органов прокуратуры Российской Федерации в области возврата активов. Издана монография, в которой комплексно рассмотрены все основные аспекты возврата активов [19].

В качестве основных практических трудностей в области возврата активов надлежит назвать следующие:

1. Подавляющее большинство международных договоров (пример исключения – Кишиневская конвенция 2002 г.) предусматривают арест и подобные ему ограничительные меры, равно как и последующие меры конфискационного и реституционного характера, только в отношении имущества, представляющего собой доходы от преступлений или средства их совершения, либо их стоимостного (денежного) или имущественного эквивалента, тем самым исключая возможность применения этих мер в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафов и других имущественных взысканий в отношении имущества, не имеющего такой связи с преступлением. В этом контексте заслуживает скорейшей ратификации подписанная Россией универсальная Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам от 2 июля 2019 г., которая, как и подобные положения двусторонних и региональных договоров Российской Федерации, применима к возмещению причиненного преступлением ущерба и не требует связи активов с преступлением для возмещения за счет них ущерба.

2. Даже при наличии названной криминальной связи имущества возможности его возврата в Россию ограничены по причине особенностей материальной конфискации по российскому уголовному закону. В силу ст. 104.1 УК РФ основная масса преступлений против собственности не может влечь конфискацию. Как правило, это объясняют действующим в России приоритетом реституции (возмещения вреда законному владельцу), что, однако, не вполне понятно, поскольку положения п. «а» ч. 1 ст. 104.1 и ст. 104.3 УК РФ и так уже закрепляют субсидиарность конфискации по отношению к реституции, применение первой «по остаточному принципу» только после второй[1]. В то же время весьма невелико число стран назначения выводимых активов, с которыми у России заключены международные договоры о признании и принудительном исполнении судебных решений по уголовным и гражданским делам о возмещении причиненного преступлениями ущерба и тем более о взыскании штрафов.

Запрос иностранного государства (Республика Узбекистан) о конфискации преступно нажитых доходов, находящихся на территории Российской Федерации, рассмотрен судами первой и апелляционной инстанций с участием прокуроров в России впервые с момента введения в 2017 г. в УПК РФ главы 55.1 в 2020 г., при этом создан прецедент межгосударственного раздела активов по уголовному делу в судебном порядке [9]. Предстоит определить порядок принятия и реализации конфискованного недвижимого имущества, который в настоящее время в России законодательно не урегулирован.

В настоящее время *виртуальные активы* могут быть арестованы и конфискованы в России только после предварительного перевода в фиатную валюту или иное имущество[2]. Генеральной прокуратурой Российской Федерации разработаны и сейчас проходят межведомственное согласование проекты федеральных законов, регламентирующих обеспечительные и конфискационные меры в отношении цифровой валюты, что необходимо и для обеспечения возможности осуществлять международное взаимодействие по исполнению этих принудительных мер [17, с. 8–14].

Развито ведомственное нормативное регулирование *антикоррупционного международного сотрудничества прокуратуры* Российской Федерации *вне уголовно-правовой сферы* [3; 6].

Обеспечено нормативное оформление корректного разделения в организационно-распорядительных документах и правоприменительной практике институтов правовой помощи и *правоохранительного содействия* [5].

---

[1] Это также не согласуется с положениями Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16.05.2005 (п. 1–2 ст. 3, оговорка России к этой норме).

[2] Исключением может быть процессуальная конфискация виртуальных активов как средства совершения преступления, являющегося вещественным доказательством (предметом), в порядке п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, поскольку в данной норме, в отличие от главы 15.1 УК РФ, не употребляется понятие имущества. Данный вид конфискации не позволяет применять эквивалентную конфискацию. Кроме того, в силу Федеральных законов № 230-ФЗ и № 273-ФЗ возможно применение антикоррупционной конфискационной меры по иску прокурора в отношении виртуальных активов, которые для целей антикоррупционного законодательства отнесены к имуществу.

Под эгидой Генеральной прокуратуры Российской Федерации успешно функционируют две представительные межведомственные рабочие группы – по противодействию информационной преступности и возвращению активов из-за рубежа, созданные приказами Генерального прокурора Российской Федерации в 2020 г.

Консульским департаментом МИДа России на основе разработанного в Генеральной прокуратуре Российской Федерации и согласованного с заинтересованными федеральными государственными органами вопросника осуществлен сбор в иностранных государствах пребывания страновой информации о возможности и порядке реализации в иностранных государствах российскими консульскими учреждениями и дипломатическими представительствами *консульской правовой помощи* по вручению повесток, других процессуальных документов и допросу участников уголовного судопроизводства, в том числе посредством видеоконференции (возможны на основе п. 8 Положения о Консульском учреждении Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 1330, самоисполнимых норм международных договоров РФ о правовой помощи и правовых отношениях по уголовным делам, консульских конвенций, законодательства об их ратификации и иных правовых актов к ним, с учетом в том числе определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 560-О, постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П) [13, с. 173–195]. Генеральной прокуратурой Российской Федерации в 2021 г. поддержан законопроект СК России об имплементации в УПК РФ данного правового института. Инициировано рассмотрение актуальных вопросов консульской правовой помощи по уголовным делам в Комитете экспертов Совета Европы по действию европейских конвенций о сотрудничестве по уголовным делам [11].

Генеральная прокуратура Российской Федерации продвигает тему международного регулирования применения специальных методов расследования, под которыми понимаются преимущественно негласные оперативно-разыскные мероприятия [12].

Важные международно-правовые положения *административно-деликтного права*, разработанные представителями Генеральной прокуратурой Российской Федерации, нашли отражение в текущей редакции проектов федеральных законов «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (КоАП, ПКоАП), а именно: усовершенствована норма об административной ответственности лиц, пользующихся иммунитетом в соответствии с нормами международного права; введены изъятия отдельных видов административных наказаний для сотрудников дипломатических представительств, консульских учреждений Российской Федерации, постоянных представительств Российской Федерации при международных (межгосударственных, межправительственных) организациях, иных официальных представительств Российской Федерации и представительств федеральных органов исполнительной власти, находящихся за пределами территории Российской Федерации; существенно развиты и расширены правила действия ПКоАП во времени, в про-

странстве и в отношении лиц, пользующихся международно-правовым иммунитетом; скорректированы по сравнению с действующим КоАП РФ положения ряда статей раздела о правовой помощи по делам об административных правонарушениях, включая передачу административного преследования; введен порядок вызова участников административно-деликтного производства из-за рубежа в порядке консульской правовой помощи.

Максимально усовершенствована отчетность нижестоящих прокуроров по всем блокам международно-правового сотрудничества [7].

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.06.2019 № 120-ФЗ «О ратификации Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 11.02.2022).

2. Указ Президента Российской Федерации от 17.04.2017 № 170 «О центральных органах Российской Федерации, территориальных и иных органах, уполномоченных на осуществление непосредственного взаимодействия с компетентными органами государств – участников Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. и Протокола к ней от 28 марта 1997 г.» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 11.02.2022).

3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 05.08.2019 № 550 «Об утверждении Положения о порядке направления в иностранные банки, иные иностранные организации и уполномоченные органы иностранных государств запросов в связи с проведением проверки соблюдения запрета, установленного Федеральным законом от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 11.02.2022).

4. Указание Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2020 № 23/35 «О порядке организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 11.02.2022).

5. Указание Генерального прокурора Российской Федерации от 09.03.2022 № 133/35 «О порядке организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания содействия в сфере правоохранительной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 11.02.2022).

6. Соглашение о взаимодействии Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации при реализации полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хра-

нить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» от 29.08.2019» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 11.02.2022).

7. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 03.06.2020 № 297 «О порядке осуществления международного сотрудничества органами и организациями прокуратуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 11.02.2022).

8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.07.2019 № 66-АПУ19-12 по уголовному делу в отношении Г.В. Смыра // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 11.02.2022).

9. Постановление Московского городского суда от 21.12.2020 по делу № 2м-0011/2020, апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 22.11.2021 по делу № 55-1102/2021 в отношении Г.А. Авакьян, Каримовой, Р.Т. Мадумарова и других лиц // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 11.02.2022).

10. UNODC Model Law on Mutual Assistance in Criminal Matters (2007).

11. Consular Legal Assistance in Criminal Matters: State of Play and Added Value of Developing the Council of Europe's Framework: Discussion Paper by Mr Pyotr Litvishko (Russian Federation), PC-OC Mod Substitute Member, Strasbourg, 19 Aug. 2021 [PC-OC/PC-OC Mod/Docs PC-OC Mod 2021/ PC-OC Mod (2021)03E]; Introductory Note to Discussion Paper PC-OC (2021)09EN.

12. Special Investigative Techniques: Assessing the Need for Additional Regulation in the Council of Europe's Instruments of Legal Assistance in Criminal Matters: Discussion Paper by Mr Pyotr Litvishko (Russian Federation), PC-OC Mod Substitute Member, Strasbourg, 19 Aug. 2021 [PC-OC/PC-OC Mod/Docs PC-OC Mod 2021/ PC-OC Mod (2021)04E]; Introductory Note to Discussion Paper PC-OC (2021)10EN.

13. Компетентные органы России и иностранных государств в сфере уголовного судопроизводства: статус, полномочия и механизмы взаимодействия : монография / под ред. С. П. Щербы. – М. : Юрлитинформ, 2019.

14. Литвишко, П. А. Защита прав подозреваемых и обвиняемых в международно-правовом сотрудничестве Генеральной прокуратуры Российской Федерации / П. А. Литвишко // Международное сотрудничество прокуратуры Российской Федерации в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина / под ред. Г. Л. Куликовой. – М. : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2019.

15. Литвишко, П. А. Передача уголовного преследования и признание иностранных процессуальных решений в уголовном судопроизводстве России / П. А. Литвишко // Библиотека криминалиста. – 2018. – № 2(37).

16. Литвишко, П. А. Правосубъектность Следственного комитета Российской Федерации в области международной правовой помощи по уголовным делам и роль Генеральной прокуратуры Российской Федерации как центрального

органа / П. А. Литвишко // Следственный комитет Российской Федерации: второе десятилетие на службе Отечеству / под ред. А. М. Багмета. – М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019.

17. Литвишко, П. Юрисдикционные и международно-правовые аспекты обеспечительных и конфискационных мер в отношении виртуальных активов / П. А. Литвишко // Законность. – 2021. – № 3 (1037).

18. Методика борьбы с компьютерными преступлениями : учебное пособие / [К. В. Камчатов и др.]; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2020.

19. Правовые основы и опыт сотрудничества России с иностранными государствами в сфере розыска, наложения ареста, конфискации, возврата имущества и денежных средств, полученных незаконным путем, а также доходов от такого имущества : монография / под ред. О. С. Капинус. – М. : Проспект, 2021.

Ляхов Е. Г.[1]*,*
профессор кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
профессор кафедры конституционного
международного права
Российской таможенной академии,
Вице-президент
Российской Ассоциации международного права,
Лауреат международного конкурса
«научная книга» 2021 года,
доктор юридических наук,
Заслуженный юрист Российской Федераци

Ляхов Д. Е.[2]*,*
доцент Российского государственного
гуманитарного университета,
кандидат юридических наук,

Рыжак В. А.[3]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров,
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПРОФИЛАКТИКИ КРИМИНАЛЬНЫХ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ (ИНДИВИДУ) И НАЦИОНАЛЬНОМУ (ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОМУ) ОБЩЕСТВУ

Согласно научно-практической формуле обеспечения безопасности основных субъектов и акторов (участников) национальных и международных отношений – личности, национального общества, государства и формирующегося мирового сообщества [1] противодействие угрозам им осуществляется по направлениям:

1) профилактика и предупреждение;

2) собственно борьба (преследование за совершившиеся преступные деяния: от расследования до предания суду преступников до их наказания и реабилитации;

---

[1] © Ляхов Е. Г., 2022.
[2] © Ляхов Д. Е., 2022.
[3] © Рыжак В. А., 2022.

3) минимизация и ликвидация последствий, например, актов терроризма.

О противодействии угрозам безопасности государства и Мирового сообщества есть уже немало доктринальных исследований в Российской Федерации и за рубежом, включая и работы авторов этой статьи. Нужно продолжить дифференцированно исследовать как конкретные угрозы, например криминальные, конкретным социальным объектам безопасности, так и конкретным способам, и формам именно профилактики криминальных угроз личности (индивиду) и национальному (внутригосударственному) обществу.

Профилактика угроз в форме преступных посягательств (преступности как явления социально-политической жизни и как отдельных преступлений) – это воздействие на причины и условия, порождающие их. Нужны усилия различных наук, чтобы: а) вскрыть и показать конкретные виды преступлений и преступности; б) доказать и показать их особо опасное качество как угроз безопасности конкретным социальным объектом; в) определиться с формами и способами профилактики причин и условий, породивших конкретное преступление (угрозу).

Важным и необходимым для профилактики криминальных угроз в 20-е годы XXI в. личности (индивиду) и национальному (внутригосударственному) обществу как субъектам и акторам международных и международно-правовых отношений является определение политико-правовых форм и способов, созданных и апробированных к настоящему периоду сложнейших международных отношений. В теории и практике международного сотрудничества по противодействию общеуголовной и международной (транснациональной) преступности, и в теории и практике обеспечения национальной и международной безопасности к таковым следует отнести:

1) направление международного юрисдикционного сотрудничества, принципы международного права и комплексный правовой институт – экстрадицию – выдача преступников;

2) учреждение (политико-юридическое и фактическое) международных институциональных организаций и органов (типа Международной организации уголовной полиции – Интерпола и его органов);

3) определение аксиологических начал взаимодействия всех групп: а) социальных норм; б) социальных и природно-технических норм при выработке оптимальных форм и способов именно политико-правовой профилактики криминальных угроз личности (индивиду) и национальному (внутригосударственному) обществу.

Рассмотрим основы теории, истории и практики действия экстрадиции – выдачи преступников.

В настоящее время есть ряд направлений международного сотрудничества по предупреждению преступности, борьбе с ней и обращению с правонарушителями, регулируемых международными договорами на двустороннем, региональном и универсальном уровнях. Это сотрудничество может осуществляться между государствами с различным общественно экономическим и политическим строем и между государствами с однотипным строем.

Основные направления международного сотрудничества в борьбе с преступностью:

1) выдача преступников и оказание правовой помощи по уголовным делам;

2) научно-информационное сотрудничество (обмен национальным законодательством, научным и практическим опытом, обсуждение проблем и проведение совместных исследований);

2) оказание профессионально-технической помощи государствам в их борьбе с уголовной преступностью;

3) договорно-правовая координация борьбы с преступлениями, затрагивающими несколько государств (сотрудничество государств в борьбе с отдельными видами преступлений на основе международных соглашений), и деятельность органов международной уголовной юстиции деятельность международных уголовных судов и трибуналов.

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью осуществляется на основе международных соглашений либо на основе принципа взаимности. Важной формой международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства является выдача преступников для уголовного преследования или исполнения приговора – экстрадиция.

Преступность, требующая принятия специальных мер по борьбе с ней, возникла в рабовладельческую эпоху с ее специфическим государственным аппаратом и соответствующей совокупностью правовых норм, обеспечивающих господствующее положение класса рабовладельцев. Национальные меры играют решающую роль, однако наблюдается зарождение некоторых международных согласованных и упорядоченных действий государств в борьбе с преступностью. Начинает складываться такое направление международного сотрудничества, как правовая взаимопомощь по уголовным делам (например, в розыске преступников) и институт экстрадиции (выдачи преступника). Русский юрист-международник Д. П. Никольский говорил о договорах между греческими городами-государствами, в которых содержались положения о выдаче преступников. Он упоминает о фактах применения института выдачи к беглым рабам Римской империи и Греции [2, с. 44–49]. Советский юрист-международник Р. М. Валеев писал: «Договоры рабовладельческих государств показывают, насколько институт выдачи преступников носил ярко выраженный классовый характер, защищавший интересы господствующих классов» [3, с. 12]. Выдаче в то время подлежали и уголовные преступники, нарушившие, например, неприкосновенность послов, и беглые рабы, таким способом выразившие протест против существовавших в обществе отношений. Можно сказать, что международные соглашения, содержавшие положения о выдаче, содействовали проведению в жизнь согласованной карательной политики договаривающихся государств.

В эпоху феодализма, как и в период рабовладения, правящий класс не меняет своего отношения и к роли права в обществе вообще, ни к уголовным законам. Суверен обрушивает закон лишь на своих подчиненных и противников борьбы за власть. Соответственно и сотрудничество на международной арене затрагивает прежде всего такого рода проблемы. Растет количество договоров

экстрадиции, в которых конкретизируется круг лиц, подлежащих выдаче, определяются ее основания. Таким образом институт экстрадиции продолжает совершенствоваться. Он применялся Древней Русью во взаимоотношениях с Византией, а Российской империей с Англией, Францией и другими европейскими государствами [3, с. 12–13].

В период феодализма институт выдачи начинает активно использовать в своих целях Католическая церковь. Еретики рассматриваются как объект выдачи.

Известное ограничение применения экстрадиции идет за счет развития обычных норм, относящихся к институту гостеприимства, который является предшественником и своеобразной первоосновой права убежища [4].

В период феодализма расширился не только круг участников международного общения, но и сфера сотрудничества в борьбе с преступностью. Особенно это стало заметно в позднефеодальный период развития общества, когда, с одной стороны, уголовная преступность стала носить массовый характер давая толчок к усилению разработки и применения национальных и международных форм и способов борьбы с нею, с другой – расширилось международное сотрудничество в таких важных областях, как торговое мореплавание, путешествие ради открытия и захвата новых земель. В этот период наметилось активно поддержанное Церковью сотрудничество государств в борьбе с конкретными видами преступлений, затрагивающих общие интересы государств, например, с морским пиратством.

Для капиталистического общества был характерен постоянный рост преступности, объяснявшийся, с одной стороны, нищетой и бесправием эксплуатируемых масс, с другой – погоней представителей господствующих классов за максимальной прибылью. Правящие круги были вынуждены уделять все больше внимания борьбе с преступностью, а вместе с тем и международному сотрудничеству в борьбе с ней, тем более что с колоссальным расширением международных связей росло число преступлений с «иностранным элементом».

В Советском государстве многие вопросы борьбы с преступностью и международного сотрудничества в этой сфере приобрели особое идеологическое звучание. Постепенно расширялась область сотрудничества: кроме собственно вопросов борьбы с преступностью, рассматриваются проблемы причин и тенденций преступности, меры ее предупреждения, вопросы ресоциализации правонарушителей и деятельности пенитенциарных систем. Появляются и быстро развиваются новые направления и формы международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Эволюция как новых, так и «старых» форм сотрудничества тесно связана со становлением межударного права и отраслей национального права: уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-пенитенциарное, гражданское и гражданское процессуальное право.

Дальнейшее развитие получают направления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства – правовая помощь по уголовным делам и выдача преступников (экстрадиция). В договорной форме закрепляются положения, определяющие экстрадиционные преступления, правила и процедуры переговоров о выдаче, о предварительном задержании лиц, подлежащих выдаче. Фиксируются важные начала института выдачи: принцип взаим-

ности и принцип невыдачи собственных граждан. Заключаются двусторонние и многосторонние соглашения о выдаче преступников в Европе и Америке.

Институт экстрадиции после Второй мировой войны достиг значительного развития. Заключены и действуют многочисленные двусторонние договоры и региональные соглашения о выдаче преступников. Институту выдачи преступников уделяют внимание международные правительственные и неправительственные организации. С 70-х годов. XX в. государства Европейского союза идут по пути экстрадиции в целях исполнения судебных приговоров. В это же время между СССР и странами народной демократии (Восточной Европы) заключается договор о передаче осужденных для отбывания наказания в государствах, гражданами которых они являются (1978). Благодаря данному многостороннему договору усиливается международное сотрудничество по укреплению связи экстрадиции и международной защиты прав человека, включая защиту передаваемых преступников и других лиц, соприкоснувшихся с уголовным правосудием на национальном и международном уровнях.

Заключение многочисленных многосторонних и двусторонних договоров, конвенций, соглашений о правовой помощи и правовых отношениях по уголовным делам и о выдаче преступников способствует укреплению и структурированию международного и национального судоустройства.

Институт экстрадиции всегда в большей или меньшей степени содействовал осуществлению центрального принципа уголовного судопроизводства – принципа неотвратимости наказания лица за совершенное им уголовное деяние. Однако с появлением и увеличением числа преступлений терроризма и международного терроризма и институт экстрадиции, и право убежища стали использоваться западными государствами в идеологической и политической борьбе посредством применения «двойных» стандартов с объявлением террористов борцами за свободу, а борцов за свободу – террористами. Во всех случаях совершалось насилие, которое требовало юридической оценки и пресечения по факту совершенного деяния и ради предупреждения насилия, его разрастания и степени его опасности не только для человека, но и общества, государства и мирового сообщества.

В числе фундаментальных трудов, которые помогают разобраться в понимании как самой экстрадиции – комплексного правого института, так и принципа «aut dedere aut judicare» («либо выдай, либо суди»), – работы Д. П. Никольского «О выдаче преступников по началам международного права» [2], Р. М. Валеева «Выдача преступников в современном уголовном праве» [3], а также труд Гуго Гроция «О праве войны и мира» (1625).

И в заключение несколько теоретико-правовых выводов об определении понятия экстрадиция с национально-правовой и международно-правовой точек зрения. На эту тему написано немало научных работ, но написано по-разному.

В исследовательской работе Н. А. Сафаров приводит определение, что «экстрадиция представляет собой процесс, на различных стадиях которого лицо должно иметь возможность пользоваться процессуальными средствами для оспаривания законности применения принудительных мер, и, в частности, ареста для целей выдачи, приводить доводы против своей экстрадиции, обжало-

вать в порядке, предусмотренном законодательством запрашиваемого государства, решение о выдаче и т. д.» [5], а А. Г. Вениаминов, подходя к проблеме с точки зрения уголовного процесса, утверждал, что «экстрадиция – это осуществляемая в процессуальном порядке деятельность компетентных органов двух и более государств, основанная на нормах национального и международного права, а также принципе взаимности, направленная на обеспечение выдачи лиц, совершивших преступление, для уголовного преследования, привлечения их уголовной ответственности и (или) исполнения приговора, а также передачи осужденных лиц для отбывания наказания в государство, гражданами которого они являются или постоянно в нем проживают, либо применения по отношению к ним принудительных мер медицинского характера» [6, с. 335].

И несколько замечаний о принципе «либо выдай, либо суди», который ныне приобрел более четкую и краткую формулировку «суди или выдай». Иная неоднозначная роль у этого принципа появилась с конца 1970-х – начала 1980-х годов в связи с преступными явлениями терроризма и международного терроризма. Заключено уже 18 многосторонних конвенций по противодействию международному терроризму и значительное количество двусторонних соглашений по борьбе с терроризмом. Подключение принципа (правила) «либо выдай, либо предай суду» к вопросам борьбы с терроризмом было связано и с тем, что вплоть до середины 80-х годов в большинстве стран террористические акты зачастую рассматривались как политические преступления. В вопросах экстрадиции – это важнейший момент. «Подключение» принципа экстрадиции предоставило бóльшие возможности всем странам, которые проводили, по сути, двойную политику, включая США, Великобританию и другие страны, которые «покрывали» явных террористов называя их борцами за что-то, хотя бы как-то бороться с ними. Ныне ни одно из государств уже не должно отходить от принципа «либо выдай, либо суди».

Важные вопросы, связанные с рассматриваемым принципом, возникают в случае передачи осужденного для отбывания наказания в государстве, гражданином которого он не является. Это, например, касается изучения и практики определения в органах международной уголовной юстиции оснований для выдачи, вопросов, связанных с отказом в выдаче, и т. д. Интересен и вопрос, связанный с существованием юридического правила, согласно которому за одно и то же деяние нельзя наказывать дважды. Но центральный вопрос здесь – соотношение характера представления об этом по национальному и по международному праву и сами процедуры выдачи. Эти пока актуальные вопросы слабо изучены.

Таким образом, комплексный правовой институт экстрадиции и принцип «либо выдай, либо суди» продолжают играть ведущую роль в противодействии преступности на национальном и международном уровнях в рамках соответственно международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства взаимодействующих государств, равно как и сфере международного уголовного правосудия.

Список литературы

1. Ляхов, Е. Г. Безопасность государства и Международного сообщества: теоретико-правовая формула обеспечения в XXI веке : монография / Е. Г. Ляхов, Д. Е. Ляхов, А. А. Алимов. – Челябинск, 2015. – 302 с.

2. Никольский, Д. П. О выдаче преступников по началам международного права / Д. П. Никольский. – СПб., 1884. – 540 с.

3. Валеев, Р. М. Выдача преступников в современном международном праве / Р. М. Валеев. – М., 1976. – 126 с.

4. Галенская, Л. Н. Право убежища / Л. Н. Галенская. – М., 1968. – 128 с.

5. Сафаров, Н. А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики : дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Н. А. Сафаров. – М., 2007.

6. Вениаминов, А. Г. Рассмотрение Верховным судом Российской Федерации дел об экстрадиции / А. Г. Вениаминов // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 4. – С. 335–341.

7. Международное уголовное право : учебник. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. – 149 с.

Мамонтова Э. А.[1]*,*
доцент кафедры
безопасности и правопорядка
Тамбовского государственного
технического университета,
кандидат исторических наук, доцент

Попов А. М.[2]*,*
доцент кафедры
криминалистики Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ

Проблемы миграционной политики России всегда привлекали внимание многих исследователей. Отмечается, что наличие большого количества дешевой иностранной рабочей силы подпитывает «теневой» сектор экономики России и тормозит модернизацию ряда отраслей, где велико присутствие трудовых мигрантов. Ученые подчеркивают необходимость регулирования процессов внешней трудовой миграции преимущественно экономическими методами, а не попытками всемерного ужесточения миграционного контроля, которые только загоняют мигрантов в теневую занятость.

Кризисные явления в экономике России из-за пандемии и закрытие границ в целях нераспространения коронавирусной инфекции резко обострили проблемы в сфере внешней трудовой миграции. В «мигрантоемких» отраслях экономики (строительство, оптовая и розничная торговля, гостиничный и ресторанный сервис и другие услуги) сократилось количество рабочих мест, а также заработные платы. Часть потерявших работу трудовых мигрантов нашли другую работу, в основном в курьерской доставке. Уехавшие же в страны происхождения несколько сотен тысяч мигрантов ждут нормализации обстановки в России, чтобы снова приехать сюда на заработки. По данным МВД России, в 2021 г., число оформленных разрешений на работу составило 93 031, в то время как в 2020 г. их было 62 686 (Сводка основных показателей по миграционной ситуации в РФ за январь – декабрь 2021 г. Сайт МВД России). Приведенные цифры свидетельствуют о постепенной стабилизации ситуации в области внешней трудовой миграции.

---

[1] © Мамонтова Э. А., 2022.
[2] © Попов А. М., 2022.

Исследование, проведенное Высшей школой экономики еще в апреле – мае 2020 г., показывало, что в России потеряли работу около трети трудовых мигрантов. Многим из уволенных не хватало денег даже на еду. Тем не менее, лишь каждый десятый безработный мигрант раздумывал, стоит ли временно покинуть Россию, переждать трудности на родине, а потом вернуться. Из трудовых мигрантов, работавших в гостиничном и ресторанном бизнесе, потеряли работу 54,3 %, из работавших помощниками в домашнем хозяйстве – 35,4 %, из работавших в торговле – 32,9 %, из работавших на транспорте и в складском хозяйстве – 28,9 %, а из работавших в строительстве – лишь 18,5 % [1].

Обычно трудовые мигранты не имеют достаточных запасов денежных средств, позволяющих продержаться в кризисный период, поскольку половину заработка отсылают семьям в страны происхождения. Однако вследствие безработицы и потери источников дохода им приходится искать любую работу и соглашаться на любые условия работодателей, что приводит к демпингу зарплаты на российском рынке труда, а некоторых такая ситуация подталкивает на совершение противоправных действий.

Власти России в условиях пандемии коронавируса стараются оперативно решать возникающие у мигрантов из-за противоэпидемических ограничений проблемы трудоустройства и правового статуса, чтобы облегчить положение мигрантов и не допустить роста преступности.

Государственная Дума Российской Федерации в ускоренном порядке приняла поправку в ст. 13.3 Федерального закона № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в РФ». Из п. 8 ст. 13.3 было исключено ограничение по числу обращений иностранных работников за продлением патента. Раньше трудовой мигрант мог продлить патент (срок действия которого не может превышать 12 месяцев) однократно на срок не более 12 месяцев. Таким образом, по прошествии максимум двух лет ему обязательно необходимо было выехать из России и вернуться обратно, чтобы получить право оформить новый патент. Принятая поправка позволила мигранту, прибывшему в Россию в безвизовом порядке и работающему на основании патента, неограниченное количество раз продлевать имеющийся патент без выезда из страны. В условиях строгих противоэпидемических ограничений такая мера значительно упростила жизнь трудовым мигрантам, иначе им пришлось бы через неофициальных «посредников» оформлять фиктивный выезд и въезд в Россию, затем контактировать с сотрудниками множества профильных государственных структур для оформления нового патента. Законопослушные иностранные работники из безвизовых стран смогли пребывать и работать на территории России долгосрочно, что сделало их более привлекательными для работодателей.

Правительство Российской Федерации и государственные органы субъектов Российской Федерации стараются по мере возможности сохранить занятость для иностранных рабочих в критически важных отраслях экономики, где велика доля иностранной рабочей силы. Например, в сельском хозяйстве некоторых регионов России трудится много сезонных рабочих-мигрантов и на их место региональные власти не смогут найти достаточное количество местных жите-

лей. Самая сложная ситуация в строительстве, в котором было занято около двух миллионов иностранных рабочих. Строительство жилых и производственных объектов весьма инерционный процесс, и в случае временной остановки возобновить его будет сложно. Да и сама консервация строящегося объекта потребует немалых затрат. Учитывая, что в строительной отрасли рабочие коллективы в основном мало контактируют с остальным населением, изыскивались способы сохранить объемы строительства, не нарушая при этом противоэпидемических ограничений. Поэтому в строительной отрасли большинству мигрантов удалось сохранить трудовую занятость.

Меры, принимаемые Российской Федерацией по сохранению занятости для иностранных рабочих и по содействию в урегулировании их правового статуса, не только упростили жизнь законопослушным трудовым мигрантам, но и способствовали легальному трудоустройству и выходу из теневой занятости части мигрантов, ведущих нелегальную трудовую деятельность. Удалось не допустить роста «мигрантской» преступности, чего опасались многие эксперты в начале 2020 г. По данным МВД России, за 2021 г., гражданами государств – участников СНГ совершено 28 520 преступлений, что на 7,5 % меньше по сравнению с 2020 г. (Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 г. Сайт МВД России).

Государству необходимо продолжить принятие мер по урегулированию правового статуса трудовых мигрантов. Дело в том, что многие из них причиной въезда в Россию указывали частные цели, а на работу устраивались нелегально, без должного оформления. Например, из въехавших в Россию за январь – сентябрь 2020 г. 7,6 млн иностранцев, указали целью въезда работу только 1,9 млн человек (отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – сентябрь 2020 г. с распределением по странам и регионам). Изменить цель въезда они могли только при новом визите в Россию, предварительно выехав из нее, что в условиях противоэпидемических ограничений иногда затруднительно. Желательно разрешить иностранным гражданам менять цель въезда в Россию без выезда из страны. Это способствовало бы существенному сокращению теневой занятости трудовых мигрантов. Кроме того, наличие в стране сотен тысяч трудовых мигрантов, оставшихся без работы и денег, в известной степени создает для любого государства опасность роста преступности.

3 августа 2020 г. заместитель председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д. Медведев на совещании по вопросам обеспечения правопорядка в период преодоления эпидемии коронавируса предлагал рассмотреть идею о том, чтобы предоставлять трудовым мигрантам право на въезд в Россию, только если от их работодателя получено недвусмысленное подтверждение их трудоустройства (Актуальные вопросы обеспечения правопорядка в период преодоления эпидемии коронавируса: Совет Безопасности Российской Федерации, совещание от 03.08.2020). Однако трудовые мигранты очередное ужесточение миграционного контроля могут обходить привычным способом – уходя в теневой сектор, так как многие работодатели охотно нанимают нелегалов. Нужно одновременно ужесточать контроль также и за работодателями, чтобы искоре-

нить у них желание нанимать нелегальных трудовых мигрантов. Хотя для юридических лиц уже предусмотрены серьезные штрафы, практика показывает, что выгода от использования труда нелегалов для работодателей настолько велика, что они готовы рисковать. Необходимы дополнительные меры воздействия на работодателей – запрет на деятельность до одного года и еще более серьезные штрафы за использование труда нелегальных мигрантов. Кроме того, все расходы по депортации мигрантов, чей труд незаконно (вне квоты или без должного оформления) использовали на территории России, надо возложить на работодателей, которые приняли их на работу.

Если трудовых мигрантов в условиях пандемии работодатели часто увольняли, то российских граждан сокращения персонала коснулись меньше, чаще их переводили на неполный рабочий день или на дистанционную работу с уменьшением зарплаты. И все же на российском рынке труда значительно сократилось число рабочих мест и увеличилась безработица. В то же время российские граждане не спешат занимать освободившиеся из-за отъезда сотен тысяч мигрантов низкоквалифицированные рабочие места в строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, общепите, сельском хозяйстве. Модернизация этих рабочих мест, а значит, более высокая оплата труда, могут привлечь российских граждан. Тем не менее работодатели предпочитают выжидать, надеясь на скорую отмену противоэпидемических ограничений. Но им придется модернизировать производство и повышать зарплаты, иначе придется сворачивать масштабы своей деятельности. В рамках мер по поддержанию экономики России в период пандемии коронавируса одно из направлений – предоставление предпринимателям льготных кредитов на модернизацию низкоквалифицированных рабочих мест, что положительно сказывается на сохранении социально приемлемого уровня безработицы россиян.

Кроме того, на российском рынке труда сложился определенный дисбаланс, когда в сельской местности и в малых городах много людей длительное время находятся в состоянии «застойной» безработицы, тогда как в мегаполисах многие рабочие места занимают мигранты. В России надо продолжать развивать условия для внутренней трудовой миграции, чтобы российские граждане могли потеснить трудовых мигрантов на рынке труда. Правительству Российской Федерации целесообразнее разрабатывать программы внутренней трудовой миграции, чтобы можно было предлагать безработным жителям из малых городов и сельской местности сезонную или вахтовую работу в крупных городах России, с предоставлением им мест в общежитиях (многие не в состоянии арендовать жилье), с оказанием помощи в получении востребованных на российском рынке труда навыков и профессий.

Нужно создавать условия для снижения уровня безработицы в стране, в том числе и за счет повышения выгодности найма российских, а не иностранных работников. Ужесточение контроля, налоговых и социальных требований к работодателям, привлекающим трудовых мигрантов, заставит работодателей официально трудоустраивать работников, что создаст равные конкурентные условия для граждан России и трудовых мигрантов. Это позволит эффективнее решать проблему безработицы российских граждан.

Трудоустройство российских граждан на традиционно «мигрантские» рабочие места даст положительные эффекты для государственного бюджета России (официальное трудоустройство означает уплату налогов в федеральный и местные бюджеты) и для российской экономики в целом (уменьшатся «теневой» сектор и количество безработных россиян). В то же время повышение зарплат ожидаемо повлечет и больший приток трудовых мигрантов, что обострит конкуренцию на рынке труда за такие рабочие места между российскими гражданами и мигрантами. Но такая конкуренция за официальное трудоустройство пойдет только на пользу российскому рынку труда, сделает его более прозрачным и квалифицированным.

Список литературы

1. Коронавирус и трудовая миграция // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ. Экономические и социальные последствия коронавируса в России и мире. – 2020. – № 7.

Махтюк С. О.[1]***,***
старший инспектор пятого отдела
управления контроля за следственными
органами Главного следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации,
аспирант Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации.

Научный руководитель:
Цветков Ю. А.,
кандидат юридических наук, доцент

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА СВОБОДУ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО

Распространение интернета, социальных сетей и мессенджеров в современном мире происходит в геометрической прогрессии. Российский сегмент не исключение. Аудитория интернета в нашей стране в 2021 г. выросла до 124 млн чел., что составляет 85 % населения страны [5].

Согласно опубликованному осенью 2021 г. рейтингу социальных сетей в России первое место по числу зарегистрированных пользователей принадлежит «Instagram» – 38,1 млн чел. На втором и третьем местах расположилась соответственно «ВКонтакте» (23,8 млн) и «YouTube» (8,5 млн) [6].

На этом фоне вполне логично активное использование социальных сетей и интернет-СМИ государственными и правоохранительными органами страны. Например, в «Instagram» число подписчиков у официальных профилей Следственного комитета Российской Федерации («sledcom_rf») и Генеральной прокуратуры Российской Федерации («genprocrf») составляет 408 и 230 тыс. чел., соответственно (по состоянию на 4 февраля 2022 г.). Число пользователей интернет-приемной Председателя Следственного комитета Российской Федерации более 17 тыс. чел. [7].

Однако вопрос о влиянии интернет-СМИ и социальных сетей на процессы, происходящие в уголовном судопроизводстве, до настоящего времени не рассматривался.

В рамках настоящего исследования нами выдвигается гипотеза, согласно которой социальные сети и интернет-СМИ из сугубо информационных и новостных ресурсов превратились во вполне осязаемый канал связи между обществом и правоохранительной системой. Канал, где все чаще имеются заявления, жалобы, ходатайства, предложения граждан относительно хода и результатов расследования конкретных уголовных дел. Канал, по которому

---

[1] © Махтюк С. О., 2022.

сформированные общественные запросы транслируются непосредственно правоприменителям.

Рост интереса общественности к уголовно-правовым категориям можно наглядно продемонстрировать на следующих примерах.

В июне 2020 г. произошло ДТП с участием известного актера Михаила Ефремова. В результате совершенного им преступления погиб человек.

На представленном ниже графике видно, что до момента описываемых событий тема «Ответственности за смертельное ДТП» общество не интересовала, интернет-запросов по ней практически не имелось.

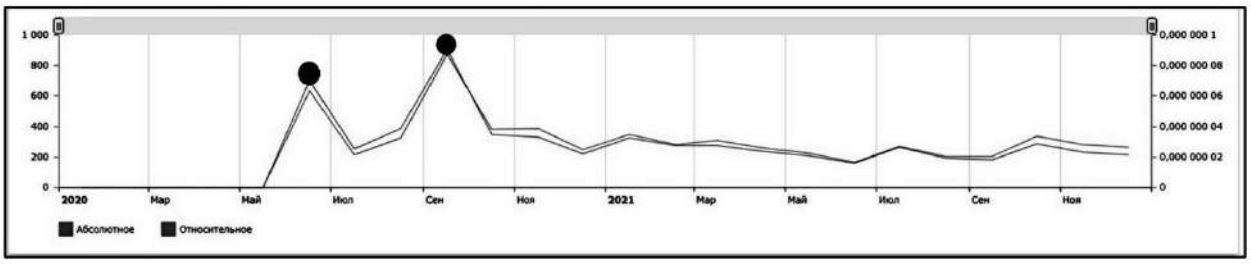

График популярности запроса **«Ответственность за смертельное ДТП»**
в интернет-поисковике «Яндекс»

Вместе с тем, в июне 2020 г. (дата происшествия), а в дальнейшем в сентябре того же года (дата вынесения обвинительного приговора по делу) наблюдались два всплеска интереса к обозначенной теме: происшествие вызвало резонанс и общество сформировало запрос к проблеме.

11 мая 2021 г. «казанский стрелок» Ильназ Галявиев устроил стрельбу в казанской гимназии № 175. В результате погибли 9 человек – 7 детей и две учительницы. Потерпевшими признали более 600 человек, среди которых малолетние.

Совершенные им убийства и справедливое возмущение общества спровоцировали резкий скачок запросов по словосочетанию «смертная казнь». Вновь социальный запрос сформирован.

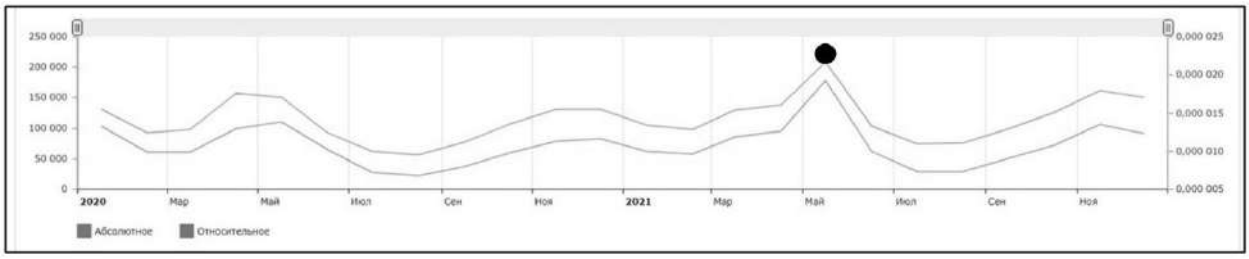

График популярности запроса **«Смертная казнь»**
в интернет-поисковике «Яндекс». Пиковые значения в мае 2021 года.

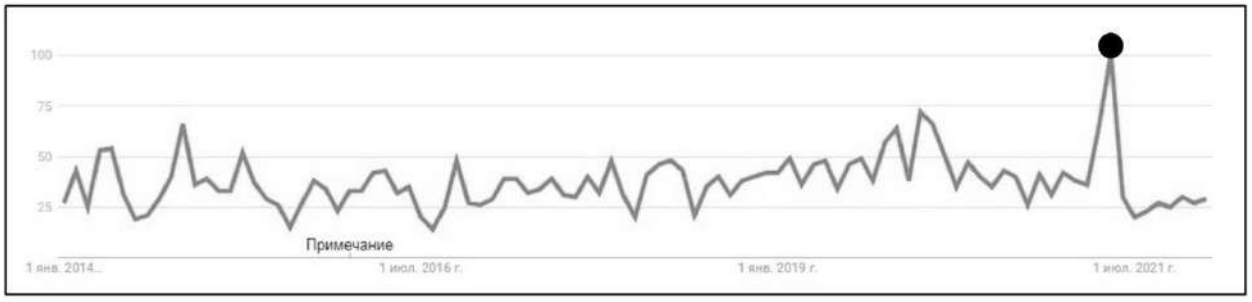

График популярности запроса **«Смертная казнь»**
в интернет-поисковике «Google». Пиковые значения в мае 2021 года.

Еще одним событием, вызвавшим широкой общественный резонанс в 2021 г., стала публикация видеороликов о пытках и издевательствах над заключенными в российских колониях.

Представленные ниже графики демонстрируют: до публикации тема пыток в исправительных учреждениях и ответственности за них крайне незначительно интересовала общество. Но в октябре и в декабре 2021 г. (первичное и дополнительное размещение в открытом доступе видеоматериалов) ситуация кардинально. Более того, в отношении должностных лиц ФСИН России были возбуждены многочисленные уголовные дела.

График популярности запроса **«Пытки в колонии»**
в интернет-поисковике «Google»

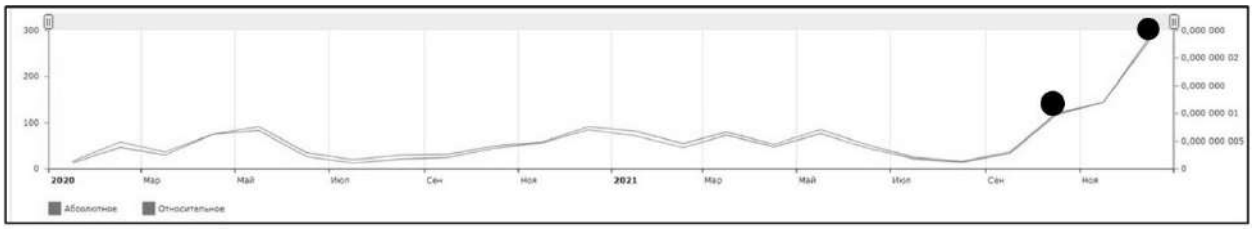

График популярности запроса **«Ответственность за пытки»**
в интернет-поисковике «Яндекс»

Интерес для изучения представляют графики интернет-запросов о домашнем насилии.

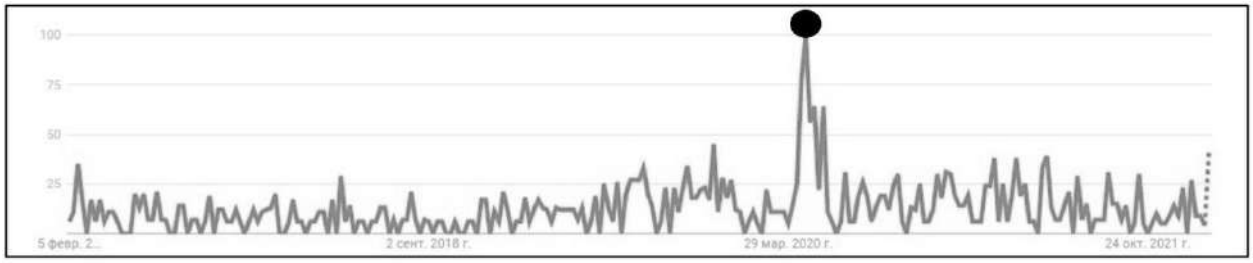

График популярности запроса **«Домашнее насилие»**
в интернет-поисковике «Google»

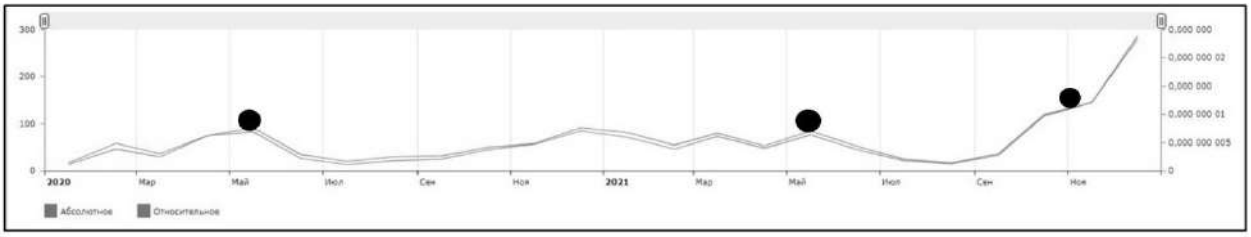

График популярности запроса **«Домашнее насилие»**
в интернет-поисковике «Яндекс»

Данная проблема традиционно остро стоит перед обществом. Однако особое внимание к ней появилось в апреле – мае 2020 г. и ноябре 2021 г. В первом случае данный факт объясняется объявлением «локдауна» и обязательной само-

изоляции для граждан в связи с распространением инфекции «COVID-19» [9], во втором – объявлением продолжительных «ноябрьских» выходных (также в связи с принятием мер по борьбе с «COVID-19»).

К сожалению, нахождение людей дома в условиях изоляции с семьей вызвало вполне реальный интерес и к мерам ответственности за домашнее насилие, что отражено на представленных ниже графиках.

График популярности запроса **«Домашнее насилие статья»**
в интернет-поисковике «Google»

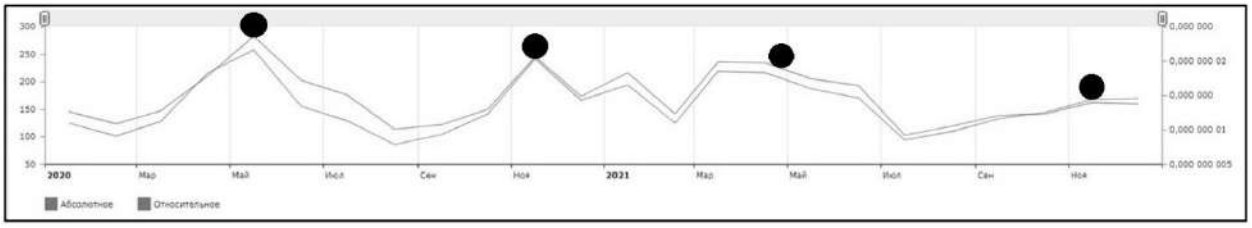

График популярности запроса **«Ответственность за домашнее насилие»**
в интернет-поисковике «Яндекс»

Примером прямой взаимосвязи «общественный запрос – меры правоохранительных органов» является ситуация с невыплатой зарплаты и применением ст. 145.1 УК РФ, предусматривающей за это ответственность.

На графике видно, что пиковые значения запроса «не платят зарплату» пришлись на период апреля 2015 – мая 2016 г. Очевидно, что именно в этот период в правоохранительные органы поступило наибольшее число заявлений о данном преступлении.

Реакция системы не заставила себя долго ждать. Уже в ноябре 2016 г. и.о. руководителя управления взаимодействия со СМИ Следственного комитета Российской Федерации Светлана Петренко сообщила о резком росте (на 85,6 %) в январе – сентябре 2016 г. числа возбужденных уголовных дел по ст. 145.1 УК РФ. Примечательно, что количество доследственных проверок за тот же период увеличилось лишь на 17,3 % [10].

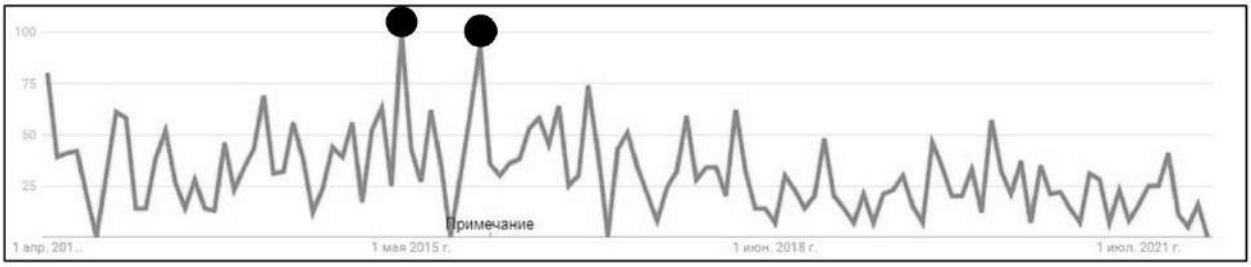

График популярности запроса **«Не платят зарплату»**
в интернет-поисковике «Google»

Представляется маловероятным, что в 2015–2016 гг. работодатели почти вдвое чаще стали уклоняться от обязанности платить зарплату (даже принимая

во внимание ухудшение экономической ситуации в 2014 г.). Более реальной причиной столь существенного изменения статистики видится трансформация правоприменительной практики под актуальный общественный запрос. Практикующие работники СК России подтвердят: именно с этого периода работа ведомства по расследованию невыплаты заработной платы была поставлена на особый контроль.

Косвенно выводы подтверждаются и еще одним обстоятельством. Рост числа уголовных дел по ст. 145.1 УК РФ и возникающие в связи с этим проблемы правоприменительной практики способствовали опубликованию в декабре 2018 г. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам расследования дел данной категории [4]. Судебный документ не только разъяснил проблемные вопросы расследования указанных преступлений, но и постановил нововведение: ответственность за невыплату заработной платы наступает даже в тех случаях, когда с работником не заключался трудовой договор, а отказ в уголовном преследовании по причине отсутствия такого договора неправомерен.

Приведем примеры общественной реакции на еще два абсолютно бесчеловечных, поражающих своей необъяснимой жестокостью преступления.

В сентябре 2021 г. интернет-пространство захлестнула волна общественного негодования: в Кузбассе ранее судимый за педофилию местный житель изнасиловал и задушил двух 10-летних девочек.

Аналогичное преступление, но уже в январе 2022 г. совершено двумя жителями г. Костромы, которые 4 января 2022 г. похитили пятилетнюю девочку, совершили в отношении нее насильственные действия сексуального характера, а затем убили, задушив и причинив ей множественные колото-резаные ранения. Один из обвиняемых является ранее судимым за совершение преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Представленный график интернет-запроса «Смертная казнь для педофилов» с резкими пиковыми значениями в сентябре 2021 г. и январе 2022 г. не нуждается в дополнительных пояснениях.

Вместе с тем, абстрагируясь от эмоциональной реакции на указанные преступления, отметим следующее.

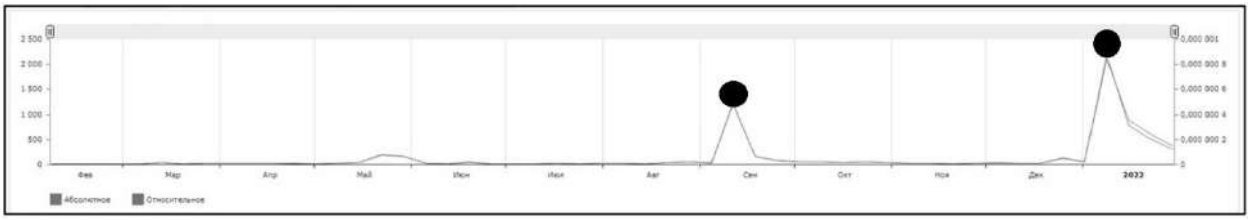
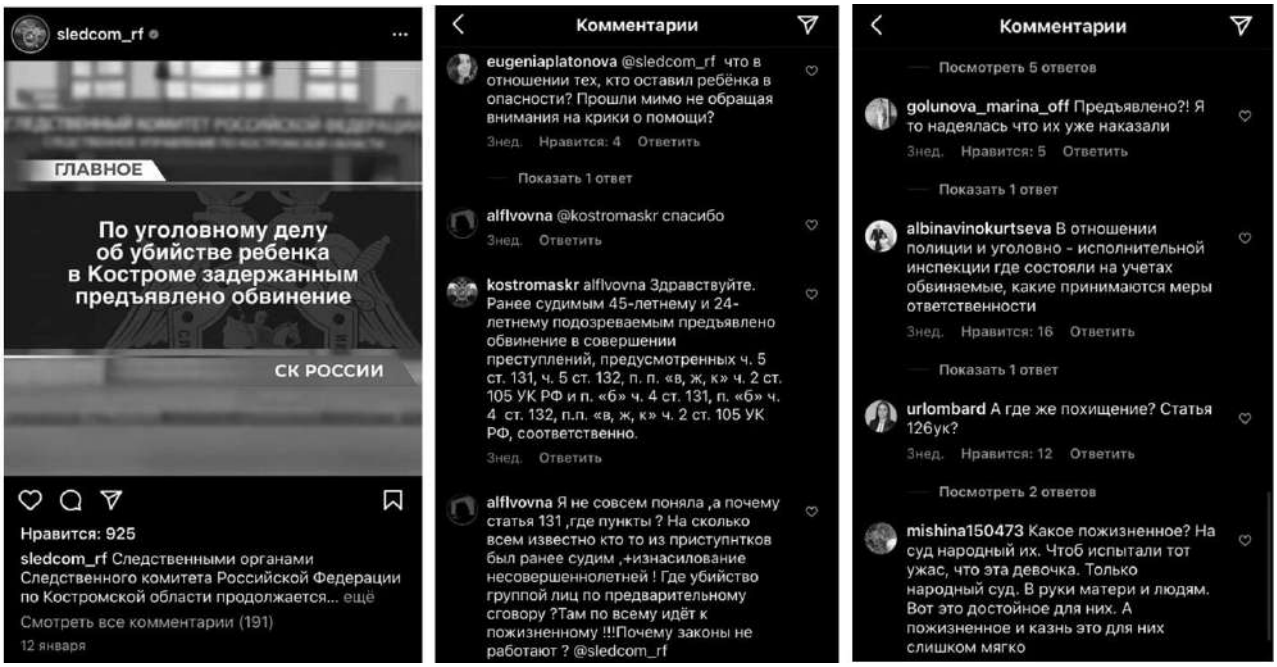

График популярности запроса **«Смертная казнь для педофилов»**
в интернет-поисковике «Яндекс»

12 января 2022 г. спустя 8 дней после происшествия в г. Костроме, в официальном аккаунте Следственного комитета Российской Федерации размещена публикация о предъявлении обвинения обоим фигурантам по уголовному делу. В комментариях к ней общественный резонанс получил продолжение: пользователи социальной сети требуют введения смертной казни за подобные преступления, привлечения обоих лиц к ответственности дополнительно по ст. 126

УК РФ (похищение человека), рассмотрения вопроса об ответственности сотрудников полиции и инспекции УФСИН, осуществлявших надзор за ранее судимыми преступниками, а также о применении мер в отношении граждан, наблюдавших похищение, но не предпринявших никаких действий.

Полагаем, что не без участия социальных сетей и общественного мнения 18 января 2022 г. Государственная Дума Российской Федерации приняла закон о пожизненном заключении педофилов.

Описанная ситуация – наглядная демонстрация сразу нескольких заявляемых нами тезисов:

– между развитием социальных сетей в частности, интернета в целом и распространением информации о преступлениях имеется прямая связь;

– социальные сети и интернет-СМИ – канал диалога общества и правоохранительной системы;

– в условиях развития интернета, общественный запрос – это повод, а социальные сети – средство изменения правоприменительной практики в уголовно-правовой сфере.

Иными словами, соцсети и интернет-СМИ в современных условиях – та «четвертая власть», которая влияет как на уголовно-правовую политику государства, так и на практику применения уголовного и уголовно-процессуального закона.

Озвученные положения вполне корреспондируют ранее предложенной нами концепции о признании следственной деятельности государственной услугой, оказываемой в интересах человека, гражданина, общества и самого государства [1]. Ведь в ходе следствия и уголовного судопроизводства, т. е. оказания государственной услуги, исполняется «общественный запрос» по расследованию деяний, общественная опасность которых достигла той степени, когда необходима реализация государственно-правовых механизмов. При таком подходе обоснованным видится восприятие уголовного дела как

информационно-правового продукта [2] – того результата услуг, оказанных перечисленным субъектам.

Подобное рассмотрение вопроса отвечает современным правовым реалиям.

Однако и другая проблема: если обществу разрешено формировать запрос на привлечение конкретных лиц к ответственности, на квалификацию по уголовному делу и выбор наказания, то где грань его допустимого вмешательства в следственную деятельность?

Например, ст. 6 ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» прямо предусматривает запрет такого вмешательства (воздействия, влияния) в уголовно-процессуальную деятельность следователей. Эта же норма предусматривает законную возможность сотрудников Следственного комитета отказывать кому-либо в даче объяснений по существу находящихся в их производстве дел и материалов.

Кроме того, дискуссионно содержание ст. 17 УПК РФ. Как известно, ее положения указывают на необходимость оценки доказательств, по внутреннему убеждению, с учетом требований закона и совести.

Безальтернативная оценка доказательств на основе закона сомнений не вызывает. В то же время возникают обоснованные вопросы по поводу двух других элементов свободной оценки доказательств.

Но как сильно связаны внутреннее убеждение субъекта оценки доказательств, его совесть и общественный резонанс по уголовному делу? Насколько существенно влияние фактора общественного мнения в социальных сетях и интернет-СМИ на его внутреннее убеждение и совесть? Влияет ли общественный резонанс на оценку доказательств? Если да, то насколько это законное влияние? Если нет, то не свидетельствует ли это о работе правоохранительной системы в отрыве от интересов и мнения общества и государства? Выполняется ли в таком случае социально-значимое назначение уголовного судопроизводства?

В рамках данного исследования не стояла цель однозначно ответить на озвученные вопросы. Более важно начать дискуссию по поставленной проблеме, заинтересовать ею исследователей, привлечь, рассмотреть и проанализировать различные точки зрения. Это особенно актуально с учетом продолжающегося развития интернета, социальных сетей и их растущего влияния на следственно-судебную оценку доказательств и принятие процессуальных решений.

Список литературы

1. Махтюк, С. О. Уголовное судопроизводство: на стыке права и экономики / С. О. Махтюк // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 2 (123). – С. 114–124.

2. Скобликов, П. А. Ситуативно-популистское законотворчество как правовой и социальный феномен, его актуальные проявления и пути ограничения / П. А. Скобликов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2 (57). – С. 61–68.

3. Цветков, Ю. А. Управление в следственных органах. Курс лекций : учебное пособие для студентов вузов / Ю. А. Цветков; под. ред. А. И. Бастрыкина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 335 с.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.02.2022).

5. Заявление главы Роскомнадзора Андрея Липова от 19.10.2021 // ТАСС. – URL: https://tass.ru/obschestvo/12698757 (дата обращения: 04.02.2022).

6. Статистика // «РИА Новости». – URL: https://ria.ru/20211119/sotsseti-1759749020.html (дата обращения: 04.02.2022).

7. Данные по состоянию на 04.02.2022 // ВК. – URL: https://vk.com/priemnaya_bastrikina (дата обращения: 04.02.2022).

8. Гуриев, С. М. Эра 3G: широкополосный интернет и политика – в мире и в России / С. М. Гуриев // Liberal.ru. – URL: https://liberal.ru/lm-ekspertiza/era-3g-shirokopolosnyj-internet-i-politika-v-mire-i-v-rossii (дата обращения: 04.02.2022).

9. Генеральный секретарь ООН призвал защитить женщин от эпидемии насилия, сопутствующей распространению COVID-19 // Сайт ООН. – URL: https://news.un.org/ru/story/2020/04/1375602 (дата обращения: 04.02.2022).

10. Количество уголовных дел о невыплате зарплаты в России за год выросло на 85 % – до 1,2 тыс. // Агентство городских новостей Москва. – URL: https://www.mskagency.ru/materials/2613029 (дата обращения: 04.02.2022).

Михайленко Н. В.[1]*,*
доцент кафедры
административной деятельности ОВД
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Бондарь Е. О.[2]*,*
заместитель начальника кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Цифровизация в возрастающей степени влияет на развитие политики государств. Реальной стала возможность существования электронных правительств, а также дистанционного оказания разнообразных государственных услуг, не обошли стороной и судебную систему.

В 2018 г., вступил в силу Указ Президента № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В качестве основополагающих положений данного правового акта рассматривается необходимость ускорения технологического развития Российской Федерации, прежде всего посредством использования цифровых технологий в различных сферах общественной жизни и государственного управления. В том числе, подробно раскрывалась перспектива создания и функционирования устойчивой и безопасной информационной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных, которая будет использоваться всеми органами и организациями [1].

Обратимся к разработанной и утвержденной концепции развития информатизации судов в Российской Федерации, которая была утверждена постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации в 2015 г. Так, под электронным правосудием в рамках концепции понимается способ осуществления правосудия на основе информационных технологий, которые позволят использовать исключительно безбумажный документооборот и обмен информацией между всеми участниками и сторонами судебного процесса [2].

В дальнейшем опирались на положения Указов Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных

---

[1] © Михайленко Н. В., 2022.
[2] © Бондарь Е. О., 2022.

целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», постановлений Правительства Российской Федерации от 2 марта 2019 г. № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», других постановлений Правительства Российской Федерации в области информационных цифровых технологий, а также постановления Пленума Верховного Суда от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов», Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда от 27 сентября 2017 г., других постановлений Пленума Верховного Суда, Президиума Верховного Суда и иных актов Верховного Суда, регулирующих вопросы использования документов в электронном виде в деятельности Верховного Суда. Во внимание приняты Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7, Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный протоколом заседания президиума Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 12 марта 2020 г. № 4, положения «Описания целевого состояния суперсервиса «Правосудие онлайн», утвержденного президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (п. 2 раздела III Протокола от 20 апреля 2020 г. № 5).

В настоящее время реализуется Концепция информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 г., утвержденная постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 2 декабря 2019 г. № 785. При разработке Концепции использован опыт применения информационных технологий в федеральных органах государственной власти, арбитражных судах, судах общей юрисдикции, судах зарубежных государств, она определяет цель, направления и основные задачи информатизации на период до 2030 г.

Часть положений концепций в итоге была достигнута в судебной системе нашей страны, так, например, на сегодняшний день повсеместно используется способ СМС информирования участников судебного процесса. При определенных обстоятельствах предусматривается возможность участия в судебном заседании посредством систем видеоконференцсвязи, а также в ряде судов существует возможность подать документы через специализированные электронные

системы. В совокупности подобные решения способствуют развитию цифровизации отправления правосудия в нашей стране, однако возникает и ряд проблем, нерешенных до сих пор. Так, например, даже несмотря на возможность электронной подачи документов, а также получения электронных уведомлений, применяется дублирующая система, когда всё равно требуется наличие документа на бумажном носителе, а оповещение дополнительно отправляется по почте. Конференцсвязь хотя и существует, её применение весьма ограничено, а уровень специализации работников аппарата суда оставляет желать лучшего. Указанные проблемы связаны с несовершенством законодательного регулирования разнообразных вопросов, которые в совокупности не позволяют в полном объёме проводить необходимые реформы [3].

Другой существенной и важной проблемой невозможности развития судебной системы нашей страны в этом направлении является тот факт, что пока отсутствуют эффективные методы проверки аутентичности и подлинности отправляемых в электронном виде документов.

Самой важной проблемой во всем мире остается – недостаточная защищенность информации от несанкционированного доступа. И хотя Судебным департаментом и аппаратами судов принимаются попытки решить данную проблему, это делается разрозненно, так как не существует общего правового акта, который был бы призван бороться с такими нарушениями в современных реалиях развития киберпреступности и кибертерроризма.

Следует обратить внимание и на социальный аспект цифровизации, при котором некоторые группы населения попросту не имеют возможности или не умеют обращаться с интернетом и техническими приспособлениями. С другой стороны, речь идет и о недостаточной технической оснащенности самих судов, которые в регионах работают на давно морально устаревшем оборудовании.

Процессы цифровизации не только судов и органов государственного управления, но и иных направлений общественной жизни начались сравнительно недавно. Общая обеспокоенность данным вопросом в нашем государстве возникла в 2018–2019 гг., основным подходом в описанном ключе может служить именно заимствование зарубежного опыта.

В ряде стран уже вплотную переходят к вопросу о возможности осуществления судебной деятельности искусственным интеллектом в условиях быстро развивающихся современных отношений [4].

В качестве примера можно привести опыт Бразильских коллег, где используется специальная программа, которая получила название «Электронный судья», данная программа является особой экспертной системой, которая на основе показаний свидетелей, а также вещественных доказательств при транспортных происшествиях дает аналитическое заключение, уже на основе которого и выносится судебное решение. В том числе указанная программа способна самостоятельно квалифицировать правонарушение и теоретически обосновать возможный приговор [5].

Следует отметить, что в Российской Федерации также функционирует подобная система, работающая, однако, по иным алгоритмам. Так, указывается, что административные правонарушения, предусмотренные главой 12

КоАП РФ, а именно в области дорожного движения, которые зафиксированы в автоматическом режиме специальными камерами, контролирующими транспортный поток, регистрируются автономно, причем постановление о привлечении к административной ответственности также автоматически направляется собственнику транспортного средства [6].

В качестве ещё одного примера функционирования электронного правосудия за рубежом можно привести подход Германии, где разрабатывается возможность принятия судебного решения специализированной системой по искам о детских пособиях. В Китае и США уже сегодня используются специальные программные обеспечения, которые помогают в принятии судебного решения по различным категориям дел, в том числе и уголовного характера, через систематизацию составов преступлений и обобщение полученных данных отраженных в фабуле дела, хотя окончательное решение остается за судьей, сама возможность подобного поражает.

Интересный подход к осуществлению цифрового правосудия в Великобритании и США. Он основан на особенностях Англосаксонской системы права, в которой используется судебный прецедент. Программа оценивает вынесенные ранее судебные решения по определенной категории дел и дает вероятностные и возможные прогнозы на основе существующей судебной практики. Данная программа, по словам создателя, должна обеспечить взаимодействие между человеком и машиной с целью взаимного компенсирования их недостатков.

Дальше всего в данном вопросе пошли законодатели Сингапура, где уже на протяжении длительного времени вообще все дела по административным правонарушениям рассматриваются без участия судей. И хотя судить о правильности подобного подхода достаточно сложно, особенно в реалиях иностранного государства, сама возможность подобного вызывает неподдельный интерес.

Специалисты, предлагают при использовании цифровых систем в правосудии обратить внимание на технологию блокчейн, которая по своей структуре делает фактически невозможным добавление фальшивого блока или изъятие существующего из системы, так как к записям могут получить доступ только уполномоченные лица, обладающие закрытым ключом. Система позволит «подшивать» к делу все поступившие документы, протоколы следственных действий, решения суда или медицинские записи четко и в хронологическом порядке, благодаря чему ничего нельзя потерять, а все изменения, кем бы они ни были инициированы, будут как на ладони.

Возможности использования описанных технологий в Российской Федерации очевидны и являются ближайшей перспективой, развитие цифровых взаимоотношений в осуществлении правосудия в нашей стране тоже не стоит на месте, несмотря на указанные ранее проблемы.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.

2. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 28.02.2022).

3. Постановление Президиума Совета судей Российской Федерации от 19.02.2015 № 439 «Концепция развития информатизации судов до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 28.02.2022).

4. Постановление Президиума Совета судей Российской Федерации от 02.12.2019 № 785 «Концепция информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 28.02.2022).

5. Попова, Е. С. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия / Е. С. Попова // Актуальные вопросы юридических наук. – Краснодар : Новация, 2019. – С. 12–14.

6. Малько, А. В. Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения / А. В. Малько, М. А. Костенко // Российская Юстиция. – 2019. – № 2. – С. 52–54.

7. Суд по-бразильски: приговор выносит искусственный интеллект // Judiciary Branch of Brazilian Government. – URL: http://www.v-brazil.com/government/judiciary-branch/supreme-court.html (дата обращения: 28.02.2022).

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 9.

9. Михайленко, Н. В. Перспективы и проблемы отправления цифрового правосудия в Российской Федерации / Н. В. Михайленко // Закон и право. – 2020. – № 4. – С. 201–205.

Можаева И. П.[1]**,**
главный научный сотрудник отдела
по исследованию проблем отраслевого
управления научно-исследовательского
центра Академии управления МВД России,
доктор юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Противодействие преступности в современных условиях развития государства и общества целенаправленно реализуется на основе сосредоточения комплексных усилий по разрешению следующих проблемных направлений: оптимизация механизма правового регулирования противодействия преступным посягательствам; информационное обеспечение противодействия преступным посягательствам; организация международного сотрудничества и межведомственного взаимодействия в рамках противодействия преступным посягательствам; оптимизация профилактической деятельности.

Предмет исследования представленной научной статьи – организационно-правовое обеспечение международного сотрудничества при противодействии преступности. Целью исследования является совершенствование деятельности правоохранительных органов по противодействию преступным посягательствам путем надлежащего правового регулирования и организации международного сотрудничества.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации обозначены цели обеспечения государственной и общественной безопасности, которыми являются «защита конституционного строя Российской Федерации, обеспечение ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита основных прав и свобод человека и гражданина, укрепление гражданского мира и согласия, политической и социальной стабильности в обществе, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, укрепление законности и правопорядка, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности, традиционных российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [2].

Нормативную правовую основу международного сотрудничества при противодействии преступности составляют: Конституция Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, а также общепризнанные принципы и нормы международного права и международные

---

[1] © Можаева И. П., 2022.

договоры Российской Федерации, которые обязательны для исполнения лишь в контексте их соответствия нормам российской Конституции [2].

В ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации закреплена ее высшая юридическая сила и отмечено прямое действие ее норм. В ч. 4 ст. 15 отдельно отмечено, что составной частью правовой системы государства являются «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации». «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [2].

Международное сотрудничество при противодействии преступности – это деятельность государств и международных организаций по определению основных направлений борьбы с преступностью, согласованию и координации усилий, направленных на оказание правовой помощи по уголовным делам, розыску и задержанию преступников. В рамках противодействия преступности международное сотрудничество в большей мере осуществляется в сфере уголовно-процессуальной, оперативно-разыскной, профилактической и судебной деятельности. Ученые всесторонне изучают правовые и организационные основы взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями; процедуры выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора; порядок передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве его гражданства и другие вопросы [4; 5; 6].

Сотрудничество с компетентными органами, организациями и учреждениями иностранных государств, а также с международными органами и организациями является одним из направлений деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации [3], которая выступает стратегическим органом по реализации конвенционных положений о сотрудничестве по вопросам выдачи и правовой помощи по уголовным делам. При этом важно оказание правовой помощи по уголовным делам, сотрудничество с зарубежными компетентными органами и организациями в вопросах розыска, ареста, конфискации и возврата из-за рубежа имущества, добытого преступным путем, а также исключительные полномочия в сфере выдачи [3].

Стратегические вопросы организации межгосударственного сотрудничества между правоохранительными органами возлагаются на Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – БКБОП), в некоторых вопросах – за Национальное центральное бюро Интерпола (далее – НЦБ Интерпола).

Основным недостатком, характеризующим текущее состояние международного сотрудничества правоохранительных органов, являются его географическая раздробленность и ряд негативных тенденций, обозначенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [2].

Борьба с преступностью требует более скоординированного и многостороннего подхода, поскольку усиливающиеся геополитическая нестабильность, межгосударственные противоречия сопровождаются повышением угрозы ис-

пользования военной силы. В современном мире наблюдаются подрыв правовой системы государства, расшатывание общепризнанных норм и принципов международного права, попытки нивелировать существующие универсальные международные правовые институты. В этих условиях важно обеспечить равноправное многостороннее международное сотрудничество, в том числе при противодействии преступности, которая приобретает транснациональный характер, что представляет реальную угрозу безопасности, как отдельных государств, так и международного сообщества в целом.

Существующая ситуация в сфере противодействия транснациональной организованной преступности усложняется высокой латентностью указанных преступлений, игнорированием государственных границ, национального и международного законодательства, совершенствованием криминальных механизмов деятельности организованных преступных групп и т. д.

Повышение эффективности международного сотрудничества при противодействии преступности должно осуществляться комплексно. Нужно сосредоточить усилия на следующих направлениях: оптимизация механизма правового регулирования международного сотрудничества при противодействии преступности; информационное обеспечение международного сотрудничества при противодействии преступности; организация международного сотрудничества при противодействии преступности; организация профилактической деятельности в рамках международного сотрудничества.

Рассуждая об оптимизации механизма правового регулирования международного сотрудничества при противодействии преступности важно выделить комплекс мер, включающий:

– принятие Соглашений «О сотрудничестве государств – участников СНГ в противодействии коррупции» и «О порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников СНГ»;

– имплементация положений ратифицированных договоров в национальное законодательство, а также унификация и гармонизация национального законодательства государств – участников СНГ;

– совершенствование организационно-правовых механизмов осуществления оперативно-разыскной деятельности и ее координации;

– оформление и направление международных следственных поручений;

– экстрадиции лиц, совершивших преступления на территории государств СНГ;

– взаимное признание юридической силы процессуальных документов, составленных на территории государств СНГ, а также судебных решений; и др.

Возможности, направленные на организацию международного сотрудничества в сфере противодействия транснациональной организованной преступности значительные, они предусматривают:

– расширение и повышение эффективности международного сотрудничества российских и зарубежных правоохранительных органов в сфере противодействия транснациональной организованной преступности;

– обмен законодательными и иными нормативными правовыми актами;

– реализация мероприятий, предусмотренных межгосударственными программами;

– координация программ международного сотрудничества и технического содействия со специализированными международными организациями, структурами и заинтересованными государствами;

– непрерывный обмен оперативной информацией;

– розыск лиц, скрывающихся от следствия, суда или отбытия наказаний;

– исполнение запросов общего и конфиденциального характера.

Совершенствование деятельности правоохранительных органов по противодействию преступным посягательствам путем надлежащего правового регулирования и организации международного сотрудничества на постоянной основе должно обеспечиваться путем: создания системы мониторинга потенциальных угроз транснациональной безопасности с участием всех уровней управления и использованием всех средств информации путем организации в структуре федеральных органов исполнительной власти мониторинговых группы, осуществляющих анализ угроз безопасности по направлениям деятельности органов исполнительной власти; использования инновационных технологий в процессе противодействия транснациональной организованной преступности; проведения совместных международных межведомственных мероприятий; использования потенциала общественных организаций и традиционных конфессий, возможностей средств массовой информации для организации профилактической деятельности в рамках противодействия транснациональной организованной преступности.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 03.07.2020 № 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправкам» // Российская газета. – 2020. – 4 июня.

2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 03.06.2020 № 297 «О порядке осуществления международного сотрудничества органами и организациями прокуратуры Российской Федерации» // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ (дата обращения: 20.02.2022).

4. Волеводз, А. Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса / А. Г. Волеводз. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 519 с.

5. Нурбеков, И. М. Организация и тактика взаимодействия с иностранными компетентными органами при расследовании преступлений международного характера : монография / И. М. Нурбеков; под ред. А. Г. Волеводза. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 246 с.

6. Шаталов, А. С. Правовой механизм сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства / А. С. Шаталов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 1. – С. 126–149.

Мысина А. И.[1]*,*
ведущий эксперт
отдела уголовно-процессуального
законодательства и информационного права
Уголовно-правового управления
Договорно-правового департамента МВД России

Мысин А. В.[2]*,*
старший инспектор
по особым поручениям отдела
внешних связей по вопросам миграции
и методического обеспечения
загранаппарата МВД России
Главного управления по вопросам
миграции МВД России

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Условия глобализации, а также социально-экономические различия современных государств активизируют миграционные процессы. Миграция является одним из факторов, оказывающих влияние на преступность во всем мире. Неконтролируемые миграционные процессы представляют реальную угрозу общественному правопорядку и благополучию государств.

Незаконная миграция играет значительную роль в структуре миграционных потоков и характеризуется как опасное, вредоносное, противоправное явление, способствующее развитию нелегитимного рынка труда, организованной преступности и возникновения социальной напряженности [5].

В настоящее время происходит радикализация общественных настроений, что грозит ростом ксенофобии и расизма. Иммиграция становится все более болезненной проблемой, в связи с чем регулирование миграционных процессов является одним из главных приоритетов политики современных государств.

Обостряются глобальные политические и социально-экономические проблемы, связанные с незаконной миграцией, обусловливающие необходимость комплексного подхода к их системному решению. Бездействие государств – членов мирового сообщества по отношению к подобным проблемам может привести к углублению политических конфликтов и дестабилизации обстановки [2, 8].

Указанные обстоятельства предопределяют необходимость активизации международно-правового противодействия незаконной миграции с учетом со-

---

[1] © Мысина А. И., 2022.
[2] © Мысин А. В., 2022.

временных условий развития мирового сообщества, в связи с чем принимаются различные международно-правовые акты, направленные на урегулирование данной проблемы [3].

Сегодня международно-правовые основы противодействия незаконной миграции включают широкий перечень международных договоров[1].

В последние годы механизмы международно-правового противодействия незаконной миграции модернизируются посредством цифровизации выявления фактов нарушения миграционного законодательства, сотрудничества по осуществлению межгосударственного обмена информацией в данной сфере, пропаганды возможностей легальной миграции.

Так, например, положениями Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции от 10 декабря 2018 г. предусмотрено развитие сотрудничества по направлениям [5]:

1) цифровизация механизмов обмена биометрическими данными;

2) консолидация национальных цифровых баз, данных;

3) создание централизованных веб-сайтов с информацией об иммиграционном законодательстве, визовых требованиях, порядке подачи заявлений, критериях изменения визового статуса, требованиях для получения разрешения на работу, требованиях в отношении профессиональной квалификации, возможностях обучения и профессиональной подготовки;

4) развитие информационно-коммуникационных технологий, связанных с противодействием незаконной миграции, с учетом соблюдения прав человека [1];

5) создание информационных систем для просвещения в области выявления признаков использования принудительного, обязательного или детского труда;

---

[1] Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции от 10.12.2018; Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18.12.1990; Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 и дополняющий ее Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху от 15.11.2000; Конвенция Международной организации труда о злоупотреблениях в области миграции и обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения от 24.06.1975; Европейская конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов от 24.11.1977; Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов от 15.04.1994; Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией от 06.03.1998; Декларация о согласованной миграционной политике государств – участников СНГ от 05.10.2007; Соглашение Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств от 19.11.2010; Двусторонние соглашения о реадмиссии. Среди них, например: Соглашение между Российской Федерацией и Европейским сообществом о реадмиссии от 25.05.2006; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о реадмиссии от 18.11.2011; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о реадмиссии от 11.10.2012.

6) формирование всеобъемлющего хранилища данных для распространения информации о наилучших альтернативах помещению мигрантов в центры временного содержания.

В рамках реализации международного сотрудничества по противодействию преступности, в том числе и незаконной миграции [4], цифровая трансформация взаимодействия осуществляется также на основании двусторонних межправительственных соглашений об информационном взаимодействии и обмене информацией в электронном виде по вопросам, относящимся к компетенции органов внутренних дел. Российской Федерацией такие соглашения подписаны с Республикой Беларусь (13 декабря 2018 г.), с Республикой Узбекистан (15 декабря 2020 г.) и Республикой Армения (13 мая 2021 г.). Переговорный процесс по данному вопросу осуществляется и с Республикой Таджикистан.

Рассматриваемые межправительственные двусторонние договоры схожи по содержанию и характеризуются тем, что они:

– разработаны в целях развития сотрудничества между органами внутренних дел по вопросам информационного взаимодействия и обмена информацией в электронном виде;

– оказывают положительное влияние на развитие правовой основы двустороннего сотрудничества в области информационного обмена;

– направлены на создание современных правовых механизмов практического взаимодействия в электронном виде по различным направлениям оперативно-служебной деятельности с учетом действующих международных договоров;

– позволяют значительно ускорить процесс передачи необходимой информации и повысить эффективность международного сотрудничества по вопросам, относящимся к компетенции органов внутренних дел;

– обеспечивают правовое регулирование и организацию взаимодействия компетентных органов государств Сторон при обмене информацией в электронном виде, в том числе персональными данными, по вопросам, относящимся к компетенции органов внутренних дел, за исключением сведений, составляющих государственную тайну.

Отсутствие в данных соглашениях привязки к конкретным видам деятельности позволяет использовать их в качестве универсальных инструментов организации информационного взаимодействия в электронном виде.

Вместе с тем, Федеральным законом от 19 ноября 2021 г. № 367-ФЗ ратифицировал Соглашение о взаимной правовой помощи по административным вопросам в сфере обмена персональными данными, подписанное 18 декабря 2020 г. Положения данного договора регламентируют порядок оказания взаимной правовой помощи по представлению информации о лицах, связанной с назначением на должность, наличием (отсутствием) гражданства иностранного государства или права на постоянное (временное) пребывание на территории иностранного государства, наличием недвижимого имущества, зарегистрированного на территории иностранного государства, обязательствами имущественного характера, привлечением к уголовной и административной ответственности на территории иностранного государства, документами, удостове-

ряющими личность, что расширяет возможности государств – участников СНГ по осуществлению информационного обмена в электронном виде [6].

В результате анализа рассмотренных аспектов цифровой трансформации международно-правовых основ противодействия незаконной миграции необходимо сформулировать вывод о том, что в последние годы нормы международного права, регулирующие вопросы противодействия преступности в целом и незаконной миграции в частности, поступательно развиваются, модернизируются с акцентом на цифровизацию механизмов выявления фактов нарушения миграционного законодательства, сотрудничества по осуществлению межгосударственного обмена информацией в данной сфере, пропаганды возможностей легальной миграции, что имеет большое значение для повышения эффективности межгосударственного взаимодействия в данной сфере.

Списоклитературы

1. Абашидзе, А. Х. Универсальные механизмы защиты прав человека / А. Х. Абашидзе, А. О. Гольтяев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 139 с.

2. Бирюков, П. Н. Проблемы соотношения международного права и правовой системы России / П. Н. Бирюков // Взаимодействие правовых систем: современные международно-правовые дискурсы. – Екатеринбург, 2014. – С. 29–37.

3. Каламкарян, Р. А. Россия в универсальном мировом правовом пространстве / Р. А. Каламкарян // Государство и право. – 2013. – № 8. – С. 75–85.

4. Коннов, В. А. Международно-правовые основы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации / В. А. Коннов, Ю. В. Пузырева // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 178–184.

5. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции от 10 декабря 2018 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://migrationnetwork.un.org/sites/g/files/ tmzbdl416/files/docs/gcm_russian.pdf (дата обращения: 18.02.2022).

6. Соглашение о взаимной правовой помощи по административным вопросам в сфере обмена персональными данными от 18 декабря 2020 г. // Официальный сайт МИД России. – URL: https://archive.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/ multilateral_contract/-/storage-viewer/multilateral/page-1/59930 (дата обращения: 18.02.2022).

7. Котляров, И. И. Международно-правовые аспекты деятельности органов внутренних дел России / И. И. Котляров, Ю. В. Пузырева // Московский журнал международного права. – 2015. – № 3 (99). – С. 37–57.

8. Пузырев, С. А. Миграционный кризис в Европе и его влияние на бюджетную политику европейского союза : монография / С. А. Пузырев, Ю. В. Пузырева. – М. : Издательский дом «Граница», 2018. – 118 с.

Овсянникова Н. А.[1]***,***
старший научный сотрудник
центра организационного обеспечения
научной деятельности Всероссийского
научно-исследовательского института МВД России

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Генезис международного сотрудничества в сфере противодействия преступным посягательствам на культурные ценности обусловлен необходимостью решения задач государственной культурной политики и как следствие обеспечения национальной безопасности в сфере культуры.

Вопросы международного сотрудничества в сфере противодействия преступным посягательствам на культурные ценности имеют межотраслевой характер и являются предметом познания ряда научных областей, в том числе криминалистики, уголовного, уголовно-процессуального, международного права, теории оперативно-разыскной деятельности и других.

Известные ученые (Богуславский М. М., Клебанов Л. Р., Можаева И. П., Осокин Р. Б., Приданов С. А., Щерба С. П., Пузырева Ю. В., Хазова В. Е.; и др. [3; 5; 7; 8; 10; 11; 12; 13; 2]) в своих исследованиях неоднократно обращались к межотраслевым аспектам международного сотрудничества в сфере борьбы с преступными посягательствами на культурные ценности, поскольку преступления указанной категории транснациональны, и только путем организации взаимодействия правоохранительных органов различных государств возможно обеспечение национальной безопасности в сфере культуры.

В работах указанных авторов отдельное внимание уделялось генезису международного сотрудничества в сфере противодействия преступным посягательствам на культурные ценности; правовому регулированию, как на национальном уровне, так и на международном; криминалистическому обеспечению международного сотрудничества в рассматриваемой сфере и другим значимым вопросам, требующим разрешения.

Анализ состояния правового регулирования международного сотрудничества при противодействии преступным посягательствам на культурные ценности позволяет утверждать, что в современных условиях данная сфера получила достаточное развитие на уровне национального и зарубежного законодательства. Например, созданы правовые условия для: формирования и национальных и международных реестров культурных ценностей и унификации правовых норм, регламентирующих общественные отношения в рассматриваемой сфере, в том числе норм уголовно-правового принуждения; возврата незаконно вывезенных культурных ценностей; информационного обмена о легальном обороте

---

[1] © Овсянникова Н. А., 2022.

культурных ценностей, а также об оказании помощи в идентификации похищенных или найденных объектов, представляющих культурную ценность; розыска и идентификации лиц, выявления, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений данной категории; и т. д.

Бесспорно, что совершенствование правового регулирования отношений в сфере культурных ценностей, как на уровне международного, так и национального законодательства будет способствовать выработке единой культурной политики России.

Однако исключительно правовых условий недостаточно для эффективного противодействия преступным посягательствам на культурные ценности. Целенаправленная реализация правоприменителем (в числе которых межправительственные организации – Интерпол, ЮНЕСКО, УНИДРУА, Европол, Международный исследовательский центр по сохранению и реставрации культурных ценностей, Международный совет музеев, Всемирная таможенная организация; федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации – Министерство внутренних дел Российской Федерации, его структурные подразделения ГУЭБиПК, ГУУР, НЦБ Интерпола МВД России, Федеральная таможенная служба Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Генеральная прокуратура Российской Федерации, Министерство иностранных дел Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации, Министерство культуры Российской Федерации; музейные институции и др.) положений, регламентирующих международное сотрудничество с иностранными правоохранительными органами, должна осуществляться посредством комплекса мероприятий по противодействию преступным посягательствам на культурные ценности путем профилактики, организации раскрытия и расследования, обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлениями; и т. д.

На сегодняшний день Министерством внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) и другие правоохранительные органы на постоянной основе осуществляют интеграцию международного сотрудничества, одним из направлений которого является информационное обеспечение международного розыска культурных ценностей, осуществляемое Национальным центральным бюро Интерпола МВД России (далее – НЦБ Интерпола МВД России).

Вышеуказанная деятельность осуществляется при наличии сведений о вывозе за рубеж культурных ценностей, похищенных на территории Российской Федерации, или при необходимости проверки культурных ценностей, обнаруженных на территории Российской Федерации и регламентируется межведомственным приказом «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» [1].

В качестве положительного примера можно выделить организацию международного сотрудничества, осуществляемую НЦБ Интерпола МВД России по сопровождению резонансного уголовного дела, восстановленного в 2017 г. СУ УМВД России по Дмитровскому району Московской области по факту обнаружения картины XIX в. К.П. Брюллова «Портрет С.П. Апраксиной» в аукционном доме г. Мюнхена, похищенной в 1976 г. из постоянной экспозиции «Музея-заповедника Дмитровский кремль».

С использованием возможностей международного сотрудничества в течение последних лет в Россию удалось вернуть значительное количество предметов, представляющих историческую и культурную ценность, – это иконы XV–XIX вв. «Борис и Глеб», «Богоматерь Одигитрия Смоленская», «Сошествие в ад»; архивные документы (Указы Елизаветы Петровны, Екатерины II, Александра I, Николая I, Николая II.); акварельные чертежи XVIII в.; уникальный фарфоровый медальон с профилем Петра I, изготовленный на знаменитой мануфактуре «Веджвуд», и др.

Взаимодействие по вопросам организации противодействия преступным посягательствам на культурные ценности осуществляется как в форме проведения совместных координационных совещаний по разным вопросам оперативно-служебной деятельности, судебно-следственной практики, так и в решении конкретных текущих задач, в частности: оперативное сопровождение конкретных уголовных дел, обмен информацией, положительным опытом, подбор экспертов, организация и проведение комплексный оперативно-профилактических операций и оперативно-профилактических мероприятий, подготовка совместных методических рекомендаций, инструкций, планов, предложений по совершенствованию правотворческой и правоприменительной практики и т. д.

Справедливо обращено внимание учеными, что в процессе международного сотрудничества правоохранительные органы осуществляют комплекс разносторонних действия и мероприятий, направленных организацию противодействия преступным посягательствам на культурные ценности [6; 8; 12; 13]:

– осуществляют противодействие транснациональной преступности путем выработки эффективных приемов, методов, средств, рекомендаций;

– в процессе розыска и идентификации лиц, выявления, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, имеющих транснациональный характер, по находящимся в их производстве материалам и уголовным делам, оперативным проверочным материалам и делам оперативного учета используют возможности Интерпола;

– направляют сведения о разыскиваемых в иностранных государствах–членах Интерпола предметах, имеющих культурную ценность, для постановки на централизованный учет ГИАЦ МВД России;

– оказывают правовую помощь путем исполнения поступающих по каналам Интерпола запросов правоохранительных органов иностранных государств.

Анализ нормативного, теоретического и эмпирического материала, включая обобщение сведений, поступивших из органов предварительного следствия системы МВД России, позволяет прийти к выводу о наличии проблемных вопросов в ходе расследования уголовных дел о преступлениях, посягающих на культурные ценности в 2016–2021 гг., в том числе в сфере организации международного сотрудничества.

Во-первых, отсутствие единого информационного пространства противодействия преступным посягательствам на культурные ценности на национальном и международном уровнях.

Во-вторых, отсутствие в большинстве территориальных органов МВД России программного сервиса в виде единого электронного учета культурных, ис-

торических и научных ценностей, в соответствии со стандартами ЮНЕСКО и Генерального секретариата Интерпола.

В-третьих, недостатки в организации учета и хранения культурных ценностей в частных коллекциях, религиозных объединениях и т. д.

В-четвертых, отсутствие единого государственного реестра культурных ценностей. В-пятых, отсутствие полноценной системы идентификации культурных ценностей и др. [6, с. 80].

Реализуемое в современных условиях противодействие преступным посягательствам на культурные ценности, осуществляемое в рамках международного сотрудничества с иностранными правоохранительными органами обладает рядом специфических признаков [9, с. 65–67]:

– наличие правового регулирования и особых универсальных принципов, которые поддерживают обязательства качественного выполнения запроса о правовой помощи и взаимодействия в целом;

– возможность отказа в исполнении запроса о правовой помощи, когда может быть нанесен ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим ее существенно важным интересам либо, когда затребованная информация относится к сведениям, составляющим государственную тайну;

– длительные и неограниченные сроки (направление и получение результатов исполнения запроса о правовой помощи может занимать в среднем от одного месяца до полутора и двух лет в зависимости от адресата и используемых каналов связи);

– особый субъектный состав международного сотрудничества (вовлеченность центрального органа, офицеров связи, Министерства иностранных дел, финансовой разведки, центральных аппаратов правоохранительных органов);

– острая необходимость оперативного сопровождения в целях обеспечения эффективности международного сотрудничества.

В заключении, хотелось бы отметить, что на сегодняшний день проблемы обеспечения культурной безопасности на национальном и межгосударственной уровнях как важной составляющей в задачах укрепления национальной идентичности и безопасности, транснациональной безопасности продолжают оставаться значимыми и требующими разрешения.

Список литературы

1. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Российской Федерации от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // СПС «СТРАСТ-ЮРИСТ». – URL: https://samara-shkola.ru/?s= (дата обращения: 20.02.2022).

2. Богданов, А. В. Противодействие хищениям предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, культурную, религиозную и художественную ценность / А. В. Богданов, И. И. Ильинский, В. Е. Хазова, Е. Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 3. – С. 169–176.

3. Богуславский, М. М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты : монография / М. М. Богуславский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 416 с.

4. Водеводз, А. Г. Международный розыск, арест и конфискация полученных преступным путем денежных средств и имущества (правовые основы и методики) / А. Г. Водеводз. – М., 2000. – С. 192.

5. Клебанов, Л. Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей / Л. Р. Клебанов; под ред. А. В. Наумова. – М. : Норма : Инфра-М, 2011. – 352 с.

6. Можаева, И. П. Основные направления противодействия преступным посягательствам на культурные ценности / И. П. Можаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 3. – С. 72–89.

7. Можаева, И. П. К вопросу о противодействии преступным посягательствам на культурные ценности / И. П. Можаева // Белгородские криминалистические чтения : сборник научных трудов. – Белгород : БелЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. – Вып. 4. – С. 176–179.

8. Можаева, И. П. Организация международного сотрудничества в сфере противодействия преступным посягательствам на культурные ценности / И. П. Можаева // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью. – М. : Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022.

9. Нурбеков, И. М. Организация и тактика взаимодействия с иностранными компетентными органами при расследовании преступлений международного характера : монография / И. М. Нурбеков. – М. : Юрлитинформ, 2012. – С. 65–67.

10. Осокин, Р. Б. Проблемы противодействия преступлениям против общественной нравственности / Р. Б. Осокин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Вып. 1 (93). – С. 343–346.

11. Осокин, Р. Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р. Б. Осокин. – М., 2014. – 46 с.

12. Приданов, С. А. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование / С. А. Приданов, С. П. Щерба. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 520 с.

13. Пузырева, Ю. В. Международное правоохранительное сотрудничество в борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей / Ю. В. Пузырева, А. А. Клюенкова // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 7. – С. 205–212.

Пузырева Ю. В.[1]*,*
заместитель начальника кафедры
прав человека и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАКТИКА ВНЕДРЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО ДОСТУПА К ЭЛЕКТРОННЫМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМ НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Европейский союз (далее – ЕС) является уникальной интеграционной организацией с многопрофильными направлениями сотрудничества государств-членов. Одной из актуальных сфер взаимодействия – противодействие трансграничной преступности [1]. Безусловной тенденцией последних лет является беспрецедентный рост противоправных угроз в сфере информационных технологий и связанных с ними предикатных преступлений. В частности, в последних докладах Агентства Европейского союза по сотрудничеству правоохранительных органов (далее – Европол) «Оценка угроз организованной преступности в сети Интернет»[2] («IOCTA-2020» [2], «IOCTA-2021» [3]), подготовленных Европейским центром по борьбе с киберпреступностью, отмечается рост кибератак против информсистем (прежде всего те, которые осуществляются на основе криминальной, сексуальное насилие и сексуальная эксплуатация несовершеннолетних, включая производство и распространение материалов о жестоком обращении с детьми, а также мошенничество с безналичными платежами (с акцентом на случаи крупномасштабного мошенничества, особенно на основе криминальных CNP-операций[3]) [4].

В данных обстоятельствах на первый план выходят вопросы развития и внедрения практики обмена электронными доказательствами по уголовным делам

---

[1] © Пузырева Ю. В., 2022.

[2] Каждый год ЕЦК публикует базовый годовой стратегический отчет о состоянии информационной безопасности и актуальных угрозах со стороны киберпреступности в ЕС «Оценка угроз организованной преступности в интернете» (*Internet Organised Crime Threat Assessment – IOCTA*). В документе помимо аналитических обзоров содержатся ключевые рекомендации правоохранительным и иным органам Союза, позволяющие эффективно и согласованно реагировать на вызовы и угрозы организованной преступности в интернете, а также формировать стратегию, политику и тактику борьбы с киберпреступностью. Кроме того, IOCTA содержит краткий обзор географических угроз киберпреступности на пяти континентах.

[3] *Card Not Presented* – категория мошеннических действий с банковскими картами, при операции с которыми продавец не может проверить, есть ли у покупателя карта, и вынужден полагаться на предоставленную последним информацию. Для валидации платежа в этом случае используют номер карты, срок ее действия, имя и фамилию владельца, а также CVC-код. Для мошеннических CNP-операций злоумышленники используют похищенные данные действительных банковских карт.

между компетентными органами государств [5]. В ЕС по указанной актуальной проблематике с 2017 г. реализуется *проект «Сириус»*, инициированный интернет-форумом ЕС и Еврокомиссией (далее ЕК) в связи с растущей ролью электронных доказательств в рамках уголовно-процессуальной деятельности и необходимостью их получения от поставщиков онлайн-услуг (далее – ПОУ).

По данным ЕК, в 2018 г. при проведении уголовных расследований в ЕС в более половины всех случаев направлялись международные запросы на доступ к электронным доказательствам (электронным письмам и сообщениям, фото, видео и другим электронным файлам, данным пользователей услуг и характеристикам интернет-трафика)[1]. Нередко запросы на предоставление информации провайдерами могут быть единственным способом получения убедительных доказательств в отношении, например, похищенных устройств, мошенничества с банковскими картами или хищения личных данных. Однако все чаще получение электронных улик может стать ключом к раскрытию и более традиционных преступных деяний, таких как похищение людей и розыск пропавших без вести, торговля людьми и терроризм. С точки зрения правоохранительных органов интернет смог существенно изменить способы хранения доказательств. Расследования, которые традиционно проводились в границах одной страны, теперь приобрели международное значение. Сегодня весьма вероятна ситуация, при которой жертва, преступник и инфраструктура, где могут храниться электронные доказательства или функционирует поставщик онлайн-услуг, находятся в разных юрисдикциях [8].

Целью проекта «Сириус» является укрепление прямого сотрудничества между правоохранительными и судебно-следственными органами стран – членов ЕС, с одной стороны, и зарубежными (в основном американскими) ПОУ – с другой. Кроме того, декларируется, что проект призван внести вклад в развитие безопасной, основанной на соблюдении прав человека международной цифровой среды, а также способствовать созданию равных условий с точки зрения доступа к рынку и деловых возможностей для компаний из ЕС[2].

Проект является механизмом поддержки реализации Договора о взаимной правовой помощи по уголовным делам между ЕС и США 2003 г. [6] и практических мер по трансграничному доступу к электронным уликам, согласованных в июне 2017 г. Советом ЕС по юстиции и внутренним делам [7].

Проект «Сириус» реализуется под эгидой Европола и представляет собой межведомственную онлайновую платформу для сотрудников правоохранительных и судебно-следственных органов стран – членов ЕС, а также государств, имеющих соглашения об оперативном сотрудничестве с Агентством. Платформа позволяет обмениваться передовым опытом и знаниями в области расследо-

---

[1] E-evidence – cross-border access to electronic evidence. Improving cross-border access to electronic evidence // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/policies/justice-and-fundamental-rights/criminal-justice/e-evidence-cross-border-access-electronic-evidence_en (дата обращения: 11.02.2022).

[2] Cross-border access to electronic evidence: update and impact of the pandemic on data requests // Europol. URL:https://ec.europa.eu/fpi/sites/fpi/files/ann10_sirius_cross-border_access_to_electronic_evidence_phase_2.pdf (дата обращения: 11.02.2022).

ваний преступлений, совершаемых в онлайн-среде или с помощью ИТ-технологий. Кроме того, платформа обладает библиотекой, предоставленных 50 крупнейшими ПОУ корпоративных нормативных документов, регламентирующих их взаимодействие с государственными органами. Она также содержит программное обеспечение, позволяющее оперативно анализировать информацию, полученную от провайдеров онлайн-услуг, а также оптимизировать составление и направление запросов к ПОУ. Это увеличивает вероятность получения субстантивного ответа от провайдеров и в целом повышает качество взаимодействия с ними.

Деятельность «Сириус» координируется двумя центрами в составе Европола – контртеррористическим (непосредственно отделом по маркировке террористического и экстремистского контента в интернете – EU IRU) и по борьбе с киберпреступностью, что предопределяет, но не ограничивает основные приоритеты в работе платформы. К проекту «Сириус» подключены Евроюст и Европейская судебная сеть, что позволяет прибегать к инструментам платформы не только при осуществлении оперативно-разыскных, но и следственных мероприятий. Кроме того, в рамках проекта «Сириус» в первой половине 2020 г. Агентство ЕС по подготовке сотрудников правоохранительных органов (СЕПОЛ), используя собственную онлайновую образовательную платформу «LEEd», начало проведение онлайновых тренингов по повышению квалификации сотрудников с целью приобретения ими навыков направления запросов на неотложное раскрытие информации в адрес зарубежных ПОУ, включая международно-правовые аспекты этих процедур[1].

Эксперты Европола отмечают, что в настоящее время у компетентных органов стран – членов ЕС в контексте расследований уголовных дел есть несколько способов запросить трансграничный доступ к данным, которые хранятся на серверах ПОУ в США или в иной третьей стране. У властей Евросоюза, например, имеется возможность использовать прямые запросы о добровольном раскрытии информации либо правовое сотрудничество в соответствии с международными соглашениями. Это зависит от характера расследуемого преступления, а также от требований национального законодательства стран-членов. Процедуры запросов от государственных органов к частным компаниям также различаются в зависимости от типа запрашиваемых данных и степени их «чувствительности». Отмечается, что у большинства провайдеров хранящиеся данные классифицируются на три основные категории: *базовая информация о пользователе* (имя, фамилия, номер телефона, адрес электронной почты*), данные трафика* (IP-адреса, журналы подключений, метаданные) и *содержание переданных данных* (электронные письма и сообщения, фотографии и т. д.). Несмотря на то что страны – члены ЕС и США при определении типов данных основываются на положениях Будапештской конвенции о киберпреступности 2001 г. [9], ПОУ собирают данные, ориентируясь прежде всего на свои бизнес-

[1] European Union Agency for Law Enforcement Training (CEPOL) // European Union. URL: https://european-union.europa.eu/institutions-law-budget/institutions-and-bodies/institutions-and-bodies-profiles/cepol_en (дата обращения: 11.02.2022).

потребности и типы оказываемых ими услуг, что нередко приводит к различной интерпретации категорий таких данных.

Хотя направление прямых запросов о добровольном раскрытии информации самый оперативный способ получения искомой доказательной базы, эксперты отмечают, что в силу добровольности такого рода запросов компании могут отказаться на них отвечать. Кроме того, коллизия профильных законодательств запрашивающего и отвечающего государств может воспрепятствовать предоставлению данных, поэтому провайдеры нередко устанавливают собственные требования в отношении запросов от иностранных властей с учетом применимого законодательства, а также особенностей своих услуг и продуктов.

В тех случаях, когда компетентные органы, мотивируемые серьезными обстоятельствами, например связанными с угрозой жизни человека, направляют провайдеру запросы на неотложное раскрытие информации[1], американские ПОУ в таких случаях должны руководствоваться положениями Уголовного кодекса США. Кодекс определяет чрезвычайные обстоятельства как ситуацию, «связанную с опасностью гибели или серьезного физического увечья любого человека», которая требует «раскрытия информации без задержки»[2]. Однако в силу того, что такое сотрудничество носит по-прежнему добровольный характер, ПОУ могут выдвигать дополнительные условия к подобным неотложным запросам иностранных властей. Как правило, выдвигается требование предоставить как можно больше информации о расследовании и обосновать, почему требуется немедленный доступ к конкретному набору данных.

Наиболее проблематичны попытки получить от ПОУ доступ к содержанию переданных данных. В добровольном порядке провайдеры такие данные не предоставляют. В подобных обстоятельствах в ход могут идти международно-правовые двусторонние и многосторонние механизмы правоохранительного и судебно-следственного сотрудничества. Кроме того, предусмотренный ими инструментарий взаимной правовой помощи (далее – ВПП) по уголовным делам должен применяться в случае отказа ПОУ в добровольном порядке предоставлять базовые данные о пользователе и данные трафика, а также если внутреннее законодательство страны – члена ЕС устанавливает, что официальное направление обращения за ВПП является условием признания данных в качестве доказательства в ходе судебного разбирательства.

Причины отказов ПОУ в предоставлении тех или иных, по мнению экспертов:

– предоставление запрашивающей стороной неверных идентификаторов лица (адрес электронной почты, номер телефона, URL-адрес и имя пользователя)

---

[1] Это тип прямых запросов о добровольном предоставлении информации, посредством которых компании могут давать информацию без содержания переданных данных иностранным правоохранительным и судебно-следственным органам в ускоренном порядке, в том числе в течение нескольких минут или часов.

[2] U.S. Code. Title 18. Crimes and criminal procedure Part I. Crimes Chapter 121. Stored wire and electronic communications and transactional records access Section 2702. (c) Exceptions for Disclosure of Customer Records. Voluntary disclosure of customer communications or records. https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2702.

или предоставление лишь ссылки на учетную запись лица, которые на ряде платформ могут не быть уникальными и изменяться пользователем;

– запросы требуют предоставления слишком широкого перечня данных;

– запрашиваются отсутствующие у провайдера данные;

– для ответа на запрос требуется использование каналов ВПП;

– запрашивающая сторона не обосновала запрос ссылкой на свое действующее законодательство;

– получившее запрос юридическое лицо не контролирует запрашиваемые данные (многие ПОУ имеют национальные подразделения и размещают серверы в других странах);

– ошибочные или несвоевременные действия при направлении запросов на сохранение данных.

Проводившееся в ходе подготовки доклада экспертами Европола интервьюирование представителей правоохранительных и судебно-следственных органов стран – членов ЕС позволило выявить следующие основные сложности в их работе с ПОУ:

– высокая продолжительность ожидания ответа при использовании каналов ВПП (в среднем около 10 мес.);

– отсутствие у компаний стандартизации одних и тех же процессов, связанных с обработкой запросов от компетентных органов ЕС;

– отсутствие четких правил, определяющих политику провайдеров в отношении запросов иностранных властей, или их чрезмерная сложность;

– отсутствие у сотрудников специальных технических навыков или незнание ими специфического пользовательского лексикона;

– отсутствие доверия со стороны компаний к запрашивающей стране;

– языковой барьер.

Проанализированные в докладе сложности процесса получения доступа к электронным уликам в условиях их нахождения в иностранной и прежде всего американской юрисдикции уже длительное время решаются государствами – членами ЕС через попытки точечного укрепления профильной международно-правовой и собственной нормативной базы, в том числе через ведение переговоров с Вашингтоном по проекту соглашения ЕС-США об облегчении доступа к электронным уликам при проведении уголовных расследований, а также включенность Евросоюза к разработке и принятию Второго дополнительного протокола к Будапештской конвенции по киберпреступности, также нацеленного на упрощение этих процедур.

Практически параллельно ЕК представила два законодательных предложения по улучшению трансграничного сбора электронных доказательств: Регламент о европейских ордерах на предоставление и сохранение электронных улик по уголовным делам и Директиву о назначении представителей поставщиков онлайновых услуг с целью сбора доказательств в уголовном процессе. Таким образом, следует констатировать о динамичном развитии практики внедрения трансграничного доступа к электронным доказательствам на примере Европейского союза и апробации различных правовых и организационных механизмов реализации данных процессов. Зарубежный опыт может

быть полезен в рамках развития и внедрения практики обмена электронными доказательствами по уголовным делам между компетентными органами Российской Федерации и компететными органами государств, с которыми у Российской Федерации оформлены прочные правовые отношения в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам.

Затянувшийся переговорный и нормотворческий процесс, очевидно, вынуждает правоохранителей решать насущные проблемы, один из которых – проект «Сириус».

Список литературы

1. Право международных организаций: региональные, межрегиональные, субрегиональные межправительственные организации : учебник / под ред. А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцева. – М. : Юрайт, 2020. – 331 с.

2. Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2020 // Europol. – URL: https://www.europol.europa.eu/publications-events/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment-iocta-2020 (дата обращения: 20.02.2022).

3. Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2021 // Europol. – URL: https://www.europol.europa.eu/publications-events/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment-iocta-2021 (дата обращения: 20.02.2022).

4. Пузырева, Ю. В. Международное полицейское сотрудничество по вопросам раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий / Ю. В. Пузырева, А. И. Мысина. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 92 с.

5. Международное уголовное право : учебник. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. – 149 с.

6. Agreement on extradition between the European Union and the United States of America // EUROPA. EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/agree_internation/2003/516(1)/oj (дата обращения: 20.02.2022).

7. European Commission: European Commission welcomes the Council's commitment to improve information exchange and border management, 8 June 2017 // European Union. – URL: https://www.europeansources.info/record/justice-and-home-affairs-council-8-9-june-2017/ (дата обращения: 20.02.2022).

8. Правовые и организационные основы международного полицейского сотрудничества : учебно-практическое пособие. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. – 128 с.

9. Пузырева, Ю. В. Международно-правовые механизмы Совета Европы по противодействию киберпреступности / Ю. В. Пузырева, А. И. Мысина // Современное право. – 2021. – № 11. – С. 111–117.

Сайфуллина И. П.[1]*,*
старший преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ - ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЕГО ВНЕШНИХ ГРАНИЦ КАК ИНСТРУМЕНТ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕРЕГУЛЯРНОЙ МИГРАЦИИ

Миграция – одно из актуальных сегодня направлений интеграционной деятельности Европейского союза (далее – ЕС, Союз), которое тесно связано с вопросами соблюдения прав человека, социального регулирования и другими сферами, но главным образом – с аспектами безопасности как внешних границ, так и внутри территории ЕС.

Вопросы миграции основаны на частичной интеграции, которая создает трудности для европейских институтов ввиду различных мнений и неравномерной степени готовности государств решать такого рода задачи, устанавливая необходимость разностороннего межгосударственного сотрудничества для построения общей миграционной политики. Однако Союз далеко продвинулся в решении вопроса миграционной безопасности и с учетом всех трудностей, связанных с миграционными кризисами, продолжает совершенствовать инструменты для борьбы с нерегулярной миграцией, как одной из основных угроз ценностям ЕС.

В учредительных договорах и актах вторичного права ЕС закреплены положения, регламентирующие вопросы борьбы с нерегулярной миграцией и охраны внешних границ ЕС[2].

Так, ст. 77 Договора о функционировании Европейского союза (далее – ДФЕС) закрепляет следующее положение: «Союз развивает политику, которая стремится: a) обеспечить отсутствие любого контроля в отношении лиц независимо от их национального гражданства при пересечении ими внутренних границ; b) обеспечить проведение контроля в отношении лиц и эффективное наблюдение при пересечении внешних границ; c) постепенно ввести в действие интегрированную систему управления внешними границами».

Особенно важен в контексте заявленной тематики подпункт «c» статьи ДФЕС, поскольку планомерное продвижение в развитии информационных технологий, использующихся в рамках решения задачи по охране внешних границ ЕС и борьбой с нерегулярной миграцией, весьма современный и эффективный

---

[1] © Сайфуллина И. П., 2022.

[2] В рамках данной статьи использован термин «нерегулярная миграция», который применяется в документах ЕС вместо существующего, как правило, в отечественных документах понятия «незаконная миграция».

вектор взаимодействия государств – членов ЕС, стремящихся защититься от незаконно пребывающих на свои территории мигрантов. Данные меры носят не только оперативный, но и превентивный характер, поскольку владение соответствующей информацией и скорейший обмен ею позволят своевременно предпринимать меры в ситуациях, связанных с нерегулярной миграцией, например по аналогии с обстановкой на польско-белорусской границе 2021–2022 гг.

Кроме того, в п. 1 ст. 79 ДФЕС установлено, что «Союз развивает общую иммиграционную политику, которая стремится обеспечить на всех стадиях эффективное управление миграционными потоками, … а также предотвращение нерегулярной иммиграции, торговли людьми и усиленную борьбу с ними» [1].

Целью политики Союза в области внешнего пограничного контроля является развитие и внедрение европейского комплексного пограничного контроля на национальном и наднациональном уровнях, это необходимое следствие свободного передвижения людей в рамках ЕС и основополагающий компонент области свободы, безопасности и справедливости.

Европейское комплексное управление границами играет центральное место в процессе совершенствования управления миграцией: оно нацелено на эффективное управление пересечением внешних границ и решение миграционных проблем, предупреждение потенциальных угроз, тем самым способствуя борьбе с серьезными преступлениями трансграничного характера и обеспечивая высокий уровень внутренней безопасности в Союзе. В то же время правовое регулирование основано на принципе уважения основных прав, установленных законодательством ЕС, с условием гарантированности свободного передвижения людей в пределах Союза.

Нужно принять во внимание, что наблюдение за внешними границами Союза является ключевым элементом в борьбе с нерегулярной миграцией, которая должна сопровождаться дополнительной правоприменительной политикой, направленной на искоренение такой миграции у его истока, и мерами по борьбе с незаконным пребыванием мигрантов на территории ЕС, в частности с целью трудовой деятельности.

Для достижения обозначенных задач в рамках установленных законодательных процедур приняты соответствующие акты вторичного права ЕС.

В сфере миграционной безопасности и охраны внешних границ ЕС такие документы были разработаны в середине 2000-х годов, посредством чего сформировалась «стартовая» нормативная база, которая была существенно переработана в середине 2010-х годов. Созданы ключевые органы ЕС, в чью компетенцию входила и входит охрана границ ЕС.

Так, в 2004 г. создано Европейское агентство по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств – членов ЕС, впоследствии переименованное в Европейское агентство пограничной и береговой охраны (Frontex) [2]. Когда агентство приступило к исполнению своих обязанностей, 1 мая 2005 г., оно успешно содействует государствам-членам в реализации оперативных аспектов внешнего пограничного контроля посредством совместных операций и быстрых пограничных вмешательств, анализа рисков, обмена информацией, отношений с третьими странами и возвращения мигрантов.

В 2016 г. были изменены некоторые аспекты сотрудничества и оперативной работы агентства и порядок взаимодействия государств – членов в ЕС в рамках ее деятельности. В настоящее время реализуется обновленный Регламент (ЕС) 2019/1896 о Европейской пограничной и береговой охране [3], адаптированный под стремительно развивающиеся институты и особенности информационного взаимодействия государств для борьбы с нерегулярной миграцией в ЕС. Агентство располагает системой групп быстрого пограничного реагирования (RABIT), включающей 10 тыс. сотрудников.

В 2013 г. создана Европейская система пограничного надзора (*EUROSUR*), необходимая для укрепления обмена информацией и оперативного сотрудничества между национальными органами государств – членов и *Frontex* [4].

Главная задача данной системы – предоставить этим органам и *Frontex* инфраструктуру и инструменты, необходимые для повышения их ситуационной осведомленности и потенциала реагирования на внешних границах государств – членов Союза («внешние границы») с целью выявления, предотвращения и борьбы с нерегулярной миграцией и трансграничной преступностью, а также содействия обеспечению защиты и спасения жизней мигрантов. Государства-члены для улучшения обмена информацией и сотрудничества в области пограничного наблюдения между ними и *Frontex* создают национальные координационные центры.

Frontex с помощью *EUROSUR* осуществляет обмен информацией и сотрудничество с другими органами, управлениями и учреждениями Союза, такими как Европейское агентство по безопасности на море и Спутниковый центр ЕС, чтобы наиболее эффективно использовать информацию, возможности и системы, которые доступны на европейском уровне, например Европейскую программу мониторинга Земли.

Следует отметить, что после кризиса 2015–2016 гг. было принято решение о проведении реформы в сфере миграции в рамках ЕС, в результате претерпели изменения многие действовавшие на тот момент нормы, регламентировавшие вопросы охраны внешних границ ЕС, функционирования специальных институтов ЕС, чья деятельность направлена на борьбу с нерегулярной миграцией.

Кроме того, в 2019 г., был принят Регламент (ЕС) 2019/817 о создании основы для совместимости между информационными системами ЕС в области границ и виз [5].

Она создана в целях повышения эффективности и результативности проверок на внешних границах, содействия предотвращению нерегулярной миграции и борьбе с ней, а также содействия высокому уровню безопасности в области свободы, включая поддержание общественной безопасности на территориях государств-членов, улучшения осуществления общей визовой политики, оказания помощи в рассмотрении заявлений о международной защите, содействия предотвращению, выявлению и расследованию террористических преступлений и других серьезных уголовных преступлений, установления личности неизвестных лиц, которые не могут идентифицировать себя, или неопознанные человеческие останки в случае стихийного бедствия, аварии или террористического нападения, в целях поддержания общественного доверия к системе ми-

грации и убежища Союза, мерам безопасности Союза и возможностям Союза по управлению внешними границами.

Для достижения этих целей в качестве компонентов совместимости должны быть созданы европейский поисковый портал (*ESP*), общая служба биометрического сопоставления (общая *BMS*), общее хранилище удостоверений (*CIR*) и детектор множественных идентификаций (*MID*).

Компоненты совместимости должны охватывать Систему въезда/выезда (*EES*), Визовую информационную систему (*VIS*), Европейскую систему информации о поездках и авторизации (*ETIAS*), Европейскую дактилоскопическую систему (*Eurodac*), Шенгенскую информационную систему (*SIS*) и Европейскую информационную систему по уголовным преступлениям. Они также должны быть совместимы с данными информационных систем Европола, которые могут предоставляться в пределах компетенции.

Впереди новая реформа в сфере миграции в ЕС, которая назрела в период относительного спада миграционных потоков в европейские страны, а именно в 2019–2020 гг. во время пандемии Covid-19. Компетентными органами ЕС разработан Новый пакт ЕС о миграции и предоставлении убежища, который, в частности, направлен на решение проблемы нелегальной миграции путем лучшего управления внешними границами и укрепления международного взаимодействия. Принять данный документ планируется не ранее 2023 г. [6]

Для решения проблемы нерегулярной миграции в Новом пакте подчеркивается необходимость более строгого пограничного контроля на внешних границах ЕС. В предложении изложена новая стратегия ЕС по комплексному управлению границами. Важный аспект предложения – план Еврокомиссии достичь «полной совместимости» систем управления границами с помощью информационных технологий к концу 2023 г. Улучшение оперативного потенциала считается важным шагом в укреплении аспекта безопасности Союза.

Новый подход к совместимости ЕС подразумевает, что все системы пограничного контроля будут кооперироваться друг с другом и работать вместе более эффективно. Модернизация информационных систем ЕС создаст возможности для улучшения сотрудничества между органами юстиции и внутренних дел государств – членов ЕС, поскольку это будет способствовать обмену информацией и оперативными данными о незаконном пересечении границы. Некоторые из систем, принимающих участие в плане совместимости, – это база данных Европейская дактилоскопическая система *Eurodac*, Система въезда/выезда (*EES*) и Визовая информационная система (*VIS*).

Таким образом, как инструмент в противодействии нерегулярной миграции взаимодействие государств – членов ЕС в сфере охраны его внешних границ очень активно применяется и с точки зрения правового регулирования достаточно глубоко проработано. Оно охватывает вопросы оперативного реагирования в случае незаконного пересечения границ ЕС и информационного обмена, в том числе с использованием спутниковых систем и снимков из космоса, которые позволят предпринимать соответствующие ситуации меры.

Ключевым аспектом является обеспечение синхронизации информационных систем, контролирующих различные процессы, связанные с вопросами миграции, например систему въезда/выезда, которые используются и пополняются

компетентными органами государств – членов ЕС, образуя единую платформу для оперативного обмена необходимыми сведениями.

Список литературы

1. Договор о функционировании Европейского союза в редакции Лиссабонского договора 2007 г. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=43216#HIwQM0TgPkXxMYhw (дата обращения: 20.02.2022).

2. Регламент Совета (ЕС) от 26.10.2004 № 2007/2004 «О создании Европейского агентства по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств-членов ЕС» // EUROPA. EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32004R2007&qid=1647544734491 (дата обращения: 21.02.2022).

3. Регламент Совета (ЕС) 2019/1896 Европейского парламента и Совета от 13.11.2019 № 2019/1896 «О Европейской пограничной и береговой охране и отмене Регламента (ЕС) No 1052/2013 и (ЕС) 2016/1624» // EUROPA. EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019R1896&qid=1646845184591 (дата обращения: 22.02.22).

4. Регламент Совета (ЕС) № 1052/2013 Европейского парламента и Совета от 22.10.2013 «О создании Европейской системы пограничного наблюдения (Евросур)» // EUROPA. EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32013R1052&qid=1646837940385 (дата обращения: 22.02.2022).

5. Регламент Совета (ЕС) № 2019/817 «О создании основы для совместимости между информационными системами ЕС в области границ и виз и внесении поправок в Регламенты Совета (ЕС) № 767/2008, (ЕС) 2016/399, (ЕС) 2017/2226, (ЕС) 2018/1240, (ЕС) 2018/1726 и (ЕС) 2018/1861 Европейского парламента и решений Совета и Совета 2004/512/ЕС и 2008/633/JHA» // EUROPA. EUR-Lex. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019R0817&qid=1646841455388 (дата обращения: 21.02.2022).

6. Рыбаков, А. В. Пакт о миграции и убежище как основа формирования новой миграционной политики Европейского союза / А. В. Рыбаков // Право и политика. – 2021. – № 10. – С. 70–82.

7. Коннов, В. А. Международно-правовые основы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации / В. А. Коннов, Ю. В. Пузырева // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 178–184.

8. Правовые и организационные основы международного полицейского сотрудничества : учебно-практическое пособие / [И. И. Котляров и др.]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. – 128 с.

9. Пузырев, С. А. Миграционный кризис в Европе и его влияние на бюджетную политику Европейского Союза : монография / С. А. Пузырев, Ю. В. Пузырева. – М. : Издательский дом «Граница», 2018. – 118 с.

Симонова А. Е.[1]***,***
доцент кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ

Одним из важнейших и вместе с тем сложных вопросов, подлежащих разрешению в процессе разнообразных международных отношений, является установление механизма выполнения обязательств, взятых на себя в рамках различных соглашений, прежде всего многостороннего характера. На первый взгляд безусловной основой выполнения взятых на себя обязанностей являются добрая воля и добросовестное отношение к ним тех или иных субъектов международного права (государств в первую очередь), однако и это отнюдь не проявление исключительно двуличного поведения, государства как и международные отношения функционируют в условиях «реального времени» и «реальной политики», отягощенной комплексом обстоятельств, в результате чего даже самые фундаментальные, исторические, прорывные соглашения сопровождаются рядом существенных оговорок, примечаний, особых условий, отсрочек либо вовсе в одностороннем порядке срываются на стадии переговоров или многие десятилетия не ратифицируются национальными парламентами, обесценивая фактически саму суть международных отношений и многосторонних соглашений как равноправных и взаимовыгодных хотя бы на уровне деклараций. Ключевую роль надлежащий механизм исполнения международных обязательств приобретает при урегулировании вопросов, связанных с обороной, вооружениями и в первую очередь оружием массового уничтожения.

На сегодняшний день два вида оружия массового уничтожения (далее – ОМУ) из классической триады имеют именно организационный институциональный хотя и разный по силе, механизм соблюдения режима регулирования, запрещения и ликвидации образцов оружия данных видов. Основополагающий акт в международной сфере как сдерживающий фактор в процессе нераспространения ядерного оружия считают Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Несмотря на то что данный документ является фундаментом существующего ныне режима нераспространения, а также получил широкое распространение среди государств, его нельзя назвать эффективном способом, сдерживающем ядерное оружие. На основе данного договора была предпринята попытка создать режим жесткого нераспространения ядерного

[1] © Симонова А. Е., 2022.

оружия, которая не увенчалась успехом. Это связано с тем, что данный договор так и не стал универсальным. Динамика распространения ядерного оружия (что подтверждается его испытаниями), продемонстрировала, что ядерное распространение осуществляется и сдерживающих эффективных норм до сих пор нет. Страны – участники группы ядерных поставщиков содействуют нераспространению ядерного оружия посредством осуществления руководящих принципов. При этом контроль в отношении передаваемых государствами ядерных материалов и оборудования осуществляет Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ).

Подписание Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления, применения химического оружия и его уничтожении 1993 г. стало своеобразной точкой в длительном и непростом процессе создания международного режима нераспространения химического оружия. В отличие от Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г., считающейся первым международным универсальным документом, перечисляющим обязательства в отношении отдельных видов ОМУ, однако содержащая предписания общего характера, Конвенция о запрещении химического оружия представляет собой целостный документ, детально регламентирующий порядок разоружения, а также контрольные процедуры [5, с. 625–626].

Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) при разработке конвенции отведена роль в виде всесторонней и оперативной деятельности по контролю за разоружением и режимом нераспространения химического оружия, а, следовательно, наделения Организации полномочиями, позволяющими обеспечивать действие механизма международного контроля. Как отмечает С. М. Пунжин, несмотря на то, что Конвенция является одним из самых детализированных и полноценных международных документов, сложность в осуществлении контроля за процессом уничтожения и хранения химического оружия неизбежно предполагает выработку правил и норм в рамках Организации по запрещению химического оружия. Следовательно, статус норм Организации по запрещению химического оружия соответствует статусу норм международного договора, что отчасти определяет особенность самой Организации по запрещению химического оружия как универсальной международной организации [8, с. 221].

Существенные недостатки Женевского протокола 1925 г. как единственного существовавшего на тот момент международно-правового инструмента, предотвращавшего применение биологического оружия, послужили стимулом для разработки и принятия более совершенного документа. Развитие международных отношений по вопросу создания и функционирования механизма запрещения и ликвидации биологического оружия вполне предсказуемо развивалось по схеме, рассмотренной выше: принятие всеобъемлющего международного соглашения и создание соответствующей специализированной организации, осуществляющей контроль за его соблюдением. В 1971 г. Генеральной Ассамблеей ООН была одобрена Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологи-

ческого) и токсинного оружия и об их уничтожении (далее – Конвенция 1972 г.) [4, с. 39]. Конвенция открыта для подписания в 1972 г. и вступила в силу в 1975 г., после чего начался процесс снятия оговорок к Женевскому протоколу 1925 г.[1] Срок конвенции неограниченный. В качестве депозитариев выступили СССР, США, Великобритания.

Как отмечает А. А. Пикаев, данная конвенция представляла собой новое слово в международной деятельности по контролю над вооружениями, поскольку впервые запрещался целый вид ОМУ, при этом срок запрета не ограничивался [6]. Кроме того, учитывая всё новые методы и способы совершения преступлений на территории государств – участниц Конвенции, такой созданный механизм не теряет актуальности и спустя более 50 лет [2, с. 59; 3, с. 97; 7, с. 143].

Вместе с тем значительным и существенным изъяном Конвенции 1972 г. было отсутствие механизма проверок режима соблюдения ее положений. По мнению Н. И. Калининой, Конвенция 1972 г. по своему содержанию больше приближается к совместному политическому заявлению стран-участников, чем к полномасштабному договору по причине отсутствия конкретных положений о подходах к ее осуществлению, и даже перечня биологических агентов, подлежащих запрету. Именно поэтому спустя 20 лет после вступления Конвенции в силу, международное сообщество пришло к пониманию необходимости разработки мер по четкому определению механизма контроля за ее реализацией [1].

Так еще в 1989 г. были приняты Технические руководящие указания и процедуры по своевременному и эффективному расследованию сообщений о возможном применении химического и бактериологического (биологического) оружия. В 1991 г. создается группа правительственных экспертов от стран-участников, которая в течение двух лет разрабатывает предложения о возможных мерах контроля. Итоги ее деятельности рассматриваются в 1994 г. на Специальной конференции государств – участников Конвенции 1972 г., на которой было принято решение об учреждении Специальной группы государств – участников Конвенции 1972 г. с целью разработки Протокола как юридически обязательного для всех документа по укреплению режима Конвенции, работа над которым началась еще в рамках четвертой Обзорной конференции в 1996 г.

Подводя итог, хочется согласиться с мнением Н. И. Калининой о том, что международные структуры играют большую роль в развитии системы защиты и безопасности, информированности мирового сообщества по исследуемой проблематике, пропаганде ответственной деятельности и предупреждении различных нарушений в данной области. Вместе с тем слабая координация между организациями, недостаточность организационных, материальных и информационных ресурсов не позволяют в полной мере сформировать действенный механизм реализации положений рассмотренных Конвенций и как следствие эффективную систему безопасности и использование рассматриваемых средств исключительно в мирных целях.

---

[1] Россия официально сняла оговорки в 2000 г.

Список литературы

1. Калинина, Н. И. Конвенция о запрещении биологического оружия. История появления и современное состояние : лекция / Н. И. Калинина // Rudocx.exdat.com. – URL: http:// www.rudocx.exdat.com (дата обращения: 20.02.2022).

2. Козлова, А. А. Международно-правовые основы сотрудничества государств в сфере противодействия незаконному обороту человеческих органов : монография / А. А. Козлова. – М. : Граница, 2020.

3. Лимонцева, В. А. Международно-правовое осмысление сущности терроризма / В. А. Лимонцева // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 20-летию принятия Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., 29 октября 2020 г. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020.

4. Маркович, И. В. Биологическое оружие: Проблемы распространения, терроризма, политика противодействия / И. В. Маркович, А. Е. Симонова. – М. : ЛКИ, 2011.

5. Международное право : учебник для бакалавров / под ред. А. Н. Вылегжанина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2012.

6. Пикаев, А. А. Международные обязательства по запрещению биологического оружия : лекция / А. А. Пикаев // СЕТЕВОЙ УНИВЕРСИТЕТ «ЗНАНИЕ» АНО ЗШ МИФИ. – URL: http:// www.mifi.ru (дата обращения:).

7. Пузырева, Ю. В. Тенденции развития транснациональной организованной преступности под влиянием пандемии COVID-19 / Ю. В. Пузырева // Актуальные проблемы медицины и биологии. – 2021. – №1.

8. Пунжин, С. М. Химическое оружие и международное право / С. М. Пунжин. – М., 2009.

Таранов Н. В.[1],
руководитель Усть-Большерецкого межрайонного
следственного отдела СУ СК РФ
по Камчатскому краю,
аспирант Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Существенные перемены во всех сферах нашей страны, начавшиеся еще в конце XX в., связанные с социально-экономическими реформами, с научно-техническим прогрессом в области информационных и компьютерных технологий, а также в связи с вступлением в информационную эру XXI в., сказались и на характере современной преступности, которая стала не только более общественно опасной из-за использования и применения в преступных целях современных технических средств, но и не потеряла тенденцию к росту. Преступность все больше приобретает транснациональный характер, воспринимает и заимствует зарубежные способы совершения противоправных деяний.

Возникло много сложностей в уголовном судопроизводстве, что требует совершенствования правового регулирования общественных отношений в этой области, повышения уровня ее гуманизации, состязательности и, что не менее важно, использования современных специальных знаний и достижений в науке в целях борьбы с таким негативным социальным явлением, как преступность.

Все больше требований предъявляются к судебно-экспертной деятельности, обеспечивающей стороны и суд объективными доказательствами в уголовном процессе. И тем обоснованней обеспокоенность недостатками в правовой регламентации, научно-методическом, организационном обеспечении и в разработке концептуальных основ, теоретических и практических вопросов судебно-экспертной деятельности, в том числе и на международном уровне.

Хотя в нынешнее время теория судебной экспертизы активно развивается, накопленный эмпирический материал еще не нашел должной реализации, многие ее положения требуют не только подтверждения, но и постоянного переосмысления. Так, на основе анализа, накопленного за многие годы практического опыта в области судебно-экспертного обеспечения уголовного судопроизводства необходима дальнейшая разработка правовой регламентации судебно-экспертной деятельности, частной теории судебно-экспертной профилактики, положений о формах и средствах коммуникативной деятельности судебного эксперта.

Судебная экспертиза – важный институт, существующий во всех странах мира. Результаты экспертных исследований, показания эксперта могут иметь решающее значение в судебном процессе, таким образом, совершенствование

---

[1] © Таранов Н. В., 2022.

данного направления деятельности имеет существенное значение как для правоохранительных органов, так и для участников уголовного судопроизводства, права которых должны неукоснительно соблюдаться и иметь способы и механизмы их реализации на всех стадиях уголовного процесса.

За последнее время увеличилось и общее количество судебных экспертиз за счет появления новых видов: экологических, компьютерно-технических, экономических и других экспертиз.

Страны мирового сообщества активно стремятся к развитию международного взаимодействия и сотрудничества в области судебной экспертизы, поэтому возникает объективная необходимость в создании общих и признанных всеми базовых норм и требований для судебных экспертов, поскольку на сегодняшний день не существует широко разработанных международных правил в данной области.

Взаимодействие в области судебно-экспертной деятельности при расследовании преступлений – одно из приоритетных направлений консолидированной работы различных стран. На практике нередко возникают случаи, когда участник уголовного процесса вынужденно находится за пределами той страны, где непосредственно рассматриваются материалы проверки для принятия процессуального решения или возбужденно уголовное дело. В подобном случае оказание соответственной правовой помощи другой страны просто необходимо.

Правовое регулирование международного сотрудничества в настоящее время это достаточно прозрачный вопрос в российском законодательстве, который позволяет выявить как положительные, так и отрицательные стороны взаимодействия в области судебной экспертизы.

Анализируя положения Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», не содержат четко сформулированных норм о взаимодействии в данном направлении с другими государствами и не предусматривает необходимость заключения международных договоров для производства судебных экспертиз [2]. Нет ответов и в уголовно-процессуальном законодательстве на вопросы оценки на предмет допустимости заключения судебного эксперта другого государства [3].

Помимо указанных пробелов нормотворчества международное сотрудничество в сфере судебной экспертизы должно включать и обмен опытом между сотрудниками, осуществляющими судебную экспертизу. В этой части целесообразна регламентация возможности и порядка применения зарубежного и международного методического обеспечения, определение его иерархии.

Анализируя международный опыт в сфере судебной экспертизы, есть и положительные результаты работы в данном направлении, – существуют международные неправительственные организации вносящие существенный вклад в развитие международного обмена информацией о научных достижениях, повышающие качество судебных экспертиз и осуществляющие подготовку квалифицированных кадров.

В 1992 г. создана Европейская Академия судебной экспертизы (*ENFSI*), осуществляющая свою деятельность на территориях государств – членов Евро-

союза. Постоянными ее членами-представителями от России являются Северо-Западный центр судебной экспертизы (СЗЭЦ) г. Санкт-Петербург, а также Российский федеральный центр судебной экспертизы Минюста (РФЦСЭ) г. Москва. В указанной организации помимо отмеченного, уделяется внимание и таким важным и необходимым вопросам, как унификация, сертификация и стандартизация методик судебно-экспертного исследования. Кроме того, в 1915 г. в Соединенных штатах Америки была создана Международная ассоциация по идентификации (International Association for Identification – IAI) [4] занимающаяся вопросами, связанными с судебно-медицинской идентификацией в области расследования и экспертизой вещественных доказательств. На настоящий момент она имеет свои отделения во многих странах мира. В России такое отделение действует с 1992 г.

Нельзя не отметить, что Россия со своей стороны на законодательном уровне также делает самостоятельные шаги по пути международного сотрудничества в сфере судебной экспертизы. Так, отечественным законодателем разработан документ, включающий стратегию развития в сфере судебно-экспертной деятельности, – государственная программа «Юстиция», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 312 [5]. Данная программа включает в себя укрепление взаимодействия между судебно-экспертными учреждениями Министерства юстиции, в ней заложена задача обеспечения развития системы судебно-экспертных учреждений данного ведомства. При этом указанный нормативный правовой документ в большей степени нацелен на улучшение работы судебно-экспертной деятельности в конкретной структуре – Министерстве юстиции, на что должны обратить внимание судебно-экспертные учреждения других исполнительных органов государственной власти.

Проанализировав возможность международного сотрудничества в сфере судебно-экспертной деятельности, можно сделать вывод, что российский законодатель не отразил в существующих правовых нормах возможность и порядок использования зарубежного потенциала в осуществлении экспертной деятельности. В данном вопросе не следует забывать и о проблемах финансирования.

Полагаем, что основными целями развития сотрудничества Российской Федерации на международном уровне в сфере судебно-экспертной деятельности на сегодняшний день можно признать:

– заключение и ратификацию международных соглашений по проведению судебных экспертиз в уголовной сфере;

– внесение в федеральное законодательство дополнений, регламентирующих проведение судебных экспертиз в уголовной сфере экспертами других государств;

– повышение качества и эффективности российской судебной экспертизы;

– выведение судебных экспертиз на качественно новый уровень по техническому оснащению;

– создание оптимальных условий, способствующих активному обмену судебно-экспертным опытом, как теоретическим, так и практическим.

Развитие в дальнейшем международного сотрудничества в сфере производства судебных экспертиз положительно отразится на качестве предварительного расследования в России, что повлияет на законность, обоснованность и правосудность судебных решений, провозглашаемых российскими судами, а, следовательно, и на соблюдение гарантированных Конституцией Российской Федерации прав всех участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

2. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

4. Российская, Е. Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е. Р. Российская. – М., 2015. – 464 с.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014. № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

6. Пахомов, А. В. О проблемах изучения и использования зарубежного опыта в области судебной экспертизы / А. В. Пахомов // Российский следователь. – 2008. – № 18.

Таранина Е. И.[1]***,***
преподаватель кафедры
естественнонаучных дисциплин
учебно-научного комплекса
информационных технологий
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬЮ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, СОВЕРШЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Нормативными правовыми актами, определяющими принципы, порядок и условия международного сотрудничества в сфере противодействия преступлениям, в том числе совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, установлено, что государства – участники содружества независимых государств (далее – страны СНГ) имеют право на безвозмездной основе обмениваться информацией, содержащейся в учётах[2] и архивах различного вида [1]. Соглашение определяет, что развитие информационного взаимодействия необходимое условие защиты прав и свобод граждан стран СНГ.

В этой связи определен и функционирует порядок направления территориальными подразделениями МВД России и МВД Республики Казахстан на региональном уровне запросов на проверку по имеющимся информационными массивам. Так, например, сведения о наличии (отсутствии) судимости, объявлении в международный розыск, а также о фактах привлечения к административной ответственности предоставляет Комитет по правовой статистики и специальным учётам Генеральной прокуратуры республики Казахстан, а сведения об автотранспорте, оружии и номерных вещах являются предметом ведения МВД Республики Казахстан [3].

МВД России является держателем Межгосударственного информационного банка, который пополняется криминологически значимой информацией, направляемой компетентными органами Российской Федерации, республики Казахстан, республики Азербайджан, республики Армения, республики Беларусь, Грузии, Кыргызской Республики, республики Молдова, Республики

---

[1] © Таранина Е. И., 2022.

[2] Под учётами в данной статье понимаются оперативно-справочные, розыскные, криминалистические виды учётов.

Таджикистан, Туркменистана, Украины. Обозначенные государства-участники, исходя из имеющихся возможностей, должны предоставлять сведения о подозреваемых и обвиняемых в совершении «…преступлений в сфере высоких технологий».

Сбор и распространение сведений, составляющих личную и семейную тайну, в том числе при помощи информационно-телекоммуникационной интернет, не являются уголовно наказуемым деянием, предусмотренным ст. 137 уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и ст. 147 уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК), если получаемые данные будут использованы для решения задач оперативно-разыскной деятельности.

В трехлетней ретроспективе и по итогам 2021 г. в формах статистического наблюдения республики Казахстан отсутствуют сведения о привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, связанные с нарушением неприкосновенности частной жизни, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной техники [2].

Анализ открытых источников данных (информационных изданий, информационных порталов, новостных лент) показал, что имеются случаи распространения информации, составляющей личную или семейную тайну посредством интернета. Наиболее характерные способы: размещение персональных данных на интернет-ресурсах (Ф. И. О., дата и место рождения, ИНН); распространение информации коммунальными службами о наличии задолженностей, штрафах и пенях на сайтах, в мессенджерах; распространение должностными лицами государственных органов сведений, указанных в заполняемых документах (анкеты, бланки строгой отчетности, финансовые документы) [3].

Наибольшую обеспокоенность вызывает совершение преступлений указанного вида специальными субъектами. Так, например, сотрудники территориальных департаментов полиции республики Казахстан, используя свои должностные полномочия в целях, не связанных с выполнением служебных обязанностей, осуществляли проверку граждан республики Казахстан по имеющемуся информационному ресурсу – системе информационного обмена правоохранительных и специальных органов [4]. Получаемая и распространяемая информация носит конфиденциальный характер и не подлежит разглашению третьим лицам без их согласия.

Вероятными причинами отсутствия статистических данных может стать незаполнение субъектами регистрации реквизитов графы 30 формы № 1-М, (способ совершения преступления – с применением компьютерной техники), необходимых для конкретизации преступных действий, предусмотренных диспозицией ст. 147 УК РК. Часть 3 обозначенной нормы права определяет квалифицирующие признаки – незаконный доступ к электронным информационным ресурсам и незаконный перехват информации, предаваемой по сети телекоммуникации. Таким образом, законодатель подтверждает степень распространения рассматриваемого преступного деяния, его общественную опасность и выделяет способ совершения преступления – с использованием информационных тех-

нологий, что не коррелирует с имеющимися статистическими формами учёта преступлений в республике Казахстан.

Статистическая отчётность Российской Федерации содержит сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, среди которых выделяют ст. 137 УК РФ [2]. Так, например, в 2020 г. зарегистрировано 475 преступлений рассматриваемого вида, в 2021 – 577 преступлений (+ 21,47 %). Основной фактор существенного прироста – продолжающаяся пандемия COVID-19 и как следствие увеличение онлайн-коммуникаций. Согласно исследованию ВЦИОМ, на сегодня в цифровую среду вовлечены 82 % россиян [5].

Таблица 1

Сведения о способах совершения преступлений с использованием или применением информационно-телекоммуникационных технологий [2]

год	С использованием интернета	С использованием социальных сетей	Комп.техники	Средств мобильной связи	Средств мгновенного обмена сообщений	Программных средств
2020	444	200	116	71	57	33
2021	525	267	95	112	90	25

Анализ данных, представленных в табл. 1, показал, что наблюдается интенсификация совершения преступлений, связанных с нарушением неприкосновенности частной жизни, совершенных при помощи интернета, социальных сетей, средств мобильной связи, средств мгновенного обмена сообщений.

Согласно исследованию *Brand Analytics* самый большой объем интернет-контента среди российских пользователей социальных сетей ежегодно публикуется в социальной сети «ВКонтакте» – 408 810 222 сообщения (*Instagram* – 135 323 752; Одноклассники – 85 300 000).

Таблица 2

Возрастной состав лиц, совершающих преступления, предусмотренные ст. 137 УК РФ, и целевой аудитории социальной сети «ВКонтакте»

Возраст	**Социальная сеть «ВКонтакте», %**	**Возраст**	**Лица, совершающие преступления, %**
До 18 лет	12,1	**До 18 лет**	7,32
18-24	19,2	**18-24**	23,09
25-34	29	**25-29**	14,08
35-44	21,8	**30-49**	48,45
45-54	9,7	**50 и старше**	7,04

Любопытна тенденция соотношения показателей возраста целевой аудитории социальной сети «Вконтакте» и возрастных характеристик лиц, совершающих преступления, предусмотренные ст. 137 УК РФ (с использованием информационно-телекоммуникационных технологий). Данные, представленные в таблице 2, демонстрируют, что аудиторию социальной сети «Вконтакте» преимущественно составляют пользователи 25–44 лет. Отметим, что среди совершающих преступления, связанные с неприкосновенностью частной жизни, наибольший удельный вес характерен для лиц 30-49 лет. Указанный возрастной интервал образует пересечение с возрастным интервалом пользователей российской социальной сети, за исключением правой границы (см. рис. 1).

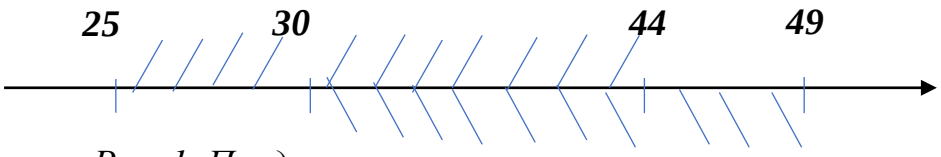

Рис. 1. Представление возрастных характеристик лиц при помощи интервалов

Отметим, что посягательства на неприкосновенность частной жизни с использованием социальных сетей совершаются преимущественно лицами в возрасте от 30 до 44 лет. Указанная категория лиц, как правило, имеет жизненный опыт, широкий круг общения, необходимый для публичного распространения информации конфиденциального характера.

Таким образом, Российская Федерация и Республика Казахстан могут осуществлять обмен информацией о лицах, совершивших преступления, в том числе о лицах, совершивших преступления при помощи информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Эти сведения необходимы государствам для установления личности субъекта персональных данных в ходе рас-

крытия и расследования преступлений, связанных с неприкосновенностью частной жизни. Информационный обмен может осуществляться при помощи направления запросов либо путём получения информации из Межгосударственного информационного банка.

Список литературы

1. Соглашение об обмене информацией в сфере борьбы с преступностью от 25.07.2010 // Бюллетень международных договоров Республики Казахстан. – 2010. – № 6. – Ст. 64.

2. Форма 280 книга 1 // Статистические данные ГИАЦ МВД России. – 2021.

3. Интервью главы Комитета по информационной безопасности Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности от 13.04.2021 // Tengrinews. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazahstantsyi-jaluyutsya-sliv-lichnyih-dannyih-saytah-v-434459/ (дата обращения: 21.01.2022).

4. Неприкосновенность частной жизни нарушается в РК. Информационная система Республики Казахстан «Юрист» // Информационная система республики Казахстан «Юрист». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31567061&pos=3;-80#pos=3;-80 (дата обращения: 21.01.2022).

5. Аналитический обзор ВЦИОМ от 07.04.2020. Сеть как спасение. Самоизоляция стимулирует россиян пользоваться ресурсами всемирной сети // ВЦИОМ НОВОСТИ. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/set-kak-spasenie (дата обращения: 22.02.2022).

6. Исследование «Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2021» // Brand Analytics. – URL: https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021/ (дата обращения: 22.02.2022).

7. Письмо ГИАЦ МВД России от 30.10.2013 № 34/12 – 2675.

8. Письмо Информационно-аналитического центра МВД Республики Казахстан от 30.09.2013 № 19/2-37/2641.

Терентьев Р. А.[1]*,*
начальник Управления международного сотрудничества МВД России

Михайленко Н. В.[2]*,*
доцент кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя кандидат юридических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЗНАНИЯ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Под эффективностью деятельности любого правоохранительного органа понимается степень достижения определенных законом задач, ради исполнения которых и функционирует данный орган. В современных условиях аспекты повышения эффективности работы подразделений дознания в сфере организации международного сотрудничества с компетентными органами иностранных государств приобретают все большую значимость.

На международном треке дознание осуществляется в рамках расследования уголовных дел в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, положениями различных Конвенций, международных договоров Российской Федерации о правовой помощи, а также на основании отдельных Соглашений. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Страсбург, 20 апреля 1959 г., дополнительные протоколы к ней от 17 марта 1978 г. и 8 ноября 2001 г.); Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г., в ред. Протокола от 28 марта 1997 г.); Конвенция о приграничном сотрудничестве государств – участников СНГ (от 10 октября 2008 г.); Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью (вместе с «Перечнем компетентных органов государств – участников Содружества Независимых Государств, осуществляющих сотрудничество в борьбе с преступностью») (Москва, 25 ноября 1998 г.).

Основной процессуальной формой сотрудничества с иностранными государствами является запрос (поручение, ходатайство) о правовой помощи.

Например, в 2021 г. Управлением организации дознания (УОД) МВД России организовано направление в страны СНГ и дальнего зарубежья 69 международных поручений (АППГ – 66), по ним получено 34 ответа (АППГ – 52).

---

[1] © Терентьев Р. А., 2022.

[2] © Михайленко Н. В., 2022.

Направлены запросы в компетентные органы республик Узбекистан (25), Казахстан (15), Таджикистан (6), Кыргызстан, Армения, Азербайджан (по 4), Беларусь и Украина (по 3), Молдова (2), Туркменистан и Латвийская Республика – по 1, а также в Федеративную Республику Германия –1. Наибольшее количество запросов направлено по преступлениям, предусмотренным ст. 112, 264.1, 327 УК РФ, а также в сфере миграции.

С учетом сложности и объема запросы о правовой помощи в странах СНГ исполняются, как правило, 2–3 месяца.

В целях повышения эффективности взаимодействия с иностранными партнерами УОД МВД России регулярно проводится обобщение данного направления деятельности. По его результатам территориальные органы МВД России информируются о типичных ошибках, допускаемых дознавателями при подготовке международных поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам.

Так, анализ поступивших из территориальных органов МВД России сведений показал, что практика направления материалов уголовных дел из подразделений дознания органов внутренних дел Российской Федерации в Генеральную прокуратуру Российской Федерации в порядке ст. 458 УПК РФ постепенно нарабатывается.

С целью совершенствования механизмов международного сотрудничества в 2021 г. УОД МВД России во взаимодействии с МИД России, Исполнительным комитетом СНГ актуализированы перечни центральных, территориальных и других органов компетентных учреждений по ряду зарубежных стран, с которыми имеется возможность непосредственного сношения в рамках направления запросов о правовой помощи по уголовным делам. В соответствии с полученной информацией оптимизированы маршруты прохождения международных документов, позволившие сократить сроки направления запросов.

Подготовлены и внесены предложения для включения в примерный текст типового проекта унифицированной ноты в адрес иностранных государств пребывания в отношении оказания консульской правовой помощи по уголовным, гражданским и административным делам загранучреждениями МИДа России, что имеет конечной целью повысить уровень защищенности граждан Российской Федерации при производстве следственных действий за рубежом.

В частности, в тексте типового проекта ноты предусмотрен запрос разрешения на производство правоохранительными органами России (действующими со своей территории) ряда процессуальных действий в консульском учреждении (дипломатическом представительстве) с находящимся в его помещении гражданином Российской Федерации (посредством видеоконференц-связи).

В целях реализации комплекса мер организационного характера и обеспечения своевременного направления и качественного исполнения поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам разработаны и направлены в подконтрольные подразделения «Алгоритм действий дознавателя по порядку подготовки и направления международных запросов (поручений, ходатайств) об оказании правовой помощи по уголовным делам в страны СНГ и дальнего

зарубежья, а также исполнения запросов, поступающих из компетентных органов зарубежных государств».

В рамках совершенствования межведомственного взаимодействия УОД МВД России разработан и направлен в территориальные органы МВД России «Алгоритм взаимодействия органов предварительного следствия, дознания и подразделений по вопросам миграции по установлению личности и гражданской принадлежности лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации, на стадии предварительного расследования».

Помимо развития международного сотрудничества с сопредельными государствами, в том числе по вопросам регулирования миграционных процессов (План мероприятий по реализации Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации на период до 2025 г.), для МВД России и его территориальных органов предусмотрено проведение мероприятий, направленных на выявление незаконно пребывающих (проживающих) и осуществляющих трудовую деятельность граждан на приграничной территории Российской Федерации и сопредельных государств, а также при необходимости совместных оперативно-профилактических мероприятий, направленных на предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений общеуголовной направленности, выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, розыск лиц, скрывающихся от органов уголовного преследования и суда.

Указанные мероприятия предусматриваются в планах взаимодействия (сотрудничества) территориальных органов МВД России приграничных субъектов Российской Федерации с соответствующими уполномоченными органами (департаментами полиции) сопредельных государств.

В 2021 г. по линии УОД МВД России проводилась правовая оценка проектов планов приграничного сотрудничества. По их результатам отмечено, что в документах, представленных рядом территориальных органов в нарушение ст. 457 УПК РФ внесены мероприятия об исполнении подразделениями дознания органов внутренних дел Российской Федерации запросов о правовой помощи. И только после внесения соответствующих корректировок указанные проекты планов были согласованы УОД МВД России.

Противодействие незаконной миграции и профилактика правонарушений в миграционной сфере остаются одними из приоритетных направлений деятельности МВД России и его территориальных подразделений.

В этой связи УОД МВД России во взаимодействии с подразделениями организации дознания территориальных органов МВД России в 2021 г. осуществлялся постоянный мониторинг состояния законности и результатов деятельности подконтрольных подразделений по данному направлению.

В частности, в рамках реализации решения межведомственного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. в пределах компетенции контролировалось исполнение подразделениями дознания территориальных органов МВД России требований межведомственных нормативных документов, регламентирующих вопросы взаимодействия в сфере миграции.

Приняты меры по укреплению межведомственного информационного взаимодействия. Так, разрешению отдельных проблемных вопросов по обмену данными способствовала разработка ГУВМ МВД России во взаимодействии с заинтересованными подразделениями центрального аппарата МВД России (в том числе УОД МВД России) алгоритма обмена информацией о выявленных фактах фиктивной, прежде всего массовой постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства, а также организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел при выявлении, документировании и раскрытии преступлений, предусмотренных ст. 322.1, 322.2 и 322.3 УК РФ.

На постоянной контроль УОД МВД России взят ход расследования дознавателями уголовных дел, по которым иностранные граждане – участники уголовного судопроизводства, содержались в центрах временного содержания иностранных граждан и в отношении которых приостанавливалась процедура административного выдворения за пределы Российской Федерации (депортации). По уголовным делам данной категории давались рекомендации, направленные на активизацию проведения необходимых следственных действий и окончание расследования.

Кроме того, усилен ведомственный контроль. Так, изучены уголовные дела, возбужденные по преступлениям в сфере миграции. По результатам направлены письма в территориальные органы с рекомендациями об устранении выявленных недостатков. Организованы заслушивания свыше 70 руководителей подразделений организации дознания, обсуждены вопросы соблюдения законности при расследовании уголовных дел, в том числе обозначенной категории.

В целях профилактики преступлений, совершенных в миграционной сфере, в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 158 УПК РФ в ходе досудебного производства дознавателями устанавливаются обстоятельства, способствующие их совершению и практически по каждому оконченному уголовному делу внесены представления о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона.

Для своевременного и эффективного реагирования на выявленные нарушения и негативные тенденции, повышения качества подготовки дознавателями в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ представлений по уголовным делам о преступлениях в сфере миграции, обеспечения безусловного устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, снижения их числа, подготовлены и направлены в территориальные органы МВД России соответствующие информационные письма с рекомендациями по совершенствованию данного направления деятельности.

Кроме того, организованы практические мероприятия. Подразделения дознания территориальных органов МВД России были задействованы в два этапа – с 5 по 12 июля и с 11 по 18 октября 2021 г. в комплексной оперативно-профилактической операции «Нелегал-2021». В рамках данных мероприятий возбуждено около 3400 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 322.1, 322.2, 322.3 и 327 УК РФ (в сфере миграции), большая часть из которых относится к компетенции подразделений дознания органов внутренних дел.

Таким образом, благодаря комплексному организационно-методическому подходу со стороны Центрального аппарата МВД России обеспечено повышение результативности деятельности территориальных органов внутренних дел в сфере дознания, в том числе в области противодействия нелегальной миграции и обеспечения контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации.

Список литература

1. Кардашевский, В. В. Организация и нормативно-правовые основы деятельности подразделений дознания в органах внутренних дел : учебное пособие / В. В. Кардашевский, Н. В. Михайленко, М. В. Кардашевская, О. В. Мичурина. – М., 2021.

2. Организация управления органами внутренних дел: (термины, определения): учебное пособие / [Ульянов А. Д. и др.]. – М. : Акад. упр. МВД России, 2019. – 61 с.

3. Управление подразделениями дознания территориальных органов МВД России : учебное-практическое пособие / [И. И. Колесников и др.]. – М. : Акад. упр. МВД России, 2017. – 22 с.

Тит А. А.[1]***,***
доцент кафедры
уголовно-исполнительного права
и криминологии уголовно-исполнительного
факультета Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

УНИФИКАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (В РАМКАХ ДОГОВОРА О СОЗДАНИИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА)

Формирование отношений в рамках Договора о создании Союзного государства (далее – Договор) заключенного между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [2] (далее государства – участники) обусловил осуществление большого количества интеграционных процессов между государствами-участниками. Контент-анализ Договора показывает, что его положения затрагивают фундаментальные основы проводимой уголовной политики на территории государств-участников, в частности п. 5 ч. 1 ст. 2 Договора, предусматривающего «формирование единой правовой системы демократического государства», а также п. 7 ч. 1 ст. 2 «обеспечение безопасности Союзного государства, и борьба с преступностью».

Развитие указанных положений предполагает реализацию направлений, содержащих в своей основе шаги, направленные на унификацию существующего законодательства государств-участников. Сегодня правовая основа Союзного государства состоит из законодательства, не имеющего силу закона: рамочные договоры, двусторонние соглашения, решения Высшего Государственного Совета и др. В совокупности, указанные нормативные правовые акты носят декларативный характер, не устанавливая порядка реализации норм, содержащихся в вышеуказанных нормативных правовых актах. Правильно отмечено, что «…по сути, наработанный за истекшие десятилетия существенный массив союзного законодательства не получил четких, проработанных опор в национальных правовых системах двух стран и в результате, словно висит в воздухе» [6, с. 5]. Таким образом, чтобы законодательство соответствовало заключенному между государствами – участниками Договору, необходима имплементация его положений в их национальные законодательства.

Особую актуальность приобретает должное правовое обеспечение единых направлений борьбы с преступностью, а также целей, которые преследует уголовное законодательство государств – участниц Договора. При этом нужно обязательно подчеркнуть, что цели уголовного законодательства должны быть не только едиными, но и актуальными, т. е. соответствовать установившимся

[1] © Тит А. А., 2022.

запросам общества. В связи со сказанным на передний план по значимости при реализации уголовной ответственности выходит выработка совместных мер противодействий преступности. Уголовное наказание, будучи краеугольным элементом реализации уголовной ответственности, представляется в данном случае важным элементом научного осмысления, позволив сформировать единые основы уголовно-правового реагирования на совершение преступлений. На практике реализация закрепленных положений позволит унифицировать уголовное законодательство, синхронизировав деятельность правоохранительного блока Российской Федерации и Республики Беларусь.

Для наиболее эффективной унификации уголовного законодательства стран-участниц актуальны научное осмысление целесообразности законодательного оформления института уголовной ответственности в уголовном законодательстве и детализация критериев исправления осужденных в процессе отбывания наказания.

Рассуждая об уголовной ответственности, отметим, что ее основы в Российской Федерации и Республике Беларусь закреплены в кодексах об уголовной ответственности. Вместе с тем контент-анализ кодексов об уголовной ответственности позволил выявить ряд отличий, а также схожих моментов концептуальных основ уголовной репрессии.

Отличия начинаются с основ закрепления механизма уголовной репрессии. Так, в частности, разделом III Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) закрепляются понятие и цели наказания, а также виды наказаний. Наказание, в соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ предусматривает достижение следующих целей: 1) восстановление социальной справедливости; 2) исправление осужденного и 3) предупреждения совершения новых преступлений. Доктрина уголовного и уголовно-исполнительного права определяет исправление осужденного в качестве доминирующей цели, т. е. цели, которой законодатель придает наибольшее значение при исполнении наказания.

В Республике Беларусь, как и в Российской Федерации, основы уголовно-правовой репрессии заложены в разделе III Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь). Важным отличием уголовного законодательства Республики Беларусь от Российской Федерации выступает наличие закрепленного механизма уголовно-правовой ответственности, законодательно имплементированного в институт уголовной ответственности. В отличие от УК РФ в УК Республики Беларусь изначально указывается на сущность уголовной ответственности, которая в соответствии с ч. 1 ст. 44 УК Республики Беларусь «выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применение на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности».

Существенным отличием белорусской концепции уголовно-правовой репрессии является реализация наказания в рамках уголовной ответственности. В соответствии со ст. 46 УК Республики Беларусь осуждение к наказанию как мера уголовно-правового воздействия в отношении лица, совершившего преступление, является лишь одной из форм реализации уголовной ответственности. Помимо наказания ч. 1 ст. 46 УК Республики Беларусь устанавливаются

следующие формы реализации уголовной ответственности реализующего в осуждении: с отсрочкой исполнения назначенного наказания; условным неприменением назначенного наказания; осуждением без назначения наказания; с применением в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного характера.

Таким образом, уголовная ответственность, как институт реализации уголовной репрессии в отношении лица, совершившего преступление, получил нормативное закрепление в уголовном законодательстве Республики Беларусь. Вместе с тем, по мнению, по мнению Э. А. Саркисовой, существующему в уголовном законодательстве понятию уголовной ответственности недостает закрепления правового статуса лица, в отношении которого обвинительный приговор еще не вынесен [5, с. 282]. Несмотря на указанный тезис, наличие в уголовном законодательстве Республики Беларусь легального определения понятия уголовной ответственности обоснованно и соответствует современным тенденциям развития уголовно-правовой доктрины.

Уголовным законом Российской Федерации институт уголовной ответственности нормативно не закреплен, при этом термин «уголовная ответственность» используется в УК РФ. Отсутствие понятия уголовной ответственности детерминирует в научном сообществе достаточно большого количества дискуссий о ее сущности. Правильно отмечают В. И. Морозов и С. Г. Лосев, что легальное закрепление понятия уголовной ответственности «устанавливает границы, в которых может действовать субъект правотворчества, формулируя конкретные нормы, регулирующие содержание мер уголовно-правового принуждения. Кроме того, правильный ответ на вопрос о том, в каких формах реализуется уголовная ответственность, позволит отграничить ее от иных мер уголовного принуждения, предусмотренных УК РФ» [3, с. 94]. В данном контексте согласимся с мнением Е. Я. Мотовиловкера, отмечающего, что не закрепленный в законодательстве термин «уголовная ответственность» создает определенные трудности при конструировании уголовно-правовых норм. Так, в частности, возникают проблемы отграничения уголовной ответственности от наказания и наоборот [4, с. 181].

В рамках профессионального дискурса дефиниция «уголовная ответственность» шире по содержанию, чем дефиниция «наказание». В правоприменительной практике достаточно часто возникает проблема соотношения форм реализации уголовной ответственности и форм освобождения от нее. В научном сообществе придерживаются мнения, что интегрируемые уголовно-правовыми доктринами теории, объясняющие суть уголовной ответственности, понимают под реализацией уголовной ответственности совокупность всех мер принуждения в отношении лица, совершившего преступление [8, с. 187]. Как правило, в качестве основной меры реализации уголовной ответственности понимают наказание [7, с. 56]. Вместе с тем реализация уголовной ответственности не всегда совпадает с применением наказания. Для реализации уголовной ответственности предусматривается применение иных мер уголовной ответственности. Например, после освобождения от наказания у освобожденного лица в течение определенного срока сохраняется состояние судимости, которое оказыва-

ет воздействие на его правосознание последнего, но уже за рамками отбытого наказания. В результате ряд представителей научного сообщества состояние судимости признает одним из краеугольных элементов феномена уголовной ответственности [1, с. 284], выделяя судимость в качестве существенного признака уголовной ответственности.

Если провести анализ уголовного российского уголовного законодательства, то несложно заметить, что законодатель активно использует термин «уголовная ответственность». При этом действующее уголовное законодательство не дает понятия уголовной ответственности. В данном случае глава 4 УК РФ «Лица, подлежащие уголовной ответственности» устанавливает основы привлечения лиц к уголовной ответственности. Указанная глава достаточно детально оговаривает общие условия привлечения уголовной ответственности. По мнению А. С. Шабурова, «уголовную ответственность можно рассматривать как специфический метод обеспечения социальной ответственности личности» [9, с. 73]. В свою очередь, любая ответственность лица находит свое выражение посредством форм ее реализации. В данном случае целесообразно рассмотреть возможность закрепления в уголовном законодательстве Российской Федерации форм реализации уголовной ответственности. Целесообразно рассмотреть возможность закрепления в УК РФ как понятия уголовной ответственности, так и основных форм ее реализации.

Таким образом, проведенное в настоящей работе исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Эффективная деятельность стран – участниц Союзного государства по предупреждению преступности будет в случае, если уголовное законодательство будет унифицировано. Указанный тезис предполагает научное осмысление целей наказания, а также способов и средств их достижения и их единое нормативное закрепление в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь.

2. В УК РФ на данный момент отсутствует понятие уголовной ответственности, что влечет за собой в законодательной и правоприменительной практике проблемы в трактовке как понятия уголовной ответственности, так и форм ее реализации.

В связи со сказанным целесообразно рассмотреть опыт Республики Беларусь и законодательно закрепить в УК РФ понятие и формы реализации уголовной ответственности.

Список литература

1. Адилов, З. А. О необходимости совершенствования законодательной регламентации института судимости в Уголовном кодексе Российской Федерации / З. А Адилов, Г. Б. Магомедов // Современный ученый. – 2021. – № 1. – С 283–286.

2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 7. – Ст. 786.

3. Морозов, В. И. Формы реализации уголовной ответственности в Республике Беларусь и Российской Федерации / В. И. Морозов, С. Г. Лосев // Юридическая наука и правоохранительная практика – 2021. – № 3. – С. 93–101.

4. Мотовиловкер, Е. Я. Понятие уголовной ответственности: обнаружение реальности термина в контексте института освобождения от уголовной ответственности / Е. Я. Мотовиловкер // Вопросы факта и права в юридической деятельности. – Ярославль : Ярославский государственный университет им. Г.П. Демидова, 2020. – С. 180–192.

5. Саркисова, Э. А. Уголовное право. Общая часть : учебное пособие / Э. А. Саркисова. – Минск, 2005. – 488 с.

6. Анализ правовой базы Союзного государства: эволюция и перспективы развития / [Н. Г. Семилетина и др.]. – М., 2019. – 68 с.

7. Стальбовский, В. В. Противодействие преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних: уголовно-правовые и криминологические меры / В. В. Стальбовский. – Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2020. – 243с.

8. Сухарева, Н. Д. Освобождение от уголовной ответственности как средство дифференциации уголовной ответственности / Н. Д. Сухарева, Р. Б. Байрамуков // Общество и право. –2011. – № 3. – С. 186–189.

9. Шабуров, А. С. Социальная ответственность личности и уголовное право / А. С. Шабуров // Вопросы совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе. – Свердловск, 1986. – С. 68–76.

Титов П. М.[1]*,*
преподаватель кафедры
уголовного процесса
Уральского юридического
института МВД России,
кандидат юридических наук

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ IT-ТЕХНОЛОГИЙ

В настоящее время преступность все больше набирает обороты, так как использует для совершения преступлений изощренные способы и методы их осуществления, в том числе используя IT-технологии. Чтобы эффективно противостоять такому роду преступлений, надо не только внедрять новые тактические способы, средства и приемы, но и шире внедрять в деятельность правоохранительных органов различные достижения науки и техники. В том числе направленную на противодействие преступлениям с использованием IT-технологий.

Ю. М. Бойцов писал, что меры борьбы с преступностью непосредственно зависят от уровня и качества информационного обеспечения процесса расследования, в чем важнейшая роль принадлежит взаимодействию следователя с должностными лицами правоохранительных органов, представителями общественных организаций [1, с. 38]. С данным мнением можно согласиться, так как ключевая работа при расследовании преступлений лежит именно в правильном и грамотном взаимодействии.

Взаимодействие – это взаимная связь, взаимная обусловленность [2]. Исходя их этого можно вывести определение взаимодействия при расследовании преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, – это деятельность субъектов уголовно-процессуальной, оперативно-разыскной и другой деятельности, направленная на решение задач уголовного процесса, а именно на выявление, раскрытие и расследование преступлений, а также установление виновных лиц и возмещения причиненного преступлением вреда. Организация взаимодействия при расследовании преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, должна основываться на общих принципах данной категории, а также на основополагающих принципах уголовно-процессуальной деятельности.

Правовой основой взаимодействия при расследовании преступлений, совершенных с использованием IT-технологий выступают:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.
3. Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности».
4. Федеральный закон «О полиции».

---

[1] © Титов П. М., 2022.

5. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд.

6. Нормативные правовые акты Министерства внутренних дел Российской Федерации и нормативные правовые акты, заключенные с другими ведомствами по вопросам взаимодействия.

Исходя из правовой основы, взаимодействие при расследовании преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, можно разделить на два вида.

Первый – это краткосрочное (носящее временный характер). В этом случае взаимодействие происходит в дежурные сутки по тому или иному преступлению. В данном виде взаимодействие организуется работа как в рамках специальных поручений, направляемых органу дознания о производстве отдельных следственных действий или оперативно-разыскных мероприятий, о привлечении дополнительных лиц (специалистов) по тем или иным вопросам, требующим определенных специальных знаний, или же самостоятельно участником следственно-оперативной группы в рамках своей деятельности.

Второй вид – длительный (носящий деятельность на постоянной основе). В рамках данного вида взаимодействия между субъектами взаимодействия возникает определенная договоренность (заключаются договоры, соглашения) по направлению такого взаимодействия. При этом, решаются комплексные задачи, используются возможности различного уровня.

Д. Н. Рудов выделял следующие виды взаимодействия: эпизодическое и непрерывное [3].

Наиболее существенные проблемы, связанные с расследованием преступлений, совершенных с использованием IT-технологий:

1. Ограничения по срокам рассмотрения материала проверки, а затем расследования уголовного дела. Бесконечное продление сроков невозможно. Данных сроков расследования недостаточно из-за обозначенных ниже проблем.

2. Ответы на официальные запросы органов внутренних дел различными организациями, предоставляющие услуги связи и интернет-трафик. Запрашиваемая информация содержит в себе большую смысловую нагрузку и имеет доказательственное значение по расследуемому уголовному делу. К таким сведениям относятся: сведения о владельцах, биллинге, движении денежных средств по лицевым счетам абонентских номеров.

3. Отсутствие технической возможности у операторов связи регионального отделения предоставить нужную информацию по всем субъектам Российской Федерации. Для этого инициатор запроса должен запрашивать информацию не в региональном отделении оператора связи, а в том офисе, который отвечает за исполнение таких запросов по всем субъектам Российской Федерации.

4. Использование для совершения преступления возможности коммуникационных компаний зарубежных стран. Свободный и легкий способ получения и использования любого IP-адреса, в том числе тех, которые используют государственные компании, а также сервисов, ресурсов, находящихся вне юрисдикции Российской Федерации, исключает полностью обратную связь на официальный запрос.

5. Ограниченные сроки хранения необходимой информации в банковском секторе, у операторов сотовой связи, у операторов электронных платежных систем.

6. Отсутствие или ненадлежащее взаимодействие с операторами платежных систем, действующих на территории Российской Федерации.

7. Осуществление коммерческими организациями ненадлежащих способов и методов аутентификации личности своих клиентов, что позволяет преступникам скрывать свою личность, а также осуществлять представление заведомо ложных сведений, сведения на других лиц.

Эти и иные проблемы могут быть решены в результате межведомственных, рабочих совещаний направленных на взаимодействие правоохранительных органов с представителями коммерческих организаций. Главное – обеспечить своевременность получения ответов на запросы, направляемые правоохранительными органами. Это существенно для всестороннего и полного расследования преступлений.

Таким образом, взаимодействие при расследовании преступлений, совершенных с использованием IT-технологий между правоохранительными органами и другими участниками, у которых запрашивается информация или же иным образом осуществляется обращение за оказанием содействия, будет иметь эффективное решение, которое способствует своевременному выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, а также снижение числа совершаемых такого рода преступлений.

Список литературы

1. Вопросы организации деятельности следственно-оперативной группы и взаимодействия на первоначальном этапе расследования преступлений // Актуальные проблемы расследования преступлений. – 2013. – С. 35–40.

2. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». – URL: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/03/us126917.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 24.02.2022).

3. Рудов, Д. Н. Взаимодействие следователя (дознавателя) и оперативных подразделений ОВД / Д. Н. Рудов // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 5.

Хаминский Я. М.[1]*,*
доцент кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА С ПОМОЩЬЮ КРИПТОВАЛЮТ НА РАННИХ СТАДИЯХ

Рост биткоина и других криптовалют создает новые проблемы для борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма. Криптовалюты предоставляют своим пользователям возможность совершать глобальные платежи, которые находятся вне контроля финансовых регуляторов и органов безопасности. Кроме того, растет риск уклонения финансирующих террористов лиц от государственного надзора и получения ими доступа к новым источникам финансирования.

События Новейшей истории свидетельствуют о том, что террористические группы и их сторонники все больше склоняются к использованию новейших технологий для отмывания денег и пытаются найти альтернативные источники финансирования, о чем свидетельствует ряд примеров сбора средств террористическими группами.

Мы все еще находимся на ранней стадии развития этой новой угрозы, но технические возможности и возможности террористических групп, близких, например, к ИГИЛ или ХАМАС, быстро развиваются в этом направлении.

Так, например, было зарегистрировано несколько случаев, когда террористические группы использовали программное обеспечение для автоматической генерации адресов для криптовалют, а также «кошельки» для сбора пожертвований. Ни один из этих новых адресов, на которые еще не поступали платежи, не может быть найден в блокчейне.

Следовательно, давнее предположение о том, что биткойн может не подходить для незаконной деятельности из-за отслеживаемости или отсутствия ликвидности, обоснованно ставится под сомнение.

Пользователям криптовалют доступны различные технические средства для сокрытия финансовых потоков и защиты от криминалистического анализа блокчейна, такие как использование анонимизирующих сервисов, называемых «миксерами» или «тумблерами». Кроме того, криптовалюты, известные как «монеты конфиденциальности», позволяют повысить техническую защиту и шифрование личности отправителя и получателя денежных средств.

---

[1] © Хаминский Я. М., 2022.

В середине 2019 г. правительства ряда стран в рамках целевой группы ФАТФ, международного разработчика стандартов в этой области, договорились о совместных ответных мерах.

В ходе реализации достигнутых договоренностей выработаны новые рекомендации ФАТФ, направленные на эффективное регулирование криптобирж, важнейшего связующего звена между сферой криптовалют и фиатными валютами. Стандарты ПОД/ФТ[1], применимые к традиционным финансовым операциям, должны, насколько возможно, охватывать финансовые услуги на блокчейне. План состоит в том, чтобы положить конец анонимным крипто-транзакциям. Правило банковского перевода, называемое «Правилом поездок», требует от государств принятия мер предосторожности для обеспечения того, чтобы поставщики услуг виртуальных активов (VASP) отслеживали и обменивались данными клиентов между собой и с соответствующими государственными органами.

Например, в Европейском Союзе принятие новых рекомендаций ФАТФ совпало с необходимостью выполнения последней директивы ЕС по борьбе с отмыванием денег (AMLD5).

В частности, в Германии с 1 января 2020 г. вступили в силу новые правовые нормы в отношении криптоактивов.

Теперь криптокомпании обязаны выполнять требования KYC[2] и сообщать о подозрительных транзакциях в подразделение финансовой разведки Германии (ПФР).

Очевидно, что Германия и ряд других стран ориентированы на предотвращение практики анонимных крипто-транзакций, которые создают серьезные риски для безопасности.

Однако законная и нерегулируемая криптоплатежная система все же существует. В этой связи требуется дополнительное регулирование, в частности в отношении использования не размещенных «кошельков».

Особая группа проблем в области борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма связана с появлением и глобальным оборотом биткоина и других криптовалют.

Регулярное отмывание денег и финансирование терроризма – это единый комплекс. Однако финансирование терроризма следует рассматривать как отдельное явление, которое только по практическим соображениям обычно рассматривается как явление, тесно связанное с отмыванием денег.

В широком смысле под финансированием терроризма понимается предоставление или сбор финансовых ресурсов, которые используются или предна-

---

[1] ПОД/ФТ – противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения.

[2] *KYC* (*Know Your Customer*) – знай своего клиента. Это процедура подтверждения личности (верификации) пользователя. В течение последних лет крупные игроки крипторынка все активнее внедряют процедуры *KYC*, направленные на выполнение требований *5AMLD* – Пятой директивы ЕС по борьбе с отмыванием денег. Без прохождения *KYC*-верификации пользователь просто не сможет воспользоваться их услугами.

значены для использования полностью или частично в террористических целях. Это может включать поддержку отдельных исполнителей террористических актов или групп, которые регулярно и публично распространяют экстремистскую пропаганду; а также осуществляют финансирование конкретных нападений или подготовку к актам насилия и другим преступлениям со стороны террористов.

В отличие от отмывания денег, финансирование терроризма регулярно включает меньшие суммы, например те, которые требуются для приобретения орудия убийства. Это одно из важнейших отличий от отмывания денег, которое часто связано со значительными суммами.

Что касается анализа рисков, связанных с криптовалютами, то имеются в виду криптографически защищенные платежные системы, основанные на технологии блокчейна.

Как говорилось выше, в последние годы были согласованы скоординированные на международном уровне ответные меры, особенно на уровне Европейского Союза, Целевой группы по финансовым мероприятиям ФАТФ и G7, для содействия регулированию криптосектора на различных уровнях.

С юридической точки зрения криптовалюты не являются валютами, потому что их не выпускает государство или центральный банк. Базельский Комитет по банковскому надзору подчеркивает, что виртуальные валюты ненадежно выполняют стандартные функции денег как средства обмена или хранения ценности.

Политики и регулирующие органы предпочитают говорить о криптоактивах. Этот термин охватывает не только криптовалюты, но и другие цифровые токены[1], которые могут представлять широкий спектр активов.

Термин «токен» относится к любому цифровому токену, который представляет ценность или позволяет использовать определенные услуги.

Торговля токенами безопасности, которые, как и криптовалюты, могут быть хранилищем активов, очевидно, имеет отношение к борьбе с отмыванием денег. Тем не менее цифровые токены в меньшей степени находятся в центре внимания финансовых институтов и правоохранительных органов.

В этом ключе решающим критерием является то, что криптовалюты можно обменять на «фиатные» деньги[2] на определенных торговых платформах. Этот узел и есть основная цель текущих правительственных нормативных инициатив.

---

[1] Токен – это единица учета, не являющаяся криптовалютой, предназначенная для представления цифрового баланса в некотором активе, иными словами, выполняющая функцию «заменителя ценных бумаг» в цифровом мире. Токены представляют собой запись в регистре, распределенную в блокчейн-цепочке. Управление токеном обычно реализуется с помощью смарт-контракта, в котором записаны значения остатков на счетах держателей токенов, и который предоставляет возможность перевода токенов с одного счета на другой.

[2] Фиатные деньги – это купюры из бумаги с несколькими степенями защиты, которые выпускает государство для обращения внутри страны и за ее пределами. К такому виду денежных средств относятся и виртуальные, хранящиеся на простой пластиковой карте, а также принимаемые для оплаты товаров и услуг.

Криптовалюты позволяют пользователям осуществлять платежи, выходящие за рамки финансовых и регулирующих органов, а также правоохранительных органов.

Такая ситуация создает противоречие между техническим и функциональным дизайном виртуальных денег и основным принципом эффективного государственного регулирования финансовых операций.

Некоторые эксперты в области блокчейна обосновано полагают, что биткойн-сцена в долгосрочной перспективе угрожает потерей контроля над финансовыми потоками по всему миру.

Очевидный ответ заключается в том, что криптобиржи и торговые платформы должны стать партнерами по закону и правоприменению, т. е. обязаны работать в таком же формате, как и традиционные финансовые учреждения.

Борьба с отмыванием денег и финансированием терроризма (ПОД/ФТ) сталкивается с фундаментальными новыми вызовами. Криптовалюты снижают роль традиционных финансовых посредников, особенно банков, которые соблюдают обязательства, связанные с клиентами. Преступным пользователям криптовалют предоставляется возможность действовать практически анонимно или используя фальшивые удостоверения личности. К криптовалютам также применимы типичные этапы отмывания денег.

Активы подозрительного происхождения поступают в финансовую систему биткойна, система через биржи, где возможность отслеживания таких транзакций намеренно запутывается; впоследствии обеспечивает обмен этих криптоактивов на фиатные деньги, возвращая средства в законный денежный цикл.

С момента появления биткоина преступники проявляли интерес к криптовалютам. С тех пор транзакции в криптовалютах регулярно ассоциировались со скрытой близостью к преступному поведению и отмыванию денег. В некоторых случаях, например, похитители требовали выплаты выкупа в биткоинах или других криптовалютах.

Был ряд скандалов, в ходе которых преступным хакерам удалось воспользоваться техническими слабостями и неадекватными мерами безопасности на криптобиржах и украсть большое количество биткоинов или других криптовалют.

Например, случай взлома фондовой биржи *Mt.Gox*[1] в 2014 г., который сотрудники правоохранительных органов расследуют по сих пор, подчеркнул, что операции на криптобиржах надо регулировать более жестко.

Скандал с *OneCoin*[2] – крупнейшее дело о мошенничестве в связи с предполагаемой криптовалютой. Ружа Игнатова, болгарский изобретатель *OneCoin*, привлекла более 4 млн долл. от инвесторов по всему миру. Считается, что эти инвестиции исчезли.

---

[1] *Mt.Gox* – онлайн-сервис обмена цифровых валют (или криптобиржа), осуществлявший операции между криптовалютой Bitcoin и национальными валютами.

[2] *OneCoin* – финансовая пирамида под видом реализации «учебных пакетов» через сетевой маркетинг, запущенная Ружей Игнатовой в 2014 г.

Криптовалюты создают для правоохранительных органов серьезные практические проблемы. Например, только в 2018 г. подразделение финансовой разведки (ПФР) ФРГ получило около 570 сообщений о подозрительных транзакциях, связанных с криптовалютами. Они были поданы, в основном, банками.

В случае конкретного подозрения в незаконном проведении операции, связанной с криптовалютами, правоохранительные органы сталкиваются с дополнительными проблемами по сравнению с «классическими» транзакциями.

Например, особенно сложно определить бенефициарного владельца криптовалюты, криптоактива или раскрыть криминальную подоплеку сделки. Кроме того, не зная секретного ключа, невозможно наложить арест или заморозить активы, размещенные в криптовалютном кошельке.

Следы расследования, связанные с транзакциями с криптовалютами, часто приводят к иностранным торговым платформам. В основном трансграничный характер крипто-транзакций требует процедур международной правовой помощи или международного сотрудничества полиции для судебного преследования подозреваемых в совершении такого рода преступлений.

Например, эксперты правительства Швейцарии пришли к выводу, что правоохранительные органы часто отстают от темпов развития крипто-транзакций.

Кроме того, существуют трудности, связанные с вопросом о том, какая юрисдикция несет ответственность в конкретном случае.

Согласно расчетам исследования, опубликованного в начале 2018 г. лондонской аналитической компанией *Elliptic*, основанной на данных о транзакциях, собранных в период с 2013 по 2016 г., значительная часть деятельности по отмыванию денег, связанной с биткойнами, была сосредоточена в Европе.

Насколько позволяла доступная информация, в исходные данные были включены различные формы услуг по обмену биткоинов и обменных пунктов (конверсионные услуги), а также деятельность в даркнете. Анализ показал, что доля подозрительных действий в Европе составляла более 56 %, а остальная часть была в значительной степени обусловлена услугами обмена, которые не могли быть распределены географически. Напротив, соответствующие подозрительные действия в Северной Америке и Азии были значительно ниже и составили 7 и 3 % соответственно.

Причину такого результата можно объяснить исключительно отсутствием или неэффективностью регулирования и надзора за торговыми платформами криптовалют в Европе.

По состоянию на сентябрь 2019 г. известно, что биткойны на сумму 829 млн. долл. (что составляет 0,5 % всех биткоин-транзакций в 2019 г.) в настоящее время используется в темной паутине.

Наконец, по данным американской компании *CipherTrace*[1] в 2019 г. мошенники и другие крипто-преступники получили криптодоходы, эквивалентные 4,3 млрд долл. США.

---

[1] *CipherTrace* – аналитическая компания, специализирующаяся на решениях безопасности блокчейна.

Следует отметить, что по мнению экспертов финансирующие терроризм организации имеют лишь крайне малую долю от приведенного объема.

Хотя точных данных на этот счет нет, важно иметь в виду, что террористические нападения не требуют огромных затрат для финансирования.

Даже очень крупные атаки могут быть относительно недорогими. В заключительном докладе специальной комиссии американского правительства по террористическим нападениям 11 сентября 2001 г. (Отчет Комиссии 9/11) было установлено, что планирование и осуществление атаки с участием захваченных пассажирских самолетов, нацеленных на Нью-Йорк и Вашингтон, обошлись в сумму от 400 000 до 500 000 долл.

В октябре 2019 г. в Германии Баварское государственное управление уголовной полиции классифицировало стрельбу 22 июля 2016 г., в ходе которой 18-летний студент в торговом центре Мюнхена погибли девять человек и еще пятеро получили ранения по мотивам ультраправых убеждений. Но уже в 2018 г. окружной суд Мюнхена заявил, что преступник приобрел оружие и боеприпасы через Даркнет, и приговорил соответствующего торговца оружием, который признался в преступлении, к тюремному заключению. Это был первый случай, когда террористический акт был связан с криптотранзакцией.

Текущие исследования сходятся во мнении, что существует лишь небольшое число публично задокументированных и подтвержденных случаев финансирования терроризма с использованием криптовалют.

Вместе с тем ситуация в этой области очень динамична, и потенциальные риски, связанные со злоупотреблением криптовалютами, значительны.

Способы финансирования террористической деятельности отличаются от целей и методов отмывания денег и других преступников, которые занимаются сокрытием финансовых операций. Террористы заинтересованы в получении финансирования из преступных источников дохода, включая, например, незаконную торговлю наркотиками и оружием.

Поэтому легко понять, почему криптовалюты представляют интерес для террористических организаций. Для этого есть несколько причин. В частности, финансирующие террористов лица требуют анонимности во время своих операций, кроме того, они нуждаются в несложной обработке и обработке транзакций, относительной безопасности транзакций и быстром выполнении переводов.

Еще одной проблемой для регулирующих органов и финансовых органов являются трудности, связанные с попытками захватить, остановить или заморозить средства и финансовые потоки в криптовалютах, которые связаны с финансированием терроризма. Во многих случаях это связано с отсутствием юрисдикции. В результате финансирующие террористов лица вряд ли будут привлечены к ответственности, если они будут использовать эту технологию.

В связи с быстрым техническим развитием в области криптовалют и растущими техническими возможностями различных террористических организаций можно ожидать, что эта форма финансирования терроризма приобрает большее значение в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Поэтому есть настоя-

тельная необходимость в полном понимании того, как террористы могут потенциально злоупотреблять криптовалютами.

Еще один вопрос заключается в том, как государственные и регулирующие органы могут наилучшим образом отреагировать на эти изменения.

В последние два года начались глобальные усилия по регулированию криптофинансового сектора.

Эти первые шаги в области регулирования необходимы в связи с осознанием растущих рисков, связанных с финансовыми потоками, связанными с криптовалютами, для борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма.

Очевидно, что эти потоки практически не контролируются во всем мире. Однако мировое сообщество предпринимает определенные конкретные шаги для изменения сложившейся ситуации.

Первый важный шаг сделан ФАТФ в июне 2019 г. разработкой новых рекомендаций. Согласованные меры направлены на то, чтобы относиться к криптобиржам по всему миру аналогично традиционным финансовым учреждениям.

Главную проблему представляет собой высокая скорость, с которой меняется базовая технология. Заблуждение полагать, что нынешний подход к регулированию, который фокусируется на криптообменах и на интерфейсах между фиатными деньгами и криптовалютами, представляет достаточное решение.

Регулирующим, контролирующим, правоохранительным органам предстоит следить за развитием и совершенствованием различных технологических разработок.

Различия между платежами через банки и криптосектор неизбежно сохранятся, поэтому правительствам следует продолжить разработку и доработку своего подхода к регулированию, в том числе с помощью консультаций частного сектора с участием криптокомпаний, заинтересованных в адаптации и поддержании своей бизнес-модели.

Регулирующие органы по-прежнему будут сталкиваться с непростой задачей применения сбалансированного подхода. Так же, как и правоохранительные органы, они заинтересованы в том, чтобы клиенты не чувствовали себя вынужденными переходить на относительно мягко регулируемые криптобиржи за пределами своих государств.

Преступные сообщества будут искать и, скорее всего, найдут способы воспользоваться новыми разработками в этой области технологий и вообще обойдут стороной регулируемый сектор, к чему должны быть готовы властные органы государств.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

2. Basel Committee on Banking Supervision: Statement on crypto-assets, 13 March 2019 // BIS. – URL: https://www.bis.org/publ/bcbs_nl21.htm (дата обращения: 20.02.2022).

3. Beau, Denis: The role of cryptoassets in the payment system, Official Monetary and Financial Institutions Forum (OMFIF) Meeting, London, 15 October 2019 // BIS. – URL: https://www.bis.org/review/r191015b.htm (дата обращения: 20.02.2022).

4. Bitfury Crystal (Ed.): Report on International Bitcoin Flows 2013–2019, September 2019 // Crystal Blockchain. – URL: https://crystalblockchain.com/assets/reports/International%20Bitcoin%20Flows%20Report%20for%202013-2019%20-%20by %20Crystal%20Blockchain,%20Bitfury.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

5. Chainalysis: Terrorism Financing in Early Stages with Cryptocurrency But Advancing Quickly, 17 January 2020 // Chainalysis. – URL: https://blog.chainalysis.com/reports/terrorism-financing-cryptocurrency-2019 (дата обращения: 20.02.2022).

6. Теткин, М. И. Что не так с законом «О ЦФА» / М. И. Теткин // РБК. – 2020. – 22 сент.

7. Международное уголовное право : учебник. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. – 149 с.

8. Правовые и организационные основы международного полицейского сотрудничества : учебно-практическое пособие. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. – 128 с.

Харламов С. О.[1]***,***
начальник кафедры
конституционного и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Егоров С. А.[2]***,***
заместитель начальника кафедры
конституционного и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СОТРУДНИЧЕСТВО КОМПЕТЕНТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

На карте Российской Федерации с обозначенными приграничными территориями и прилежащими государствами отчетливо наблюдаются ряд особенностей, имеющих существенное влияние на обеспечение миграционной безопасности государства в целом. На западе своей сухопутной территории Россия граничит только с одним государством, входящим в состав стран – участников СНГ – Республикой Беларусь. В современном дискурсе рассматривать Украину в качестве государства со схожим статусом не вполне приемлемо.

Приграничное сотрудничество органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами иностранных государств по вопросам миграции – деятельность рассматриваемых органов, обслуживающих территории, имеющие общие границы, основанная на источниках международного и национального права, выражающаяся в согласованных действиях данных субъектов, нацеленная на решение задач в сфере миграции. В узком смысле – это деятельность подразделений по вопросам миграции во главе с Главным управлением по вопросам миграции МВД России[3], связанная с реализацией государственных функций и оказанием государственных услуг в сфере миграции. В широком – любая другая деятельность всевозможных структур, относимых к органам внутренних дел Российской Федерации, в соответствии с их компетенцией и полномочиями, затрагивающая отношения в сфере миграции, в том числе оперативно-разыскном и административном аспектах.

---

[1] © Харламов С. А., 2022.
[2] © Егоров С. А. 2022.
[3] Далее – ГУВМ МВД России.

Взаимоотношения с Республикой Беларусь в сфере миграции строятся на основополагающих документах содружества и в частности на решении Совета глав государств СНГ «О концепции сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии незаконной миграции» (Астана 16 сентября 2004 г.).

Кроме того, сотрудничество с белорусской стороной осуществлялось в рамках реализации Плана мероприятий по формированию единого миграционного пространства на территориях государств – участников Договора о создании Союзного государства на 2017–2020 гг., утвержденного постановлением Совета Министров Союзного государства от 16 июня 2017 г. № 21.

Во исполнение пп. 2.1 Плана территориальными органами МВД России, расположенными в приграничных с Республикой Беларусь субъектах Российской Федерации, совместно с органами Пограничной службы ФСБ России и компетентными органами Республики Беларусь на постоянной основе проводятся оперативно-профилактические мероприятия по предупреждению, выявлению и пресечению каналов незаконной миграции.

За 2020 г. территориальными органами МВД России, расположенными в приграничных с Республикой Беларусь регионах, проведено свыше 9,6 тыс. проверочных мероприятий по выявлению фактов нарушения миграционного законодательства Российской Федерации, в том числе проверено 8,3 тыс. объектов жилого сектора и мест компактного проживания иностранных граждан. Выявлено 4,9 тыс. административных правонарушений в сфере миграции. В отношении иностранных граждан, нарушивших миграционное законодательство Российской Федерации, принято 842 решения о неразрешении въезда, 149 – о сокращении срока временного пребывания, 4,9 тыс. – решений об административном выдворении за пределы Российской Федерации, 254 – о депортации.

В рамках проводимых проверочных мероприятий осуществляется проверка иностранных граждан и лиц без гражданства, состоящих на миграционном учете на подведомственных территориях, имеющих разрешения на временное проживание и виды на жительство, а также лиц, проживающих в населенных пунктах, расположенных вблизи Государственной границы Российской Федерации.

С целью отработки оперативной информации, а также обсуждения актуальных вопросов взаимодействия территориальных органов МВД России и МВД Республики Беларусь приграничных регионов проводятся рабочие встречи, в которых обсуждаются механизмы работы по выявлению и пресечению каналов незаконной миграции, по профилактике правонарушений и преступлений, вопросы по выявлению иностранных граждан, находящихся в приграничных районах с поддельными документами.

В связи с закрытием границ и принимаемыми государствами мерами по недопущению распространения коронавирусной инфекции в 2020 и 2021 г. российско-белорусские рабочие встречи по вопросам приграничного сотрудничества МВД России и МВД Республики Беларусь проводились на регулярной основе в дистанционном формате.

Несомненным достижением в сотрудничестве России с Республикой Беларусь является принятие Концепции миграционной политики Союзного государства, утвержденной постановлением Высшего государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 6.

Российско-казахстанская граница практически полностью сухопутна (в том числе 5936, 1 км собственно по суше, 1516, 7 км речной границы, 60 км озерной границы). Протяженность морской границы – 85, 8 км. Делимитация границы завершилась в 2005 г.

В 2020 г. ГУВМ МВД России совместно с заинтересованными подразделениями МВД России рассмотрен проект Протокола о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке пересечения российско-казахстанской государственной границы жителями приграничных территорий Российской Федерации и Республики Казахстан от 3 октября 2006 г., а также соответствующий проект распоряжения Правительства Российской Федерации, подготовленные Минтрансом России в целях упразднения ряда пунктов пропуска через российско-казахстанскую государственную границу в связи с отсутствием целесообразности их функционирования. Проекты протокола и распоряжения согласованы без замечаний (письмо МВД России от 1 сентября 2020 г. № 1/9681).

Работа по борьбе с незаконной миграцией правоохранительных органов приграничных субъектов Российской Федерации и Республики Казахстан осуществляется путем разработки совместных планов, проведением скоординированных специальных операций, оперативно-профилактических, разыскных мероприятий, исполнения международных поручений и запросов в рамках правовой помощи по уголовным делам, обмена соответствующей информацией.

По итогам 2020 г. территориальными органами МВД России, расположенными в приграничных с Республикой Казахстан субъектах Российской Федерации, проведено свыше 63,4 тыс. проверочных мероприятий по выявлению фактов нарушения миграционного законодательства Российской Федерации. Проверке подверглись объекты строительства, торговли, сельского хозяйства, бытового обслуживания и иные. Проверено 49,6 тыс. объектов жилого сектора и мест компактного проживания иностранных граждан.

В результате проведенных проверочных мероприятий по выявлению фактов нарушения миграционного законодательства в 2020 г. (по ст. 18.8–18.10, 18.15–18.17, 19.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) задокументировано 60,2 тыс. административных правонарушений.

В отношении иностранных граждан, нарушивших миграционное законодательство Российской Федерации, принято 15,9 тыс. решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию, 2,3 тыс. – о сокращении срока временного пребывания, 2,3 тыс. – об административном выдворении за пределы Российской Федерации, 1,2 тыс. – о депортации.

В целях повышения эффективности проводимых мероприятий и расширения профессионального взаимодействия правоохранительными органами приграничных субъектов Российской Федерации и Республики Казахстан проводятся рабочие встречи по приграничному сотрудничеству, в рамках

которых осуществляется обмен статистической информацией, информационно-аналитическими материалами, сведениями об изменениях в законодательстве сторон.

Российско-китайская граница современная государственная граница обладает большой протяженностью – 4209,3 км, в том числе 650,3 км сухопутной, 3489 км речной и 70 км озерной.

Правовой основой взаимодействия Российской Федерации и Китайской Народной Республики является Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией от 22 марта 2013 г.

В целях обеспечения реализации вышеуказанного межправительственного соглашения создана и функционирует российско-китайская Совместная рабочая группа по сотрудничеству в области миграции[1].

Учитывая складывающуюся эпидемиологическую обстановку в мире, связанную с распространением новой коронавирусной инфекции, а также введенные на территории Российской Федерации меры ограничительного характера, проведение 11-го заседания рабочей группы в сфере миграции было перенесено на 2021 г.

В 2020 г. в целях противодействия незаконной миграции территориальными органами МВД России в субъектах Российской Федерации, граничащих с Китайской Народной Республикой, проведено свыше 11,8 тыс. проверочных мероприятий по выявлению фактов нарушения миграционного законодательства Российской Федерации, в том числе проверено 8,3 тыс. объектов жилого сектора и мест компактного проживания иностранных граждан. Выявлено более 10 тыс. административных правонарушений в сфере миграции.

В отношении иностранных граждан, нарушивших миграционное законодательство Российской Федерации, принято 3,4 тыс. решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию, 942 – о сокращении срока временного пребывания, 1 тыс. – об административном выдворении за пределы Российской Федерации, 163 – о депортации.

Приграничное сотрудничество органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами иностранных государств по вопросам миграции, по аналогии, также может осуществляться в договорной, институциональной, представительской и иных формах.

Исходя из положений Концепции приграничного сотрудничества Российской федерации, утвержденной Правительством Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 2577-р, при реализации приграничного сотрудничества необходимо:

– проводить оценку миграционной ситуации;

– вырабатывать комплекс совместных действий по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, с учетом подведомственности дел МВД России;

– прорабатывать механизмы возможного упрощения режима временного пребывания для жителей приграничных территорий Российской Федерации;

– разрабатывать совместные меры по регулированию миграционных потоков;

– обмениваться информацией об иммиграционном законодательстве и порядке пересечения государственной границы сопредельных государств местными жителями;

– разрабатывать меры, направленные на создание условий по приему и временному размещению беженцев и переселенцев в случаях их экстренного массового прибытия на территорию Российской Федерации;

– осуществлять взаимодействие с правоохранительными органами зарубежных стран при решении вопросов, связанных с депортацией нелегально находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан с приграничных территорий;

– производить обмен информацией по вопросам оперативной обстановки и выработки необходимых мер борьбы с незаконной миграцией на приграничных территориях;

– осуществлять сотрудничество в сфере социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации;

– осуществлять научное и гуманитарное сотрудничество.

Реализация приграничного сотрудничества в сфере миграции может быть осуществлена посредством:

– участия сотрудников ГУВМ МВД России, а также подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России в приграничных регионах в разработке международных договоров, в том числе соглашений о приграничном сотрудничестве с иностранными государствами;

– проведения, в рамках сотрудничества, совместного анализа миграционной ситуации, в том числе на приграничных территориях;

– участия в разработке документов планов, программ и иных документов в части проведения мероприятий международного характера;

– участия сотрудников ГУВМ МВД России, а также подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России в приграничных регионах при проведении специальных мероприятий на территории иностранных государств, а также участие представителей правоохранительных органов иностранных государств в проведении специальных мероприятий на территории Российской Федерации;

– проведение встреч, консультаций и иных мероприятий организационного характера.

В качестве ориентиров, в рамках реализации деятельности по приграничному сотрудничеству органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами иностранных государств в сфере миграции предлагается также использовать следующие тезисы:

– приграничное сотрудничество в сфере миграции должно быть направлено на профилактику и борьбу с административными правонарушениями и уголов-

ными преступлениями в соответствии с подведомственностью дел МВД России[1] [1] [2] [3];

– приграничное сотрудничество в сфере миграции взаимосвязано с основными направлениями деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России по реализации государственных функций (реализация законодательства о гражданстве Российской Федерации[2], [4] контрольно-надзорная деятельность в сфере миграции[3] [5]) и оказанию государственных услуг в сфере миграции (паспортная работа, регистрационный учет, миграционный учет, разрешительно-визовая работа, деятельность в рамках программы «соотечественники»[4] [6], работа с вынужденными мигрантами и другие смежные виды деятельности)[5] [7];

– приграничное сотрудничество в сфере миграции должно строиться на основе системы источников международного права, перечисленных в §1 и § 2;

– деятельность МВД России и его территориальных органов в рамках приграничного сотрудничества в сфере миграции должна быть согласованной с точки зрения национального законодательства Российской Федерации, а также системы документов стратегического планирования Российской Федерации, к

---

[1] «КоАП РФ» – Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021): прежде всего глава 18, а также другие подведомственные МВД России в соответствии со ст. 23.3; «УК РФ» – Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021): прежде всего ст. 322.1, а также другие, подведомственные МВД России в соответствии со ст. 151 «УПК РФ» – Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021).

[2] Приказ МВД России от 16.09.2019 № 623 (ред. от 03.07.2020) «Об утверждении Инструкции об организации деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов при рассмотрении заявлений по вопросам гражданства Российской Федерации и принятии по ним решений». URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/гражданство-российской-федерации (дата обращения: 20.02.2022).

[3] В рамках контрольно-надзорной деятельности особое внимание следует обратить на деятельность по реализации международных договоров о реадмиссии; см. международные договоры Российской Федерации о реадмиссии с: Монголией, Республикой Беларусь, Китайской Народной Республикой, Украиной, Республикой Казахстан, Королевством Норвегия, Европейским сообществом, Литовской республикой. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract (дата обращения: 20.02.2022).

[4] См. раздел «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/pravovoe-obespechenie (дата обращения: 20.02.2022).

[5] См. раздел «Государственные услуги в сфере миграции». URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/emvd/guvm (дата обращения: 20.02.2022).

которым помимо Концепции приграничного сотрудничества можно отнести и ряд других документов[1] [8];

– в рамках приграничного сотрудничества следует учитывать особенности миграционной ситуации [9] [10][2], на которую в настоящее время оказывает сильное влияние пандемия COVID-19 [11][3].

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

4. Приказ МВД России от 16.09.2019 № 623 (ред. от 03.07.2020) «Об утверждении Инструкции об организации деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов при рассмотрении заявлений по вопросам гражданства Российской Федерации и принятии по ним решений» // Официальный сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/гражданство-российской-федерации (дата обращения: 21.02.2022).

5. Международные договоры Российской Федерации о реадмиссии // Сайт МИД России. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract (дата обращения: 21.02.2022).

6. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // Официальный сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/pravovoe-obespechenie (дата обращения: 21.02.2022).

---

[1] Правовую основу стратегического планирования закладывает Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ. К документам стратегического планирования, затрагивающим вопросы приграничного сотрудничества МВД России в сфере миграции можно отнести также Стратегию национальной безопасности; Концепцию государственной миграционной политики и другие. URL: http://www.scrf.gov.ru/security/docs/ (дата обращения: 21.02.2022).

[2] См.: раздел 2 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622); статистические сведения по миграционной ситуации URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya (дата обращения: 21.02.2022).

[3] В настоящее время следует учитывать положения Указа Президента Российской Федерации от 15.06.2021 № 364 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» и др.

7. Государственные услуги в сфере миграции // Официальный сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/emvd/guvm (дата обращения: 21.02.2022).

8. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

9. Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

10. Статистические сведения по миграционной ситуации // Официальный сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya (дата обращения: 21.02.2022).

11. Указ Президента Российской Федерации от 15.06.2021 № 364 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

Шаталов А. С.[1]*,*
профессор кафедры
уголовного процесса
Московской академии Следственного
комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук

СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ИНОСТРАННЫХ ЮРИСДИКЦИЯХ ПО ЗАПРОСАМ О ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ

Одной из основных задач Следственного комитета Российской Федерации является осуществление международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства в пределах своих полномочий. С этой целью он в качестве самостоятельного правоохранительного ведомства взаимодействует с компетентными органами иностранных государств, заключает соглашения, сотрудничает с международными организациями в соответствии с уже имеющимися международными договорами и участвует в разработке новых международных договоров Российской Федерации [10, с. 3]. Его сотрудничество с компетентными органами иностранных государств в рамках оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам осуществляется на постоянной основе. Данная работа проводится в соответствии с положениями действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам [2], Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [3] и другими международно-правовыми актами, в том числе принятыми Содружеством Независимых Государств. Например, Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, появившейся около двадцати лет тому назад. В настоящее время она действует для Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и России [4].

В соответствии с ее положениями, граждане, а также другие лица, проживающие на территории этих государств, пользуются в других странах – участниках Конвенции такой же правовой защитой их личных, имущественных и неимущественных прав, как и их собственные граждане. Они имеют право свободно и беспрепятственно обращаться в суды, прокуратуру, органы внутренних дел, органы безопасности и учреждения юстиции, могут подавать ходатайства, предъявлять иски и осуществлять другие процессуальные действия.

Конвенция установила объем и порядок исполнения поручений об оказании правовой помощи, меры по обеспечению конфиденциальности факта получения и содержания указанного поручения, порядок обжалования действий должностных лиц. Предусматривается возможность создания совместных след-

[1] © Шаталов А. С., 2022.

ственно-оперативных групп, регулируется порядок использования средств видеосвязи. При этом Россией в связи с ратификацией этой Конвенции в 2021 г., был сделан ряд оговорок и заявлений [11]. В частности, она оставила за собой право применять ее статьи, касающиеся избрания заключения под стражу и иных мер пресечения в отношении лиц, подлежащих выдаче, в соответствии с национальным уголовно-процессуальным законодательством и сохранила гарантии неприменения смертной казни к лицу, выдача которого запрашивается.

Возвращаясь к международному сотрудничеству Следственного комитета Российской Федерации, нужно отметить, что совместно с Министерством иностранных дел Российской Федерации им проводится работа по его включению в качестве компетентного органа по ряду межправительственных соглашений, регулирующих взаимодействие с компетентными органами зарубежных государств в сфере борьбы с преступностью. В целях развития и укрепления международных связей при осуществлении уголовного преследования, обеспечения правопорядка и защиты прав и свобод человека и гражданина заключен ряд межведомственных соглашений, меморандумов и протоколов. В рамках реализации полномочий в области международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства налажено и поддерживается взаимодействие с компетентными органами иностранных государств, международными организациями и судебными органами (в том числе Международной организацией уголовной полиции («Интерпол»); Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ), институтами Совета Европы (СЕ) и Организации Объединенных Наций (ООН); Международной организации по миграции (МОМ); Международным Комитетом Красного Креста (МККК) и др.). Важнейшими направлениями международно-правового сотрудничества Следственного комитета Российской Федерации традиционно признаются противодействие торговле людьми и борьба с преступлениями коррупционной, экономической, террористической, экстремистской направленности и защита прав несовершеннолетних.

Такое внимательное отношение к вопросам международного сотрудничества в Следственном комитете Российской Федерации закономерно, поскольку объем, структура и динамика современной российской преступности, как и преступности многих других стран мира, свидетельствуют об объективной невозможности борьбы с ней силами правоохранительных органов одного отдельно взятого государства. Это обстоятельство наряду с экономическими, политическими, правовыми, организационными и техническими факторами стимулирует международное сотрудничество в данной сфере, приводя к появлению необходимых стандартов взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с их коллегами из других государств. Став общепризнанными, такие нормы вводятся в национальные правовые акты с целью их дальнейшего беспрепятственного применения в следственной и судебной практике. Российское уголовно-процессуальное законодательство не исключение в этом отношении. Именно в нем в 2001 г. впервые была кодифицирована достаточно сложная и еще малоизученная область процессуальной деятельности, функционирующая на стыке многих отраслей права.

Уместно вспомнить, что международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства имеет давнюю историю, что свидетельствует о том, что в России оно никогда не было простым ни юридически, ни политически. До наступления XX в. его низкая интенсивность была обусловлена многими причинами, среди которых можно выделить неразвитость международного права, средств коммуникации и т. д. Ситуация изменилась к лучшему, с созданием в 1948 г. Организации Объединенных Наций, в которой Советский Союз был активным участником. Однако в его бытность международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства носило спорадический характер, так как было крайне политизировано. Связанные с ним вопросы закреплены лишь в одном нормативном правовом акте [8], причем в самом общем виде. Прямые контакты сотрудников правоохранительных органов с их зарубежными коллегами были полностью исключены этим законом. В результате советские судьи, прокуроры, следователи и следователи не могли лично направлять запросы в компетентные органы и должностным лицам иностранных государств по уголовным делам, находящимся в их производстве, и участвовать в оказании международно-правовой помощи.

Со вступлением в силу в 2002 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации ситуация кардинально изменилась, так как международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства получило детально проработанную правовую базу, что стало мощным импульсом для его дальнейшего поступательного развития как единого из важнейших процессуальных институтов. Его правовая природа такова, что требует от участников этой деятельности признания и неукоснительного соблюдения установленного процессуального порядка с учетом действия национального и иностранного законодательства во времени, пространстве и по кругу лиц. Следовательно, эффективность сотрудничества государств в этой сфере сейчас зависит не только и не столько от состояния международного права, сколько от имеющихся возможностей практической реализации соответствующих правовых механизмов в той или иной стране.

Процессуалисты в своих публикациях обращают внимание на то, что в настоящее время нет ни одного международного договора России, в название которого входила бы формулировка «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», и ни одного национального правового акта, раскрывающего данное понятие [13, с. 60]. Более того, само понятие «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» трактуется ими весьма и весьма неоднозначно [1, с. 65; 5, с. 186; 6, с. 3; 12, с. 85].

В нынешнем виде международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства должно восприниматься в качестве осуществляемой на основе принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации, Конституции Российской Федерации, УПК РФ коллективной деятельности компетентных органов и должностных лиц двух и более государств (международных организаций), в целях обеспечения надлежащего применения норм национального или (и) иностранного уголовного законодательства, посредством:

– взаимодействия российских судов, прокуроров, следователей, органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств, и международными организациями;

– выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора;

– передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является;

– признания и принудительного исполнения приговора суда иностранного государства в части конфискации доходов, полученных преступным путем, находящихся на территории Российской Федерации.

В уголовном судопроизводстве взаимодействие судов, прокуроров, следователей, органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международных организаций не может осуществляться произвольно, а только в рамках процессуальных процедур, предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законодательством. Наиболее распространенной из них является направление запроса о правовой помощи при необходимости производства осмотра, обыска, выемки, судебной экспертизы и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ на территории иностранного государства. По общему правилу они осуществляются компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности. При наличии соответствующего международного договора или иного соглашения, основанного на принципе взаимности, запрашиваемая сторона обязана принять запрос. При его исполнении она руководствуется положениями международного договора и национального законодательства, а в особо оговоренных случаях – законами запрашивающей стороны.

Направление запроса о правовой помощи имеет целью получение новых сведений, необходимых для полного, объективного и всестороннего расследования уголовного дела или разрешения его по существу. Чтобы сведения, собранные за пределами России, могли беспрепятственно использоваться в доказывании, в УПК РФ специально оговорено, что доказательства, полученные на территории иностранного государства его должностными лицами в ходе исполнения ими поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам, заверенные и переданные в установленном порядке, пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории России в полном соответствии с требованиями УПК РФ (ст. 455). Исходя из данного законодательного положения, любые сведения, полученные от иностранного государства, должны быть собраны в полном соответствии с действующими в нем законами. Причем, эти законы не должны противоречить положениям Конституции РФ о правах и свободах человека и гражданина. Более того, каждое представленное российской стороне доказательство должно являться результатом только тех процессуальных действий, о производстве которых она просила, а произведенные действия, не должны нарушать признаваемые обеими сторонами пределы взаимодействия. Соблюдением этих правил, обеспечивается преюдиция обстоятельств, установленных на территории иностранного государства.

Таким образом, российское уголовно-процессуальное законодательство четко провозглашает, что доказательства, полученные в иностранном государстве его должностными лицами в ходе исполнения ими поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам или направленные в Российскую Федерацию в приложении к поручению об осуществлении уголовного преследования в соответствии с ее международными договорами, международными соглашениями или на основе принципа, взаимности, заверенные и переданные в установленном порядке, пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории Российской Федерации в полном соответствии с требованиями УПК РФ. Вместе с тем в его ст. 455, которой все это предусмотрено, не содержится каких-либо предписаний о том, каким именно требованиям должны отвечать доказательства, собранные на территории иностранного государства и на каких условиях они должны приобщаться к материалам уголовного дела. На данное обстоятельство обращают внимание в своих работах процессуалисты [7, с. 3]. Более того, они справедливо обращают внимание и на то, что пока остается открытым вопрос о возможности допроса российской стороной граждан своей страны находящихся за ее пределами в качестве подозреваемых и обвиняемых, о производстве обыска, выемки, судебных экспертиз, контроля и записи переговоров, а также других следственных действий при оказании правовой помощи по уголовным делам [9, с. 318].

При таком стечении обстоятельств требуется внесение изменений в действующие международные договоры, подписанные с участием Российской Федерации (через подписание дополнительных протоколов) в части расширения и конкретизации круга процессуальных действий, при оказании правовой помощи по уголовным делам (в том числе с применением современных информационных технологий) и некоторые другие.

В целях формирования надежных процессуальных гарантий призванных обеспечивать юридическую силу доказательств, в УПК РФ должно быть предусмотрено положение о том, что доказательства, полученные на территории иностранного государства его должностными лицами в ходе исполнения ими поручений Российской Федерации об оказании правовой помощи по уголовным делам или направленные в Российскую Федерацию в приложении к поручению об осуществлении уголовного преследования в соответствии с международными договорами Российской Федерации, международными соглашениями или на основе принципа взаимности, заверенные и переданные компетентным органам Российской Федерации, ответственным за исполнение данного поручения, после их проверки и оценки должностными лицами этих органов по правилам, установленным в ст. 17, 87 и 88 УПК РФ пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории Российской Федерации.

Надлежащему исполнению обращений Российской Федерации об оказании правовой помощи по уголовным делам и повышению эффективности следственных действий на иностранных территориях могут способствовать официально достигнутые взаимные договоренности, позволяющие должностным лицам компетентных органов Российской Федерации лично присутствовать при производстве следственных и иных процессуальных действий, проводимых по

их требованию в иностранных государствах. Это правило может быть реализовано в содержании ст. 453 УПК РФ следующим образом: «Если это предусмотрено международным договором Российской Федерации и не противоречит национальному законодательству иностранного государства, должностное лицо органа предварительного следствия, осуществляющее уголовное дело, имеет право лично присутствовать при производстве следственных или иных процессуальных действий, проводимых по ходатайству об оказании юридической помощи, при условии предварительного уведомления соответствующих компетентных органов иностранного государства и с их согласия».

Список литературы

1. Волеводз, А. Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса : дис. … д-ра юрид. наук / А. Г. Волеводз. – М., 2002. – 462 с.

2. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Страсбург, 20.04.1959) // СПС «консультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121347/ (дата обращения: 12.02.2022).

3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22.01.1993) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/ (дата обращения: 12.02.2022).

4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 07.10.2002) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_406603/ (дата обращения: 12.02.2022).

5. Перепелкина, Ю. Г. Проблемы международного сотрудничества при расследовании преступлений / Ю. Г. Перепелкина // Теоретические и прикладные проблемы предварительного следствия и дознания. – Саратов, 2009. – С. 184–188.

6. Смирнов, П. А. Понятие и содержание международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства как одно из направлений международной борьбы с преступностью / П. А. Смирнов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2011. – № 1. – С. 3–6.

7. Тлехуч, З. А. Собирание доказательств по уголовным делам на территориях иностранных государств при оказании правовой помощи : автореф. дис. … канд. юрид. наук / З. А.Тлехуч. – М., 2021. – 31 с.

8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16.12.1947 «О порядке сношений государственных учреждений СССР и их должностных лиц с учреждениями и должностными лицами иностранных государств» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1948. – Отд. 5. – Ст. 2.

9. Устинов, А. В. Проведение следственных действий за пределами территории Российской Федерации / А. В. Устинов // Библиотека криминалиста. – 2016. – № 6 (29). – С. 318–324.

10. Федеральный закон от 28.12.2010 №4 03-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/ (дата обращения: 12.02.2022).

11. Федеральный закон от 30.12.2021 №452-ФЗ «О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» // СПС «Гарант». – URL: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1512322/ (дата обращения: 12.02.2022).

12. Феоктистова, Е. Е. Международное сотрудничество органов предварительного расследования по уголовным делам: процессуально-правовые и криминалистические аспекты : дис. … канд. юрид. наук / Е. Е. Феоктистова. – М., 2006. – 158 с.

13. Филиппова, Т. Ю. Понятие и виды международного сотрудничества по уголовным делам / Т. Ю. Филиппова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 1(52). – С. 59–62.

РАЗДЕЛ II.
ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Алонзо И. О.[1]*,*
помощник суперинтенданта полиции
Республики Гайана, Южная Америка
слушатель 3 курса
Ростовского юридического
института МВД России

ОПЫТ БОРЬБЫ С НАРКОТОРГОВЛЕЙ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ГАЙАНА

Незаконный оборот кокаина, крупнейший незаконный рынок в Гайане – стране транзита колумбийского и венесуэльского кокаина, предназначенного для Соединенных Штатов, Канады, Карибского бассейна, Европы и Западной Африки. Кокаин является вторым по распространенности наркотиком Гайаны после каннабиса, и его употребление растет на местном уровне. Каннабис производится в стране главным образом для удовлетворения внутреннего спроса, хотя кажущийся избыток предполагает, что он также может экспортироваться. Рынок этого препарата растет, в основном доминируют мексиканские и итальянские организации. Через Гайану также перевозятся такие синтетические наркотики, как экстази и амфетамины.

Высокий уровень коррупции в государственных структурах способствует функционированию таких криминальных рынков. Руководят основными криминальными секторами экономики Гайаны иностранные субъекты. В основном из Ямайки, Барбадоса, Тринидада и Тобаго, но есть и участники из других стран, например, Колумбии и Италии. В Гайане действует ряд законов, направленных на борьбу с организованной преступностью. Наша страна подписала ряд договоров по вопросу борьбы с организованной преступностью, которые действуют, по крайней мере, номинально. Кроме того, наша страна является участником ряда международных соглашений о выдаче и сотрудничестве.

23 августа 2012 г. Гайана в сотрудничестве с Суринам стали первыми двумя странами Карибского бассейна, которые приняли участие в крупных успешных программах сканирования контейнеров в целях предотвращения незаконного использования морских контейнеров. Производство наркотиков (пионерская), контрабанда товаров (в том числе подделки), уклонение от уплаты налогов и возможности террористического поведения.

При этом Карибский регион становится все более уязвимым для незаконного транзита наркотиков из Южной Америки в Северную Америку и Европу че-

---

[1] © Алонзо И. О., 2022.

рез морские контейнеры, особенно в связи с усилением пограничного контроля и безопасности латиноамериканскими государствами. Благодаря географическому положению Гайана и Суринам сталкиваются со значительными угрозами со стороны транснациональной организованной преступности в отношении торговли контейнерами.

В частности, совместные подразделения портового контроля в двух странах усилили контроль за входом и выходом контейнеров из портов и улучшили координацию, анализ и обмен информацией в режиме реального времени, обмениваться человеческими и техническими ресурсами, чтобы избежать дублирования деятельности и способствовать безопасной внешней торговле. Досмотр контейнеров в двух портах будет проводиться группой, обученной и оснащенной для совместной работы по систематическому выявлению контейнеров с высокой степенью риска с минимальным нарушением свободного потока законной торговли.

Программа быстро распространилась в Латинской Америке, достигнув значительных успехов в портовых контрольно-пропускных пунктах в Коста-Рике, Эквадоре, Гватемале, Панаме и Парагвае, и в прошлом году было изъято более 13 т кокаина.

Кроме того, в стране действуют специальные суды или трибуналы по делам о преступлениях, связанных с наркотиками, и действуют следующие положения: о несовершеннолетних правонарушителях 1998 г., о наркотиках и психотропных веществах 1988 г. Эти Законы предусматривают, что суды должны создавать и поддерживать общественные программы, которые являются альтернативами судебному разбирательству.

Гайана не располагает законодательными или административными средствами правовой защиты для установления или обеспечения альтернатив тюремному заключению для наркоманов. Гайана не имеет межведомственных и многосекторальных программ, направленных на содействие социальной интеграции лиц, затронутых проблемой наркотиков. Однако были приняты меры для сведения к минимуму негативных последствий злоупотребления наркотиками для здоровья населения и общества с помощью технических руководств, опубликованных Всемирной организацией здравоохранения.

Кроме того, в Гайане действует ряд социальных (не полицейских) групп по борьбе с наркотиками, которые осуществляют программы по предупреждению и сокращению незаконного культивирования и производства наркотиков.

В заключении предлагаем некоторые рекомендации, в частности необходима дальнейшая реформа уголовного правосудия для ускорения судебного производства, а также и улучшения показателей выявления и осуждения путем обеспечения соблюдения или пересмотра законодательства. Необходимо поощрять сбор и распространение надежных статистических данных об обороте наркотиков и связанных с ним преступлениях.

Список литературы

1. Guyana Evaluation Report on Drug Policies // Сайт Организации Американских штатов. – URL: http://www.cicad.oas.org/mem/reports/7/Full_Eval/Guyana-7thRd-ENG.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

2. BARBADOS AND EASTERN CARIBBEAN. Brussels, 5 November 2014 // Сайт Совета ЕС. – URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15107-2014-INIT/en/pdf (дата обращения: 20.02.2022).

Алференок Е. А.[1],
преподаватель кафедры
уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Андрюхин Д. С.[2],
курсант 194 учебного взвода
3 «О» курса факультета подготовки
сотрудников для оперативных
подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В Российской Федерации в среднем выявляется более 35 тыс. несовершеннолетних, совершивших преступления, каждый год. Примерно половина из них осуждаются, в отношении 40 % производство по уголовным делам по различным основаниям прекращается.

Таблица 1

Статистические данные о количестве выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, и принятых в отношении них судебных решениях [3]

Год	Всего выявлено лиц, совершивших преступления	Всего осуждено	Прекращено дел в отношении лиц	
			Всего (по различным основаниям)	В связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия
2017	42504	20631	16656	2244
2018	40860	18826	16025	2288
2019	37953	16858	14196	2316
2020	33575	14703	11482	1814

[1] © Алференок Е. А., 2022.
[2] © Андрюхин Д. С., 2022.

Стоит отметить, что уголовно-правовая политика не только в Российской Федерации, но и в различных странах мира направлена на гуманизацию законодательства в отношении несовершеннолетних в целях формирования их личности в соответствии с социальными нормами поведения, что отвечает, как интересам самого лица, так и общества. Правоприменитель обязан, если преступление совершено лицом в возрасте до 18 лет (а в некоторых случаях и в более старшем возрасте), учитывать возраст, состояние здоровья, уровень развития (и физического, и психического), особенности характера. Немаловажное значение имеют его окружение, условия воспитания, поведение после совершения, запрещенного УК РФ деяния, раскаяние и др. Указанные обстоятельства в совокупности с требованиями, предъявляемыми к несовершеннолетним в соответствующих статьях уголовного закона (например, ч. 1 ст. 90 УК РФ), позволяют применять к такой категории лиц меры, альтернативные наказанию.

В Российской Федерации к таковым относятся принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ). Они представляют собой основание освобождения от уголовной ответственности, применяемое сугубо в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой или средней тяжести в целях их исправления. Условия освобождения от уголовной ответственности по этому основанию: категория преступления (небольшой или средней тяжести); убежденность суда в исправлении освобождаемого от уголовной ответственности путем применения принудительных мер воспитательного воздействия; несовершеннолетний возраст.

В ч. 2 указанной статьи законодатель закрепляет закрытый перечень принудительных мер воспитательного воздействия: предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Назначаются они как отдельно, так и в совокупности друг с другом.

Сравнительный анализ норм данного института в уголовных законах России и зарубежных стран, начнем с его наименования. В Уголовных кодексах стран Содружества Независимых Государств используется практически идентичный для всех термин. Так, в Российской Федерации [16], Азербайджанской Республике [4], Республике Казахстан [11] – «принудительные меры воспитательного *воздействия*»; в Республике Армения [9], Республике Беларусь [10], Кыргызской Республике [6], Республике Молдова [12], Республике Таджикистан [14] – «принудительные меры воспитательного *характера*»; в Республике Узбекистан [15] – «принудительные меры». Схожесть наименований объясняется общим историческим прошлым и преемственностью в юридической технике.

Исследуемые меры имеются не только в указанных странах, но и иных европейских государствах. Так, ст. 82 Уголовного кодекса Литовской Республики [8] определяет их как «исправительные меры в отношении несовершеннолетних»; § 87 УК Эстонии [17] регламентирует «меры, применяемые к несовершеннолетним и молодым взрослым». В Латвии и Польше законодатель непосредственно в Уголовных кодексах не регламентирует сами меры и порядок их применения, лишь называя, что такие меры могут применяться к несовершен-

нолетним. В частности, в Латвии это «принудительные меры исправительного характера» (ст. 66) [7], в Польше – «воспитательные меры» (§ 4 ст. 10) [13].

Особенностью испанского уголовного законодательства является то, что уголовная ответственность несовершеннолетних регламентируются специальным Законом «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» [5; 18]. В нем же установлен «перечень мер, которые могут быть применены к несовершеннолетним» (ст. 7 Закона) [18].

Практически во всех изученных странах принудительные меры воспитательного воздействия применяются в качестве освобождения от уголовной ответственности, но есть и ряд исключений. В указанном контексте стоит обратить внимание на УК Республики Беларусь. Статья 117 «Принудительные меры воспитательного характера» – закрепляет возможность замены наказания на принудительные меры воспитательного характера при вынесении судом обвинительного приговора. То есть речь идет об освобождении от наказания. Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности в данной стране регламентируется ст. 118. Так же как и в Республике Беларусь, в Кыргызской (ст. 99) и Латвийской (Раздел 6 Закона) Республиках принудительные меры воспитательного характера выступают в качестве освобождения от наказания. В Республике Польша воспитательные меры применяются вместо наказания (§ 4 ст. 10 УК).

Принудительные меры воспитательного воздействия как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах применяются в отношении лиц от 14 до 18 лет, т. е. несовершеннолетних. Исключение составляет Республика Польша, поскольку минимальный возраст уголовной ответственности в указанной стране 15 лет (§ 2 ст. 10 УК). Как в России, в некоторых странах, например, Республиках Казахстан (ст. 80) и Узбекистан (ст. 94), исследуемые меры могут быть применены в том числе к лицам от 18 до 20 лет с учетом характера совершенного преступления и особенностей личности виновного. В странах Прибалтики (ч. 2 ст. 81 УК Литвы и ч. 7 § 87 УК Эстонии) на законодательном уровне предусмотрена возможность применения исправительных мер к лицам, которым на момент совершения преступного деяния исполнилось 18 лет, но не исполнился 21 год.

Представляется целесообразным сравнительный анализ провести в зависимости от того, какие принудительные меры воспитательного воздействия, предусмотрел отечественный законодатель.

Первой принудительной мерой воспитательного воздействия, регламентированной ч. 2 ст. 90 УК РФ, является предупреждение, заключающееся в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений. Наличие исследуемой меры характерно практически для всех изученных уголовных законов (исключение составляет УК Республики Узбекистан). Вместе с тем, считаем необходимым отметить некоторые особенности ее регламентации за рубежом. Так, в Испании она называется не «предупреждение», а «выговор» (п. «i» ч. 1 ст. 7 Закона); в Польше – «замечание» (ч. 1 ст. 6 Закона) [19]; в Эстонии и Беларуси – «предостережение» (п. 1 ч. 1 § 87 УК Эстонии; п. 1 ч. 2 ст. 117 УК РБ). Несмотря на

различие в наименованиях данного вида принудительных мер воспитательного воздействия, их содержание практически тождественно друг другу.

По мнению Т. А. Казаковой и Н. С. Александровой [1; 2], указанная мера малоэффективна из-за исключительно психологического воздействия на несовершеннолетнего. Исследуя ее, указанные авторы приходят к выводу о том, что наибольший эффект достигается при ее применении в совокупности с иными мерами. В этой связи научный интерес представляет законодательное решение о регламентации принудительных мер воспитательного характера в Кыргызской Республике. Их предусмотрено всего две: передача под надзор и ограничение поведения (ч. 1 ст. 99), но обе применяются только совместно с предупреждением.

Следующей мерой является передача под надзор. В Российской Федерации несовершеннолетний может быть передан под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа. Как и предыдущая мера, возложение обязанности характерно практически для всех зарубежных уголовных законов, изученных в рамках настоящей работы. Ее содержание заключается в том, что суд возлагает на соответствующее лицо или орган обязанность оказать воспитательное воздействие на несовершеннолетнего и контролировать его поведение. Далее отметим некоторые особенности этой меры. Так, в Республике Беларусь передача под наблюдение является единственной мерой, применяемой при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности на основании ст. 118 УК РБ. Оно допускается при внесении залога.

Содержание следующей меры – возложение обязанности загладить причиненный вред – состоит в возмещении несовершеннолетним имущественного ущерба или заглаживании иного вреда от совершенного им общественно-опасного деяния. При ее назначении суд должен учитывать имущественное положение несовершеннолетнего, наличие у него самостоятельного заработка, соответствующих трудовых навыков. В Республике Узбекистан данная мера применяется при соблюдении таких условий, как достижение 16 лет, и, если ущерб не превышает 10 базовых расчетных величин (одна базовая расчетная величина – 270000 сумов (примерно 1895 руб. 4 коп.)). Во всех остальных случаях ущерб возмещается в рамках гражданского судопроизводства (п. «б» ст. 88 УК).

Последний вид принудительных мер воспитательного воздействия, регламентированного УК РФ, – ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Его сущность заключается в наложении определенных обязанностей, связанных с ограничением проведения досугового времени или иных требований, затрагивающих поведение и проведение времени лицом. В России перечень ограничений и требований является открытым. Вместе с тем некоторые из них указаны в законе: запрет на посещение определенных мест, на управление механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа, возложение обязанности возвратиться в образовательную организацию либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа.

Стоит отметить, что в зарубежных странах исследуемая мера регламентируется по-разному. Близкими по содержанию к российской являются меры, закрепленные в УК стран СНГ. В большинстве из них речь также идет об ограничении досуга и предъявлении особых требований к поведению несовершеннолетнего, при этом их перечень не исчерпывающий. Иными словами, как и в России, это одна мера с «широким» содержанием.

Однако в некоторых УК каждое ограничение и требование регламентируются самостоятельно. Например, в Эстонии на несовершеннолетнего может быть возложена обязанность принять участие в социальной программе или примириться с потерпевшим (п. 2, 5 ч. 1 § 87), также возможно ограничение свободы передвижения, а при необходимости за несовершеннолетним может быть установлено наблюдение с использованием технических средств (п. 8 ч. 1 § 87 УК).

Интересной представляется такая обязанность как принесение извинения потерпевшему. Она закреплена в уголовных законах Латвии, Казахстана, Белоруссии и Узбекистана. В частности, в Республиках Беларусь (п. 2 ч. 2 ст. 117 УК) и Узбекистан (п. «а» ч. 1 ст. 88 УК) именно суд определяет, в какой форме оно должно быть принесено.

В некоторых исследуемых УК законодатель предусмотрел меру, связанную с помещением несовершеннолетнего в специальное учреждение. В Литве это специальное исправительное учреждение (п. 6 ч. 1 ст. 82 УК); в Эстонии – закрытое детское учреждение (п. 9 ч. 1 § 87 УК); в Латвии – образовательное учреждение (п. 8 ч. 1 раздела 6 Закона). В Испании данная мера имеет несколько разновидностей в зависимости от типа содержания: учреждения закрытого типа, полуоткрытого типа и открытого типа, в которых несовершеннолетние проживают, учатся, трудятся и т. д., также предусмотрены лечебные учреждения (п. «a», «b», «c», «d» ч. 1 ст. 1 Закона).

Для некоторых стран СНГ также характерно присутствие в УК исследуемой меры. Например, в Республике Беларусь наказание может быть заменено на принудительную меру воспитательного характера в виде помещения в специальное учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение (п. 5 ч. 2 ст. 117 УК). В Казахстане (п. 5 ч. 1 ст. 84) и Узбекистане (п. «в» ч. 1 ст. 88 УК) несовершеннолетнего помещают в организацию образования и учебно-воспитательное учреждение, соответственно. Решение о применении той или иной меры принимает суд в зависимости от цели помещения: обучение несовершеннолетнего либо восстановление его психофизиологического состояния.

Особое внимание нужно уделить мере, связанной с привлечением несовершеннолетнего к труду. Законодатель Литвы закрепил «неоплачиваемые исправительные работы» (п. 3 ч. 1 ст. 82 УК). Они назначаются на срок от 20 до 100 часов и подлежат выполнению в различных государственных или негосударственных органах и организациях с целью исправления лица (ст. 85 УК). В Эстонии несовершеннолетний может быть привлечен к общественным работам на срок от 5 до 60 часов (п. 7 ч. 1 § 87 УК). Похожая мера имеется и в испанском законодательстве – «труд на благо общества» (п. «j» ч. 1 ст. 7 Закона), которая обязывает лицо осуществлять указанную ему неоплачиваемую работу в социальных интересах или в интересах лиц, находящихся в неблагоприятном положении. Обязательным условием применения этих мер в указанных странах яв-

ляется согласие несовершеннолетнего. В Латвии общественные работы устанавливаются на срок от 10 до 40 часов и связаны с выполнением бесплатных работ в районе проживания несовершеннолетнего в свободное от основной работы или учебы время (раздел 11 Закона). Обратим внимание, что в Кодексе отсутствует указание на получение согласия несовершеннолетнего на применение к нему этой меры принуждения.

В настоящее время в Российской Федерации исправление лиц, совершивших преступления до 18 лет, посредством общественно полезного труда возможно лишь при осуждении и назначении наказаний в виде исправительных или обязательных работ. Вместе с тем применение общественных работ (например, оказание помощи одиноким гражданам и инвалидам, садовые работы и др.) в качестве одного из условий освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности будет способствовать более эффективному достижению целей уголовной ответственности.

В связи с этим, считаем возможным рассмотреть вопрос о введении данной меры в нашей стране. Так, ч. 2 ст. 90 УК РФ может быть дополнена п. «д», именуемым «общественные работы». Корреспондирующие изменения должны быть внесены в ст. 91 УК РФ.

Список литературы

1. Александрова, Н. С. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы правоприменения / Н. С. Александрова // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2013. – С. 278–280.

2. Казакова, Т. А. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовному наказанию // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2014. – С. 14–18.

3. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 01.02.2022).

4. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ (ред. от 27.12.2021) // 25 юрист. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 02.02.2022).

5. Уголовный кодекс Королевства Испания // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. – URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444 (дата обращения: 02.02.2022).

6. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127 (ред. от 18.01.2022) // Континент. – URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=36675065#pos=1174;-48 (дата обращения: 02.02.2022).

7. Уголовный кодекс Латвийской Республики // Legislationline. – URL: https://www.legislationline.org/download/id/9122/file/Latvia_Criminal%20Code%20as%20of%202020.pdf (дата обращения: 02.02.2022).

8. Уголовный кодекс Литовской Республики // Okpravo. – URL: http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/уголовный-кодекс-литвы.html (дата обращения: 02.02.2022).

9. Уголовный кодекс Республики Армения от 29.04.2003 № ЗР-528 (ред. от 24.12.2021) // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472 (дата обращения: 02.02.2022).

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999а № 275-З (ред. от 05.01.2022) // 25 юрист. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращени: 02.02.2022).

11. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (ред. от 10.01.2022) // 25 юрист. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=1513;-37#pos=1513;-37 (дата обращения: 02.02.2022).

12. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV (ред. от 11.11.2021) // 25 юрист. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 02.02.2022).

13. Уголовный кодекс Республики Польша // Isap.sejm.gov.pl. – URL: https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19970880553/U/D19970553Lj.pdf (дата обращения: 02.02.2022).

14. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 (ред. от 23.12.2021) // 25 юрист. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 02.02.2022).

15. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII (ред. от 30.01.2022) // 25 юрист. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&sub_id=870000&pos=1079;-57#pos=1079;-57 (дата обращения: 02.02.2022).

16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 14.02.2022).

17. Уголовный кодекс Эстонской Республики // Legislationline. – URL: https://www.legislationline.org/download/id/9098/file/EST_CC_as%20of%20May%202021.pdf (дата обращения: 02.02.2022).

18. Ley Orgánica 5/2000, de 12 de enero, reguladora de la responsabilidad penal de los menores // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. – URL: https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-2000-641 (дата обращения: 02.02.2022).

19. Ustawa z dnia 26 października 1982 r. «O postępowaniu w sprawach nieletnich» // Wolters Kluwer. – URL: https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/postepowanie-w-sprawach-nieletnich-16791030 (дата обращения: 02.02.2022).

Бурмистрова А. А.[1]*,*
адъюнкт факультета
подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ОТРАЖЕНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА О ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Увеличение количества жалоб, предметом которых выступает провокация со стороны сотрудников правоохранительных органов, порождает необходимость пересмотра явления провокации при проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) в контексте российской правоприменительной практики. Возникающие спорные моменты в процессе рассмотрения жалоб о провокации в Европейском суде по правам человека (далее – ЕСПЧ) следует урегулировать посредством национального законодательства, которое, в свою очередь, не имеет полного обоснования проблемы провокации преступления, а также системы регулирования привлечения к ответственности за неправомерные оперативно-розыскные мероприятия. Оценка провокационных действий не в полном объеме освещена в теории уголовного права. Содержание понятия до сих пор дискуссионно среди учёных и практикующих органов, судов и адвокатов.

Неоднократно провокационные методы расследования преступлений сотрудниками полиции явились предметом изучения и рассмотрения судьями ЕСПЧ. В настоящее время процесс внедрения правоприменительной практики ЕСПЧ в российское законодательство, а именно в соответствии с толкованием ЕСПЧ внесение изменений в национальное законодательство, согласно принятым поправкам к Конституции Российской Федерации 2020 г. вносятся исключительно в установленном порядке в случае необходимости.

Действующий процесс внедрения практики ЕСПЧ в национальное законодательство России во многом зависит от соотношения положений нормам Конституции РФ. Если отсутствуют какие-либо противоречия – то изменения должны быть внесены в соответствии с предусмотренными законодательством России процедурами. Уполномоченные органы в свою очередь обладают правом на обращение в Конституционный суд по вопросу исполнения решений ЕСПЧ в случаях усмотрения (по мнению заявителей) наличия несоответствий. Государственные органы самостоятельно могут реализовать положения ЕСПЧ в той части, в которой нет противоречий с положениями действующей Конституции. Решение же Конституционного суда носит императивный характер.

---

[1] © Бурмистрова А. А., 2022.

Российская судебная практика в настоящее время развивается в направлении к более точному и адекватному восприятию и реализации критериев отграничения провокации и правомерных ОРМ, сформулированных ранее ЕСПЧ.

В содержании надзорного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2008 г. № 52-Д07-12 Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) исключает даже теоретическую возможность провокации со стороны правоохранительных органов, указывая на невозможность использования любых форм провокационных методов в деятельности правоохранительных органов. Несмотря на наличие отдельных случаев в правоприменительной практике, где позиции ВС РФ отождествляются с позициями ЕСПЧ, вопросы о провокационной деятельности сотрудников правоохранительных органов не теряют актуальности.

В настоящее время, поступившие в ВС РФ заявления о провокации со стороны сотрудников полиции, исследуются более детально, и выносится обоснованное судебное решение, в котором излагается позиция суда на наличие или отсутствие отдельных критериев провокации в рассматриваемом деле, которыми он и руководствовался при исследовании материалов дела. Однако распространена практика вынесения различных по существу решений по аналогичным делам, связанным с провокацией со стороны правоохранительных органов. К сожалению, нет возможности утверждать о наличии единого подхода или сформированной судебной практики по вопросам определения критериев провокации преступления, совершенного сотрудниками правоохранительных органов.

Для практики оперативно-разыскной деятельности характерна многократность (повторность) проведения одного и того же ОРМ в отношении того же лица, например, проведение «проверочных закупок». Именно данное обстоятельство послужило выработке собственного отношения к вопросу допустимости такого рода деятельности в отечественной судебной практике. Для наиболее полного понимания сущности выработанных позиций российскими судами обратимся к критериям правомерности таких мероприятий, сформулированных ЕСПЧ.

Проведем сравнительный анализ положений в решениях ЕСПЧ по вопросу отграничения провокации от правомерных ОРМ и отражение данных критериев в современной российской судебной практике. Наиболее ярко и полно критерии ЕСПЧ отражены в постановлении ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. по делу «Банникова (Bannikova) против России» [1]. Данное постановление послужило промежуточным итогом формулировки и разработки критериев отграничения, которое собрало их воедино, и было дополнено прецедентами ЕСПЧ. Немаловажно, что данное постановление несет «позитивный» характер по отношению к деятельности правоохранительных органов России.

Позиция ЕСПЧ на провокацию преступления со стороны сотрудников правоохранительных органов однозначно отрицательная, так как любая провокация нарушает право человека на справедливое судебное разбирательство по делу. Однако ЕСПЧ также не исключает возможность использования тайных агентов, информаторов и тайных операций (ОРМ), которые существенно помо-

гают расследованию преступлений. При этом ЕСПЧ акцентирует внимание на требовании должного отправления правосудия по всем уголовным делам, вне зависимости от формы тяжести, где право на справедливое судебное разбирательство не может быть нарушено из соображений удобства раскрытия дела.

Выводы ЕСПЧ по данному вопросу исходят из того, что использование специальных следственных действий или ОРМ, таких как сбор доказательственной базы, посредством тайных агентов, не будет нарушением права на справедливое судебное разбирательство, при условии отсутствия нарушения прав человека. Однако, при реализации подобных следственных действий или ОРМ есть большой риск провокации со стороны сотрудников, именно по этой причине данные мероприятия должны выполняться в соответствии с четкими рамками дозволенного поведения. Отсюда, по мнению ЕСПЧ, следует необходимость разработки четких критериев разграничения провокации от правомерных ОРМ, с тем чтобы исключить использование в доказывании по уголовному делу доказательств, полученных посредством провокации со стороны сотрудников [2, с. 47].

Интересным представляется рассмотрение по существу Европейским Судом по правам человека дела «Худобин против России» [4], в результате которого был вынесен отличный от предыдущего дела вывод о провокационности действий со стороны сотрудников полиции. По данному делу ЕСПЧ указывает на соблюдение всех процедур, посредством следования которым ОРМ считается допустимым и законным. В своих выводах суд ссылается на отсутствие криминального прошлого у заявителя, а равным счетом о ложности информации, полученной сотрудниками правоохранительных органов о преступной деятельности, которой занимается заявитель (распространение наркотиков). Ввиду данных обстоятельств по делу ЕСПЧ приходит к выводу о том, что у сотрудников полиции существовала цель на поимку любого лица, которое согласилось бы купить героин для агента Т. Следовательно, наличие информации о криминальном прошлом недостаточно для обоснованных подозрений об участии лица в преступной деятельности.

Согласно позициям ЕСПЧ доказательствами по делу о виновности лица могут выступать результаты оперативно-разыскных мероприятий исключительно реализуемых в отношении лиц, которые уже совершают преступление или осуществляют подготовку к совершению преступления. Информация, достоверность которой впоследствии проверяется проведением оперативно-разыскных мероприятий, должна быть получена и собрана посредством иных методов и средств, а также оформлена соответствующим образом.

В рамках постановления от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (п. 14) [3] Пленум Верховного суда РФ сформулировал критерии правомерности использования в доказывании по делу результатов ОРМ:

1) получение результатов ОРД в соответствии с требованиями закона. При этом к числу таких требований Пленум отнес лишь:

а) наличие оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий, предусмотренных ст. 7 Закона об ОРД;

б) наличие постановления о проведении проверочной закупки, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность;

2) наличие в материалах ОРД, представленных в суд данных, свидетельствующих о том, что:

а) умысел на совершение преступления сформировался независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений;

б) обвиняемым были проведены все подготовительные действия, необходимые для совершения противоправного деяния.

Данное постановление Пленума ВС РФ не стимулирует должным образом судебные инстанции на качественное исследование доказательной базы и обоснование правомерности произведенных оперативно-разыскных мероприятий. Сложившиеся практика позволяет посредством анализа сделать вывод о том, что для признания правомерности проведенного ОРМ суду достаточно наличие постановления о проведении ОРМ (проверочная закупка, оперативный эксперимент) – формальный критерий. Формализация судов при рассмотрении дел по существу о правомерности проведения в отношении них определенных ОРМ способствует ошибочно вынесенным решениям по делу, которые впоследствии обжалуются в ЕСПЧ.

Толкование национального законодательства в целях приближения его к стандартам Европейского союза Верховный Суд Российской Федерации старается излагать свои решения с учетом постановлений ЕСПЧ. Все это необходимо для формирования схожих правовых позиций и в дальнейшем. В качестве примера рассмотрим один из Обзоров судебной практики Президиума ВС РФ.

В частности, в п. 7.1 Обзора требование законности проведения проверочной закупки истолковано более широко, чем это прямо следует из формулировки постановления Пленума. Кроме наличия постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, согласно данному пункту, «для проведения, указанного ОРМ требуются данные, свидетельствующие о незаконной деятельности лица, в отношении которого планируется провести закупку, а также следует закрепить эти данные, придать им такую процессуальную форму, которая позволит в будущем признать их доказательствами по делу».

Одновременно в п. 7.2 Обзора Верховный суд Российской Федерации одобрил практику тех судов, которые признавали наличие провокации со стороны оперативных работников в случаях, когда до проведения оперативно-разыскного мероприятия «проверочная закупка» у правоохранительных органов не было оснований подозревать лицо в распространении наркотических средств, и было установлено, что сам сбыт наркотического средства был результатом вмешательства оперативных работников.

Приведенные пункты Обзора подчеркивают, что попытки установления эквивалентности между правовыми позициями различных судебных учреждений присутствуют. Однако, несмотря на позитивные примеры, общая правовая по-

зиция касательно сроков издания постановления о проведении проверочной закупки не подтверждена в нем ссылкой на положительные или отрицательные примеры из судебной практики.

Таким образом, позиция Верховного Суда Российской Федерации практически отождествляется с позицией Европейского суда по вопросам необходимости сбора наиболее полной и аргументированной информации о лице, которое подозревается в вовлеченности в преступную деятельность, на стадии проработки версий о возможности проведения в отношении него оперативно-разыскных мероприятий.

Список литературы

1. Банников против России: постановление Суда (Страсбург, 04.11.2010): Европейский Суд по правам человека // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российская хроника Европейского суда. – 2011. – № 4.

2. Дмитренко, А. П. Правовая позиция Европейского Суда по правам человека о провокации преступления / А. П. Дмитренко, Н. Г. Кадников // Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. – М., 2018. – С. 45–49.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. – 2006. – № 137. – 28 июня.

4. Худобин против России: постановление Суда (Страсбург, 26.10.2006): Европейский Суд по правам человека // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российская хроника. – 2007. – № 11.

Буй Т. Т.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ПРОКУРОРОМ И СУДОМ НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Расследование уголовного дела в уголовном судопроизводстве Вьетнама является следующей стадией уголовного процесса после стадии возбуждения уголовного дела.

Задача данной стадии заключается в доказывании факта совершения преступления и лица, его совершившего; определение ущерба, причиненного преступлением; выявление причин и условий совершения преступления и требование от соответствующих органов и организаций принятия корректирующих и превентивных мер.

На основании положений уголовно-процессуального закона Вьетнама и под контролем прокуратуры следователь принимает необходимые меры для сбора и обобщения доказательств, изучения всех интересующих фактов, быстрого и полного выявления преступников, а также виновных в преступлении для привлечения их к уголовной ответственности, и одновременно обеспечивает возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. Именно следователь принимает различные виды процессуальных решений: либо приостановить расследование уголовного дела, либо передать все материалы дела в прокуратуру с завершением расследования и ходатайством о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама устанавливает некоторые аспекты взаимодействия между следователем, прокурором и судом на стадии предварительного расследования. В основном суд не участвует в процессе расследования. Такое воздействие отражается в определенных сферах, в том числе и в возвращении уголовного дела на дополнительное расследование.

Согласно п. 1 ст. 280 УПК СРВ судья, которому поручено председательствовать на судебном заседании, является лицом, уполномоченным выносить решение о возврате уголовного дела для дополнительного расследования прокуратуру. Содержание запроса о дополнительном расследовании должно быть указано в решении.

---

[1] © Буй Т. Т., 2022.

Согласно п. 2 ст. 274 УПК СРВ если суд возвращает уголовное дело для дополнительного расследования, срок для дополнительного расследования не должен превышать один месяц со дня даты получения досье следственным органом и запроса о проведении расследования. Проблема в том, что в законе не установлен срок, в течение которого прокурор должен передать дело, и решение о дополнительном расследовании для следственного органа (следователя). Связано это с тем, что суд возвращает уголовное дело в прокуратуру, а не непосредственно в следственный орган. Относительно этого вопроса в соответствующем Циркуляре № 02/2017 есть руководство, но оно ограничивается только общим правилом, что «прокурор принимает решение и немедленно передает дело в следственный орган». Формулировка «немедленно» при этом трактуется каждым участников процесса субъективно.

Существуют четыре основания возврата дела в прокуратуру для запроса дополнительного расследования. Эти основания указаны в Совместном циркуляре № 02/2017 о координации между процессуальными органами при выполнении положений УПК СРВ «О возврате уголовного дела для дополнительного расследования», а именно:

Во-первых, при отсутствии доказательств, используемых для доказательства одного из вопросов, указанных в ст. 85 УПК СРВ, которые не могут быть дополнены в судебном заседании. Согласно п. 2 и 3 ст. 3 Циркуляра № 02/2017 доказательства, подтверждающие факты, подлежащие доказыванию в уголовном деле по пп. «а», п. 1 ст. 280 УПК СРВ, являются доказательствами, используемыми для доказывания одного или нескольких вопросов, как предусмотрено ст. 85 и 441 УПК СРВ. Без этих доказательств дело не может быть разрешено объективно, всесторонне и в соответствии с законом. В перечень таких доказательств входят: наличие признаков преступления; время, место и другие сведения о правонарушении; субъект преступления; наличие ошибки; наличие уголовной ответственности; преступные намерения и мотивы; обстоятельства смягчающие или отягчающие уголовную ответственность; характер и размер ущерба, причиненного преступными действиями; причины и условия совершения преступления; другие обстоятельства, связанные с исключением, освобождением от уголовной ответственности и освобождением от наказания; роли каждого обвиняемого и подсудимого в соучастии и организованной преступности; гражданско-правовая ответственность каждого ответчика и условия уголовной ответственности коммерческого юридического лица [1, с. 98–99] и др.

Во-вторых, когда есть основания полагать, что обвиняемый совершил другие действия, которые УК СРВ квалифицирует как преступление. Соответственно, возможны два варианта:

1) прокурор привлекает обвиняемого к уголовной ответственности за одно или несколько преступлений, но доказательства в материалах дела показывают, что действия обвиняемого составляют одно или несколько других преступлений;

2) помимо преступных деяний, по которым прокурором возбуждено уголовное дело, доказательства показывают, что есть основания для привлечения к ответственности обвиняемого за одно или несколько других преступлений.

Однако есть несколько случаев, когда обвиняемые совершают другие действия, которые УК СРВ определяет как преступление, но суд не возвращает дополнительные материалы расследования, а именно:

– в случае если прокурор представит обвинительное заключение, содержащее одно или несколько преступлений, но доказательства показывают, что можно привлечь к ответственности обвиняемого за одно или несколько других преступлений, равных или меньших, тогда суд выносит приговор с меньшим количеством преступлений, чем предъявлены прокурором;

– было принято решение о разделении дела или есть основания для разделения дела, если будет установлено, что разделение дела не влияет на определение объективной и всеобъемлющей истины, и есть решение о приостановлении предварительного расследования (п. 2 ст. 242 УПК СРВ).

В-третьих, когда есть основания полагать, что другой соучастник или другое лицо совершает деяние, которое УК СРВ определяет, как преступление, связанное с данным делом, но при этом не возбуждает уголовное дело, преследует обвиняемого.

Как правило, возврат уголовного дела для дополнительного расследования является необходимым и востребованным процессуальным решением. Вопросы, которые необходимо дополнить, также указываются в решении о возврате уголовного дела, что помогает ВКС и следственному органу быстро добавить необходимые доказательства для разрешения всех вопросов [2, с. 155]. В то же время решения о возврате дополнительных материалов расследования поступают в ВКС и исследуются, передаются в следственный орган.

Таким образом, по итогам изучения вопросов взаимодействия следователя с прокурором и судом на этапе окончания предварительного расследования в уголовном судопроизводстве Социалистической Республики Вьетнам, можно сделать вывод о том, что суд не участвует в процессе расследования, а только возвращает дело для дополнительного расследования в прокуратуру на основе конкретных установленных законом обстоятельств.

Список литературы

1. Иванов, Д. А. К вопросу о признании юридических лиц, потерпевшими от преступлений (сравнительно-правовой анализ законодательства России и Вьетнама) / Д. А. Иванов, К. З. Во // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 1. – С. 97–102.

2. Иванов, Д. А. Актуальные вопросы ознакомления потерпевшего и его представителя с материалами уголовного дела (сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуальных законов России и Вьетнама) / Д. А. Иванов, К. З. Во // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 2. – С. 155–158.

Видишева А. Н.[1]*,*
курсант 511 учебного взвода 1 «М» курса
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Иванова Л. Н.,
начальник кафедры
экономики и бухгалтерского учета
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат экономических наук

КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Киберпреступники развивают и усиливают
свои атаки тревожными темпами, используя
страх и неопределенность, вызванные
нестабильной социально-экономической
ситуацией, созданной COVID-19.
Юрген Шток,
генеральный секретарь Интерпола [1]

21 век – век информационных технологий. Мир, постоянно модернизирующийся, никогда не стоит на месте. Появляется множество сервисов и модификаций, которые облегчают жизнь человечества, но вместе с этим повышается и рост киберпреступности. Особенно это сказывается в «тяжелые времена», с которыми мы столкнулись в 2019 г., когда власти Китая объявили о вспышке пневмонии, возбудителем которой стал новый тип коронавируса, получивший официальное название COVID-19.

Для того, чтобы предотвратить дальнейшего распространения COVID-19 власти регионов России начали вводить ограничения, которые сильно повлияли на большинство сфер жизнедеятельности человека – политическую, социальную, культурную и, конечно же, экономическую области [2].

Указом Президента Российской Федерации № 239 от 2 апреля 2020 г. [3] на территории России установлены нерабочие дни с 4 по 30 апреля 2020 г. Иными словами, органы государственной власти ввели так называемые «режимы самоизоляции», которые вынудили население оставаться в пределах своего дома, квартиры, чем не смогли не воспользоваться мошенники, специализирующиеся на преступлениях в сети Интернет.

В результате компьютерные системы и виртуальный мир стали необходимым средством общения. Например, большинство компаний предложили своим

[1] © Видишева А. Н., 2022.

сотрудникам работать из дома, студенты перешли на онлайн-обучение, увеличилось количество покупок через интернет, возросла активность в социальных сетях, что привело к значительному увеличению пользователей интернета.

Хотя уровень традиционной преступности снизился из-за введения комендантского часа, уровень киберпреступности значительно вырос с начала пандемии. Но киберпреступники используют пандемию COVID-19 в своих целях. Они усилили свои атаки и сосредоточились на кампаниях, связанных с COVID-19: продажа через интернет нелицензированных лекарств в качестве лекарства от этой болезни, распространение фальшивых новостей в социальных сетях и рассылка фишинговых писем жертвам. Их цель – обмануть жертвы, чтобы получить их деньги или украсть их конфиденциальную информацию (пароли, номера банковских карт, паспортные данные и т. д.).

С широким распространением цифровых технологий число пользователей интернета увеличилось для различных целей, включая социальные взаимодействия, бизнес и маркетинг, что привело к появлению новых преступлений, известных как киберпреступность. Ожидается, что ущерб от этих преступлений достигнет 10,5 трлн долл. к 2025 г. (сообщил РИА Новости руководитель российской секции Международной полицейской ассоциации Юрий Жданов). За 11 месяцев этого года было совершено почти 494 тыс. киберпреступлений. С каждым годом преступлений и ущерба от них становится все больше. За 2021 г. ущерб от киберпреступников во всем мире составил 6 трлн долл. [4].

Киберпреступность, также известная как компьютерная преступность, – это любая преступная деятельность, в которой компьютер используется в качестве инструмента, цели или средства для совершения дальнейших преступлений, входящих в сферу действия киберпреступности.

Для совершения киберпреступности, как и для традиционной преступности, необходимы три фактора одновременно. Этими факторами являются жертва, мотивация и возможность. Объектом атаки является жертва, например, пользователь социальных сетей. Иногда возникает группа жертв, например если атака совершается на группу сотрудников определенной компании. Мотивация, побуждающая преступника к совершению преступления, и возможность – это преступные подвиги для совершения преступлений. Теория рутинной деятельности использует аналогичные факторы для описания преступления. Разница заключается в отсутствии компетентного опекуна, четких законах и законах о киберпреступности и трудностях ареста преступников.

С течением времени и быстрым развитием технологий злоумышленник стал более опытным и изощренным в скоординированном выборе жертв, чтобы повысить вероятность успеха атаки. Поэтому есть термин, известный как оппортунистические атаки (оппортунистический подход).

Оппортунистические атаки можно предположить, поскольку атаки сосредоточены на выборе жертв на основе наиболее уязвимой жертвы. Другими словами, злоумышленники ищут пробелы или слабые места в системе компании, делая ее более уязвимой для атак. Более того, они ищут жертв, у которых есть слабые места, чтобы выдержать успешные кибератаки. Эта слабость может быть вызвана психологическим состоянием жертвы (например, страхом, тревогой, паникой), которое помогает нападающим добиться успе-

ха. Поэтому они используют социальную инженерию, чтобы иметь возможность заманить и обмануть жертву. Например, если сотрудники испытывают давление на работе, они становятся более тревожными и боязливыми. Поэтому, получая фишинговые электронные письма, выдавая себя за руководителя, они могут быть не в состоянии проверить подлинность писем, что приводит к появлению вредоносных ссылок и неправомерному использованию конфиденциальной информации.

Существуют и другие факторы, которыми злоумышленники пользуются для увеличения своей прибыли и успеха кампаний, в том числе используя текущие кризисы, важные общественные события, стихийные бедствия и эпидемии.

Киберпреступники любят использовать важные общественные события в качестве осуществления своих целей. Так, в 2021 г. была атакована «Прямая линия с Владимиром Путиным». Из-за мощных попыток атак страдало качество связи с гражданами, которые задавали свои вопросы [5]. Выборы также немаловажное событие для граждан, но вместе с этим считаются огромной опасностью, поскольку злоумышленники используют эти мероприятия со своей выгодой. Например, в сентябре 2021 г. в Москве была зафиксирована *DDOS*-атака на систему онлайн-выборов, с целью выведения ее из строя. Результатом атак стали задержки в работе сервиса по наблюдению за онлайн-голосованием, из-за чего данные стали выгружаться с опозданием [6].

Как видно, злоумышленники используют любой инцидент или эпидемию в своих интересах, чтобы сделать свои кампании успешными. Таким образом, неудивительно, что они использовали пандемию COVID-19 в качестве преимущества, используя страх людей перед инфекцией. Например, по статистике МВД России, за семь месяцев 2021 г. произошло почти 320 тыс. киберпреступлений. Это на 16 % больше, чем за тот же период в прошлом году. Около 127 тыс. преступлений совершены с использованием мобильной связи, 104 тыс. – с применением карт [7]. Для борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий с 2017 г. существует подразделение МВД России – Управление «К», одно из самых засекреченных подразделений МВД России.

Оценка Интерполом воздействия COVID-19 на киберпреступность показала значительный целевой сдвиг от частных лиц и малого бизнеса к крупным корпорациям, правительствам и критической инфраструктуре. Поскольку организации и предприятия быстро развертывают удаленные системы и сети для поддержки персонала, работающего из дома, преступники также используют повышенные уязвимости безопасности для кражи данных, получения прибыли и нарушения работы. За один четырехмесячный период (с января по апрель) один из партнеров Интерпола по частному сектору обнаружил около 907 тыс. спам-сообщений, 737 инцидентов, связанных с вредоносными программами, и 48 тыс. вредоносных *URL*-адресов, связанных с COVID-19. [8]

На основе анализа имеющихся статистических данных размера ущерба от киберпреступлений можно выделить следующие превентивные меры и пути предотвращения этих преступлений:

- Использование надежных паролей.

Необходимо использовать разные комбинации идентификатора пользователя и пароля для разных учетных записей и не записывать их. Усложнять паро-

ли, сочетая специальные символы, буквы и цифры (не менее 10 символов), и регулярно менять их.

➢ Защитить свой компьютер.

– Активировать брандмауэр. Брандмауэры – это первая линия киберзащиты; они блокируют соединения с неизвестными или фиктивными сайтами и не допускают проникновения некоторых типов вирусов и хакеров.

– Использовать антивирусное и антишпионское программные обеспечения для предотвращения заражение компьютера вирусами, установите и регулярно их обновляйте.

➢ Быть осторожным в социальных сетях.

Убедитесь, что ваши профили в социальных сетях (например, *Facebook, Youtube, Вконтакте, Instagram* и т. д.) настроены на приватный режим. Проверьте настройки безопасности. Будьте осторожны с информацией, которую вы размещаете в интернете. Попав в интернет, она остается там навсегда.

➢ Защитить свои мобильные устройства.

– Мобильные устройства уязвимы для вирусов и хакеров, загружайте приложения из надежных официальных источников.

– Устанавливать последние обновления операционной системы.

Поддерживать свои приложения и операционную систему (например, *Windows, Mac, Linux*) в актуальном состоянии с помощью последних обновлений системы. Включите автоматическое обновление, чтобы предотвратить возможные атаки на старое программное обеспечение.

➢ Защитить свои данные.

Использовать шифрование для самых конфиденциальных файлов: паспортные данные или финансовые документы, регулярно делать резервные копии всех важных данных и хранить их в другом месте.

➢ Защитить беспроводную сеть.

Домашние сети *Wi-Fi* (беспроводные) уязвимы для вторжения, если они не защищены должным образом. Надо изучить и изменить настройки по умолчанию. Общественные сети *Wi-Fi*, также известные как «горячие точки», особенно уязвимы. Избегать проведения финансовых или корпоративных операций в таких сетях.

➢ Защитить свою электронную личность.

Надо быть осторожным при предоставлении личной информации: имя, адрес, номер телефона или финансовая информация в интернете и убедиться, что веб-сайты безопасны (например, при совершении онлайн-покупок) или что включены настройки конфиденциальности (например, при посещении/использовании сайтов социальных сетей).

➢ Избегать мошенничества.

Всегда думайте, прежде чем нажать на ссылку или файл неизвестного происхождения. Получая электронные письма, проверять источник сообщения, не отвечайте на электронные письма, в которых вас просят проверить информацию или подтвердить ваш идентификатор пользователя или пароль.

Опасности киберпреступности не являются чем-то новым, но огромное количество юных, неподготовленных людей, которые сейчас делают свои первые шаги в цифровом мире, сделали угрозу еще более важной. Широко рас-

пространенное чувство тревоги, страха и изоляции, вызванное самой пандемией, а также её контрмерами, такими как карантин и изоляция, предоставили гораздо больше возможностей киберпреступникам воспользоваться этими обстоятельствами.

Таким образом, это был открытый сезон для сообщества киберпреступников, получающего доступ к бесчисленным объемам данных. Киберпреступность существует в мире постоянных изменений. Это мир, где профессионалы в области кибербезопасности должны быть готовы ко всему.

Список литературы

1. Отчет Интерпола показывает тревожный уровень кибератак во время COVID-19 // Сайт Интерпола. – URL: https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-report-shows-alarming-rate-of-cyberattacks-during-COVID-19 (дата обращения: 20.02.2022).

2. Касторский, Г. Л. Киберпреступность в период пандемии коронавируса COVID-19 / Г. Л. Касторский, А. Г. Форкош // Молодой ученый. – 2020. – № 52 (342). – С. 196–198.

3. Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.02.2022).

4. Юрий Жданов: к 2025 году ущерб от киберпреступников будет достигать более 10 триллиона долларов ежегодно // SM-News. – URL:https://mos.sm.news/yurij-zhdanov-k-2025-godu-ushherb-ot-kiberprestupnikov-budet-dostigat-bolee-10-trilliona-dollarov-ezhegodno-71375-u3t5/ (дата обращения: 20.02.2022).

5. Хакеры атаковали «Прямую линию с Владимиром Путиным» // Российская газета. – URL: https://rg.ru/2021/06/30/hakery-atakovali-priamuiu-liniiu-s-vladimirom-putinym.html (дата обращения: 20.02.2022).

6. В Москве зафиксирована DDOS-атака на систему онлайн-выборов // Российская газета. – URL: https://rg.ru/2021/09/17/v-moskve-zafiksirovana-ddos-ataka-na-sistemu-onlajn-vyborov.html (дата обращения: 20.02.2022).

7. МВД зафиксировало снижение темпов роста количества киберпреступлений // Новости. – URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/256719873 (дата обращения: 20.02.2022).

8. Отчет Интерпола показывает тревожный уровень кибератак во время COVID-19 // Сайт Интерпола. – URL: https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-report-shows-alarming-rate-of-cyberattacks-during-COVID-19 (дата обращения: 20.02.2022).

9. Пузырева, Ю. В. Международное полицейское сотрудничество по вопросам раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий / Ю. В. Пузырева, А. И. Мысина. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 92 с.

Далакян Г. А.[1],
студент 4 курса
юридического факультета
имени М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации

К ВОПРОСУ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ ГОСУДАРСТВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В настоящее время незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ остается достаточно острой проблемой на международном уровне. Важную роль в этой области играет Управление ООН по наркотикам и преступности, основанная в 1997 г., в том числе и Шанхайская организация сотрудничества, а также ряд других международных организаций, в компетенцию которого входит борьба с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Статистика по такому виду преступления представлена следующим образом: по данным Европейского центра мониторинга наркотических средств в Европейском Союзе за последние годы выявлено более 1 млн нарушений в этой области, а также государствами – членами Европейского Союза были предоставлены данные об изъятиях новых психоактивных веществ в объеме две тонне. Следовательно, указанная проблема, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, достаточно актуальна в мировом сообществе.

Сегодня ведущим международным органом по противодействию незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является Управление ООН по наркотикам и преступности (далее – УПН ООН). Указанный орган на протяжении многих лет оказывает содействие правоохранительным структурам в пресечении незаконного оборота наркотиков на основе сотрудничества с Интерполом и Всемирной таможенной организацией, обмениваясь информацией о мировых тенденциях незаконного оборота наркотических средств.

На международном уровне борьба с таким видом преступления имеет особое значение также для Шанхайской организации сотрудничества. Генеральный секретарь указанной организации неоднократно заявлял, что общая нормативная правовая база и активное сотрудничество между государствами-участниками позволяет охватить многие вопросы антинаркотической политики. Более того, заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации О. В. Сыромолотов на одном из мероприятий по сотрудничеству УПН ООН – ШОС в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств отметил, что одним из приоритетных направлений в рамках деятельности ШОС является способность противостоять новым угрозам в данной сфере. Заместитель Министра неоднократно обращал внимание на проблему легализации доходов, которые

[1] © Далакян Г. А., 2022.

получены преступным путем, а именно посредством незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Для эффективного решения такой проблемы международного характера необходимы совместные действия правоохранительных органов, направленные на выявление и блокирование денежных потоков, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

В соответствии с Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 г. под преступными действиями признается: изготовление; приготовление; хранение; покупка; продажа и другие незаконные действия, которые установлены Конвенцией [1]. Конвенцией предусмотрены конкретные меры по борьбе с преступлениями указанной сферы. В частности, наибольшее внимание отведено к тесному сотрудничеству государств, в том числе с компетентными международными организациями для более эффективной борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. Более того, в соответствии с Конвенцией Международный комитет по контролю над наркотиками рассматривает статистические данные для того, чтобы установить, насколько качественно выполняют свои обязательства государства или соответствующие органы по противодействию такому преступлению международного характера.

Вопросы незаконного оборота психотропных веществ на международном уровне регулируются Единой конвенцией о психотропных веществах 1971 г. В Конвенции закреплены положения, которые касаются, в частности, запрета и ограничения экспорта или импорта таких веществ; предостерегающих надписей на упаковках, содержащих психотропные вещества; меры, направленные против злоупотребления психотропными веществами. Например, одна из таких мер подготовка специалистов для лечения, восстановления трудоспособности лиц, злоупотребляющих психотропными веществами, а также для наблюдения за ними после окончания ими лечения. В Конвенции установлены также меры, которые направлены на противодействие незаконного оборота таких веществ. В частности, наибольшее внимание уделяется вопросам сотрудничества государств для выявления и пресечения такого преступления, имеющего международный характер.

В качестве универсального международно-правового акта необходимо указать Конвенцию Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. [2]. Указанная конвенция обязывает государств-участников активно сотрудничать с целью эффективного решения определенных проблем незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, имеющего международный характер. Необходимо подчеркнуть, что в Конвенции содержатся нормы, которые представляют наибольшую важность при сотрудничестве государств в этой области. Например, в ст. 10 Конвенции закреплена норма, устанавливающая вопросы международного сотрудничества. В частности, речь идет о финансовой помощи определенным государствам транзита для расширения и укрепления инфраструктуры, необходимой для эффективного пресечения и предотвращения незаконного оборота наркотических средств и

психотропных веществ. Кроме того, в Венской конвенции 1988 г. установлена норма, касающаяся незаконному обороту на море.

Следует отметить, что согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. государствам необходимо сотрудничать в пресечении незаконной торговли наркотическими средствами и психотропными веществами, осуществляемой судами в открытом море в нарушение международных конвенций. Одно из ярких примеров эффективного международного сотрудничества в этой области совместная военно-морская операция государств Северной и Южной Америки. В ходе операции были задержаны 38 судов, две подводные лодки и четыре воздушных судна, а также ликвидированы 72 лаборатории. Более того, изъято большое количество различных видов наркотических средств. В качестве ещё одного примера можно отметить взаимодействие МВД России с правоохранительными органами Королевства Испания и Управлением по борьбе с наркотиками США, посредством которого была пресечена незаконная деятельность лиц, осуществляющих контрабанду более 8,7 т наркотических средств на судне, задержанном в порту г. Прая Республики Кабо-Верде. Кроме того, была установлена причастность к поставке наркотических средств граждан России, государств Евросоюза, Турции, Латинской Америки и Африки [3, с. 9].

Решением проблемы масштабного оборота наркотических средств и психотропных веществ активно занимается Интерпол. Деятельность Интерпола в данной сфере связана с выявлением маршрутов передвижения наркотических средств к потребителям, в том числе установление лиц, задействованных в транспортировке, хранении и продаже наркотических веществ. Так, в 2021 г. сотрудники Национального центрального бюро Интерпола МВД России задержали гражданина Литвы, находящегося в международном розыске за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в особо крупном размере на территории Литовской Республики. Подобных оперативно-разыскных мероприятий по выявлению и пресечению противоправных действий достаточное количество. Необходимо подчеркнуть, что Интерпол уделяет особое внимание незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, так как на сегодняшний день такой вид преступления вызывает угрозу национальной безопасности большинства государств.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время сотрудничество государств в данной области показывает достаточно эффективный результат, следовательно, возникает необходимость развивать такое взаимодействие между правоохранительными структурами различных государств для более оперативного пресечения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Кроме того, решение указанной проблемы возможно путем активного сотрудничества на международном уровне.

Список литературы

1. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20.12.1988) // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/10103917/ (дата обращения: 26.02.2022).

2. Единая Конвенция о наркотических средствах (Нью-Йорк, 30.03.1961) // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/2540957/ (дата обращения: 25.02.2022).

3. Колокольцев, В. А. Наша стратегическая задача – подрыв экономических основ наркопреступности / В. А. Колокольцев // Финансовая безопасность. – URL: https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2020/28.pdf (дата обращения: 26.02.2022).

Дятлова А. В.[1]***,***
аспирант 1 курса
юридического факультета
имени М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОЙ ТОРГОВЛЕ ОБЪЕКТАМИ ДИКОЙ ПРИРОДЫ

Достижение установленных Генеральной ассамблей ООН «Целей в области устойчивого развития» как «плана для лучшего и более устойчивого будущего для всех» представляется невозможным при отсутствии осуществления на постоянной основе сотрудничества и взаимодействия всех заинтересованных сторон международного сообщества.

В последнее время в качестве одной из серьезных угроз для благополучия как человечества, так и планеты в целом, исследователи выделяют проблему климатических изменений, загрязнения окружающей среды, истощение природных ресурсов и уничтожение биоразнообразия Земли. В рамках «Цели 15 в области устойчивого развития» установлена задача принять меры для того, «положить конец» браконьерству и контрабанде охраняемых видов объектов дикой природы, а также решить проблемы, касающиеся как спроса на незаконные продукты живой природы, так и их предложения.

Представители охраняемых видов дикой флоры и фауны служат в качестве «экзотических домашних питомцев», материалов для создания «предметов роскоши» и «средств народной медицины», что в будущем создает угрозу их полного уничтожения. При этом, утрата биоразнообразия не является единственной негативной стороной данных преступлений. Незаконной оборот дикой природы также угрожает жизни и здоровью большого количества людей. Так, согласно Докладу о Целях в области устойчивого развития за 2020 г., распространение ряда инфекционных заболеваний, включая птичий грипп и вирус Эбола, произошли из-за контактов людей с зараженными дикими животными, совершаемыми, как правило, в ходе их незаконной добычи, перевозки и сбыта [3, с. 54].

Средства, полученные от данной незаконной деятельности, выступают в качестве одного из источников финансирования для транснациональных преступных группировок, связанных, в том числе, с торговлей наркотиками, и терроризмом. При этом, деятельность по незаконной торговле объектами дикой природы была бы невозможна без сопряженных с ней экономических преступлений. Так, согласно исследованию Управления ООН по наркотикам и преступлениям за 2020 г., транснациональная перевозка и последующих сбыт охраняе-

[1] © Дятлова А. В., 2022.

мых объектов дикой флоры и фауны, осуществляется преступными группировками с помощью реализации мошеннических и коррупционных схем [4, с. 19].

Основу международно-правового регулирования в сфере противодействия незаконной торговле объектами дикой природы составляют Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности.

Целью Конвенции СИТЕС является установление основ регулирования международной торговли образцами видов дикой природы, в частности их экспорт, реэкспорт и импорт. Приложение к Конвенции устанавливает перечень охраняемых видов флоры и фауны, разделенных на три группы в зависимости от режимов регулирования.

Конвенция ООН против транснациональной преступности устанавливает основы для международного сотрудничества и кооперации в области противодействия организованной преступности, если подготовка, совершение и существенные последствия от преступного деяния имеют место более чем в одном государстве.

В рамках системы Организации Объединенных Наций меры по противодействию незаконному обороту объектов дикой природы осуществляются посредством сотрудничества Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП), секретариата СИТЕС, Программы развития Организации Объединенных Наций, Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, Всемирной таможенной организацией и Международной организацией уголовной полиции (Интерпол) как в формате двухстороннего партнерства, так и в рамках образованного в 2010 г. Международного консорциума по борьбе с преступлениями в сфере дикой природы.

В процессе международного сотрудничества сторонами реализуются следующие направления деятельности:

– содействие в координации правоприменительных мер и совершенствовании внутригосударственного законодательства;

– обмен информационными материалами о преступлениях против дикой природы, и лицах, их совершающих;

– обеспечение поддержки сотрудничества национальных правоохранительных ведомств;

– содействие обучению и подготовке сотрудников таможни, прокуратуры, следственных и судебных органов, осуществляющих борьбу с незаконной торговлей объектами дикой природы;

– проведение криминологических исследований в отношении противодействия незаконной торговле объектами дикой природы;

– обеспечение доступности информации о преступления против дикой природы для общественности.

С 2017 г. Интерпол совместно со Всемирной таможенной организацией проводит серию операций «Гром», направленных на изобличение преступных группировок, осуществляющих незаконную торговлю объектами дикой природы и древесными породами.

В 2021 г. в рамках проведения операции были задействованы сотрудники полиции, таможенных служб, специалистов по экономическим преступлениям и сотрудники природоохранных ведомств 118 стран.

В ходе операции были идентифицированы и арестованы более 300 подозреваемых. Среди конфискованных предметов большое количество образцов объектов дикой природы, включая 1.5 млн растений, 478 кг слоновой кости и более 1 тыс. животных. [9]

Следует также отметить, что одним из существенных вызовов современной эпохи стал переход незаконной торговли дикими животными в киберпространство.

В целях противодействию данному явлению международное сообщество принимает следующие меры по борьбе с киберпреступностью, связанной с незаконной торговлей дикими животными:

– совершенствование законодательной и организационной основы противодействия незаконной торговле объектами дикой природы в сети Интернет;

– проведение мониторинга незаконной торговли, совершенной с использованием сети Интернет, а также предоставление данной информации в рамках международного сотрудничества по противодействию преступности;

– осуществление профессиональной подготовки специалистов в сфере противодействия киберпреступности;

– обеспечение взаимодействия с интернет-платформами по вопросу внедрения мер, направленных на воспрепятствование совершению незаконных действий.

В 2021 г. Интерпол выпустил Руководство для правоохранительных органов по противодействию незаконной торговле дикими животными в интернете, цель которого – повышение осведомлённости о методах расследования данных преступлений.

В заключении следует отметить, что международное сотрудничество является ключевым элементом борьбы против незаконной транснациональной торговли объектами дикой природы. С учетом повышения сложности в противодействии данным преступлениям в связи с их «переходом» в киберпространство, представляется необходимым усилить работу по созданию международной правовой базы для сотрудничества в данной сфере.

Список литературы

1. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой уничтожения (Вашингтон, 03.03.1973) // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/2560936/ (дата обращения: 20.02.2022).

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Палермо, 12.12.2000) // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/2561303/ (дата обращения: 20.02.2022).

3. Доклад ООН о целях в области устойчивого развития, 2020 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment (дата обращения: 20.02.2022).

4. Доклад Управления ООН по наркотикам и преступности «О транснациональной торговле объектами дикой природы» за 2020 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/wildlife.html (дата обращения: 20.02.2022).

5. Доклад Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации и Международного фонда защиты животных «Разрушение криминальных сетей: Киберпреступность в сфере торговли дикими животными» 2018 г. // Сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. – URL: https://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/1a5/IFAW_Rus_confirm_file_14_05_18_timetable.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

6. Кукушкина, А. В. Борьба с преступностью и охрана дикой фауны и флоры от незаконного оборота / А. В. Кукушкина // Вестник МГИМО. – 2011. – № 4. – С. 233–239.

7. Эриашвили, Н. Д. Интерпол как ключевая международная организация в области противодействия экологическим преступлениям и изобличения лиц их совершивших / Н. Д. Эриашвили, Ю. А. Иванова, К. Е. Шохов // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 3. – С. 67–75.

8. Якимова, Е. М. Международное сотрудничество в борьбе с экологическими преступлениями / Е. М. Якимова, В. В. Чуксина, Г. Н. Комкова, С. Э. Несмеянова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – № 2. – С. 288–298.

9. Global arrests and seizures: INTERPOL-WCO operation strikes wildlife and timber trafficking networks // Сайт Интерпола. – URL: https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2021/Global-arrests-and-seizures-INTERPOL-WCO-operation-strikes-wildlife-and-timber-trafficking-networks (дата обращения: 20.02.2022).

Жоков Д. В.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
магистр юриспруденции

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ВОВЛЕЧЕНЫХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Со вступлением в 1996 г. Российской Федерации в Совет Европы, наша страна активно включилась в процесс международной гармонизации правовой системы. Результатом процесса гармонизации стало приведение отечественного законодательства, в том числе законодательство о лицах, не достигших совершеннолетнего возраста, не только в соответствие с Конституцией Российской Федерации, но и с профильными международно-правовыми актами, ратифицированными нашей страной (ст. 15). Конституционные основы Российской Федерации возлагают на нашу страну ряд обязательств, в том числе и обязанность добросовестно выполнять международные нормы и принятые стандарты, ратифицированные Российской Федерацией, и обеспечивать их внедрение в национальное законодательство и правоприменение. Поэтому российские органы судебной власти могут применять нормы международного права, по целому ряду оснований, в том числе и касающиеся вовлечения лиц, не достигших совершеннолетия в преступное и/или антиобщественное поведение.

Международные правовые стандарты понимаются как нормы и международные правовые обязательства, определяющие международно-признанные принципы соблюдения прав человека. В этой связи, данные обязательства государства предоставить своим гражданам определенные и одобряемые международным сообществом права и свободы и обеспечить их путем предоставления определенных правовых гарантий. Отметим, что стандарты содержат перечень общепризнанных норм, прав и свобод, определяют сферу их применения и минимальные уровни, к которым эти права применимы [9, с. 18].

Среди исследуемых международно-правовых норм и актов, которые служат основой для общепризнанных принципов и стандартов международного права, наиболее важными являются принятая в 1948 г. Всеобщая декларация прав человека, международные пакты «О гражданских и политических правах» и пакт «О экономических, социальных и культурных правах» 1966 г. К вопросам защиты прав и свобод человека относится Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод» 1950 г. Они установили стандарт основных прав и свобод человека, в том числе и несовершеннолетних.

Как видно, международное право устанавливает определенные стандарты для защиты несовершеннолетних от преступной эксплуатации. Большинство из

© Жоков Д. В., 2022.

международных норм были признаны и были включены в отечественное законодательство. Отметим, что Российская Федерация, являясь правовым государством, выступает за обязательное соблюдение договоров и обычных норм, тем самым подтверждая свою абсолютную приверженность основополагающим принципам признаваемого международного права, а именно принципу, который выступает базовым – добросовестное исполнение международных обязательств. В связи с этим принципом разрабатываются правоохранительные и судебные меры, связанные с применением положений норм международного права на уровне Российской Федерации [5, с. 84].

Самым важным шагом, предпринятым Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций (далее по тексту – ООН), для защиты прав лиц, не достигших совершеннолетия, стало создание в 1946 г. Детского фонда ООН (далее по тексту – ЮНИСЕФ).

В 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека, которая вместе с положениями Международной конвенции 1966 г. признала право детей на особую защиту.

Первым документом ООН, в котором рассматривались права детей и лиц, не достигших совершеннолетия, была Декларация о правах ребенка, принятая органом Генеральной Ассамблеей 20 ноября 1959 г. [3]. В нем изложены десять ведущих принципов, которыми должны руководствоваться все, кто несет ответственность за реализацию прав ребенка, стремясь обеспечить лицам, не достигшим совершеннолетия «счастливое детство». В Декларации говорится, что «долг человечества – дать лучшее детям» и обеспечить, чтобы дети могли пользоваться всеми своими законными правами и охраняемыми законом свободами на благо себе и обществу.

Необходимо отметить, что международные правовые нормы устанавливают основные, ведущие принципы защиты прав лиц, не достигших совершеннолетия. Второй принцип рассматриваемой Декларации прав лиц, не достигших возраста совершеннолетия гласит, что детям должны быть гарантированы особая защита, а также возможности и необходимые и благоприятные условия для обеспечения здорового и нормального физического, умственного, духовного и социального развития в условиях полной свободы и достоинства. При разработке нормативной правовой базы первоочередное внимание должно уделяться наилучшему обеспечению интересов ребенка, в частности защите детей от преступных посягательств, которые могут нарушить их физическое, психологическое, моральное и духовное развитие.

«Активное участие Российской Федерации в разработке и ратификации различных международно-правовых актов, в том числе Конвенции о правах ребенка, подтверждает трепетное и в равной степени тщательное отношение государства к институту ребенка» [13, с. 30].

Конвенция Организации Объединенных Наций, касаемо прав ребенка, принятая 20 ноября 1989 г. и ратифицированная Российской Федерацией в 1990 г. [8], является международным правовым актом, в котором закреплены права лиц, не достигших совершеннолетия в области образования, культуры, досуга и отдыха, а также других услуг, предоставляемых детям государствами-членами ООН. Необходимо отметить, что данная Конвенция выступает первым право-

вым актом международного уровня, рассматривающим права лиц, не достигших возраста совершеннолетия на уровне международного права. Конвенция содержит 54 статьи, подробно описывающие индивидуальные охраняемые права лиц, не достигших совершеннолетия от рождения до 18 лет на полное развитие их потенциала в среде, свободной от голода, эксплуатации, жестокого обращения и эксплуатации в целом.

Статья 19 Конвенции посвящена вопросам защиты чести и достоинства ребенка требует от государств, ратифицировавших конвенциальные условия, уделять особое внимание законным правам и законным интересам лиц, не достигших совершеннолетия, которые попадают в систему уголовного правосудия в связи с их участием в преступлении. Данный правой аспект важен в связи с опасной тенденцией, когда лица, не достигшие совершеннолетия, становятся соучастниками и исполнителями пресекаемых преступлений, в которых участвуют взрослые.

Отметим, что преступность среди лиц, не достигших совершеннолетия – серьезная проблема, с которой сталкиваются все страны и пытаются ее решить. Целью профилактирования и пресечения этих преступлений является не только соблюдение правопорядка, но и задачи нравственного развития лиц, не достигших возраста совершеннолетия.

Текущая ситуация с преступностью среди лиц, не достигших совершеннолетия, в Российской Федерации динамична, и вызывает обоснованную озабоченность. Некоторые статистические данные (Генеральная прокуратура Российской Федерации, ГИАЦ МВД России, Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации и т. д.) показывают, что процент преступлений, совершаемых с привлечением лиц, не достигших совершеннолетия все еще достаточно высок.

Таблица 1

Данные предварительно расследованных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии (2010–2021 гг.) [6]

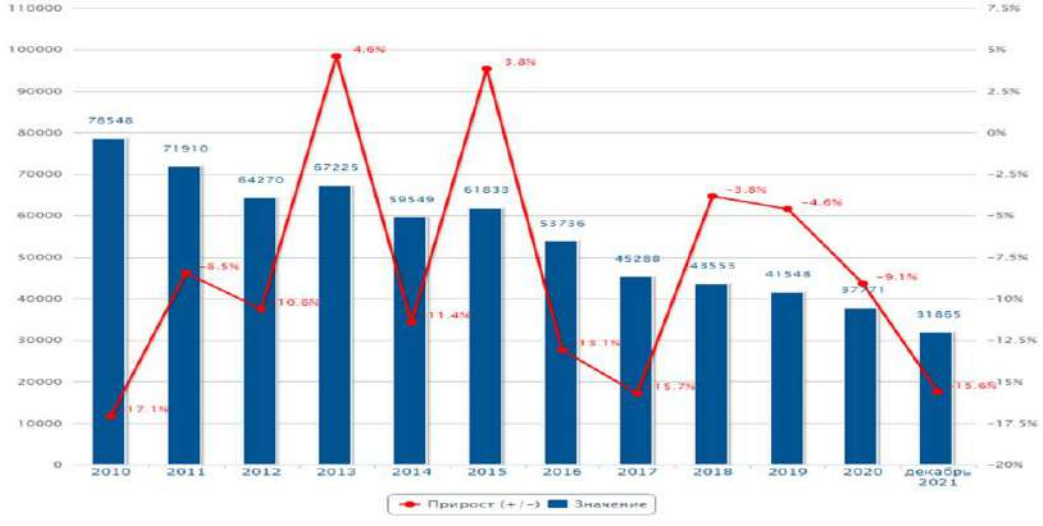

Таблица 2

Статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии 2017–2021 гг. [7]

Данные Главного информационно-аналитического центра МВД России		
Год	**Количественное соотношение**	**Процентное соотношение**
2017	каждое 25 преступление	(4,1 %)
2018	каждое 25 преступление	(4,0 %)
2019	каждое 25 преступление	(3,9 %)
2020	каждое 27 преступление	(3,7 %)
2021	каждое 32 преступление	(3,1 %)

Таблица 3

Статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации 2016–2020 гг. (ст. 150–157 УК РФ) [10]

Данные Судебного Департамента при Верховном Суде РФ						
Год	**Статьи УК РФ**	**Чел.**	**Статья УК РФ**	**Чел.**	**Статья УК РФ**	**Чел.**
2016	150–157	36 447	150	443	151	180
2017	150–157	42 518	150	418	151	178
2018	150–157	47 824	150	365	151	169
2019	150–157	48 719	150	333	151	176
2020	150–157	39 293	150	266	151	143

Государства-участники, осуществляя международное сотрудничество в борьбе с преступностью, направленной против несовершеннолетних, в том числе вовлечения подростов в криминальную деятельность, обязуются на основании концептуальных положений ратифицированной Конвенции 1989 г. – «предоставлять детям защиту и заботу, необходимые для обеспечения требующегося им благополучия, с учетом прав и закрепленных в смежных правовых нормах, обязанностей их родителей, а также приравненных к ним лиц – опекунов и т. д.» (ст. 3). Согласно ст. 16 Конвенции, никто не должен произвольно или незаконно вмешиваться в право лиц, не достигших совершеннолетия, на частную жизнь, семью, жилище и т. д. это незаконные посягательства на честь и репутацию, которые чаще всего тотально нарушаются при вовлечении лиц, не достигших совершеннолетия в преступную или антиобщественную, пресекаемую деятельность (ст. 150–151 УК РФ) [14].

Сложившаяся ситуация еще раз подтверждает важность и актуальность предотвращения вовлечения лиц, не достигших совершеннолетия в воору-

женные конфликты и необходимость обеспечения международного сотрудничества в этой области. Например, на Украине во время АТО (Антитеррористической операции) в 2015 г. погиб 21 несовершеннолетний, непосредственно участвовавший в боевых действиях [12]. Этот вопрос требует изучения и комплексного подхода со стороны всех заинтересованных стран, принятия всех необходимых правовых мер в национальном законодательстве каждой страны и в международном праве для криминализации тех, кто вовлекает лиц, не достигших совершеннолетия в преследуемую законом деятельность военизированных или вооруженных групп. Требуется усиление уголовной ответственности виновных лиц, за вовлечение лиц, не достигших совершеннолетия в преступную деятельность.

Конвенция подтверждает приоритет наилучших интересов детей и устанавливает такие важные права, как право на достойный уровень жизни, необходимый для физического, умственного, нравственного и социального всестороннего развития лиц, не достигших совершеннолетия, а также право на образование, отдых и досуг (ст. 28–31).

Конвенция обязывает государства защищать права лиц, не достигших совершеннолетия от жестокого обращения, злоупотребления наркотиками, похищения и торговли людьми (ст. 32–36).

Согласно ст. 34 государства – участники обязаны защищать лиц, не достигших совершеннолетия от всех форм сексуального насилия и эксплуатации. Для этого на различных уровнях (национальном, двустороннем и многостороннем) должны быть приняты соответствующие меры для предотвращения:

– подстрекательство или принуждение лиц, не достигших совершеннолетия к сексуальным действиям;

– эксплуатация лиц, не достигших совершеннолетия в целях проституции или других незаконных сексуальных действий;

– эксплуатация лиц, не достигших совершеннолетия в порнографии или приравненных к ним материалах.

В соответствии с этими нормами 24 июня 1999 г. в России был принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и издан Указ Президента РФ «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» (утративший силу документ); Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства», т. е. те законодательные акты, в которых были имплементированы эти нормы.

Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей от 30 сентября 1990 г. [2] обратила внимание международного сообщества на угрозы всестороннему развитию подросткового поколения.

Каждый день множество детей во всем мире сталкиваются с различными угрозами, препятствующими их росту и развитию и страдающими от этого: жертвы войны и насилия, жертвы расовой дискриминации, беженцы и перемещенные дети, вынужденные покинуть свои дома. Одна из таких опасностей – преступность, в которую несовершеннолетние вовлекаются взрослыми. Декларация призывает обеспечивать защиту подрастающего поколения, в том числе и от преступных деяний, а также обязывает уделять внимание правам детей, их

выживанию, защите и развитию, что является одной из первостепенных задач в плане международного сотрудничества, в борьбе с данной преступностью.

Отметим, что в Руководящих принципах ООН по предупреждению преступности среди лиц, не достигших совершеннолетия от 14 декабря 1990 г. (Эр-Риядские руководящие принципы) [11] подчеркивается, что участие в законной и общественно полезной деятельности и развитие гуманистического взгляда на общество и жизнь могут обучить молодых людей принципам отграничения и предупреждения преступности (п. 1). Поэтому правительствам следует принять специальные законы и процедуры для содействия осуществлению и защиты прав и благополучия всех лиц, не достигших совершеннолетия. Эксплуатация лиц, не достигших совершеннолетия и использование детей в качестве орудия преступления должны быть запрещены с помощью законодательства и правоприменения (п. 53).

В соответствии с п. 24 Венской декларации о преступности и правосудии, все государства – члены ООН признают, что лица, не достигшие совершеннолетия, живущие в трудных условиях, подвержены риску стать преступниками или уязвимы для вербовки преступными группами, в том числе связанными с транснациональной организованной преступностью [1], и поэтому обязуются принимать необходимые контрмеры для предотвращения этого растущего явления.

Успешная борьба с этими преступлениями требует координации и совместных усилий и, в частности, международного сотрудничества (т. е. расширения обмена информацией, опытом и актуальными знаниями о проектах и практике борьбы с преступностью против несовершеннолетних лиц, на национальном, региональном и международном уровнях).

Анализ международных норм и стандартов позволяет сделать следующие выводы: защита несовершеннолетних от преступной деятельности основывается на международных принципах, содержащихся в Декларации прав ребенка (1959) и Конвенции о правах ребенка (1989), которые определяют общие принципы государственной политики и международного сотрудничества по защите несовершеннолетних, одним из которых является защита несовершеннолетних в рамках уголовного права:

а) лицам, не достигшим совершеннолетия должны быть гарантированы особая защита и необходимые благоприятные условия для их свободного и достойного развития;

б) общество и государство особенно обязаны заботиться о тех детях, у которых нет семьи и нет соответствующих условий, достаточных средств к существованию;

в) государство уделяет особое, самое пристальное внимание, законным правам и законным интересам лиц, не достигших совершеннолетия, в отношении которых ведется уголовное преследование за участие в преступлении и/или антиобщественное поведение;

г) воздерживаться от произвольного или незаконного вмешательства в право ребенка на частную и семейную жизнь и от незаконного нанесения ущерба его чести и репутации.

Список литературы

1. Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века : принята на Десятом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, 10.04.2000–17.04.2000) // Официальный сайт ООН. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/vendec.shtml (дата обращения: 05.05.2015).

2. Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей : принята на Всемирной встрече на высшем уровне в интересах детей (Нью-Йорк, 30.09.1990) // Дипломатический вестник. – 1992. – № 6.

3. Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 20.11.1959 № 1386 (XIV) «Декларация прав ребенка» // Официальный сайт ООН. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml (дата обращения: 01.02.2015).

4. Конституция Российской Федерации. – М. : Эксмо, 2022. – 32 с.

5. Босхолов, С. С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты / С. С. Босхолов. – 2-е изд., перераб. – М., 2008. – 88 с.

6. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: http://www.crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 25.02.2022).

7. Данные ГИАЦ МВД России за период с 2016 по 2020 г. // МВД России. – URL: https://мвд.рф/reports/2/ (дата обращения: 07.02.2022).

8. Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. – М. : Юридическая литература, 1990. – С. 388–409.

9. Оганесян, С. М. Понятие международных стандартов прав человека / С. М. Оганесян // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 2 (41). – С. 18–21.

10. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&archive=full&pg=0 (дата обращения: 02.02.2022).

11. Официальный сайт ООН. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml (дата обращения: 05.05.2015).

12. Официальной сайт ООО «Медиа группа «Объектив». – URL: https://www.objectiv.tv/objectively/2020/01/16/v-ukraine-vvedut-ugolovnuyu-otvetstvennost-za-vovlechenie-detej-v-nezakonnye-voenizirovannye-formirovaniya/ (дата обращения: 20.02.2022).

13. Семочкина, А. А. Уголовно-правовая защита несовершеннолетних от преступлений, связанных с доведением до самоубийства / А. А. Семочкина, Д. М. Крашенинников // Защити меня. – 2018. – № 1. – С. 30–33.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ: по сост. на 10.02.2022 г. – М. : Проспект, 2022. – 384 с.

Илюхин С. В.[1]***,***
курсант 583-го учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сайфуллина И. П.,
старший преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ (ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ) НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ НА МОРЕ

Ни для кого не секрет, что на сегодняшний день не все страны имеют равное положение на международной арене. Экономическое превосходство одних или же более спокойная политическая ситуация приводят к тому, что население других государств, в которых дела обстоят иначе, ищет более комфортные условия для жизни. С этой целью люди стараются мигрировать в более привлекательные страны, не всегда заботясь о легальности своих перемещений. Наряду с прочими путями миграции, особенно выделяется возможность осуществить свой путь за «лучшей жизнью» по морю. Данная тенденция обладает рядом особенностей ввиду ее отдельных черт.

Помимо нарушения законодательства путем нелегального пересечения границ своей родной страны мигранты идут на иной риск: они доверяются судовладельцам, которые за определенную плату готовы доставить их в нужную точку мира. Стремясь извлечь выгоду из сложившейся ситуации, капитаны и их команды стали объединяться, образовывая тем самым целые корпорации, предлагающие необходимую транспортировку. Из-за стремления к извлечению выгоды таких морских союзов, нередки случаи, когда не предназначенные для перевозки людей суда из-за нарушения всех технических норм по допустимой загруженности терпят крушения, что приводит к смерти находившихся на борту людей.

Также, нельзя забывать, что незаконная миграция приводит к ухудшению криминогенной обстановки в принимающей стране. Поддерживая связь между новым местом жительства и родным государством, нелегалы ввозят в страну пребывания, изъятые там из гражданского оборота или ограничен-

[1] © Илюхин С. В., 2022.

ные в обороте товары, порождая тем самым транснациональную организованную преступность.

С целью предупреждения и пресечения подобных случаев резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г. № 55/25 была принята Конвенция Организации Объединенных наций против транснациональной организованной преступности. Данный документ дает возможность правительствам и силовым структурам разных стран взаимодействовать в борьбе с лицами, незаконно действующими на территории нескольких государств.

В рамках указанной Конвенции был принят Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю, воздуху. Он криминализирует незаконный ввоз мигрантов, а также ужесточает ответственность за обстоятельства «которые ставят или могут поставить под угрозу жизнь или безопасность соответствующих мигрантов» [1] (ст. 6 Протокола) с целью исключить обозначенную выше угрозу смертности.

В Протоколе описаны общие аспекты деятельности государств в рамках данного вопроса и отдельные специальные полномочия.

Так, исходя из заданной тематики, особый интерес для рассмотрения представляет ст. 8 данного Протокола. Она регламентирует действия государств – участников по пресечению незаконного ввоза мигрантов по морю.

При имеющемся разумном предположении, что проходящие суда участвуют в подобной деятельности, государства – участники имеют право принять соответствующие меры для прекращения использования судов с данной целью. В частности, если речь идет о корабле под флагами или со знаками регистрации других государств-участников, допустимо:

– высадиться на это судно;

– произвести досмотр этого судна;

– в случае обнаружения доказательств участия этого судна в незаконном ввозе мигрантов по морю, принять надлежащие меры в отношении этого судна, а также лиц и груза на борту в порядке, разрешенном государством флага [1].

Таким образом, на универсальном уровне, государства заинтересованы в сотрудничестве для борьбы с незаконной миграцией, проходящей, в том числе, путем ввоза мигрантов по морю, и имеются определенные договоренности.

Рассмотрим данную проблему с региональной точки зрения. Для этого обратимся к опыту Европейского союза.

Осень 2015 г. положила начало Миграционному кризису в Европейском Союзе. Основной поток мигрантов тянулся из стран Ближнего Востока, Северной Африки и Южной Азии. Причиной этому послужили многочисленные военные конфликты, которые создавали опасность для жизни и здоровья населения, а также сильно подрывали экономику. Спасаясь от вооружённых столкновений, мигранты пытались попасть в страны Европейского союза, в том числе, морским путем. Поскольку количество беженцев было несоразмерно имевшимся на тот момент местам на судах, корабли были переполнены, вследствие чего нередко терпели крушение и тонули.

Исходя из данных, представленных Международной организацией по миграции, маршрут в Европу через Средиземное море самый смертельный.

С 2014 по 2018 г., там погибли 17 919 чел., 64 % тел которых не были извлечены из моря [2].

Международная организация по миграции создала проект *Missing Migrants* [3], дающий возможность отслеживать ситуацию с мигрантами, осуществляющий документирование гибели и исчезновений людей в процессе миграции в международный пункт назначения.

Поскольку конфликты в Сирии не прекращены, Афганистан, Ирак и Йемен ведут борьбу с запрещенной в России организацией ИГИЛ, а демографическая проблема в вышеуказанных регионах Африки и Азии становится все острее, поток мигрантов в Европейский Союз также не прекращается. Считается, что их количество в ближайшее время будет только расти.

Среди факторов устремленности мигрантов именно в Европейский Союз, можно выделить относительную развитость европейских государств и наличие образовавшихся там диаспор, которые помогут обосноваться новым членам.

Усилия Европейского Союза в рамках данного вопроса в первую очередь ориентированы на тесное взаимодействие специальных структур и органов, в чью компетенцию входит охрана морских границ.

Об этом свидетельствует Регламент (ЕС) Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 15 мая 2014 г. № 656/2014 об установлении правил для наблюдения за внешними морскими границами в рамках оперативного сотрудничества, координируемого Европейским Агентством по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств – членов Европейского Союза.

В рамках данного документа регулируются операции пограничного надзора стран-участников, путем координации действий Европейским агентством по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств – членов Европейского Союза [4].

Регламент (ст. 10) предусматривает деятельность специальных сил по обнаружению, перехвату в территориальном море, открытом море, в смежной зоне подозрительных судов и действия при поисково-спасательных ситуациях. Документ регулирует высадку лиц, перехваченных или спасенных в ходе морской операции.

В частности, высадка может производиться:

– в прибрежном государстве-члене;

– в стране, откуда вышло судно, в отношении которого проведена операция;

– в принимающем государстве-члене;

– в безопасном месте, определенном ответственным Спасательно-координационным центром [5].

В рамках Европейского Союза постоянно совершенствуется как нормативная правовая база, так и способы практической реализации задач по пресечению (противодействию) незаконной миграции.

В рамках данного аспекта необходимо отметить, что Европейским Союзом принят Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 13 ноября 2019 г. № 2019/1896 о Европейской пограничной и береговой охране и отмене правил (ЕС) № 1052/2013 и (ЕС) 2016/1624.

Данный документ закрепляет положения о функционировании такого органа, как Европейское агентство пограничной и береговой охраны, занимающегося, наряду с прочим, мониторингом миграционных потоков.

Также вышеуказанный Регламент (ст. 19) регулирует деятельность Европейской системы Пограничного контроля (EUROSUR), заключающуюся в борьбе с незаконными мигрантами и спасении их жизней, путем тщательного контроля границ государств – участников Европейского Союза [6]. В рамках данной системы, с помощью информационного обмена, между собой взаимодействуют Национальные координационные центры, посредством связи с Европейским агентством пограничной и береговой охраны (ст. 19) [7].

Таким образом, проблема регулирования незаконной миграции на море крайне актуальна по состоянию на сегодняшний день. Существует множество причин, которые заставляют людей покидать место своего постоянного пребывания и проживания и, рискуя собой, пытаться найти новое место для жизни.

Решение вопросов, связанных с незаконной миграцией по морю, хотя и осуществляется на универсальном уровне, но все еще недостаточно четко сформулировано, потому как отдельные региональные проблемы вызывают потребность в постоянном принятии соответствующих действий, зависящих от различных обстоятельств, и требуют дополнительного вмешательства с целью урегулирования.

В такой ситуации целесообразно наряду с имеющимися заключать дополнительные двухсторонние или многосторонние соглашения о возвращении незаконных мигрантов, а также о взаимной помощи и поддержке между государствами.

Кроме того, нельзя не отметить большой вклад специализированных организаций, которые осуществляют поиск и оказание фактической помощи мигрантам на море.

Список литературы

1. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol2.shtml (дата обращения: 24.02.2022).

2. Доклад о миграции в мире 2020, подготовленный Международной организацией по миграции // Сайт МОМ. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 24.02.202).

3. Missing Migrants Project. – URL: https://missingmigrants.iom.int/data (дата обращения: 24.02.2022).

4. Регламент (ЕС) Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 15.05.2014 № 656/2014 об установлении правил для наблюдения за внешними морскими границами в рамках оперативного сотрудничества, координируемого Европейским Агентством по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств – членов Европейского Союза // Eur-lex. EU-

ROPA. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014R0656&qid=1646063757794 (дата обращения: 24.02.2022).

5. Регламент (ЕС) Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 15.05.2014 № 656/2014 об установлении правил для наблюдения за внешними морскими границами в рамках оперативного сотрудничества, координируемого Европейским Агентством по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств – членов Европейского Союза // Eur-lex. EUROPA. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014R0656&qid=1646063757794 (дата обращения: 24.02.2022).

6. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 13.11.2019 № 2019/1896 о Европейской пограничной и береговой охране и отмене правил (ЕС) № 1052/2013 и (ЕС) 2016/1624 // Eur-lex. EUROPA. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019R1896&qid=1646064647102 (дата обращения: 24.02.2022).

7. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 13.11.2019 № 019/1896 о Европейской пограничной и береговой охране и отмене правил (ЕС) № 1052/2013 и (ЕС) 2016/1624, ст. 20 // Eur-lex. EUROPA. – URL: https://eur-lex.europa.eu/search.html?scope=EURLEX&text=019%2F1896&lang=en&type=quick&qid=1651788939047 (дата обращения: 24.02.2022).

8. Глазова, А. П. Сотрудничество государств с целью пресечения незаконной миграции на море: принудительные меры правоохранительного характера / А. П. Глазова // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2019. – С. 342–353.

Каримов А. М.[1]*,*
старший преподаватель кафедры
ЭФПИТ Казанского юридического
института МВД России,
кандидат юридических наук

Новикова Л. А.[2]*,*
курсант 3 курса 192 учебной группы
Казанского юридического
института МВД России

К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ ВЕДОМСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Вследствие реализации социально-экономических трансформаций в последние годы общественные отношения в стране модифицировались. Сегодня можно констатировать значительную конвергенцию органов государственной власти, бизнес-организаций и криминалитета. Информационно-телекоммуникационные технологии нашли отражение в каждой отрасли жизнедеятельности общества. Большая часть информации передается посредством сети Интернет, что с учетом современных криптографических методов защиты информации является относительно безопасным средством для передачи сведений, в том числе и конфиденциальных сведений.

Переход к новому состоянию российского общества связано с возникновением новых угроз безопасности РФ в целом, так и ее важнейшим составляющим – экономической, политической и информационной безопасности. Угрозы в информационной среде день за днем набирают обороты.

По данным официальной статистики МВД России, за январь – сентябрь 2021 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 510 396 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, из них более половины (267 613) преступлений являются тяжкими или особо тяжкими [1].

Специалисты Лаборатории «Касперского» приводят следующие данные о состоянии инцидентов в сфере информационной безопасности за 10 месяцев 2021 г.:

– 2.024 млрд вредоносных онлайн-атак заблокировано;

– 77.4 млн уникальных вредоносных артефактов детектировано: скрипты, эксплоиты, исполняемые файлы;

– 614 млн уникальных вредоносных *URL*-адресов найдено и заблокировано;

– 1.5 млн уникальных вредоносных программ для мобильных устройств;

---

[1] © Каримов А. М., 2022.
[2] © Новикова Л. А., 2022.

– 96.2 % всех атак исходят от 10 стран (топ 3: Германия (30.86 %), США (26.53 %), Доминиканская Республика (21.58 %);

– *Microsoft Office,* браузеры, *Android, Adobe Flash Player, Java и Adobe Acrobat Reader* являются продуктами, уязвимости в которых чаще всего эксплуатировались в 2021 г. для различных атак (на долю *Microsoft Office* приходится 58.48 %);

– 118.099 пользователей защищены от атак на онлайн банкинг;

– 91.841 пользователей защищены от шифровальщиков.

Органы внутренних дел в своей оперативно-служебной деятельности, так же, как и другие институты государственной исполнительной власти, активно используют достижения современной науки и техники. С использованием современных информационно-теллекоммуникационнных технологий по защищенным каналам связи передаются масштабные пакеты данных между подразделениями ОВД и иными правоохранительными органами, органами государственной и муниципальной власти, общественными объединениями и организациями. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» декларирует по этому поводу: «Полиция в своей деятельности обязана использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру» [2].

ОВД имеют возможность использовать информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, автоматизированные информационные системы, интегрированные банки данных. Таким образом, информация, собираемая, используемая и хранящаяся в информационных системах ОВД, один из предметов киберугроз. Такие угрозы были реализованы, например, в Республики Беларусь, когда значительный объем персональных данных, хранящихся в информационных системах МВД России, был несанкционированно скопирован [3]. В истории дальнего зарубежья также отмечались различные инциденты в сфере информационной безопасности, например имели место хакерские атаки на Пентагон [4].

Федеральный закон № 149 определяет защиту информации как принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на:

1) обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации;

2) соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа;

3) реализацию права на доступ к информации [5].

В целях обеспечения информационной безопасности в нашей стране выработаны юридические режимы: государственной, коммерческой, врачебной, банковской и иных видов тайн. Были приняты соответствующие законодательные акты, регулирующие и охраняющие отраслевые виды информации, доступ к которой ограничен федеральными законами: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» [6], Федеральный закон «О персональных данных» [7], Федеральный закон «О связи» [8], Феде-

ральный закон «О коммерческой тайне» [9], Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4) [10] и др.

Следует сказать, что информационно-коммуникационные технологии в нынешнем обществе являются неотъемлемым элементом системы управления, которые регулируют государственную деятельность, обеспечивают правопорядок, защиту и безопасность государства, всех секторов экономики и взаимодействия хозяйствующих субъектов и страны. О. М. Хохлова по этому поводу пишет: «Информационный ресурс является доминантным фактором развития не только производственной сферы, но и экономической системы в целом, информационная насыщенность выступает объективным критерием достигнутой зрелости традиционных факторов производства» [11]. В директивных документах органов государственной власти в связи с этим указывается следующее «объем информационных ресурсов и степень развития информационной инфраструктуры являются важными показателями, которые воздействуют на экономический потенциал стран» [12].

Следует отметить, что становление и развитие информационного общества в РФ предопределили не только положительные возможности, но и создали ряд негативных и деструктивных последствий, проявивших себя в различных сферах жизнедеятельности.

К наиболее важным объектам обеспечения информационной безопасности в правоохранительной сфере, т. е. к ведомственным объектам критической инфраструктуры относятся:

– информационные ресурсы федеральных органов исполнительной власти, реализующих правоохранительные функции, судебных органов, их информационно-вычислительных центров, научно-исследовательских учреждений и учебных заведений, содержащие специальные сведения и оперативные данные служебного характера;

– информационно-вычислительные центры, их информационное, техническое, программное и нормативное обеспечение;

– информационная инфраструктура (информационно-вычислительные сети, пункты управления, узлы и линии связи).

Угрозы информационной безопасности почти всегда носят комплексный характер, поэтому утечка, хищение информации, а равно ее искажение и несанкционированное копирование в рамках одной базы данных могут повлиять на эффективность деятельности МВД России в целом. МВД России должно не просто давать указание соответствующим территориальным органам о необходимости предупреждения, выявления и пресечения незаконного рода угроз информационной безопасности в части работы с информационными системами, но и принимать активное участие при реализации территориальными органами соответствующих мероприятий, обеспечив надлежащий уровень контроля за мероприятиями по обеспечению информационной безопасности со стороны курирующих направления деятельности департаментов, управлений и подведомственных учреждений.

По данным исследований, проведенных независимыми аналитиками [13], актуальность заражения информационных систем ОВД вредоносным ПО со

временем возрастает, при этом распространены различные механизмы получения информации посредством сетевых атак. Вредоносные кампании, нацеленные на организации, в том числе и системы МВД России, в восьми из десяти случаев начинают осуществлять вредоносные действия с рассылки электронных писем с вложениями. Злоумышленники усовершенствуют многочисленное разнообразие типов вредоносным ПО: используют многофункциональные троянские программы, либо загружают на скомпрометированные устройства большое количество вирусов. Злоумышленники постоянно ищут новые приёмы, с помощью которых можно обойти антивирусные программы и встроенные в операционную систему механизмы защиты [14]: использование новой уязвимости *CVE-2020-0601* в *Windows.*

А. З. Жуков подметил по этому поводу, что на сегодняшний день «назрела необходимость разработки реестра источников информации и режима обмена информацией для системы МВД России в целом» [15]. Действительно в МВД России существует ряд подзаконных актов [16] [17], направленных на обеспечение защиты информации, прежде всего ИСПДн (Информационных систем персональных данных), поскольку практически все информационные системы, используемые в ОВД, являются ИСПДн. Однако все эти приказы и инструкции, адресованы прежде всего подразделениям информационных технологий и защите информации ОВД. Практически нет каких-либо положений и рекомендаций для сотрудников оперативных подразделений ОВД, подразделений охраны общественного порядка, следствия и дознания, который используют ИСПДн в своей повседневной оперативно-служебной деятельности. Данный факт вызывает некоторое недоумение.

Сотрудник ОВД, поступая на службу, и в дальнейшем ежеквартально должен проходить инструктаж со сдачей зачета по информационной безопасности в рамках служебной и правовой подготовки. Для этого необходима доступная для специалиста, не имеющего профильное техническое образование в сфере информационных технологий, инструкция по работе с информацией, информационными ресурсами и информационными системами в ОВД. При этом этот документ должен постоянно совершенствоваться, поскольку новые угрозы в сфере кибербезопасности возникают еженедельно, ежедневно и даже ежечасно. Сотрудники ОВД должны быть готовы к этим вызовам. В целях защиты информации ОВД от несанкционированного доступа целесообразно подготовить и издать приказ МВД России о порядке доступа к информации ограниченного распространения, содержащейся в информационных системах ОВД.

Список литературы

1. Состояние преступности: Главный информационно-аналитический центр МВД России // Сайт МВД России. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics (дата обращения: 15.11.2021).

2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.11.2021).

3. «Киберпартизаны» взломали базу данных МВД // www.dw.com/ru. – URL: https://www.dw.com/ru/kiberpartizany-vzlomali-bazu-dannyh-mvd-chto-oni-rasskazali-dw/a-58990013 (дата обращения: 15.11.2021).

4. Хакерские атаки на Пентагон: сколько раз взламывали его сети, как строили здание, и кто нападал на символ США // Clck.ru. – URL: https://clck.ru/YqyXu (дата обращения: 15.11.2021).

5. Дырокод: хакеры нашли рекордное число уязвимостей в системе минобороны США // Clck.ru. – URL: https://clck.ru/YqyZw (дата обращения: 15.11.2021).

6. Байрамбекова, А. Н. Правовые аспекты информационной безопасности в РФ / А. Н. Байрамбекова // Cognitiorerum. – 2020. – № 12. – С. 18–23.

7. Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» // Российская газета. – 1993. – № 182. – 21 сент.

8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.

9. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // Российская газета. – 2003. – № 135. – 10 июля.

10. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // Российская газета. – 2004. – № 166. – 5 авг.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (ч. I). – Ст. 5496.

12. Хохлова, О. М. Информационная безопасность в системе национальной безопасности современного российского общества / О. М. Хохлова, А. К. Рожкова, А. В. Хохлова // Инновационное развитие науки: фундаментальные и прикладные проблемы. – Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2021. – С. 73–90.

13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.11.2013 № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в РФ на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 46. – Ст. 5954.

14. Актуальные киберугрозы: II квартал 2019 года // www.ptsecurity.com. – URL: https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2019-q2 (дата обращения: 15.11.2021).

15. Новые киберугрозы 2020 года // zen.yandex.ru. – URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5bb1d82c3788e900a90461b0/novye-kiberugrozy-2020-goda-5ea2f4cd9123cc5e5addac54 (дата обращения: 15.11.2021).

16. Актуальные киберугрозы: I квартал 2020 года // www.ptsecurity.com. – URL: https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2020-q1 (дата обращения: 15.11.2021).

17. Актуальные киберугрозы: II квартал 2020 года // www.ptsecurity.com. – URL: https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2020-q2 (дата обращения: 15.11.2021).

18. Новые киберугрозы 2020 года // zen.yandex.ru. – URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5bb1d8 2c3788e900a90461b0/novye-kiberugrozy-2020-goda-4cd9123cc5e5addac54 (дата обращения: 15.11.2021).

19. Жуков, А. З. Особенности совершенствования информационной безопасности в органах внутренних дел Российской Федерации / А. З. Жуков // Евразийское научное объединение. – 2019.

20. Приказ МВД России от 06.07.2012 № 678 «Об утверждении Инструкции по организации защиты персональных данных, содержащихся в информационных системах органов внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 07.12.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.01.2022).

21. Приказ МВД России от 21.12.2017 № 949 «О некоторых мерах, направленных на обеспечение выполнения МВД России обязанностей, предусмотренных Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.01.2022).

Коновалова Е. А.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Есина А. С.,
доцент кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
Почетный сотрудник МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ЕДИНЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ «ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНАЯ ГРУППА» КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В условиях глобализации современного мира наблюдается процесс сращивания национальной и транснациональной преступности, что многократно усложняет борьбу с ней каждого отдельно взятого государства. Указанная мировая тенденция ставит перед научным сообществом проблему оптимизации уголовной ответственности, проблему унификации подхода к отдельно взятым категориям, одной из которых является организованная преступная группа (далее – ОПГ).

Современные ОПГ представляют угрозу национальной безопасности России, так как выходят на новый уровень расширения сфер влияния и органично встраиваются в мировую преступность. Например, повсеместное внедрение интернета позволило не только работать из любой точки мира, но и совершать преступные действия, а использование криптовалюты значительно облегчило операции по выводу денежных средств и сокрытию следов преступления. Границы государства для организованной преступности перестали существовать, что обусловливает необходимость объединения всего мирового сообщества в борьбе с ней.

Чтобы ответить на вопрос: нужен ли единый подход к определению «организованной преступной группы», проанализуем национальное законодательство, законодательство зарубежных стран и мировые соглашения. Что же именно относится к организованной группе и за какие деяния в составе такой группы предусмотрена ответственность?

---

[1] © Коновалова Е. А., 2022.

Если обратиться к ст. 35 УК РФ, то увидим, две разновидности «организованного» сговора: ОПГ и преступное сообщество (преступная организация). Анализ определений, сформулированных законодателем, позволяет выделить отличительные черты преступного сообщества и организованной преступной группы:

– преступное сообщество предполагает определенную структурированность, которая проявляется в распределении функций между руководителями разных подразделений преступной группы, т. е. должно быть наличие минимум двух руководителей, один из которых подчиняется другому, а также минимум двух структурных подразделений, каждое из которых выполняет определенные функции в интересах преступного сообщества. Для ОПГ данный внутренний состав не обязателен;

– преступное сообщество создается исключительно для совершения тяжких либо особо тяжких преступлений. Напротив, в составе ОПГ совершаются преступления любой степени тяжести;

– для преступного сообщества характерно обязательное получение финансовой или иной материальной выгоды, что не является обязательным элементом для преступлений, совершенных в составе ОПГ.

Можно сделать вывод, что организованная преступная группа является ядром организованной преступности, а преступное сообщество (преступная организация) выступает в виде усложненной организованной группы или объединения нескольких таких преступных групп.

Законодатель установил уголовную ответственность лишь за некоторые формы организованных преступных групп: за преступное сообщество (преступную организацию) (ст. 210 УК РФ), за террористическое сообщество (ст. 205.4 УК РФ), за незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ), банду (ст. 209 УК РФ) и экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ). Однако отдельной уголовной ответственности за создание и участие в организованной преступной группе (ОПГ) законодателем не предусмотрено.

В некоторых нормах уголовного закона усилена уголовная ответственность за совершение преступления совершенного «организованной группой» (например, ст. 105, 110, 112, 117, 126, 131, 132, 158 и др.) Однако данный квалифицирующий признак предусмотрен далеко не во всех статьях, предусматривающих уголовную ответственность за преступные деяния, которые могут совершаться организованными группами. В правоприменительной практике следователи при отсутствии подобного квалифицирующего признака в диспозиции статьи уголовного закона вменяют участникам группы ч. 3 ст. 35 УК РФ, что лишает суд возможности вынести справедливое наказание, поскольку указанная статья не имеет санкции.

Обратившись к зарубежному законодательству, мы увидим, что оно не имеет единого подхода к квалификации организованной преступности. Так, в Корее, Турции, Японии предусмотрены отдельные статьи, посвященные организованной форме преступной деятельности. В уголовном законодательстве Австралии и Израиля, напротив, нет статьи, предусматривающей ответственность за создание и участие в ОПГ, но есть отягчающий квалифициру-

ющий признак, но только в некоторых преступлениях. «Золотой середины» придерживаются Австрия, Аргентина, Германия (ФРГ), Франция, где ответственность предусмотрена как за само создание организованного преступного формирования, так и в качестве квалифицированного признака в некоторых особо опасных преступлениях.

Зарубежное законодательство не имеет единого мнения относительно понятия организованной группы, но, несмотря на самобытный подход каждой страны к данному явлению, имеются типичные признаки организованных формирований, характерные для нескольких стран:

– предварительная договоренность, объединение до начала совместной преступной деятельности, что встречается практически во всех кодексах;

– количество участников от двух или от трех и более человек. Первое характерно, для Турции, Японии, а второе – Аргентины, Австралии, Бельгии;

– иерархическая структура, которая обязательна в ряде стран: Бельгия, Германия, Франция, Швейцария;

– наличие цели, как общей – совершение преступлений, что нашло отражение в законодательстве Германии, Кореи, Австрии, Франции, так и частной, например, посягательство на лиц и на собственность в Бельгии, или нарушение безопасности страны в Иране;

– устойчивость, это обобщенное понятие, так как понимание устойчивости также различается. В Австрии это длительность существования, в Бельгии и Франции – системность преступной деятельности, в Японии – техническая оснащенность, вооруженность и длительность подготовки преступления.

Что касается названий ОПГ, то они также различны: в Италии это «объединение мафиозного типа», в Германии – «преступное объединение», в странах СНГ – «преступное сообщество».

Каждая страна дает не только свое название организованной преступной группе, но и определяет ее по-разному, выделяя те или иные ключевые особенности. Если сравнить уголовное законодательство России и зарубежных стран в части организованной преступности, то общим является установление ответственности за сам факт создания преступного сообщества и участия в нем. При этом не все страны разделяют ОПГ и преступное сообщество (Германия, Белоруссия, Италия, Франция), а если и разделяют (Таджикистан), то предусматривают ответственность за создание всех видов объединений.

Ключевыми особенностями подхода России к феномену организованной преступности является ее разделение на ОПГ и преступное сообщество, совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также выделение лидера и вменение ему отдельного состава – руководство преступным сообществом. В Российской федерации предусмотрена более строгая ответственность за данное преступление, чем за рубежом.

Указанные различия вызваны самобытным подходом Российской Федерации к понятию организованной преступности и разделению ее на ОПГ и преступное сообщество. В настоящее время есть необходимость дополнения ст. 210 УК РФ пунктами, предусматривающими наказание за создание организованной преступной группы и участие в ней, отказавшись от квалифицирую-

щих признаков, имеющихся только в некоторых статях УК РФ. Это позволит следователям вменять по совокупности норму, определяющую ответственность за создание и участие в ОПГ, вне зависимости от того указан ли подобный квалифицирующий признак в соответствующей статье УК РФ, так как практически любые преступления могут совершаться в составе ОПГ.

Проблема организованной преступности актуальна не только в отдельно взятых государствах, но и занимает видное место в международной политике.

Основным международным документом в сфере организованной преступности является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, принятая в 2000 г. (далее – Конвенция ООН) [1] Указанную конвенцию приняли 120 стран–участников, что говорит о важности и необходимости международного сотрудничества в деле предупреждения и борьбы с транснациональной организованной преступностью, а также в выработке единого подхода к ее определению.

К данной Конвенции присоединилась и Российская Федерация, но при этом сохранила особенный, национальный подход к понятию организованной преступности.

В ст. 5 Конвенции ООН закреплена криминализация факта создания ОПГ как самостоятельного состава преступления. Здесь отметим, что в международном праве нет отличий между организованной преступной группой и преступным сообществом, не выделяются какие-либо особенные ОПГ, например банды. Международное законодательство все указанные группы объединяет единым термином – организованная преступная группа.

Напротив, в Российской Федерации не признан преступлением факт создания ОПГ и участия в ней, что не соответствует упомянутой Конвенции ООН. Российский законодатель предусмотрел только квалифицирующий признак «организованная группа» в ряде норм уголовного закона и определил ответственность за «специализированные» преступные группы – банда, террористическое сообщество и др.

Наиболее удачной с точки зрения криминализации ОПГ в соответствии с Конвенцией ООН и наиболее близкой по смыслу к международному документу является ст. 210 УК РФ – «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)».

Согласно Конвенции ООН «организованная преступная группа» означает структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду. Очевидно, что данное определение по ряду признаков весьма близко к понятию преступного сообщества (преступной организации) закрепленного в уголовном праве Российской Федерации, но не тождественно ему.

Стоит обратить внимание, на то, что признак «структурированности» присущ только преступному сообществу (преступной организации) в российском уголовном праве, что значительно уже понятия «участие в ОПГ» в международно-правовом смысле. Согласно международному праву под структурно

оформленной группой следует понимать, группу, имеющую определенную иерархическую или другую разработанную структуру, так и группу, в которой отсутствует какая-либо иерархия и в которой роли ее членов не обязательно определены. Иными словами, организованной признается не только иерархическая группа, но и группа сетевая, в которой единого руководителя может и не быть. Таким образом, в международном законодательстве стерта грань между организованной группой и преступным сообществом, которая проводится в российском национальном законодательстве.

Вполне оправданно то, что законодатель выделил ответственность за преступное сообщество в отдельную статью как наиболее опасного преступления, по сравнению с «простой» организованной преступной группой. Но, с точки зрения автора, в уголовном законе должна быть предусмотрена уголовная ответственность, в том числе и за деятельность по организации и участию в ОПГ, вне зависимости от категории преступлений, которые эта группа совершает.

В Российской Федерации ОПГ обладает признаком устойчивости, должна быть создана заранее для совершения одного или нескольких преступлений. Здесь виден совершенно иной подход законодателя, в отличие от Конвенции ООН, которая в качестве критериев организованной группы в частности указывает количественную характеристику частников группы – в составе трех или более лиц.

С данной точкой зрения сложно согласиться, так как признаки устойчивости и организованности никак не связаны с количеством, будь то лиц или преступлений. В нашей стране сохранено национальное законодательство, которое предусматривает и допускает состав организованной группы в количестве двух и более лиц. Позицию законодателя подтверждает складывающаяся практика, когда организованной преступной группой признается группа, состоящая из двух лиц. Количество лиц в группе не может влиять на качественную характеристику группы.

Например, уголовное дело, по обвинению организованной преступной группы, возглавляемой В. и состоящей всего из двух человек – самого В. и Я., в совершении двух преступлений, предусмотренных п.п. «а, б» ч. 4 ст. 158 и п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ – квартирных краж на территории г. Твери [2]. Несмотря на то что группа была хорошо законспирирована, полностью отсутствовали материалы оперативных разработок, и только следственным путем удалось доказать устойчивость и организованность данной группы. Суд согласился с квалификацией действий виновных лиц, данных на предварительном следствии и осудил виновных по ст. п. «а, б» ч. 4 ст. 158 и п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ, признав группу, состоящую из В. и Я., организованной.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что мировому сообществу нужен единый подход к пониманию организованной преступной группы, который поможет повысить эффективность борьбы с международной преступностью со стороны правоохранительных органов.

Список литературы

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 15.11.2000 № 55/25 «Конвенция против транснациональной организованной преступности» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – URL: https://legalacts.ru/doc/konventsija-protiv-transnatsionalnoi-organizovannoi-prestupnosti-prinjata-v/ (дата обращения: 20.02.2022).

2. Приговор Пролетарского районного суда г. Твери по делу № 1-35/2019 от 29.05.2019 // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/ (дата обращения: 28.02.2022).

3. Пузырева, Ю. В. Тенденции развития транснациональной организованной преступности под влиянием пандемии COVID-19 / Ю. В. Пузырева // Актуальные проблемы медицины и биологии. – 2021. – № 1. – С. 143–146.

Кузьмина О. Н.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Прудников А. С.,
профессор кафедры
конституционного и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В настоящее время цифровая среда представляет собой наглядную иллюстрацию арены, где государства вступают как в сотрудничество, так и в жесткую конкуренцию. Быстрое развитие и распространение передовых информационных технологий за последнее десятилетие породило информационное измерение сложной взаимозависимости, которое имеет свои собственные уникальные характеристики. Эта информационная революция привела к радикальным изменениям в политике, бизнесе, культуре и других аспектах общества, породив новые типы сообществ, стимулируя рост организаций как сетей, создавая требования к новым ролям правительства и бросая вызов иерархическим бюрократиям и способствуя тенденции к децентрализации. Все перечисленные факторы сыграли весомую роль в цифровой трансформации общества, тем самым породив информационную преступность – киберпреступность. Именно в условиях цифровой трансформации общества информационная преступность является подрывом национальной безопасности. Таким образом, международное взаимодействие в сфере борьбы с информационной преступностью является актуальным вопросом на сегодняшний день.

Российская Федерация является державой в цифровом пространстве, которую глава командования кибервойск США назвал «почти равной» США и более развитой, чем другие конкуренты, такие как Китайская Народная Республика и Израиль [1]. Эта способность следствие того, что в Российской Федерации много высокообразованных работников с сильной технической подготовкой,

[1] © Кузьмина О. Н., 2022.

которые составляют большой резерв квалифицированного человеческого капитала, хорошо подходящего для работы в сфере информационных технологий.

Изучение практики показывает, что Российская Федерация обладает передовым потенциалом, который входит в число лучших в мире, ее фундаментальное понимание кибербезопасности сильно расходится с тем, что есть в мире. США и НАТО, что создает философские и концептуальные различия, которые представляют собой реальные препятствия для конструктивного диалога по цифровым проблемам. На начальном этапе отсутствие общего понимания делает любую дискуссию между Российской Федерацией и Западом по информационным темам, по словам одного из экспертов, актом «взаимного непонимания и явной непримиримости» [2].

Действительно, чтобы сотрудничество принесло плоды, эти разногласия должны быть поняты и устранены, что может быть достигнуто только путем регулярного диалога и последовательного взаимодействия, отраженных в комментарии координатора по информационным проблемам Государственного секретаря США К. Пейнтера: «Нам необходимо взаимодействовать со странами по всему миру, даже с теми, с которыми мы не согласны» [3].

На международной арене единственным важным договором по вопросам кибербезопасности является Конвенция Совета Европы о киберпреступности, также известная как Будапештская конвенция – крупное региональное соглашение с потенциалом глобального признания. С момента появления в 2001 г. она была принята тридцатью девятью преимущественно европейскими странами, включая США, но не Россию [4]. Договор представляет собой модель сотрудничества между различными странами и частным сектором в борьбе с киберпреступностью, предлагая шаблон с потенциалом для распространения на другие киберпроблемы. Россия, однако, возражает против ратификации договора как против посягательства на ее суверенитет, поскольку это повлечет требования о сотрудничестве в выявлении, например, виновных в кибератаках на Эстонскую Республику в 2007 г. или Республику Грузию в 2008 г., а также запросы от иностранных правоохранительных органов о пресечении обширной киберпреступной деятельности, ведущейся на территории России.

Следует отметить, что Россия подчеркивает необходимость создания нового международного режима, более соответствующего ее взглядам на кибербезопасность. Российские официальные лица и ученые последовательно отстаивают позицию, что новые соглашения необходимы для утверждения национального суверенитета и сдерживания агрессивного поведения в киберпространстве [5]. Предложения Российской Федерации, включая письмо 2011 г. Генеральному секретарю ООН, написанное вместе с Китайской Народной Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан преследуют цели:

– сдержать или ограничить конкурирующие инициативы США по разработке норм в киберпространстве, которые они рассматривают как средство консолидации в киберпространстве;

– подтвердить права стран на мониторинг и контроль потока информации через интернет для обеспечения внутренней безопасности;

– предотвратить дальнейшее развитие или распространение наступательного кибероружия.

Эти принципы резко контрастируют с западным акцентом на приверженность свободному потоку информации, меры по борьбе с киберпреступностью и ответственность государства за деятельность в интернете, происходящую в пределах границ страны. На первый взгляд эти различия могут показаться непримиримыми, что снижает шансы на достижение консенсуса в отношении международных рамок для кибероперациий. Однако множество точек соприкосновения обеспечивают отправную точку для сотрудничества – по обеспечению безопасности поставок цепей, защиты инфраструктуры, обмена информацией об угрозах и борьбы с использованием интернета наркоторговцами и педофилами [6].

Также следует рассмотреть подробнее взаимодействие Российской Федерации с иностранными государствами в информационной среде в условиях цифровой трансформации общества.

США и Российская Федерация признали свою взаимную заинтересованность в сотрудничестве по вопросам кибербезопасности, начиная еще с заявления Президента США и Президента Российской Федерации, которое включало обязательство «смягчить негативные аспекты революции в области информационных технологий», которую они охарактеризовали как «серьезный вызов» безопасности двух стран. Так, в декабре 2009 г. США и Россия подтвердили свою готовность к сотрудничеству на заседании Комитета ООН по разоружению и международной безопасности, договорившись об укреплении безопасности интернета и разработке норм для военных операций в киберпространстве. Вскоре после этого была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, призывающая к «укреплению безопасности глобальных информационных и телекоммуникационных систем» и «изучению существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности и возможных совместных мер по их устранению» [7]. Согласие США и России по формулировке резолюции стало прорывом в двусторонней кибердипломатии, приведя к дальнейшим официальным дискуссиям по кибербезопасности.

Последняя серия переговоров, начавшаяся в феврале 2011 г., посвящена вопросам кибербезопасности, представляющим взаимный интерес, таким как обмен технической информацией об угрозах, достижение общего понимания в отношении военных операций в киберпространстве и создание протоколов для связи между Москвой и Вашингтоном во время киберкризисов [8]. В качестве первого жеста, свидетельствующего о символических усилиях по укреплению доверия, США выполнили предложение об обмене документами по киберпространству, предоставив россиянам Стратегию действий Пентагона в киберпространстве. Документ был официально опубликован в июле 2011 г. Координатор США по кибербезопасности Говард Шмидт и заместитель секретаря Совета национальной безопасности России Н. В. Климашин опубликовали совместное заявление в июне 2011 г., в котором охарактеризовали дискуссии как «углубление взаимопонимания по вопросам национальной безопасности в киберпространстве», а Шмидт позже написал в блоге, что они являются «ярким примером того, что «перезагрузка» в российско-американских отношениях приобретает новое и важное измерение» [9].

Список литературы

1. Джеймс Фэллоуз. Кибервоины / Джеймс Фэллоуз // The Atlantic. – 2010.

2. Дэвид А. Фулгум. China Cyber-skills Are Improving But Still Don't Top Russia and Israel / А. Дэвид // Aviation Week. – 2012. – 28 марта.

3. Бенджамин Будро. Кибердипломаты / Бенджамин Будро // State Magazine. – 2013.

4. Конвенция о киберпреступности, таблица подписей и ратификаций от 22.03.2013 // onventions.coe.int. – URL: http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/ ChercheSig.asp?NT= 185&CM =&DF=&CL=ENG (дата обращения: 20.02.2022).

5. Григорьев, Д. И. «Российские приоритеты и шаги на пути к кибербезопасности» / Григорьев Д. И. // Глобальное киберсдерживание: Взгляды Китая, США, России, Индии и Норвегии / под ред. Эндрю Нагорски. – Нью-Йорк : EastWest Institute, 2010.

6. Healey. Breakthrough or Just Broken? Russian Premier Chides USA over 'Unfair' Internet Policy, Urgs 'Common Rules' // Interfax. – 2012. – 30 окт.

7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 02.12.2009 № A/Res/64/25 «Достижения в области информации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/development/ict/res.shtml (дата обращения: 20.02.2022).

8. Говард Шмидт «США и Россия: Расширение «перезагрузки» на киберпространство» / Говард Шмидт // Сайт Белого дома. – URL: http://www.whitehouse.gov/blog/2011/07/12/us-and-russia- expanding-reset-cyberspace (дата обращения: 20.02.2022).

9. Барак Обама и Владимир Путин. Совместное заявление президентов Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации о новой сфере сотрудничества в области укрепления доверия (17.06.2013) // Сайт Белого дома. – URL: www.whitehouse.gov/the- press-office/2013/06/17/joint-statement-presidents-united-states-america-and-russian- federatio-0 (дата обращения: 20.02.2022).

10. Совместное заявление координатора по кибербезопасности Шмидта и заместителя секретаря Климашина: делегации США и России встречаются для обсуждения мер по укреплению доверия в киберпространстве (23.06.2011) // Сайт Белого дома. – URL: www.whitehouse.gov/sites/default/ files/uploads/2011_klimashin_ schmidt_cyber _joint_statement.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

Максимов Н. Р.[1]***,***
курсант 593 взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Алексеева М. М.,
доцент кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Европейский миграционный кризис, возникший в конце 2015 г. вследствие резкого увеличения числа мигрантов из стран Африки и Ближнего Востока, за короткое время стал одной из серьезнейших проблем для правоохранительных органов стран Европы. Не сумевшие ассимилироваться в новых жизненных условиях беженцы, а также многочисленные криминальные элементы вызвали бурный рост преступности, причем самых разнообразных ее форм – от преступлений против личности до экономических преступлений и, что самое страшное, – преступлений против общественного порядка, таких, как террористические акты.

Наибольшую сложность представляет тот факт, что прибывающие в Европу мигранты, как правило, не остаются жить в государствах южной части Европейского Союза, а продолжают свой путь на север – в наиболее благополучные европейские государства, такие как Германия, Франция, а поскольку в течение этого пути мигрант не имеет никакой правовой связи с каким-либо европейским государством, подтверждающим право лица на социальную помощь от государства как беженца, единственным выходом для добычи средств к существованию для него становится совершение преступлений, а поскольку он находится в движении, правоохранительным органам приходится задействовать множество ресурсов для расследования таких преступлений. Усложняет работу следователей и пересечение предполагаемым «преступником» государственных границ, что особенно актуально для стран Балканского полуострова, которые и приняли на себя основной поток беженцев. В таких условиях решением проблемы может стать усиление международного сотрудничества стран Евросоюза в сфере уголовного судопроизводства, предполагающее упрощение порядка

[1] © Максимов Н. Р., 2022.

производства следственных действий как основного способа доказывания в уголовном процессе и собственно проведения самого расследования.

Сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, или процессуальное сотрудничество, лишь составная часть европейской системы правовой помощи по уголовным делам и представляет собой осуществляемую органом дознания, следователем, прокурором и судом (а в случаях, предусмотренных международными договорами, – и органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность) в соответствии с требованиями законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство, согласованную с компетентными органами и должностными лицами иностранных государств, а также международными организациями деятельность по получению и оказанию на основании запросов помощи в досудебном производстве и судебном разбирательстве, а также в принятии других мер, необходимых для правильного разрешения уголовных дел и надлежащего исполнения приговора [3]. Правовую основу сотрудничества составляет Договор о функционировании Европейского союза, глава 4 которого определяет порядок уголовно-процессуального сотрудничества, именуемого в Договоре судебным сотрудничеством. Судебное сотрудничество состоит из двух основных компонентов, привязанных к судебной и, соответственно, досудебной стадиям уголовного судопроизводства [2].

«Судебный» компонент представляет собой совокупность правовых норм, определяющих порядок установления процедур, предназначенных для признания судебных решений, в том числе и приговоров по уголовным делам на территории всего Евросоюза, сотрудничества в сфере обучения судейского корпуса и персонала. Помимо вышеописанного урегулирован вопрос разграничения юрисдикций судебных органов и их сотрудничества при осуществлении ими уголовного преследования и исполнения приговоров.

«Досудебный» компонент сотрудничества судопроизводства, регулирует ряд вопросов, направленных на обеспечение прав участников уголовного сторонам процесса, отдельно выделена защита прав потерпевших – «жертв преступности». Среди норм, направленных на облегчение производства предварительного расследования, есть положение о взаимной допустимости доказательств в уголовном процессе. Несмотря на то, что в Европейском союзе отсутствует унификация законодательства в сфере производства по уголовным делам и нормативной базы, касающейся процесса доказывания и доказательств в частности, данная норма крайне важна для следователей, поскольку позволит многократно снизить объем работы, например не проводить вновь одно и то же следственное действие с целью лишь признания того или иного предмета или документа доказательством [1].

Отсутствие унификации уголовно-процессуального законодательства, безусловно, является одним из факторов, усложняющих сотрудничество в сфере судопроизводства, однако, законодатель в данном случае ориентируется не на возможную унификацию в будущем, а на обеспечение совместимости законодательства множества государств. Основным методом правового регулирования в данном процессе являются директивы Европейской комиссии, более подробно «раскрывающие» положения Договора. Принцип принятия решений в

Европейской комиссии коллегиальный и дает право государствам-членам в том случае, если они считают, что та или иная директива может нанести вред основополагающим аспектам их системе уголовного судопроизводства, обратиться напрямую в Европейский Совет, минуя Европарламент, где и будет принято окончательное решение.

В заключении следует сказать, что созданная в Европейском Союзе система сотрудничества в уголовно-процессуальной сфере затрагивает множество аспектов деятельности как судебных, так и следственных, что в текущей ситуации крайне важно, органов, и что разрабатывая механизм сотрудничества правоохранителей, законодатель также широко затронул и систему защиты прав человека в судопроизводстве. Данную модель сотрудничества можно охарактеризовать как гибкую за счет алгоритма решения правовых споров, устойчивую, за счет создания ряда надгосударственных институтов, занимающихся сотрудничеством в данной сфере, и эффективную, поскольку на данный момент государства Европейского Союза, несмотря на вызовы времени, одни из наименее криминально опасных.

Список литературы

1. Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25.03.1957) (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.) // СПС «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/71715364/ (дата обращения: 28.02.2022).

2. Войников, В. В. Правовое сотрудничество по уголовным делам в рамках европейского союза / В. В. Войников // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – № 9. – С 100–110.

3. Волеводз, А. Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства – уроки истории и некоторые проблемы реформирования / А. Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 6 (17). – С 281–288.

Мурадян С. В.[1]*,*
доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Альховская А. В.[2]*,*
курсант 501 учебного взвода 2 «М» курса
международно-правового факультета,
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В целях повышения эффективности расследования преступлений и их предупреждения различные государства уже давно научились объединять усилия, как на международном и региональном уровнях, так и по линии правоохранительной деятельности [1, с. 103]. В рамках такого наднационального сотрудничества представляется возможным своевременно реагировать на новые вызовы национальной и международной безопасности, порождаемые преступностью.

Учитывая существующую тенденцию к цифровизации всех сфер жизни общества, противоправные посягательства постепенно переходят в «новое» информационное пространство.

В этой связи вполне закономерна правовая реакция международного сообщества, направленная на предупреждение и противодействие преступлениям против общественной нравственности, в том числе связанным с изготовлением, хранением, распространением порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет.

Отправной точкой сотрудничества в этом направлении стало принятие Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка 25 мая 2000 г. [2]. Данный документ закрепляет основные положения сотрудничества стран-участников протокола касающиеся защиты прав несовершеннолетних от преступных посягательств и определят такие задачи как: сокращение потребительского спроса на запрещенные материалы, содержащие порнографические изоб-

[1] © Мурадян С. В., 2022.
[2] © Альховская А. В., 2022.

ражения детей, ограничение оборота таких материалов, блокирование содержащих их ресурсов в информационно-телекоммуникационной сфере.

Основные положения о порядке взаимодействия государств в рамках Совета Европы, а также о мерах по приведению к единообразию уголовной политики государств, нацеленной на защиту общества от компьютерных преступлений закреплены 23 ноября 2001 г. в Конвенции Совета Европы о компьютерных преступлениях (Будапештская конвенция) [3]. В ст. 9 Конвенции государства-участники обязуются криминализировать в своих уголовных законодательствах производство детской порнографической продукции в целях распространения через компьютерную систему, предложение такой продукции, ее предоставление в пользование, распространение и/или передачу. При этом решение о криминализации приобретения или владения детской порнографией, находящейся в компьютерной системе или на электронных носителях информации, остается в пределах полномочий государств. Деятельность Совета Европы в данном направлении была продолжена принятием 25 октября 2007 г. Конвенции о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия [4], в рамках которой использование информационных и коммуникационных технологий, причем как преступниками, так и потенциальными потерпевшими, признается ситуацией повышенной общественной опасности.

Следующий этап взаимодействия по рассматриваемому вопросу проведение переговоров в формате Римской/Лионской «Группы восьми», где было принято решение о создании международной сети национальных контактных пунктов (далее – НКП), действующих в формате 24/7 (24 часа в сутки, 7 дней в неделю), призванных обеспечить быстрый обмен оперативно значимой информации о преступлениях с использованием информационных технологий. В 1998 г. в Российской Федерации НКП был развёрнут на базе одного из подразделений МВД России. Тесное взаимодействие с НКП других стран в значительной степени повысило эффективность проведения оперативно-разыскных мероприятий в информационной сфере. На период 2010 г. НКП функционировали почти в 50 странах мира. На сегодняшний день, в силу объективных причин, число таких стран-участниц значительно снизилось. Учитывая острую необходимость дальнейшего развития информационного обмена между правоохранительными органами заинтересованных стран, использование возможностей международной сети национальных контактных пунктов 24/7, достаточно актуально и перспективно.

Активное участие в информационной поддержке и оказании практического содействия правоохранительным органам стран – членов Европейского союза (далее – ЕС) в борьбе с транснациональной преступностью, куда входят и преступления, связанные с распространением детской порнографии, оказывает правоохранительное агентство Европейского союза, Европейская полицейская организация, управомоченная ЕС (далее – Европол) [5]. При этом данный международный орган тесно сотрудничает с рядом других организаций: Интерпол, Евроюст, Всемирная таможенная организация, Организация Объединенных наций, а также наделен полномочиями по взаимодействию с государствами, не входящими в число стран – участниц Европейского союза, по вопросам обеспе-

чения международной безопасности и противодействию преступности на основании двусторонних договоров с такими государствами, к числу которых относится и Российская Федерация.

В 2021 г. Европол представил отчет «Оценка угроз организованной преступности в сети Интернет» [6] о состоянии преступности и тенденциях её развития, где были отражены статистические данные о преступлениях, касающихся изготовления и распространения детской порнографии в сети Интернет. В соответствии с указанным документом количество поступающих обращений о наличии в информационно-телекоммуникационных сетях материалов, содержащих порнографические сцены с участием несовершеннолетних, и жестокое обращение с детьми ежегодно возрастает. Всплеск оборота подобных фото- и видеоматериалов пришелся на период пандемии новой коронавирусной инфекции, несмотря на то, что число заблокированных сайтов достигло на тот момент максимальной отметки. Как отмечается в отчёте, у Европола недостаточно ресурсов для противодействия таким масштабам распространения запрещенных данных в глобальной информационной сети Интернет.

Государственные органы Российской Федерации, к ведению которых относится обеспечение правопорядка, в рамках обмена актуальной информацией о состоянии преступности, возникающих угрозах и вызовах государственной и международной безопасности осуществляют взаимодействие с Европолом через Российский национальный контактный пункт созданный в системе НЦБ Интерпола МВД России на основании приказа МВД России № 859 от 2004 г. [7]. Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности, Федеральная таможенная служба России, Росфинмониторинг сотрудничает с Европейской полицейской организацией с целью совершенствования правоохранительной деятельности, выработки комплекса мер, направленного на совершенствование предотвращения, пресечения и профилактики преступлений. Одно из направлений данной деятельности – противодействие изготовлению и распространению порнографических материалов и детской порнографии в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет.

В настоящий момент ведутся переговоры о заключении нового соглашения между правоохранительными органами Российской Федерации и Европолом с целью совершенствования нормативной правовой базы осуществления совместной деятельности по противодействию преступлениям, связанным с распространением детской порнографии. Данный шаг позволит вывести международное сотрудничество в рассматриваемой сфере на новый, более высокий качественный уровень.

Проблеме борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, уделяется много внимания и в Российской Федерации. Президент Российской Федерации В.В. Путин не раз подчеркивал необходимость совершенствования международного правового сотрудничества с целью обеспечения информационной безопасности и должной реализации государственной политики. Так, был издан Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Ос-

нов государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» [8].

Данный нормативный правовой акт закрепляет положения в области обеспечения безопасности информационного пространства и повышения эффективности международного сотрудничества, а также содержит меры по противодействию угрозам, возникающим в информационно-телекоммуникационных сетях.

Одним из направлений деятельности правоохранительных органов должно стать недопущение использования сети Интернет в преступных целях, ограничение оборота запрещенных материалов, предупреждение совершения новых противоправных деяний в информационно-телекоммуникационной сфере. В декабре 2021 г. Указ Президента Российской Федерации № 708 внес изменения в Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации [9], в соответствии с которыми МВД России управомочено участвовать в реализации государственной политики в области обеспечения международной информационной безопасности при сотрудничестве с правоохранительными органами иностранных государств.

Перспективным направлением совершенствования международно-правового режима противодействия преступлениям, связанным с изготовлением и распространением порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних, является расширение круга участников такого взаимодействия за счет вовлечения в международную правоохранительную деятельность стран – участников Содружества Независимых государств, Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Такой трансграничный альянс значительно увеличит потенциал и повысит эффективность выявления и пресечения рассматриваемых преступных деяний, позволит существенно сократить оборот запрещенной информации, а также различного рода угрозы, возникающие в информационно-телекоммуникационном пространстве.

Одновременно, большинство государств активно развивают свои национальные уголовные законодательства, вводя туда правовые нормы, запрещающие изготовление и оборот порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних под угрозой наказания с учетом современного способа их совершения, а именно использования информационно-телекоммуникационных технологий при реализации криминальных намерений. Так, подобные запреты уже содержатся в Уголовных кодексах Франции, Испании, Германии, Дании и ряда других государств. Запрет на осуществление подобных действий закреплен и в Уголовном Кодексе Российской Федерации [10] в п. «г» ч. 2 ст. 242.1. Несмотря на то, что нормативные правовые акты вышеперечисленных стран содержат различные трактовки определения «порнографические материалы с изображениями несовершеннолетних» их объединяет общий смысл, выражающийся в вульгарной, циничной, непристойной демонстрации сцен половой жизни с участием несовершеннолетних.

Подводя итог вышесказанному необходимо отметить, что ввиду трансграничного характера киберпреступлений, включающих изготовление и распространение детской порнографии с использованием информационно-

телекоммуникационных технологий, необходимо уделить особое внимание расширению возможностей правоохранительных органов в рамках международного сотрудничества с целью построения эффективной системы по предупреждению и борьбе с данными противоправными деяниями.

На сегодняшний день закладываются основы взаимодействия государств в области осуществления правоохранительной деятельности, обеспечения национальной и международной безопасности в информационном пространстве, включая глобальную информационную сеть «Интернет», которые при условии их непрерывного совершенствования могут стать основой построения эффективного сотрудничества на международном и региональном уровнях в области борьбы с преступностью в сфере информационных технологий.

Рядом предложений озвучен в докладе Управлением ООН по наркотикам и преступности [11] по совершенствованию системы по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в отношении несовершеннолетних. Мы попробовали адаптировать их непосредственно к преступлениям, связанным с распространением детской порнографии, совершаемым подобным образом:

1. Государства должны соблюдать на правовом поле баланс между защитой детей и правами человека. Одним из наиболее сложных вопросов, с которым сталкиваются законотворческие органы государств в противодействии преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в отношении несовершеннолетних, является установление справедливого баланса между безопасностью детей в интернете и защитой международно признанных прав человека.

2. Обеспечение соответствия законодательства технологическим инновациям.

3. Создание специализированных подразделений с личным составом, прошедшим соответствующую подготовку именно в области противодействия «киберпреступности».

4. Доступ к самым современным технологическим ресурсам. Чтобы идти в ногу с технологическими инновациями и эффективно выявлять, раскрывать и расследовать преступления против общественной нравственности, в том числе связанные с изготовлением, хранением, распространением порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет, сотрудникам правоохранительных органов необходим доступ к самому современному оборудованию. Современные технико-логистические устройства и программное обеспечение, включая высококачественное оборудование для хранения и обработки данных, позволяют в процессе расследования таких преступлений работать с оборудованием, которое многие преступники используют при совершении таких преступлений, что существенно упрощает работу сотрудников.

5. Устранение пробелов в рассматриваемой области в рамках научно-исследовательской деятельности, как основы для дальнейшего формирования эффективной законодательной базы и выстраивания правильной системы правоприменения.

Список литературы

1. Мурадян, С. В. Проблема критериев определения международного характера преступлений / С. В. Мурадян // Закон и право. – 2014. – № 7. – С. 103–107.

2. Резолюция Генеральной Ассамблеи от 25.05.2000 № 54/263 «Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах» // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol1.shtml (дата обращения: 27.02.2022).

3. Конвенция Совета Европы о компьютерных преступлениях от 23.11.2001 // Официальный сайт Совета Европы. – URL: https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention (дата обращения: 04.03.2022).

4. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия от 25.10.2007 // Официальный сайт Совета Европы. – URL: https://rm.coe.int/168046e1da (дата обращения: 04.03.2022).

5. Решение Совета от 06.04.2009 о создании Европейского полицейского ведомства (Европол) // Сайт «Право Европейского Союза». – URL: https://eulaw.ru/translation/reshenie-o-sozdanii-evropola/ (дата обращения: 27.02.2022).

6. Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA), 2020 // Официальный сайт Европола. – URL: https://www.europol.europa.eu/publications-events/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment-iocta-2020 (дата обращения: 26.02.2022).

7. Взаимодействие с Европолом // Официальный сайт МВД России. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola/Vzaimodejstvie_s_Evropolom (дата обращения: 26.02.2022).

8. Указ Президента Российской Федерации от 14.12.2021 № 708 «О внесении изменения в Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.02.2022).

9. Указ Президента Российской Федерации от 12.04.2021 № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.02.2022).

10. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.02.2022).

11. The report of United Nations Office on Drugs and Crime «Study on the Effects of New Information Technologies on the Abuse and Exploitation of Children» // Официальный сайт Управления ООН по наркотикам и преступности. – URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/Study_on_the_Effects.pdf (дата обращения: 04.03.2022).

Назырова Н. А.[1]***,***
адъюнкт кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института МВД России

О НЕДОСТАТКАХ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО БОРЬБЕ С ОТДЕЛЬНЫМИ ВИДАМИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Современные экономические преступления не знают территориальных границ. Потерпевшими от преступных махинаций, связанных с созданием финансовых пирамид, совершением мошенничеств с использованием электронных средств платежа и других видов общественно-опасных деяний в сфере экономики становятся как российские граждане и юридические лица, так и иностранные. Одновременно с принятием решений о возбуждении уголовных дел по подобным криминальным фактам на следователя возлагается важная правоохранительная задача о выполнении комплекса предусмотренных действий по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением. Реализация поставленной задачи во многом осложняется, если преступники использовали в выводе денежных средств фиктивные юридические лица, посредством которых осуществляется как обналичивание, так и легализация преступных денежных доходов. Однако деятельность фиктивного юридического лица может быть направлена и на выполнение других теневых ролей.

В частности, такие юридические лица заключают договоры с операторами сотовой связи по приобретению сим-карт, которые впоследствии передаются для связи участникам преступлений, а также применяются непосредственно для совершения криминальных деяний, например в работе мошеннических *call*-центров, предлагающих различные варианты «выгодных финансовых вложений». Кроме того, использование фиктивного юридического лица может происходить не только в экономических преступных схемах, но и преступлениях, совершаемых против общественной безопасности (например, для финансирования терроризма, осуществления контрабанды предметов, материалов и веществ, охватываемых нормами, предусмотренными ст. 226.1 Уголовного кодекса РФ), против здоровья населения и общественной нравственности (в частности, при незаконном обороте наркотических средств). Часто организаторами указанных преступлений бывают сами иностранные граждане, создающие этнические группировки [1, с. 114].

Так, организаторами контрабанды леса, относящегося к стратегическому сырью, направляемому в Китай в большинстве случаев являются граждане Китая. Они обеспечивают рынок сбыта незаконно вырубленного леса на территории своей страны, а фиктивные юридические лица на территории России задействуются ими для придания видимости легальности документам, предъявляе-

[1] © Назырова Н. А., 2022.

мым таможенной службе для его вывоза через границу. Контрабанда не единственный вид преступлений, для совершения которых осуществляется незаконное образование юридического лица, где за его номинальным руководителем фактически стоит иностранный гражданин.

Деятельность фиктивных юридических лиц, используемых в качестве средства для нарушений закона и достижения преступных целей, сокрытия причастности организаторов к тому или иному деянию, за которое предусмотрена уголовная ответственность, влечет значительное число негативных последствий.

Фиктивное юридическое лицо представляет собой прошедшую государственную регистрацию действующую организацию, способную под видом участника гражданского оборота осуществлять различные финансовые операции, в которой фактическое управление принадлежит третьим заинтересованным лицам, не входящим в нее в качестве участников (учредителей) или исполнительного органа, в целях исключения любой их ответственности [2, с. 20–21]. Если в российском законодательстве введена уголовная ответственность за непосредственное образование фиктивного юридического лица вне зависимости от преступных последствий его деятельности, то в зарубежных странах устранение подобных лиц предусмотрено в рамках гражданского судопроизводства [3, с. 43]. Вопрос об административной или уголовной ответственности встает лишь при условии совершения ими незаконных действий [4, с. 139]. В случаях, когда необходимо обеспечить защиту прав пострадавших от действий фиктивных юридических лиц в рамках ведения ими хозяйственной деятельности, устанавливается «теневой директор» для привлечения его к ответственности по возникшим обязательствам. В англосаксонской системе права применяется понятие «корпоративная вуаль», которая по результатам доказывания факта использования «теневым директором» конструкции юридического лица для незаконной деятельности снимается судом. Методы доказывания схожи со следственными.

Установление и изобличение организаторов совершения незаконного образования юридических лиц до настоящего времени проблематичны для действующих отечественных правоприменителей, о чем свидетельствуют низкие результаты их раскрываемости и направления в суд с обвинительными заключениями. Изложенное обусловливает неспособность обнаружить распорядителя денежных средств, а также отследить денежные потоки, как правило, в целой цепи транзакций нескольких фиктивных юридических лиц, чтобы иметь возможность наложить арест на средства, полученные преступным путем, а также пресечь деятельность всех участников преступных групп.

Определенными препятствиями на пути решения указанных правоохранительных задач являются имеющиеся проблемы в эффективном международном сотрудничестве, хотя к настоящему времени Россией и подписаны многосторонние, двусторонние и региональные договоры по оказанию взаимной правовой помощи в сфере уголовного правосудия более чем с 70-ю странами. Во многом отсутствию должной эффективности способствует нежелание других

государств участвовать в стабилизации экономического развития России, обеспечении ее привлекательности для иностранных инвесторов, которые будут опасаться финансовых потерь в связи с недостаточной прозрачностью деятельности юридических лиц.

Так, в настоящее время значительная часть документооборота между организациями осуществляется посредством электронных данных, и это не исключение и для фиктивных юридических лиц, действующих под видом полноправных хозяйствующих субъектов экономического рынка. Не всегда необходимые органам следствия для установления обстоятельств совершенного преступления электронные данные могут быть изъяты с исходным носителем информации. Причиной отсутствия объективной возможности изъятия такого носителя информации служит нахождение его на международном сервере. Без оказания правовой помощи страной, в которой расположен искомый сервер, изъять и исследовать содержащуюся на нем информацию не представляется возможным, что приводит к сложностям в формировании доказательственной базы и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Понимание важности международного сотрудничества в данном ключе достигнуто не только отечественными учеными и правоохранителями, но и представителями других государств [5, с. 189], в то же время реализация на практике запрашиваемой правовой помощи носит затяжной характер и часто не достигает каких-либо результатов, теряясь в бюрократических механизмах. Аналогичные трудности по получению правовой помощи возникают и в случаях необходимости получения сведений для отслеживания движения денежных средств, переведенных на счета зарубежных государств, допроса иностранных граждан, решении вопроса о возврате имущества, добытого преступным путем, и др.

Подводя итоги, отметим, что теневая экономика и другие сферы организованной преступности давно консолидировались между собой, в связи с чем сегодня уже нельзя говорить о том, что борьба с незаконным образованием юридических лиц носит исключительно характер противодействия экономическим преступлениям. Фиктивные юридические лица, являясь средством совершения ряда тяжких и особо тяжких преступлений, привлекают к себе внимание и иностранных граждан, которые наряду с российским криминалитетом фактически управляют их деятельностью. Указанные обстоятельства являются основанием для активного международного сотрудничества в целях изобличения организаторов подобных преступлений и пресечения их деятельности. Без данного сотрудничества невозможно достичь результатов и в борьбе с преступлениями, угрожающими всему мировому сообществу, в частности терроризмом и незаконным оборотом наркотических средств. Полагаем, что противодействие незаконному образованию юридических лиц входит в «комплексный удар по экономическим основам организованной преступной деятельности коррупционной, террористической и экономической направленности» [6, с. 336], которая должна проводиться на международном уровне с оказанием необходимой взаимной правовой помощи.

Список литературы

1. Грибунов, О. П. Характеристика личности преступников, входящих в организованные преступные группы, созданные на этнической основе: криминалистический аспект / О. П. Грибунов, А. Н. Залескина, А. А. Терещенко // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (92). – С. 112–118.

2. Назырова, Н. А. Совершенствование методики раскрытия, расследования и предупреждения незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица : автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Н. А. Назырова. – Иркутск, 2021. – 31с.

3. Яценко, Т. С. Фиктивные юридические лица в России и зарубежных странах: понятие, признаки и правовые способы противодействия им / Т. С. Яценко // Юристъ-Правоведъ. – 2008. – № 4 (29). – С. 42–47.

4. Криони, А. Е. Пять признаков фиктивного предпринимательства / А. Е. Криони // Менеджмент в России и за рубежом. – 2010. – № 3. – С. 139–144.

5. Wang B., Liu Y. Collection and Judgment of Electronic Data Evidence in Criminal Cases: From the Perspective of Investigation and Evidence Collection by Public Security Organs // J Forensic Sci Med. – 2019. – № 5. – С. 187–194.

6. Куликов, Р. С. Контрабанда как форма внешнеэкономической преступной деятельности: новые направления уголовной политики / Р. С. Куликов, А. В. Петрянин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 3 (37). – С. 334–338.

Помелова А. А.[1]***,***
курсант 2 курса
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Пузырева Ю. В.,
заместитель начальника кафедры
прав человека и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМАТИКА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ С НЕЛЕГАЛЬНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ ВРЕДНЫХ ВЫБРОСОВ

В последние годы изменение климата стало существенной темой многочисленных современных дискуссий. Изменение климата заметят даже простые люди. Его присутствие и существование вредны для людей и планеты в целом. Он затрагивает все районы земного шара, независимо от политических границ, – это международный вопрос. Чтобы противостоять и разрешить ее, человечество предприняло несколько попыток, и создание Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (далее – РКИК ООН) [1] оказалось наиболее эффективным.

Парижское соглашение (далее – Соглашение) [2], как следует из названия, является соглашением в рамках РКИК ООН, он определен на официальном сайте ООН как «имеющий обязательную юридическую силу международный договор об изменении климата» [3]. В настоящее время в Соглашении участвуют 194 стороны [4]. К Соглашению официально присоединились более половины участников выбросов парниковых газов (далее – ПГ) [3, ст. 21.1]. Сторона может быть либо страной, либо региональной организацией экономической интеграции и ее государствами-членами; единственная Сторона, которая является организацией, – это Европейский Союз вместе с его 27 государствами-членами (ранее – 28, включая Соединенное Королевство).

Цель экологического объединения государств – это «усиление глобального ответа на угрозу изменения климата» путем предотвращения повышения средней глобальной температуры более чем на 2°C по сравнению с доиндустриальными уровнями, предпочтительно ограничить повышение до 1,5° C, поскольку «это значительно снизит риски и последствия изменения климата»; адаптация к новым или грядущим мировым условиям таким образом, чтобы это не угрожа-

[1] © Помелова А. А., 2022.

ло производству продуктов питания; и, кроме того, «как можно скорее достичь глобального пика выбросов парниковых газов», поскольку глобальное потепление – прямой результат чрезмерных выбросов парниковых газов [3].

Для достижения цели должен быть вклад от каждой стороны. Все страны должны подавать определяемые на национальном уровне вклады (*NDC*) (ст. 9 Парижского соглашения 2015 г.) [3], в которых они сообщают о своих «наивысших возможных амбициях» в соответствии со своими обязанностями и возможностями, которые могут варьироваться от одного государства к другому. Кроме того, Соглашение действует на основе пятилетнего цикла, поэтому стороны будут каждые пять лет представлять НЦД (ст. 4.2 Парижского соглашения 2015 г.) [3] с повышением уровня амбиций.

Следуя этому плану и образцу, климатически нейтральный мир может быть достигнут к середине 21 века – долгосрочная цель Соглашения [8].

Говоря об экономике России, которая одна из крупнейших в мире, следует отметить, что ее структура и характер (особенно энергетический сектор) имеют отношение к изменению климата: она в значительной степени зависит от ископаемого топлива, добычи нефти и газа, что чрезвычайно вредно для окружающей среды. Кроме того, в России есть обширные лесные массивы, северные леса – неотъемлемая часть круговорота CO2. Эти факторы делают страну потенциально существенной угрозой стабильности климата в планетарном масштабе.

«Климатическая политика в России начала развиваться прежде всего благодаря ее участию в международных организациях по смягчению последствий изменения климата» [5, с. 39]. Климатическая доктрина Российской Федерации – первый официальный документ, касающийся изменения климата, – была утверждена в 2009 г. [6, с. 3]. В ней «признается антропогенный характер изменения климата и подчеркивается готовность России ограничивать и сокращать выбросы парниковых газов». Но выполнения плана (которое вначале было расплывчатым) оказалось недостаточно. В то время было предпринято еще несколько попыток регулирования угрожающего энергетического сектора, но все они также оказались безуспешными. Тем не менее спустя полвека сокращение выбросов парниковых газов было довольно значительным (результат первого периода обязательств по Киотскому протоколу), что дало России возможность не сокращать, а увеличивать свои выбросы. Было признано, что наиболее выгодное направление политики как для страны, так и для климата – переход в энергетическом секторе к более экологичному пути.

Несмотря на «зелёную политику», в стране есть проблема нелегального производства вредных выбросов. Их можно поделить на два вида: те, которые не регистрируются в разрешительной документации предприятия выброс загрязняющих веществ, и сами нелегальные предприятия, осуществляющие свою деятельность по производству или переработке веществ, последствия выбросов которых оказывают вредное воздействие на окружающую среду, в природоохранных зонах (заповедниках, береговой линии и т. д.). У каждого предприятия есть разрешительные документы об инвентаризации веществ в атмосферный воздух и декларация о воздействии на окружающую среду. Кроме того, у каждого предприятия должны быть разработаны и утверждены списки мero-

приятий по уменьшению выбросов загрязняющих веществ. Проверку соблюдения данных правил проводит природоохранительная прокуратура. При их несоблюдении считается, что выбросы нелегальны.

В Градостроительном кодексе РФ[1] указаны ограничения по строительству производящих и перерабатывающих цехов. Нарушение этих правил влечёт административную ответственность. Такие нарушения ежегодно выявляются прокуратурой, и происходят, как правило, из-за ошибок местной администрации, с согласования которой и происходит строительство.

Добровольный характер и относительная свобода Парижского соглашения отражают более современный подход к проблеме изменения климата. Присоединение государств к многообещающей инициативе позволит не только внести вклад в международное сотрудничество, но и усилить внимание людей на давно развивающуюся экологическую проблему.

Список литературы

1. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата от 09.05.1992 // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 17.03.2022).

2. Парижское соглашение. Меры по борьбе с изменением климата // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement (дата обращения: 17.03.2022).

3. Парижское соглашение от 12.12.2015 // Официальный сайт ООН. – URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 17.03.2022).

4. Paris Agreement. Paris, 12 December 2015. Status of Treaties // United Nations Treaty Collection. – URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-7-d&chapter=27&clang=_en (дата обращения: 17.03.2022).

5. Gusev. Evolution of Russian Climate Policy: from the Kyoto Protocol to the Paris Agreement // Dans L'Europe en Formation, 2016. Volume 380, Issue 2, 2016, pp. 39 – 52.

6. Makarov I., Chen Y.-H. H., Paltsev S. Finding Itself in the Post-Paris World: Russia in the New Global Energy Landscape. MIT Joint Program on the Science and Policy of Global Change. December 2017. Report 324. pp. 1–18.

7. Пузырева, Ю. В. Вклад Организации Объединенных Наций в международно-правовое регулирование охраны окружающей среды // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 4. – С. 52–57.

[1] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022 (ред. от 30.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 01.03.2022).

Соловьева А. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИДЕЙ О СПРАВЕДЛИВОМ СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ В НОРМАХ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Задолго до своего закрепления в фундаментальных универсальных и региональных международно-правовых актах в XX в., право на справедливое судебное разбирательство (в контексте отдельных его элементов) начало формироваться в нормах внутригосударственного права.

Законы двенадцати таблиц [1] (451–450-е годы до н.э.) в Древнем Риме закрепили равенство граждан перед законом (никто не имел каких-либо преимуществ перед судом), устанавливали запрет на лишение человека жизни без суда, ввели смертную казнь для судей, изобличенных в получении взятки, что выступало залогом отсутствия предубежденности и предвзятости во время отправления правосудия (таблица IX).

Один из фундаментальных памятников английского права, Великая хартия вольностей (1215 г.) [2], в ст. 39 и 40 закрепила запрет на незаконное лишение имущества, наложение каких-либо наказаний, необоснованные аресты без законного приговора, а также провозгласила беспристрастность правосудия. В последующей редакции 1225 г., Великой хартии Генриха III [3, с. 51], в ст. 29 также установлен запрет на необоснованные наказания без «правильного» приговора суда, а также на взяточничество судей и затягивание судебного процесса. А в более поздней редакции 1354 г. [4] утверждалось, что ни один человек не должен претерпевать наказание, за исключением тех случаев, когда он привлечен к ответственности на основании «надлежащей правовой процедуры».

Хабеас корпус акт (1679 г.) [7], еще один важнейший английский правовой документ, имеет в своем содержании понятие «надлежащая судебная процедура», которая важнейшие гарантии и принципы справедливого судебного разбирательства: законность задержания, презумпция невиновности, быстрый и оперативный суд.

Идеи об исследуемом нами праве в контексте некоторых его элементов можно проследить и в русских правовых памятниках. Например, в ст. 3 Псковской судной грамоты (1467 г.) [5, с. 2] закреплено требование не проявлять каких-либо снисхождений к виновным, а также не подвергать наказаниям невиновных. Кроме того, в названном акте многократно употребляется требование отправления правосудия «справедливо, по присяге».

---

[1] © Соловьева А. С., 2022.

Принцип равенства каждого перед законом и судом, а также равноправия сторон, гарантии презумпции невиновности, отправления правосудия без необоснованных задержек – важнейшие компоненты исследуемого нами права, закреплены и подробно раскрыты в статьях первого раздела Статута Великого княжества Литовского (1529 г.) [6].

Билль о правах (1791 г.) [8], неофициальное название первых десяти поправок к конституции США, является источником небезызвестных норм, устанавливающих понятие «надлежащее судебное разбирательство», без производства которого нельзя было назначить наказание, помимо этого гарантии презумпции невиновности, право не свидетельствовать против самого себя, а также принцип, согласно которому никто не должен быть наказан дважды за одно преступление (поправка 5). Кроме того, закреплены немаловажные права человека в уголовном судопроизводстве: право знать, в чем он обвиняется, право на помощь защитника и другие (поправка 6).

В результате изменений политического, экономического и социального характера в обществе на базе норм национального права в XX в. были разработаны и приняты международные документы как на универсальном, так и на региональном уровне закрепляющие идеи о справедливом судебном разбирательстве.

С принятием 10 декабря 1948 г. Всеобщей декларации прав человека [10] (далее – ВДПЧ), ставшей основой для принятых в будущем международных договоров в области прав человека, связан новый этап в развитии идей об исследуемом нами праве на универсальном уровне. В ст. 10 ВДПЧ закреплено право каждого обвиняемого в преступлении на рассмотрение его дела с соблюдением требований справедливости независимым и беспристрастным судом, гласно, на основе полного равенства. Более того, в ст. 7–9, 11 провозглашены основополагающие права и гарантии человека в рамках уголовного судопроизводства: равенство перед законом, доступ к правосудию, запрет от незаконного задержания, презумпция невиновности.

Основывая свои положения на ВДПЧ, системообразующую роль в формировании на универсальном уровне идей о праве на справедливое судебное разбирательство сыграл Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) [12] (далее – МПГПП). В ст. 14 МПГПП учреждается равенство всех перед судом, а также право каждого при предъявлении ему уголовного обвинения на справедливое и публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом. Помимо этого, в рассматриваемой статье указанного международного договора закреплены гарантии презумпции невиновности, а также перечислены фундаментальные права человека в уголовном судопроизводстве и принципы, затрагивающие отправление правосудия.

Говоря о развитии идей о справедливом судебном разбирательстве на региональном уровне, нельзя не упомянуть об Американской декларации прав и обязанностей человека [9], принятой на 7 месяцев раньше, чем ВДПЧ, 2 мая 1948 г. В ст. 18 международного документа установлено право на справедливый суд, которое предполагает, что каждый может обратиться в суд в целях обеспечения соблюдения своих законных прав в ходе простой процедуры в со-

ответствии с установленными сроками. Кроме того, Американская декларация прав и обязанностей человека устанавливает равенство каждого перед законом (ст. 2), гарантии от необоснованного ареста (ст. 25), а также «право на надлежащую правовую процедуру», которая включает право на беспристрастное публичное разбирательство, презумпцию невиновности и запрет на назначение жестоких наказаний (ст. 26).

Исследуемое право в рассматриваемой нами формулировке нашло закрепление в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) [11], где устанавливается, что каждый человек в рамках спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство беспристрастным и независимым судом в разумный срок. Вместе с тем имеются гарантии презумпции невиновности, а также минимальные права обвиняемого.

Еще один региональный договор, Американская конвенция о правах человека (1969 г.) [13], в ст. 8 закрепляет право на справедливый суд, которое подразумевает слушание дела независимым и беспристрастным судом с учетом разумного срока и надлежащих гарантий, а также презумпцию невиновности и комплекс минимальных прав человека в уголовном судопроизводстве.

В ст. 7 Африканской хартии прав человека и народов (1981 г.) [14] провозглашено право человека на рассмотрение его дела. Оно конкретизируется через право на доступ к суду вместе с гарантиями презумпции невиновности, разумного срока, беспристрастного суда и правом на защиту.

Арабская хартия прав человека (2004 г.) [15] в ст. 12, 13 и 16 провозглашает право каждого на справедливое судебное разбирательство компетентным, независимым и беспристрастным судом, гарантии презумпции невиновности личности, равенство каждого перед судом, независимость судебной власти, закрепляет совокупность минимальных прав обвиняемого.

Резюмируя изложенное, закономерен вывод о том, что акты национального права послужили основой для становления идей о справедливом судебном разбирательстве, которые получили свое закономерное развитие в нормах международного права на универсальном и региональном уровнях.

Список литературы

1. Законы двенадцати таблиц // История Древнего Рима. – URL: http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975 (дата обращения: 10.02.2022).

2. Великая хартия вольностей // Восточная литература. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/1200-1220/Magna_charta1215/text2.phtml (дата обращения: 10.02.2022).

3. Великая хартия Генриха III // Собрание конституционных актов. Выпуск II: Конституции: Австрии, Австро-Венгрии, Венгрии, Англии, Соединенных Штатов. – М. : Издание В.М. Саблина, 1905. – 80 с.

4. Liberty of Subject (1354) // Legislation.gov.uk – the official home of UK legislation. – URL: https://www.legislation.gov.uk/aep/Edw3/28/3/section/III (дата обращения: 15.02.2022).

5. Псковская судная грамота / пер. Л. В. Черепнина. – 16 с. // elf.ucoz.net. – URL: https://elf.ucoz.net/Pravo/IOGP/pskov_sud_gram.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

6. Статут Великого княжества Литовского // Восточная литература. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-1540/Statut1529/text1.phtml?id=2270 (дата обращения: 17.02.2022).

7. Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (Habeas Corpus Act) // Восточная литература. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1660-1680/Akty_parlament/akt_habeas_corpus_26_05_1679.phtml?id=4891 (дата обращения: 15.02.2022).

8. The Bill of Rights // National Archives. – URL: https://www.archives.gov/founding-docs/bill-of-rights-transcript (дата обращения: 17.02.2022).

9. American Declaration of the Rights and Duties of Man // Human Rights Library. – University of Minnesota. – URL: http://hrlibrary.umn.edu/oasinstr/zoas2dec.htm (дата обращения: 17.02.2022).

10. Всеобщая декларация прав человека // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 17.02.2022).

11. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Официальный сайт Европейского Суда по правам человека. – URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 21.02.2022).

12. Международный пакт о гражданских и политических правах // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 17.02.2022).

13. Американская конвенция о правах человека // Human Rights Library. – University of Minnesota. – URL: http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rzoas3con.html (дата обращения: 21.02.2022).

14. Африканская хартия прав человека и народов // Human Rights Library. – University of Minnesota. – URL: http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rz1afchar.html (дата обращения: 21.02.2022).

15. Arab Charter on Human Rights // Human Rights Library. – University of Minnesota. – URL: http://hrlibrary.umn.edu/instree/loas2005.html?msource=UNWDEC19001&tr=y&auid=3337655 (дата обращения: 21.02.2022).

Стефаненко А. П.[1]*,*
адъюнкт
научно-педагогического факультета
Академии Министерства внутренних дел
Республики Беларусь

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ И ТАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ВЫЕМКИ

Развитие любой науки и отдельных ее отраслей закономерно предопределяется как результатами теоретического обобщения данных практики, так и все более глубоким пониманием предмета науки в результате построения теорий [1, с. 465].

Уголовно-процессуальная и оперативно-разыскная деятельности неразрывно связаны между собой и могут взаимодействовать в различных сферах: теория и практика, законодательство и наука. Несмотря на то что данные виды деятельности регламентированы различными законодательными актами, отличаются спецификой и компетенцией, их взаимосвязь обусловлена общими целями и задачами.

Нередко результаты оперативно-разыскной деятельности служат основанием для начала предварительного расследования, а следственным органам не всегда просто провести полное, объективное и всестороннее расследование преступления без участия органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. В таких случаях, т. е., когда речь идет о взаимодействии в рамках одного или нескольких уголовных дел, возбужденных на основании материалов, полученных в результате оперативно-разыскной деятельности, можно говорить, что функция следователя в основном заключается в производстве следственных и иных процессуальных действий в пределах расследуемого уголовного дела, а функция сотрудников оперативных подразделений – в проведении оперативно-разыскных мероприятий, сопровождающих ход расследования. В свою очередь, оперативно-разыскное сопровождение расследования уголовного дела может выражаться в проведении тактических операций, в том числе связанных с производством конкретных следственных действий.

Организация и тактика производства следственных действий, а также их оперативно-разыскное сопровождение изучали ученые, которые обращали внимание на те или иные особенности осуществления данной деятельности [2–5].

Как представляется, одной из форм выражения оперативно-разыскной деятельности относительно обеспечения уголовного процесса может являться оперативно-разыскное сопровождение как предварительного расследования в целом, так и отдельных следственных действий в частности, одним из которых является выемка.

---

[1] © Стефаненко А. П., 2022.

По мнению Кукреш Л. И. выемка – это следственное действие, заключающееся в принудительном изъятии предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, если точно известно, где и у кого они находятся [6, с. 148]. Данное следственное действие является близким к обыску, но имеет ряд отличий. Для обыска характерно, что следователь точно не знает, какие именно предметы, документы, ценности, следы, имеющие отношение к делу, могут быть обнаружены [7, с. 274]. Обыск обычно производится независимо от выдачи, находящимися в помещении лицами, каких-либо предметов, имеющих отношение к делу. При выемке точно известны искомый предмет и его местонахождение, и только он необходим для дела, а его владелец, как правило, не отрицает, что данный предмет имеется у него. Таким образом, действия следователя при выемке сводятся к тому, что он предлагает лицу или представителю организации выдать данный предмет, а при отказе производит принудительное изъятие.

Борико С. В. под выемкой понимает следственное действие, состоящее в изъятии конкретных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, если точно известно, где и у кого они находятся [8, с. 209].

Аналогичной позиции придерживается Луценко О. А., который полагает, что выемка представляет собой следственное действие, заключающееся в изъятии определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, местонахождение которых точно известно [9]. При этом порядок и основания проведения обыска и выемки регламентированы одними и теми же нормами уголовно-процессуального законодательства.

Юридическим основанием проведения выемки является постановление, вынесенное следователем, органом дознания. Проведение выемки документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, должно быть санкционировано прокурором или его заместителем, за исключением случаев их проведения по постановлению Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности [10].

К участию в проведении выемки следователь вправе привлечь специалиста, понятых, а также сотрудников органа дознания, в том числе осуществляющих оперативно-разыскное сопровождение расследуемого уголовного дела [11, с. 144].

Сотрудники органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, участвуют в проведении выемки не только с целью изъятия объектов, имеющих значение для уголовного дела, но и для наблюдения за поведением присутствующих лиц, пресечения попыток противодействия законным действиям следователя, охраны места проведения следственного действия.

Кроме того, участие оперативных сотрудников в производстве выемки может выражаться в проведении оперативно-разыскных мероприятий, осуществляемых параллельно с расследованием [12, с. 75]. А в тех случаях, когда возбуждению уголовного дела предшествовала оперативная разработка и ее результаты явились основанием начала расследования, дальнейшее участие указанных сотрудников можно расценивать как оперативно-разыскное

сопровождение расследования уголовного дела, в том числе проведения следственных действий, в частности выемки.

В таких случаях, заблаговременное планирование и проведение отдельных оперативно-разыскных мероприятий, сопровождающих проведение выемки, может сыграть решающую роль в результативности данного следственного действия. Это мероприятия: «оперативный осмотр», «исследование предметов и документов», «сбор образцов», «наблюдение», «оперативный опрос», «контроль в сетях электросвязи», «слуховой контроль», «контроль почтовых отправлений» [13].

Однако, по нашему мнению, одного лишь оперативно-разыскного сопровождения процессуального действия, выраженного в проведении оперативно-разыскных мероприятий, недостаточно для его эффективного производства.

Профессиональное и грамотное применение следственных, оперативно-разыскных средств и методов, направленных на борьбу с преступностью, а также их умелое сочетание в ходе расследования уголовного дела при производстве следственных и иных процессуальных действий можно рассматривать как тактику процессуального действия.

Тактические приемы подготовки, осуществления, фиксации и оценки результатов процессуального действия также компоненты его тактики, которая служит для обеспечения максимальной эффективности в достижении целей предварительного расследования.

Тактика процессуального действия в теории и на практике выражается в концепции и виде тактических операций. Впервые идею тактических операций сформулировал Дулов А. В. в 1972 г. В 1979 г. автор предложил рассматривать тактическую операцию как совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий [14].

Схожей точки зрения придерживаются Драпкин Л. Я. и Шиканов В. И., которые полагают, что тактическая операция представляет собой систему (комплекс) целенаправленных и согласованных между собой следственных и оперативно-разыскных действий, направленных на решение тактических задач следствия [15, с. 44; 16, с. 54].

По нашему мнению, тактические операции представляют собой совокупность не только следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, направленных на решение конкретной следственной задачи, но и составлять комплекс указанных действий и мероприятий, осуществляемых в сочетании с тактическими приемами в рамках одного следственного действия выемки.

Таким образом, можно предположить, что тактическая операция является наиболее оптимальным и эффективным средством решения задач предварительного расследования, в том числе связанных с производством следственных и иных процессуальных действий. Кроме того, она форма взаимодействия следственных органов и органов, осуществляющих оперативно-разыскное сопровождение уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, что оперативно-разыскное сопровождение конкретного следственного или иного процессуального действия следователя не должно сводиться к формальному исполнению соответствующего поручения следователя сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. Производство самого процессуального действия, участие в нем или проведение оперативно-разыскных мероприятий параллельно с ним, не гарантирует достижения высокого результата.

Изложенные предположения отражают структурно-системный подход к определению оперативно-разыскного сопровождения и тактики проведения процессуальных действий. Понимание оперативно-разыскного сопровождения как комплексного по содержанию института оперативно-разыскной деятельности и тактики проведения следственных и иных процессуальных действий как криминалистического института создает условия для эффективной разработки входящих в их структуру элементов, неразрывно связанных между собой в единую систему действий, обусловленных общими целями расследования уголовного дела и борьбы с преступностью.

Список литературы

1. Аверьянова, Т. В. Криминалистика : учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская; под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации проф. Р. С. Белкина. – М. : НОРМА – ИНФРА, 1999. – 990 с.

2. Балашов, Д. Н. Криминалистика : учебник / Д. Н. Балашов, Н. М. Балашов, С. В. Маликов. – М. : ИНФРА-М, 2014. – 503 с.

3. Белозеров, Ю. Н. Производство следственных действий : учебное пособие / Ю. Н. Белозёров, В. В. Рябоконь. – М. : СССШМ МВД СССР, 1990. – 66 с.

4. Белкин, Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы / Р. С. Белкин. – М. : Наука, 1966. – 120 с.

5. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 848 с.

6. Кукреш, Л. И. Уголовный процесс. Особенная часть : учебное пособие / Л. И. Кукреш. – Минск : Тесей, 2000. – 272 с.

7. Криминалистика : учебник для вузов / [А. Н.Васильев и др.], под ред. С. А. Голунского. – М. : Госюриздат. – 1959. – 512 с.

8. Борико, С. В. Уголовный процесс : учебник / С. В. Борико. – Минск, 2010. – С. 209.

9. Луценко, О. А. Обыск и выемка. Процессуальный порядок, тактика и доказательственное значение / О. А. Луценко. – Ростов н/Д, 2005. – 63 с.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2003.

11. Уголовный процесс. Особенная часть : учебное пособие : в 2 т. Т. 1. – Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2017. – 265 с.

12. Яскевич, А. В. Оперативно-розыскное сопровождение уголовно-процессуальной деятельности / А. В. Яскевич, А. П. Стефаненко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2020. – № 1 (39). – С. 71–75.

13. Закон от 15.07.2015 «Об оперативно-розыскной деятельности» // pravo.by. – URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H12100088_1610571600.pdf (дата обращения: 24.12.2021).

14. Дулов, А. В. Тактические операции при расследовании преступлений / А. В. Дулов. – Минск : Изд-во БГУ, 1979. – 128 с.

15. Шиканов, В. И. Тактическая операция как важнейший структурный элемент следственной тактики и одна из форм сотрудничества органов следствия и дознания / В. И. Шиканов // Проблемы советского государства и права. – Иркутск, 1975. – № 9. – С. 44.

16. Драпкин, Л. Я. Особенности информационного поиска в процессе расследования и тактика следствия / Л. Я. Драпкин // Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. – Л., 1976. – С. 54.

Тишкова Д. С.[1]*,*
командир отделения 593 учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Пузырёва Ю. В.*,*
заместитель начальника кафедры
прав человека и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

РОЛЬ МИРОТВОРЧЕСКИХ МИССИЙ ООН И ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОСТКОНФЛИКТНЫЙ ПЕРИОД

Одна из важнейших целей Организации Объединенных Наций (ООН) – «поддержание международного мира и безопасности» [1]. Для её реализации ООН прибегает к развёртыванию миротворческих миссий различного формата в регионах, где есть угроза возникновения конфликта, необходимо разрешение уже протекающего конфликта или требуется обеспечить защиту прав мирного населения и восстановление государственных структур после окончания конфликтного противостояния. При этом «потенциал миротворчества все активнее реализуется в широком спектре гражданских задач по реформированию сектора государственного управления, укреплению законности и безопасности на территориях конфликтов» [2, с. 8].

Несомненно, обеспечение безопасности общества и населения, снижение уровня преступности являются неотъемлемыми условиями для формирования стабильного мира в постконфликтных условиях, «определяют важность и значимость своевременного объединения усилий большинства государств для решения такой глобальной задачи в современном мире как борьба с преступностью» [3]. Для выполнения данной задачи в кругах ООН уделяется все большее внимание организации «взаимодействия и комплексного использования сил и средств различных акторов, в условиях, когда миростроительные задачи распределяются среди параллельно проводимых различными организациями и блоками миссий» [2, с. 23].

Миссии ООН, действующие параллельно с миссиями региональных и субрегиональных организаций, альянсов и коалиций, участились после окончания «холодной войны», при этом подавляющее большинство этих миссий имеют

[1] © Тишкова Д. С., 2022.

мандат Совета Безопасности (СБ) ООН. С 1992 г. СБ ООН санкционированы около сорока параллельных миссий и лишь менее десяти параллельных миссий существовали без его одобрения.

По мнению зарубежных исследователей, параллельные миротворческие операции имеют как положительные, так и отрицательные стороны. В качестве положительного полюса международного партнерства в данной сфере можно отметить, что параллельные миротворческие операции базируются на взаимодополняемости и сравнительных преимуществах сил, обеспечивающих их быстрое развертывание, региональное политическое влияние и легитимность или большую готовность к силовым акциям в целях принуждению к миру. Отрицательным полюсом международного партнерства в миротворческих миссиях может стать «конфликт стратегических политических целей участников, отклонение миротворцев от принципа нейтралитета и конкуренция сил, приводящая к оперативной путанице» [4, p. 1].

Тем не менее каждая параллельная операция уникальна ввиду своего мандата и, соответственно, имеет разные характеристики.

За последние десятилетия параллельные миротворческие силы чаще всего привлекались в случаях, когда:

– необходимо обеспечить безопасность миссий ООН;

– когда миротворцы не могут самостоятельно в полной мере противостоять военной или криминальной угрозе (операция «Артемида» [5], проведенная под руководством Европейского Союза (ЕС) в Демократической Республике Конго во время конфликта в провинции Итури);

– необходимо обеспечить общественную безопасность (операция ЕС «СЕС Демократической Республики Конго», проведенная для обеспечения избирательного процесса в республике в 2006 г. [6];

– необходимо провести операции, выходящие за пределы полномочий ООН (операция французских вооруженных сил «Бархан» проводимая с 2014 г. в Мали) [7].

Подобные параллельные миссии и операции решали преимущественно силовые задачи и поэтому состояли, в основном, из вооруженных военнослужащих. По нашему мнению, данная тенденция напрямую связана с активным проведением ООН многокомпонентных миротворческих операций как элемента кризисного реагирования.

Зарубежные авторы отмечают, что текущие и будущие тенденции развития параллельных миссий и их возможные последствия для ООН включают:

– возможность партнеров, ответственных за обеспечение безопасности, проявлять большую активность при уменьшении «силовой» роли ООН;

– усиление регионального и субрегионального сотрудничества в области безопасности, особенно в Африканском регионе;

– увеличение количества стран и организаций, осуществляющих параллельные миротворческие миссии;

– необходимость поддержки ООН в разрешении оперативных вопросов, а также использования санкционированных СБ ООН новых высокотехнологичных средств [4, p. 2].

Снижение консенсуса в СБ ООН в отношении многокомпонентных миротворческих операций, особенно в таких сферах как обеспечение соблюдения прав человека или миростроительство, может побудить параллельные операции взять на себя больше гражданских функций, традиционно выполняемых ООН. Например, все большее внимание деятельности в области безопасности и правосудия уделяется Миссиями ЕС в сфере общей политики безопасности и обороны (ОПБО). Поскольку многие европейские государства-члены убежденные сторонники защиты прав человека, то можно предположить, что миссии ЕС будут и в дальнейшем развивать свой потенциал, чтобы взять на себя более активную роль в разрешении данного вопроса.

Продолжающееся распространение насильственного экстремизма и терроризма, являясь угрозой общественной безопасности в конфликтных государствах, может привести к развитию силовых коалиционных операций при возможной политической или гуманитарной поддержке ООН. Исторически в последнее время силы ООН привлекаются для придания большей легитимности миротворческим акциям, а также оказания помощи миссиям, инициированным иными организациями, коалициями или же альянсами. И действительно, привлечение сил региональных организаций, например Многонациональная объединенная оперативная группа (состоящей из военных подразделений Бенина, Камеруна, Нигерии, Нигера и Чада) [9], может стать более распространенным явлением, поскольку миротворцы все чаще сталкиваются с вооруженными группировками именно регионального характера. Такие региональные организации и блоки имеют возможность более эффективного противодействия угрозе, поскольку обладают потенциалом оперативного развертывания в регионе, более осведомлены в вопросе предпосылок возникновения и динамики развития конфликта.

Но при этом участие региональных сил может привести к возникновению реальной или предполагаемой угрозы поддержки миротворцами одной из сторон конфликта по этническому или религиозному признакам. Поэтому если борьба с терроризмом или насильственным экстремизмом рассматривается большинством заинтересованных сторон в качестве приоритета, возникает необходимость дополнительного международно-правового регулирования действий миротворцев на глобальном уровне путем закрепления мандата резолюцией СБ ООН. На практике миротворцы ООН могут оказать поддержку в организации мониторинга соблюдения прав человека в тех случаях, когда миссии, развернутые иными организациями, не справляются с поставленными перед ними задачами.

Таким образом, международное партнерство улучшает эффективность миротворческих операций ООН во всех сферах, включая обеспечение безопасности и реформирование сектора правопорядка. Однако в результате изменения характера вооруженных конфликтов, трендов глобальной и региональной геополитики, миротворчество, вероятнее всего, станет переполненной сферой, в которой появятся новые акторы. Это может повлиять на миротворческую поли-

тику ООН в проведении последующих операций, так как параллельные миссии региональных организаций, блоков или стран-партнеров могут изменить алгоритмы действий международного сообщества в целях обеспечения международного мира и безопасности.

Список литературы

1. Устав ООН // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 10.02.2022).

2. Тишков, С. А. Многокомпонентные миротворческие миссии ООН: опыт, проблемы, перспективы : монография / С. А. Тишков. – Орел : ОрелГУЭТ, 2017. – 160 с.

3. Пузырева, Ю. В. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебное пособие / Ю. В. Пузырева, Д. Д. Шалягин. – 2-е изд., доп. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – 148 с.

4. Sherman J., Sarfate A., Dahir I. The Future of UN Peacekeeping and Parallel Operations // International Peace Institute. – URL: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2021/01/Future-of-Peace-Operations-and-Parallel-Forces-js.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

5. Лебедев, А. Конголезский конфликт и международное сообщество / А. Лебедев // Азия и Африка сегодня. – 2007. – № 10. – С. 38–42.

6. Винокуров, Ю. Н. Президентско-парламентские выборы 2006 г. в Демократической Республике Конго: трудный шаг к новой жизни / Ю. Н. Винокуров // Ученые записки Института Африки РАН. – 2015. – № 1 (32). – С. 82–93.

7. Сидоров, А. С. Франция в Сахеле: Текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта / А. С. Сидоров // Актуальные проблемы Европы. – 2018. – № 4. – С. 116–137.

8. Общая политика безопасности и обороны ЕС // Сайт Европейской Службы Внешних Связей. – URL: https://eeas.europa.eu/topics/crisis-response/5392/csdp-structure-instruments-and-agencies_en (дата обращения: 15.02.2022).

9. О Многонациональной совместной оперативной группе // Сайт Многонациональной совместной оперативной группы. – URL: https://mnjtffmm.org/about/ (дата обращения: 18.02.2022).

10. Пузырева, Ю. В. Организационное и правовое обеспечение участия сотрудников органов внутренних дел российской федерации в миротворческих операциях и в зонах вооруженных конфликтов : учебное пособие / Ю. В. Пузырева, Д. Д. Шалягин. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. – 115 с.

Теткин Д. В.[1],
доцент кафедры уголовного процесса
Рязанского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Троицкий А. А.[2],
курсант Рязанского филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ, РАСКРЫТИЮ ИЛИ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ

Со вступлением современного государства и общества в новую цифровую эру перед сотрудниками правоохранительных органов всего мирового сообщества возникают новые пути совершенствования в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений, а также новые проблемы, с которыми они до этого не сталкивались. Одна из них – качественное использование достижений науки и техники по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере оборота криптовалют.

В условиях современной цифровизации процесс развития современного мира не стоит на месте. Искусственный интеллект и новейшие технологии все прочнее внедряются в нашу повседневную жизнь и профессиональную деятельность. Несмотря на достаточно широкий спектр положительных последствий указанного явления, появление современных технологий открывает для преступника новые возможности для совершения противоправной деятельности во всем мировом пространстве.

Распространение интернет-ресурсов и технологических достижений способствовало глобальным изменениям в преступных сферах и разновидностях преступной деятельности. Данный факт подтверждается тем, что интернет позволяет преступному миру получать доступ к большему числу жертв, скрывать свою противозаконную деятельность, а также совершать широкий круг преступных действий за короткий промежуток времени. Для него нет границ и особых препятствий.

Криптовалюта [1], набравшая популярность за последнее десятилетие, является объектом для преступлений, причем, как совершаемых виртуально, так и

[1] © Теткин Д. В., 2022.
[2] © Троицкий А. А., 2022.

осуществляемых преступными элементами без использования компьютерных технологий. Так называемая киберпреступность – это область, для предупреждения и расследования которой требуются как понимание особенностей работы IT-технологий, так и особые знания в области юриспруденции.

В современной российской действительности статус криптовалюты остаётся неоднозначным. При этом говорить о запрещенности указанных цифровых валют не стоит. Их статус в современном российском законодательстве носит скорее ситуативный, нежели системный характер. Например, рассматривая дела о банкротстве, суд признает, включая биткоин, как иное имущество в конкурсную массу для расчетов с кредиторами [2]. Обратной стороной указанного вопроса является отношение к криптовалюте со стороны правоохранительных органов (прокуратура, следственные органы) и Центробанка [3]. В начале развития отношений по поводу криптовалюты в Российской Федерации указанные органы рассматривали биткоин и иные альткоины, как денежный суррогат, а соответственно все операции по обращению с ними признавались уголовно-наказуемыми деяниями.

Стоит отметить, что с 1 октября 2019 г. цифровые права официально отнесены к объектам гражданских прав [4].

Касательно ст. 128 ГК РФ, ввиду открытого перечня объектов гражданских прав, криптовалюта отнесена к иному имуществу, т. е., теперь цифровые активы законны в гражданском обороте, в том числе с целью уплаты налогов либо выплаты задолженностей кредиторам [5].

Существующие проблемные аспекты, вызванные расхождением правовых актов по своему содержанию, неопределенностью статуса криптовалюты, отсутствием выработанных стратегий и планов Министерствами, ставят органы исполнительной власти в затруднительное положение. Рассматривая российские уголовные дела и зарубежные криминальные кейсы, связанные со сферой криптовалют, следует выделить некоторые составы преступлений, которые чаще всего фигурируют в подобных случаях.

Для более устойчивого понимания природы совершенных преступлений, подразделим преступления всей сферы на две наиболее значимые категории: преступления, совершенные в сетевом пространстве, и «классические» преступления, совершенные вне указанного поля. К последней категории относятся преступления, в которых правоотношения, связанные с правом владения и распоряжения криптовалютой, являются объектом преступления. Это дела о кражах, разбоях, мошенничествах, в рамках которых биткоин и иные альткоины являются предметом.

К первой категории относятся преступления, совершенные в интернет-пространстве, с использованием соответствующих программ и оборудования.

И здесь следует так же провести дифференциацию составов преступлений. Прибегая к условности, установим два основных способа использования криптовалюты в преступной деятельности:

– криптовалюта, как предмет преступного посягательства в рамках сетевого пространства (хищение криптовалюты со счетов, интернет-мошенничество и др.) (самая большая категория киберпреступлений, связанных с криптовалюта-

ми в мире в 2017 г. была связана с хакерскими атаками на обменники криптовалют при помощи вредоносных компьютерных программ, их создания, использования и распространения, и в дальнейшем непосредственно кражей криптовалют или фишингом).

– использование криптовалюты в платежных целях при совершении операций незаконного характера. К подобным относят использование криптовалюты как средство оплаты услуг на просторах Даркнета, легализации доходов, полученных преступным путем, и т. д.

За 2015 г. количество преступлений в мире, отнесенных ко второй группе, в числовом соотношении превышало количество преступлений первой группы в 20 раз. Однако с 2017 г. наблюдается рост преступности, связанной с хищением криптовалюты, только за указанный 2017 г. количество указанных преступлений увеличилось на 300 %.

Приведенная статистика является следствием возросшего статуса криптовалюты среди населения не только России, но и всего мира в целом. При этом, создание и распространение криптовалюты никак не было связано с преступным умыслом изначально. В связи с этим рассматривать криптовалюту как предмет, подлежащий законодательному запрету, неверен, с нашей точки зрения. Криптовалюта открывает новые возможности для использования вычислительных ресурсов компьютерной аппаратуры с целью монетизации, дает способность биржевым трейдерам осуществлять свою деятельность независимо от режима работы крупнейших рынков, так как рынок криптовалют является интернациональным, а потому круглосуточно осуществляющим свою деятельность, и т. д.

Но при этом, несмотря на однозначные плюсы, криптовалюта является ликвидным инструментом не только в руках добропорядочного гражданина, но и в руках преступника. В аналитическом докладе Европола от 30 сентября 2015 г. было отражено, что в деятельности незаконных крипторынков (*Silk Road, Evolution* и др.), годовой доход каждого крипторынка превышал 20 млн долл. США. Однако в последние годы наблюдается тенденция на снижение указанного преступного дохода, примерно в 40–45 раз [6].

В докладе Европола отражено, что виртуальная валюта стала чаще использоваться и в сфере сексуальной эксплуатации детей в интернете. Причина использования криптовалюты в том, что оплата указанным способом почти гарантирует преступнику анонимность.

Как было отмечено в отчете ФАТФ, легализация преступных доходов является одной из наиболее востребованных сфер криминального использования криптовалюты [7].

В основном причиной популяризация криптовалюты на мировом рынке выступают ее технические особенности: возможность множественного дробления без потери ценности, круглосуточным осуществлением транзакций, безвозвратностью транзакций, проверкой валидности, частичной анонимностью, децентрализованной эмиссией и др.

По ряду показателей криптовалюта не просто отличительный финансовый инструмент, она – уникальное явление современности. Причем, именно ее технические особенности позволяют назвать ее надежной и безопасной.

История развития правоохранительных органов является длительной и динамично развивающейся [8, с. 14–31]. Нет оснований допускать, что преступления указанного характера будут оставаться слепым пятном для органов внутренних дел. В связи с тем, что технология блокчейна все еще находится на самой ранней стадии развития, имеется реальная возможность упростить работу правоохранительным органам. Блокчейн должен служить благим целям.

Одной из задач, стоящей в мировом киберпространстве перед правоохранителями при предупреждении, раскрытии и расследовании киберпреступлений, стоит определение MAC-адреса преступника. Это сложно исполнимая задача, есть кто-то использует несколько *IP*-адресов, *TOR*, прокси и т. д.

Вспомним о великолепной особенности блокчейна – отслеживать все транзакции определенного адреса, причем до самой первой транзакции, сделанной с него. Это позволяет отслеживать движения средств так, как это было невозможно никогда раньше. Выходит, что и Биткоин не так анонимен, как о нем говорят. Биткоин-адрес – это, в теории, номер счета. Если можно связать человека с адресом, то можно и узнать все транзакции, которые сделал человек.

Камнем преткновения при предупреждении, раскрытии и расследовании киберпреступлений выступают операторы интернет-соединения. Каждый из них имеет свои правила, а если он территориально расположен или документально оформлен за границей, вопрос о предоставлении персональных данных по транзакции может растянуться на годы. А в таком случае есть вероятность, что провайдер удалил данные. Блокчейн, в свою очередь, хранит данные вечно. Процедура их получения – намного легче. Для получения же истории транзакции при работе с блокчейном не требуются документы в силу его открытости.

Все вышесказанное не теория, не подтвержденная практикой. Например, дело «Silk *Road*» [9] продемонстрировало способность правоохранительных органов к использованию блокчейна для противодействия преступности. Так, по указанному криминальному кейсу, среди представленных вещественных доказательств была диаграмма, показывающая, как правоохранительные органы отслеживали средства через блокчейн, несмотря на попытку Карла Форса – обвиняемого, – разделить с целью сокрытия личности транзакции по многочисленным адресам.

Подобным крупным примером международной организации противодействия киберпреступности в области криптовалют служит операция «*Operation Shrouded Horizon*». Участниками данного дела со стороны правоохранительных органов выступили 20 стран, в числе которых Австралия, Канада, Кипр, США и др. В результате данной операции были подвергнуты аресту около 300 злоумышленников, осуществлявших руководство форумом *Darkode* в Даркнете, созданном в целях покупки/продажи вредоносного программного обеспечения.

Итак, в основном учет криптовалюты децентрализован, она не подчиняется контролю ни одной стране, каждая операция проверяется майнерами (без них криптовалюта вообще не может существовать), его нельзя украсть, а также запретить или подделать. Как мы отметили выше, данные системы функционируют на таких технологиях, как блокчейн, и обычно информация о транзакциях не шифруется и доступна в открытом виде. Представляется,

что именно доступность и открытость блокчейна позволяют правоохранительным органам всего мирового сообщества без каких-либо проблем получать доступ к истории транзакций.

То есть успешное раскрытие и расследование данных преступлений возможны лишь при условии наличия квалифицированных специалистов в области IT-технологий (информационно-коммуникационных технологий) в правоохранительных органах всего мирового сообщества, которые могли бы беспрепятственно обмениваться оперативно-значимой информацией по преступлениям указанного вида. Для участия в следственных действиях согласно УПК РФ [10], в обязательном порядке следует привлекать специалистов, в данном случае в области работы с компьютерной информацией и ее носителями, а также в сфере криптографии и электронных платежных средств, и систем. Однако в настоящее время, несмотря на все принятые и принимаемые меры, уровень их подготовки в вузах остается довольно низким. Следовательно, в вузах следует создавать кафедры или факультеты по подготовке таких специалистов.

В настоящее время перед органами предварительного расследования стоит достаточно сложная задача, так как отсутствуют:

– правовые нормы, регулирующие функционирование криптовалюты;

– методические рекомендации по организации раскрытия и расследования данных преступлений;

– обобщенные материалы практики не только

– следственной, но и судебной;

– знания и опыт работы у следователей и работников органов дознания;

– источники доказательственной информации, так как преступления данной категории специфичны, они находятся в виде сайтов и страниц интернете, электронных документов и сообщений.

Резюмируя проведенное исследование, напрашивается вывод о том, что в скором времени указанная проблема будет устранена. Несмотря на сложность структуры раскрытия и расследования преступлений указанных категорий, еще пять лет назад система правоохранительных органов смогла быстро отреагировать на возникшую проблему и попыталась использовать достижения науки и техники по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере оборота криптовалют. Теперь, когда темпы нарастания преступности сбиты, стоит обратить внимание на устранение расхождений правового характера, а также на освоение системы блокчейна правоохранительными органами, как России, так и других стран, с целью дальнейшего оказания взаимопомощи по раскрытию и расследованию преступлений в условиях современного цифрового мира.

Список литературы

1. Исаков, Р. В. О противодействии легализации (отмыванию) наркодоходов с использованием финансовых активов (криптовалют) / Р. В. Исаков, Д. В. Теткин, А. М. Попов // Вестник Воронежского института МВД России. – 2021. – № 2. – С. 267–271.

2. Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL:https://sudact.ru/arbitral/doc/20EHFIeHovUP/ (дата обращения: 15.04.2021).

3. Сайт ТАСС. – URL: https://tass.ru/ekonomika/4546253 (дата обращения: 16.09.2021).

4. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 12. – Ст. 1224.

5. Информационно-справочная система АЮДАР Инфо. – URL: https://www.audar-nfo.ru/na/article/view/type_id/15/doc_id/59252/ (дата обращения: 16.09.2021).

6. INHOPE Association. – URL: http://www.inhope.org/tns/resources/statistics-and-infographics/statistics-and-infographics-2014.aspx (дата обращения: 16.09.2021).

7. Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. – URL: http://www.eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_9014.pdf (дата обращения: 16.09.2021).

8. Соборнов, П. Е. История органов внутренних дел / П. Е. Соборнов // Директ-Медиа. – М., 2020. – С. 305.

9. Internet Archive. – URL:https://web.archive.org/web/20131005061529/http://www1.icsi.berkeley.edu/~nweaver/UlbrichtCriminalComplaint.pdf (дата обращения: 16.09.2021).

10. СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 16.09.2021).

Харитонов А. А.[1]*,*
курсант 583-го учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сайфуллина И. П.*,*
старший преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТЕРРОРИЗМУ ПОСРЕДСТВОМ МЕХАНИЗМОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Современный мир в условиях масштабной глобализации, активного взаимодействия культур, огромных потоков не только людей, но и информационных ресурсов остро ставит вопрос защиты как отдельного человека, так и мирового сообщества в целом.

Такие реалии создают благоприятные условия для роста числа террористических организаций и международной преступности. Возможность мгновенной передачи засекреченной информации, вербовка лиц во всех уголках мира, активная пропаганда через интернет – всё это делает международные террористические организации настолько могущественными, что объектом их преступлений становятся уже не просто люди, а государства и человечество.

Важным источником противодействия ужасам международного терроризма является созданная в 1945 г. Организация Объединенных Наций (ООН).

Несмотря на то что первичные цели ООН не включали в себя борьбу с международным терроризмом (потому что его не существовало), сегодня ООН занимает одну из ведущих позиций в борьбе с терроризмом. ООН выступает в роли организации, которая создаёт правовую основу взаимодействия государств в борьбе с терроризмом (например, Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций (A/RES/60/288) [3], но конкретных институтов (организационных советов и т.д.) организовывать на уровне государств не имеет права в виду ст. 2 п. 7 «Устава ООН»: «Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава» [1].

---

[1] © Харитонов А. А., 2022.

Наибольшую опасность представляет собой терроризм, посягающий на основы государственной власти, который закономерно перерастает в международный терроризм. Ряд запрещенных террористических организаций не только уничтожает население, инфраструктуру, но и захватывает целые государства. Может показаться, что для разрешения этого вопроса требуется исключительная военная сила (например, действия США в отношении Ирака), но на самом деле этот способ решения неэффективен, потому что подразумевает под собой полное уничтожение, как организации, так и ее участников. Во-первых, это влечет ожесточенный отпор, усиление террористической ячейки. Во-вторых, это негуманно, и велика вероятность причинения вреда мирному населению в результате эскалации конфликта.

Известно, что террористические организации, осуществляющие государственные перевороты, проводят свою деятельность исключительно в развивающихся и бедных странах. Это и является одной из причин процветания террористических организаций. Перед тем как выйти на международный уровень, такие организации прочно обосновываются в национальных государствах, создают фундамент для своей будущей деятельности.

Поэтому применение вооруженных сил для борьбы с террористами является борьбой с «симптомами». В этом противодействии важно лишить террористические организации условий для функционирования и развития, что их значительно ослабит.

Так, в докладе Генерального Секретаря ООН по обзору контртеррористической стратегии указывается, что ключевыми препятствиями к пресечению терроризма являются: нерешение задач в области управления; медленные темпы социально-экономического развития и закрепление маргинализации и отчуждения в некоторых обществах; и рост неравенства между государствами и внутри государств [2].

Поддержка развивающимся странам может быть экономической, гуманитарной и так далее, но ключевым средством в сдерживании терроризма в таких странах, на наш взгляд, предполагается организация конституционных механизмов противодействия терроризму.

Под конституционными механизмами подразумевается целый комплекс мероприятий:

– развитие устойчивой нормативной правовой базы, которая обеспечит наиболее эффективное функционирование органов государственной власти, и в том числе органов по противодействию терроризму;

– непосредственная организация деятельности, соответствующая обстановке, связанной с противодействием терроризму и таких органов, подготовка кадров, консультации с профильными международными организациями с целью применения максимально эффективных конституционно-правовых инструментов, оптимальных с учетом региональных особенностей государства (не исключается помощь иностранных специалистов приграничных государств).

Примером государства, в котором не было сильных органов власти, отсутствовали специализированные органы по борьбе с терроризмом, является Афганистан, который в итоге был захвачен Талибами в 2021 г. За период с

2010 г. число терактов в Афганистане выросло в 2,7 раз, а с 2000 г. – в 103 раза [2]. На территории Афганистана функционирует целый ряд террористических организаций, но наиболее крупные из них: Талибан и ИГИЛ-Хорасан (запрещенные в России). Афганская национальная полиция, афганская национальная армия и служба безопасности Афганистана не смогли выдержать натиск террористов. Причинами поражения стали: неполная комплектность личного состава, низкий уровень боеспособности многих подразделений, выполнение несвойственных задач, а 50 % новобранцев не соответствовали по требованиям к состоянию здоровья [4].

В вопросах оказания помощи государствам в противодействии и пресечении терроризма ООН компетентна осуществлять финансовую помощь и давать разъяснения и экспертное мнение по данному вопросу развивающемуся государству.

Перечисленные выше меры не подразумевают создание механизмов с нуля. Существует возможность имплементации законодательной базы, отработанных конституционных механизмов и установление здоровой демократии.

Речь идет не о насаждении чуждых населению институтов или прикрытой «новой колониальной политики», а об активном взаимодействии мирового сообщества с национальными властями, учете мнений, существующей культуры и традиций.

Внедрение конституционных механизмов должно строиться на следующих принципах:

1. Добровольность волеизъявления государства на организацию конституционных механизмов.
2. Свобода выбора государством модели организации власти.
3. Консультативный характер деятельности ООН.
4. Учет традиций и истории государства.
5. Учет интересов населения, посредством проведения выборов, референдумов.

Установление государственной стабильности путем внедрения конституционных механизмов под контролем ООН, позволяет решить проблему неготовности местных властей к противодействию террористической и экстремисткой деятельности.

Таким образом, первостепенное решение проблем внутреннего характера, в том числе и стабильность власти, и обеспечение прав и свобод человека и гражданина создают благоприятные условия для эффективной борьбы с терроризмом, а также дестабилизируют деятельность таких организаций. В странах, в которых устойчива государственная власть, имеется достойный уровень жизни, исправное функционирование государственных органов, – крайне неблагоприятная среда для развития терроризма. Устойчивость и процветание экономики, культуры, социальной сферы делают государство сильнее. Это обеспечивает международное общение и консолидацию сил перед врагом XXI ве. – международным терроризмом.

Список литература

1. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26.06.1945) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 24.02.2022).

2. Доклад Генерального секретаря об осуществлении Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций (A/70/826) (12.04.2016) // Официальный сайт ООН. – URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/102/52/PDF/N1610252.pdf?OpenElement (дата обращения: 20.02.2022).

3. Резолюция Генеральной Ассамблеи от 08.09.2006 № A/RES/60/288 «Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций» // Официальный сайт ООН. – URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/504/90/PDF/N0550490.pdf?OpenElement (дата обращения: 20.02.2022).

4. Белов, Е. Силовые структуры Афганистана / Е. Белов // Современная Армия. – URL: http://www.modernarmy.ru/article/323/siloviye-strukturi-afganistana (дата обращения: 24.02.2022).

5. Резолюция Генеральной Ассамблеей ООН от 10.12.1948 «Всеобщая декларация прав человека» // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.02.2022).

6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1999 № 54/109 «Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма» // Официальный сайт ООН. – URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/251/30/PDF/N0025130.pdf?OpenElement. (дата обращения: 20.02.2022).

7. Костенко, Н. И. Еще раз о проблемах понятия международного терроризма в единой всеобъемлющей конвенции ООН «О международном терроризме» / Н. И. Костенко // Право и политика. – 2016. – № 4. – С. 458–469.

Шарифзода М. С.[1]***,***
адъюнкт 3-го факультета
подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России

СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ДИСЦИПЛИНЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В Республике Таджикистан, как и в других постсоветских республиках, в условиях глубокого экономического, политического и культурно-духовного кризиса, тяжелого гражданского противостояния происходило начало переходного периода. Оно сопровождалось ростом преступности и иных правонарушений, криминализацией общества, кризисом духовности и нравственности, сменой укоренившихся в сознании людей ценностей и стереотипов. Большая часть населения оказалась абсолютно неготовой к восприятию новых социальных, правовых идей, представлений и ценностей, отношения человека к праву, поэтому на психологическом уровне оно подвергалось весьма резким изменениям.

Однако за короткий срок, после исторического 16-го Верховного Совета Республики Таджикистан 16 ноября 1992 г. в городе Худжанде все же удалось не только остановить гражданское противостояние, но и восстановить законность на государственном уровне. Как справедливо обращает внимание А. И. Имомов, в связи с обострением общественно-политической ситуации в период 1990–1992 гг. образовался вакуум в деле укрепления законности, защиты прав и свобод личности в Республике Таджикистан [4, с. 240–241]. Кроме того, обострилось состояние законности не только в законодательной деятельности, но и во всех сферах правовой системы, общественной жизни, на всех уровнях функционирования государственного механизма.

В 90-х годах прошлого столетия в Республике Таджикистан требовалось прежде всего определение мировоззренческо-методологической основы законности, т. е. основы укрепления законности, которая дала бы наивысший результат. Они были сформулированы Основателем мира и национального согласия – Лидером нации, Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном, который отмечал: «Наша страна избрала путь строительства правового общества, одной из главных идей которой является обеспечение верховенства закона и защиты прав и свобод человека и граждан. Данный принцип обязывает, чтобы общественные отношения во всех сферах регулировались посредством законов, отвечающих нормам морали, справедливости и гуманизма» [1].

Основы укрепления законности в Таджикистане приведены в его Конституции, в соответствии с которой общественная жизнь развивается на основе поли-

---

[1] © Шарифзода М. С., 2022.

тического и идеологического плюрализма. Идеология ни одной партии, общественного объединения, религиозной организации, движения или группы не может быть признана как государственная.

Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. предложила не только новое понимание законности, но и стала основой установления верховенства закона и постепенного ее упрочения во всех областях общественной жизни. Конституция республики стала политико-правовым эталоном не только законности, но и всей правовой системы страны. Основные элементы законности нашли отражение в ст. 10 Конституции, которая гласит: «Конституция Таджикистана обладает высшей юридической силой, ее нормы имеют прямое действие. Законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции, не имеют юридической силы» [2].

На формирование политического режима в Республике Таджикистан существенное влияние оказали социально-экономические условия жизни общества, политическая стабильность, уровень политической и правовой культуры членов общества, исторические и национальные традиции, менталитет и психология людей [5; 7, с. 207], что могло отрицательно отразиться на формировании новой системы законодательства, регламентирующей укрепление законности и дисциплины, в том числе и в органах внутренних дел Республики Таджикистан, призванных осуществлять правоохранительную деятельность в государстве [8; 9].

Конституция Таджикистана как правовой документ несет огромный идеологический потенциал и является мощным средством нравственного воспитания граждан в духе уважения к закону. Реализация ее принципов в деятельности государственных органов и их должностных лиц, юридических лиц, граждан и других субъектов права имеют исключительное значение для укрепления законности.

В развитии таджикской государственности, ее системности важное значение привносит и преамбула Конституции Республики Таджикистан. Так, Р. Ш. Сативалдыев справедливо указывает, что преамбула, выполняющая идеологическую функцию, содержащая социально-политические и общекультурные идеи, выполняет мобилизующую роль, вдохновляет граждан на реализацию провозглашенных социально-культурных ценностей, активизирует их социально-политическую деятельность, ориентирует граждан на фундаментальные идеи и ценности, воздействует на их сознание и психологию [6, с. 37–38].

Идеологические гарантии состоят в господстве идеологии, на базе которой развиваются духовная жизнь общества, идейное воспитание граждан, включая все формы общественного сознания, в первую очередь правовое, а также глубокое уважение к праву, как к социальной ценности.

Таким образом, система социально-правовых гарантий укрепления законности в Таджикистане состоит из двух составных частей: 1) *общественные*, которые вытекают из политической, экономической, духовной сфер общественной жизни, и 2) *юридические*, непосредственно вытекающие из правовой деятельности государства, – это нормотворчество, правоприменение, правоохранительная и контрольно-надзорная деятельность.

В Республике Таджикистан, полномочия сотрудников органов внутренних дел законодательно урегулированы исходя из учета предельной результативности функционирования системы гарантий от злоупотреблений с их стороны по отношению к личности и к обществу. Права и обязанности сотрудников органов внутренних дел, структура и компетенции, функциональная обязанность и порядок прохождения службы сотрудников органов внутренних дел, а также их социально-правовая защита сформированы на основе принципа законности. При этом проведенный социологический опрос показал, серьезные изъяны в деятельности сотрудников органов внутренних дел (милиции): коррупция (40,7 %), низкий уровень профессионализма и компетентности (35,1 %), низкое качество отбора в органах внутренних дел (34,3 %), нерешенность социальных проблем сотрудников органов внутренних дел (27,6 %) [10, с. 102].

Данные социологического опроса получили качественное и количественное подтверждение в результате анкетирования, проведенного автором в 2015–2020 гг., в которых респондентами выступили руководители территориальных органов внутренних дел Республики Таджикистан и их заместители, сотрудники из числа среднего и старшего начальствующего состава управлений аппарата МВД Республики Таджикистан и по г. Душанбе, Горно-Бадахшанской АО, Согдийской и Хатлонской областям и Раштской группе районов и районам республиканского подчинения.

Результаты социологических опросов указывают, что для укрепления законности и служебной дисциплины необходимо провести соответствующие реформы в органах внутренних дел Республики Таджикистан. Реформирование должно касаться, в первую очередь, повышения уровня эффективности и правомерности деятельности сотрудников органов внутренних дел, их морально-психологической и профессиональной подготовленности для выполнения задач современной системы органов внутренних дел. При этом для достижения этих целей следует повысить уровень социальной обеспеченности и обеспечить реализацию социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел Республики Таджикистан. Данные мероприятия плодотворно повлияют на укрепление законности и служебной дисциплины как в системе органов внутренних дел Республики Таджикистан, так и в целом в государстве.

В общей системе обеспечения законности и служебной дисциплины существует контрольно-надзорная деятельность, осуществляемая органами государственной власти. Из этого следует, что функции контроля и надзора в государстве выполняют Конституционный суд и ведомственные надзорные органы в пределах своей компетенции. Надо учитывать, что государственный контроль и надзорная деятельность должны осуществляться исходя из назначения, целей, видов и форм контроля и надзора, специфике правовой регламентации.

Организация укрепления служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел Республики Таджикистан формируется на основе систематичного анализа их состояния в каждом подразделении и службы. Цель систематичного анализа заключается во всестороннем и достоверном определении уровня соблюдения законности в деятельности органов внутренних дел и сте-

пени дисциплинированности его сотрудников, оценки деятельности нижестоящих руководителей в данном направлении:

– всесторонность и уровень выполнения служебных задач;

– число, специфика, категория преступлений, чрезмерных случаев, нарушений законности и дисциплины и характер их негативного воздействия на решение оперативно-служебных задач;

– состояние исполнительской дисциплины;

– распорядок дня, его четкость и организованность;

– внутренний уставной порядок в подразделениях;

– соблюдение установленного порядка ношения форменной одежды;

– заявления и жалобы граждан на действия (бездействие) сотрудников;

– сохранность оружия, документов строгой отчетности, служебных удостоверений;

– результаты дисциплинарной практики.

Общественные гарантии более всего отражают специфику укрепления законности в государстве, что находит выражение в специфике политического, социально-экономического развития этого общества [5]. Особое место в этой системе занимает культурно-духовная составляющая таджикского общества. Законодательство как центральное звено нормативного правового обеспечения законности; система государственных органов, осуществляющих правоохранительную и контрольно-надзорную функции в обеспечении законности, и эффективное их исполнение является правовым фундаментом юридических гарантий укрепления законность.

Список литературы

1. Послание Президента Республики Таджикистан Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 22.12.2017 // Сайт Президента Республики Таджикистан. – URL: http://www.prezident.tj/ru/node/16772 (дата обращения: 03.03.2019).

2. Конституция Республики Таджикистан от 06.11.1994 (ред. от 22.05.2016). – Душанбе : Нашриёти Ганч, 2016.

3. Джалилов, К. Моральная ответственность по Конституции Республики Таджикистан / К. Джалилов // Академический юридический журнал. – Душанбе, 2014. – № 4 (12). – С. 35–46.

4. Имомов, А. И. Укрепления государственности и создания гражданского общества в Таджикистане / А. И. Имомов. – Душанбе, 2003. – С. 240–241.

5. Лукашева, Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение / Е. А. Лукашева. – М. : Норма, 2009. – 384 с.

6. Сативалдыев Р. Ш. Преамбула Конституции и ее аксиологические значение / Р. Ш. Сативалдыев // Развитие конституционализма в Таджикистане в период независимости. – Душанбе, 2014. – С. 35–46.

7. Сативалдыев, Р. Ш. Теория государства и прав : учебник для вузов / Р. Ш. Сативалдыев. – Душанбе : Им-риал-Групп, 2009. – 358 с.

8. Шарифзода, Ф. Р. Органы внутренних дел Республики Таджикистан как элемент системы национальной безопасности государства: постановка пробле-

мы / Ф. Р. Шарифзода, М. С. Шарифзода // Вестник Таджикского Национального университета. – 2017. – № 2/2. – С. 221–226.

9. Шарифзода, Ф. Р. Кадровый потенциал органов внутренних дел как стратегический ресурс противодействия внутренним угрозам национальной безопасности Республики Таджикистан / Ф. Р. Шарифзода, А. Д. Ульянов, М. С. Шарифзода // Труды Академия Управления МВД России. – 2019. – № 2 (50). – С. 105–111.

10. Юлдошев, Р. Р. Преступность в Таджикистане (1991–2016 гг.) : научно-практическое пособие / Р. Р. Юлдошев, Х. Х. Махмадиев, А. А. Акбарзода. – Душанбе : КОНТРАСТ, 2018. – 320 с.

Шведова Д. А.[1]***,***
курсант 3 курса
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Пузырёва Ю. В.,
заместитель начальника кафедры
прав человека и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ СЕКСУАЛЬНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Дети являются одними из наиболее уязвимых членов нашего общества. Они могут стать жертвами различных форм насилия. Сексуальное насилие и эксплуатация, торговля людьми, принудительный труд и похищения – это лишь некоторые из опасностей, с которыми сталкиваются сегодня дети во всем мире. В Интерполе проводится расследование в отношении тех видов преступлений, которые имеют международный транснациональный масштаб. Чтобы помочь разыскать пропавших детей, Интерпол издает особые жёлтые уведомления, в то время как эксперты по торговле людьми работают вместе со странами-членами организации над спасением детей, ставших жертвами торговли людьми и принудительного труда.

Мировой охват и анонимность в сети Интернет значительно облегчили распространение материалов о сексуальном насилии над детьми и доступ к ним. Правонарушители теперь могут создавать, обмениваться и даже транслировать видео в прямом эфире, на которых дети, даже младенцы, подвергаются насилию. Они также могут вступать в прямой контакт с детьми через социальные сети и функции чата в играх или приложениях [1].

Приоритетные задачи отдела Интерпола по борьбе с преступлениями против детей:

– выявление и спасение молодых жертв сексуального насилия;

– блокировка доступ к материалам о сексуальном насилии над детьми;

– блокировка выезда за границу и перемещения между государствами преступников, вовлеченных в совершение противоправных посягательств в отношении детей [2].

---

[1] © Шведова Д. А., 2022.

Основная деятельность Интерпола заключается в оказании помощи полиции в выявлении жертв сексуальной эксплуатации детей путем анализа фотографий и видео, найденных в интернете или на изъятых устройствах. База данных изображений доступна только экспертам и поддерживает традиционные полицейские расследования.

Идентификация молодых жертв, изображенных в материалах о сексуальном насилии, является главным приоритетом для правоохранительных органов, поскольку это также может помочь установить местонахождение преступников. Решающее значение для работы организации имеет Международная база данных изображений сексуальной эксплуатации детей, которая использует сложное программное обеспечение для сравнения изображений и установления связей между жертвами и местами.

Предотвращение доступа к материалам о детях в интернете помогают следственным органам, и предотвращает повторное совершение деяния с детьми, подвергшимися насилию. Интерпол тесно сотрудничает с интернет-провайдерами, чтобы блокировать доступ к материалам о жестоком обращении с детьми в интернете [3].

Основной функцией специализированных экспертов в этой области является оказание помощи полиции в странах-членах по наращиванию их потенциала по расследованию случаев сексуальной эксплуатации детей. Организуются учебные курсы во всех регионах мира, охватывающие весь спектр расследований сексуального насилия над детьми:

1) проведение расследований в онлайн-среде;

2) использование Международной базы данных Интерпола о сексуальной эксплуатации детей;

3) методы идентификации жертв;

4) методы опроса жертв и правонарушителей;

5) классификация и сортировка материалов о сексуальном насилии над детьми [4].

Во многих странах существуют подразделения по защите детей и специальные подразделения по жертвам, но лишь немногие располагают специализированным персоналом, способным расследовать случаи сексуального насилия над детьми в интернете или проводить идентификацию жертв. Специализированные сотрудники могут консультировать страны о том, как создать подразделения по идентификации жертв, и могут оказывать особую поддержку национальным властям.

Группа специалистов Интерпола по преступлениям против детей собирается ежегодно для содействия и совершенствования расследования сексуальных преступлений против детей. Собирая представителей правоохранительных органов, региональных и международных организаций, НПО, частного сектора и научных кругов, группа определяет новые тенденции и методы, а также разрабатывает передовой опыт. Данная группа привлекает внимание к возникающим проблемам и помогает стимулировать инновационные ответные меры.

Специалисты Интерпола в случае сквозного шифрования, используемого преступниками для сокрытия своей незаконной деятельности в интернете, ру-

ководствуются разработкой резолюции о защите детей от сексуальной эксплуатации в интернете, которая была единогласно принята на 89-й сессии Генеральной Ассамблеи Интерпола в 2021 г.

Некоторые преступники, совершающие преступления против сексуальной неприкосновенности несовершеннолетних, пересекают границы, скрываясь от правосудия в одном государстве и представляя угрозу для безопаности детей в другом государстве. Это позволяет им оставаться вне поля зрения местных властей и получать доступ к детям без присмотра. Интерпол имеет право выдать зеленое уведомление для предупреждения о преступной деятельности человека, если это лицо представляет угрозу для детей, или же синее уведомление для сбора информации о личности, его местонахождении или деятельности человека в связи с преступлением [5].

По просьбе страны-члена организации Интерпол могут выдать жёлтое уведомление, чтобы помочь найти пропавших без вести лиц, особенно несовершеннолетних. Эти уведомления распространяются на международной арене и заносятся в базу данных о пропавших и похищенных детях, а также поддерживается тесное сотрудничество со странами-членами и партнерами в целях защиты несовершеннолетних от торговли людьми и трудовой эксплуатации [5].

В современных условиях интернет является мощным инструментом для детей, который позволяет им общаться, исследовать, учиться и участвовать в различных мероприятиях в социальных сетях, которые позволяют им развиваться. Как и в других условиях, в которых живут и растут дети, онлайн-среда может подвергать их риску сексуальной эксплуатации и жестокого обращения. Нехватка имеющихся фактических данных во многих странах затрудняет определение частоты и тяжести вреда, наносимого детям, и препятствует выработке правительствами основанных на фактических данных конструктивных рекомендаций по профилактике и реагированию.

Основываясь на оценке угроз глобального альянса *WePROTECT* 2018 г., Фонд по искоренению насилия в отношении детей решил инвестировать в исследования для укрепления доказательной базы, уделяя особое внимание 13 странам Восточной и Южной Африки и Юго-Восточной Азии. Три партнера – *ECPAT International,* Интерпол и ЮНИСЕФ будут работать в партнерстве над разработкой и реализацией многогранного исследовательского проекта по сексуальной эксплуатации и надругательствам над детьми в интернете. Проект позволит получить новые и уникальные данные о масштабах и характере сексуальной эксплуатации и надругательств над детьми в интернете в семи странах Южной и Восточной Африки (Эфиопия, Кения, Мозамбик, Намибия, Южная Африка, Танзания и Уганда) и шести странах Юго-Восточной Азии (Камбоджа, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд и Вьетнам). [6]. Этот вид высококачественных исследований и оценок является новым и уникальным, поскольку в нем используется многосекторальный подход для объединения специализированного опыта трех глобальных агентств и их местных партнеров.

Данный проект проведет всестороннее исследование сексуальной эксплуатации и жестокого обращения с детьми в интернете, расскажет о рисках, с которыми сталкиваются дети в интернете, о том, как они развиваются, о связях с

другими формами насилия и о том, что можно сделать для защиты детей. Разрушающий вред будет использовать целостную и инновационную методологию для проведения всесторонней оценки контекста, угроз и перспектив детей.

Таким образом, Интерпол вносит существенный вклад в реализацию компетеного сотрудничества правоохранительных органов государств по розыску и привлечению к ответственности преступников, посягающих на права детей. Интерпол реализует деятельность по оказанию помощи правоохранительным органам в расследовании и раскрытии уголовных преступных деяний против детей, оказывает содействие в разрешении практических вопросов по пресечению противоправных посягательств, направленных на детей и подростков.

Список литературы

1. Пузырева, Ю. В. Актуальные направления международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере информационных технологий в отношении детей / Ю. В. Пузырева, А. Д. Захарова // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 6. – С. 231–234.

2. Our response to crimes against children // Interpol. – URL: https://www.interpol.int/Crimes/Crimes-against-children/Our-response-to-crimes-against-children (дата обращения: 20.02.2022).

3. Пузырева, Ю. В. Тенденции развития транснациональной организованной преступности под влиянием пандемии COVID-19 / Ю. В. Пузырева // Актуальные проблемы медицины и биологии. – 2021. – № 1. – С. 143–146.

4. International Child Sexual Exploitation database // Interpol. – URL: https://www.interpol.int/Crimes/Crimes-against-children/International-Child-Sexual-Exploitation-database (дата обращения: 20.02.2022).

5. Пузырева, Ю. В. Современная система уведомлений Интерпола как эффективная основа международного сотрудничества в борьбе с преступностью / Ю. В. Пузырева // Алтайский юридический вестник. – 2014. – № 1 (5). – С. 53–57.

6. Projects to protect children // Interpol. – URL: https://www.interpol.int/Crimes/Crimes-against-children/Projects-to-protect-children (дата обращения: 20.02.2022).

РАЗДЕЛ III.
ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Безбородова Л. А.[1],
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Аксенова М. В.[2],
курсант 602 учебного взвода
Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

БОРЬБА С ДОЛЖНОСТНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В современном мире должностные преступления представляют огромнейшую проблему практически для всех государств. Одним из видов должностных преступлений являются коррупционные преступления.

Понятие «коррупция» было введено в австрийское уголовное право в «Законах о коррупции» от 1964 и 1982 г. Позже, в 1998 г., данная категория появилась в § 304 Уголовного кодекса Австрии. Помимо национального законодательства для Австрии действуют нормы международного характера. 13 октября 2000 г. Австрия подписала Конвенцию об уголовной ответственности за коррупцию. Австрийское законодательство оперативно реагирует на изменение норм европейского права [3, с. 1].

В преамбуле Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции отмечается «серьезность порождаемых коррупцией проблем и угроз для стабильности и безопасности общества, что подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку», а также то, что «коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран» [7].

Предлагаю рассмотреть законодательство Австрии в поисках новых решений для борьбы с коррупцией, как составляющей должностных преступлений.

Для борьбы со взяточничеством в Австрии в публичном секторе с 1 января 2008 г. вступил в силу ряд инициатив, которые запретили получение

[1] © Безбородова Л. А., 2022.
[2] © Аксенова М. В., 2022.

подарков госслужащими и расширили преследование в уголовно-правовой сфере за коррупционные преступления. Изменения в законодательстве затронули прежде всего уголовно-правовой аппарат. Подкуп сотрудников уменьшился вдвое, тем самым обеспечив честную, слаженную работу в сфере государственной службы.

Помимо изменений в Уголовном кодексе Дирекция криминальной полиции Австрии опубликовала Кодекс противодействия коррупции, а на сайтах земельных ведомств криминальной полиции появилось множество информации о данной реформе.

В Австрийской Республике антикоррупционное законодательство состоит из множества международных нормативных правовых актов. К договорам в международном праве относятся: Конвенция ОБСЕ против взяток в международном торговом обороте, Конвенция ООН против коррупции.

С 2009 г. в стране действует особый институт, учрежденный во исполнение упомянутых международных обязательств – Специальная прокуратура по противодействию коррупционным преступлениям. При участии России в австрийском городе Лаксенберг создана специализированная организация для обучения и прикладных исследований – Международная антикоррупционная академия [2, с. 80–81].

С 2007 г. здесь ежегодно проводится «Австрийский антикоррупционный день», который представляет собой особую дискуссионную платформу, где осуществляется обмен знаниями и опытом ведущих экспертов и ученых, работающих в сфере борьбы с коррупцией на государственной службе и в экономическом секторе. Форум традиционно собирает сотрудников высших судебных органов Австрийской республики (Верховный, Конституционный и Административный суды), Счетной палаты, судов и прокуратур федеральных земель, службы по надзору за финансовым рынком, представителей университетов, общественных организаций и журналистов.

Другое профильное образовательное мероприятие – трехнедельный курс повышения квалификации на тему «Борьба с коррупцией и ее предупреждение», организуемый с 2005 г. антикоррупционным подразделением МВД Австрии.

В связи с большим интересом к этой сфере и множеством положительных отзывов участников данные курсы проводятся 2 раза в год. Они разделяются на три различающихся по времени и месту модуля по различным тематикам, продолжительностью по одной неделе каждый. Главной группой участников курсов являются сотрудники МВД Австрии, работающие в криминальной полиции или в правоохранительных структурах, потенциально подверженных коррупции и должностным преступлениям.

В качестве преподавателей и наставников приглашаются эксперты профильных департаментов МВД, Министерства юстиции, ученые, психологи, специалисты в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Занятия проводятся по тематическим блокам:

1. Основы работы по расследованию коррупционных преступлений на основе действующего Уголовного- и Уголовно-процессуального кодексов, Закона об общественной безопасности др.

2. Защита персональных данных.

3. Профессиональная этика, основы коммуникации и урегулирования конфликтов.

4. Изучение международного опыта и инструментов борьбы с коррупцией.

Одним из важнейших недостатков в работе полиции Австрии можно выделить уголовное преследование юридических лиц. Чаще всего это связано опять же с коррупционной составляющей вопроса. На сегодняшний день ни одного обвинительного приговора в данной сфере вынесено не было. Это может говорить о том, что имеются проблемы со структурой закона. В случаях пассивного подкупа возможное толкование закона о подкупе может превратить само юридическое лицо в предполагаемую жертву, и это является основой для защиты юридического лица от уголовной ответственности. Кроме того, максимальный штраф за коррупционное деяние вызывает сомнения относительно эффективности этой санкции, с учетом того, настолько маленьким он является, учитывая доход юридического лица.

В дополнение к этому никакого публичного учета этого вида преступлений не ведется, и информацию получить практически невозможно. Справка с информацией о том, признавалась ли уже та или иная компания виновной или же ведется ли в данное время разбирательство по делу компании, выдается только по просьбе и инициативе самой компании.

В заключении хотелось бы отметить то, что Австрийская Республика относится к числу прогрессивных стран, которые направляют все силы на борьбу с должностными преступлениями. Большинство нормативных правовых актов содержат меры по борьбе с преступлениями, имеющими коррупционную составляющую.

В большинстве случаев действия в сфере коррупции были связаны с конфликтом интересов, отмыванием денег и влиянием на зону торговли. Скандалы в денежной сфере поставили под сомнение этические нормы политической элиты. Это отражено в выводах «Евробарометра» («Евробарометр» – это серия опросов общественного мнения по политическим, экономическим и социальным блокам) [3], где две трети респондентов считают национальную политики коррумпированной.

Наказания за преступления, связанные с коррупцией нашли отражение в Уголовном кодексе Австрийской республики:

– § 304 «Получение взятки» характеризуется как действие или бездействие (в форме требования, получения или обещания) должностного лица, третейского судьи или члена комиссии присяжных заседателей в нарушение должностных обязанностей с целью извлечения преимущества (см. определение выше) для себя или третьего лица, а также подобные действия с целью утверждения противоправного решения или экспертизы документов перед судом или официальным органом [2, с. 83; 6].

– § 306 «Приготовление к получению взятки или получению незаконного преимущества» по субъекту отличается от других составов – австрийское должностное лицо, должностное лицо ЕС, третейские судьи или члены комиссии присяжных заседателей. Объективная сторона § 306 в абзаце (1) – действие

или бездействие (в форме требования, получения или обещания) в нарушение служебных обязанностей в будущем с целью извлечения преимущества для себя или для третьего лица наказывается сроком лишения свободы до 2 лет. Абзац (2) § 306 – аналогичное деяние, во исполнение предписанных обязанностей. При цене иска свыше €3 000 санкция составляет до 3 лет лишения свободы, при сумме иска свыше €50 000 – от 6 месяцев до 5 лет [2, с. 84; 6].

– §3 07 «Дача взятки» сформулирован в тех же правовых понятиях, что и § 304, но описывает активную форму коррупции; схожим образом, т. е. путем дублирования по сути текста статьи с изменением формы деяния на активную, законодатель формулирует § 307a «Дача взятки с целью получения незаконного преимущества» и § 307b «Приготовление к даче взятки». Также существует § 308 «Запрещенное вмешательство», отличающийся от иных составов по объективной стороне: лицо, которое умышленно подвергается опосредованному или непосредственному влиянию с целью, чтобы должностное лицо, включая выборное должностное лицо, третейского судью или члена коллегии присяжных заседателей, предпримет или допустит деяния, указанные в § 305. Это преступление квалифицируется во всех отношениях, так же как и § 305 [2, с. 84; 6].

Список литературы

1. Килин, А. Г. CRIMINAL LEGAL PROBLEMS OF COMBATING CORRUPTION IN RUSSIA / А. Г. Килин, М. В. Пермяков, В. В. Котов // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 1 (44). – С. 91– 93.

2. Муравьев, Ю. А. Antikorruptionsrecht der Republik Österreich / Ю. А. Муравьев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – С. 80–84.

3. Газарян, А. А. CRIMINAL LIABILITY FOR CORRUPTION OFFENCES IN AUSTRIA / А. А. Газарян // Общество: Политика, Экономика, Право. – 2017. – С. 84.

4. Eurobarometer // Официальный сайт. – URL: https://europa.eu/eurobarometer/screen/home (дата обращения: 20.02.2022).

5. Волеводз, А. Г. Правовое регулирование деятельности правоохранительных органов государств романогерманской системы континентального права по оказанию международной правовой помощи в розыске, аресте и конфискации денежных средств и имущества, полученных преступным путем: Австрийская Республика / А. Г. Волеводз // Российский следователь. – 2000. – № 1. – С. 39–49.

6. Уголовный кодекс Австрии / пер. и предисл. А. В. Серебренникова. – М. : Зерцало-М, 2001.

7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 31.10.2003 № 58/4 «Конвенция ООН против коррупции» // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/ (дата обращения: 20.02.2022).

Безбородова Л. А.[1]***,***
доцент кафедры
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Бекетова В. В.[2] ***,***
курсант 602 учебного взвода
института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ

Конституция Германии *Grundgesetz*, вступившая в силу 23 мая 1949 г., уделяет особое внимание правам человека. Ее первое предложение, «Человеческое достоинство неприкосновенно», интерпретируется как защита суммы прав человека. Этот параграф защищен «оговоркой о вечности» и не может быть изменен. Она оказывает широкое влияние на судебную практику; например, она была использована для обоснования права на информационное самоопределение в решении Федерального Конституционного суда Германии 1983 г. [1].

Однако, следуя опыту Веймарской Республики, Германия рассматривает себя как *wehrhafte Demokratie* (укрепленную демократию), где действия, направленные на устранение демократического порядка, не распространяются на права человека.

Конституция гарантирует все права, вытекающие из Всеобщей декларации прав человека (которая сама по себе не является юридически обязательной), за исключением неограниченного права на убежище [2].

Ратификация Европейской конвенции по правам человека позволяет гражданам обращаться в Европейский суд по правам человека [3]. Права человека занимают особое место в конституционной системе Германии. Об этом говорит тот факт, что именно с них начинается Основной закон. Закрепленные в Основном законе основные права направлены в первую очередь на то, чтобы гарантировать личную свободу и защиту от посягательств на основные права со стороны государства. В то же время они четко определяют образ личности, которая может свободно развиваться в рамках общества, сохраняя свою индивидуальность, независимость, самостоятельность и ответственность за собственные поступки. Положения Основного закона создают образ не изолированного индивидуума, а образ личности, живущей внутри общества и подчиняющейся его законам, которое не наносит ущерба ее индивидуальности [13].

---

[1] © Безбородова Л. А., 2022.
[2] © Бекетова В. В., 2022.

Перечень основных прав, закрепленных в Основном законе:

– права, связанные со свободой личности;

– права, аналогичные основным правам;

– права, обеспечивающие равенство;

– экономические права;

– культурные права;

– социальные права;

– дальнейшее развитие основных прав;

– связь между основными правами и правами человека;

– дальнейшее обеспечение основных прав.

Согласно п. 4А ч. 1 ст. 93 Основного закона ФРГ и п. 1 ст. 90 Закона «О Федеральном Конституционном суде Германии» каждый имеет право обратиться в Федеральный конституционный суд в случае нарушения своих конституционных прав и свобод со стороны государственных органов.

Рассмотрим подробнее, какие законодательные и/или иные действия властей, нарушающие права и свободы человека и гражданина, могут быть предметом обжалования в конституционном процессе Германии.

В Федеративной Республике Германия средствами правовой защиты в рамках конституционного процесса являются, главным образом, законодательные акты Бундестага или федеральных земель [12, с. 381]. Исключение составляют организационные акты и нормативные акты, направленные на регулирование отношений внутри органа власти, с тем чтобы они не попадали под действие Федеральной конституции из-за отсутствия направленности их внешнего действия.

В соответствии со ст. 92 Закона о Федеральном конституционном суде предметом рассмотрения Федерального конституционного суда является не только деяние, но и бездействие органов государственной власти. Это положение неизменно применяется и к законодательной власти [10, с. 20]. Простое требование о принятии закона не может рассматриваться как основание для обжалования в Федеральном конституционном суде [12, с. 381]. Для этого необходим ряд предпосылок: во-первых, подлинность бездействия, при которой парламент, несмотря на существующее обязательство, принимает соответствующий закон. С другой стороны, если законодательная власть принимает закон, то это не будет применяться к бездействию [4]. Наконец, обязательство принимать определенные меры должно быть предусмотрено Основным законом Федеративной Республики Германия [12, с. 381], в то же время общего обязательства по принятию законодательства для улучшения положения в государстве в данном случае недостаточно [7]. Бездействие законодательного органа не может быть обжаловано в Федеральном конституционном суде до тех пор, пока принятие соответствующего закона, его содержание и сфера действия не будут предусмотрены Основным законом Федеративной Республики Германия: ч. 5 ст. 6 и п. 3 ч. 2 ст. 12 «а» Основного закона Федеративной Республики Германия [11, с. 941].

Законодательные акты и действия органов исполнительной власти.

В Германии в п. 4А ч. 1 ст. 93 Основного закона ФРГ и п. 1 ст. 90 Закона о Федеральном конституционном суде любые основные противоправные действия исполнительных органов, постановлений или распоряжений федерального президента или любой из федеральных земель могут быть обжалованы в Федеральном Конституционном Суде Германии [9, с. 33].

Законодательные акты и действия судебных органов.

На основании пункта ч. 4 ст. 19 Основного закона ФРГ судебные органы также относятся к публичным органам власти. Поэтому считается, что любое решение судебных органов может быть рассмотрено Федеральным конституционным судом. Это относится главным образом к решениям федеральных судов Германии и, за некоторыми исключениями, к самому Федеральному конституционному суду [5], его сенату и палатам (коллегиям, комитетам) [6], а также к решениям судов земель, включая конституционные суды Федеративной Республики Германия [10, с. 20].

Таким образом, в Германии большинство актов, а также основных противоправных деяний могут быть обжалованы федеральными властями или государственными органами, за некоторым исключением в Федеральном конституционном суде. Решение Федерального конституционного суда в отношении конкретного правоприменительного акта будет также касаться содержания действующего закона.

Права человека в Германии пользуются высоким уровнем защиты как в теории, так и на практике и закреплены в Основном законе *Grundgesetz*. ФРГ ратифицировала большинство международных договоров по правам человека. Отчеты независимых организаций, например *Amnesty International*, подтверждают высокий уровень соблюдения прав человека, но в то же время указывают на ряд проблем, в частности на жестокость полиции в обращении с беженцами. Ранее, в докладе Freedom House, финансируемом США «Свобода в мире», Германия получила оценку «1» (наилучшая из возможных) как по политическим правам, так и по гражданским свободам.

Список литературы

1. Gusy C. Введение в государственное законодательство. – 2011.
2. Hemmer P., Wüst S. Государственное право. – 2008.
3. Robbers G. Grundrechte // Juristische Schulung. – 1993. – Heft 94.
4. Zuck R. Das Recht der Verfassungsbeschwerde. – 3 Aufl, 2006.
5. Международные акты о правах человека : сборник документов. – М., 2002.

Безбородова Л. А.[1]*,*
доцент кафедры
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Кожевников К. В.[2]*,*
командир отделения
105 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПОЛИЦИИ ГЕРМАНИИ И ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ВЕДОМСТВА В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

«Terrere» – латинский корень французского термина, обозначающий землю. И действительно, это выражение тесно связано с нашим миром, однако в своей измененной форме оно скорее описывает разрушение в этой же сфере. Поскольку от «Terrere» происходит термин «терроризм», который в наши дни чаще, чем когда-либо, у всех на устах [2].

В отличие от других преступлений терроризм – это конкретная угроза, характеризующаяся тем, что затрагивает одновременно все сферы жизни общества. Террористы в основном преследуют конкретные неспецифические цели. Важно, что целью теракта может стать конкретная личность, либо группа людей и всё население в целом [3, с. 17–23].

Таким образом, борьба с терроризмом на национальном и международном уровнях является проблемой первостепенной важности. Только решительное противодействие преступлениям террористических организаций может изменить ситуацию, связанную с террористическими угрозами.

Чтобы защитить своих граждан от этой опасности и обеспечить, прописанные в конституции гарантии основных прав, в ФРГ уже много лет существует антитеррористическое законодательство (*Antiterrorgesetz*) [4].

Решая эту проблему Федеративная республика Германия постоянно совершенствует свои спецподразделения, созданные для борьбы с терроризмом. В настоящее время существует более 40 различных структурных органов и подразделений, которые и представляют основные силы Германии в борьбе с данной опасностью, это:

1. Федеральное ведомство по охране конституции (*Bundesamt für Verfassungsschutz*).

[1] © Безбородова Л. А., 2022.
[2] © Кожевников К. В, 2022.

2. Федеральное ведомство криминальной полиции (*Bundeskriminalamt*).

3. Федеральная служба разведки (*Bundesnachrichtendienst*).

4. Прокуратура в лице генерального прокурора (*Generalbundesanwalt*).

5. Федеральная полиция (*Bundespolizei*).

6. Таможенное ведомство по уголовным делам (*Zollkriminalamt*).

7. Ведомство по делам мигрантов и беженцев (*Bundesamt für Migration und Flüchtlinge*);

8. Служба военной разведки *в подразделении Федерального министерства обороны (Militärischer* Abschirmdienst).

Различные аналогичные структуры на земельном уровне.

Каждое структурное подразделение наделено конкретными задачами, которые в общей сложности можно разделить на 9 групп [1].

1. За ежедневную ситуацию отвечает рабочая группа «*Tägliche Lagebesprechung*», в которой полиция и разведка обсуждают актуальную информацию и оценивают степень опасности тех или иных событий. На сегодняшний день самым актуальный вопрос, выносимый на обсуждение, – обеспечение безопасности от кибертеррористов, совершающих кибератаки на сети Германии. Координатор *Cyber-AZ* выступает в роли модератора между представителями заинтересованных органов власти и, кроме того, может инициировать собственные решения. Функции координатора и представителей регулярно исполняют различные органы власти. В настоящее время координатором является Федеральное ведомство криминальной полиции (*BKA*), заместитель Федерального ведомства по охране конституции (*BfV*) и команда вооруженных сил Германии (*Bundeswehr*) по кибербезопасности и информационному пространству (*KdoCIR*).

2. Углублённый анализ степени опасности всей поступающей информации проводит рабочая группа «*Gefährdungsbewertung*» – оценка опасности. Её задача состоит в чётком формулировании необходимости тех или иных действий для различных ведомств во избежание террористической угрозы. Оценка ситуации опасности включает в себя анализ и оценку информации, связанной с опасностью, а также окончательное определение степени опасности. Также, *Gefährdungsbewertung* осуществляет защиту конкретных лиц, чья жизнь и здоровье находится под угрозой; например, федерального канцлера во время поездок будет сопровождать специально обученный персонал. При посещении канцлером мероприятий, места их проведения предварительно осматривает команда личной охраны и согласовывает дальнейшие меры безопасности с местными правоохранительными органами.

3. Группа «*Operativer Informationsaustausch*» занимается обменом оперативной информацией. Специалисты этого подразделения выносят быстрые решения и отвечают за принятие адекватных мер на те или иные события в Германии.

4. Непосредственная террористическая активность, включая второстепенные преступления, такие как подделка документов или хранение незарегистрированного оружия, оценивается в рабочей группе «*Fallauswertung*». Решения,

принимаемые этой группой, оказывают влияние на вынесение приговоров преступникам и планирование профилактических мер.

Федеральные ведомства криминальной полиции (*BKA*) и конституционной защиты (*BfV*) создают в Берлине два организационно независимых друг от друга отделения, в которые входят представители также других органов власти. Информация, полученная из федеральных земель и из-за рубежа, объединяется.

5. Структурный анализ деятельности террористических организаций, выявление их стратегических планов и тактических приёмов ведётся в рабочей группе «*Strukturanalysen*».

6. Отдельная группа «*Aufklärung des islamistisch – terroristischen Personenpotenzials*» отвечает за определение террористического потенциала и степени опасности для Германии различных представителей радикального исламизма. Именно здесь проводится анализ социальных сетей и интернет-сайтов на предмет выявления рекрутинговой деятельности террористов.

7. Проверка беженцев и мигрантов на предмет принадлежности к террористическим организациям, а также принятие предупредительных мер в области миграционного права производится рабочей группой «*Statusrechtliche Begleitmaßnahmen*».

8. Рабочая группа «*Deradikalisierung*» отвечает за обмен информацией и опытом между различными ведомствами по проведению мероприятий и операций по устранению проявлений радикального ислама.

9. Группа «*Transnationale Aspekte des islamistischen Terrorismus*» ведёт оценку международной деятельности радикальных исламистов с точки зрения ее влияния на интересы Германии в мире.

Тема борьбы с терроризмом актуальна как никогда и все чаще вызывает у людей тревожное чувство неуверенности. Особенно на крупных мероприятиях велик страх стать жертвой акта насилия. Вышеуказанные подразделения Германии обеспечивают не только оперативную борьбу, но также ликвидацию угрозы до момента её фактического проявления. Поэтому граждане Германии сегодня могут спать спокойно.

Список литературы

1. Bundesinnenministerium des Innern für Heimat // Bmi.bund.de. – URL: https://www.bmi.bund.de/DE/service/lexikon/functions/bmi-lexikon.html?cms-_lv3=9398074&cms_lv2=9391104#doc9398074 (дата обращения: 26.03.2022).

2. Латинско-русский-словарь // Вокабула.рф. – URL: http://www.вокабула.рф/словари/латинско-русский-словарь-к-источникам-римского-права/terrere (дата обращения: 26.03.2022).

3. Бельский, В. Ю. Терроризм как социально – политическое явление. Противодействие в современных условиях : монография / В. Ю. Бельский, А. И. Сацута. – М. : ЮНИТИ – ДАНА, 2015. – С. 367

4. Philipp H. Schulte. Terrorismus und Anti-Terrorismus-Gesetzgebung: Eine rechtssoziologische Analyse Paperback. – 2008 // Wikiwand.com. – URL: https://www.wikiwand.com/de/Antiterrorgesetz (дата обращения: 26.03.2022).

Безбородова Л. А.[1]*,*
доцент кафедры
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Куксов В. А.[2]*,*
курсант 105 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ

На сегодняшний день проблема терроризма является одной из самых важных, в том числе и в Германии. Рассуждения на данную тему постоянно звучат с экранов телевизоров и в прессе. Германия и мировое сообщество в целом стараются объединиться для решения этой, ставшей общей для мирового сообщества, проблемы. В данной статье хотелось бы осветить проблему терроризма с точки зрения национальной угрозы для Германии.

Проблема международного терроризма затрагивает многие сферы жизнедеятельности граждан и государства в целом. Рассуждения на данную тему постоянно звучит с экранов телевизоров и печатаются в газетах. Противостояние международному терроризму и терроризму в целом является серьёзным вызовом для современного общества. Уровень терроризма за последние пять лет сравнительно упал (2000 г. – 3329 смертей, 2011 г. – 7473 смертей, 2018 г. – 15 623 смертей, 2019 г. – 13 826 смертей) [11].

Именно поэтому борьба с терроризмом в Федеративной республике германии является проблемой первостепенной важности. Только решительное противодействие преступлениям террористических организаций может изменить ситуацию, связанную с террористическими угрозами. Чтобы защитить своих граждан от этой опасности, в ФРГ уже много лет существует антитеррористическое законодательство (*Antiterrorgesetz*) [8].

Как глобальная проблема, терроризм нуждается в глобальном скоординированном ответе со стороны всего мирового сообщества. Федеральное правительство Германии поддерживает разработку эффективных оперативных мер по борьбе с терроризмом на международном уровне [7]. В рамках своих международных обязательств в борьбе с террористической организацией *IS*, Германия принимает участие в качестве члена организации Анти-*IS*-Альянс.

---

[1] © Безбородова Л. А., 2022.
[2] © Куксов В. А., 2022.

Успешная и регулярная борьба с терроризмом и насильственным экстремизмом требует общественного подхода, который учитывает политические, социальные и экономические причины терроризма. Цель также заключается в укреплении структур гражданского общества и правового государства. Большое внимание уделяется соблюдению прав человека.

Долгое время исключительно исламский терроризм находился в центре внимания, представляя угрозу всему мировому сообществу. Германия активно выступает за то, чтобы насильственный экстремизм и терроризм рассматривались как явления, присущие разным странам. Германия решительно выступает против одинаково насильственного и террористического исламизма, а также транснационального насильственного правого экстремизма и терроризма.

Понятие «терроризм» имеет юридическую силу во многих государствах. Так в Российской Федерации оно раскрывается в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [1]; в Англии Terrorism Act 2000 (Террористический закон 2000 г.) [2], являющийся основополагающим законом, регламентирующим действия по борьбе с терроризмом; в Германии «Bundesgesetzblatt, 1986, 69» (Закон от 19 декабря 1986 г. «О борьбе с терроризмом») [3], но в терроризм во всех государствах имеет общее значение: терроризм – политика, основанная на применении насильственных действий в отношении физических, юридических и должностных лиц.

Страх перед террором в основном абстрактен и появился не только сегодня [4]. Проявления террора вспыхивают регулярно по всему миру. Не так давно целый футбольный стадион в Германии был очищен, метро в Ганновере больше не останавливалось на половине остановок, чтобы не дать террористам достичь поставленной цели. Полицейские в боевом порядке патрулировали прилегающую территорию. Министр внутренних дел ФРГ выступил перед населением и сказал, что ситуация была «серьезной, действительно серьезной», но были направлены все силы для оперативного решения сложившейся ситуации и защиты жителей.

Но, по правде говоря, ситуация была такой уже давно. Неоднократно за последние 15 лет в Германии появлялись террористы, которые были очень близки к тому, чтобы взорвать свои бомбы. Группа Зауэрланда (нем. *Sauerland*) была схвачена в сентябре 2007 г., когда она собиралась активировать взрывчатое устройство. Она собиралась сбрасывать свои бомбы в аэропорты или на «дискотеки с американскими женщинами лёгкого поведения». Немецким спецподразделениям удалось выйти на след этой группы. Стоит учесть, что Зауэрланд – это горный регион Германии, т. е. осуществление подрыва местности вблизи гор, могло привести к их обрушению и последующим жертвам среди мирного населения, а также разрушению самого города.

Вскоре после этого группа Дюссельдорф (нем. *Düsseldorf*) попыталась подготовить взрывчатку для теракта. Своевременные действия сотрудников полиции не дали преступникам возможность осуществить данный террористический акт.

Положение усугубляется тем, что всё больше людей студенческого возраста вовлекаются в террористические группировки. Два ливанских студен-

та заложили бомбы в пригородные поезда, вскоре после чемпионата мира по футболу в Кельне, детонаторы не сработали только из-за незначительной ошибки в их изготовлении, но бомбы были готовы к взрыву. Когда Федеральное ведомство криминальной полиции воссоздало картину взрыва в компьютерном моделировании, то были получены следующие результаты: возник огненный шар, который уничтожил бы весь вагон, численность жертв скорее всего составила бы 80 чел.

Немецкий новообращенный в исламскую веру Марко Г. также смог незаметно сбросить бомбу на центральный вокзал Бонна. Дети нашли сумку и вовремя предупредили полицию. В зале суда Марко Г. любил подымать указательный палец к небу в знак того, что ислам стоит выше всего. «Аллах Акбар», – восклицал он.

Среди разведчиков в Европе давно бытует фраза: «Вопрос больше не в том, произойдет ли нападение, а только в том, когда оно произойдет». А чтобы посеять страх, достаточно, чтобы он добился успеха только один раз. Бывший президент BND (служба немецкой контрразведки) Август Ханнинг много лет назад сказал: «Вам может повезти пять, шесть, семь раз. В восьмой раз вам уже не повезет» [5].

В самой Германии понятие «терроризм» тождественно понятию «исламский терроризм» (исламизм), так как большая часть террористических актов в Германии совершается именно представителями исламских государств.

Германии до сих пор очень везло. Исламские террористы планировали не менее десятка нападений на бары, дискотеки и поезда в Германии за последние несколько лет, так называемые мягкие цели, т. е. места, которые на самом деле невозможно защитить. Только вряд ли эта угроза кого-то волновала.

Защита безопасности – это осторожный вопрос. Вот почему министр внутренних дел Томас де Мезьер предпочитает, как можно меньше говорить на эту тему. Это объясняет его знаменитую фразу: «Часть этих ответов может смутить население».

Кроме того, из-за практикуемой осмотрительности немцы все эти годы чувствовали себя как на «острове блаженных». Это поразило всех остальных: испанцев, англичан, французов. Ведь в Германии никогда ничего не происходило, по крайней мере, почти ничего. В Германии также существует термин «420 исламистских угроз» – некая опасность террористического характера, которую могут причинить представители исламских государств. Но правда ли это вообще? В Берлине известный полиции исламист Рафик Ю. напал на сотрудника полиции (женщину), осуществлявшего патруль. Его подстрелил коллега полицейского. В городе Штутгарт-Штаммхайм, где проходил процесс по этому делу его приговорили к восьми годам лишения свободы. Тогда он собирался совершить теракт в Берлине. Он ругал судью и кричал прокурору: «Ты человек недалёкого ума, ты женщина». Сейчас же Рафик Ю. находится на свободе, по истечению срока пребывания наказания. В управлении по делам иностранных дел он пригрозил: «Мы вас прикончим».

Таких людей, как Рафик Ю., полиция называет опасными. Предположительно, опасность также находилась недалеко от футбольного стадиона Ган-

новера. Это было одним из косвенных доказательств, которые привели к отмене матча между Нидерландами и Германией. Опасность – это люди, которые могут нанести удар в любой момент. Они идут, берут оружие и стреляют или берут в свои руки нож, как Рафик Ю. Таких людей называют «опасными» и именно таких людей сотрудники полиции пытаются своевременно выявить и привлечь к ответственности.

Организация «420 исламистских угроз» существуют по всей стране. Опасность террористических атак в Германия в последние годы классифицируется как довольно незначительная. По сравнению с другими странами, здесь происходит очень мало инцидентов. За последние 5 лет зарегистрирован 131 террористический акт, в результате которого погибли 34 человека и 178 получили ранения [10].

Любой теракт, любая идея его совершения представляют опасность прежде национальным интересам страны, но власти Германии и сотрудники органов внутренних дел успешно борются с проблемой терроризма [6].

Список литературы

1. Бельков, О. К. Философии терроризма и борьбы с ним / О. К. Бельков // Власть. – 2004. – № 7. – С. 18–25.

2. Вахрамеев, А. Международный терроризм и национальная безопасность / А. Вахрамеев // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 1. – С. 33–48.

3. Дзлиев, М. Международный терроризм как социально-политический феномен / М. Дзлиев // Безопасность Евразии. – 2002. – № 3. – С. 576–590.

4. Терроризм – угроза человечеству в 21 веке. – М. : Институт востоковедения РАН : «Крафт +», 2003. – 272 с.

5. Яковенко, А. Могут ли СМИ помочь в борьбе с терроризмом / А. Яковенко // Международная жизнь. – 2005. – № 7–8. – С. 143–152.

6. Официальный сайт немецкой статистики «German Federal Statistical Office». – URL: https://www.destatis.de/EN/Home/_node.html Homepage (дата обращения: 13.03.2022).

Безбородова Л. А.[1]***,***
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Ровенская А. Д.[2]***,***
курсант 602 учебного взвода
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

БОРЬБА С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ В ШВЕЙЦАРИИ

Часовой механизм, складной армейский нож, застежки-липучки, компьютерная мышь, LCD-экраны… Швейцария – родина множества изобретений и технологий, которыми человечество пользуется ежедневно. В последние 10 лет темп генерирования инноваций в этой стране только растет. Недаром Всемирная организация интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization – WIPO) уже седьмой раз ставит Швейцарию на первую строчку своего рейтинга самых инновационных стран мира.

К преимуществам Швейцарии помимо нейтралитета и политической стабильности, относится и ее кибербезопасность. Ее главная ценность заключается в высоком уровне конфиденциальности и либеральном законодательстве. В сравнении с другими странами Швейцария отличается первоклассной инфраструктурой интернета.

Киберпреступностью является любая преступная активность в виртуальном пространстве (киберпространстве). В последнее время этот вид преступления приобрел мировой масштаб и имеет различные виды. Так, в некоторых киберпреступлениях осуществляются прямые атаки на компьютеры или другие устройства с целью вывода их из строя, в других же компьютеры используются преступниками для распространения вредоносных программных кодов, получения незаконной информации, хищения личных данных с целью мошенничества. Исходя из этого можно прийти к выводу, что киберпреступления – это преступления, совершенные в киберпространстве (с использованием сети Интернет или иной компьютерной сети), как компонента преступления [1, с. 131–134].

Надежная и экономичная система электроснабжения Швейцарии обеспечивает бесперебойную работу серверов дата-центров и операционных центров безопасности (*SOC*). Кроме того, в Швейцарии имеется много инженеров, специализирующихся в области кибербезопасности, что привлекает ведущие технологические компании-гиганты открывать здесь свои научно-исследовательские центры. В духе своих гуманистических традиций Швейца-

[1] © Безбородова Л. А., 2022.
[2] © Ровенская А. Д., 2022.

рия вносит важный вклад в улучшение кибербезопасности (Информационно-коммуникационные технологии) организаций: Общество Интернета (ISOC), Форум по управлению Интернетом (IGF), DiploFoundation, Международный союз электросвязи (ITU), ICT4Peace и Центр кибербезопасности ВЭФ. Политика кибербезопасности все чаще включается в учебные программы курсов по различным специальностям. Будучи изначально узкоспециализированной сферой, политика кибербезопасности становится зрелой отраслью научных изысканий и все больше привлекает специалистов. Одна из них – Мириам Данн Кавелти, которая в 2014 г. опубликовала книгу «Кибербезопасность в Швейцарии» [2, с. 12].

Научно-исследовательская деятельность

Знания и опыт инженерно-технических разработок Швейцарии заключаются шифровании и алгоритмах. Страна обладает прочной коммерческой основой в сфере безопасности и шифрования, благодаря таким фирмам, как *Kudelski, OneConsult, Infoguard, Omnisec, Securosys и IDQuantique*, которые являются мировыми лидерами в квантовой криптографии.

Помимо этого, многие компании в Швейцарии, используя надежный практический подход, предлагают узкоспециализированные услуги во всех основных областях кибербезопасности. Поскольку вопросы обеспечения безопасности при производстве оборудования становятся все более актуальными, увеличивается потребность в оптимизации производственных устройств, обеспечивающих максимальную безопасность процессов, таких Швейцарских компаний, как *Securosys*, которые благодаря методам производства, надежности, качеству и безопасности продуктов связи с маркировкой «5555 Сделано в Швейцарии», завоевали мировую репутацию. Шифрование мобильных телефонов в Швейцарии отличается особым профессионализмом, так как небольшие компании, в основном подразделения Швейцарского федерального технологического института Цюриха (*ETHZ*) или Лозанны (*EPFL*) применяют самые передовые технологии.

Самым крупным сегментом обеспечения кибербезопасности в Швейцарии является сетевая безопасность. В 2017 г. из Швейцарии было подано 1106 патентных заявок в этой области; количество патентных заявок в Швейцарии в период с 2000 г. увеличилось с 61 до 847 [3, с. 1–2].

Женева уже считается центром передового опыта в области управления интернетом благодаря присутствию здесь таких ведущих организаций, как Общество интернета, *ITU* и Секретариат Форума по управлению интернетом. В этом городе осуществляется более 50 % мировой интернет-активности.

ETHZ обладает одной из пяти лучших в мире команд по обеспечению кибербезопасности. Межотраслевой Центр информационной безопасности и конфиденциальности Цюриха (*ZISC*) основан в 2003 г. на основе *ETHZ*. Его деятельность, при содействии промышленных корпораций, не связанных с политическими кругами, имеет четкую техническую систему принятия решений, направленную на информационную безопасность и растущие потребности. Ученые Центра *ETH-ZISC* работают над созданием киберфизических систем и методов криптографии нового поколения.

Исследователь Адриан Перриг разрабатывает новую интернет-архитектуру *SCIONI* в Институте информационной безопасности *ETH* Цюриха. Такая архитектура безопасности препятствует нежелательной переадресации (через централизованные коды управления) и обеспечивает расширенную защиту от кибератак. Национальный банк Швейцарии *SNB* также участвует в совместном пилотном проекте с *SCION*.

Исследовательский институт *Idiap* в Мартиньи завоевал широкую популярность благодаря своему Швейцарскому центру исследований и аналитики в сфере биометрической безопасности. *Idiap* стал эксклюзивным исследовательским проектом Abacus. Агентство передовых исследований в сфере разведки США (*IARPA*) также сотрудничает с *Idiap* в сфере защиты от спуфинг-атак.

Растущие потребности в специалистах Швейцария компенсирует созданием новых учебных факультетов и программ. С этой целью в Швейцарском федеральном технологическом институте Цюриха (*ETHZ*) ведется работа по созданию двух новых курсов непрерывного обучения в области кибербезопасности. В Университете прикладных наук и искусств Люцерна можно с осени 2018 г. получить степень бакалавра в сфере информационной и кибербезопасности, а профессиональная ассоциация образования в сфере ИКТ Швейцарии, совместно с бизнесом и армией, планирует ввести учебный курс для получения Федерального сертификата в области IT-безопасности.

Многие регионы Швейцарии, такие как Швейцарская Криптодолина в районе Цуга, отличаются своей инновационной средой и стартапами, которые используют технологии блокчейн для безопасной обработки данных, начиная от смарт-контрактов и заканчивая криптовалютами.

Расходы и финансирование

В 2017 г. в Женеве появился первый швейцарский бизнес-акселератор, ориентированный исключительно на обеспечение кибербезопасности. Бизнес-акселератор Rising Star предлагает потенциальным стартапам со всей Европы 24-недельное обучение и сетевую программу для подготовки их выхода на рынок.

Рамочные условия и выход на рынок

Швейцарское правительство также признает растущее значение кибербезопасности. 18 апреля 2018 г. Федеральный совет принял разработанную «Национальную стратегию по защите Швейцарии от киберрисков (*NCS*)» на 2018–2022 гг. Основные компоненты стратегии: развитие знаний и навыков, укрепление международного сотрудничества, совершенствование механизмов по управлению кризисными ситуациями и событиями, а также партнерство в сфере уголовного преследования за киберпреступления, вплоть до мер по обеспечению кибербезопасности со стороны армии. Повышенная осведомленность стимулирует спрос на решения в области кибербезопасности, и способствует росту потребности в экспертах [4, с. 1–4].

С 2004 г. Центр отчетности и анализа по обеспечению информационной безопасности (*MELANI*) предоставляет информацию об угрозах и принципах кибербезопасности для отдельных лиц, предприятий и определенных операторов связи, особо важных для национальных инфраструктур. Федеральный совет

Швейцарии был уполномочен Парламентом на создание центра передового опыта в области кибербезопасности на национальном уровне.

Например, по сравнению с США, Швейцария обеспечивает значительно более высокий уровень правовой защиты персональных данных. В связи со стремительным развитием технологий за последние годы ведется обновление швейцарского закона о защите данных. Кроме того, с целью обеспечения одинакового уровня конфиденциальности в Швейцарии и ЕС идет адаптация швейцарских законов относительно европейских законов о защите данных (*EU GDPR*) [5, абзц. 6].

Будущее кибербезопасности тесно связано с развитием отрасли финансовых технологий и наоборот. В качестве страны финансовых технологий Швейцария уже завоевала прочное положение на мировом рынке благодаря своей исторически сложившейся репутации надежного и стабильного финансового центра. Швейцарские органы власти предпринимают активные шаги по законодательному регулированию, облегчающему доступ на рынок новых бизнес-моделей.

Национальная инициатива *digitalswitzerland* поставила перед собой цель сделать Швейцарию ведущим бизнес-центром цифровых технологий для отрасли кибербезопасности. Предпринимаются различные меры, которые находят поддержку как со стороны правительства, так и со стороны крупных компаний, таких как *Google, UBS* и *Swisscom*.

В июне 2017 г. член Федерального совета и министр безопасности Ги Пармелен подписал план действий по кибер-защите (APCD). Данный план APCD значительно усилит защитный механизм Швейцарии в борьбе против кибер-угроз, а также позволит создать 150–170 рабочих мест до 2020 г. Основная составляющая плана APCD – сотрудничество между бизнесом, властью (армией) и актуальными тенденциями швейцарских университетов.

Благодаря своему политическому нейтралитету и ведущей позиции в качестве центра высоких технологий Швейцария является идеальной стартовой площадкой для перехода на новый уровень «доверия к цифровым технологиям». В связи с этим, в конце 2017 г. Институт *EPFL* объявил о создании «Центра доверия к цифровым технологиям» (*Center for Diaital Trust*) При поддержке партнеров из сферы бизнеса и политики центр планирует стать платформой для конфиденциальности. В рамках этой работы в 2018 г. при Институте *EPFL* были созданы две новых кафедры.

С целью противодействия глобальной угрозе кибер-атак Всемирный экономический Форум (*WEF*) в начале 2018 г. объявил об открытии всемирного центра кибербезопасности в Женеве и создании 40 рабочих мест. Новый центр со штаб-квартирой в Швейцарии – независимая организация под руководством *WEF*. Его деятельность направлена на создание безопасного мирового киберпространства и развитие сотрудничества между отдельными лицами, ассоциациями и правительствами по всему миру. Кроме того, создана Ассоциация для поддержания финансово технологических компаний и агрегатов с целью повышения их кибербезопасности [6, с. 1–15].

Список литературы

1. Гражданская инициатива интернет политики. Курс «Безопасность молодежи с сети Интернет». Понятие киберпреступности и методы защиты. – 2019.

2. Myriam Dunn Cavelty. Кибербезопасность в Швейцарии (SpringerBriefs in Cybersecurity). Cybersecurity in Switzerland // Springer. – 2014. – С. 50–84.

3. Russian Switzerland. – URL: https://www.russian-switzerland.com/digest/cybersecurity-location.htm (дата обращения: 20.02.2022).

4. Sarah Genner. Как швейцарская исследовательница борется с киберпреступностью // Swissinfo.ch. – 2020. – С. 1–8.

5. Салимова, З. La Suisse ist eine 18e-Position in der Weltklasse und Cybersécurité-Matière / З. Салимова // Nashagazeta.ch. – URL: https://nashagazeta.ch/news/politique/shveycariya-zanyala-18-oe-mesto-v-reytinge-stran-po-kiberbezopasnosti (дата обращения: 20.02.2022).

6. CISCO. – URL: https://www.cisco.com/c/ru_ru/products/security/what-is-cybersecurity.html (дата обращения: 20.02.2022).

Безбородова Л. А.[1]*,*
доцент кафедры
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Третьяков А. В.[2]*,*
курсант 602 учебного взвода
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВЕЛИКОМ ГЕРЦОГСТВЕ ЛЮКСЕМБУРГ

В настоящее время Великое Герцогство Люксембург – единственное государство-герцогство в мире, статус суверенного государства которое получило в 1867 г. С 1922 г. форма правления в стране парламентская демократия в рамках конституционной монархии. С 2000 г. главой государства является Анри, седьмой великий герцог Люксембурга. Государство во всем отстаивает культурную и национальную независимость под лозунгом «Мы хотим остаться такими, какие мы есть» *(Mir wulle bleiwe wat mir sin)*. Эти слова высечены на фронтоне столичной ратуши. В Люксембурге три государственных языка – немецкий, французский и люксембургский. На французском чаще говорят в правительственных учреждениях, немецкий – язык деловых кругов и прессы, в быту же большинство местных жителей использует люксембургский язык, *Lutzebuergesch* [лётцебюргеш], которому в 1982 г. был присвоен статус национального.

Люксембург находится в таможенной унии с Бельгией, а с 1944 г. вместе с Бельгией и Нидерландами входит в качестве составной части в межгосударственное объединение стран Бенилюкс. На территории Люксембурга разместились многие институты Европейского сообщества, в частности Европарламент *(наряду со Страсбургом)*, Ревизионная комиссия, Европейский инвестиционный банк и Европейский суд аудиторов. Люксембург председательствовал в Евросоюзе с июля по декабрь 1997 г. Однако самое яркое событие в истории Люксембурга после Второй мировой войны – подписание общеевропейского соглашения *(1985)* около деревни Шенген. От названия этой деревни и происходит название визы почти во все страны Европы.

В соответствии с Конституцией Великого Герцогства Люксембург, которая состоит из 12 глав и 121 статьи, в седьмой главе, посвящённой вооружённым силам государства, прописано какие подразделения относятся к во-

[1] © Безбородова Л. А., 2022.
[2] © Третьяков А. В., 2022.

оружённым силам, какова структура и функции жандармерии, а также то, что допускается формирование гражданской гвардии, организация которой определяется законом [1].

Вооруженные силы (ВС) Люксембурга состоят из Сухопутных войск (СВ) и жандармерии. Верховным главнокомандующим ВС является глава государства – Великий герцог, осуществляющий руководство через Министерство ВС и штаб армии.

В боевой состав СВ входят 1 лёгкий пехотный батальон, 2 разведывательные роты (одна выделена в состав бельгийской дивизии, входящей в Еврокорпус, вторая – в состав сил быстрого развёртывания НАТО) и учебная рота. На вооружении СВ находятся 6 миномётов, ПУ ПТУР и безоткатные артилерийские орудия. Военно – воздушных сил нет, однако в составе ВС находится авиационная эскадрилья самолётов дальнего радиолокационного обнаружения и управления НАТО (17 самолётов Е-3А AWACS и 3 транспортных самолёта Боинг-707). Комплектование ВС осуществляется на добровольной основе. Мобилизационные ресурсы 115,7 тыс. чел., в том числе годных к военной службе 95,1 тыс. чел. На территории Герцогства находятся склады боеприпасов, военной техники и материально-технических средств для обеспечения войск США и НАТО.

Обеспечением национальной безопасности в государстве занимается Министерство внутренней безопасности, которое отвечает за координацию и осуществление общей политики внутренней безопасности Люксембурга. Оно обеспечивает подготовку и проведение встреч по вопросам национальной и международной безопасности. Компетенция Министерства внутренней безопасности изложена в постановлении Великого герцога о структуре министерств. Министерство внутренней безопасности действует в качестве надзорного органа над полицией Великого герцога и Общей инспекции полиции (*IGP*) [2].

Помимо Министерства внутренней безопасности активное участие в обеспечение национальной безопасности принимает полиция Великого Герцога – национальная полицейская служба Великого Герцогства Люксембург, которая находится под контролем министра внутренних дел Люксембурга, хотя она и действует от имени и под полным контролем Великого Герцога Люксембургского, повседневный исполнительный контроль осуществляется генеральным директором полиции Великого герцога. Полиция Великого Герцога существует в нынешнем виде с 1 января 2000 г., когда жандармерия Великого Герцога была объединена с полицейской службой.

Полиция Великого Герцогства отвечает за обеспечение внутренней безопасности Великого Герцогства Люксембург, поддержание закона и порядка, пограничный контроль и соблюдение всех законов и указов Великого Герцогства, за помощь вооруженным силам Люксембурга в их внутренних операциях, как предписано Великим герцогом Люксембургским. В соответствии с Законом от 31 мая 1999 г. «О создании корпуса Государственной полиции Люксембурга и Главной инспекции полиции», основной задачей полиции

Люксембурга является обеспечение внутренней безопасности и законности, а также поддержание общественного порядка и урегулирование конфликтов (ст. 2 Закона) [2, с. 1801–1824].

Полиция Великого Герцогства поделена на шесть регионов, которые находятся под командованием региональных директоров полиции. Директор отвечает за центры по принятию неотложных мер, местные полицейские участки и региональные службы. Штаб-квартиры регионов находятся в Капеллен, Дикирх, Эш-сюр-Альзетт, Гревенмахер, Люксембург и Mersch. Центры по принятию неотложных мер (*Centre d'Intervention Primaire*, сокращенно «CIP») самые оснащенные и готовые для оказания помощи в чрезвычайных ситуациях. CIP также служат в качестве штаб-квартиры для региона, обеспечивая административную поддержку для других операционных центров региона. Региональные полицейские силы несут прямую ответственность за охрану дорог, расследование уголовных дел и оказание помощи жертвам преступлений. Местные полицейские участки (комиссариаты) (*Commissariat de Proximité*, сокращенно «CP») действуют самостоятельно, но под контролем регионального директора. Существует ещё специальное полицейское подразделение в Люксембурге, которое располагается в аэропорту Финдел и осуществляет пограничный контроль.

Инспекция полиции Люксембурга (IGP) создана в 2000 г. в результате реорганизации полиции. Основная задача инспекции – контроль за деятельностью полиции Великого Герцога в соответствии с правовыми положениями закона.

Генеральная инспекция полиции состоит из четырех отделов:

1) отдел «административных и судебных расследований», ответственный за проведение административных и судебных расследований;

2) отдел «контроля и аудита», который осуществляет проведение экспертиз, аудита и мониторинг решений, принимаемых полицией, а также контроль за определенными видами деятельности полиции, такими как контроль мест лишения свободы, уголовное преследование и административные меры;

3) отдел «анализа», который помимо проведения исследований, ответственен за составление ежегодного отчета для министра, содержащего выводы и рекомендации, выпущенные IGP в течение года в рамках его различных сфер деятельности;

4) отдел «дисциплинарных расследований», который занимается расследованием дел, возбужденным генеральным директором полиции.

Общая инспекция полиции (IGP) – это контролирующий орган полиции Великого герцога Люксембургского. Его основная задача – контролировать работу полиции. *IGP* находится в прямом подчинении министра внутренней безопасности и в функциональном подчинении министра юстиции, генерального прокурора, а также других судебных органов. Таким образом генеральная инспекция интегрирована во внешнюю формальную систему полицейского контроля. Контроль, осуществляемый Генеральной инспекцией, не конкурирует с существующими видами контроля, такими как административный контроль, осуществляемый министром и административными органами; судебный контроль, осуществляемый судебными властями, а также парламентский контроль,

осуществляемый Палатой депутатов и ее комитетами. Наряду с этими тремя столпами существуют и другие формы контроля: внутренний иерархический контроль над полицией и неформальный контроль со стороны полицейских союзов, прессы и граждан.

Полномочия Инспекции полиции можно резюмировать следующим образом:

1. Контроль законности – в рамках этой миссии IGP наблюдает за исполнением законов и постановлений и сообщает о недостатках и проблемах соответствующему органу.

2. Контроль качества – это миссия по контролю эффективности и результативности работы полиции, а также за качеством услуг, предоставляемых гражданам.

3. Судебные расследования – Генеральный инспектор, заместитель Генерального инспектора и сотрудники полиции IGP имеют статус сотрудников экспертной полиции. Таким образом, в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса они могут проводить предварительное расследование или даже совместно с прокуратурой привлечь к ответственности в связи с судебным расследованием уголовных деяний, совершенных одним или несколькими сотрудниками полиции.

4. Консультативная задача – *IGP*, в рамках своих полномочий отвечает на любой запрос о задержании, поступивший от соответствующего министра, министра юстиции и генерального прокурора. Инспекция полиции формулирует для внимания ответственного министра все мнения, предложения и рекомендации относительно деятельности, организации или управления полиции, которые он считает полезными. *IGP* участвует и в обучении сотрудников полиции правам человека и полицейской этике.

5. Дисциплинарные указания: статья 9 закона от 18 июля 2018 г. об Инспекции полиции [3] гласит, что «IGP выполняет дисциплинарные указания в соответствии с законом от 18 июля 2018 г. о дисциплинарном статусе сотрудников полиции Великого Герцога». Это новая компетенция *IGP*, поскольку до первого августа 2018 г. дисциплинарные дела в отношении сотрудников полиции являлись внутренним делом полиции. Таким образом, в настоящее время и в будущем *IGP* должна расследовать дисциплинарные дела, инициированные генеральным директором полиции. С этой целью создан отдел «дисциплинарных указаний».

К компетенциям Инспекции полиции Люксембурга можно отнести следующие:

1. Инспекция полиции (*IGP*) компетентна принимать решения только в отношении полиции Великого Герцога или деятельности ее персонала.

2. *IGP* уполномочена следить за исполнением дисциплинарных инструкций. Тем не менее, в соответствии со ст. 24 Закона о гражданстве и дисциплинарном статусе полиции Великого Герцога, возбуждение процесса, связанного с дисциплинарными нарушениями возложено на Дирекцию полиции.

3. *IGP* не принимает решения вместо Дирекции полиции.

4. IGP контролирует выполнение рекомендаций, принятых Генеральной Дирекцией полиции.

5. *IGP* не обладает компетенцией рассматривать жалобы по существу вынесенных налоговых предупреждений, в частности в случае нарушений правил дорожного движения. Эти жалобы должны быть адресованы непосредственно агенту, выдавшему их, полиции или компетентным судебным органам, и это до уплаты налогового предупреждения. С учетом возложенных компетенций IGP подает жалобы непосредственно в Дирекцию полиции.

6. *IGP* не обрабатывает претензии, непосредственно связанные с текущими судебными делами.

Политическая система Люксембурга функционирует эффективно и стабильно, в сочетании со стабильной ситуацией в обществе, попытки неконституционной смены власти или государственных переворотов маловероятны. Государство характеризуется отсутствием серьёзных конфликтов и благоприятной ситуацией в сфере экономики, например, уровень коррупции в Люксембурге оценивается как низкий. На территории Люксембурга отсутствуют представляющие угрозу нелегальные сепаратистские или антиправительственные объединения, что обусловлено высоким уровнем благосостояния населения, отсутствием конфликтогенных территориальных расколов, а также широким общественным консенсусом относительно ключевых направлений государственной политики. Ни одно из соседних государств не заявляет о своих претензиях на территории, принадлежащие Люксембургу. В последнее время на территории Великого герцогства Люксембург терактов или попыток их осуществления зафиксировано не было, Люксембург не сталкивается с проблемой избыточной миграции, потому что правительство проводит активную политику интеграции иммигрантов.

Что касается столицы государства, города Люксембург, то он самый безопасный город в мире, но занимает лишь 18-е место по общему качеству жизни. По уровню личной безопасности Люксембург опережает Хельсинки и швейцарские города Базель, Берн и Цюрих. Уровень преступности как в городе, так и в государстве в целом находится на благоприятном показателе, а преступность имеет тенденцию к снижению в столице Великого Герцогства. Как показали последние данные полиции Люксембурга, в 2017 г. наблюдалось общее снижение как абсолютного числа зарегистрированных преступлений, так и показателя на 100 тыс. жителей. Тем не менее угоны автомобилей и общественное пьянство возросли.

Таким образом, несмотря на небольшие показатели качества жизни в стране, государство строит эффективную политику в области национальной безопасности, создав надёжную систему по поддержанию правопорядка и стабильности в обществе, а также снижению уровня преступности по всей стране.

Список литературы

1. Конституция Великого герцогства Люксембург // Worldconstitutions.ru. – URL: https://worldconstitutions.ru/?p=146 (дата обращения: 20.02.2022).

2. Закон от 18.07.2018 «О Генеральной инспекции полиции и внесение поправок в Закон от 18 июля 2018 г.» // Police.public.lu. – URL:

https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2018/07/18/a623/jo (дата обращения: 20.02.2022).

3. Официальный сайт полиции Великого Герцогства Люксембург. – URL: https://police.public.lu/fr.html (дата обращения: 20.02.2022).

4. Официальный сайт Министерства внутренней безопасности. – URL: https://msi.gouvernement.lu/fr.html (дата обращения: 20.02.2022).

Бельчиков Н. С.[1]***,***
курсант 319 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Воротникова И. Г.,
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат филологических наук, доцент

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В условиях глобализации и роста интенсивности контактов вопросы международного сотрудничества Российской Федерации в правоохранительной сфере приобретают особую актуальность. В последние десятилетия специалисты отмечают отчетливое проявление положительной тенденции к расширению и углублению подобного межгосударственного взаимодействия, осуществляемого на основе общепринятых нормативных правовых актов с учетом приоритета общечеловеческих ценностей, идей справедливости и солидарности, изложенных в Конституции Российской Федерации, Всеобщей декларации прав человека, Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Необходимость сотрудничества органов внутренних дел разных стран продиктована целями и задачами оперативно-разыскных мероприятий, направленных на пресечение преступной деятельности отдельных криминальных элементов и на совместную борьбу с транснациональной организованной преступностью.

Проблема преступности во все большей мере приобретает глобальный характер. Этот факт исследователи связывают, во-первых, с постоянным расширением перечня преступных деяний, которые могут представлять международную опасность, а во-вторых, с тем, что преступность в разных формах проявляется абсолютно во всех странах мира, что препятствует стабильному политическому, социально-экономическому и культурному развитию государств и побуждает к совместному поиску методов и способов решения данной проблемы [3].

---

[1] © Бельчиков Н. С., 2022.

Основные направления международного сотрудничества Российской Федерации в правоохранительной сфере [4]:

1. Обмен разного рода информацией, в том числе оперативной и криминалистической, а также использование информационных банков Интерпола в борьбе с преступностью.

Взаимодействие между национальными центральными бюро Интерпола основано на обмене информацией криминального характера. Участники обмена информацией – прежде всего государственные органы, которые осуществляют оперативно-разыскную деятельность (в понимании российского права).

Деятельность НЦБ Интерпола России основана на Уставе Международной организации уголовной полиции (Интерпол) [5], решениях ее Генеральной Ассамблеи, а также ведомственных нормативных правовых актах. Основной ведомственный нормативный правовой акт, которым руководствуются территориальные органы внутренних дел при необходимости получения информации в системе Интерпола, – это Инструкция об организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола.

Вся информация, полученная в процессе взаимодействия, предназначена только для использования в борьбе с преступностью. Вопросы ознакомления заинтересованных лиц с персональной информацией, имеющейся в базах Интерпола в их отношении, решаются в соответствии с действующим национальным законодательством.

Информация, поступившая по каналам Интерпола и находящаяся в НЦБ Интерпола, органах внутренних дел, правоохранительных органах, может быть передана СМИ только с разрешения тех НЦБ Интерпола иностранных государств или их правоохранительных органов, которые предоставили данную информацию.

2. Международный розыск физических лиц осуществляется как в глобальном, по всем странам – членам Интерпола, так и в региональном или локальном масштабе, т. е. в пределах какого-либо региона. Одна из особенностей межгосударственного розыска – включение в объекты розыска лиц, уклоняющихся от исполнения решений судов по искам.

В системе международного розыска Интерпола эти лица не отнесены к категории разыскиваемых, но включены в число лиц, которых можно идентифицировать или проверить по учетам Генерального секретариата или иностранных государств, в случае если они выехали за пределы стран СНГ.

Решение об объявлении лица в международный розыск принимает орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность, которому поручено исполнение постановления об объявлении розыска, о чем выносится соответствующее постановление. Это мероприятия разыскного характера, но без постановки на учет лица как разыскиваемого на международном уровне. В данном случае проверка или идентификация лиц осуществляется в иностранных государствах, где по имеющейся информации – это лицо может находиться.

Мероприятия разыскного характера заключаются в направлении в Генеральный секретариат, национальные центральные бюро Интерпола соответствующих государств информации о розыске лица или, при наличии опре-

деленной информации, запросов о выполнении каких-либо действий в целях его розыска.

3. Оказание правовой помощи по уголовным делам, а также материальной, технической и экспертной поддержки в сфере оперативно-разыскной деятельности.

Международная правовая помощь – это вид международного сотрудничества, отдельный акт взаимодействия по конкретному факту, в отношении конкретного лица, выполнение конкретных действий одного государства в интересах другого.

Международная правовая помощь в сфере оперативно-разыскной деятельности – разновидность международной правовой помощи, которая в международных отношениях имеет отраслевой признак, наряду с международной правовой помощью в сфере уголовного судопроизводства, в административном производстве, гражданско-правовых, брачно-семейных, трудовых отношениях, имеющих иностранный элемент.

Данное направление сотрудничества предполагает проведение мероприятий оперативно-разыскного характера на территории иностранного государства в целях установления факта совершения преступления, выявления преступлений, в том числе совершаемых на территории иностранных государств, но причиняющих вред Российскому государству или его гражданам, для обнаружения доказательств и т. д.

Каждая из разновидностей международной правовой помощи имеет свою специфику, обусловленную особенностями правоотношений, регулируемых различными отраслями права. Прежде всего это основания для направления запроса об оказании международной правовой помощи.

Таким образом, международная правовая помощь в сфере оперативно-разыскной деятельности является отдельным актом взаимодействия полицейского органа одного государства с полицейским органом другого государства по конкретному преступлению, в отношении конкретного лица, причастного к совершению преступления, или группы лиц в виде выполнения действий или мероприятий одним государством в интересах другого.

Межгосударственное взаимодействие Российской Федерации в правоохранительной сфере имеет четкую правовую основу и опирается на общепризнанные нормы международного права:

1. Договорно-правовая – заключение и реализация двухсторонних или многосторонних договоров, которые регулируют отношения в данной сфере.

В качестве примера действия данной правовой формы можно привести нормативные правовые акты: Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. [6]; Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принята Советом Европы 4 ноября 1950 г. [1]; соглашения о международном сотрудничестве МВД России; и др.

2. Институционная – сотрудничество в рамках международных организаций всеобщего и регионального характера. Данная правовая форма находит свое выражение в широкой кооперации со следующими международными организациями: ООН, Международной организацией уголовной полиции Интерпол (в

соответствии с ее Уставом [5]), СНГ, Советом Европы, Советом государств Балтийского моря, Советом Россия – НАТО, ПСП Россия – ЕС и др.

К основным принципам международной деятельности в правоохранительной сфере относятся принцип суверенного равенства государств, принцип добросовестного выполнения международных обязательств, принцип уважения прав человека и его основных свобод и др., которые закреплены в Уставе ООН и Декларации о принципах международного права.

Рассмотренные направления международного сотрудничества Российской Федерации в правоохранительной сфере являются эффективной формой межгосударственного взаимодействия в борьбе с преступностью, требующей дальнейшего поиска новых методов и способов решения данной проблемы.

Список литературы

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) (с изм. и доп. от 21.09.1970, 20.12.1971, 01.01.1990, 06.11.1990, 11.05.1994) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Электронный фонд правовой и научно-технической документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/9004937 (дата обращения: 20.02.2022).

3. Международное сотрудничество МВД России // Сайт МВД России. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Departamenti/Dogovorno_ Pravovoj_departament/ ublikacii_i_vistuplenija/item/156697 (дата обращения: 20.02.2022).

4. Основы оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел : учебник / под ред. З. Л. Шхагапсоева, Н. П. Голяндина. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2016. – 378 с.

5. Устав Международной организации уголовной полиции (Интерпол) // Adlia.tj. – URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=159 (дата обращения: 20.02.2022).

6. United Nations Universal Declaration of Human Rights, 10 December 1948 // jus.uio.no. – URL: https://www.jus.uio.no/lm/un.universal.declaration.of. human.rights.1948/portrait.a4.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

Бехзоди Ф. А.[1],
адъюнкт ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Незаконная миграция в Республике Таджикистан из второстепенных современных проблем перешла в разряд глобальных вызовов мировому сообществу, масштабы и возможные последствия обострения которой могут представлять серьезную угрозу международной стабильности и устойчивому развитию государств.

Произошедшие в последние годы глобальные изменения геополитической ситуации и современный мировой экономический кризис создают условия для возникновения устойчивой тенденции к еженедельному увеличению объемов незаконной миграции.

Административные правонарушения в сфере миграции в Республике Таджикистан занимают особое место в соответствии с нормативными правовыми актами, регулирующими правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан.

Сегодня Республика Таджикистан, как и многие страны, тоже испытывает проблемы в области миграции. С одной стороны, происходит отток граждан – трудовых мигрантов преимущественно в Российскую Федерацию, с другой – республику посещают иностранные граждане, часть из которых тоже трудовые мигранты.

Согласно статистическим данным, за последние 10 лет в Республике Таджикистан произошло 2729 административных правонарушений в сфере незаконной миграции, в результате которых составлено 1827 протоколов об административном правонарушении в сфере незаконной миграции [1].

Далее приведенный статистический анализ административных правонарушений в сфере незаконной миграции в Республике Таджикистан за период с 2011 г. по 2020 г. (см. табл. 1) наглядно показывает относительно стабильную динамику по всем показателям (снижение).

В конце 50-х годов началось обучение мигрантов, вопросы расселения и быта населения привлекли к себе внимание ученых в последующие годы.

В научной литературе миграция рассматривается как переезд населения из одной страны в другую. В специально посвященных этим тематическим статьям энциклопедии содержание понятия «миграция населения» не существует. В нем приведено понятие «миграция народов», как массовое движение народов на большие расстояния от начала нашей эры до XIX в., движения германских племен в III–IV вв., приводящих к деградации Римской империи.

---

[1] © Бехзоди Ф. А., 2022.

Таблица № 1

Административные правонарушения в сфере миграции в Республике Таджикистан в период с 2011 по 2020 гг.

Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Всего
Всего административных правонарушений в области незаконно миграции в Республиуи Таджикистан	366	315	297	256	342	323	234	216	214	166	2729
Составлено административных протоколов	244	254	168	216	211	186	198	179	184	147	1827

Большое количество исследований свидетельствует о том, что криминалистика имеет обширный потенциал в этой области. Иммигранты, попадая в другие условия жизни, переживают природные социально-экономические и морально-психологические проблемы. Поэтому особенно опасно незаконное выращивание иммиграционных материалов, потому что именно ему присущи уголовные последствия, которые выражаются как в правонарушения самих мигрантов, так и в ответных действиях, совершаемых против них.

Опыт правоохранительных органов Республики Таджикистан свидетельствует о том, что отсутствие четкого представления о миграции делает политику государства в этой области трудной для формирования и разработки государственных мер, направленных на контроль миграции граждан Республики Таджикистан и системы мер по ее предотвращению. В Республике имеет место переход на новые и менее опасные места населения внутри самого государства. Приведенное выше исследование освещает только экономическую и социальную составляющую проблемы и не объясняет сами причины трудовой миграции.

Публикации значимых статей на эту тему начались приблизительно 60 лет назад. Однако все они объясняют миграцию как добровольное событие, протекающее в пределах одного государства, относящееся к внутренней проблеме. Такое представленние ученых сформировалось из-за опасений Коммунистической партии, и чтобы скрыть недостатки в миграционной политике, так как критика была полностью запрещена.

Сегодня общее количество мигрантов в мире превышает 125 млн чел. Такая ситуация привела к необходимости развития законодательства в области обеспечения прав и свобод граждан в сфере миграции, а также повышения эффективности работы сотрудников органов внутренних дел, проведения профилактических мероприятий с иностранными гражданами и т. д.

Рассмотрим организацию деятельности и полномочий сотрудников МВД Республики Таджикистан в сфере контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан, а также понятие контроля, поскольку в действующем законе Республики Таджикистан «О правовом статусе иностранных граждан и лиц без гражданства в Республики Таджикистан» в ст. 28 говорится о контроле пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан, однако не дается его понятия , а ведь при реализации норм закона, без определения основных понятий могут возникнуть проблемы, в части субъективизма в его применении [2].

Государственный контроль представляет собой сбор и проверку информации о фактическом выполнении нормативных предписаний, соблюдении требований нормативных и правовых актов и непосредственное принятие мер по предупреждению и пресечению допущенных нарушений (отклонений) в целях обеспечения охраны интересов общества и государства, защиты прав и свобод человека и гражданина [3, с. 30]. В соответствии со ст. 28 Закона Республики Таджикистан «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан» контроль за пребыванием и транзитным движением иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан, осуществляется органами внутренних дел и другими уполномоченными органами в соответствии с законодательством Республики Таджикистан. В юридическом энциклопедическом словаре понятие государственный контроль определяется как одна из форм осуществления государственного управления,обеспечивающая соблюдение законов и других правовых актов, государственными органами [4].

Незаконная миграция сегодня одна из глобальных проблем не только для Республики Таджикистан, но и для всего мирового сообщества, которая представляет серьезную угрозу международной стабильности и устойчивому развитию страны. Данная ситуация требует адекватного административно-правового реагирования на миграционный поток посредством регулирования и контроля этой сферы. Эта деятельность складывается на основе государственной политики в области миграции, которая реализуется принятием и вводом в действие соответствующих норм в административно-правовое законодательство Республики Таджикистан.

Мигрант – это человек, осуществляющий прохождение через государственную границу – наружную или международную. Выделяют разные виды миграции. Людей, приехавших из одного места в другое с целью получения источника дохода, объединяют в трудовую миграцию; возвратившихся на родину – в этническую миграцию; переселившихся из-за нарушения климата на месте проживания или природной угрозой – в экологическую миграцию. Основные географические обозначения миграции подразделяются на два вида: внешняя (международная) миграция и внутренняя миграция. Внешняя миграция, в свою очередь, подразделяется на две группы. Это эмиграция (выход из государства) и иммиграция (въезд в государство). Разделяют следующие структурные признаки миграции в следующих группах: по полу, возрастные, этнические, семейные, образование.

Несмотря на слаженность административно-правового регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан, требуется своевременное совершенствование аппарата и института управления миграционным потоком. На данном историческом этапе развития Республики Таджикистан необходимо, на основании опыта других государств и тенденций, складывающихся в них, принять комплексные меры по ужесточению миграционного законодательства. Иностранные граждане по разным причинам посещают Республику Таджикистан и остаются бесконтрольными на ее просторах. Такой радушный прием чреват серьезными последствиями, представляющими реальную угрозу национальной и государственной безопасности.

Яркий пример этому опыт государств Европейского содружества, которые вследствие гуманитарной катастрофы, «благодаря» своей лояльной и толерантной политике приняли огромное число мигрантов. Граждане Республики Таджикистан, посещая Российскую Федерацию, непосредственно испытывают на себе миграционный контроль и выражают недоумение в части мер, принимаемых этой страной. Однако с точки зрения миграционной политики эти меры административно-правового регулирования являются вполне необходимыми и приемлемыми. Такой механизм сдерживает поток мигрантов, которые вместо того, чтобы на родине работать, подыскивают свободный рынок труда.

Государственный контроль в сфере незаконой миграции в Республике Таджикистан отражается как направление деятельности сотрудников органов внутренних дел, а также государства в будущем; контрольная функция обусловлена объективно необходимыми и социально желаемыми целями, а именно, сохранением жизни и здоровья, обеспечении прав, свобод иностранных граждан в республики таджикистан. Данные цели достигаются путем обеспечения соблюдения законодательства в сфере правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Таджикистан и ее субъектов, а также правил, стандартов, норм и других нормативных документов в части относящейся к иностранным лицам. Эта особенность является нормативным направлением деятельности государства.

Государственный контроль в качестве разновидности правоохранительной деятельности органов государственного управления играет важную роль в сфере правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в Республики Таджикистан [5, с. 11].

Список литературы

1. Федосеева, Н. Н. Государственный контроль в системе функций современного Российского государства / Н. Н. Федосеева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2010. – № 1. – С. 30.

2. Современный толковый словарь. Большая советская энциклопедия. – 1998. – 6110 с.

3. Беляев, В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. П. Беляев. – Саратов, 2006. – С. 11.

Борисовец Т. Л.[1]***,***
курсант 306 учебного взвода
ИПСОПР Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кудалина И. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ АГЕНСТВ В БОРЬБЕ С СОВРЕМЕННЫМИ ВЫЗОВАМИ И УГРОЗАМИ

В современных условиях перед правоохранительными органами стоит множество новых задач. В эпоху беспрецедентного обмена информацией полиция во всем мире все чаще сталкивается с новыми вызовами.

Национальная безопасность – главный приоритет ФБР. «Каждая угроза, с которой сталкивается полиция, так или иначе влияет на национальную безопасность. Терроризм, бандитизм, шпионаж, хакерство, злоупотребление наркотиками – это угрозы не только для федералов или только для штата и местных жителей, они в той или иной степени влияют на всех нас», – отметил в выступлении перед сотрудниками ФБР Кристофер Рей, директор ФБР [1]. Продолжается борьба с насильственными преступлениями – от насильственных преступлений с применением огнестрельного оружия, преступлений, связанных с употреблением и незаконным оборотом наркотиков, до децентрализованных уличных банд и убийств.

Опиоидный кризис: более 72 тыс. американцев умерли от передозировки наркотиков в 2017 г., включая отпускаемые по рецепту опиоиды и запрещенные наркотики. Это стало проблемой национальной безопасности, которая каждый день проявляется на наших улицах.

Доморощенная угроза насильственного экстремизма – это новая норма, и она создала новый набор проблем. Эти люди в значительной степени радикализированы в интернете, и они вдохновлены глобальным джихадистским движением.

Киберугроза продолжает, и чем больше мы прибегаем к интернету как каналу и хранилищу всего, что мы используем, делимся и управляем, тем большей опасности мы подвергаемся. Противники национальных государств ищут наши коммерческие секреты, наши идеи и наши инновации. И они используют расширяющийся набор нетрадиционных методов для достижения своих целей, та-

[1] © Борисовец Т. Л., 2022.

ких как кибератаки, иностранные инвестиции, корпоративные приобретения и угрозы в цепочке поставок [2].

Нельзя аккуратно поместить некоторые из этих угроз в корзину национальной безопасности, а другие – в корзину штата и местных властей. Это угрозы для правоохранительных органов; это коллективные проблемы.

Если иностранный противник взломает энергосистему или финансовые рынки, страна будет иметь дело с последствиями. Если террорист нанесет удар по легкой цели в любом городе, все почувствуют отголоски. Каждая компания, каждая сеть и каждый человек чувствуют влияние киберпреступности, и у каждого есть что-то, что они не хотят терять. Насильственные преступления могут затронуть каждый район. Активный стрелок может в одно мгновение изменить чей-то мир в любом сообществе, большом и малом.

Серьезность угрозы в любой из этих областей беспрецедентна. Но в совокупности эти угрозы требуют еще более согласованного уровня сотрудничества.

Большое значение имеют партнерство и обмен информацией. И для этого есть причина. Нужно держаться вместе. Нужно полагаться друг на друга в получении информации, опыта и лучших практик, в поиске новых идей и новых подходов к решению старых проблем [3, с. 250].

Говоря о долгосрочной стратегии ФБР, К. Рей в своем выступлении подчеркнул: «Например, мы работаем с руководителями крупных городов и шерифами крупных округов над разработкой комплексной оценки угроз, чтобы помочь руководителям правоохранительных органов лучше выявлять, анализировать и определять приоритеты основных угроз, с которыми сталкиваются их общины. Этот подход позволяет нам лучше сосредоточиться на самых приоритетных задачах в наших отделениях на местах».

Прилагаются согласованные усилия для проведения брифингов по угрозам для федеральных, государственных и местных партнеров, брифинги по текущим и возникающим угрозам, от терроризма, киберпреступности до активных угроз со стороны стрелков в школах. Идет работа с руководителями крупных городов над разработкой совместной стратегии по сокращению насильственных преступлений и убийств. Выявляются успешные программы и лучшие практики руководителей правоохранительных органов и агентств по всей стране. Большая часть укрепления партнерских отношений заключается в улучшении обмена информацией.

«Вместе мы все искали новые пути преодоления опиоидного кризиса. Мы все видим пользу в растущем взаимодействии между правоохранительными органами и секторами общественного здравоохранения и психического здоровья. Совместная работа в этой борьбе имеет решающее значение, потому что у нас просто нет ресурсов, чтобы действовать в одиночку. Это потребует подхода всего общества» [1].

«На киберфронте мы пытаемся найти новые способы максимально задействовать все наши ресурсы и максимально использовать наш коллективный опыт. Была создана программа по совместной борьбе с киберпреступностью,

объединив сотрудников службы общественной безопасности в совместную целевую группу по киберпреступности в Солт-Лейк-Сити.

Сотрудники правоохранительных органов сосредоточены не только на том, чтобы найти и остановить плохих парней, а на оказании помощи жертвам. Сотрудники правоохранительных органов взаимодействуют с потерпевшими чаще, чем другие специалисты» [1].

Сталкиваясь с новыми вызовами и угрозами, надо привлекать большее число молодых людей для работы в правоохранительных органах.

«Нам нужны лучшие из лучших, чтобы выполнять поставленные перед нами задачи, чтобы помочь людям, чтобы сделать их жизнь безопаснее, немного легче, чтобы сделать наши общины немного сильнее и лучше» [2].

Список литературы

1. The importance of law enforcement partnerships in combating evolving threats and keeping communities safe. – 2018.

2. The true heart of American law enforcement. – 2016.

3. Борьба с терроризмом. Новые вызовы и угрозы. – М. : Проспект, 2020. – С. 250 – 271.

Буравлева А. К.[1],
заместитель заведующего
кафедрой иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя.

Бахтина Д. С.[2],
курсант 891 учебного взвода
Института психологии служебной
деятельности органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ФОРМЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРЕСТУПНИКАМИ В АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ

В настоящее время преступность несовершеннолетних вызывает растущее беспокойство в мировом сообществе. Возраст несовершеннолетних преступников и правонарушителей снижается с каждым годом. Значительно расширяется и сфера преступлений. В Англии и Уэльсе работой с несовершеннолетними преступниками и правонарушителями занимается подразделение «YOT» (youth offending teams). «YOT» – государственная организация, которая занимается не только работой с несовершеннолетними преступниками, но и защитой прав несовершеннолетних. Таким образом, «YOT» это аналогия российского подразделения по делам несовершеннолетних и защиты их прав. В «YOT» входят: сотрудники местных социальных структур и органов образования, полиции, Национальной службы пробации и местных служб здравоохранения. «YOT» в основном принадлежит территориальным органам власти. Работа «YOT» регулируется и определяется рядом международных нормативных актов, которые относятся к сфере ювенальной юстиции (например, Национальные стандарты ювенальной юстиции) или другими документами, регулирующими механизмы защиты общества. Совет по ювенальной юстиции Англии и Уэльса «YJB» финансирует «YOT», а также является его надзорным органом.

В настоящее время для эффективной организация работы «YOT» используются различные формы, так как увеличивается количество осужденных несовершеннолетних, при этом уменьшается количество сотрудников «YOT» в связи с сокращением финансирования. В некоторых частях страны произошло объединение «YOT» с другими местными органами власти по делам несовершеннолетних. Вследствие этого многие подразделения больше не называются «YOT», а являются частью других организаций по работе с моло-

[1] © Буравлева А. К., 2022.
[2] © Бахтина Д. С., 2022.

дежью. Такие подразделения охватывают широкий спектр задач для максимально результативной работы с состоящими на учёте несовершеннолетними. Например, во многих регионах действуют программы восстановительного правосудия для возмещения ущерба, причиненного правонарушителем, и во всех программах существуют группы, куда входят сотрудники подразделений «YOT», деятельность которых заключается в организации профилактической работы коррекционно-реабилитационного характера с делинквентными подростками для снижения риска повторения с их стороны правонарушений. «YOT» оценивает каждого несовершеннолетнего и определяет, насколько он представляет угрозу для общества, своей семьи или самих себя, особенно причинения «серьезного вреда», т. е. «смерть или нанесение тяжких повреждений, физических или психологических».

Классификация определения уровня «серьезного вреда» в зависимости от тяжести, повторяемости и прогноза на будущую социализацию правонарушителей адолесцентного возраста:

1. Низкий риск допускает, что в настоящее время нет данных, указывающих на вероятность серьезных злоумышленных действий в будущем.

2. Умеренный риск подразумевает, что фактор был идентифицирован, но маловероятно, что несовершеннолетний причинит серьезный вред, если только обстоятельства не изменятся.

3. Высокий риск означает, что выявлен риск причинения серьезного вреда. Потенциальное событие может произойти в любое время, и последствия будут серьезными. Действия должны быть предприняты быстро, дело потребует дополнительного надзора и контроля, например, со стороны среднего или высшего руководства, местных подразделений полиции.

4. Очень высокий риск предполагает выявление непосредственного риска причинения серьезного вреда. Несовершеннолетний совершит преступление, как только представится возможность, и последствия будут тяжелыми. Скорее всего, потребуется немедленная реакция правоохранительных органов. Потенциальное событие, вероятно, произойдет в ближайшее время [1, с. 112–132].

Эта классификация описывает действия, которые необходимо предпринять, но оставляет за «YOT» право определять правильную последовательность действий в отдельных случаях. Деятельность сотрудника полиции «YOT» ориентирована на выполнение обширного круга задач.

Три блока всех функций:

Обмен данными и информацией

«YOT» интегрированы в сеть ведомственной разведки, систему распределения задач и координации действий. Полицейский «YOT» обязан быть в курсе текущей криминогенной обстановки на вверенной ему территории и уделять максимально возможное время несовершеннолетним с высокой степенью риска. Сотрудник «YOT» (или его непосредственный руководитель) должен присутствовать как на ежедневных брифингах руководства, так и на совещаниях оперативной группы и координационных совещаниях. Чтобы быть в курсе совершенных преступлений, происшествий и сведений о преступниках, сотрудники полиции должны иметь доступ к информационной системе ведомства. Эта

связь между повседневными задачами полиции и работой «YOT» обязательный инструмент взаимодействия. В районах с высоким уровнем криминогенности сотрудник «YOT» выступает в качестве двустороннего канала связи между «YOT» и местной полицией. Для сотрудника полиции «YOT» особенно важно поддерживать культуру обмена информацией, уделяя особое внимание защите прав и интересов несовершеннолетних. Сотрудник полиции «YOT» должен участвовать в процессах обмена информацией о серьезных несовершеннолетних правонарушителях, в отношении которых действуют межведомственные механизмы социального обеспечения» [2, с 7–8]. Важно убедиться, что «YOT» знает о любой возникающей ситуации, имеющей отношение к ведению конкретного дела, с точки зрения защиты несовершеннолетнего, а также управления рисками. Многие отделения «YOT» разработали форму взаимодействия, при которой сотрудник полиции «YOT» назначается единственным контактным лицом для подразделений местной полиции в рамках обмена оперативными данными. Вследствие этого крайне важно, чтобы наиболее важная информация, такая как аресты и повестки в суд, а также вынесение внесудебных распоряжений, быстро передавалась уполномоченным лицам.

«Раннее вмешательство» и профилактика делинквентности

Сотрудничество офицеров полиции «YOT» с полицейскими районного уровня и группами общественной безопасности для выявления и работы с несовершеннолетними, которым грозит попадание в систему ювенальной юстиции, имеет решающее значение для максимально возможного успеха профилактической работы. Школьные работники, районные полицейские группы и органы общественной безопасности также участвуют в превентивных мерах по предупреждению преступлений и правонарушений. Есть специальные программы, цель которых – «раннее вмешательство». Такие программы получили значительное развитие в Англии и Уэльсе. Эти программы направлены на то, чтобы вывести из системы ювенальной юстиции правонарушителей, впервые совершивших правонарушение, и несовершеннолетних с низким уровнем риска. Агенту «YOT» принадлежит важная роль в обеспечении освобождения несовершеннолетнего из-под стражи и поочередного использования одной из программ по его реабилитации.

Офицеры «YOT» играют значимую роль в программах «раннего вмешательства». В частности, их деятельность значима в эффективном обеспечении соблюдения соглашений о приемлемом поведении и положений об антиобщественном поведении для несовершеннолетних [3, с. 69–85].

Работа с жертвами противоправных действий и обмен их данными (по разрешению) с «YOT» актуальны для обеспечения регионального участия в судебных процессах. Это помогает жертвам преступлений понять, что внесудебный процесс – часть системы ювенальной юстиции, так как они могут наблюдать за реальным процессом работы сотрудников полиции.

Управление несовершеннолетними правонарушителями

Управление правонарушителями-подростками в «YOT» – одна из самых сложных областей деятельности подразделения. Сотрудник полиции «YOT» часто несет ответственность за принятие многих внесудебных решений по де-

лам о правонарушениях, не представляющих общественной опасности. Сотрудник такого подразделения ответствен за работу с несовершеннолетними, которые подвержены высокому риску повторного правонарушения, особенно с теми, кто изначально состоял на учете в «DYO» (группы сдерживания несовершеннолетних правонарушителей).

Первоначально несовершеннолетние, у которых, скорее всего, могут возникнуть рецидивы, находились в ведении отдела социальной защиты «YOT». За исключением нескольких полицейских, участвовавших в интенсивной работе по надзору за такими подростками, сотрудники «YOT» почти не контактировали с сотрудниками соцзащиты, кроме как для информирования о случаях первоначальных или повторных правонарушениях молодыми людьми в возрасте 18 лет и старше.

Сотрудник полиции «YOT» помогает своим коллегам при организации посещений совершивших или склонных к совершению правонарушений подростков из группы риска по месту жительства или организации допросов, когда есть определенная вероятность неправомерного поведения ребенка. В некоторых случаях офицер «YOT» совместно с полицией реально имеет возможность снизить риск совершения преступления или правонарушения [2, с. 85–93].

Межведомственное сотрудничество

В основе профессиональной деятельности «YOT» лежит межведомственный партнерский подход, определяющий как состав команды, так и совместное размещение подразделений. В рамках партнерства «YOT» предпринимаются все возможные усилия, направленные на профилактику и раннее вмешательство, чтобы не допустить попадания несовершеннолетних в систему ювенальной юстиции, а также уменьшить тяжесть и частоту рецидивов правонарушений.

Районные полицейские группы являются ключевым партнером для сотрудников полиции «YOT». Полицейские «YOT» тесно сотрудничают с ними, чтобы:

– выявлять несовершеннолетних, имеющих риск совершения противоправных действий;

– определять порядок проведения профилактических мероприятий с участием несовершеннолетних;

– помогать в разработке программ «раннего вмешательства» в рамках ювенальной юстиции;

– консультировать несовершеннолетних и их семьи по проявлениям антиобщественного поведения или по заявлениям о заключении контракта о приемлемом поведении, запрашиваемых в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, полицейское подразделение «YOT» – одно из значимых в структуре министерства внутренних дел Великобритании. Организация располагает широким спектром программ профилактических мероприятий, целью которых является предупреждение правонарушений со стороны несовершеннолетних, реабилитация молодых людей, попавших в пенитенциарную систему, что способствует значительному уменьшению численности лиц, впервые поступающих в систему криминального правосудия.

Список литературы

1. Muncie J., Goldson B. Comparative Youth Justice. Sage. – 2006. – P. 112–132.
2. Marion Sandwell. The Role of the «YOT» Police Officer. – 2014. – P. 7–8.
3. Lyons JS. Royce Baerger D, Quigley P, Erlich J, Griffin E. Mental health service needs of juvenile offenders: a comparison of detention, incarceration, and treatment settings. Child Serv Soc Policy Res Pract. – 2014. – P. 69–85.
4. Darrell Fox. Elaine Arnull Social Work in the Youth Justice System: A Multidisciplinary Perspective. – 2013. – P. 85–93.

Буравлева А. К.[1]***,***
заместитель заведующего
кафедрой иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя.

Воронина А. А.[2]***,***
курсант 317 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЭФФЕКТИВНАЯ БОРЬБА С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ: ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ИНИЦИАТИВ УПРАВЛЕНИЯ ПО БОРЬБЕ С НАРКОТИКАМИ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Неправомерное перемещение наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров через национальные границы одна из наиболее распространенных форм транснациональной преступности. Незаконный оборот запрещенных наркотических средств между странами-производителями и странами-потребителями по цепочкам поставок наркотиков происходит уже более века [1, с. 160]. Недавние исследования указывают на то, что преступные группировки развернули криминальный сверхприбыльный бизнес, включающий торговые потоки, транспортную логистику, финансовую структуру, имеют доступ к новейшим технологиям и новым платежным инструментам для осуществления наркосделок, обладают современными средствами шифрования и передачи данных в анонимном формате и способны проникать в государственные структуры с целью отмывания «грязных денег».

Более ранние исследования указывают на то, что наркоторговцы сегментируют цепочку поставок, чтобы максимально использовать человеческие ресурсы, нанимая экспертов и профессионалов во многих областях в разных странах. Любопытно, что темпы роста незаконного оборота наркотиков стал снижаться в начале двадцать первого века и значительно замедлился в 1990-х годах (Отчет ООН о глобальных изъятиях кокаина и опиатов за 1980–2002 гг., 2003). Хотя это очевидное снижение может быть объяснено, среди прочих факторов, либо изменением спроса на продукт как таковой, либо спросом, обусловленным ростом в странах-потребителях. Возникает вопрос: может ли кажущийся спад в деятельности наркоторговцев объяснен действием международных соглашений?

---

[1] © Буравлева А. К., 2022.
[2] © Воронина А. А., 2022.

Различные договоренности привели к созданию международных систем полицейского сотрудничества с целью придать полицейским расследованиям масштаб, необходимый для задержания пересекающих границы подозреваемых в распространении наркотиков (Deflem 2000, 2002; Joutsen 2005; Koenig and Das 2001; Sheptycki 2000).

Рассмотрим исследования, касающиеся структуры международного рынка наркотиков и созданных международных механизмов контроля.

Ранние исследования по проблемам организованной преступности изображают преступные монополии, которые иерархично выстроены, структурированы и играют значимую роль в сфере поставок незаконных товаров и услуг [2]. На эти данные часто опираются правоохранительные органы реагирования в борьбе с организованной преступностью [3]. Однако такой традиционный подход, когда транснациональная организованная преступность рассматривается как всемогущие картели, или мафиозные группы (pax mafiosa), которые контролируют глобальное распространение психотропных веществ [4] [5], был поставлен под сомнение исследованиями последних трех десятилетий, будь то в сфере незаконного оборота наркотиков, в сфере импорта или в конкретных географических условиях.

Основные структуры, встроенные в текущую международную деятельность по торговле наркотиками, более точно представлены присущей им гибкостью и автономными цепочками поставок, нежели авторитетными и мощными преступными организациями. По цепочке поставок наркотики поступают на международный рынок из начальной точки (страны-производители) до конечного пункта назначения (страны-потребители) через так называемые «страны-эстафеты».

Цепочка поставок представляет собой путь, пройденный запрещенным продуктом через сеть торговцев наркотиками, которые перемещают такие вещества из пунктов производства в пункты потребления. Цепочка поставок транснациональна, если она пересекает границы двух или более стран.

Кокаин, героин и гашиш преобладают в незаконной транспортировке наркотиков, а марихуана и синтетические наркотики часто производятся на местном, иногда региональном уровне из-за простоты производства, например в подпольных лабораториях. Согласно данным прошлых исследований [6], структура (длина и сложность) цепочек поставки определяется несколькими важными факторами. С одной стороны, специфика производства психотропных веществ, а также их хранение, транзит обусловливают сложность цепочки поставок, а с другой – степень репрессивных мер за распространение конкретного вида наркотических средств (кокаина или героина) может влиять на длину цепочки поставок наркотиков.

Каналы поставок наркотиков контролируют субъекты, доставляющие их от места происхождения до места доставки. Но цепочка транспортировки может быть и автономной, когда никто не может полностью контролировать этот процесс. Последний вариант более уязвим, поскольку он не поддерживается сетью, обеспечивающей непрерывность цепи (из-за отсутствия реляционного дублирования между заинтересованными участниками) [7].

Поставки наркотиков через централизованную базу кажутся менее актуальными, чем автономные из-за дополнительных затрат, понесенных при обходе логистических препятствий [7]. Система наркотрафика часто демонстрирует структурные характеристики, на которые влияют географические условия.

Поляризация цепочек поставок наркотиков по линии Север–Юг может быть объяснена четырьмя факторами: 1) благоприятными климатическими условиями для производства психотропных веществ; 2) преобладающими экономическими условиями в странах на пути следования цепочки (это может оказать значительное влияние на прибыль и цены); 3) политическими структурами, которые закрывают глаза на производство наркотиков, особенно в странах со слабыми государственными институтами и ограниченными возможностями для искоренения производственных мощностей; 4) интенсивностью полицейских расследований (более значительных и систематических в развитых странах) и неизбежное увеличение риска ареста в конце цепочки поставок, а не в ее начале. Хотя можно было бы ожидать, что риски будут тем меньше, чем дальше партия наркотиков находится от места производства, на самом деле риск ареста и изъятия выше, когда партия наркотиков приближается к месту назначения.

Учитывая, что размах и сложность международных цепочек поставок наркотических и психотропных средств определяются интенсивностью применения определенных мер со стороны государства и общества, развитие общих экономических рынков заставило государства сформулировать новые проблемы безопасности для борьбы с транснациональной наркопреступностью. Этот спрос на безопасность способствовал росту уровня сотрудничества между полицейскими службами разных государств.

Вследствие этого можно наблюдать появление международных структур и/или организаций по сотрудничеству полицейских служб, структур и/или организаций, а также расширение национальных полномочий полиции с помощью таких инструментов, как договоры о взаимной правовой помощи.

Возникающие «общие пространства безопасности» поощряют национальные полицейские службы делиться своими разведданными и опытом с иностранными коллегами, что приводит к повышению результативности действий полицейских структур как на международном уровне, так и внутри отдельных государств. В настоящее время мы можем наблюдать значительное развитие полицейского и судебного сотрудничества в зонах свободного рынка. В Северной Америке, например, можно заметить распространение полицейских инициатив с конца 1990-х годов, которые основаны на двусторонних соглашениях между США и Канадой, а также между США и Мексикой. В Европе полицейское сотрудничество практикуется еще дольше, поскольку реализация единого европейского пространства в значительной степени способствовало развитию законодательства, направленного на укрепление и структурирование сотрудничества между иностранными полицейскими службами.

Международное полицейское сотрудничество позволяет полицейским службам использовать источники информации, которые становятся доступны-

ми для них в других странах, чтобы с большей эффективностью применять современные методы работы с подозреваемыми. Такое взаимодействие позволяет выявлять конкретную преступную деятельность в рамках конкретных преступных групп и создать базу данных о фактической или потенциальной преступной деятельности не только потому, что она имела место в пределах их юрисдикции, а и вследствие того, что она имела место в другой стране, которая сделала результаты расследования доступными иностранным коллегам.

Обмен информацией, собранной в ходе уголовных расследований, создает сети и связи между полицейскими структурами разных стран. Кроме того, обмен информацией дает возможность обсуждать стратегии и устанавливать приоритеты для определения методов, необходимых для проведения многоуровневых операций, которые часто требуют создания транснациональных полицейских групп. Международное полицейское взаимодействие также позволяет следователям разрабатывать более детализированные планы по противодействию преступности, опираясь на «общую картину».

Поскольку транснациональная наркопреступность демонстрирует полное пренебрежение к границам государств, полицейские службы должны противостоять ей, опираясь на переосмысление концепций национальной юрисдикции. Международное полицейское сотрудничество позволяет полицейским операциям в некоторой степени игнорировать национальные границы, действовать в международном масштабе и разрабатывать более обоснованный подход, который может определять приоритеты и нацеленность на преступные группы (например, уязвимости, угрозы и т. д.). Наконец, международное сотрудничество позволяет полицейским агентствам развивать сеть задействованных в работе по борьбе с наркопреступностью следователей.

Однако на современном этапе международное сотрудничество в этой области осуществляется во все еще сложных, а порой и враждебных условиях. Национальное ведомство, участвующее в системе полицейского сотрудничества по линии противодействия наркотрафику, сталкивается с многочисленными препятствиями из-за несовместимости структур, культур, технологий, судебных процедур и политики, что сказывается на результатах совместной работы в борьбе с транснациональной преступностью как в общем, так и конкретно с незаконным оборотом наркотиков.

Асимметрия в структуре национальных полицейских организаций (централизованных и децентрализованных) приводит к увеличению числа ведомств, участвующих в процессе сотрудничества и, таким образом, способствует сближению каналов коммуникации (формальных и неформальных) и увеличению количества источников информации. Более того, культурная неоднородность, присущая международному сотрудничеству, может усугубить отсутствие доверия, которое должно всегда присутствовать в полицейской среде. И наконец, существует огромное количество проблем, связанных с интеграцией информационных технологий, поскольку несовместимость систем значительно затрудняет установление информационных мостов между полицейскими службами.

Список литературы

1. Chawla, S. and Pietschmann, T. Drug trafficking as a transnational crime. In P. Reichel (ed.), Handbook of transnational crime and justice. – 2005.

2. Donald Ray Cressey. Theft of the Nation: The Structure and Operations of Organized Crime in America / Transaction Publishers. – 1969. – P. 367.

3. Beare, M. Criminal Conspiracies: Organized Crime in Canada. Scarborough, Ontario: Nelson. – 1996.

4. Raufer, X. Les superpuissances du crime, Paris: Plon. – 1993.

5. Sterling, C. The terror network, New York: Readers' Digest Press. – 1981.

6. Reuter, P. Disorganized Crime. The Economics of the Visible Hand. Cambridge, MA: MIT Press. – 1983.

7. Reuter, P. 9 on American Organized Crime, Ah In R.J. Kelly, K.–L. Chin, and R. Schatzberg (Eds.), Handbook of Organized Crime in the United States. Westport, CT: Greenwood Press. – 1994. – P. 91–120.

Буравлева А. К.[1]*,*
заместитель заведующего
кафедрой иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Кружкова А. Е.[2]*,*
курсант 317 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Нынешняя эпоха отмечена двумя реалиями: сильной зависимостью от технологий и виртуального пространства. Но за переплетением этих двух факторов стоит ряд мощных угроз и рисков, которые носят латентный характер, поэтому лицо, которое совершает данный вид преступлений, и жертву данных преступлений чрезвычайно трудно идентифицировать, например, в таких преступлениях, как кибер-фишинг, когда пользователь делится своими учетными данными на замаскированном заслуживающем доверия сайте, но впоследствии становится жертвой мошенничества.

Киберпреступность квалифицируется как любая преступная деятельность, в которой компьютер или сеть являются источником, целью, инструментом или местом преступления. Согласно Кембриджскому словарю английского языка, киберпреступления – это преступления, совершаемые с использованием компьютерных технологий, особенно через интернет [1]. Преступления, связанные с использованием информации или электронных средств в целях содействия совершению преступлений, относятся к сфере киберпреступности. Преступления в киберпространстве могут совершаться против личности, собственности, правительства и общества в целом.

В 1996 г. Совет Европы вместе с представителями правительств США, Канады и Японии разработал предварительный международный договор по компьютерной преступности. Во всем мире гражданские либертарианские группы немедленно инициировали протесты против положений договора, требующих от интернет-провайдеров (ISP) хранить информацию о транзакциях своих клиентов и передавать эту информацию только по определенным требованиям. Тем не менее работа над договором продолжалась, и 23 ноября 2001 г. Кон-

[1] © Буравлева А. К., 2022.
[2] © Кружкова А. Е., 2022.

венцию Совета Европы о киберпреступности подписали 30 государств. Конвенция вступила в силу в 2004 г. Дополнительные протоколы, охватывающие террористическую деятельность, расистские и ксенофобные киберпреступления, были предложены в 2002 г. и вступили в силу в 2006 г. Кроме того, различные национальные законы, такие как Патриотический акт США 2001 г., расширили полномочия правоохранительных органов по мониторингу и защите компьютерных сетей.

Киберпреступность охватывает весь спектр видов деятельности. С одной стороны, это преступления, связанные с фундаментальными нарушениями личной или корпоративной конфиденциальности, такими как посягательства на целостность информации, хранящейся в цифровых депозитариях, и использование незаконно полученной цифровой информации для шантажа фирмы или физического лица. На этом конце спектра находится растущая преступность кражи личных данных. Центральное положение в общем спектре киберпреступлений занимают преступления, основанные на транзакциях: мошенничество, торговля детской порнографией, цифровое пиратство, отмывание денег и контрафакция. Это конкретные преступления с конкретными жертвами, но преступник скрывается за относительной анонимностью, предоставляемой интернетом. Другая часть этого типа преступлений связана с тем, что отдельные лица в корпорациях или правительственной бюрократии намеренно изменяют данные либо для получения прибыли, либо для политических целей.

На другом конце спектра преступления, связанные с попытками нарушить фактическую работу интернета. Они варьируются от спама, взлома и атак типа «отказ в обслуживании» на конкретные сайты до актов кибертерроризма, т.е. использования интернета для призывов к общественным беспорядкам и даже смерти. Кибертерроризм фокусируется на использовании интернета негосударственными субъектами для воздействия на экономическую и технологическую инфраструктуру страны [2].

Киберпреступность – постоянная и транснациональная угроза, уровень которой в США, по оценкам исследователей, вырос в четыре раза во время пандемии COVID-19 [3]. В США только 3 из 1000 злонамеренных киберинцидентов заканчиваются арестом, и глобальный разрыв в правоприменении, вероятно, будет аналогичным.

Расследование отдельно взятого дела по факту о киберпреступлении часто бывает связано с системами уголовного правосудия во многих странах, что требует интенсивного международного сотрудничества для привлечения виновных к ответственности. Соединённые Штаты, например, являются участником целого ряда официальных и неофициальных структур, способствующих такому сотрудничеству, что включает участие в ряде обязательных договоров, в частности единственного всеобщего договора о киберпреступности, известного как Будапештская конвенция [5, с. 3–7]. США также являются членом ряда организаций, чья деятельность направлена на разработку норм, регулирующих поведение национальных государств в киберпространстве, где поощряется сотрудничество в расследовании киберпреступлений.

Киберпреступность – это угроза, которая продолжает расширяться в размерах и масштабах, затрагивая правительства, организации и отдельных лиц во всем мире. Преступники теперь могут легко изобретать совершенно новые категории преступлений, которые одним нажатием на клавиатуре могут приобретать транснациональный характер. Расследование этих преступлений и реальное привлечение преступников к ответственности почти всегда требуют тесного сотрудничества между субъектами уголовного правосудия в разных странах.

В то время как глобальную статистику киберпреступности трудно отследить, имеющиеся данные говорят о том, что киберпреступность, по-видимому, становится все более распространенной, а стоимость совершенных атак растет в геометрической прогрессии. По некоторым оценкам, к 2022 г. общая сумма, в которую оценивают все совершенные киберпреступления, превысит 8 трлн долл. в год по сравнению с 3 трлн долл. в 2015 г. Проект ООН 2013 г. по исследованию проблем киберпреступности показал, что большинство из 69 опрошенных стран заявили о значительном росте преступлений в сфере информационных технологий [4].

Киберпреступления осуществляются по самым различным мотивам определенными субъектами, включая государственные и негосударственные. По некоторым оценкам, организованные и одиночные киберпреступники, как правило, мотивированы финансовыми причинами, в то время как национальные государственные субъекты, чаще сосредоточены на уничтожении или компрометации своих потенциальных жертв.

Одна из причин, по которой киберпреступления невероятно трудно доказать, заключается в том, что многие киберпреступники находятся вне стран, где совершаются преступления, и поэтому расследование этих преступлений требует сотрудничества с официальными органами других государств, которые не всегда в состоянии помочь, а зачастую и не хотят привлекать субъектов, виновных в противоправных действиях, к ответственности. Одно киберпреступление может нанести ощутимый урон бесчисленному количеству жертв в разных точках и независимо от местонахождения преступников, а это означает, что к расследованию киберпреступлений должны подключаться системы уголовного правосудия в других странах. Например, когда одна только сеть киберпреступников нацелилась на более чем 100 финансовых учреждений в более чем 40 странах со своим вредоносным ПО, арест ее лидера потребовал сотрудничества ФБР с полицией пяти разных стран, частными компаниями по кибербезопасности и агентством по сотрудничеству полиции Евросоюза, известным как Европол.

Будапештская конвенция, открытая для подписания в 2001 г., – единственный юридически обязательный международный договор о киберпреступности. Она устанавливает общие стандарты в отношении расследований и содействует сотрудничеству в области уголовного правосудия по делам о киберпреступлениях для своих 65 стран-участников. Договор ратифицирован многими государствами, не являющимися членами Совета Европы, в том числе США (которые имеют статус наблюдателя в Совете) в 2006 г. Договор важен, поскольку он служит для стран ориентиром по созданию и гармонизации их собственного

национального законодательства в области киберпреступности, что поможет обеспечить наличие правовой базы, позволяющей различным государствам сотрудничать между собой в расследовании дел о киберпреступлениях. Будапештская конвенция послужила основой для других обязательных региональных соглашений о сотрудничестве в борьбе с киберпреступностью. Она не является статичным договором и может быть обновлена с учетом меняющихся потребностей, как это в настоящее время делается в отношении нового протокола, касающегося электронных доказательств [6, с. 111–117].

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (UNTOC) вступила в силу в 2003 г. и является еще одним юридически обязательным механизмом. Хотя Конвенция направлена на предотвращение транснациональной организованной преступности и борьбу с ней, ее положения иногда используются для содействия сотрудничеству в делах о киберпреступлениях, что может быть особенно важно и полезно, поскольку 190 стран являются участниками данной Конвенции.

Таким образом, киберпреступность – это новая форма преступности, которая возникла вследствие компьютеризации различных видов деятельности в сетевой среде. С быстрым ростом информационных технологий киберпреступления становятся быстро растущей угрозой.

Предупреждение преступлений, связанных с использованием компьютерных технологий, и уголовное преследование лиц, совершающих киберпреступления, отвечают потребностям всех стран с их формирующимися и все еще уязвимыми структурами информационных технологий. Совершенствование международного сотрудничества требует гармонизации материального законодательства (согласования общих концепций преступлений, связанных с использованием компьютерных технологий), общего набора полномочий по проведению расследований, адекватных и гибких механизмов взаимной правовой помощи и выдачи преступников.

Государственная политика разных стран должна быть направлена на борьбу с этим видом преступлений и их предотвращением путем повышения глобальной осведомленности и уровня грамотности, координации законодательных усилий на национальном, региональном и глобальном уровнях и созданием глобальной сети сотрудничества высокого уровня между национальными, региональными и международными правоохранительными органами, и полицейскими силами.

Список литературы

1. Кембриджский толковый словарь, интернет-версия // Dictionary.cambridge.org. – URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0Alley-science.ru %B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB% D0%BE- %D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8% D0%B9/cyber (дата обращения: 20.02.2022).

2. Convention on Cybercrime (ETS No. 185) ETS No.185 Budapest 23/11/200101/07/2004 Ratifications including at least 3 member States.

3. Пузырева, Ю. В. Международное полицейское сотрудничество по вопросам раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий / Ю. В. Пузырева, А. И. Мысина. – М. : ИНФРА-М, 2020. – 92 с.

4. Пузырева, Ю. В. Международно-правовые механизмы совета европы по противодействию киберпреступности / Ю. В. Пузырева, А. И. Мысина // Современное право. – 2021. – № 11. – С. 111–117.

Буравлева А. К.[1]*,*
заместитель заведующего
кафедрой иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Курбакова Д. О.[2]*,*
курсант 301 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

РОССИЙСКО-ИСПАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ИЛИ СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ?

На фоне глобализации международный терроризм становится комплексной угрозой, противостоять которой можно только объединенными усилиями всех стран. Уровень сотрудничества государств не в полной мере соответствует масштабам мирового террористического вызова. Сотрудничество в борьбе с терроризмом на двустороннем уровне открывает больше возможностей, поскольку оно основано на взаимном доверии между государствами, с большей эффективностью, а также практическим воздействием и выгодами благодаря знанию ситуации и способности быстро реагировать. Выбор Российской Федерации и Испании в качестве примера для этого исследования не случайный, поскольку взаимодействие обеих стран позволяет проследить развитие механизмов и инструментов противодействия терроризму на двусторонней основе.

Отличительной особенностью современного периода развития мирового сообщества стало обострение глобальных проблем, вызовов и угроз на рубеже XX и XIX в., требующих коллективного и скоординированного реагирования. В контексте рассмотрения концептуальных аспектов борьбы с терроризмом особое внимание следует уделить анализу вызовов, ключевых тенденций и пробелов в подходах ЕС, членом которого является Испания, к борьбе с терроризмом. Антитеррористическая деятельность ЕС играет ключевую роль в формировании международно-правовой базы европейской системы безопасности в сфере противодействия угрозе терроризма, поскольку создание зоны безопасности, свободы и справедливости одна из главных целей Евросоюза.

Следующие события оказали значительное влияние на развитие программы ЕС по борьбе с терроризмом: 1) террористические акты 11 сентября 2001 г. в Соединённых Штатах. Через десять дней после этих событий на

[1] © Буравлева А. К., 2022.
[2] © Курбакова Д. О., 2022.

внеочередном заседании Европейский совет объявил борьбу с терроризмом приоритетом для ЕС; 2) взрывы в Мадриде в 2004 г. и Лондоне в 2005 г.; 3) война в Сирии и появление ИГИЛ. Общей чертой этих нападений была связь с исламским терроризмом, поэтому они стали ключевым направлением антитеррористической борьбы в ЕС [1].

Контртеррористическая система ЕС многосторонняя, но еще не завершенная и требует совершенствования в части обеспечения и развития прав человека, обновления перечня угроз, сбора и оценки данных, а также более четкого разграничения задач в рамках уполномоченных структур. Однако общее понимание необходимости применения консолидированного подхода к решению проблемы терроризма и экстремизма должно стать ключевым мотивом сотрудничества между ЕС и Россией, которая разделяет этот подход [5].

Двустороннее российско-испанское сотрудничество не может быть полностью проанализировано без лучших практик, разработанных самой мощной международной организацией в сфере противодействия международному терроризму – ООН. Основными контртеррористическими органами ООН является группа организаций, работающих под эгидой Генеральной Ассамблеи (ГА ООН), а также Совета Безопасности (СБ ООН). Но задачи по борьбе с терроризмом, поставленные в мандатах этих организаций, иногда совпадают, несмотря на их разную специализацию, что препятствует согласованности деятельности ООН в этой области и требует оптимизации ресурсов и реформирования ООН.

Совет Безопасности ООН учредил Контртеррористический комитет после теракта 11 сентября 2001 г. в США и одобрил резолюцию 1373 (2001), посвященную мерам борьбы с терроризмом. Совет Безопасности ООН принимает резолюции и отвечает за Контртеррористическую стратегию, а также Генеральную Ассамблею ООН, которая консолидирует и координирует Глобальную контртеррористическую стратегию ООН.

В рамках совместных усилий Испания и Россия активно участвуют в разработке концептуальных рамок борьбы с международным терроризмом под эгидой ООН. Так, например, Испания участвует в работе «Специальной группы по контртеррористической стратегии», особенно активно участвует в деятельности Группы поддержки жертв терроризма, которая является важным аспектом постконфликтного урегулирования. Испания внесла свой вклад в принятие мер и резолюций, имеющих важное значение для борьбы с терроризмом. К ним относятся принятие в июле 2015 г. Мадридских руководящих принципов по контролю за передвижением иностранных боевиков-террористов и резолюции 2322 Совета Безопасности ООН от декабря 2016 г. о международном судебном и полицейском сотрудничестве в вопросах терроризма.

В 2017 г. Испания сыграла ключевую роль в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (A/C.3/72/L.24), которая провозгласила 21 августа Международным днем памяти жертв терроризма. У Испании одна из самых прогрессивных систем поддержки жертв терроризма.

Во время председательства Испании в Совете Безопасности ООН Испания внесла на рассмотрение резолюцию 2331 о торговле людьми в конфликтных

ситуациях и внесла свой вклад в утверждение резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (A/RES/71/322) «Укрепление и поощрение эффективных мер и международного сотрудничества в органах».

В 2017 г. для укрепления контртеррористической структуры ООН было создано Антитеррористическое бюро во главе с российским дипломатом Владимиром Воронковым. В 2018 г. он подписал Глобальный координационный пакт ООН по борьбе с терроризмом («Глобальный договор») вместе с 36 подразделениями Организации, Интерполом и Всемирной таможенной организацией. Его цель – улучшение координации и согласованности в области антитерроризма и оказание поддержки в этом направлении государствам-членам.

В Стратегии национальной безопасности Испании 2013 г. подчеркивается, что Россия является крупным соседом и ключевым стратегическим игроком ЕС. После террористических актов в Барселоне и Камбрильсе в 2017 г. посол Испании в России Игнасио Ибанес Рубио сказал: «К сожалению, приходится констатировать, что опыт Испании в борьбе с терроризмом очень велик и долог, но он также показывает, что с терроризмом можно успешно бороться. Мы надеемся, что мы продолжим этот успешный опыт борьбы с терроризмом, и другие страны помогут нам, в том числе и Россия». Поэтому Испания надеется на продолжение совместной с Россией борьбы с терроризмом, так как Россия имеет большой опыт в этой сфере и внесла весомый вклад в борьбу с терроризмом на Ближнем Востоке. Кроме того, после референдума о независимости, проведенного в Каталонии в 2017 г., который не был признан правительством Испании, а также ни одной другой страной в мире, Россия была одной из первых стран, которая поддержала территориальную целостность Испании, усилия испанского правительства, заявив, что все внутренние проблемы Испании должны решаться в рамках Конституции и законодательства Испании.

Разобщенность, несогласованность действий становятся еще одной угрозой для каждой страны, а также для всего мира. Эти факторы выгодны террористам и их деструктивным планам. Поэтому проблема преодоления всяческих препятствий с помощью двусторонних и многосторонних взаимных мер крайне актуальна сейчас.

Практический опыт России в борьбе с терроризмом базировался на антиповстанческой кампании на Северном Кавказе, а также милитаризованной стратегии участия на Ближнем Востоке, а в Испании этот опыт включал политическую (предоставление широкой автономии региону) и силовую систему безопасности (создание антитеррористических вооруженных групп и деятельность спецслужб) в борьбе с баскским сепаратизмом.

Внешнеполитическая концепция России определяет антитеррористические меры как важнейший национальный интерес и ключевой приоритет на векторе международной безопасности. Осуждая все террористические акты во всех их форматах, Россия активно участвует в продвижении идеи объединения усилий всех стран и мирового сообщества для предотвращения этой угрозы, включая ликвидацию источников финансирования террористических организаций.

УК РФ определяет террористический акт как «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность ги-

бели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций, либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями» [3]. В Уголовном кодексе Испании нет официального толкования терроризма, однако этот термин часто используется в контексте уголовного преступления или угрозы.

Стратегия национальной безопасности Испании 2013 г. рассматривает терроризм в числе одной из 12 угроз национальной безопасности наряду с кибератаками, вооруженными конфликтами и организованной преступностью. Он включает следующее определение терроризма: «Прямая угроза жизни и безопасности граждан; она направлена на подрыв наших демократических институтов и ставит под угрозу наши жизненно важные и стратегические интересы, инфраструктуру, поставки и важнейшие услуги. Предотвращение, пресечение и победа над терроризмом, независимо от его происхождения, является приоритетной целью правительства» [6].

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Испания о борьбе с преступностью (1999 г.) ознаменовало новый этап сотрудничества между странами. Цели настоящего Соглашения – развитие и ускорение эффективности двустороннего сотрудничества в отношении безопасности [2].

Двустороннее российско-испанское сотрудничество зафиксировано на основе схожести точек зрения по ключевым антитеррористическим вопросам, при этом обе страны имеют определенные различия в подходах к формированию соответствующей национальной правовой системы, что повлияло на двустороннюю правовую базу, нуждающуюся в совершенствовании. В двустороннем сотрудничестве используются наилучшие отечественные методы борьбы с терроризмом. Однако многое предстоит сделать России и Испании для того, чтобы выйти на уровень контртеррористического сотрудничества для дальнейшего стратегического партнерства. Целесообразно активизировать обмен передовым опытом, а также информацией в этой связи.

Сравнительный анализ подходов, террористических угроз и радикализации в России и Испании приводит к двум ключевым выводам:

1. Несмотря на то что Россия была более восприимчива к терактам после окончания холодной войны, ЕС уделяет больше внимания теме дерадикализации, превентивных и невоенных мер по противодействию экстремизму и терроризму.

2. Несмотря на существующие препятствия в двустороннем сотрудничестве России и Испании (санкции, атмосфера недоверия, проблема нарушений прав человека и сбора данных), общность в понимании серьезности террористической угрозы, а также сопоставимый уровень и аналогичный тип угрозы для двух стран могут стать основой и катализатором российско-испанского взаимодействия по антитерроризму.

Основные тенденции в контексте растущей угрозы влияния терроризма на международную безопасность:

1) контртеррористическая стратегия ООН не позволяет достичь оптимального эффекта в борьбе с международным терроризмом;

2) международно-правовая система противодействия терроризму функционирует в условиях отсутствия единого подхода к терминологии терроризма;

3) уровень международного сотрудничества между странами не соответствует транснациональному характеру терроризма.

Борьба с терроризмом предполагает активизацию многостороннего взаимодействия в этой сфере. Однако, несмотря на накопленный опыт в различных сферах, общности взглядов на проблему терроризма, двусторонняя антитеррористическая договорно-правовая база не коррелирует с нынешним потенциалом сотрудничества между Россией и Испанией и требует дальнейшего обновления [4].

Список литературы

1. The European Union's Policies on Counter-Terrorism. – 2017.

2. Agreement between the Government of Russia and the Government of the Kingdom of Spain about Cooperation in Fighting with Crime. – 1999.

3. Criminal Code of the Russian Federation: Available at: // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.02.2022).

4. Emelina, I. A. Russia-European Union Relations in the Context of Mutual Sanctions, Actual Problems of Contemporary International Relations. – 2016. – № 7. – P. 34–41.

5. Tarasenko, P. Islamists Enter the Stock Market, Kommersant. – 2019.

6. The National Security Strategy of Spain. – 2013.

Буравлева А. К.[1]*,*
заместитель заведующего
кафедрой иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя.

Чижова Д. Д.[2]*,*
курсант 882 учебного взвода
Института психологии служебной
деятельности органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОПЫТ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Прежде чем говорить о подростковой преступности, необходимо сначала объяснить этот термин. Найти краткое определение, чтобы четко описать это явление, нелегко, потому что их уже сотни.

Как правило, преступник – это ребенок от семи до 17 лет, который отказывается подчиняться закону или приказу правительства, или кого-либо, занимающего ответственное положение.

Однако возраст, в котором дети могут быть объявлены виновными в уголовном преступлении, отличается. Существует минимальный и максимальный возраст уголовной ответственности, так называемые демаркационные возрасты, которые определяются правительством штата.

В Северной Каролине, например, шестилетний ребенок может быть арестован, в то время как инфантильный преступник, живущий в Техасе, должен быть по крайней мере десятилетним, чтобы нести ответственность засвои проступки.

Идея, лежащая в основе создания отдельной системы правосудия, состоит в том, что виновность подростка, не достигшего определенного возраста, не должна оцениваться на основе взрослой юрисдикции из-за все еще отсутствующей умственной и эмоциональной зрелости, а также отсутствия преступных намерений у несовершеннолетних. Эти возрастные границы могут быть подвергнуты сомнению, поскольку нет четкого и последовательного объяснения, почему ребенок семи лет, родившийся в Аризоне, не может принимать продуманные решения, когда он действует незаконно, даже если несовершеннолетний того же возраста, который живет в Мэриленде, способен на это и не может уклониться от своей ответственности, что означает, что молодежь может быть объявлена правонарушителем.

В исключительных случаях, в зависимости от предъявленного обвинения, к подсудности суда по делам несовершеннолетних допускается применение юве-

---

[1] © Буравлева А. К., 2022.
[2] © Чижова Д. Д., 2022.

нального законодательства в отношении лиц до 24 лет. В 46 штатах судьи по делам несовершеннолетних имеют возможность «отказаться от юрисдикции» в особых случаях, что означает, что несовершеннолетние правонарушители передаются в суд для взрослых.

При рассмотрении вопроса о переводе должны соблюдаться определенные критерии: возраст и характер лица, тяжесть совершенного преступления и наличие достаточно серьезной судимости за предыдущий проступок.

Существует широкий спектр актов подростковой преступности: девиантное поведение: бездельничество, статусные правонарушения, а также серьезные и насильственные преступления.

Большинство молодых людей, нарушающих законы, не являются хронически серьезными и/или насильственными правонарушителями. В основном правонарушения не представляют большого интереса для СМИ и регулярно рассматриваются без предоставления сенсационной подписи.

Несовершеннолетние, которые в период взросления убегают, прогуливают школу или покупают алкоголь, не опасные правонарушители, даже если действовали против закона. Следует проводить различие между преступным поведением и детским проступком, который не может считаться «истинно» преступным. Такие действия не являются незаконными, когда их совершают взрослые, но запрещены для несовершеннолетних. Эти деяния, которые незаконны, если совершаются несовершеннолетними в силу возраста правонарушителя, и считаются законными, совершенными взрослыми, называются статусными преступлениями [1, с. 18–19].

Во всех актах правонарушения проводится различие между серьезнымии насильственными правонарушителями и теми, которые ими не являются.

Эта работа будет сосредоточена на SVJ (серьезных и жестоких несовершеннолетних правонарушителях), потому что это те, кто, скорее всего, начнут раннюю и интенсивную преступную карьеру и на кого направленымногие программы профилактики и вмешательства.

Например, тяжкие преступления: воровство/кража, мошенничество, торговля краденым имуществом, угон автомобиля, кража со взломом, угон автомобиля, вымогательство, подделка документов, хищение, незаконный оборот наркотиков и оружия.

Насильственные преступления: убийство, нападение при отягчающих обстоятельствах, грабеж, похищение, добровольное непредумышленное убийство (попытку), изнасилования и поджог.

Количество уголовных обвинений почти непрерывно росло в период с 1985 по 2002 г.; начиная примерно с 340 тыс. случаев преступности несовершеннолетних в 1985 г. и достигая числа около 630 тыс. обвинений 17 лет спустя в 2002 г.

Эти вышеупомянутые цифры, которые, вероятно, даже выше, если принять во внимание, что не все совершенные преступления сообщаются в полицию, заставляют задуматься о все еще существующем уровне преступности среди европейской молодежи.

С насилием в отношении молодежи связано множество индивидуальных, семейных и общинных факторов риска. Уже доказано, что многие из этих гипо-

тетических предикторов подростковой преступности, о которых будет сказано далее, действительно способствуют, по крайней мере частично, криминальному образу жизни. Однако не каждый несовершеннолетний правонарушитель находится под влиянием отдельного фактора риска, который представлен в этой исследовательской работе. Прежде чем рассматривать различные способы обращения с этими людьми и сосредоточиться на том, как предотвратить осуждение несовершеннолетних за насильственные преступления, надо понять некоторые из бесчисленных переменных риска, которые предположительно делают молодежь восприимчивой к делинквентному поведению.

Таковыми в зарубежных странах Европы могут быть пол, раса, различные преступные группировки, которые пользуются популярностью среди зарубежных подростков, влияние родителей, обстановка в семье и прочее. С различными преступлениями можно и нужно бороться. Проследим, как это делается в зарубежных странах.

В Великобритании в последнее время развернулся спор, который касается методов борьбы с подростковой преступностью. Упор на воспитательные методы привел к ограничению прав полиции и принятию законов, оберегающих интересы подростков.

В Великобритании разработаны комплексные программы профилактической работы по предупреждению правонарушений несовершеннолетних, которые подразделяются на два основных вида:

1. Комплексные программы контроля над преступностью или сдерживания ее методами предупреждения, пресечения и судебного преследования.

2. Профилактические программы, осуществляемые как полицией (обычно в сотрудничестве с жителями общины), так и силами, и средствами самой общественности. Отличительной чертой таких программ является их нацеленность на конкретную проблему или определенный вид преступлений. Аналогичную помощь от национальных, частных и общественных организаций и фондов получают местные общины и их организации, участвующие в программах [2].

По свидетельству зарубежных исследователей, в США все более широкое распространение получают программы предупреждения преступности несовершеннолетних, инициированные общественностью. Общественные организации изыскивают силы, в том числе и материальные средства, чтобы решить ту или иную проблему с подростками, совершающими правонарушения. Инициативу, исходящую снизу, как правило, поддерживает полиция.

Список литературы

1. Шайденко, Н. А. Зарубежный опыт борьбы с правонарушениями несовершеннолетних / Н. А. Шайденко // Молодой учёный. – 2014. – № 17.1. – С. 18–19.

2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990 № 45/112 «Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних» // Издания Организации Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 1992.

Василенко Д. И.[1]*,*
курсант 513 взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кужевская Е. Б.*,*
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук

БОРЬБА ЗА ПРАВА ЖЕНЩИН

Движение за права женщин началось в Соединённых Штатах Америки в 1830-х годах. Предпосылками служили высокие темпы индустриализации, ухудшение условий для рабочих, вследствие чего рост социальных беспорядков в стране.

После Второй мировой войны Элеонора Рузвельт и женщины-делегаты из разных стран организовали конвенцию ООН по правам женщин всего мира. В итоге в 1979 г. ООН приняла Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. С этого дня женщины всего мира обращаются к этой конвенции как к гаранту своих прав.

Как и любое социально-массовое движение, борьба женщин насчитывает три исторически сложившиеся волны.

Первая волна (конец XIX – середина XX в.) связана с генезисом суфражизма, т. е. борьба за политическое равенство женщин в обществе, с доступом женщин к праву голоса и к высшему образованию.

Вторая волна (1960–1990 гг.) характеризуется борьбой женщин уже не за политическое равноправие, а за бытовое и карьерное. В патриархально-капиталистическом мире в те времена женщинам была отведена второстепенная роль, их не допускали на руководящие должности, что создало такую метафору, как «стеклянный потолок».

Третья волна (1990 – настоящее время), зарождение которой связано с появлением новых проблем, для решения которых нужно сплочение сил не одной страны, а всего мира в целом. В последние 30 лет обостряется борьба социальных меньшинств за свое равноправие.

Известен случай грубого нарушения прав не только женщин, но и человека в принципе. После вывода из Афганистана войск США летом 2021 г. началось массированное наступление сил «Талибана», в результате которого к середине августа под контролем движения оказалась практически вся территория страны [1].

---

[1] © Василенко Д. И., 2022.

Новая власть в стране распорядилась так, что девочки в классах старше шестого были вынуждены покинуть их до неопределенного срока, это касалось и всех девушек, получающих высшее образование на территории Афганистана. Таким образом, все права женщин, которые отстаивались в течение многих десятилетий, были перечеркнуты и практически перестали быть самостоятельным звеном в жизни государства и общества этой страны.

Бизнесвумен Седика Муштак рассказала Amnesty International: «Когда я услышала новость о том, что талибы вошли в Кабул, я почувствовала, что упала и разбилась на куски. Я упала из светлого места во тьму, где не было видно света».

Недопущение женщин к работе усугубило экономические проблемы для многих семей, которые ранее имели стабильный профессиональный доход, в то время как увольнение женщин с государственных должностей оставило огромную брешь в способности государства эффективно управлять. Женщины теперь в Афганистане также сталкиваются с растущими угрозами гендерного насилия и жесткими ограничениями их прав на свободу собраний и свободу выражения мнений, в том числе даже на выбор одежды [2].

В 1960–1970 гг. Афганистан претерпел ряд либеральных реформ, начатых правительством и выраженных в программах социальных работ, которые радикально увеличили активное участие женщин в искусстве, культуре и политике.

Женское движение воодушевилось ратификацией в 1964 г. закона о поправках к Конституции Афганистана о равных правах. В то время афганские женщины стали требовать больше прав. Вскоре после этого женщины начали протестовать против ношения чадры, которое было предписано обществом. Впоследствии правительство работало над смягчением ограничений.

К 2003 г. на первых выборах после изгнания талибов мандат США и Организации Объединенных Наций в Конституции Афганистана после 11 сентября требовал, чтобы женщины составляли 25 % парламента и занимали должности глав министерств и губернаторов.

Любое социальное активистское движение получает свой генезис не с пустого места, а существует ряд предпосылок и причин для этого. В данном случае с Афганистаном рычагом давления на практически все женское общество стал приход к власти консервативной и тоталитарной группировки Талибов, которые закрыли большой занавес на доступ женщин к образованию, культуре и карьере. Молодые девушки стали лишь ресурсом для репродуктивной функции, что еще хуже – аксессуаром для гражданина этой страны [3].

Ознакомление с текущей ситуацией в Афганистане может вызвать у многих людей, проживающих в других странах, шок, отчаяние и тоску, ведь в наше время не так часто можно увидеть интеллектуальный, ценностный, политический и социальный регресс всей страны и общества, более того все достижения, которые получила женская часть граждан этой страны, тот социальный статус, который они имели наравне с мужчинами, все это кануло в лету.

Возможно, не все потеряно, ведь наверняка существуют более развитые страны, которые не останутся равнодушными к такой ситуации и смогут предложить политическое убежище или любую другую социальную помощь жи-

тельницам Афганистана. К тому же женское движение всегда было крайне сплоченным во все самые тяжелые времена, об этом говорит множество фактов, которые только можно найти.

Список литературы

1. Gannon K. Afghan women demand rights as Taliban seek recognition // News.yahoo.com. – URL: https://news.yahoo.com/afghan-women-demand-rights-taliban-120750175.html (дата обращения: 20.02.2022).

2. Hamidi S. Afghanistan: Women call on the international community to support women's rights amid ongoing Taliban suppression // Amnesty International's South Asia Campaigner. – URL: https://www.amnesty.org/en/latest/news/2021/11/afghanistan-women-call-on-the-international-community-to-support-womens-rights-amid-ongoing-taliban-suppression/ (дата обращения: 20.02.2022).

3. Osman W., Zeweri H. Afghan women have a long history of taking leadership and fighting for their rights // The Conversation. – URL: https://theconversation.com/afghan-women-have-a-long-history-of-taking-leadership-and-fighting-for-their-rights-167872 (дата обращения: 20.02.2022).

Горшенева И. А.[1]*,*
заведующий кафедрой иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный работник Высшей школы РФ

Баранова Т. Ю.[2]*,*
адъюнкт ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ПРИМЕРЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА США

Кибербезопасность – это постоянно меняющаяся область, ставшая актуальным направлением информатики и уголовного правосудия. Недавние события, например хакерские атаки зарубежных правительств и государственных структур на выборах в США, а также нашумевшие разоблачения нескольких бывших представителей разведывательного сообщества, привлекли внимание общественности к этим вопросам.

Интернет наполнен информацией о возможных мерах защиты, которые американские граждане могут предпринять, чтобы защитить себя от незаконных вторжений хакеров или иностранных правительств, однако в уголовном правосудии приходится предпринимать значительные усилия по обеспечению кибербезопасности предпринимается при рассмотрении повседневных дел как на местном уровне, так и на уровне штатов. Хотя предыдущие исследования показали, что образовательные программы уголовного процесса, чтобы подготовить студентов к изменениям в этой области, должны обучать их кибербезопасности. Важное направление, которому уделяется достаточно мало внимания, – это использование и обработка цифровых доказательств правоохранительными органами [1].

Рассмотрим подготовку обучающихся и будущих сотрудников правоохранительных органов к использованию и работе с цифровыми доказательствами в рамках дисциплины уголовный процесс, при проведении занятий по сбору доказательств на месте преступления, криминалистике и судебной медицине.

В начале 1980-х годов появились образовательные программы по судебной медицине, направленные на удовлетворение растущей потребности в обучении сотрудников правоохранительных органов. Предлагались специальные курсы по сбору улик на месте преступления, включая методику забора и анализа кро-

---

[1] © Горшенева И. А., 2022.
[2] © Баранова Т. Ю., 2022.

ви. Такие курсы были нацелены на развитие у обучающихся понимание основ расследования тяжких преступлений: убийство, сексуальное насилие и автомобильные аварии со смертельным исходом [3].

Поскольку развитие технологии стало неотъемлемой составляющей повседневной жизни большинства американцев, сбор и использование цифровых доказательств также стали обязательным элементом многих уголовных и гражданских расследований. Кроме того, сегодня цифровые доказательства больше не ограничиваются областью раскрытия электронных преступлений, а используются в ходе уголовного преследования всех видов правонарушений, так как электронные почтовые ящики подозреваемых или файлы мобильных телефонов могут содержать цифровые доказательства того, что человек делал, с кем общался и где находился. Например, в 2005 г. дискета стала важнейшей уликой, которая вывела следователей на серийного убийцу BTK, лишившего жизни не менее 10 жертв и ускользавшего от полиции с 1974 г. [2].

В настоящий период цифровая криминалистика (ЦК) превратилась из относительно малоизвестной сферы в важную часть многих расследований. Есть уверенность, подкрепленная публикациями и видеорядом в популярных СМИ, что современные инструменты и умелые специалисты способны извлечь требуемую информацию практически из любого устройства, с которым может столкнуться государственная, частная организация или просто умелый человек.

Однако, несмотря на применение цифровой криминалистики в повседневной работе по расследованию уголовных дел, курс цифровой криминалистики весьма редко составляет часть учебных программ американских академий по «борьбе с преступностью». Уникальность и инновационность указанной области знаний не вызывают должного внимания со стороны того же Бюро статистики труда США (BLS). А ведь это ведомство отвечает за предоставление данных по смежной профессии аналитиков информационной безопасности, получающих ежегодную среднюю зарплату в размере 95 510 долл. США [4].

Перспективы трудоустройства для экспертов и следователей в области цифровой криминалистики весьма благоприятны в связи с ускоряющимся ростом информационных преступлений и потребностью в специалистах для их расследования. BLS пришло к выводу, что в период с 2016 по 2026 г. предусмотрен значительный рост числа аналитиков по информационной безопасности на 28 % [5].

Электронный след, который оставляют после себя правонарушители, требует для расследования уголовного дела подготовленного специалиста по цифровой криминалистике. Поставщики из частного сектора активно продвигают и продают свои программные и аппаратные решения. Хотя такие новшества облегчают правоохранительным органам проведение экспертиз в данной области, это лишь увеличивает потребность в подготовке полицейских специалистов, которые не только умеют пользоваться этими программами, но и обладают навыками доказывания и ведения следствия с использованием компьютерной криминалистики.

В целях борьбы с киберпреступностью и сбора соответствующих цифровых доказательств по всем преступлениям правоохранительные органы активно внедряют в свою деятельность.

Важно подчеркнуть значимость разработки стандартизированной учебной программы для экспертов по цифровой криминалистике, устанавливая тем самым минимальный перечень навыков и умений, которыми должны обладать выпускники, обучающиеся по данному направлению. Во многих учебных заведениях есть лаборатории цифровой криминалистики, где учащиеся могут получать необходимые для проведения криминалистических экспертиз теоретические и практические навыки работы с программным обеспечением. Такие университеты, как Государственный университет Дикси в Сент-Джордже, штат Юта, и Лаборатория киберкриминалистики Университета Северного Техаса, предлагают новейшее программное обеспечение для обучения в области цифровой криминалистики.

Чтобы определить, в какой степени правоохранительные органы Техаса обрабатывают полученные цифровые доказательства, были опрошены респонденты по вопросам обработки цифровых данных в рамках лаборатории собственной организации и сторонних крупных криминалистических лабораториях. Шестнадцать из этих ведомств сообщили, что они обрабатывают доказательства полностью своими силами, 15 – полностью внешними, а 11 – как внутренними, так и внешними. 64% агентств сообщили, что они обрабатывают хотя бы часть цифровых доказательств своими силами. Эти учреждения представляют собой структуры небольших департаментов, включающих немало агентств (1–25 сотрудников), средние (26–150 сотрудников) и большие (150 сотрудников и выше) [7, с. 113–114].

Несмотря на численность отделов, статистика говорит о важности обучения цифровой криминалистике для будущих сотрудников правоохранительных органов, поскольку более половины опрошенных структур обрабатывают цифровые доказательства внутри отдела. Реакция на остальные вопросы представлена только для тех учереждений, которые ответили, что, хотя бы часть цифровых доказательств обрабатывается внутри ведомства.

Все опрошенные ведомства сообщили о возможности восстановления и обработки цифровых доказательств с мобильных телефонов. Большинство из них сообщили о возможности внутренней обработки цифровых доказательств с компьютеров (77 %), планшетов (73 %), внешних устройств хранения (69 %), видеорегистраторов (65 %). Наконец, некоторые структуры сообщили о возможности внутренней обработки цифровых доказательств с GPS-устройств (12 %), видео (>1 %) и с беспилотников (>1 %). Далее агентствам был задан вопрос о том, работают ли сотрудники, которым поручена обработка этих доказательств, в качестве экспертов на полной или частичной занятости, и является ли их роль эксперта дополнительной или основной функцией. Большинство агентств, 62 %, сообщили, что по крайней мере 1 сотрудник, работающий неполный рабочий день, в основном или во вторую очередь занимается обработкой цифровых доказательств для департамента. Оставшиеся 38 % агентств сообщили о двух или более сотрудниках, работающих неполный рабочий день, в

обязанности которых входила внутренняя обработка цифровых доказательств. Большинство опрошенных агентств сообщили о наличии одного сотрудника, ответственного за обработку цифровых доказательств, а некоторые сообщили о наличии до пяти сотрудников [6].

Как уже отмечалось, работа с цифровым инструментарием в криминалистике требует разнообразных умений и навыков. Сегодня для правоохранительных органов чрезвычайно важна востребованность совершенствования методов криминалистического исследования. Данные, собранные для этого исследования, указывают на необходимость подготовки специалистов в области уголовного правосудия, способных получать, обрабатывать и использовать цифровую систему доказательств.

В области уголовного правосудия находятся в выгодном положении по цифровой криминалистике образовательные программы, так как многие начинающие сотрудники полиции уже самостоятельно выбирают курсы обучения по таким программам. Для этого в данную информационную среду по цифровой криминалистике ранее рекомендовалось включать четыре предметные области: информационные технологии; криптография и безопасность, коммуникации сети, системный анализ); политология; отрасли права и правовая система; криминалистика/криминология, уголовный процесс, конституционное право и отрасли криминалистики; изъятие и сохранение данных, анализ цифровых доказательств, документирование и представление.

Для обучения последующих поколений криминалистов надо сосредоточиться на разработке четкого, обоснованного, фундаментального подхода по организации непрерывности обучения в течение всей жизни. Только постоянно повышая уровень знаний в сфере технологического и научного прогресса, сотрудники правоохранительных органов смогут реально и качественно выполнять поставленные задачи. Извлекая уроки из прошлого, анализируя удачи и неудачи опытных исследований, постоянно двигаясь вперед, нужно адаптироваться в новых условиях и быстро реагировать на эту стремительно развивающуюся отрасль.

Список литературы

1. Bachelor of Science in Criminal Justice. (n.d.). In The University of Alabama at Birmingham. Retrieved December. – 2018.

2. Digital Evidence and Forensics. (2016, April 14). In National Institute of Justice. Retrieved July. – 2018.

3. Digital Forensics and Cyber Investigation Master's Degree. (n.d.). In University of Maryland University College. Retrieved December. – 2018.

4. Leyden, J. Apple slaps a passcode lock on iOS 8 devices, but cops still inhale your cloud. The Register. – 2014.

5. Mislan, R. P., Casey, E., & Kessler, G. C. The growing need for on-scene triage of mobile devices. Digital Investigation. – 2010. – P. 112–124.

6. Morse, D. Philip Welsh’s simple life hampers search for his killer. Washington Post. – 2015.

7. Кужевская, Е. Б. Особенности определения преступного умысла в уголовном праве США / Е. Б. Кужевская, А. С. Туманов // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований. – СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 112–115.

Горшенева И. А.[1]*,*
заведующий кафедрой
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный работник Высшей школы РФ

Давыдова С. Ю.[2]*,*
адъюнкт ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ В АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ

Стратегический контекст и положение о Специальных констеблях ликвидируют упущенное из виду направление руководства деятельностью полиции, по учёту масштаба и потенциала влияния офицеров-добровольцев на обеспечение и реформирование полиции. В настоящем исследовании выявлено несоответствие между традиционной стратегической парадигмой, определяющей весьма скромные ожидания от специальных констеблей, в силу существующих различий между ними и их коллегами, кадровыми полицейскими. Речь идёт о задачах реформы полиции, иного мышления, знания практики, требующих идентичности понимания офицерами собственной профессии.

Роль и численности «обычных» оплачиваемых полицейских, почти полное сокращение количества Специальных констеблей и, соответственно, сокращение часов службы в последние годы лишь изредка и очень ограниченно привлекали внимание руководства полиции на стратегическом, высшем государственном уровнях. Когда Специальному констеблю уделяется стратегическое внимание, это можно лишь обнаружить в основном в периферийных, узко стратегических документах, таких как национальные стратегии для Специального констебулярия, а не в более широких, общестратегических документах о развитии деятельности полиции в будущем.

В Англии и Уэльсе Специальный констебулярий имеет долгую историю в полицейской деятельности, а в настоящее время более 10 000 добровольных специальных констеблей в среднем за год выполняют около 3 млн рабочих часов на своих территориях в Англии и Уэльсе. Положение на практике Специального констебля в полиции и значение добровольчества лишь восстанавливаются. За последние два десятилетия специальные констебли получили устойчивый сдвиг в сторону развёртывания преимущественно фронтальной модели

[1] © Горшенева И. А., 2022.
[2] © Давыдова С. Ю., 2022.

их функционирования, все более эквивалентной, по крайней мере в отношении оперативного контекста, их коллегам из числа действующих сотрудников. В настоящее время Специальные констебли все чаще привлекаются к выполнению специальных функций и работе в группах.

Изменения роли констеблей в правоохранительной деятельности, их распределения, специализации и обучения могут быть концептуализированы как элементы «профессионализации» добровольных полицейских. Однако конкретное определение задач Специального констебулярия в основном отсутствует в более общих призывах к «профессионализации» полицейской деятельности и в требованиях считать полицию «профессией». Профессионализация полиции – это неоднозначное и многогранное понятие, охватывающее элементы «профессионализма» в смысле качества практической деятельности и «профессии» в смысле служебных характеристик и профессионального статуса.

Исследуются более широкие социальные контексты, значение и реализация требований профессионализации полиции, считающих, отчасти «символическими процессами, в ходе которых делаются заявления о статусе и авторитете в отношении профессиональных ценностей» [1, с. 588]. Ламсден говорит о профессионализме полицейских как о «спорном и непрерывном процессе», представляющем собой переплетение дискурса реформы полиции, дебатов о наборе кадров и образовательных стандартах, а также технологий регулирования и контроля, посредством которых «профессиональный статус оспаривается, обсуждается и социально конструируется, включая работу по установлению границ и идентичности» [2, с. 4]. Ли и Панч признают, что в дебатах о будущих моделях профессионализации участвуют различные «интересы» [3, с. 233]. Наличие Специального констебулярия представляет собой интересный контекст для более широких рассуждений о «профессионализации» полиции, в частности с точки зрения того, насколько такие концепции охватывают всех, работающих в полиции, включая сотрудников добровольцев, роль и идентичность добровольцев, работающих неполный рабочий день, рассматривается в рамках более широких происходящих событий, направленных на определение профессии полицейского.

Контекст Специального констебулярия представляет собой сопоставление: с одной стороны, минимальное стратегическое участие и дебаты относительно данной службы как элемента стратегии полицейской деятельности, дебаты о профессионализации и реформе полиции. С другой стороны, Специальный констебулярий со значительной численностью, со значительными, и в некоторых отношениях расширяющимися оперативными полномочиями, весомым потенциалом для дальнейшего развития и профессионализации в будущем.

Полученные результаты исследования, проведенного Мэттью Каллендером, Иэном Бриттоном и Лаурой Найт, свидетельствуют о контексте, в котором некоторые старшие руководители полиции выражают приверженность реформированию Специального констебулярия, признавая ограниченность мышления и возможные трудности, связанные с переходом от устоявшихся исторических моделей, ролей и практики. Все эти вопросы отражают проблемы, связанные с изменением мышления, культуры и поведения в полиции в целом.

Добровольная полиция представляет собой интересный объект для рассмотрения того, каким образом руководство полиции способно адаптироваться и развиваться, чтобы использовать инновации и стать ориентированным на изменения, исходя из фактического положения дел, решая вопросы организационных трансформаций в плане переосмысления и перепроектирования моделей развертывания и функционирования Специальных констеблей. Полученные результаты свидетельствуют о том, что остается сложной задача добиться изменений в мышлении и практике руководства на «структурном и культурном уровнях», учитывая резонанс традиционных способов толкования задач специальных констеблей, а также в развитии различных концепций «профессионализации» для офицеров-добровольцев [4].

Полученные результаты исследования свидетельствуют, что старшие руководители штатных сотрудников полиции действительно испытывают определенные трудности и ограничения в разработке прогрессивных и инклюзивных возможных моделей полицейского профессионализма, привлекающих полицейских-добровольцев. Наблюдается тенденция к инкорпорированию и усилению глубоко укоренившейся двусмысленности статуса добровольных специальных констеблей как сотрудников полиции и представителей полицейской профессии, а также формируются некоторые представления о том, что сотрудники-волонтеры, работающие неполный рабочий день, являются «любителями» и рассматриваются как лица, находящиеся за пределами основной деятельности полиции и профессионального статуса.

Очевидны также противоречия между традиционной стратегической парадигмой, которая определяет ограниченные ожидания в отношении роли Специальных констеблей и необходимостью реформирования роли, практики, идентичности и интеграции добровольных сотрудников полиции для их содействия в выполнении полицейских функций.

Список литературы

1. Holdaway, S. The re-professionalization of the police in England and Wales. Criminology and Criminal Justice. – 2017. – № 17 (5). – P. 588–604.

2. Lumsden, K. ‘It’s a profession, is isn’t a job’: police officers’ views on the professionalisation of policing in England. SociologicalResearchOnline. – 2017. – № 22 (3). – P. 4–20.

3. Lee, M. Punch, M. Policing be degrees: police officers’ experience of university education. PolicingandSociety. – № 14 (3). – P. 233–249.

4. Callender M., Britton I., Knight L. Exploring strategic perspectives on the Special Constabulary / The Police Journal: Theory, Practice and Principles. – 2021.

Горшенева И. А.[1]*,*
заведущий кафедрой
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, профессор
Заслуженный работник Высшей школы РФ

Кострова И. С.[2]*,*
адъюнкт 1 года обучения ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ КАДАСТРОВОЙ СИСТЕМЫ В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА ИСПАНИИ

Кадастровая система в Испании разделена на две организации: Регистр собственности и Кадастр недвижимости. Обе организации направлены на решение одной цели – повышение безопасности юридических данных и упрощение регистрации сведений для граждан Испании [1, с. 33]. На протяжении многих лет данная система обеспечивает эффективную координацию и взаимодействие между Регистром собственности и Кадастром недвижимости. Однако есть определенные трудности организации их продуктивного взаимодействия, которые и будут рассмотрены в данном исследовании.

Цель исследования состоит в том, чтобы продемонстрировать, проанализировать и оценить достижения подобной координации, когда кадастр и земельный кадастр функционировали как отдельные организации, на примере Испании, начиная с зарождения существующей системы в начале двадцатого века и до настоящего времени.

Кадастры и земельные реестры – основные элементы в управлении территорией, и их надлежащее функционирование и координация позволяют создать надежную систему, способствующую созданию атмосферы доверия и стимулирующую экономический рост при продаже и покупке собственности. Вопрос о собственности на землю и правах землепользования занимает и сегодня важное место в Глобальной повестке дня на 2030 г. Более 50 % целей устойчивого развития деятельности ООН непосредственно связаны с землей и ее использованием, а «управление земельными ресурсами и кадастр играют очевидную роль» [2].

Первое положение о Кадастре 2014 г. гласит, что все факты о какой-либо территории должны быть отражены в будущей кадастровой системе, чтобы надежно гарантировать право собственности гражданам [3]. Кадастр должен

---

[1] © Горшенева И. А., 2022.
[2] © Кострова И. С., 2022.

охватывать более широкую область деятельности, чем это было с момента его образования. Помимо этого, хорошая координация картографирования позволит принимать более эффективные политические решения во многих других областях.

В мире существует множество разнообразных систем управления земельными ресурсами и нет единой, оптимальной институциональной модели осуществления функций регистрации и кадастра. Исследованиям действующих кадастровых систем в Испании, Европе, других регионах посвящено множество различных научных работ. Есть страны, которые следуют латиноамериканской модели, схожей с испанской, например многие страны Южной Америки унаследовали испанскую модель с отдельными кадастрами недвижимости и регистрами собственности, это: Колумбия, Эквадор, Гватемала, Уругвай и Парагвай, а также некоторые регионы в Мексике, Бразилии и Аргентине. В данных странах координация между кадастром недвижимости и регистром собственности имеет крайне важное значение.

В ряде других стран, таких как Эль Сальвадор, Коста-Рика, Никарагуа и некоторые провинции Аргентины, также существует единая кадастровая система недвижимости. Куба в настоящее время изучает возможность интеграции и более усиленной координации между этими двумя субъектами. В качестве примера значимости координации деятельности кадастровой системы, в конце 2014 г. была создана Латиноамериканская ассоциация кадастров и земельных реестров. Вопросы интеграционного взаимодействия органов кадастровой системы часто обсуждаются на заседаниях, проводимых данной ассоциацией. Испания также участвует на форумах по обсуждению возникающих проблемных вопросов в кадастровой системе.

В Европе есть страны, где обе структуры интегрированы: Нидерланды, Болгария, Румыния, Чешская Республика, Финляндия и Словакия. В настоящее время Словакия переживает критический период в организации управления землей и имуществом. В других странах существуют различные уровни взаимодействия между независимыми кадастрами недвижимости и регистрами собственности. В Испании указанные организации существовали обособленно более века. Вопрос о координации действий между ними поднимался еще с ранних времен возникновения кадастровой системы, однако до недавнего времени каких-либо серьезных усилий к решению этой проблемы государством приложено не было. Тема земельного управления и кадастра в ряде других стран также широко обсуждается.

В недавнем времени вопрос о необходимости координации между обеими этими организациями был поднят на международных форумах. Проблема была сформулирована следующим образом: «Информация, зарегистрированная в кадастре и имущественных реестрах, должна быть надлежащим образом скоординирована и связана между собой. Установление процедур координации между обоими учреждениями – целесообразное решение для того, чтобы более точно определять объект прав собственности и их соотношения с публичными правами. Координация между кадастром собственности и реестром недвижи-

мости желательна для предотвращения ситуаций дублирования записей о наличии собственности в реестре недвижимости» [4].

Настоящее исследование нацелено на анализ и оценку достижений в сфере координации деятельности органов кадастровой системы на примере Испании, изучение исторических проблем организации взаимодействия и их нормативное регулирование.

Со времени образования кадастр и земельный реестр в Испании были независимы друг от друга и предусматривали различные задачи своей деятельности. Кадастровая система была основана на системной картографии, где основной целью выступала задача обложения налогом, поскольку сам кадастр находился в подчинении у налогового министерства, а основной единицей кадастра недвижимости является «кадастровый участок».

Земельный реестр – это добровольный реестр прав, подотчетный министерству юстиции. На момент своего создания в земельном реестре отсутствовали какие-либо картографические сведения. Основной единицей земельного реестра является земельно-регистрационный участок.

В настоящем исследовании рассматриваются мнения различных специалистов, занимавшихся изучением кадастрового законодательства и координации деятельности кадастровой системы, проводится сравнительный анализ выявленных проблем и задач в сфере кадастровой деятельности.

В качестве основной проблемы взаимодействия структур кадастровой системы выделяют отсутствие взаимопонимания между юристами и техническими специалистами-практиками.

Исследователи отмечают ряд других проблем, препятствующих слаженной деятельности органов кадастровой системы Испании: отсутствие должного правового регулирования координации деятельности между органами кадастровой системы, недостаточная осведомленность населения о роли и функциях кадастра, отсутствие своевременного реагирования и механизмов контроля, невнимание к обновлению актуальной информацией кадастровой системы, отсутствие законодательства о картографии, игнорирование решений, предложенных экспертами [3].

Указанные проблемы в дальнейшем создают лакуны в организации кадастровой системы, тормозят деятельность кадастровых структур и в конечном счете ставят под угрозу земельное имущество граждан.

Анализ выявленных проблем позволяет предложить некоторые решения, способные вывести деятельность кадастровой системы Испании на более эффективный уровень. Для более качественной работы кадастровой системы Испании необходимо наличие правового регулирования организации по координации действий ее органов, которое будет способствовать исключению повторений или искажений сведений в кадастровых базах. Следует предпринимать меры по сокращению времени, занимающего у кадастровых структур на регистрацию земельного имущества. Важно и принятие специального законодательства по картографии, в дальнейшем способного помочь избежать неточностей в картах земельного имущества.

Изучив структуру кадастровой системы Испании, определив систему координации взаимодействия ее органов, а также роли должностных лиц-юристов и геодезистов, рассмотрим влияние проблем, существующих на данном этапе, на работу кадастровой системы с точки зрения установленных норм уголовного законодательства Испании.

К кадастровой информации в Испании имеют доступ в части, их касающейся, не только административные органы и организации, но также физические и юридические лица при условии доказывания ими права на данную недвижимость. Сам кадастр включает сведения о недвижимом или земельном имуществе, о различных изменениях физического, юридического или экономического характера.

В Испании существует исторически устойчивая и сложившаяся система кадастровой деятельности, и несмотря на ряд проблем во взаимодействии ее органов, возможность появления в ней ошибок носят чисто технический характер, вызванный обозначенными выше проблемами. Поскольку доступ к базе кадастровых сведений имеют различные организации и сами граждане, а внесение сведений производят не геодезисты, а юристы при проведении проверки всех данных, также благодаря тому, что население Испании может контролировать сведения, которые заносятся в кадастровую базу, вероятность подделки документов и изменения карты земельного имущества весьма минимальна.

Однако в Уголовном законодательстве Испании предусмотрена ответственность за подделку документов, под которыми понимается умышленное внесение ложных сведений либо внесение в данные документы исправлений, искажающих их действительное содержание. И также предусмотрена ответственность частных лиц, совершающих подделку государственных документов либо коммерческого документа [5]. Отдельной статьи, предусматривающей уголовную ответственность для таких должностных лиц, как геодезист, или юрист, вносящий сведения в кадастровую базу, не предусмотрено [6, с. 123–124] ввиду отсутствия социально-правовых предпосылок криминализации данного деяния в Испани, что позволяет сделать вывод об отсутствии необходимости жесткого контроля за данной сферой деятельности и регулировании ее в уголовном законодательстве Испании.

Список литературы

1. Sara Dopico Caaveiro, Velta Parsova. Real estate cadaster in Spain // Baltic surveying proceedings of international scientific methodical conference «Baltic surveying’17». – 2017. – С. 33.

2. United Nations. Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development; United Nations: New York, NY, USA. – 2015.

3. Femenia-Ribera, C.; Mora-Navarro, G.; Martinez-Llario, J.C. Advances in the Coordination between the Cadastre and Land Registry. Land 2021, 10, 81.

4. IPRA-CINDER Conclusions: The collaboration between Cadasters and Land Registries. In Proceedings of the 21st IPRA-CINDER Congress, Cartagena de Indias, Colombia. – 2018.

5. Бойцова, Ж. А. К вопросу об уголовной ответственности за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков по законодательству ряда европейских стран / Ж. А. Бойцова // Вестник Московского Университета МВД России. – 2015. – № 5. – С. 66–74.

6. Уголовный Кодекс Испании. – М. : Зерцало, 1998. – С. 123–124.

Горшенева И. А.[1]*,*
заведующий кафедрой
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный работник Высшей школы РФ

Мануйлова Е. В.[2]*,*
адъюнкт 1 года обучения
ФПНПиНК Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Анализ правоприменительной практики зарубежных стран в сфере профилактики насильственной преступности против личности демонстрирует прогрессивную динамику государственной политики в сфере противодействия преступлениям рассматриваемой категории. В странах Запада к основным направлениям работы по превенции насильственной преступности относятся:

– снижение объективных факторов, способствующих формированию насильственной преступности;

– профилактическая работа с лицами, склонными к проявлению насилия, а также лицами, ранее совершавшими насильственные преступления;

– государственная система социальной помощи жертвам насилия;

– реализация комплекса адаптивных мероприятий, направленных на восстановление социальной роли лиц, в отношении которых применялось наказание за совершение насильственных преступлений [1].

Согласно мнению ученых-криминологов, государственный и общественный контроль считаются наиболее эффективными средствами воздействия на лиц, склонных к проявлению насилия по отношению к окружающим.

В странах Запада одним из превалирующих элементов механизма противодействия насильственной преступности являются различного уровня общественные организации. Они проводят официальные встречи с представителями государственной власти, принимают участие в заседаниях государственных комитетов и комиссий по вопросам предупреждения преступности, а также приглашают представителей органов исполнительной власти на свои заседания, ведут активное сотрудничество со СМИ. Подобные организации занимаются охраной и восстановлением нарушенных прав жертв насильственных посягательств [2].

---

[1] © Горшенева И. А., 2022.
[2] © Мануйлова Е. В., 2022.

В ряде Западных стран созданы специальные государственные органы, советы и комитеты, координирующие государственную политику в сфере профилактики и пресечения насильственной преступности. Они разрабатывают методические рекомендации по противодействию насильственным посягательствам, налаживают каналы взаимодействия с иными государственными органами и организациями, одно из направлений деятельности – борьба с преступностью. Причем данная работа проводится как в отношении лиц, совершающих противоправные посягательства, так и лиц, подвергшихся подобному негативному воздействию [3].

В Великобритании поддержкой жертв насильственных преступлений занимается Национальная ассоциация поддержки жертв, действующая с 1979 г. Во Франции в 1986 г. создали Национальный институт помощи жертвам. В Соединённых Штатах поддержкой жертв преступлений занимается Национальный центр помощи жертвам [4].

Особое место в зарубежных странах занимает профилактическая работа по предупреждению преступности. Государство обеспечивает системный и комплексный подход, превалирующим направлением которого является эффективное использование сил и средств общепрофилактической деятельности государства и общества в целом.

Основные уровни профилактической работы в ряде европейских государств: социальная и специальная профилактика.

Сущность социальной профилактики заключается в предотвращении и изменении в индивидах внутренних посылов, способствующих формированию антиобщественного поведения.

Специальная профилактика представляет собой деятельность по предупреждению конкретных видов противоправных посягательств (в частности, насильственных), совершаемых лицами в определенных местах, определенное время и при определенных внешних обстоятельствах.

Еще одним важным элементом государственной политики в сфере противодействия насильственной преступности против личности является активное взаимодействие с представителями органов исполнительной власти. Речь идет о разработке специальных программ, по совершенствованию образовательного уровня и деятельности сотрудников. Создание курсов переподготовки и повышения квалификации, цель которых – углубленное изучение сущности природы насилия, а также виктимологические методики оказания помощи лицам, пострадавшим от насильственных посягательств. Подобные программы разрабатываются как исследовательскими центрами отдельных государств, так и на уровне сообщества ученых.

К сожалению, практический опыт зарубежных стран в сфере противодействия насильственным преступлениям не всегда получает должного внимания и оценки. Такой опыт интересен тем, что включает в себя примеры правоохранительных подходов, профилактическую работу с лицами, имеющими склонность к проявлению физического и психического насильственного воздействия на окружающих, систему комплексных мер по реабилитации жертв насильственных посягательств и их родственников, а именно медицинскую, психологиче-

скую, материальную помощь. Особое место занимала ранее активная пропаганда в СМИ культуры поведения, укрепления здоровых социальных отношений, что коренным образом изменилось в силу политической напряженности в настоящее время. Сегодня большинство Западных СМИ «забывают» о своей основной задаче – «сеять разумное, доброе, вечное», все активнее распространяя различные фейки о России и ее гражданах, тем самым разжигая ненависть между людьми и странами, а следовательно, способствуя развитию насилия.

Ученые-криминологи отмечают необходимость создания всеобщей информационной базы данных, содержащей методические разработки по профилактике и предупреждению насильственной преступности против личности, виктимологической профилактике, а также данных о лицах, склонных к проявлению насилия или уже проявивших таковое в крайних формах по отношению к окружающим [5]. Подобные базы государственного уровня не отражают в полном объеме картину насильственной преступности. Данный факт обусловлен совокупностью объективных и субъективных факторов, в частности высокой долей как естественной, так и искусственной латентности такого рода преступлений.

Таким образом, наряду с совершенствованием форм статистической отчетности возникает потребность в проведении глубокого всестороннего анализа личности лица, совершающего насильственные преступления, а также анализ личности жертвы таких посягательств и, соответственно, межличностных отношений преступника и жертвы. Особый практический интерес представляют разработки западных и отечественных ученых, создающих национальные исследовательские центры, основная деятельность которых – изучение лиц, совершивших преступления насильственной направленности, а также тех, кто еще не переступил «черту закона», на основе результатов исследований, но имеет предрасположенность к совершению подобных деяний, и дальнейшая разработка эффективной программы коррекции насильственных девиаций поведения лица. Впоследствии на основе полученных данных возможна разработка законопроектов и государственных программ защиты отдельных категорий лиц, наиболее часто подвергаемых насильственным посягательствам.

Таким образом, есть необходимость в расширении функций подразделений профилактических служб, ведущих активную работу как с лицами, совершающими насильственные преступления, так и с теми, кто подвергся насилию. Создание единой общегосударственной базы данных будет способствовать оперативному регулированию государственной политики в сфере профилактики и пресечения насильственной преступности, а также продуктивной работы с лицами, подвергшимися насилию.

Список литературы

1. Заборовский, В. А. Общесоциальные меры предупреждения пенитенциарной преступности. учебные материалы по предмету «Криминология и криминалистика» / В. А. Заборовский // Jourclub.ru. – URL: http://www.jourclub.ru/34/1329 (дата обращения: 15.02.2022).

2. Коновалова, И. А. Виктимизация как средство предупреждения преступности несовершеннолетних / И. А. Коновалова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2012.

3. Майоров, А. В. Международный опыт защиты жертв преступлений : материалы 66-й научной конференции Южно-Уральского государственного университета / А. В. Майоров. – 2014.

4. Надтока, С. В. Виктимологические аспекты предупреждения насильственных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Надтока. – Ростов-на-Дону : ЮИ МВД РФ, 1999. – С. 20.

Горшенева И. А.[1]*,*
заведующий кафедрой
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор
Заслуженный работник Высшей школы РФ

Македонская А. Е.[2]*,*
курсант 513 взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ТЕРРОРИЗМ НЕ ИМЕЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ ИЛИ РАСЫ

Терроризм не имеет ни национальности, ни религии, ни границ. Террористы были во все времена, на всех континентах. Терроризм – своего рода психическая девиация.

Отдельный террорист, безусловно, имеет принадлежность к нации, религии, человечеству. Но терроризм как явление – это инородное тело в любой нации, в любой традиционной религии и сообществе здравомыслящих людей. Это болезнь, которая способна проникнуть в любой организм.

Идея о том, что все террористы мусульмане, широко распространена в США. Представители часто отмечают в своих публикациях, что «восприятие арабов как террористического сообщества сегодня является доминирующим в общественном воображении» [1].

В мировом пространстве распространена история «ориентализма», который позиционирует арабов и мусульман как экзотику, нецивилизованных и опасных лиц. Конечно, «араб» и «мусульманин» не взаимозаменяемые понятия. Тем не менее террористы часто связаны с расовой группой, которую теперь называют «мусульмане», включая в неё даже тех, кто просто выглядит как араб или выходец с Ближнего Востока. Ислам в радикальном заказном мире считается «по сути насильственным, чуждым и неусвояемым». Сегодня просвещенным людям уже ясно, что это не так, но причины следует искать в другом.

Во-первых, изображение мусульман на телевидении и в кино удивительно незначительно. Только анализ более 900 голливудских фильмов показал, что арабов или мужчин-мусульман обычно представляют террористами.

Другой распространенный нарратив состоит в утверждении, что белые христианские экстремисты, совершающие теракты, – это не террористы. Однако справедливости ради следует сказать, что бывают и исключения [2].

---

[1] © Горшенева И. А., 2022.
[2] © Македонская А. Е., 2022.

Взрыв в Оклахоме, совершенный христианином, также считается актом терроризма, хотя изначально в данном преступном деянии первоначально обвинялись террористические группы, а поскольку на практике было «не принято» использовать термин «террорист», это понятие по отношению к белым людям. Теперь христианин несет ответственность за нападение в Квебеке. И он не одинок в кругу всех обвинений в терроризме. В этот список входят белые христиане, сторонники превосходства белой расы, чья идеология побуждает их совершать нападения на женские консультации, полицейских, еврейские общины, другие национальные центры, сикхские храмы. Сюда можно причислить и белых христианских экстремистов, например афроамериканцев и др.

Деяния террористов широко квалифицируют как преступления на почве ненависти, но совсем не обязательно классифицируются как терроризм [3, с. 340–344].

Однако бывший генеральный прокурор США Лоретта Линч отмечала: «Преступления на почве ненависти – это внутренний терроризм». Тем не менее на деле все чаще ярлык террориста присваивается, когда насилие совершается мусульманином.

Как уже отмечалось выше, конкретный фактор терроризма неотделим от собственной нации, является представителем определенной религии и человечества в целом. Но терроризм – это явление чуждое любому народу, расе, и вообще здоровому социуму. Это опасный вирус, обладающий огромной проникающей возможностью, особенно когда его активно внедряют. Терроризм – это разрушение, страх и хаос. Это акт борьбы с собой и с Богом. Никогда истинный ислам не призывал ни к чему подобному, хотя отдельные экстремисты использовали и используют данный ритуал. С помощью так называемого исламистского терроризма они мечтали взорвать Кавказ, Поволжье, Татарстан и другие регионы. Одновременно рассчитывая обозлить немусульман против мусульман и вызвать между ними вражду на территории России.

Итак, огромные усилия противников устойчивого мира направлены на то, чтобы представить ислам террористической религией. Из одних и тех же источников вербуются террористы-ваххабиты из правоверных мусульман, организуются выступления против постройки православных храмов. Только кажется, что это лишь отдельные, никак не связанные акции и не имеющие общей цели. Но на самом деле цель одна, и она очевидна – уничтожить традиционные высшие духовные ценности и вытравить в человеке всё, что создано «по подобию» Божьему.

Самое ужасное сейчас в настоящей ситуации – это видеть в каждом восклицающем «Аллах акбар» потенциального террориста. Гораздо сложнее – увидеть нашего общего врага за его спиной и спасти и себя и того мусульманина, которого пытаются сделать орудием для убийства в чужих руках. Русский человек никогда не враждовал с людьми, но всегда боролся с идеологией, идеологами и авторами терроризма, используя его для достижения неправедных целей.

Список литературы

1. Терроризм не имеет национальности и религии // Russkiymalchik.livejournal. – URL: https://russkiymalchik.livejournal.com/ (дата обращения: 15.02.2022).

2. Кужевская, Е. Б. Современный подход к ведению переговоров с преступниками при захвате заложников / Е. Б. Кужевская, Е. И. Смык // Вопросы совершенствования тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов : сборник научных статей. – М., 2021. – С. 340–344.

Горшенева И. А.[1]*,*
заведующий кафедрой
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор
Заслуженный работник Высшей школы РФ

Мельникова С. В.[2]*,*
адъюнкт ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИЕЙ

Нелегальная миграция – проблема, вызывающая обеспокоенность большинства стран современного мира. Однако каждое из государств по-своему подходит к проблеме борьбы с этим негативным явлением. Некоторые страны пытаются сократить потоки нелегальной миграции исключительно за счет внутренних мер реагирования, явно не учитывая, что данное имеет транснациональный, глобальный характер, затрагивая все мировое сообщество.

Невзирая на ограничения по передвижению, введенные в связи с пандемией, в 2021 г., число людей, вынужденных оставить места постоянного проживания из-за войн, конфликтов и репрессий, достигло рекордного уровня. По сведениям, предоставленным Управлением ООН по делам беженцев (далее – УВКБ), за период с января по ноябрь 2021 г. более 84 млн человек покинули свои дома. Этот показатель превышает рекордно высокие уровни 2020 и 2019 г.

Увеличение количества мигрантов происходило на фоне снижения глобальной мобильности вследствие жестких ограничений на передвижение. Это явление глава международной организации по миграции (далее – МОМ) Антониу Виторино назвал «парадоксом, невиданным ранее в истории человечества».

«В то время, когда миллиарды людей оказались, изолированы в местах постоянного проживания, десятки миллионов других были вынуждены мигрировать внутри своих стран», – отмечад Виторино в комментариях к выводам последнего исследования МОМ о состоянии мировой миграции [1].

Проблема нелегальной миграции в Европу не нова: уже более 30 лет мигранты предпринимают попытки пересечения Средиземного моря на лодках. Так, 18 апреля 2015 г. у побережья Лампедузы произошло событие, в результате которого более 800 человек утонули при попытке перебраться с побережья Северной Африки в Европу. Всего за несколько дней до этого 400 человек по-

[1] © Горшенева И. А., 2022.
[2] © Мельникова С. В., 2022.

гибли, когда переполненная лодка с мигрантами перевернулась недалеко от побережья Италии, в результате чего число погибших за одну неделю превысило 1200 человек [2].

Средиземное море по-прежнему остается самым популярным маршрутом среди нелегальных мигрантов, пытающихся проникнуть в Европу. Однако в 2021 г. рискованный транзит через Средиземноморье стал еще более гибельным, на фоне ужесточения мер по защите морских границ, принятых европейскими государствами.

За первое полугодие 2021 г. в попытках добраться до Европы на лодках утонули около 1140 человек, а во второй половине года сотни людей, пытаясь попасть в Европу из североафриканских стран и Турции.

Только один инцидент, произошедший в Ла-Манше в ноябре 2021 г., унес жизни 27 человек, став одним из крупнейших происшествий, связанных с массовым утоплением людей в этом проливе, когда-либо зарегистрированным МОМ. По информации французского правительства, в 2021 г. попытку попасть через Ла-Манш в Великобританию предприняли более 31 тыс. человек, 7800 были спасены береговой охраной, пограничниками, либо подобраны оказавшимися в зоне крушения кораблями [1].

Осенью 2021 г. перед Западом встала еще одна задача: остановить поток беженцев, пересекающих границу Евросоюза с восточного направления, со стороны Белоруссии. Еще один миграционный кризис разразился, когда множество нелегальных мигрантов из стран Африки и ближневосточного региона, прилетевшие в Минск, начали осаждать границы Литвы, Польши и Латвии в надежде получить убежище в Евросоюзе. Польша сообщала о 8500 попытках мигрантов пересечь границу [3].

В законодательствах европейских стран различают правовые акты в сферах пограничного, визового и миграционного контроля, иммиграции, взаимодействия полиции и судов, функционирования единых институциональных и информационных систем, сотрудничества с «третьими странами». Единство европейской миграционной политики нашло отражение в таких документах, как: регламент 539/2001 от 15 марта 2001 г. «Об установлении перечня третьих стран, граждане которых должны иметь визу, и стран, граждане которых освобождаются от виз»; директива 2009/50/ЕС от 25 мая 2009 г. «Об установлении условий въезда и пребывания граждан третьих стран в целях высококвалифицированной работы»; директива 2014/36/ЕС от 26 февраля 2014 г. «Об условиях въезда и пребывания граждан третьих стран в целях занятости в качестве сезонных работников» [4, с. 65].

Вопросы внутригосударственных перемещений отражены в Дублинской конвенции 1990 г., вступившей в силу в 1997 г., а затем, посредством последующих интеграций Дублинского законодательства в соответствии с Регламентами, включая Дублин II (ЕС 343/2003 от 18 февраля 2003 г.), Дублин III (EU 604/2013 от 26 июня 2013 г.) и предложенный в 2016 г. Дублин IV. Таким образом, на протяжении более чем десяти лет создавался свод правил предоставления убежища, включающий в себя законодательство, направленное на согласо-

вание административных процедур, а также декларирующее справедливое обращение с гражданами третьих стран.

С точки зрения международного права поведение государств по борьбе с нелегальной миграцией базируется на Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. и дополняющем ее Протоколе против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху 2000 г. [5, с. 125].

Однако в соответствии с предложениями Еврокомиссии, обнародованными 15 сент. 2021 г., миграционная политика ЕС подлежит серьезному пересмотру. Еврокомиссия планирует прежде всего отмену «дублинских правил» 1990 г., в соответствии с которыми ответственность за обустройство нелегальных мигрантов лежит на стране, принявшей их первой. Новые меры, которые представлены пока лишь в общих чертах, должны ускорить процедуру депортации [6].

Сегодня проблема незаконной миграции становится все более острой, в том числе и для нашей страны. Количество ежегодно въезжающих в Россию иностранных граждан и лиц без гражданства внушительно. До 2020 г. Российскую Федерацию ежегодно посещали 15–16 000 000 иностранных граждан, одномоментно на территории страны в течение года находились в среднем 10–12 000 000 иностранных граждан.

Очевидно, что пандемия коронавируса внесла коррективы в миграционные процессы. Тем не менее даже в условиях сложной эпидемиологической обстановки за период с января по дек. 2021 г. на миграционный учет поставлено 13 392 897 иностранных граждан и лиц без гражданства [7].

Нелегальная миграция оказывает существенное негативное влияние на экономику страны, создавая условия для различных видов организованной преступной деятельности, а зачастую является продуктивной средой для распространения глобального терроризма.

В последнее время отмечается мощная тенденция к усилению противоправной активности мигрантов.

В 2021 г. зафиксирован рост публичных массовых конфликтов с участием мигрантов, вызывающих широкий общественный резонанс. Например, только с июля по август 2021 г. практически еженедельно, а в августе месяце – почти ежедневно регистрировались случаи массовых нарушений общественного порядка, в основном драк.

Большинство потасовок мигрантов происходило с участием представителей среднеазиатских государств (Таджикистана, Узбекистана и Киргизии), а иногда с участием жителей северокавказских республик Российской Федерации (в основном из Дагестана, реже – Чечни). Подавляющее число столкновений с участием мигрантов было спланировано заранее, участники заранее обсуждали место, время и состав конфликтующих. В большинстве случаев в ходе задержания были установлены факты нелегального пребывания участвующих на территории Российской Федерации [8].

Иностранные граждане и лица без гражданства, согласно статистике Министерства внутренних дел России, совершили за 2021 г. 36 400 преступлений, что на 5,9 % больше, чем за 2020-й.

В соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640, нелегальная миграция названа одной из современных, имеющих трансграничную природу угроз для страны [9].

Предпринимаемое руководством страны совершенствование мер в области противодействия нелегальной миграции, вызванных возникновением и распространением новых видов преступных деяний, в том числе приобретение незаконной миграцией глобального характера, с элементами транснациональной и межрегиональной преступности, нашли отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации 2 июля 2021 г. № 400. В данном документе подчеркивается: «Достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение следующих задач... противодействие незаконной миграции, усиление контроля за миграционными потоками, социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов».

В феврале 2022 г. в выступлении на коллегии МВД России Президент В. Путин заявил о необходимости принятия самых жестких мер в отношении нелегальных мигрантов, преступных группировок и отдельных нарушителей закона из числа приезжих. Согласно заявлению главы государства, эффективность борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма связана с миграционной сферой. Комментируя вопрос о том, как можно бороться с проявлениями терроризма и экстремизма, политик отметил, что надо высылать приезжих за любые проявления экстремизма и незаконную трудовую деятельность. В России рады всем, кто соблюдает законы и уважает культуру, подчеркнул при этом Президент.

Политика государства в сфере миграции должна способствовать ассимиляции и вовлечению в жизнь страны мигрантов, близких коренному населению по образу жизни, языку, культурным ценностям и соблюдающим требования законодательства страны пребывания. Кроме того, назрела необходимость усиления контроля за трудовой деятельностью мигрантов, требуется также ужесточение мер ответственности за привлечение к труду незаконных мигрантов. Основной задачей как российской государственной миграционной политики, так и миграционной политики мирового сообщества остается противодействие организации нелегальной миграции.

В соответствии с законодательством ряда зарубежных государств организация незаконной миграции (преступления в сфере миграции приравнены к содействию незаконной миграции) наказывается максимальным сроком – до 10 лет лишения свободы, а за наиболее тяжкие составы – до 20 лет лишения свободы (Австралия, США). В Российской Федерации максимальный срок наказания за организацию незаконной миграции – до 7 лет лишения свободы.

Таким образом, обеспечение законности миграционных процессов – одна из важнейших составляющих общественного порядка и безопасности страны.

Список литературы

1. Итоги 2021 года: число мигрантов и беженцев в мире побило рекорд // News.un.org/ru. – URL: https://news.un.org/ru/story/2021/12/1416332 (дата обращения: 10.02.2022).

2. The politics of evidence-based policy in Europe's 'migration crisis' // warwick.ac.uk. – URL: https://warwick.ac.uk/fac/soc/mmrp/outputs/the_politics_of_evidence_based_policy.pdf (дата обращения: 30.10.2021).

3. Свой – чужой. Европа приняла миллионы беженцев. Почему теперь их ненавидят, считают террористами и хотят выгнать? // Lenta.ru. – URL: https://lenta.ru/articles/2021/11/03/migrant_crisis/ (дата обращения: 10.02.2022).

4. Уторова, Т. Н. Правовые средства противодействия незаконной миграции на уровне Европейского союза / Т. Н. Уторова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 3. – С. 55–63.

5. Михайленко, В. И. Проблемы управления миграционными процессами в ЕС, конференция «Диспаритеты международных интеграционных проектов» / В. И. Михайленко // Известия Уральского федерального университета. – 2016. – № 3. – С. 123–134.

6. Международно-правовые аспекты борьбы с незаконной перевозкой мигрантов в рамках европейского союза // Eurasialaw.ru. – URL: https://eurasialaw.ru/nashi-rubriki/yuridicheskie-stati/mezhdunarodno-pravovye-aspekty-borby-s-nezakonnoj-perevozkoj-migrantov-v-ramkakh-evropejskogo-soyuza (дата обращения: 09.02.2022).

7. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // Сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104434/ (дата обращения: 10.02.2022).

8. Миграция и безопасность России: фактор Афганистана, авторский блог Владимир Овчинский // Завтра. – 2021.

9. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: доступа:http://www.consultant.ru /document/ cons_doc_LAW_207990/ (дата обращения: 09.02.2022).

Горшенева И. А.[1]*,*
заведующий кафедрой
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный работник Высшей школы РФ

Муклецова И. А.[2]*,*
курсант 404 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ ДЛЯ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ И ТЕРРОРИЗМОМ

Цифровая инфраструктура – основа современного общества. Современная информационная среда характеризуется негативными последствиями в области использования телекоммуникационных технологий.

С каждым годом количество преступлений в информационном пространстве увеличивается. К сожалению, в законодательстве Российской Федерации имеются пробелы в области борьбы с киберпреступностью, так как развитие информационных и телекоммуникационных технологий развивается с невероятной скоростью. Кибератаки осуществляют люди, обладающие высокими научными знаниями в области информационных технологий, именно их действия наносят наибольший ущерб государству [1, с. 25].

Информационное общество достигнет потенциального повышения эффективности своей работы только в том случае, если его инфраструктура будет надежной и безопасной. Большинство стран инициируют политические меры по обеспечению безопасности инфраструктуры информационных технологий. Однако без международного сотрудничества этих национальных мер недостаточно для борьбы с транснациональной киберпреступностью и ее эволюционировавшим вариантом – кибертерроризмом. Поэтому главная цель в международном сотрудничестве разных стран заключается в достижении единого и согласованного международного законодательства в области противодействия киберпреступности, а также в согласованных действиях правоохранительных органах при раскрытии преступлений.

[1] © Горшенева И. А., 2022.
[2] © Муклецова И. А., 2022.

Киберпространство позволяет совершить преступление из любой точки мира, и местоположение в данном случае не имеет никакого значения. Преступники быстро осваивают новые технологии, а правоохранительные органы, в свою очередь, продвигаются относительно медленно. Это связано с рядом причин, основная из которых – ограниченное финансирование.

Правовая основа, связанная с раскрытием киберпреступлений, также требует времени для развития, а наиболее серьёзной проблемой в данной сфере является согласование национальных границ на международном уровне. Проблемы юрисдикции возникают из-за коллизии законов между двумя или более странами, а именно когда конкретная деятельность считается законной в одной стране, но считается незаконной в другой.

Другой источник юрисдикционных проблем возникает, когда подозреваемый в совершении киберпреступления находится в одном государстве, а потерпевший в другом, или наоборот, либо подозреваемый и потерпевший принадлежат к одной и той же юрисдикции, но доказательства уголовного преступления находятся за границей. При экстрадиции одна сторона передает обвиняемого для того, чтобы он предстал перед судом за преступление в другой стране. Выдача, как правило, регулируется существующими договорами о выдачи между соответствующими странами. Чтобы одно государство передало обвиняемого другому государству для судебного разбирательства, должна существовать «двойная виновность», т. е. преступное деяние подозреваемого должно рассматриваться как незаконное в обеих юрисдикциях, иначе экстрадиция не будет осуществлена. В контексте киберпреступности, где электронные доказательства очень хрупки, а их своевременный сбор имеет решающее значение для успешного судебного преследования, эта задача на международном уровне может быть непосильной для правоохранительных органов.

Для достижения эффективной реализации борьбы с киберпреступностью необходимо тесное и активное взаимодействие между правоохранительными органами двух и более подписавших договор о сотрудничестве сторон. Договоры о киберпреступности не могут быть реализованы, если между подписавшими их сторонами не будет понимания, для чего предпринимаются все возможные усилия для выявления преступников.

Важным аспектом при осуществлении международного сотрудничества в области противодействия киберпреступности является то, что государства не должны вмешиваться во внутренние дела своих партнеров.

Примеры международного правового регулирования в области противодействия киберпреступности:

– Конвенция против транснациональной организованной преступности, принятая в г. Нью-Йорк;

– Европейская Конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве);

– Соглашение стран СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий.

Международное сотрудничество в области борьбы с киберпреступлениями будет достигнуто, когда между государствами будет существовать высокий уровень политического доверия, например в рамках ЕС.

Будапештская конвенция (Конвенция Совета Европы (СЕ) о киберпреступности 2001 г.) была хорошей попыткой наладить международное сотрудничество для согласования усилий правоохранительных органов всех стран в борьбе с киберпреступностью. Именно данный документ был подписан с целью контроля над функционированием компьютерных сетей, т. е. противодействию киберпреступности [3, с. 174]. Однако отсутствие доверия между государствами и международное политическое принуждение использовать киберпространство для проецирования государственной власти саботировали эти потенциальные коллективные действия в борьбе с киберпреступностью. С развитием новых технологий, таких как облачные вычисления, смартфоны и социальные сети, а также с появлением ботнетов и расширением шифрования Будапештская конвенция требует обновления, прежде чем быть ратифицированной всеми странами.

Таким образом, быстрое развитие компьютерных технологий, а также научно-технический прогресс вызывают множество проблем для создания единой фундаментальной базы по противодействию преступности в области информационных технологий на международном уровне [2, с. 6].

При стремлении к международному сотрудничеству в области противодействия киберпреступности все будет зависеть от политики каждого государства, следовательно, должно быть создано единое правовое регулирование в области информационных технологий, а главная цель стран заключается в унификации уголовного законодательства в сфере противодействия киберпреступности.

Немаловажным аспектом является научно-исследовательский потенциал для успешного развития международного законодательства по борьбе с информационными преступлениями. В связи с тем, что у сотрудников правоохранительных оранов нет глубоких знаний в области информационных программ, остаётся нерешённой проблема сотрудничества стран по борьбе с киберпреступлениями.

Для этого нужно уделять внимание подготовке должностных лиц, а именно повышать квалификацию, проводить мероприятия, способствующие повышению уровня знаний в данной области, так как именно от сотрудников органов внутренних дел и судебной системы каждого государства зависит защита граждан, общества и государства в целом от посягательства информационных преступлений.

Для взаимодействия государств в борьбе с киберпреступностью необходимо создавать международные организации, которые будут предлагать идеи и меры по противодействию информационным преступным деяниям.

Например, в январе 2013 г. в Гааге был открыт центр по борьбе с киберпреступностью. Главной задачей данной организации является поддержка в расследовании преступлений в области информационных технологий на международном и региональном уровне [4, с. 369].

Киберпреступность на достигнутом уровне не остановится, с каждым днём будет расти степень преступности в данной сфере, так как современное общество широко использует компьютер и интернет. Требуется активное вмешательство в информационную сферу, принятие необходимых мер в целях пресечения киберпреступности.

Международное сотрудничество в киберпространстве будет достигнуто в результате единого и согласованного правового, организационного и научного обеспечения каждой страны. Поэтому нужно реализовывать все активные усилия в международном сотрудничестве с целью защиты граждан, общества и государства от информационных преступлений.

Список литературы

1. Волков, Е. И. Анализ вирусной опасности и средства по ее нейтрализации на примере «Wannacry» / Е. И. Волков // Интеллектуальные ресурсы. – 2019. – № 2. – С. 25–31.

2. Иншакова, О. И. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии / О. И. Иншакова // Правовая парадигма. – 2019. – № 4. – С. 6–17.

3. Химченко, И. А. Информационное общество: правовые проблемы в условиях глобализации : дис. … канд. юрид. наук: 12.00.13 / И. А. Химченко. – М., 2014. – С. 174.

4. Якимова, Е. М. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью / Е. М. Якимова // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 2. – С. 369–378.

Горшенева И. А.[1]*,*
заведующий кафедрой
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный работник Высшей школы РФ

Орлова М. С.[2]*,*
адъюнкт ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СКУЛШУТИНГА В РОССИИ

В последние годы чрезвычайно большое количество насильственных преступлений фиксируется среди обучающихся или выпускниками образовательных организаций. Несмотря на снижение качественных и количественных показателей насильственной преступности подростков и молодежи, особую обеспокоенность со стороны ученых-криминологов вызывает относительно новое для российской действительности социальное явление – «скулшутинг», или, как его еще называют, «колумбайн».

Феномен скулшутинга получил распространение в российских СМИ еще в начале 2014 г. Наиболее резонансными преступлениями, характеризующими значительное количество пострадавших, были инциденты в школе № 263 г. Москвы, школе № 127 г. Перми, школе № 5 г. Улан-Удэ, школе № 1 г. Ивантеевки (Московская область), Керченском политехническом колледже (Республика Крым) [1, с. 51–52].

Однако лидер по числу вооруженных нападений на образовательные организации отнюдь не Россия, а Соединённые Штаты Америки. Первенство США по числу вооруженных нападений среди ряда европейских и азиатских стран обусловлено особенностями «оружейной культуры», а точнее свободным оборотом оружия. Только за период с 2009 по 2018 г. в США зафиксировано более 300 нападений, что в десятки раз больше других стран большой семерки [2].

Но не все согласны с тем, что наличие свободного оборота оружия влияет на количественный показатель данного вида преступности.

Например, в научной литературе приводится множество примеров положительного опыта использования оружия. Так, в Колорадо-Спрингс, штат

---

[1] © Горшенева И. А., 2022.
[2] © Орлова М. С., 2022.

Колорадо, в 2007 г. Мэтью Мюррей убил четырех человек в церкви. Затем в него несколько раз выстрелила Жанна Ассам, член церковного схода, добровольный охранник и бывший офицер полиции (за 10 лет до этого она была уволена из полицейского управления и, насколько известно, с тех пор не работала в полиции). Мюррей, сбитый с ног и тяжело раненый, покончил с собой; опять же неясно, убил бы он еще людей, если бы не был ранен, но предположительно, убил бы [3].

Рассмотрим некоторые основные направления превентивных мер, используемые в США в целях предупреждения массовых убийств в образовательных организациях.

Первое: в американских образовательных организациях ежемесячно проводится практика обязательных школьных учений. Ученики должны покинуть стены учебного заведения не позднее 30 секунд в независимости от времени года. Другие учения больше похожи на игры в прятки. Ученикам не разрешают подходить к окнам, закрывают двери на ключ и прячут их в гардеробной. В данном случае эффективность таких мер не доказана, а психологическая травма в связи с проведениями таких учений вполне вероятна [4]. Однако есть эксперты в области предотвращения массовых убийств, считающие данные меры эффективными. По словам бывшего агента ФБР Криса Гроллнека, более 90% летальных исходов во время 13 массовых расстрелов, которые были им проанализированы, произошли именно из-за того, что люди пытались спрятаться. «Такие попытки лишь делают их легкодоступными жертвами» [5]. В российских образовательных организациях также проходят учения, однако их цель заключается в выработке навыков быстрой эвакуации при пожаре и других экстремальных условиях. Учения, проходящие в США, не всегда могут положительно повлиять на неокрепшую психику ребенка, в силу его впечатлительности и неопытности.

Второе: колоссальный рост закупок оборудования для обеспечения безопасности образовательных организаций. В США на данный момент на обеспечение безопасности образовательных организаций выделяется более 2,5 млрд долл. Наиболее востребованы двери с дистанционным управлением, металлоискатели, бункеры, тревожные кнопки, рации и даже системы по распознаванию лиц и приложения по отслеживанию опасных высказываний в соцсетях, растет после каждой новой трагедии. Российская система безопасности образовательной организации не может похвастаться столь масштабными технологиями. Двери большинства образовательных организаций по-прежнему открываются и закрываются ключом, а основные средства безопасности – рамки-металлодетектора, которые дают сигнал даже на брелок или смартфон. Кроме того, наличие автоматической блокировки двери тоже не всегда эффективно, поскольку в большинстве случаев о намерениях стрелка окружающие узнают уже в тот момент, когда он уже находится в самом здании образовательной организации.

Кроме того, в ряде образовательных организаций США используются индивидуальные меры профилактики. Интерес представляет четырехсторонняя модель оценки (The Four-Pronged As-sessment Model), разработанная М. О'Тул и направленная на заблаговременное выявление лиц, склонных к совершению скулшутинга [6, с. 584]. Эта модель обеспечивает основу для оценки у сотрудников правоохранительных оранов и рисков, позволяет определить, есть ли у учащегося мотивация, средства и намерение осуществить провозглашенную угрозу. Оценка основана на «совокупности обстоятельств», известных об обучающемся, в четырех основных областях:

1. Первый модуль – изучение личности обучающегося. Изучаемые элементы данной области: стессоустойчивость, коммуникативность, агрессивность обучающегося, его отношение к нормам и правилам поведения в обществе.

2. Семейная динамика. Данный компонент формируется относительно ценностей, сформированных во внутрисемейном круге, состояния межличностных отношений, формы взаимодействия между членами семьи.

3. Динамика в сфере образовательной деятельности обучающегося. Основными критериями данного модуля определяются с учетом совокупности мышления, традиций, правил поведения в конкретной образовательной организации.

4. Социальная динамика (неформальные модели поведения, мышления, убеждений, традиций и ролей, которые распространены в молодежной среде в пределах конкретного района или города) [7, p. 11–14].

Когда у специалистов возникают вопросы относительно высокого или среднего уровня угрозы, исходящей от ученика, его могут поставить на учет, привлечь к индивидуальной профилактической работе с ним, индивидуальной работе с психологом или сотрудником правоохранительных органов.

Опыт превентивных мер США, лидера по числу «скулшутинга» (колумбайна), может положительно повлиять на совершенствование профилактических мер по предупреждению вооруженных нападений на образовательные организации в России.

Однако наиболее продуктивно усиление профилактической работы с обучающимися, проявляющими интерес к насилию, и попытках его оправдать в интернете (такие программы очень распространены в Германии, где с 1960-х годов произошло только три случая скулшутинга).

Список литературы

1. Суходольская, Ю. В. Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования / Ю. В. Суходольская // Вестник науки и образования. – 2019. – № 6–1 (60). – С. 51–53.

2. Викторов, А. С. 2009 г. в школах США стреляли в 57 раз чаще других государств «большой семерки» / А. С. Викторов // Eg.ru. – URL: https://www.eg.ru/society/533868/ (дата обращения: 20.02.2022).

3. Volokh Eugene. Do civilians with guns ever stop mass shootings? // Washington Post. – 2015. October 2.

4. Addington, L. A. Cops and Cameras: Public School Security as a Policy Response to Columbine. American Behavioral Scientist. – 2009. – P. 1426–1446.

5. По американскому образцу: как в США борются со стрельбой в школах // РБК. – URL:https://www.rbc.ru/society/27/10/2018/5bd08e049a794765197b0914 (дата обращения: 20.02.2022).

6. Волчецкая, Т. С. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах / Т. С. Волчецкая, М. В. Авакьян, Е. В. Осипова // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 5. – С. 578–591.

7. O'Toole M. The School Shooter: a Threat Assessment Perspective / M. O'Toole // Quantico : National Center for the Analysis of Violent Crime. – 2000.

Горшенева И. А.[1]*,*
заведующий кафедрой
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный работник Высшей школы РФ

Трусов Д. П.[2]*,*
курсант 404 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАССЛЕДОВАНИИ И УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Проблема экологии с каждым годом становится все более актуальной, а преступления в данной сфере не прекращаются, что ставит под угрозу важнейший аспект жизнедеятельности человечества. Торговля исчезающими видами (флоры и фауны) или веществами из них создает опасность не только выживанию, но и лишает человечество чрезвычайно важных природных ресурсов для обеспечения качества жизни и выживания, не говоря уже о нанесении ущерба биоразнообразию нашей планеты. Любой серьезный и длительный (потенциальный) вред этим природным ресурсам, совершенный по грубой неосторожности, безрассудству или умыслу, должен предусматривать ответственность на законодательном уровне, поскольку ставит под угрозу устойчивое развитие и само существование людей.

Хотя большая часть такого поведения может быть уже криминализирована в национальных правовых системах, это, однако, не означает, что международное публичное право, касающееся экологических норм, содержит обязательства в отношении обязанности криминализации, ее составляющих элементов, санкций и ее юрисдикционного охвата. Ни специализированные конвенции о сотрудничестве судебных органов по уголовным делам не посвящены экологическим преступлениям, ни внутренние нормы о сотрудничестве судебных органов по уголовным делам не содержат прямых ссылок на транснациональное правоприменение в области охраны окружающей среды. Из этого утверждения следует, что политический цикл или цепочка регулирования и обеспечения соблюдения экологических норм содержит несколько пробелов или слабых мест.

---

[1] © Горшенева И. А., 2022.
[2] © Трусов Д. П., 2022.

Уже на первый взгляд можно сделать некоторые предварительные выводы. Если посмотреть на содержание регулирования экологических стандартов и норм на международном и внутреннем уровне, то становится ясно, что охрана окружающей среды охватывает широкий спектр и разнообразие самых разных областей и интересов. Загрязнение окружающей среды, торговля, управление водными ресурсами – вот лишь некоторые примеры.

Во-вторых, поражает и то, что международное экологическое право очень редко содержит уголовно-правовые обязательства. Конвенция об охране окружающей среды посредством уголовного права [1], принятая Советом Европы в 1998 г., является одним из редких исключений. Отсюда уже можно вывести гипотезу о том, что международное сотрудничество по уголовным делам будет сильно зависеть от национальной системы регулирования и применения экологического права. Учитывая многообразие охраны окружающей среды, экологические преступления включают широкий спектр незаконного поведения, простирающегося от классического загрязнения (воздуха, воды, почвы) до незаконного строительства на охраняемых территориях, незаконной добычи полезных ископаемых, незаконного рыболовства, незаконной вырубки и заготовки леса, браконьерства, торговли исчезающими видами, незаконных отходов и серьезных нарушений торговли углеродом и управления водными ресурсами.

Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды, состоявшаяся в Стокгольме в 1972 г., ознаменовала появление интереса ООН и ее государств-членов к проблемам окружающей среды. На этой основе в докладе Брундтланд [2], Декларации РИО, Повестке дня на XXI век, Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию сформулированы принципы международного экологического права и разработано несколько многосторонних экологических соглашений: Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (1973) имеет своей целью сохранение морской среды в попытке полностью исключить загрязнение нефтью и другими вредными веществами и свести к минимуму случайные разливы таких веществ. Она не содержит уголовно-правовых обязательств.

Другая международная конвенция – Международное соглашение по тропической древесине (ITTA, 2006), целью которого является содействие сохранению и устойчивому управлению, использованию ресурсов тропических лесов и торговле ими через форум Международной организации по тропической древесине (ITTO). Как и в других международных экологических соглашениях, в документе ITTA не предусмотрены уголовные санкции, и упоминается только общая цель: «Укрепление потенциала членов для улучшения правоприменения и управления лесным хозяйством, а также для решения проблемы незаконных вырубок и связанной с ними торговли тропическими пиломатериалами». ЕС, участник ITTO, разработал в постановлении 995/2010 дополнительные обязательства для операторов, размещающих древесину и лесоматериалы на рынке, включая штрафные обязательства в ст. 19; однако без введения уголовных наказаний и с меньшим указанием их вида и уровня:

Таким образом, международные конвенции по охране окружающей среды не содержат набора уголовных положений, которые действительно ориентиро-

вали бы национального законодателя в отношении выбора инкриминируемых деяний и их содержания. Однако государства обладают огромной свободой действий при принятии законов в этой области.

Именно по этой причине Международный институт высших исследований в области уголовных наук (ISISC) и Международная ассоциация уголовного права (AIDP) разработали заявление «Охрана окружающей среды посредством уголовного права» с целью повышения роли уголовного права в охране окружающей среды и разработки соответствующих норм международного уголовного права в рамках двенадцатого Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, состоявшегося в Сальвадоре, Бразилия (12–19 апреля 2010 г.). В этом документе прописано, что отсутствие положений об уголовной юрисдикции в международных экологических конвенциях проблематично. В результате приходится сталкиваться с примерами бездействующих государств (и следовательно, безнаказанности) и одновременного использования юрисдикций в некоторых случаях.

Таким образом, международная экологическая политика была очень активна на регулятивном уровне, но без интеграции аспекта уголовного правоприменения в свой политический круг. Единственное недавнее исключение – взаимосвязь между организованной преступностью и экологическими преступлениями, но даже в этом случае политический интерес проявляется скорее на практическом уровне, чем на уровне правоприменения.

Международное судебное сотрудничество или взаимная правовая помощь по уголовным делам (MLA) – это сотрудничество между судебными органами, органами, в компетенцию которых входят расследование, преследование и вынесение решений по уголовным делам [3, с. 121–136].

В многосторонних экологических соглашениях нет прямых ссылок на обязательства в области сотрудничества судебных органов по уголовным делам и взаимной административной помощи. Это резко контрастирует с конвенциями о пресечении, такими как UNTOC по организованной преступности и UNCAC по коррупции, которые действительно объединяют положения о материальной криминализации, инструментах судебного расследования и соответствующих обязательствах по судебному сотрудничеству в уголовных делах. Например, в Базельской конвенции ст. 9 предусмотрено, что каждая сторона вводит соответствующее национальное законодательство для предотвращения и наказания за незаконную торговлю, и стороны сотрудничают для достижения этой цели. Отдельная статья 10 говорит о сотрудничестве, но судебное сотрудничество по уголовным делам не упоминается.

Проблема взаимосвязи между международным экологическим регулированием и судебным сотрудничеством по уголовным делам обозначена уже более 20 лет назад. В 1993 г. специальная группа экспертов представила на уровне ООН доклад [4] о более эффективных формах международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью, включая экологические преступления.

Означает ли отсутствие взаимосвязи, что судебное уголовное сотрудничество против транснациональных экологических преступлений не существу-

ет? UNTOC, принятый в 2000 г., закрепил достижения в области МЭС (международные экологические соглашения) за последние несколько десятилетий. Благодаря растущим усилиям международного сообщества по борьбе с транснациональной преступностью, Он не заменяет существующие или будущие двусторонние или многосторонние договоры, а дополняет их. Он налагает широкие обязательства по МЭС в отношении расследования и преследования транснациональных преступлений и связанного с ними замораживания, ареста и конфискации преступных доходов. В ст. 18 (3) перечислены следственные действия и цели, для которых может быть запрошена МЭС в рамках обязанности сотрудничать. UNTOC также предусматривает спонтанный обмен информацией в ст. 18. Таким образом, теоретически эти обязательства могут применяться к международным экологическим преступлениям, при условии, что они квалифицируются как серьезные преступления, совершенные организованными преступными группами, которые действительно имеют транснациональное измерение.

Это подводит непосредственно к серьезной проблеме взаимосвязи, а именно к проблеме между экологическими преступлениями и организованной преступностью. Во-первых, даже если преступления совершаются организованными преступными группами, национальным правоохранительным органам во многих случаях трудно идентифицировать местных участников цепочки производства и распространения дикой природы и лесного бизнеса как принадлежащих к организованной преступности. Таким образом, определение и объем законности могут в значительной степени зависеть от государственной политики и административных норм, которые могут быть или не быть частью международной политики регулирования.

Происходит формирование сетей для координации и согласования правоприменения, наиболее важная из них – Международная сеть по соблюдению экологических норм и правоприменению (INECE), имеющая широкий круг членов – от государственных правоохранительных органов до НПО и бизнеса. На уровне ЕС сети более ограничены в своем членстве, каждая из них сосредоточена на различных группах субъектов, занимающихся экологическими преступлениями, например, Европейская сеть по внедрению и исполнению экологического законодательства (IMPEL) сосредоточена на чиновниках из экологических министерств и ведомств, Европейская сеть по экологическим преступлениям (EnviCrimeNet) – на сотрудниках следственных служб, Европейская сеть прокуроров по вопросам окружающей среды (ENPE) – на прокурорах, а Форум судей по вопросам окружающей среды Европейского союза (EUFJE) – на судьях.

Итак, правоприменители и политики взялись за решение проблемы снизу и попытались создать группы и сети для обмена информацией, сотрудничества с правоприменителями и даже взаимодействия с гражданским обществом.

Так ли важно международное сотрудничество по уголовным делам в сфере экологических преступлений и зависимости построения национального законодательства по вопросам экологии (полномочия, права, диспозиция, санкции)? На основе анализа всех вышеуказанных данных можно сделать вывод, что су-

ществующее сегодня международное законодательство в сфере экологии и практическое сотрудничество не оказывает значительного регулятивного воздействия на реальность. Однако это не означает, что существующие ныне нормы международного права не имеют значения для уголовных дел и их расследования в данной сфере, эффективность ныне имеющихся норм напрямую зависит от позиции правоприменителей.

Что это означает для использования судебного сотрудничества в уголовных делах, связанных с транснациональными экологическими преступлениями, особенно с преступлениями против дикой природы и лесов?

Прежде всего на внутреннем уровне необходима регулятивная и правоприменительная политика, учитывающая все значимые факторы соблюдения закона. Это касается как знаний о происхождении девиантности и политической экономии в данной сфере, так и оптимизации административных процедур (разрешения, административный мониторинг), межведомственного обмена информацией, взаимосвязи между административными и судебными расследованиями, укрепления следственного потенциала и государственно-частного партнерства.

Во-вторых, международное сотрудничество должно стать полноценной частью этой стратегии, что означает, что сотрудничество не может быть подключено только на стадии судебного расследования преступлений. При борьбе с экологическими преступлениями, которые тесно связаны с глобальными цепочками рыночной экономики, важно сотрудничество на всех этапах (от источников производства до рынков потребления или, говоря совсем просто, от хлева до стола).

На международном уровне многое еще можно и нужно сделать. Что касается нормативной правовой базы, то международные организации могли бы лучше увязать правоприменение в области охраны окружающей среды с инструментами судебного сотрудничества. Это можно было бы сделать через специальные договоры о пресечении или через приложение к UNTOC. На уровне специализированных органов, занимающихся многосторонними экологическими соглашениями, можно было бы уделить внимание разработке конкретных инструментов международной помощи, начиная с обмена информацией и мониторинга и заканчивая административными и судебными расследованиями, чтобы устранить пробелы в цепи правоприменения. Также стоит подумать о создании официальных сетей правоприменения на региональном и/или глобальном уровне для борьбы с серьезными международными нарушениями.

Все эти шаги направлены на утверждение законодательной и судебной практики защиты окружающей среды общего пользования, а значит, качества жизни и сохранения жизни всех людей. В отношении серьезных нарушений, которые также являются нарушениями прав человека, они будут способствовать реализации позитивной обязанности государства расследовать, преследовать и выносить судебные решения в рамках общей схемы ответственности вместо одностороннего суверенного подхода.

Список литературы

1. Convention on the Protection of the Environment through Criminal Law Strasbourg. – 1998.

2. Report of the world commission on environment and development: our common future world commission on environment and development eighth meeting wced/87/21 tokyo, Japan February 23–27, 1987 memorandum to: All Members of the World Commission on Environment and Deve nt FROM: Jim MacNe DATE: 16 February, 1987.

3. J. A. E. Vervaele, Mutual legal assistance in criminal matters to control (transnational) criminality, in N. Boister & R. Currie (eds.), Routledge Handbook of Transnational Criminal Law, 2015, London & New York: Routledge, p. 121–136.

Горшенева И. А.[1]*,*
заведующий кафедрой
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный работник Высшей школы РФ

Шлегель П. О.[2]*,*
адъюнкт ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ КРИТИКИ ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Идеология управляет масштабными социально-политическими процессами, определяет нормативные и мировоззренческие основания общественной жизни. Претендуя на владение абсолютной истиной, идеология стремится отвести от себя критический взгляд [1, с. 217]. Цели любой критики, а особенно критики идеологии, – разоблачение и осуждение какого-либо аргумента, доктрины, структуры или набора практик как «политически предвзятых» инструментов. То, что считается «идеологией», не имеет ранее существовавшей формулировки и будет часто от случая к случаю изменяться. В конечном счете важно не непосредственное содержание того, что описывается или осуждается как «идеологическое», а логическая связь, которая постулируется между этой «вещью» и соответствующим актом научного вмешательства.

Исследователи отмечают две предпосылки для ведения дискуссии о критике правовой идеологии. Во-первых, существует не одно понятие идеологии, используемое в современном научно-правовом дискурсе. Во-вторых, очень большая часть того, что делает или намеревается сделать юридическая наука, направлена на критику идеологии, полагая, что данный термин обычно означает какую-то уловку, заблуждение или мистификацию.

Утверждение о том, что определенная часть современной юридической науки воодушевлена такого рода конфронтационной динамикой, не представляется новеллой. Однако заявление о возможности найти в современном правовом дискурсе несколько совершенно разных концепций идеологии и что каждая из них теоретически обоснована, достаточно редкое. Распространено мнение, что многое из того, что утверждается учеными-юристами, мотивировано аргументами и концепциями, которые могут рассматриваться как «идеологические». Но что именно означает «идеологический» в данном контексте?

© Горшенева И. А., 2022.
© Шлегель П. О., 2022.

Известны четыре традиционных ответа на этот вопрос. Они встречаются в различных сегментах юридической научной литературы:

1) юридический функционализм;

2) эмпирические правовые исследования;

3) постмодернистские социально-правовые исследования;

4) юридический структурализм.

В Европе обычай критиковать «подозрительные» модели юридического обоснования и формы теоретико-правовой мысли как идеологически мотивированные восходит к концу девятнадцатого века. Под влиянием французского юридического солидаризма и немецкого движения «свободного права» возникла традиция того, что позже стали называть «социология права» или «социологическая юриспруденция». Тогда как в США критика идеологии в праве уходит корнями в традицию, широко известную как американский правовой реализм. В середине XX в. обе эти традиции породили целый ряд различных теоретических течений и, соответственно, различные способы понимания феномена идеологии в правовом контексте.

Первоначально возникло то, что называют Первой критикой, т. е. «функционалистская» критика правовой идеологии. Ее главной целью была идеология правового формализма, а основной определяющей чертой незыблемая вера в критическую мощь социальных наук; поскольку чтобы распознать контуры формалистической идеологии и освободиться от ее пагубного влияния, необходимо четкое и искреннее взаимодействие с развивающейся наукой об обществе. Для формалистов данная концепция служила дымовой завесой, блокирующей взгляд на объективную реальность закона, а социальные науки – свежим ветром, ее очищающим. Чем ближе юрист принимал уроки общественных наук, главное из которых, как следует из самого понятия функционализма, рассмотрение всех правовых явлений по существу в функциональных терминах, тем быстрее возможно вырваться из-под влияния идеологии.

Несколько десятилетий спустя после функционализма была разработана вторая критика, это группа исследований, названная эмпирическими правовыми исследованиями («ЭПИ»). Первая критика рассматривала феномен идеологии как нечто похожее на интеллектуальный вирус, блуждающий «внутри» правовой мысли и дискурса, заставляя юристов использовать небрежные способы рассуждения. Тогда как во Второй критике авторы ЭПИ рассматривали идеологию по существу, как внешнюю силу; как фактор, приближающийся к праву «извне» и, если его должным образом не поправить, способный испортить ход рассуждений, тем самым политизируя все более широкое функционирование правовой системы. Каким образом можно остановить разлагающее влияние этой идеологической угрозы? Ответ, как следует из названия «эмпирических правовых исследований», заключается в следовании строгому эмпирическому протоколу: если нужно установить объективную истину о каком-либо конкретном юридическом факте, процессе или абстрактном доктринальном вопросе, наше мышление должно основываться на эмпирически проверяемых наблюдениях. Подробная статистика, точные данные и тщательное измерение являются лучшей защитой от идеологического искажения.

Между Первой и Второй критикой имеются фундаментальные различия: для функционалистов идеология представляет собой гармонизирующую философию, способную вводить юристов в заблуждение, заставляя их неверно толковать объективные реалии права. Однако то, что им виделось как абстрактные формы и принципы, на самом деле представляло фрагменты политически обусловленной социальной системы. В традиции ЭПИ, напротив, понятие идеологии предполагает гораздо более конкретное выражение. Идеология отходит от естественного контекста философии права к личной стороне вопроса или партийной предвзятости, и ее реальное влияние заключается в банальной коррумпированности судебного процесса, например содействие формированию традиции незаконного судебного активизма.

Третья и Четвертая критики – это постмодернистские социально-правовые исследования и юридический структурализм, соответственно. Обе эти критики также наследуют гносеологию в широкой их совокупности американского правового реализма и европейской социологии права. Однако, в отличие от функционализма и эмпирических правовых исследований, они скептически относятся к стандартному реалистическому постулату об освободительной силе научной объективности, аналитической строгости и использовании эмпирически полученных данных, будучи, по сути, представителями постэмпирического подхода.

Для этих двух Критик идея объективного знания, прежде всего в его применении к правовым явлениям, глубоко проблематична. И хотя, конечно, попытки быть более аналитически строгими в своих рассуждениях и уделять больше внимания эмпирическим моделям различных видов правового поведения сами по себе не плохие, с точки зрения Третьей и Четвертой критик трудно понять, как эмпиризм предлагает выход из идеологии, поскольку эмпиризм предлагает дополнительное идеологическое многообразие [2, с. 440]. Действительно, некоторые из наиболее глубоко идеологических теоретических концепций в истории правовой мысли двадцатого века были основаны на решительно строгих аналитических протоколах, например, чикагское право и экономика или позитивизм Кельсена.

Общая позиция скептицизма в отношении эмпирического наследия реализма, является не единственным фактором, отличающим Третью и Четвертую критику от Первой и Второй. Другое основополагающее различие касается исповедуемых ими концепций общей связи права с политикой. И хотя ни одно теоретическое направление не ассоциируется сегодня с тезисом о том, что «все право есть политика» больше, чем критические правовые исследования (далее – КПИ), школа мысли, олицетворяющая структуралистскую традицию более эффективно, чем любая другая, идея права как прямое продолжение политики была гораздо более определяющей для постмодернистского общества и права.

Действительно, наиболее отличительная черта раннего подхода КПИ к концепции правовой идеологии заключается в реинтеграции стандартной реалистической критики правовой формы в более широкие рамки структуралистской семиотики, что и отличало традицию КПИ от всех остальных. В этой перспективе основной онтологией правовой идеологии послужила не «существенная

теоретическая ошибка», провоцирующая неправильное понимание правовой доктрины (в соответствии с юридическим функционализмом), ни «разлагающий внешний фактор», приведший к распространению нелегитимного судебного активизма (в соответствии с эмпирическими правовыми исследованиями). Для юридического структурализма местом правовой идеологии является коллективное бессознательное правовой системы.

Третьим фактором, отделяющим социо-правовую и структуралистскую критику от функционалистской критики и критики ЭПИ, является гораздо более широкий спектр теоретического влияния, относящегося к каждому из них. Первым и наиболее очевидным источником влияния стал марксизм. Как относительно Третьей, так и Четвертой критики, правовая форма материализует, закрепляет и натурализует те же самые политические и экономические неравенства, которые правовая система, напротив, должна бы решать и исправлять. В обоих указанных случаях идея показывает глубокое влияние марксистской и постмарксистской мысли. Естественно, более широкая модель взаимоотношений между правовой и экономической областями довольно существенно отличается от предполагаемой в классической марксистской теории. Ни одна из этих Критик не смогла бы развить свое понимание правовой идеологии настолько, как это было бы без глубокого и серьезного взаимодействия с марксизмом.

В Четвертой критике, например, феноменология важна исключительно в том, как последовательно она отвергает дуалистическую онтологию «внутри» и «снаружи», столь значимую для функционалистской критики и традиций ЭПИ. С правовой структуралистской точки зрения не существует «внутренней» правовой причины, в которой можно обнаружить правильный неискаженный смысл правовых понятий, доктрин и институтов. Точно так же не существует другой такой вещи, как легко идентифицируемая «внешняя» сторона, из которой судья или ученый-юрист может импортировать в свой анализ юридических материалов собственную партийную политику или личную повестку дня. Вместо этого существуют структуры языков права, бесконечная со стороны отдельных судей и ученых серия живых взаимодействий с ними, позволяющих им воспринимать эти структуры как нечто спонтанно самоочевидное, естественное и практически полезное, а также что-то глубоко отчужденное, разочаровывающе жесткое и материализованное.

Такое же скептическое отношение к внутренней-внешней онтологии можно найти и в Третьей критике, хотя и не столь заметно. Здесь аргумент, как правило, приводится в более условной форме, и дается принципиально иная пояснительная логика. Понятие права, как утверждается в аргументе, не имеет собственной фиксированной сущности: границы правовой системы по отношению к более широкой социальной реальности за пределами ее плоскости, как и границы правовой мысли по отношению к другим дискурсивным и культурным формам, не только изменчивы по своей природе, но и исторически обусловлены, по мере того как взаимодополняющие отношения между Правом и Обществом или Правом и Культурой смещаются и развиваются, Закон, будучи одновременно и тем, чем он позитивно является, и тем, что яв-

ляется негативным образом того, чем он не является, постоянно перетекает и открывается перед его различными диалектическими аналогами, делая тем самым невозможными любые попытки установить фиксированную границу между его «внутренним» и «внешним».

Итак, четыре Критики: юридический функционализм, эмпирические правовые исследования, социально-правовые исследования и юридический структурализм основываются на целом ряде аналитических различий, каждое из которых действует как переменная. Первое и самое важное из них – это онтологическая модель «идеологии» в критике. Каким образом Критика позиционирует важность и ценность понимания правовой идеологии? Каждая из названных четырех Критик имеет свой собственный спектр ответов на вопросы о том, какую опасность представляет идеология для юридической практики, правоведения и правового анализа.

Список литературы

1. Яцевич, М. Ю. Критика идеологии как идеологическая критика в социальном дискурсе постмодернизма / М. Ю. Яцевич // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1 (63). – С. 217–220.

2. Desautels-Stein J. and Rasulov A. Deep Cuts: Four Critiques of Legal Ideology (March 3, 2021). Yale Journal of Law and the Humanities, Vol. 31, No. 2, 2021, U of Colorado Law Legal Studies Research Paper No. 21–12. P. 435–519.

Горшенева И. А.[1]*,*
заведующий кафедрой
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный работник Высшей школы РФ

Штиф В. М.[2]*,*
курсант 404 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ ТЕРРОРИЗМА

Восприятие различных угроз безопасности, например организованная преступность, международный терроризм, распространение или незаконный оборот наркотиков, менялось со временем, а также благодаря жесткому административному разделению и неудовлетворительному сотрудничеству между разведывательными и правоохранительными органами это был просто вопрос времени, когда нужно будет выбирать между дальнейшим развитием нескоординированного сотрудничества правоохранительных и разведывательных органов или просто сделать несколько шагов назад, строго разграничив эти два направления, обеспечив при этом прозрачное и скоординированное сотрудничество. Поэтому цель данной статьи – осветить некоторые из основных вопросов в области сотрудничества правоохранительных органов и разведки в борьбе с терроризмом с европейской точки зрения.

Правоохранительные и разведывательные меры – часть комплексной системы мер, предназначенных для эффективного предупреждения и пресечения терроризма [1]. Эти два вида антитеррористических мер имеют разные цели. Кроме того, они различаются по моменту их проведения, ответственным органам, допустимости фактических выводов в виде доказательств в суде и т.д. Назначение правоохранительной деятельности заключается в обеспечении законопослушания. Особенно это касается уголовного права, как материального, так и формального. Функция материального уголовного права заключается в предотвращении преступлений путем репрессий, т.е. назначения заслуженного наказания тем, кто не подчиняется закону. Роль правоохранительных органов в

[1] © Горшенева И. А., 2022.
[2] © Штиф В. М., 2022.

системе уголовного права определяется положениями процессуального уголовного права, особенно теми, которые касаются законов о доказательствах.

В отличие от предпринимаемых мер правоохранительными органами, разведывательные меры направлены на защиту национальной безопасности [2]. В центре внимания этих органов находится информация, определяемая как разница между двумя состояниями неопределенности до и после получения сообщения. Основная задача разведывательных органов, как государственных организаций, – сбор информации для целей национальной безопасности, в то время как доказательства в уголовном процессе должны соответствовать ряду ограничений, чтобы быть приемлемыми в суде, информация, собранная спецслужбами, не обязана соответствовать тем же критериям.

Развитие новых форм терроризма, изменение восприятия данного явления широкой общественностью и его влияние на различные правовые квалификации привели к путанице и смешению этих двух видов мер, которые имеют различные цели, логику и правила применения. Модифицированное понимание природы и правовых характеристик терроризма международным сообществом вызвало путаницу и дублирование между правоохранительными органами и разведкой, когда обе системы стремились заимствовать некоторые параметры друг у друга.

Модифицированное восприятие современного терроризма и как следствие дублирование правоохранительных и разведывательных мер в последние годы резко повлияли на права человека. Терроризм представляет угрозу для большинства прав человека. С одной стороны, терроризм отрицает права человека, а террористические атаки угрожают правам человека, а с другой – в борьбе с терроризмом основные права человека подозреваемых террористов оказались под угрозой.

Кратко определим разведку как результат деятельности профессиональных организаций, которые собирают, анализируют и обрабатывают секретную информацию с целью содействия принятию политических решений в области стратегической и тактической политики безопасности. В области борьбы с терроризмом надежная и своевременная разведка играет важную роль. Она делает возможным тактическое и стратегическое предотвращение в подлинном смысле этого слова. дает специалистам по безопасности возможность действовать до того, как произойдет теракт, но является предпосылкой для анализа угроз, которая позволяет принимать правильные политические решения с долгосрочным подходом к меняющимся проблемам безопасности. Для обработки собранных данных разведывательные службы привлекают различных специалистов, каждый из которых является экспертом в своей области, поскольку аутсорсинг не представляется подходящим решением, когда речь идет о вопросах национальной безопасности. Конечный результат, который дают разведывательные агентства, должен затем служить политикам для принятия мер в правильном направлении.

Разведывательные усилия по борьбе с терроризмом на европейском уровне вместе с правоохранительной деятельностью через Европол и Евроюст составляют основной треугольник современной европейской политики безопасности в ответ на терроризм. Однако до сих пор не существует органа, функционирую-

щего как Европейское разведывательное управление, поэтому остается под вопросом, достаточно ли решительно реализуется политическая воля к усилению совместных действий против терроризма. Ни Контртеррористическая стратегия Европейского Союза [3], ни документ о реализации Плана действий по борьбе с терроризмом [4] не предусматривают четкого пути к созданию общего европейского разведывательного агентства.

Объединенный ситуационный центр Евросоюза (SITCEN) получил дальнейшее развитие, создав подразделение по борьбе с терроризмом (CT Unit), уделяющее особое внимание оценке угроз в области терроризма. Неясно, насколько это окажется долгосрочным решением, а не расширенной специальной целевой группой. Однако, учитывая проблему контртеррористической разведки, это шаг вперед в правильном направлении, хотя некоторые утверждают, что нет необходимости создавать общеевропейский орган, отвечающий за контртеррористическую разведку, и что разведывательные службы государств – членов ЕС могли бы восполнить существующий пробел путем более тесного сотрудничества и обмена информацией. Но исходя из практической, повседневной реальности в разведывательном секторе государств-членов, это может оказаться еще более амбициозным, чем создание Европейского разведывательного агентства.

По мнению Мюллера-Вилля, существует несколько препятствий для сотрудничества в области контртеррористической разведки в рамках ЕС, например структурные недостатки, отсутствие центрального европейского разведывательного органа, структурные различия между национальными разведывательными службами в разных странах-членах и, конечно, в некоторой степени соперничество и недоверие между разведывательными службами на национальном и европейском уровне [5, с. 2]. Эти трудности в сотрудничестве внутри разведывательного сообщества должны стать самым сильным аргументом в пользу окончательного создания Европейского разведывательного агентства, частично укомплектованного прикомандированными национальными экспертами, оставляя место для персонала, специально подготовленного для работы в таком агентстве, обеспечивая тем самым необходимую сплоченность.

В последнее десятилетие роль правоохранительных органов в борьбе с терроризмом существенно изменена так, что акцент был сделан на превентивные аспекты криминализации. Первым шагом к акцентированию внимания на профилактике в криминализации деятельности, связанной с терроризмом, стала Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма [6], последним – Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма [7]. Согласно ст. 3 Конвенции государства-участники обязаны принимать «такие меры, которые могут быть необходимы для улучшения и развития сотрудничества между национальными властями с целью предотвращения террористических преступлений и их негативных последствий путем, в частности обмена информацией, улучшения физической защиты людей и объектов и совершенствования планов подготовки и координации действий в гражданских чрезвычайных ситуациях».

Подход Совета Европы более инициативен, поскольку его интересуют не последствия, а причины террористической деятельности. Речь идет об уголов-

ных преступлениях превентивного характера. Основной причиной переноса действий правоохранительных органов на стадию до того, как террористический акт фактически произойдет, является предотвращение тяжелых последствий террористических атак. Этот новый проактивный подход приводит к совершенно новой роли правоохранительных органов в борьбе с международным терроризмом. От правоохранительных органов теперь ожидается, что они будут действовать так, как раньше действовали только спецслужбы. Новые уголовные преступления оправдывают не только задержание лиц, подозреваемых в совершении террористических актов, но и лиц, ответственных за публичное провоцирование на совершение уголовного преступления (ст. 5), подстрекательство других лиц к совершению или участию в совершении террористического преступления (ст. 6) или предоставление инструкций по изготовлению или использованию взрывчатых веществ и т. д.

Фредман подводит итог: «Сегодня нет четкого первенства ни правоохранительных, ни разведывательных сообществ в сфере международного терроризма. Правоохранительное и разведывательное сообщества по-прежнему создаются и функционируют принципиально по-разному, сохраняя различные правовые полномочия, внутренние способы организации и парадигмы управления» [8, с. 336–337]. Существует несколько веских причин, почему и в какой момент классическая разведывательная и правоохранительная деятельность идут разными путями, пытаясь достичь одной и той же цели – безопасности в самом широком смысле. Если принять во внимание различия в юридическом разрешении и демократическом надзоре, становится очевидным, что неконтролируемое смешение классических разведывательных и правоохранительных мер представляет собой серьезную угрозу фундаментальным принципам уголовного права.

По сути, есть две альтернативы – установление долгосрочных связей между правоохранительными органами и разведкой или классическое разделение по сотрудничеству. Первая альтернатива будет означать, что правоохранительные органы в некоторых случаях смогут заниматься классической разведывательной работой, и наоборот. В то время как альтернатива сотрудничества укрепила бы существующее разделение между ними, обеспечивая при этом, чтобы в некоторых пересекающихся областях усилия разведки служили правоохранительным органам, и наоборот. Это означает, что спецслужбы и правоохранительные органы будут пользоваться навыками и опытом друг друга, не ставя под угрозу юрисдикцию друг друга и не будучи подотчетными друг другу.

Если рассмотреть некоторые примеры разведывательных служб: Службы безопасности Великобритании (MI5), французского Управления по надзору за территорией (DST), Канадской разведывательной службы безопасности (CSIS) и Австралийской разведывательной организации безопасности (ASIO), то становится очевидным, что все четыре страны доверяют борьбу с терроризмом внутри страны ведомствам, не имеющим функциональных правоохранительных полномочий по аресту или задержанию. При этом на европейском уровне нет такого разведывательного органа, который мог бы эффективно сотрудничать с существующим правоохранительным аналогом Ев-

ропола. Этот пробел в европейской разведке затрудняет, а в настоящее время, возможно, даже делает невозможным проведение регулярных совместных контртеррористических мероприятий.

При обсуждении сотрудничества правоохранительных органов и разведки следует различать два разных уровня: тактический, позволяющий соответствующим специалистам выполнять свою работу каждый день, и стратегический, более важный, устанавливающий правила и рамки на политической и долгосрочной основе. На стратегическом уровне сотрудничества лица, принимающие решения, должны обеспечить условия, чтобы политические, правовые и этические аспекты безопасности рассматривались в совокупности при определении условий сотрудничества, особенно если оно может затронуть вопросы конфиденциальности и прав человека.

Заставить сотрудничать спецслужбы в SitCen и правоохранительные органы в Европоле – огромная задача, поскольку сфера их деятельности и общий подход к разведке сильно различаются из-за отсутствия европейской гармонизации в этой области.

Принцип демократии и свободы, на который опираются западные общества, не должен быть поставлен под сомнение принципом безопасности, поскольку они не имеют одинакового значения. Хотя международный терроризм представляет собой серьезную и, похоже, эволюционирующую угрозу, а сотрудничество между правоохранительными органами и разведкой на европейском уровне назрело, без четких структур, демократического надзора, разумного уровня прозрачности и гораздо большего доверия между государствами-членами оно обречено на продолжение нескоординированного взаимодействия на грани законности. Общепринятая европейская конституция могла бы обеспечить недостающие рамки и гарантировать реализацию правоохранительных и разведывательных мер по борьбе с терроризмом.

Защита персональных данных всегда была одним из главных приоритетов Совета Европы. В Конвенции о защите прав человека и основных свобод [9] право на уважение частной и семейной жизни защищено ст. 8. Сбор и другая обработка персональных данных могут означать вмешательство в частную жизнь, защищаемую этим положением. Без согласия лица, чьи персональные данные затрагиваются, вмешательство допускается только в том случае, если оно предписано законом, служит законной цели и необходимо в демократическом обществе (принцип пропорциональности). Однако высокие стандарты защиты частной жизни не должны рассматриваться как абсолютное препятствие в борьбе с терроризмом, поскольку, согласно ст. 15, в условиях чрезвычайного положения государства-участники имеют право отступать от некоторых конвенционных положений, включая ст. 8. При решении вопроса о том, является ли вышеупомянутое вмешательство оправданным или нет, Европейский суд по правам человека занял позицию, что использование конфиденциальной информации необходимо для борьбы с терроризмом: «Прежде всего Суд хотел бы повторить свое признание того, что использование конфиденциальной информации необходимо для борьбы с террористическим насилием и угрозой, которую организованный терроризм представляет для жизни граждан и демократического общества в целом» [10].

Соблюдение прав человека в борьбе с различными угрозами международному миру и безопасности всегда было одним из краеугольных камней Совета Европы. Будучи защитником прав человека, демократии и верховенства закона, эта региональная организация черпает свой правовой и моральный авторитет в общепринятых стандартах защиты прав человека, воплощенных в Европейской конвенции по правам человека и практике Европейского суда по правам человека. Согласно этим стандартам ни национальная безопасность, ни государственная тайна не могут быть использованы для защиты иногда сомнительного и нескоординированного контртеррористического взаимодействия правоохранительных органов и разведки от соответствующего судебного надзора и парламентского контроля. Полагаться на эти гарантии на европейской земле представляется безальтернативным, поскольку Европейский Союз не имеет эквивалентных защитных механизмов. Поэтому сотрудничество правоохранительных и разведывательных органов в борьбе с международным терроризмом на европейском уровне, но и в трансатлантической перспективе, должно зависеть в основном от стандартов защиты прав человека, разработанных в рамках правового поля Совета Европы.

Список литературы

1. On counterterrorist measures see in general SCHMID A., Towards Joint Political Strategies for De-legitimising the Use of Terrorism, in Countering Terrorism through International Cooperation, ISPAC, Milan. – 2001. – P. 260–273.

2. About prevention in general see ANDENSES J., General Prevention--Illusion of Reality, 43 J. Crim. L. Criminology & Police Sci. 177. – 1952–1953.

3. On-line at: http://ue.eu.int/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/jha/87257.pdf (last visited: 04.02.2007).

4. Available at: http://ue.eu.int/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/jha/87254.pdf (last visited: 04.02.2007).

5. MÜLLER-WILLE B., Building a European Intelligence Community in Response to Terrorism. European Security Review, International Security Information Service. – 2003. – № 22. – P. 1.

6. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism, adopted by the General Assembly of the United Nations on 9 December 1999 // Untreaty.un.org. – URL: http://untreaty.un.org/English/Terrorism.asp (last visited: 20.02.2022).

7. Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, ETS No. 196 // Onventions.coe.int. – URL: http://conventions.coe.int/ (last visited: 20.02.2022).

8. FREDMAN J.M., Intelligence Agencies, Law Enforcement, and the Prosecution Team. Yale Law and Policy Review. – 1998. – Vol. 16. – № 2. – P. 336–337.

9. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, ETS No. 005 // Conventions.coe.int. – URL: http://conventions.coe.int/ (last visited: 20.02.2022).

10. Murray v. The United Kingdom, 14310/88 [1994] ECHR 39. – 28 October 1994.

Гридасова Д. С.[1]***,***
курсант 306 учебного взвода
ИПСОПР
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кудалина И. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИННОВАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Преступность в мире постоянно меняется, особенно с быстрым развитием технологий. Поэтому сотрудники правоохранительных органов всегда ищут новые и инновационные способы борьбы с преступностью и всегда на шаг впереди преступников.

Информационные технологии – это процессы и методы получения и обработки информации, а также технические и программные средства реализации информационных процессов [5].

Широко применяемые в практике следователя информационные технологии: автоматическая обработка текстов; поиск информации в базах данных; аналитическая работа по формированию решений и сопоставлению на основе анализа имеющейся информации; информационные сети.

Анализ, изучение и разработка принципов построения и применения информационных технологий в деятельности полиции неразрывно связаны с изучением закономерностей развития правоохранительных систем [4].

Офицеры полиции Лондона используют технологии как часть своей повседневной трудовой жизни. Они используют планшеты iPad и компьютеры для подготовки материалов дела, ожидается, что помимо грамотности в области информационных технологий, новые сотрудники будут обладать хорошими навыками набора текста.

Сотрудники столичной полиции вкладывают многомиллионные средства в новейшие технологии, чтобы поддержать своих офицеров. По сути, создается первая в Великобритании по-настоящему цифровая полицейская служба. Технические инновации, которые мы внедряем, сэкономят драгоценное время наших сотрудников и помогут нам сократить расходы». Некоторые из наиболее интересных разработок включают:

1. Дополнительные камеры автоматического распознавания номерных знаков помогают полиции ловить незастрахованных водителей.

---

[1] © Гридасова Д. С., 2022.

2. Сотрудники столичной полиции модернизируют и устанавливают новейшее цифровое записывающее оборудование, повышая способность оказывать более качественную поддержку жертвам и помогая получить наилучшие доказательства, обеспечивая при этом более качественное обслуживание.

3. Оснащение офицеров мобильными технологиями – предоставление им всей необходимой информации, а также возможность получать электронные заявления, получать доступ к основным системам на ходу и собирать данные на месте происшествия.

4. Инвестиции в услуги цифровой криминалистики для сбора доказательств с цифровых устройств и систем; например, планшеты, телефоны, компьютеры и системы видеонаблюдения.

5. Создание современного центра цифровой криминалистики, который станет крупнейшей лабораторией такого рода в Великобритании.

6. Создание цифровых центров в районах Лондона для ускорения процесса цифровой криминалистики [1].

«Мы также изучаем весь потенциал новых технологий для улучшения услуг, которые мы предоставляем жителям и сообществам Лондона – от онлайн-сообщений о преступлениях и разработки технологии «отслеживание моих преступлений» до взаимодействия с общественностью через онлайн-форумы и использование социальных сетей для информирования местных сообществ.

Интерпол также уделяет особое внимание инновациям в полицейской деятельности. Полицейская деятельность в информационную эпоху – основной вопрос 87-й Генеральной Ассамблеи Интерпола, глобального мероприятия правоохранительных органов года (2018 г.), которое состоялось в Дубае, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) [3].

Ключевыми вопросами для обсуждения стали более широкое использование искусственного интеллекта и робототехники, а также инновации в области криминалистики.

Общая цель состоит в том, чтобы удовлетворить текущую потребность полиции в наборе практических идей, примеров, извлеченных уроков, принципов, рекомендаций и ресурсов для поддержки и руководства правоохранительными органами при проектировании, разработке и развертывания искусственного интеллекта. «Мы также должны использовать достижения. в технологиях на благо полиции всего мира, и Интерпол имеет уникальные и идеальные возможности для этого, особенно в плане обеспечения доступа к жизненно важным биометрическим данным во всем мире».

Три программы Интерпола по борьбе с преступностью – это борьба с терроризмом, киберпреступность и организованная и возникающая преступность. «Мы работаем вместе с нашими партнерами, чтобы обезопасить мир и сделать его более безопасным, продвигая усилия по развитию проектов и инициатив Организации» [3].

Собирая передовой опыт в рамках международной модели, Интерпол представляет собой нейтральную платформу с хорошими связями. Криминальные данные и правила, касающиеся их обработки, стали важными контурами для формирования работы международного полицейского сотрудничества.

Партнерские отношения с региональными органами сыграли важную роль в развитии прочной глобальной архитектуры безопасности.

Президент Интерпола Мэн Хунвэй, призывая к ориентированной на будущее глобальной стратегии полицейской деятельности, открыл конференцию, рассказав о будущем глобальных правоохранительных органов, где сотрудники будут работать рука об руку с правительствами, международными партнерами и частным сектором во всех областях полицейской деятельности.

«Как участники миссии Интерпола, мы не можем довольствоваться тем, чтобы идти в ногу со временем, но должны неустанно работать, чтобы опережать преступников. Для этого наши национальные центральные бюро должны рассматриваться как наши датчики и как наша первая линия удара по земле», – сказал президент Интерпола.

В рамках программы реформ Интерпола на 2020 г. руководители НЦБ информируются о запланированных изменениях в полицейских возможностях и передовом опыте использования Интерполом и его странами-участницами новых технологий и возможностей для современной полицейской работы.

Делегаты рассмотрели новые проекты Интерпола, направленные на подготовку мировой полиции к борьбе с преступностью завтрашнего дня, в том числе:

1) использование искусственного интеллекта в современных полицейских инструментах;

2) программы цифровых свидетелей;

3) возможности распознавания лиц и биометрической идентификации;

4) сбор биометрических данных у заключенных, осужденных за преступления, связанные с терроризмом;

5) онлайн-платформы для обучения и инструменты для перевода.

Делегаты одобрили ряд позиций, направленных на укрепление международного сотрудничества полиции, особенно в отношении расширения использования биометрии и распознавания лиц в работе полиции во всем мире.

Правовое регулирование в сфере использования информационных технологий является возможной сферой реализации прав граждан, защиты общественных и государственных интересов в сфере использования информационных технологий.

Результаты предварительного следствия напрямую зависят от качества информационного обеспечения, так как основные усилия практических работников в расследовании, раскрытии и предупреждении преступлений связаны с получением необходимой информации.

Список литературы

1. Technology to protect Londoners. – 2019.

2. Artificial intelligence and law enforcement: challenges and opportunities. – 2019.

3. The 87th General Assembly. – 2018.

4. Никитин, М. Н. Инновационная деятельность в управлении органами внутренних дел : курс лекций / М. Н. Никитин, С. Ю. Калинкин. – М., 2014.

5. Большая Российская энциклопедия. – Т. 11. – М., 2008.

Гришанина Д. А.[1]*,*
курсант 306 учебного взвода
ИПСОПР
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кудалина И. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Терроризм – это глобальное явление, выходящее за национальные границы. Компьютерные сети и компьютерные данные, которые также игнорируют физические границы, создают глобальное киберпространство. Кроме того, компьютерные сети, например интернет, позволяют разрабатывать новые формы технологий, которые позволяют пользователям сохранять свою анонимность, участвовать в скрытом общении и использовать сложные программы шифрования при передаче и хранении данных. Таким образом, глобальное киберпространство обеспечивает уникальную среду для осуществления кибертерроризма и достижения других целей международного терроризма [3, с. 52].

Сегодня мир переживает кардинальные изменения, и человечество вступает в новую эру стремительного развития и глубоких преобразований. Он видит развитие таких процессов и явлений, как многополярность, экономическая глобализация, появление информационного общества, культурное разнообразие, трансформация архитектуры глобального управления и мироустройства; усиливается взаимосвязь и взаимозависимость между государствами; наметилась тенденция к перераспределению власти в мире; и международное сообщество демонстрирует растущий спрос на лидерство, направленное на мирное и постепенное развитие.

В то же время по мере продолжения пандемии новой коронавирусной инфекции усложняется международная и региональная обстановка в области безопасности, день ото дня растет количество глобальных вызовов и угроз. Некоторые акторы, представляющие меньшинство в международном масштабе, продолжают выступать за односторонние подходы к решению международных проблем и прибегают к силе; они вмешиваются во внутренние дела других государств, ущемляя их законные права и интересы, разжигают противоречия,

[1] © Гришанина Д. А., 2022.

разногласия и конфронтацию, тормозя тем самым развитие и прогресс человечества, несмотря на противодействие международного сообщества.

В результате специфики компьютерных сетей открылись три основных направления террористической деятельности в интернете: совершение деструктивных атак с использованием интернета; массовое распространение нелегального контента через интернет; использование интернета для индивидуального общения и совершения традиционных форм преступлений.

В первом направлении деструктивные атаки на компьютерные системы, осуществляемые посредством интернета (кибертерроризм), могут привести не только к уничтожению, искажению и обезвреживанию нематериальных компьютерных данных, блокируя тем самым производственные процессы, банковские системы или государственное управление. Интернет-атаки могут также нанести ущерб физическому имуществу и человеческим жизням, если, например, атакуемые компьютерные системы отвечают за управление атомными электростанциями, плотинами, системами управления полетами, больничными компьютерами или военными системами вооружения.

Поскольку многие аспекты жизни современного общества сильно зависят от компьютерных систем, риски, связанные с этим видом преступной деятельности, значительны. Однако в настоящее время известно очень мало случаев, связанных с такого рода атаками. Напротив, использование террористами интернета и других систем электронной связи во второй из этих областей – публичное распространение незаконного контента – обычное явление. Интернет и другие системы связи используются террористами для угрозы совершения террористических актов; подстрекать, рекламировать и прославлять терроризм; заниматься сбором средств и финансированием терроризма; обеспечить обучение терроризму; вербовать для терроризма; и распространять расистские и ксенофобские материалы. В результате интернет стал важным инструментом, с помощью которого террористы доносят свои сообщения до широкой аудитории. Наконец, интернет и другие компьютерные системы играют важную роль в третьей области – материально-технической подготовке террористических преступлений, включая внутреннюю связь, получение информации (например, о создании бомбы, захвате заложников или угоне самолета), анализе целей и другие формы сбора информации [1, с. 15].

Борьба с терроризмом и его причинами теперь рассматривается как коллективное усилие всех членов международного сообщества. Швейцария также активно участвует в международном сотрудничестве в этой области.

Координация контртеррористической деятельности Швейцарии находится в ведении Федерального департамента иностранных дел (FDFA). В рамках департамента Управление международного права является центральным контактным лицом и возглавляет межведомственную рабочую группу по терроризму.

Швейцария ратифицировала 16 из 18 универсальных конвенций и протоколов ООН по борьбе с конкретными формами терроризма [2, с. 45]. Он также заключил конкретные двусторонние соглашения с отдельными государствами, в том числе те, которые регулируют сотрудничество полиции с соседними госу-

дарствами. Швейцария принимает непосредственное участие в различных инструментах Евросоюза – Европол и Шенген.

Помимо Генеральной Ассамблеи ООН существенную роль в борьбе с терроризмом играет Совет Безопасности ООН. Он принял несколько резолюций, предусматривающих меры против подозреваемых в терроризме. Он также учредил Контртеррористический комитет для надзора и наблюдения за осуществлением этих мер. В последние годы Швейцария представила этому комитету несколько докладов о выполнении своих международных обязательств по борьбе с терроризмом.

В сентябре 2006 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Глобальную контртеррористическую стратегию. В качестве вклада в реализацию стратегии ООН Швейцария вместе с Коста-Рикой, Японией, Словакией и Турцией инициировала Международный процесс глобального сотрудничества в борьбе с терроризмом. Цель процесса – разработка идей для более эффективной координации борьбы с терроризмом в рамках ООН и придания большей легитимности мерам ООН по борьбе с терроризмом, особенно в отношении соблюдения прав человека. Итоговый документ содержит 19 рекомендаций, представленных Швейцарией Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2008 г. в ходе первого официального обзора реализации стратегии ООН.

Эти рекомендации включают предложение о создании новой платформы ООН, предназначенной для облегчения обсуждения между координаторами по борьбе с терроризмом государств-членов и между последними и представителями ООН и других международных институтов по текущим проблемам и решениям в борьбе с терроризмом. Учитывая общепризнанную необходимость более тесно увязать меры ООН с потребностями государств-членов и тем самым заложить основу для успешной реализации стратегии ООН, Швейцария, Коста-Рика, Япония, Норвегия, Австрия, Словакия и Турция, а также ответственные органы ООН организовали Международный семинар национальных координаторов по борьбе с терроризмом в Вене 12 и 13 октября 2009 г. В частности, эта новая площадка должна предоставить возможность не только обсудить вопросы, касающиеся улучшения координации, но и вопросы, касающиеся практического аспекты защиты прав человека в борьбе с терроризмом и вопросы, касающиеся причин, подпитывающих терроризм.

С ноября 2010 г. по май 2012 г. Управление Целевой группы ООН по осуществлению контртеррористических мероприятий (CTITF) при поддержке Швейцарии, Германии, Норвегии, Австрии, Турции, а также США организовало четыре региональные конференции в Индонезии, Эфиопии, Намибия и Бангладеш. Цель состояла в том, чтобы определить потребности этих регионов в реализации Глобальной стратегии.

13 и 14 июня 2013 г. в Женеве состоялась вторая глобальная конференция национальных координаторов под названием «Международная конференция координаторов по борьбе с терроризмом по устранению условий, способствующих распространению терроризма, и Департамент содействия сотрудничеству Юг». Он был организован офисом CTITF совместно со Швейцарией. Эта вторая глобальная конференция вновь послужила площадкой для обмена информацией

и опытом между национальными координаторами по борьбе с терроризмом из всех регионов мира. Он рассмотрел результаты региональных конференций в целях укрепления региональной реализации Стратегии ООН.

Швейцария также член Глобального контртеррористического форума с сентбря 2011 г. В Форум входят около 29 государств со всех континентов, а также ЕС, и его цели – укрепление и дополнение уже существующей международной деятельности в области борьбы с терроризмом. На этом форуме Швейцария выступает за эффективную координацию с Организацией Объединенных Наций.

Правоохранительные органы должны понимать, что во всем мире всегда будут появляться новые способы и средства совершения преступлений. Адаптация к новым и развивающимся преступлениям требует дальновидности. Это требует от правоохранительных органов налаживания партнерских отношений. Сотрудничество имеет жизненно важное значение в работе правоохранительных органов.

«Мы продолжим работать вместе до тех пор, пока не одержим победу над терроризмом и преступностью», – отметил в одном из своих выступлений Юрген Сток, генеральный секретарь Интерпола [4].

Список литературы

1. Злобин, А. В. Проблемы терроризма и способы борьбы с ним : учебное пособие / А. В. Злобин, В. Н. Картмазов. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011.

2. Гончаров, С. Актуальные проблемы борьбы с терроризмом. Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма / С. Гончаров. – М. : Международные отношения, 2002.

3. Асанов, Т. Б. Формы терроризма и методы реализации террористических акций. Терроризм: современные аспекты / Т. Б. Асанов, В. В. Фёдоров. – М. : Логос, 1999.

4. The 87th General Assembly. – 2018.

Емельянова О. А.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Гапончук Д. В.[2]*,*
курсант 403 учебного взвода
факультета ИПСОПР
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРТЕРРОРИЗМУ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Обеспечение безопасности всегда было одной из важнейших функций государства. Безопасность – важнейшая цель и фундаментальная потребность как отдельного человека, так и различных сообществ людей. В настоящее время кибертерроризм серьезная угроза для мировой безопасности, приобретающий глобальный характер, охватывая многие страны мира.

По мнению профессора компьютерных наук Дороти Э. Деннинг, кибертерроризм – это использование компьютеров как оружия или объектов атаки политически мотивированными международными или межнациональными группами, тайными агентами, которые угрожают насилием, либо причиняют его, либо насаждают страх для того, чтобы воздействовать или принудить правительство изменить свою политику.

Некоторые исследователи выделяют проблемы, препятствующие борьбе с кибертерроризмом: отсутствие законодательных актов, соответствующих современному положению дел в сфере защиты компьютерной информации и регулирующие отношения в интернете. Недостаточное количество специально подготовленных кадров, которые специализируются на выявлении и раскрытии компьютерных преступлений. Более того, система защиты интернет-сервисов и информационно-коммуникационных систем не успевает развиваться вслед за более совершенными способами и методами осуществления кибертерроризма.

К одной из самых трудноразрешимых проблем можно отнести невозможность установления места совершения компьютерного преступления, так как кибертерроризм отличается своим трансграничным характером. В уголовном законодательстве большинства зарубежных стран не предусмотрена ответственность за преступления кибертеррористической направленности из-за их постоянного совершенствования.

---

[1] © Емельянова О. А., 2022.
[2] © Гапончук Д. В., 2022.

Например, в уголовном кодексе Узбекистана не предусмотрена ответственность за кибертерроризм [1]. Отдельные государства лишь упоминают использование телекоммуникационных систем в террористических целях. В качестве примера можно привести Закон Великобритании «О терроризме», который приравнивает незаконное проникновение в компьютеры, их системы с последующим использованием полученной информации для осуществления насильственных действий к актам террора, что влечет повышенную ответственность [2], а также п. 2 ст. 421-1 уголовного кодекса Франции (1992) – «Террористические акты, связанные с деяниями в области информатики».

К способам борьбы с кибертерроризмом на мировом уровне можно отнести создание четкой международной нормативной правовой базы, путем принятия универсальных документов, которые бы дали максимально широкое толкование термину «кибертерроризм» и обязали бы государства закрепить кибертерроризм в национальном уголовном праве с учетом специфики внутреннего законодательства [3].

Например, Центр передового опыта НАТО в области компьютерной безопасности выпустил сборник рекомендаций «Таллинское руководство по применению международного права в кибервойне». К основным задачам относятся адаптация действующих правовых норм в отношении вооруженных конфликтов под специфику враждебной деятельности в виртуальном пространстве и попытка разработать толкования основных понятий в сфере информационной безопасности.

Одна из главных мер противодействия международному кибертерроризму – необходимость создания международных документов. Цель данных нормативных правовых актов – обязать страны оказывать правовую помощь при расследовании компьютерных преступлений по запросу другого государства на взаимной основе.

В 2001 г. Совет Европы принял Конвенцию о киберпреступности, представляющую собой единый документ обязательного применения, который регулирует правоотношения в области эксплуатации компьютерной сети. Данная Конвенция значима не только в рамках Совета Европы, но и на глобальном уровне, один из основополагающих документов в сфере противодействия киберпреступности. Конвенцию подписали в общей сложности более 50 государств, включая Аргентину, Австралию, Израиль, Японию, США.

Участники соглашения проводят общую политику в области борьбы с киберпреступностью, принимают соответствующие акты, укрепляют международное сотрудничество, стараются не допускать нарушений конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем и компьютерной информации, а также выявляют и расследуют уголовные преступления в информационной сфере, привлекают к уголовной ответственности соответствующих лиц, разрабатывают договоренности относительно оперативного и надежного международного сотрудничества.

Глава 3 Конвенции посвящена международному сотрудничеству в сфере борьбы с киберпреступностью. Оно основано на предоставлении трансграничного доступа к хранящимся компьютерным данным и на оказании взаимной

правовой помощи, в том числе по сбору данных о потоках в режиме реального времени и созданию круглосуточно действующей сети. Несмотря на наличие других международных актов, Конвенция единственный признанный международный договор, содержащий нормы материального и процессуального права в целях противодействия киберпреступности и защиты свободы, безопасности и прав человека в интернете.

Международное сотрудничество в борьбе с кибертерроризмом осуществляется в рамках ООН, Совета Европы, Международной организации экспертов, Интерпола, Европола. Главная роль в координации данной борьбы отводится ООН, а именно ее исполнительным органам: Генеральной Ассамблее, Совету Безопасности. Ряд резолюций по различным аспектам предотвращения кибертерроризма был принят в рамках ООН.

Традиционные способы борьбы с преступностью применительно к кибертерроризму оказываются неэффективными, поскольку киберпространство имеет глобальный, международный характер. Эта борьба более эффективна на региональном уровне. С одной стороны, государства вынуждены сотрудничать для борьбы с такой транснациональной угрозой, как киберпреступность, но, с другой стороны, такое сотрудничество затрагивает суверенитет государства, ограничивает его в области защиты информации. Следовательно, сотрудничество можно назвать успешным только в регионах с высоким уровнем политического доверия между странами, как это происходит в Евросоюзе.

Поскольку кибертерроризм – транснациональное преступление, он должен подпадать под универсальную юрисдикцию посредством многонационального сотрудничества, и это будет наиболее подходящим методом противодействия будущим транснациональным преступлениям.

Список литературы

1. Аккаева, Х. А. Международный кибертерроризм как политический феномен / Х. А. Аккаева // Социально-политические науки. – 2018. – № 1.

2. Геляхова, Л. А. Международно-правовые основы противодействия кибертерроризму / Л. А. Геляхова // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 3.

3. Уголовный кодекс Республики Узбекистан : Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII // Legislationline.org. – URL: https://www.legislationline.org/download/id/7979/file/Uzbekistan_CC_1994_am2018_ru.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

Емельянова О. А.[1]***,***
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Зиннатов А. В.[2]***,***
курсант 305 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

КИБЕРБУЛЛИНГ

В настоящее время существует множество определений кибербуллинга. По мнению Б. Белси, это «использование информационных и коммуникационных технологий, например, электронной почты, мобильного телефона, личных интернет-сайтов, для намеренного неоднократного враждебного поведения лица или группы лиц, направленного на оскорбление других людей» [1].

Анализируя приведенное выше определение, отметим, что существуют некоторые формы кибербуллинга (например, хеппислепинг – снятие на видео реальных сцен насилия, избиения, убийств с последующим его размещением в интернете), которые способны причинить вред жертве и при однократном их осуществлении.

В зарубежной литературе кибербуллинг нередко рассматривается как повторяющееся умышленное причинение вреда посредством электронных технологий. В данном случае целесообразно указать, какой вред может быть причинен жертве.

Кибербуллинг– это «умышленное виновно совершенное действие или совокупность действий, направленных на психологическое подавление жертвы, причинение ей нравственных страданий, осуществляемых посредством электронных средств связи» [2, с. 91].

Для изучения характеристик и распространенности кибербуллинга в современном интернет-пространстве российскими авторами было проведено исследование, в ходе которого опрошены 234 респондента. Хотя бы раз в своей жизни подвергались кибербуллингу 70,9 % опрошенных, из них 6,6 % – респонденты в возрасте 16–18 лет, 89,2 % –18–29 лет, 4,2 % – 30–39 лет. Преимущественно жертвами кибербуллинга были лица женского пола – 63,8 % числа кибержертв. Чаще всего кибербуллинг происходил в социальных сетях «Facebook» (80,0 %) и «Instagram» (16,9 %) [2, с. 92].

---

[1] © Емельянова О. А., 2022.
[2] © Зиннатов А. В., 2022.

Кибербуллинг большая угроза, чем просто буллинг, по множеству причин: атаки со стороны злоумышленника не ограничены по времени и местоположению, злоумышленник действует анонимно или под псевдонимом, свидетелями атак может становиться широкий круг пользователей сети, угрозы и оскорбления могут оставаться в сети на протяжении длительного периода после окончания конфликта, атаки более агрессивны, чем при традиционных формах буллинга, так как злоумышленник не видит истинной реакции жертвы, такие атаки, как правило, не единичны.

Основные формы кибербуллинга:

1. Клевета – вид буллинга, при котором используется распространение заведомо ложной информации. Среди опрошенных были оклеветаны 31,3 % [2, с. 92].
2. Харрасмент – неоднократная отправка оскорбительных текстовых или иных файлов, адресованных, как правило, конкретному человеку. По результатам проведенного исследования, в 94,6 % случаев киберагрессор направлял жертвам сообщения (СМС, в социальных сетях, на электронную почту), в 56,6 % случаев писал комментарии в социальных сетях или на форумах [2, с. 92].
3. Киберпреследование – выслеживание жертвы с помощью интернет-ресурсов для организации вымогательства, нападения, шантажа, избиения и т. д. Столкнулись с киберпреследованием 22,3 % опрошенных из числа тех, кто подвергся кибербуллингу [2, с. 92].
4. Хеппислепинг, определение которого дано ранее. Только 1,2 % числа жертв кибербуллинга столкнулись с данной его формой [2, с. 92].
5. Самозванство – вид кибербуллинга, при котором агрессор представляет себя как жертву, используя ее пароль для доступа к ее аккаунту в социальных сетях (в 63,9 % случаев; 2 раза и более – в 20,5 % случаев) либо создав страницу от имени жертвы и осуществляя негативную коммуникацию с другими пользователями (в 18,7 % случаев) [2, с. 92–93].
6. Перепалки – обмен короткими оскорбительными репликами между двумя или более людьми, происходящий чаще всего в публичных местах сети (комментарии в блогах, социальных сетях). Столкнулись с данной формой кибербуллинга 60,25 % респондентов [4, с. 149–159].
7. Доксинг (англ. doxing) – публичное раскрытие личных и конфиденциальных данных через интернет. С этой проблемой столкнулись 42,2 % респондентов из числа жертв кибербуллинга, 19,3% из них – несколько раз [2, с. 93].

Киберагрессоры находят своих жертв с помощью цифровых средств коммуникации, таких как социальные сети, блоги, электронная почта и т.д., но нередки случаи, когда кибератаки направлены на знакомого агрессору в реальной жизни человека. По результатам проведенного исследования, 128 респондентов были знакомы с киберагрессором [2, с. 93].

Как отмечает А. Медина, мотивация киберагрессора, как правило, связана с ненавистью, злостью, местью, любовной одержимостью, сексуальным влечением или неспособностью принять отказ. При этом агрессор характеризуется агрессивностью и мстительностью по отношению к жертве, ему доставляет

удовольствие унижать других людей, а анонимность даже дает ему чувство власти, безнаказанности и превосходства над жертвой. Результаты проведенного исследования показали, что 32,1 % опрошенных проявляли киберагрессию. Причинами этого, по их мнению, была внешность жертвы (9,3 %), ее поведение (72,0 %), опубликованная информация о жертве в социальных сетях интернета (8,0 %), предшествующее взаимодействие с жертвой (месть, неразделенная любовь и т. д.) (36,0 %). Сами регулярно подвергались кибербуллингу 25,3 % респондентов из числа тех, кто выступал в роли киберагрессора. Никогда не подвергались кибербуллингу только 16,0 % респондентов из числа киберагрессоров [2, с. 93].

Киберагрессорами выступали лица мужского и женского пола примерно в равной степени (48 и 52 % соответственно). Киберагрессор, выбрав жертву, всеми способами (и законными, и незаконными) будет стараться получить больше информации о жертве и о ее реакции на атаки [2, с. 93].

Иногда агрессору не удается найти необходимую информацию, тогда он переключается на поиск информации среди родственников, друзей, коллег или одногруппников жертвы. По словам А. Мединых, «общий характер преследования – это характер холодного человека, практически не уважающего других».

Сталкер (под сталкером понимается лицо, осуществляющее киберпреследование и кибербуллинг) – это хищник, который может терпеливо ждать в интернете, участвовать в чатах или на форумах, пока не вступит в контакт с кем-то, кто кажется ему раздражающим, обычно с женщинами или детьми. Ему нравится преследовать определенного человека, при этом не важно имеет ли он прямые отношения с ним или является совершенно незнакомым человеком. Сталкер наслаждается и показывает свою силу, психологически преследуя и причиняя вред этому человеку.

Два типа жертв кибербуллинга:

– ситуативно-случайная жертва, т. е. она не была изначально предопределена для агрессора, а он нашел ее, например, на просторах интернета;

– неслучайная жертва, изначально известная агрессору. Независимо от того, является жертва случайной или нет, она чувствует себя беспомощной, испытывает стресс, унижение, беспокойство, гнев, потерю уверенности в себе [4, с. 177–191].

Киберагрессоры стремятся не только напугать жертву, но и вызвать у нее состояние паранойи, в котором она ожидает атак там, где их нет, и ощущает полную неуверенность в своих силах противостоять нападкам. Тем самым агрессор разрушает жизнь жертвы во всех аспектах – профессиональном, социальном, семейном.

Нет сомнений в том, что во многих случаях жертвы кибербуллинга невиновны в совершаемых на них атаках. Однако профилактические меры могут помочь человеку избежать или минимизировать вероятность стать жертвой кибербуллинга. Во-первых, надо ограничить публикацию личной информации в интернете (в том числе фотографий, локаций, контактных данных и т. д.) либо ограничивать доступ к аккаунту посторонним лицам. Во-вторых, тщательно фильтровать публикуемую информацию (тексты, комментарии). Эффективна

мера предотвращения кибербуллинга усложнением процедуры регистрации в социальных сетях, на форумах и иных интернет-ресурсах путем привязки профиля к номеру мобильного телефона, аккаунту сайта государственных услуг, а также указания реального имени пользователя или официально зарегистрированного псевдонима. Такая процедура позволит избежать анонимности и вредоносной псевдонимности в сети, способствующей распространению антисоциальных проявлений.

Необходимость правового регулирования противодействия кибербуллингу в форме самостоятельного федерального закона очевидна. Данный правовой акт должен предусматривать понятие кибербуллинга, определять его виды и формы, а также устанавливать ответственность виновных лиц. Для реализации указанного федерального закона в дальнейшем потребуется внесение соответствующих изменений в действующее законодательство. Это позволит юридически защитить участников виртуальных общественных отношений от актов киберагрессии.

Список литературы

1. Belsey B. Cyberbullying: An Emerging Threat to the «Always On» Generation // Cyberbullying. – URL: http://www. yberbullying.ca/pdf/Cyberbullying_Article_by_Bill_Belsey.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

2. Бочкарева, Е. В. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга / Е. В. Бочкарева, Д. А. Стренин // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – № 1.

3. Ang R. P. The Role of Normative Beliefs About Aggression in the Relationship Between Empathy and Cyberbullying / R.P. Ang, X. Li, S.L. Seah // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2017. – P. 1138–1152.

4. . Бочавер, А. А. Буллинг как объект исследований и культурный феномен / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Психология. – 2013. – Т. 10. – № 3. – С. 149–159.

5. Бочавер, А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А. А. Бочавер, К. Д. Хломов // Психология. – 2014. – Т. 11. – № 3. – С. 177–191.

6. Kowalski, R. M. Cyberbullying: bullying in the digital age / R. M. Kowalski, S. P. Limber, P. W. Agatston. – 2nd ed. – Chichester : Wiley-Blackwell. – 2011. – 294 p.

7. Парфентьев, У. Кибер-агрессоры / У. Парфентьев // Дети в информационном обществе. – 2009. – № 2. – С. 66–67.

8. Brandau, M. Adolescent Victims Emerging From Cyberbullying / M. Brandau, T. A. Evanson // Qualitative Health Research. – 2018. – P. 1584–1594.

Емельянова О. А.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Рыжих А. Д.[2]*,*
курсант 314 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СИСТЕМА ПОЛИЦЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГЕРМАНИИ

В настоящее время система образования полицейских кадров играет важную роль в формировании профессионально значимых качеств сотрудников полиции. Основные направления работы образовательных учреждений полиции состоят из развития и совершенствования профессиональных качеств сотрудников в сфере борьбы с преступностью, мероприятия по совершенствованию навыков работы с техническими средствами, в том числе в обеспечении кибербезопасности, проведение мероприятий по изучению потребностей населения во всех сферах общественной жизни. Все существующие направления полицейских образовательных организаций способствуют повышению эффективности работы правоохранительных органов.

Остановимся на подготовке полицейских кадров в Германии. Будущий полицейский в Германии не получит высшего юридического образования. Этот факт – отличительная черта немецкого полицейского образования от российской системы подготовки полицейских, поскольку отечественные курсанты после окончания высших учебных заведений МВД России будут иметь высшее юридическое образование.

Подготовка полицейских в Германии проходит, как правило, в полицейской школе или в полицейских частях. Есть различие между учебным процессом, основанным на принципе профессиональной подготовки – для среднего оперативного состава полиции и обучения в специальной высшей школе полиции уже для старшего командного состава. При этом есть федеральные земли, где готовят кадры только для старшего командного состава, и федеральные земли, где готовят кадры и для среднего, и для старшего командного состава.

Кандидатами на обучение могут быть как мальчики, так и девочки, которые обязательно должны иметь среднее образование. Чтобы поступить в полицейские учебные организации, каждый кандидат должен соответствовать опреде-

---

[1] © Емельянова О. А., 2022.
[2] © Рыжих А. Д., 2022.

ленным формальным требованиям, установленным приемной комиссией. Для девочек и мальчиков все критерии принципиально одинаковы. Итак, соискатели должны иметь: 1) гражданство Германии, либо гражданство другой страны ЕС, либо государства – члена Европейской экономической зоны (EWR); 2) среднее образование; 3) девушки должны быть ростом не ниже 160 см, а мужчины – быть ростом не менее 165 см; 4) минимальный возраст – 17 лет, максимальный возраст – от 24 до 36 лет; 5) водительское удостоверение. Кандидат на обучение не должен иметь долгов и судимостей. Приемная комиссия также приводит важные критерии, которыми должен обладать абитуриент. К ним относятся: хорошая физическая подготовка, владение немецким языком, готовность в любой момент выступить за защиту основных прав народа и быть верным конституции Германии.

Если кандидат прошел все требования, то следующим шагом будет приглашение на вступительный экзамен. В этот экзамен входят тесты, проверяющие уровень интеллекта и психологическое состояние абитуриента, проверяющие координацию и внимание, выполняющие задания для проверки физических способностей. По результатам вступительного экзамена отбираются кандидаты на обучение. Этот отбор осуществляется специальным центром, который находится в городе Мюнстер. Распределение успешно сдавших вступительные экзамены в различные образовательные организации полиции осуществляется этим же специальным центром. Желающих стать полицейскими очень много, и конкурс предусматривает примерно 1 место на 10 человек. Количество студентов определяют МВД и Министерство финансов этой земли.

Начальный учебный процесс подготовки офицеров полиции для старших командиров рассчитан на 3 года, а для среднего оперативного состава на 2,5 года. В это время обучение проходит в специализированных учебных заведениях. Программы обучения будущих полицейских составляются МВД. В период обучения студенты получают как теоретические, так и практические знания.

Структура системы полицейского образования отличается от российского образования. На первом курсе учебного процесса студенты проходят теоретический курс, который включает 2200 учебных часов и три больших блока дисциплин – общественно-гуманитарные (психология, социология, этика, логика, менеджмент и др.), юридические (конституционные право, государственное право, интервенционное право и др.), криминалистика (криминалистика, уголовно-процессуальный процесс, оперативно-разыскная деятельность, криминалистическая техника и др.). Теория представлена в виде лекций и семинаров. Знание и понимание основных аспектов профессии очень важно, так как сотрудник полиции должен знать свои права и обязанности, а также иметь определенную базу знаний по общественным дисциплинам.

Огневая подготовка считается одной из основных дисциплин образования. В тире они проигрывают возможные ситуации, в которые может попасть полиция. Основная задача данной дисциплины – развитие у студентов навыков эффективного использования оружия.

После теоретического курса проходит практика, которая заключается в закреплении полученных теоретических знаний, после чего снова начинается теоретическое обучение.

Второй год учебного процесса включает два теоретических блока. Третий год, заключительный, полностью состоит из практического курса. Данный курс основан на требованиях к формированию у студентов навыков практической работы. Будущий полицейский должен уметь действовать во время массовых беспорядков и разрешать конфликты без применения оружия, приобретать навыки организации дорожного движения, навыки осмотра места преступления. Практика может проходить в учебном заведении или непосредственно в отделении полиции.

Процесс обучения проходит под руководством преподавателей, имеющих собственный опыт работы в отделениях полиции. В преподавательский состав входят люди, проработавшие не менее 4 лет в правоохранительных органах.

После пройденного практического курса сдается квалификационный экзамен. Результаты студентов оцениваются по 15-балльной системе. Если студент получает оценку менее 5 баллов, его направляют на второй период обучения.

Сотрудник полиции осуществляет дальнейшее образование в учреждениях повышения квалификации, один из которых – учебный центр полиции города Нойс. Выполняет консультационную функцию и повышает квалификацию действующих сотрудников полиции. Передача знаний направлена на расширение компетенции и потенциала профессиональных кадров полиции.

Процесс обучения в таких организациях ориентируется на уровень обучаемых. Такой подход обеспечивает точный анализ квалификационных требований и достижение поставленных задач.

В рамках курса повышения квалификации преподаватели учебного центра уделяют внимание коммуникативным навыкам сотрудников полиции, основам риторики и педагогики. В ходе обучения сотрудники полиции изучают аспекты профессиональной деятельности: общественные и политические науки, методы допроса, тактика и технология негласного наблюдения, характер действий в суде и прокуратуре, межкультурные отношения и криминологические аспекты.

Процесс обучения не непрерывный. Он разделен на блоки: криминология и криминалистика; транспорт; полицейская экипировка; юридические и социальные науки; обязательные предметы, представляющие наибольший интерес для служебной деятельности.

Сначала студент проходит теоретический курс первого блока, а после его прохождения сотрудник направляется в отдел полиции и применяет полученные знания на практике. Затем он возвращается в учебный центр для повышения квалификации и продолжает обучение. Данная схема обучения распространяется на все блоки образовательного процесса.

Обучение сотрудников начинается с распределения по группам в зависимости от уровня образования. Группы формируются в основном по 12–20 человек, с ними работают два педагога.

Занятия проходят по следующему принципу: каждая группа получает конкретное задание, которое включает практическую ситуацию, например задер-

жание вооруженного человека. Для успешного выполнения задания преподаватели указывают на конкретные учебные дисциплины (этика, пожарная подготовка, уголовное судопроизводство, криминология), т. е. знания, которые помогут решить данную задачу.

После этого обучаемые самостоятельно приступают к созданию макета происшествия и формируют порядок своих действий, отрабатывая навыки и умения в профессиональной деятельности. Через определенное время группы предоставляют учителям варианты решения ситуации. Преподаватель проверяет работу персонала и в конце урока указывает на ошибки и недостатки группы, после чего начинается обсуждение правильного решения.

Результаты обучения фиксируются на выпускных экзаменах. Учебный центр проводит тесты и письменные работы по основным дисциплинам. Кроме того, сотрудники обязаны выполнить проект в письменном формате объемом 30–50 страниц, а затем устно защитить его перед комиссией образовательной организации. При получении неудовлетворительной оценки допускается однократная пересдача экзамена.

По окончании курса выпускник получает свидетельство, не являющееся государственным документом. Анализ немецкой системы полицейского образования свидетельствует о тесной связи теории с практикой, это хороший фактор для достижения высоких профессиональных качеств сотрудника полиции. Такая система образования считается одной из самых эффективных и результативных в мире.

Список литературы

1. Синянский, В. А. Профессиональная полиция в зарубежных странах, передовая подготовка опыта, современные технологии / В. А. Синянский, Р. С. Каленик, Т. П. Афиногенов // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020.

2. Гайерхоз, В. Исторический обзор системы профессионального полицейского образования Германии / В. Гайерхоз, Л. С. Кравчук // Проблемы сосудистой деятельности. – 2015.

3. Баранов, П. П. Система полицейского образования Германии / П. П. Баранов, А. Н. Лепихов // Юристъ – Правоведъ. – 2011.

4. Лемента, П. В. Организация профессиональной подготовки полиции Германии / П. В. Лемента, В. А. Андрухов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2011.

5. Кравчук, Л. С. О специальной системе профессионального образования полиции Германии / Л. С. Кравчук // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2007.

Знобищева А. С.[1]*,*
адъюнкт ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

РЕАБИЛИТАЦИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ПОЗИТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В социально-интегрированном мультикультурном обществе Европы одной из фундаментальных проблем является борьба с преступностью, которая, к сожалению, в условиях приоритетного обеспечения прав и свобод граждан нарастает в непреодолимых масштабах.

Один из способов обеспечения снижения уровня преступности за рубежом – политика ресоциализации и реабилитации ранее осужденных лиц. По ряду причин основная работа над снижением преступности направлена прежде всего на лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Во-первых, в современных реалиях основная доля лиц, совершивших преступления повторно приходится на категорию преступников, ранее совершивших преступления. Такая тенденция ведет к ухудшению криминологической обстановки и росту преступности в стране.

Во-вторых, именно категория граждан, освободившихся из мест лишения свободы, как правило, не имеет жилья, семьи, работы и соответственно денежных средств для существования. То есть после лишения свободы бывший заключенный попадает в бедственное положение, что толкает его к стремлению улучшить свои жизненные условия, чаще всего преступным путем.

Недавно Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) заявил, что государства несут позитивное обязательство по обеспечению реабилитации, и настаивал на том, чтобы акцент на реабилитации стал обязательным фактором, который государства-члены должны учитывать при разработке своей уголовной политики. Данный факт неоспоримо актуализирует политику ресоциализации и реабилитации для государства.

Концепция реабилитации в прошлом была источником споров. Реабилитацию критики часто рассматривали как противоречащая правам личности. Утверждалось, что реабилитация может использоваться как предлог для длительного тюремного заключения, и применялись непропорциональные и навязчивые методы лечения, такие как медикаментозная терапия. Такое неправильное использование концепции реабилитации часто приводило к эффекту, противоположному желаемому. После того как в 1980-х годах концепция реабилитации была дискредитирована, этот термин был заменен концепцией «социальной реабилитации» или «социальной (ре)интеграции». А совсем недавно реабилитация вновь обрела легитимность.

---

[1] © Знобищева А. С., 2022.

Со временем принцип реабилитации приобрел важное значение в прецедентном праве Суда на основании различных положений Конвенции. Границы реабилитации постепенно определялись в прецедентном праве ЕСПЧ. По мнению ЕСПЧ Европейская конвенция по правам человека не гарантирует право на реабилитацию как таковое. Однако Суд заявил, что «акцент на реабилитации и реинтеграции стал «обязательным фактором», который государства-члены должны принимать во внимание при разработке своей уголовной политики». Совсем недавно ЕСПЧ впервые указал, что реабилитация является «позитивным обязательством» со стороны государства.

Этот принцип также присущ ряду документов, которым Суд придает большое значение, несмотря на их необязательный характер (см, например, правило 6 Европейских тюремных правил, которое предусматривает, что все содержание под стражей должно осуществляться таким образом, чтобы облегчить реинтеграцию в свободное общество лиц, которые были лишены свободы) [1]. Принцип реабилитации также отражен в международном праве. Например, ст. 10(3) Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) требует, чтобы «пенитенциарная система включала обращение с лицами, основной целью которого должно быть их исправление и социальная реабилитация». На европейском уровне социальная реабилитация упоминается в двух европейских рамочных решениях как цель (трансграничного) исполнения приговоров о лишении свободы, постановлений о пробации и других видов альтернативных санкций. Однако все эти правила носят общий характер и не дают представления о том, как должна выглядеть реабилитационная политика в тюрьмах на практике.

В настоящее время в европейском и международном праве существует четкая поддержка принципа, согласно которому всем заключенным, включая тех, кто отбывает пожизненное заключение, должна быть предложена возможность реабилитации и перспектива освобождения в случае достижения этой реабилитации.

Ранее реабилитация была признана как средство предотвращения рецидивизма, но в последнее десятилетие все активнее она включает идею ресоциализации через воспитание личной ответственности. Принцип прогрессии усиливает цель личной ответственности. Этот принцип подразумевает, что во время отбывания наказания заключенный должен постепенно продвигаться через тюремную систему, переходя от первых дней отбывания наказания, когда акцент может быть сделан на наказании и возмездии, к последним стадиям, когда акцент должен быть сделан на подготовке к освобождению [2].

Хотя одна из основных функций тюремного заключения – защита общества, Суд также признает законную цель политики постепенной социальной реинтеграции лиц, отбывающих тюремное заключение. Это представляется разумным, хотя реабилитация возможна только в том случае, если государства проводят такую тюремную политику, которая предоставляет заключенным широкие возможности для самореабилитации. Именно по этой причине ЕСПЧ признает до-

стоинство такой меры, как временное освобождение, которое позволяет социальную реинтеграцию заключенных, даже если они были осуждены за насильственные преступления.

Позитивное право на реабилитацию требует уголовной политики, которая уважает человеческое достоинство заключенных. Человеческое достоинство – важное основание для реабилитации, поэтому оно также должно лежать в основе уголовной политики государства. Как заявил ЕСПЧ, было бы несовместимо с человеческим достоинством насильственно лишать человека свободы, не стремясь реабилитировать его. В этой связи ЕСПЧ отмечает, что «хотя статья 3 Конвенции не может быть истолкована как налагающая на власти абсолютную обязанность предоставлять заключенным программы и мероприятия по реабилитации и реинтеграции, такие как курсы или консультации, она требует от властей предоставить пожизненно заключенным шанс, пусть даже отдаленный, когда-нибудь вновь обрести свободу. Чтобы этот шанс был реальным и ощутимым, власти также должны предоставить пожизненно заключенным «надлежащую возможность» реабилитироваться». По мнению Суда, это не означает, что государства несут ответственность за достижение реабилитации пожизненно заключенных. Это обязательство средств, а не результата.

По мнению ЕСПЧ обязательство предоставлять возможность реабилитации «влечет за собой позитивное обязательство обеспечивать пожизненным заключенным тюремный режим, который совместим с целью реабилитации и позволяет таким заключенным добиваться прогресса на пути к реабилитации» [3]. Такое обязательство существует в ситуациях, когда именно тюремный режим или условия содержания препятствуют реабилитации. Это требует позитивных действий государства по содействию реабилитации, что означает усилия государства по предотвращению и нейтрализации нежелательных вредных побочных эффектов лишения свободы. Это подразумевает, что реабилитационные мероприятия должны ограничивать пагубные последствия самого содержания под стражей [4, с. 91]. Как режим, так и условия содержания, заключенного могут иметь отношение к вопросу о том, предоставляется ли заключенному (пожизненно) возможность для реабилитации. Одним из аспектов тюремного режима и условий содержания, который может серьезно помешать заключенному в его процессе реабилитации, является ограничение контактов с внешним миром.

Государства должны проводить оценку каждого конкретного случая, чтобы определить, что подразумевает «надлежащая возможность реабилитации» для конкретного заключенного. При рассмотрении вопроса о реабилитации индивидуальные потребности заключенных должны быть ведущими при определении предоставляемых реабилитационных мероприятий. Индивидуальные потребности будут варьироваться от случая к случаю. Например, предоставление пожизненно заключенному «значимой повседневной деятельности и деятельности, направленной на улучшение социального функционирования», будет недостаточно, если пожизненно заключенный страдает от серьезных проблем с психическим здоровьем, из-за которых он продолжает представлять опасность для общества, и поэтому не имеет права на освобождение.

Рассмотрим внедрение и использование реабилитации в Германии и Нидерландах.

Закон о тюрьмах Германии определяет «ресоциализацию» как главную цель тюремного заключения, в связи с которой должны оцениваться все ограничения, налагаемые на заключенных. Однако, по мнению немецких ученых и других экспертов, понятие ресоциализации остается расплывчатым. Значение этого понятия зависит от того, кто и с какой целью его применяет [5].

Несмотря на эту неясность, концепция ресоциализации не подвергалась серьезному сомнению в Германии с 1970-х годов. Это произошло благодаря решению Федерального конституционного суда Германии (Bundesverfassungsgericht) в 1973 г., в котором суд признал право на ресоциализацию в качестве неотъемлемой части прав, гарантированных конституцией. Из этого решения следует, что социальная реинтеграция опирается на два конституционных столпа [6]. Во-первых, принцип ресоциализации вытекает из уважения человеческого достоинства: люди имеют право на достоинство и право на свободное развитие своей личности (ст. 1 и 2 Основного закона). Во-вторых, он основан на представлении о том, что социальная реинтеграция – цель, к которой должна стремиться уголовно-исполнительная система, в соответствии с конституционным принципом «социального государства» (Sozialstaatsprinzip, ст. 20 (3) Основного закона).

В голландском законодательстве значение концепции ресоциализации ограничено сроком отбывания наказания, а не работой с правонарушителем после отбытия наказания [7]. В отношении наказаний, связанных с лишением свободы, принцип ресоциализации был закреплен в голландском законодательстве с 1951 г. Вскоре После Второй мировой войны правовое положение заключенных было значительно улучшено благодаря принятию, в частности, Закона о пенитенциарных принципах.

В отличие от Германии, концепция ресоциализации стала предметом дебатов в Нидерландах в последние годы. В результате форма и содержание этого принципа значительно изменились. Это лучше всего отражено в недавнем изменении статьи, которая определяет этот принцип [8]. С 1951 г. эта статья гласила: «Сохраняя характер наказания в виде лишения свободы, исполнение такого наказания должно быть в максимально возможной степени подчинено подготовке лица к возвращению в общество». С 1 июля 2015 г. эта статья была изменена и стала более строгой, поскольку ресоциализация была поставлена в зависимость от «поведения заключенного». Кроме того, в статье указано, что «при принятии решения о ресоциализации заключенного должны учитываться защита общества и интересы жертв или их оставшихся в живых родственников» [9].

Таким образом, голландская концепция ресоциализации резко контрастирует с немецкой концепцией. Хотя голландское законодательство формулирует ресоциализацию как наказание, эта концепция в Нидерландах применяется гораздо более узко, поскольку она применяется исключительно к заключенным, которые мотивированы на исправление.

Признание принципа реабилитации в качестве позитивного обязательства со стороны государства очень важный шаг в этом направлении. ЕСПЧ четко заявил, что государства обязаны предоставлять (пожизненно) заключенным надлежащую возможность для реабилитации. Это позитивное обязательство может быть истолковано на основе уважения человеческого достоинства, которое лежит в основе системы Европейской конвенции. Что подразумевает «надлежащая возможность» для реабилитации, зависит от конкретных обстоятельств дела. При рассмотрении вопроса о реабилитации индивидуальные потребности заключенных должны быть ведущими при определении реабилитационных мероприятий.

Список литературы

1. Совет Европы. Комитет министров и др. Европейские тюремные правила. – 2006.

2. Диксон, Б. Права человека и Верховный суд Соединенного Королевства / Б. Диксон // OxfordUniversityPress. – 2013.

3. Albuquerque M., Potocki M., SilvisG. Murrayv. Netherlands1 (заявление № 10511/10) Европейский суд по правам человека (Большая палата). – 2016. – 26 April.

4. Tham H. Swede N, ScaNdINavIaaNdweSterNeuroPe // P olítica criminal y libertad: Cátedra de InvestigaciónCientífica del Centro de InvestigaciónenPolítica Criminal. – 2015. – № 5. – P. 91.

5. Cornel, H. ZumBegriff der Resozialisierung / Cornel, H., Kawamura-Reindl, G., Maelicke, B., Sonnen B., R.(Hrsg.) // Resozialisierung. Handbuch. – 2009. – № 3. – P. 27–60.

6. Моргенштерн, С. Судебная реабилитация в Германии-использование судимостей и снятие зарегистрированных обвинительных приговоров / С. Моргенштерн // Европейский журнал пробации. – 2011. – № 1. – Т. 3. – С. 20–35.

7. Судебная реабилитация в Нидерландах: баланс между безопасностью и конфиденциальностью / [М. Бун и др.] // Европейский журнал пробации. – 2011. – Т. 3. – № 1. – С. 63–78.

8. Meijer, S. Реабилитациякакпозитивноеобязательство / S. Meijer // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. – 2017. – № 25. – № 2. – P. 145–162.

9. Van Der Merwe C. Европейское кондоминиумное право // CambridgeUniversityPress. – 2015.

Иванов А. В.[1]*,*
адъюнкт кафедры
гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
магистр наук

Безбородова Л. А.[2]*,*
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВТОРЖЕНИЕ В ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРАВОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Появление в ходе исторического развития термина «права человека» стало научной догадкой, постепенно превратившееся в подлинно научную концепцию. Это понятие изначально неразрывно связано с появлением, развитием и распространением идей естественного права. Право на неприкосновенность частной жизни теорией права относится к естественным правам, т. е. к правам, которые присущи человеку по самому факту его рождения. Указанное право относится к личным (гражданским) правам и свободам, которые можно определить как возможности индивида оградить себя от незаконного и нежелательного вмешательства в личную жизнь, обеспечить автономное существование. Теория права включает право на неприкосновенность частной жизни: запрет на сбор, хранение, распространение информации о жизни лица, право на защиту чести и достоинства, право на защиту персональных данных, тайну усыновления, врачебную тайну, тайну связи, право на неприкосновенность жилища.

Еще древнегреческие мыслители утверждали, что все люди равны от рождения и имеют одинаковые, обусловленные природой права. Впервые законодательное выражение представления о естественных правах человека получили в Конституции американского штата Вирджиния (Вирджинская декларация 1776 г.), в Декларации независимости США (1776 г.), а затем в Билле о правах 1791 г., представлявшем собой десять поправок к Конституции США 1787 г. В 1789 г. [1, с. 200–201].

Сегодня естественные права охраняются международным сообществом путем закрепления их в основополагающих документах, а именно таких как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и поли-

[1] © Иванов А. В., 2022.
[2] © Безбородова Л. А., 2022.

тических правах, Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Однако только путем закрепления на законодательном уровне в отдельно взятом государстве естественное право официально признается правом гражданина этого государства. Без отражения естественного права в государственном нормативном правовом акте сомнительна возможность его защиты как на государственном, так и на международном уровне.

Так, в ст. 2 Конституции Республики Беларусь установлено, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. В ст. 28 Конституция Республики Беларусь провозгласила: «Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство» [2]. Закрепив указанное положение в Основном законе, законодатель признал тем самым неприкосновенность частной жизни неотъемлемым конституционным правом.

Статья 2 Конституции Российской Федерации, гласит, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства [3]. Неприкосновенность сведений о частной жизни лица в Российской Федерации охраняется ст. 23 и 24 Конституции Российской Федерации.

Гарантией соблюдения конституционных прав и свобод личности, сведений о частной жизни является установление уголовной ответственности за незаконное собирание либо распространение информации о частной жизни, составляющей личную или семейную тайну человека.

В Республике Беларусь за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных предусмотрена уголовная ответственность согласно ст. 203^1 Уголовного кодекса [4]. Диспозиция указанной статьи гласит, что ответственность предусмотрена за сбор, предоставление информации о частной жизни и/или персональных данных другого лица без его согласия. Санкция указанной статьи предусматривает максимальное наказание в виде пяти лет лишения свободы, что соответствует преступлению, относящемуся к категории менее тяжких. В ст. 203 вышеуказанного кодекса предусмотрена ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, в ст. 202 – за нарушение неприкосновенности жилища.

Так, в ходе научно-исследовательской работы автора имелось обращение в Витебский областной суд, где было получено пояснение заместителя председателя суда о том, что количество дел в уголовно-правовом и гражданско-правовом порядке, в рамках которых бы рассматривались посягательства на неприкосновенность частной жизни, на территории Витебской области незначительно. Граждане фактически не обращаются в суд за защитой названного права. Был приведен единственный пример: Приговором суда Докшицкого района от 25 ноября 2019 г. Дементьев И. А. признан невиновным в незаконном собирании либо распространении сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну другого лица, без его согласия, повлекшее причинение вреда правам, свободам и законным интересам потерпевшего. Данное уголовное дело было возбуждено по заявлению гражданина, который счел

нарушением неприкосновенности своей частной жизни установку Дементьевым И. А. на своем участке систем видеонаблюдения.

Статья 137 УК РФ предусматривает ответственность за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрируемом произведении или СМИ [5]. Сведения о частной жизни лица можно собирать, например, путем наблюдения, опросов, прослушивания, копирования, похищения документов. Третья часть указанного состава преступления предусматривает максимальное наказание в виде 5 лет лишения свободы.

Непосредственным объектом этого преступления выступает право на частную жизнь, охраняемую правом, индивидуальную, социальную ценность личности, тайну личных и семейных отношений. Предметом преступления могут быть сведения (информация) о частной жизни лица, составляющие его личную и семейную тайну независимо от характера.

Никто не вправе вторгаться в охраняемую Конституцией и законом личную жизнь человека, включающую в себя семейно-бытовые отношения, тайну переписки и телефонных переговоров, посягать на честь и достоинство личности. Без согласия личности или специального полномочия, иначе называемого санкцией, такие действия признаются незаконными. В соответствии с законодательством об оперативно-разыскной деятельности в целях предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия преступлений могут осуществляться оперативно-разыскные мероприятия (далее – ОРМ), например, опрос, наведение справок, наблюдение, проверочные закупки и др. [6]. Значительное количество ОРМ проводится с санкции соответствующих прокуроров или их заместителей. То есть при наличии дозволения в виде санкции на оперативно-служебном документе, могут быть ограничены конституционные права человека, в том числе его конституционное право на неприкосновенность частной жизни. Однако ряд ОРМ проводится по решению должностного лица органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность или по постановлению, т. е. в случаях и в контексте отдельно взятых ОРМ, санкция прокурора и его заместителя не требуется.

Пленум Верховного суда постановлением «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина» пояснил, что, решая вопрос о наличии в деле состава преступления «Нарушение неприкосновенности частной жизни», нужно выяснить, не являются ли действия виновного за разглашение, охраняемой законом, тайны частной жизни, умышленными. Исключена ответственность за сбор и (или) хранение таких сведений в государственных, общественных интересах, а также в случае, если сведения о частной жизни лица стали известны общественности по причине действий самого гражданина или с его согласия [7].

По статистике, в 2017 г. в России по ст. 137 УК были осуждены 63 чел., в 2016 г. – 50 чел.

Таким образом, неприкосновенность частной жизни и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь охраняется на законодательном уровне, будучи

закрепленной как в конституциях, в качестве неотъемлемого, признаваемого государством естественное право личности, так и в уголовных кодексах, санкция статей в которых предусматривает до 5 лет лишения свободы за посягательства на указанные общественные отношения. В контексте строительства Союзного государства видится перспективным унификация законодательства двух государств в вопросах неприкосновенности частной жизни.

Список литературы

1. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права : учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбаток, В. А. Кучинский; под ред. В. А. Кучинского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во деловой и учеб. литературы, 2006. – 656 с.

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп. от 24.11.1996, 17.10.2004. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (изм. и доп. Закон Респ. Беларусь от 05.01.2022 № 146-З) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ : принят Государственной Думой 24.05.1996 : одобр. Советом Федерации 05.06.1996 : в ред. Федер. закона от 08.12.2020 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

6. Закон Республики Беларусь от 06.01.2021 № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 20.02.2022).

Иванова Е. Д.[1]*,*
адъюнкт 1 года обучения ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Преступность среди несовершеннолетних становится все более серьезной проблемой в современном обществе. Подростковый возраст – это важнейший жизненный этап, когда молодые люди формируют свое собственное социальное поведение, и делинквенты, как правило, совершают свои первые, в основном мелкие, преступления именно раннем возрасте. Молодые правонарушители часто страдают от поведенческих и эмоциональных проблем, которые впоследствии могут спровоцировать серьезное антисоциальное поведение или поведенческие расстройства.

Возникновение преступности несовершеннолетних обусловлено различными факторами, в том числе и социально-бытовые. Плохое отношение к ребенку, отсутствие заботы, асоциальное поведение родителей, вовлечение несовершеннолетнего в девиантную компанию сверстников – все это самостоятельно и в совокупности может в дальнейшем с большой вероятностью спровоцировать противоправное поведение подростка. Несовершеннолетние, сталкивающиеся с проявлением антисоциального поведения в своем социальном окружении автоматически попадают в группу повышенного риска, требующую от органов государственной власти активных действий. Однако для того, чтобы определить, как социально-бытовые факторы обусловливают противоправное поведение несовершеннолетних, рассмотрим пример опыта американских исследователей.

Проблема существования связи между жестоким обращением и делинквентностью является одной из основополагающих при изучении данного вопроса. Под жестоким обращением с детьми понимается не только применение различного рода физических наказаний к подросткам, но также и ситуации, когда дисциплина, используемая в отношении детей, чрезмерно строга и недостаточно контролируема родителями. Например, в исследовании 884 городских подростков группа американских ученых во главе с Керолайн Смит изучили влияние жестокого обращения в подростковом возрасте на дальнейшие правонарушения [1]. Результаты проведенного исследования позволили выявить, что около 35 % подростков, которые совершили различные правонарушения, были подвержены жестокому обращению в возрасте до 12 лет, и около 9 % подростков сталкивались с ним в возрасте от 12 до 17 лет. Согласно исследованию другого американского ученого, Сары Видал, почти 3 % детей в возрасте от 12 до 17 лет, подвергшихся жестокому обращению, были офици-

[1] © Иванова Е. Д., 2022.

ально вовлечены в совершение противоправных действий в среднем в течение шести лет после их первоначального обращения в социальные службы по поводу жестокого обращения [2]. Кроме того, исследования показали, что формирование и развитие антиобщественных установок, приводящих к вовлечению в преступную среду, прямо пропорционально связано с частотой и тяжестью жестокого обращения с подростками.

Однако влиять на развитие антисоциальных установок может не только негативное отношение непосредственно к самому несовершеннолетнему. Ввиду того что в подростковом возрасте процессы социализации осуществляются наиболее активно, воздействовать на еще не окончательно сформировавшуюся психику ребенка не представляет большого труда. Поэтому неблагоприятное семейное окружение может детерминировать противоправное поведение несовершеннолетнего. Согласно международным исследованиям подростки из неблагополучных семей, где преобладают менее стабильные отношения и более низкий уровень социальной поддержки, чаще всего сталкиваются с девиацией в их поведении [3].

Особенный фактор, обусловливающий противоправное поведение несовершеннолетних, это социальное неравенство. Согласно мнению ученых из США, статус расового/этнического меньшинства, возраст, пол в значительной степени предсказывают вероятность появления отклоняющегося поведения среди несовершеннолетних. Например, приводятся данные, согласно которым вероятность того, что латиноамериканские и афроамериканские дети будут вовлечены в совершение антиобщественных действий, выше, чем у белых детей и других групп меньшинств. Это подтверждает и статистика, согласно которой афроамериканские подростки чаще привлекаются к ответственности за тяжкие преступления и признаются преступниками, чем белые подростки [4].

Вовлечение в преступную среду обычно наблюдается по мере взросления ребенка и это, прежде всего, связано с приобретением и развитием в процессе социализации негативных качеств личности. Например, приобретая такие качества, как импульсивность, восприимчивость к давлению и влиянию сверстников, стремление к обособлению и полной самостоятельности, подросток все больше обнаруживает риски формирования антиобщественной направленности личности. И в результате взаимодействие между этими изменениями личности несовершеннолетнего и накоплением рисков в процессе развития приводит к тому, что подросток становится на путь систематического совершения правонарушений и преступлений.

Американские исследователи сделали вывод о том, что мальчики по сравнению с девочками чаще становятся участниками противоправных действий. Особенно это заметно при рассмотрении реакции несовершеннолетнего на жестокое обращение. Исследования показали, что последствия жестокого обращения различаются в зависимости от пола несовершеннолетнего: у мальчиков чаще развиваются экстернализационные проблемы, а у девочек – интернализация, т. е. в данном случае освоение внешних структур лицами женского пола, происходит так, что в результате него эти аспекты внешнего мира становятся внутренними регуляторами. Это подтверждает тот факт, что

связь между жестоким обращением в детстве и делинквентным поведением у мальчиков сильнее, чем у девочек.

Таким образом, зарубежные ученые выделяют три основных направления социально-бытовых факторов, обусловливающих развитие противоправной направленности личности несовершеннолетнего: жестокое обращение с подростками; влияние обстановки внутри семьи, семейного окружения на несовершеннолетнего; различия по признаку расы, возраста, пола. При этом на формирование антиобщественной установки личности может влиять как один из указанных факторов, так и несколько в совокупности, и для успешной социализации несовершеннолетнего необходимы полное устранение и минимизация воздействия каждого из них.

Список литературы

1. Smith C. A., Ireland T. O., Thornberry T. P. Adolescent maltreatment and its impact on young adult antisocial behavior // Child Abuse & Neglect. – 2005. – № 29. – P. 1099–1119.

2. Vidal S., Prince D., Connell C.M., Caron C.M., Kaufman J.S. &Tebes J.K. Maltreatment, family environment, and social risk factors: Determinants of the child welfare to juvenile justice transition among maltreated children and adolescents // Child abuse & neglect. – 2017. – № 63. – P. 7–18.

3. Herz D. C., Ryan J. P., Bilchik S. Challenges facing crossover youth: An examination of juvenile-justice decision making and recidivism // Family Court Review. – 2010. – № 48. – P. 305–321.

4. Bishop D. M., Leiber M., Johnson J. Contexts of decision making in the juvenile justice system: An organizational approach to understanding minority overrepresentation // Youth Violence and Juvenile Justice. – 2010. – № 8. – P. 213–233.

Иванова П. С.[1]*,*
курсант 811 учебного взвода
ИПСД ОВД
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кудалина И. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью – это специфическая деятельность государств и других участников международного общения в сфере предупреждения преступности, борьбы с ней и обращения с правонарушителями. Объем, основные направления и формы этого сотрудничества определяются содержанием и особенностями преступности как явления конкретного общества, в значительной степени – национальной политикой государства в борьбе с преступностью и терроризмом. Сотрудничество государств в этой сфере тесно связано с определенным историческим уровнем развития международного сотрудничества и противостояния в целом в политической, социально-экономической, гуманитарной, культурной, правовой, военной и других областях, включая обеспечение безопасности личности, национального общества, государства и мирового сообщества [3, с, 17].

Общепризнанным центром, организующим и координирующим международные связи, является ООН – универсальная межправительственная организация, действующая на основании специального международного договора – Устава и Статута Международного суда ООН [1].

Основные задачи ООН, согласно ее Уставу, – обеспечение и поддержание мирных отношений на Земле, однако ООН успешно содействует сотрудничеству государств и в иных производительных направлениях. Одной из сфер такого сотрудничества является обмен опытом в области предупреждения преступности, борьбы с ней и содействия гуманному ресоциализационному обращению с правонарушителями. Эта сфера – сравнительно новое направление деятельности органов ООН, начало которому было положено в 1950 г., когда была упразднена Международная уголовная и пенитенциарная комиссия – МУПК (создана в 1872 г.), а ее функции приняла на себя ООН. К борьбе с терроризмом ООН активно подключилась с 1972 г. [1].

---

[1] © Иванова П. С., 2022.

Для данной области сотрудничества специфическим является прежде всего то, что она затрагивает сугубо внутренние аспекты жизни конкретных государств. Причины, порождающие преступность, как и меры предупреждения и борьбы с ней, средства перевоспитания лиц, совершивших преступления, формируются и развиваются в каждом государстве по-своему. Они испытывают влияние основных политических и социально-экономических, а также таких конкретных факторов, которые обусловлены особенностями сложившихся в тех или иных государствах правовых систем, исторических, религиозных, культурных традиций.

Здесь, как и в других областях сотрудничества, касающихся проблем экономического, культурного и гуманитарного характера, требуется точное и неуклонное соблюдение норм и принципов, закрепленных в Уставе ООН, составляющих прочный фундамент, на который должна опираться деятельность ООН.

Ряд факторов предопределяет актуальность и развитие международного сотрудничества в области предупреждения преступности, борьбы с ней и обращения с правонарушителями: существование преступности как объективно обусловленного социального явления конкретного общества вызывает необходимость обмена накопленным государствами опытом борьбы с ней; у международной общественности все большее беспокойство вызывают правонарушения и преступные действия транснациональных преступных объединений; большой ущерб причиняет организованная преступность – неотъемлемая и все увеличивающаяся часть общеуголовной преступности; существенной проблемой для государств остается незаконный оборот наркотиков, угон самолетов, пиратство, торговля женщинами и детьми, легализация преступных доходов, акты терроризма и международного терроризма.

В настоящее время сложился ряд направлений международного сотрудничества по предупреждению преступности, борьбе с ней и обращению с правонарушителями, существующих на двустороннем, региональном и универсальном уровне.

Генеральный секретарь Интерпола Юрген Сток в своем выступлении на заседании Генеральной Ассамблеи в Дубае заявил, что партнерские отношения с региональными органами играют важную роль в создании мощной архитектуры глобальной безопасности.

«В условиях растущего давления на ресурсы правоохранительных органов мы должны избегать дублирования усилий, если хотим эффективно работать над тем, чтобы сделать мир более безопасным местом», – сказал Генеральный секретарь Юрген Сток [2].

«Мы также должны использовать достижения в области технологий на благо полиции во всем мире, и ИНТЕРПОЛ имеет уникальные и идеальные возможности для этого, особенно в том, что касается предоставления жизненно важных биометрических данных во всем мире», – добавил глава Интерпола [2].

Основное внимание уделяется развитию международного полицейского сотрудничества между странами-участницами и выявлению возможностей для

расширения использования глобального полицейского потенциала Интерпола в поддержку контртеррористических расследований.

Цель заключается в выявлении возможностей для расширения использования глобальных полицейских возможностей Интерпола в расследованиях по борьбе с терроризмом.

«Борьба с терроризмом и его инструментами требует исключительных усилий на региональном и международном уровнях, чтобы противостоять ему во всех его формах, пресечь источники его финансирования и отразить все попытки его распространения. Региональные и международные усилия необходимы для предотвращения и пресечения всех форм терроризма, защиты жизней невинных граждан и содействия обеспечению безопасности в мире».

Интерпол намерен продолжать объединять экспертов по борьбе с терроризмом и представителей национальных центральных бюро Интерпола из регионов для содействия обмену разведданными и сотрудничеству.

Список литературы

1. Устав ООН 1945 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ (дата обращения: 20.02.2022).

2. Spotlight on role of inter-regional cooperation in addressing terrorist threats. 2020 // Официальный сайт Интеропла. – URL: https://www.interpol.int/ (дата обращения: 20.02.2022).

3. Квашис, В. Преступность как глобальная угроза / В. Квашис. – М. : Юридический мир, 2011.

Иванюшин Д. В.[1],
адъюнкт ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК «УСЛУГА»: ТЕМНЫЕ РЫНКИ ВРЕДОНОСНОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Подпольный рынок эксплойтов или программных уязвимостей операционных систем «багов» существует как минимум с 1990-х годов, хотя неофициальный обмен этими уязвимостями восходит к рассвету компьютеров. Читатели постарше, возможно, помнят о телефонном подлоге и о том, как Массачусетский клуб моделирования железных дорог в 1960-х годах способствовал формированию субкультуры хакеров. С тех пор она преобразилась в глобальный рынок по продаже эксплойтов и наборов эксплойтов, а также инструментов взлома, таких как Blackhole, Zeus и Spyeye. Пользователей таких «готовых» вредоносных программ иногда называют «детьми скрипта», поскольку для их использования требуются лишь базовые навыки программирования.

Российский рынок кардинга, возникший в 1990-х годах как онлайн-форумы для продажи украденных кредитных карт и личных данных, превратился в сложное коммерческое предприятие, имитирующее легальные онлайн-рынки, например e-Bay. Индустриализация рынка киберпреступности быстро развивалась с появлением VPN и Tor в середине 2000-х годов. В докладе Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC) 2013 г. «Всеобъемлющее исследование Управления ООН по наркотикам и преступности» (УНП ООН), проведенное в 2013 г. по киберпреступности, показало важность этих рынков для распространения монетизированных хакерских инструментов. В отчете RAND за 2014 г. об этих хакерских рынках отмечается: «Черные и серые рынки хакерских инструментов, хакерских услуг и плодов хакерства привлекают все большее внимание, поскольку все больше атак и механизмов атак так или иначе связаны с такими рынками». Далее в отчете отмечается, что рынки: ... превратились в игровую площадку для финансово мотивированных, высокоорганизованных и изощренных групп» [1]. Рынок хакерских инструментов и услуг может быть даже более прибыльным, чем незаконная торговля наркотиками. Связи с конечными пользователями более прямые, а поскольку распространение по всему миру осуществляется электронным способом, требования к ним незначительны.

Пример: «киберпреступность как услуга».

В настоящее время в так называемом «даркнете» аренда загрузчика ботнета, используемого для стресс-тестирования сетей или отвлечения цели при вторжении, может быть арендована за 60 долл. США в день или 400 долларов США в неделю – предлагаются скидки. Программы-вымогатели широко рекламируются на досках объявлений черного рынка в темной паутине. Программа-

[1] © Иванюшин Д. В., 2022.

вымогатель, которая блокирует компьютер пользователя, отображает на экране неприемлемый контент, и транслирует информацию о том, что разблокировать компьютер возможно лишь после оплаты на указанный банковский счет. Она широко рекламируется на досках объявлений темной сети черного рынка с помощью одной услуги – набора программ-вымогателей Radamant, первоначально размещенного на русском языке и доступного за 1000 долл. в месяц [2]. Скомпрометированные веб-сайты и серверы являются эффективными средствами распространения вредоносных программ и запуска атак.

Доступ к таким взломанным сайтам можно приобрести у поставщика услуг под названием «преступление как услуга» всего за 15 долл. США за украденные логины, а доступ к электронной почте жертвы стоит дороже [3]. Услуги «пуленепробиваемого» хостинга (BPHS) помогают злоумышленникам сделать свои фишинговые сайты и инфраструктуру управления и управления более устойчивыми к блокировкам и другим действиям правоохранительных органов. BPHS предоставляют определенный IP-адрес, а также место на жестком диске и память. Учетная запись с IP-адресом, со 100 Гб дискового пространства и 2 Гб оперативной памяти может стоить всего 70 долл. США, а базовая одноразовая учетная запись стоит около 5 долл. США [4]. Наборы эксплойтов являются эффективным средством для запуска вторжений и требуют низких технических возможностей: распространенные «наборы» включают базовый «NuclearExploitKit», арендуемый за $50 в день, $400 в неделю или $600 в месяц, и «SweetOrangeExploitKit», арендуемый за $450 в неделю, $1,800 в месяц [5]. Украденные данные кредитных карт также широко доступны в различных формах. Например, McAfee сообщает, что номер американской платежной карты, включая CVV2, стоит $5–$8, но с идентификационным номером банка – около $15; а номер карты со всеми данными о карте и владельце («Fullz») может стоить $30 [6].

Банковские счета онлайновых платежных сервисов, цены на доступ к этим счетам зависят от объема хранимых средств. McAfeeLabs сообщила в 2015 г., что банковская карта с балансом от 400 до 1000 долл. будет стоить 20–50 долл.; с балансом от 1000 до 2500 долл. – 50–120 долл.; с балансом от 2500 до 5000 долл. – от 120 до 200 долл.; и с балансом от 5000 до 8000 долл. – от 200 до 300 долл. Медицинские данные также можно приобрести на незаконных рынках и использовать для мошенничества со страхованием, и, как сообщается, пакет из 10 номеров Medicare был предложен за 4700 долл. Эти рыночные инновации демонстрируют насколько традиционные преступления, такие как кражи и мошенничества, эволюционировали с помощью цифровых технологий. Некоторые уязвимости операционных систем, как сообщается, были проданы за 900 тыс. долл. По словам Влада Цырклевича из хакерской команды, рынок эксплойтов предлагает различные цены на различные эксплойты. Эксплóйт (англ. exploit, эксплуатировать) – компьютерная программа, фрагмент программного кода или последовательность команд, использующие уязвимости в программном обеспечении и применяемые для проведения атаки на вычислительную систему нулевого дня (0-day – термин, обозначающий неустранённые уязвимости, а также вредоносные программы, против которых ещё не разработаны защитные механизмы). Более высокие цены платятся за более безопасные системы, такие как

AppleiOS–iPhone, а более низкие сборы за старые устаревшие операционные системы, например Windows XP. Нелегальный рынок киберуслуг работает упорядоченно, с возможностью тестирования и оценкой продукта перед покупкой, и похож на легальный бизнес в том, что он стремится создать стабильную, надежную услугу, поощряющую повторное использование для создания базы постоянных клиентов.

Учитывая, что потребность кибериндустрии в тестировщиках, проверяющих защиту от несанкционированного проникновения в киберсреду, возросла и набирает популярность, а агентства национальной безопасности наращивают свои кибераршеналы по противодействию преступности, ценность высококачественных эксплойтов (компьютерных программ, применяемых преступниками, использующих уязвимости в программном обеспечении и применяемые для проведения кибератак) значительно возросла.

Однако тайное приобретение эксплойтов (в противоправных целях) оставляет многих пользователей «даркнета» в неведении относительно той ответственности, которую они могут понести за их использование, т. е. подвергает их риску.

Однако незаконные покупки и использование эксплойтов дискредитируют законные проекты, которые платят вознаграждение за обнаружение уязвимостей в компьютерных программах и системах и делают их менее эффективными, поскольку они платят значительно меньше, чем высококвалифицированный программист может заработать на «черном рынке».

Список литературы

1. Ablon et al. Markets for Cybercrime Tools // Rand.org. – URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR600/RR610/RAND_RR610.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

2. Abrams, L. 2015. Radamant Ransomware Kit for sale on Exploit & Malware Sites», 28 December // Bleepingcomputer. – URL: https://www.bleepingcomputer.com/news/security/radamant-ransomware-kit-for-sale-on-exploit-and-malware-sites/ (дата обращения: 20.02.2022).

3. Trend Micro. July // Rendmicro.com. – URL: https://www.trendmicro.com/vinfo/us/security/news/vulnerabilities-and-exploits/when-vulnerable-sites-go-bad-hijacked-websites-found-serving-ransomwar/ Krebs, Brian (Dec 18, 2017) The Market for Stolen Account Credential (дата обращения: 20.02.2022).

4. Goncharov, Max. 2015. Criminal Hideouts for Lease: Bulletproof Hosting Services, TrendMicro Research // Trendmicro.no. – URL: https://www.trendmicro.no/media/wp/wp-criminal-hideouts-for-lease-en.pdf/ (дата обращения: 20.02.2022).

5. Dell SecureWorks. 2016. Underground Hacker Markets // Secureworks.com. – URL: https://www.secureworks.com/resources/wp-underground-hacking-markets-report (дата обращения: 20.02.2022).

6. McAfee. 2013. Hidden Data Economy: The Marketplace for Stolen Information // Mcafee.com. – URL: https://www.mcafee.com/us/resources/reports/rp-hidden-data-economy.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

Капустина Д. А.[1]*,*
курсант 319 учебного взвода
Института подготовки
сотрудников для органов
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Емельянова О. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОТНОШЕНИЕ К ПОЛИЦИИ ЗА РУБЕЖОМ

Отношение граждан к полиции – важный аспект деятельности правоохранительных органов, так как работа полицейского напрямую связана с взаимодействием с населением. Это отношение складывается из нескольких факторов: поведение сотрудников при поступлении жалоб и заявлений от граждан; эффективность контроля порядка; поведение полицейских в непредвиденных ситуациях в общественных местах; какие средства и методы используют для решения проблем различного характера; насколько честно и быстро выполняют свою работу; как СМИ освещают работу полиции. Также немаловажен внешний вид сотрудников, он должен быть опрятным и аккуратным, этот фактор играет немаловажную роль при первом взаимодействии гражданина с полицейским.

Каждый сотрудник полиции должен заботиться о повышении авторитета органов полиции, поскольку именно он формирует общее мнение населения о правоохранительных органах. В настоящее время существует ряд недовольств по отношению к полицейским, которые подрывают этот авторитет. К таким наиболее острым недовольствам относится обвинение сотрудников в коррупционных действиях и в непродуктивности их работы, связанной с тем, что зачастую наказанию подвергаются невиновные люди.

В России, согласно статистике МВД, за 2021 г. 57 % населения доверяют правоохранительным органам, а более трети граждан (37 %) хорошо оценивают работу полиции в своём регионе [1, с. 3]. То есть в сознании граждан Российской Федерации сформирован скорее положительный, чем отрицательный образ современного полицейского. Такой немаленький показатель был определен не только в России.

---

[1] © Капустина Д. А., 2022.

В Китае удаётся поддерживать уважительное отношение к сотрудникам правоохранительных органов, так как там особое внимание уделяется сохранению и улучшению положительного имиджа полицейского. Для этого существует особый комплексный подход. Деятельность полиции регламентируется Законом Китайской Народной Республики «О народной полиции», принятым 28 февраля 1995 г. В I Главе ст. 3 данного нормативного правового акта указывается, что «в своей работе служащие народной полиции должны опираться на поддержку масс, иметь с ними тесные связи, внимательно прислушиваться к их замечаниям и предложениям, принимать контроль с их стороны и честно служить народу».

Наличие этой статьи подтверждает идею о том, что сотрудники должны работать во благо народа. Закон также предусматривает и то, какими нравственными качествами должен обладать порядочный полицейский, а именно: беззаветная преданность своему долгу; честность; высокая дисциплинированность; подчинение приказам; неукоснительное подчинение законов в жизнь. Если каждый сотрудник будет соответствовать этим требованиям, то непосредственно будет повышаться уважение граждан к полиции. О том, что эти требования соблюдаются, говорят результаты опроса, проведенного в 2018 г. Выяснилось, что 70 % [2, с. 3] опрошенных считают себя защищёнными от преступных посягательств, благодаря успешной работе полицейских, а значит, испытывают доверие по отношению к сотрудникам правоохранительных органов.

Полиция Китая работает в тесном взаимодействии с гражданами. Об этом свидетельствует тот факт, что по всей стране существуют контактные пункты, которые служат общественным центром предотвращения преступлений. Такие народные объединения сообщают полиции о происшествиях и несчастных случаях, это помогает сотрудником быстрее предотвращать противоправные действия. Население проявляет инициативу в помощи полицейским, такая тенденция способствует уменьшению мелких бытовых преступлений, именно поэтому народ Китая чувствует себя в большей степени защищённым.

Ещё одной страной с высоким индексом доверия граждан сотрудникам правоохранительным органов является Швеция. По данным Европейского Социального Исследования в 2008 г. 91 % [3, с. 4], граждан Швеции доверяли полиции. На 2017 г. исследование SOMInstitute определило, что большая часть шведского населения доверяет полиции. Это связано с тем, что деятельность правоохранительных органов в основном направлена именно на своевременное предотвращение преступлений. Шведская полиция усердно работает над пресечением правонарушений различного характера ещё до того, как они будут совершены. Для этого они общаются с населением и журналистами, поэтому, по данным пресс-службы полиции Стокгольма Варга Гилландера, 70 % граждан понимают действия полиции.

Украина – страна с низким индексом доверия, который составляет всего 32 % [2, с. 65] по данным опроса, проводимого в 2021 г. Основной причиной такого отношения, является наличие в стране мелкого разбоя. Граждане не довольны частым нападениям вандалов, которые изувечивают исторические сооружения и различные памятники. При таких нападениях могут пострадать и

люди, поэтому гражданам неспокойно находится на улице в вечернее время суток, чувствуя себя незащищенными. Одно из недавних таких событий произошло 27 января 2022 г. в Харькове, где группа правонарушителей забросали яйцами мемориальную доску, посвящённую Юрию Шевелёву, и нанесли на неё рисунок со свастикой. И такие случаи на Украине происходят очень часто.

Проанализировав ситуацию в странах с разным индексом доверия к полиции, можно сделать вывод, что причины, по которым вызвано некое недоверие к правоохранительным органам, совершенно разные.

Список литературы

1. Официальный сайт Министерства Внутренних дел Российской Федерации. – URL: https://мвд.рф/publicopinion (дата обращения: 20.02.2022).

2. The European Social Servey // Data and Documentation by Theme\\Justice\\ESS5 Toplines Issue 1 – Trust in Justice. – URL: https://www.europeansocialsurvey.org/data/themes.html?t=justice (дата обращения: 20.02.2022).

3. Манцуров, Ю. А. Особенности тактики деятельности народной полиции Китайской Народной Республики при несении службы / Ю. А. Манцуров // Вестник московского университета МВД России. – 2009. – № 11.

4. Состояние правоохранительной системы в период пандемии: одобряет ли общество действия правоохранителей и как это связано с применением силы в кризисной ситуации // Фонд Демократической инициативы имени Ильи Кучерива. – URL: https://dif.org.ua/article/stan-pravookhoronnoi-sistemi-pid-chas-pandemii-chi-skhvalyue-suspilstvo-dii-pravookhorontsiv-ta-yak-stavitsya-do-zastosuvannya-sili-v-krizoviy-situatsii (дата обращения: 20.02.2022).

Квасюк Т. Я.[1]***,***
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук

Волков Д. О.[2]***,***
курсант 113 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников
оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ПОЛИЦИЯ ФИНЛЯНДИИ

Полиция Финляндии – это основной правоохранительный орган страны. Всего в полиции работает около 10 900 чел., из которых непосредственно полицейских 7700 (данные на 2012 г.). На одного полицейского приходится 681 гражданин. Женщины составляют 24 % общей численности сотрудников полиции и 11 % числа полицейских. На первый взгляд может показаться, что такого количества полицейских явно недостаточно, но финская полиция в любой момент времени может быть усилена личным составом пограничных войск Финляндии. Более того, финские пограничники в мирное время подчиняются министерству внутренних дел. Старший состав пограничников наделен полицейскими функциями, а в случаях массовых выступлений, демонстраций или общественных беспорядков финские пограничные войска превращаются в финскую полицию, а это 3,5 тыс. человек.

Задачи Финской полиции: охрана общественного порядка; обеспечение общественной безопасности, предупреждение и раскрытие преступлений, передача дел для поддержания обвинения, лицензионно-разрешительная работа, патрульно-постовая служба, контроль дорожного движения, обеспечение безопасности массовых мероприятий, выполнение других функций, указанных в законе.

Финская полиция активно участвует в международных гражданских полицейских операциях (ООН, ОБСЕ, ЕС). В международных операциях офицеры финской полиции осуществляют наблюдение, инструктаж, руководство и обучение местных офицеров полиции, составляют отчет о деятельности местной полиции.

В России офицеры финской полиции активно работают в Санкт Петербурге, Москве, Мурманске и Петрозаводске (в дипломатических и консульских представительствах Финляндии). Их основная обязанность – поддерживать контакт с российскими правоохранительными органами.

---

[1] © Квасюк Т. Я., 2022.
[2] © Волков Д. О., 2022.

Структура полиции Финляндии подчинена министерству внутренних дел и разделена на Национальное полицейское управление, два национальных подразделения и 11 местных полицейских управлений.

Первое звено структуры – Департамент полиции Министерства внутренних дел, который обеспечивает управление деятельностью полиции, осуществляет ее планирование и развитие. Департамент возглавляет Комиссар Национальной Полиции.

Подразделения в Департаменте:

а) надзорный орган;

б) оперативное полицейское подразделение;

в) подразделение международных связей;

г) подразделение планирования и составления бюджета;

д) административное подразделение.

Департамент полиции руководит тремя общегосударственными подразделениями полиции:

1. Национальное бюро расследований.

2. Национальная дорожная полиция.

3. Полиция безопасности.

Департамент полиции руководит образовательными учреждениями полиции (Национальная полицейская школа, Полицейский колледж).

Следующее звено финской полиции – губернские управления полиции, которые руководят деятельностью полиции в пределах соответствующей территории. Губернские управления также руководят деятельностью местной полиции.

Другое звено финской полиции – местная полиция. Она действует в границах уездов. Уездные полицейские управления осуществляют свою деятельность под руководством губернского полицейского управления. Задачами каждого уездного отдела полиции являются: поддержание всеобщего закона и порядка, предупреждение преступлений, раскрытие преступлений и иных событий, которые угрожают общественному порядку и безопасности, несение патрульно-постовой службы

Полицейский университетский колледж (Poliisiammat orkeakoulu, Polamk) является национальным университетским подразделением, отвечающим за общую подготовку, исследования и развитие полиции.

Сотрудником финской полиции может быть лишь гражданин Финляндии, достигший 18 лет, не судимый, имеющий соответствующее здоровье, получивший образование либо в полицейском образовательном учреждении, либо университетское образование

В полиции Финляндии установлены следующие ранги:

1. Национальный комиссар полиции; Заместитель Национального комиссара полиции.

2. Полицейский комиссар провинции; Начальник национального подразделения (Национального бюро расследования, Полиции безопасности, дорожной полиции).

3. Генеральный инспектор полиции, Генеральный инспектор полиции провинции; заместитель Начальника национального подразделения (Национального бюро расследования, Полиции безопасности, дорожной полиции).

4. Главный полицейский инспектор, главный полицейский, полицейский инспектор сельского поселения.

5. Главный суперинтендант, главный суперинтендант провинции, главный полицейский инспектор (дорожная полиция), глава администрации (дорожная полиция).

6. Главный инспектор, главный инспектор провинции, суперинтендант.

7. Главный инспектор.

8. Сержант.

9. Старший констебль.

10. Констебль, кадет.

Полиция Финляндии поддерживается двумя добровольными организациями: Vapepa, служба добровольного спасения, и SRVA, организация помощи в больших игровых ситуациях. Ни одна из организаций не использует полицейские полномочия во время миссий по оказанию помощи.

Наиболее типичная миссия поддержки Вапепы – поисковая миссия. Организация состоит из добровольцев, обученных поиску пропавших без вести лиц, которые могут быть предупреждены местной полицией о необходимости проведения обыска с разумным коротким временем реагирования.

Самой большой особенностью Финской полиции является то, что в финской полиции нет коррупции. Уровень доверия населения полиции очень высок (до 90 %) и гораздо выше, чем у парламента, правительства и президента.

Полиция организационно является единым формированием, а не несколькими различной ведомственной подчинённости и с пересекающейся компетенцией, как это имеет место в большинстве стран мира. Это сделано для противодействия возможным попыткам какой-либо группы правящих кругов монополизировать влияние на полицию. Финская полиция занимает первое место в мире по надежности полиции. Скорость появления на месте преступления полиции примерно 7–10 минут. В Финляндии интересная система доверия к гражданам. Пока не совершено какое-либо правонарушение, то это примерный гражданин, которому можно доверять, но если правонарушение совершено, то в компьютерной базе данных ставится галочка, которая на долгий период времени будет напоминать полицейским, что правонарушителю доверять не стоит.

Список литературы

1. Кононов, А. М. Муниципальная полиция за рубежом / А. М. Кононов // Конституционное и муниципальное право. – 1999. – № 1.

2. Мещеряков, А. Н. Полиция зарубежных стран (основы организации) : учебное пособие / А. Н. Мещеряков, Я. Л. Ванюшин. – Челябинск : Челябинский юридический институт МВД России. – 2005. – 95 с.

3. Правительство, министерство и ведомства в зарубежных странах. – М. : Юрид. лит., 1994.

Кеменяш Ю. В.[1]*,*
адъюнкт ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМА СИМУЛЯКРОВ В ПРАВЕ НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИНДОНЕЗИИ

Ряд зарубежных исследователей-правоведов понимают под симулякрами некий знак, символ, созданный в реальности, действительности, например, в средствах массовой информации или культуре, но на деле не существующий или в действительной реальности не отражаемый. Симулякры можно интерпретировать как модели, которые воспринимаются как реальные, но на самом деле существуют, не отражая сущности самого явления, его содержания. Симулякры обнаруживаются в различных сферах общественной жизни, и право не стало исключением. Одно из проявлений симулякров – существование их в качестве преступления, которое совершается путем наличия у лица определенной установки на умышленное предоставление публике недостоверной информации о событии или происшествии, которое формирует ложное представление у масс о реальности [1].

Реформирование уголовного права Индонезии обусловлено развитием информационных технологий, которые помогают человечеству существовать качественнее и продуктивнее, растрачивая меньшие временные затраты на удовлетворение потребностей и т. д. Поскольку симулякры представляют собой информацию, образ, символ, данные преступления могут быть совершены путем использования человеческого достижения – информационных технологий. Для их совершения нет необходимости в непосредственном контакте преступника и жертвы, – они могут быть совершены удаленно.

Уголовное право играет немаловажную роль в прогрессивном развитии общественных отношений, потому как именно оно, развиваясь, позволяет людям урегулировать социальные связи, защищая права и свободы каждого.

Реформа уголовного права как часть уголовной политики – это то, к чему стремились различные стороны, будь то юристы-практики, ученые или правительство посредством принятия уголовного кодекса (RUU–KUHP). Уголовный кодекс обеспечивает справедливую правовую безопасность для людей. Правоохранительная деятельность в системе уголовного правосудия должна функционировать должным образом в соответствии со своими функциями и целями, и усилия по реформированию уголовного законодательства должны отвечать современным угрозам и требованиям.

Начало реформирования уголовного права было положено в 18 веке, еще Монтескьё уделял этому вопросу внимание (1689–1775). В книге «Дух Луи»

---

[1] © Кеменяш Ю. В., 2022.

философ выступил против авторитаризма и чрезмерных, а также жестоких наказаний [2]. Ж.-Ж. Руссо (1712–1778) также активно выступал против чрезмерной жестокости, применяемой к преступникам [3].

И Индонезия не отстает в данном вопросе, а отстаивает права человека и делает это в соответствии с национальными стандартами и представлениями. Путь реформации уголовного законодательства Индонезии начался с момента принятия Уголовного кодекса Нидерландской Индии, унаследованного от правительства Голландской Индии, вплоть до момента принятия Кодекса уголовного права, который позже стал известен как Уголовный кодекс Индонезии (1918–2013). Правительство Индонезии своевременно проводило реформы своего судебного учреждения и других правовых институтов [4], однако реформа уголовного кодекса, которая происходит на данный момент в Индонезии, считается очень ограниченной и отсталой. Есть необходимость в создании правовых позитивных норм или правил, которые будут отвечать различным направлениям и угрозам современной реальности, например, преступлению-симулякру [5].

Чтобы понимать, что такое преступление-симулякр, нужно проанализировать основные характерные черты данного вида преступного деяния. Как правило, подобного рода деяния прикрываются интересами людей, но не стоит забывать, что преступление остается преступлением, несмотря на цели и мотивы его совершения. Особенность преступлений-симулякров в том, что СМИ распространяют информацию среди масс лишь о тех преступлениях, которые они запечатлели, оставив без внимания те, которые не стали известны СМИ или не должны были стать известны обществу по идеологическим причинам. Существуют преступления, которые намеренно не раскрываются или же не подлежат раскрытию, и не доступны для журналистов. Такие преступления совершаются в форме симуляции, иначе говоря, преступления симулируются для достижения определенных целей, например, затуманивание общественного сознания, усыпление бдительности, манипуляции и т. д.

Симуляция преступления – это преступление, совершенное или организованное определёнными лицами, заинтересованными в так называемом существовании несуществующего, с использованием определенных методов повествования и освещенное средствами массовой информации, что, как раз придает данной модели, образу реальность и правдивость.

Намеренное создание определенной властью образа приводит к фантасмагории, которая представляет собой появление и исчезновение реальных и воображаемых образов и фигур в результате воздействия эффектов, создаваемых медиатехнологиями: кино, телевидение, компьютер и интернет. По итогу, симулируя преступление, реальное, существующее исчезает, а воображаемое остается, формируя неадекватное представление о каких-либо вещах в сознании жертвы данных симулякров. Между преступником и жертвой появляется пропасть предвзятости, неясности, возникают сомнения по поводу истинности преподнесенной информации и др. Последствия подобных преступлений различны. Когда преступление-симулякр переплетается с властью, создается вооб-

ражаемый идеальный образ чего-либо, например, образ того, что правительство не способно эффективно выполнять свои функции, однако все это ложь.

Преступления-симулякры не спонтанны, они спланированы, спровоцированы, облегчены в распространении за счет ресурсов средств массовой информации. Цель их состоит в том, чтобы создать образ, что все преступления являются актом свержения действующего законного правительства, это то, что делает каждое преступление комфортным для жизни в симулякрах.

Преступления-симулякры реальны. Например, национальный уголовный кодекс был бессилен, когда сталкивался с действиями симулякров, как в случае с делом банка Мандири, которое не было расследовано должным образом из-за того, что в деле затрагивались права лиц правящего класса. Глава парламента, судья не могли быть подвергнуты применению в отношении них уголовно-процессуальных мер, именно поэтому у населения формируется мнение, что закон распространяется только на бедных и бесправных людей [6].

Особенно важно, чтобы в нормах, правилах были закреплены законность, справедливость, которые не просто концептуально закреплены, но и реализуются на деле. В связи с чем возникает необходимость в реформировании уголовного национального законодательства Индонезии, а именно реформы должны коснуться правоприменительной системы. При этом обратим внимание на то, что реформирование законодательства Индонезии касается только уголовно-правовой сферы, что нельзя назвать однозначно эффективным. Борьба с преступлением-симулякром возможна только в комплексе с мерами и в других отраслях права.

Достижение положительного результата возможно лишь только в том случае, если политические партии Индонезии, политики откажутся от своих интересов, корыстных целей, мыслей. В противном случае – данная реформа не приведет к изменениям качественного характера.

Идея реформирования уголовного законодательства, особенно связанная с преступлением симулякров с точки зрения реформирования уголовного кодекса Индонезии сегодня, представляет собой интересную проблему, которую следует регулярно обсуждать в научных кругах. С точки зрения политики реформирования уголовного законодательства концептуальная структура нового уголовного кодекса основана только на аспекте потребностей и социальных требований провести реформу и изменить старый уголовный кодекс. Реформа уголовного законодательства может быть осуществлена путем пересмотра, исправления, добавления, сокращения и дополнения уже существующих правовых положений или добавления новых.

Много злых ярлыков, которыми легко наделяют определенные действия, которые нормы, в свою очередь, называют преступлением, например, кража, изнасилование, грабеж и мошенничество. Из перечисленных преступных действий ясно, что признается преступлением, однако преступление-симулякра становится трудно квалифицировать как преступление, даже если оно может привести к различным моральным и материальным потерям. Оно считается нормальным (по крайней мере по мнению некоторых людей), потому что их совершают правоохранительные органы, влиятельные люди, люди, представляющие власть, и др.

Преступление-симулякр – это преступление, которое намеренно создается или проектируется с помощью технологий визуализации и методов повествования и представлено с помощью СМИ так, что реальность зла, и правда, стоящая за преступлением, это только то, что появляется в СМИ. На самом деле данное представление, осознание является результатом манипуляций, представленных через СМИ. Таким образом, преступление-симулякр – это преступление, которое развивается на уровне образа, который не связан полностью с реальной действительностью, но и не полностью вымысел. В нем содержатся факты: например, что были убиты люди, совершены грабежи, изнасилованы женщины, совершены нападения ниндзя ночью, произошли угоны самолетов. Однако в преступлениях-симулякрах факты представляются с помощью определенных образов таким образом, что они больше не отражают правду о преступности.

Симулякр преступления – реальность из вторых рук (second hand reality), а именно – использование образов насилия или преступления в прошлом, которые затем перерабатываются для объяснения инцидента преступления или насилия в настоящем. Симулякр, таким образом, скрывает правду (истину) о событии преступления. Правда о зле завернута в маску его образа, который на самом деле ложный и искусственный. Террор, преступность, беспорядки, жестокость, насилие намеренно создаются определенными сторонами (такими как правители или бывшие правители) на основе определенных сценариев машиной симулякра. Цель подобных симулякров состоит в том, чтобы создать негативный имидж законному правительству.

Преступление-симулякр – это форма многоцелевого преступления, которая может быть использована в различных целях. Его можно рассматривать как способ создать хаос и отсутствие безопасности в обществе.

Преступление-симулякр – это тонкая и скрытая форма преступления (или способность скрываться за образом преступления) за счет максимального использования технологий, сложности управления и богатства семиотических образов, чтобы скрыть зло за интересами определенных сторон. Таким образом, симулякр – это преступление, которое использует маски и образы насилия, чтобы скрыть себя.

Как и в экономике, в политике существуют различные формы политических симулякров, как указал Бодрийяр. Одна из форм симулякров – политический симулякр, который представляет собой манипулирование преступностью (например, со стороны правителей или определенных социальных групп), так что все кажется естественным. Преступление, по-видимому, совершается исключительно сообществом, хотя за кулисами оно разыгрывает масштабный сценарий в интересах определенных политических или экономических интересов. Социальный конфликт создается в форме подстрекательства, проблемы, террора, запугивания, чтобы реальность преступления, возникающего в результате конфликта, казалась естественной. На самом деле действительность, которую мы считаем реальной, на самом деле не более чем ложное обозначение.

Таким образом, в уголовном законодательстве Индонезии отсутствуют меры по преодолению симулякров. Существование реформы уголовного права в Индонезии, как правило, только подчеркивает отсутствие законности,

потому как существенных изменений не произошло. До сих пор национальное уголовное законодательство четко не регулировало симулякры преступлений. В рамках реформирования уголовного права мыслители уголовного права, правительство (исполнительная, законодательная, судебная власть), активисты социальных институтов, ученые и интеллектуалы, практикующие юристы и весь индонезийский народ должны осмелиться требовать, реформировать и заменить законы.

Список литературы

1. Jean Baudrillard, Simulacra and Stimulation, University of Michigan Press. – 1994.

2. Charles de Second at baron de Montesquieu, De I'esprit Des Lois, Volume1, P. Pourrat, Perancis. – 1832.

3. Shaapera, Simon Aondohemba, Evaluating the Social Contract Theoritical Ideas of Jean Jacque Rousseau: An Analytical Perspective on The State and Relevance to Contemporary Society, African Journal of Politcal Sicence and International Relation, Vol 9(2). – 2015. – P. 36–41.

4. Asia Foundation, Legal Reform In Indonesia, California. – 2000.

5. David Nelken, Eugen Ehrlich, Living Law, and Plural Legaitas, Theoritical Inquiries in Law, Vol. 9. – 2008. – № 2. – P. 443–471.

6. Sahat Maruli Tua Situmeang Faculty of Law Universitas Komputer Indonesia, Advances in Social Science, Education and Humanities Research, International Conference on Business, Economic, Social Sciences and Humanities, Vol. 225. – 2018. – P. 60–65.

Короткова Г. О.[1]*,*
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Князев С. А.[2]*,*
курсант 101 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СОТРУДНИЧЕСТВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИЦИИ С МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ

Взаимодействие правоохранительных органов неотъемлемая задача для каждых государственных органов, осуществляющих функции по обеспечению прав и свобод человека и гражданина. В настоящее время мировой организацией, связывающей между собой правоохранительные органы различных государств, является международная полицейская организация Интерпол.

Ее роль заключается в координации работы полицейских служб 195 стран-членов [1] в целях обеспечения безопасности во всем мире. Для этого она оказывает им техническую и оперативную помощь и консультирует их по борьбе с новыми формами преступности.

Официальное название этой организации – Международная организация уголовной полиции (O.I.P.C.), но для ее обозначения чаще используется термин Интерпол (сокращение от International Police). На английском языке его название переводится как Международная организация уголовной полиции (ICPO).

Истоки деятельности Интерпола восходят к первому Международному конгрессу судебной полиции в Монако в 1914 г. На этом мероприятии сотрудники полиции, юристы, а также судьи из 24 разных стран решают создать международный центральный реестр судимости и процедур экстрадиции. Они также обсуждают процедуры ареста и методы идентификации, которые следует использовать.

Проект был приостановлен из-за Первой мировой войны, но несколько лет спустя, в 1923 г., была создана Международная комиссия уголовной полиции (ICPO). Это предок Интерпола. Его штаб-квартира находится в Вене (Австрия). Кроме того, начальник полиции Вены Йоханнес Шобер и станет первым президентом. Первые сообщения о разыскиваемых лицах публикуются в журнале комиссии «Международная общественная безопасность» [2].

---

[1] © Короткова Г. О., 2022.
[2] © Князев С. А., 2022.

В 1971 г. ООН окончательно признала OIPC межправительственной организацией. Год спустя, в 1972 г., соглашение о штаб-квартире, заключенное с Францией, предоставило Интерполу статус международной организации.

Интерпол определил четыре официальных языка, на которых работают сотрудники [3]: английский; арабский; испанский; французский.

Именно страны-члены осуществляют различные виды деятельности Интерпола. Все эти мероприятия проводятся в четко определенных рамках на уставных совещаниях. В рамках своих миссий Интерпол преследует одну цель: содействовать международному сотрудничеству полиции в предупреждении преступности и борьбе с ней.

Для этого Интерпол обеспечивает доступ полицейских во всем мире к инструментам и услугам, необходимым для эффективной работы. С помощью этих инструментов и услуг сотрудники полиции адаптируют свои действия к новым формам преступности. Кроме того, Интерпол постоянно внедряет инновации в области полиции и безопасности.

Миссии, осуществляемые Интерполом, в основном касаются следующих дел: терроризм; организованная преступность; киберпреступность.

Интерпол более конкретно борется с различными формами терроризма, называемыми CBRNE: химическая; бактериологическая; радиологическая; ядерная; взрывчатая.

Сегодня требуется глобальное и организованное реагирование на деятельность преступных сетей. Интерпол стремится к международному сотрудничеству в борьбе с крупномасштабной преступной деятельностью.

Эти преступления охватывают самые разные области [4]:

– ущерб окружающей среде;
– коррупция;
– военные преступления;
– финансовые преступления;
– торговля транспортными средствами или произведениями искусства;
– организованная преступность;
– фармацевтическая преступность;
– морское пиратство;
– честность в спорте;
– торговля наркотиками.

Интерпол борется с новой формой организованной преступности: киберпреступностью. Интернет предоставляет преступникам множество преимуществ: простота и скорость действий, анонимность и отсутствие границ. Киберпреступность представляет серьезную угрозу для Интерпола, который большую часть своей деятельности посвящает борьбе с ней и профилактике [5].

Различают две формы киберпреступности:

– высокотехнологичные преступления: связанные с компьютерным оборудованием и программным обеспечением;

– кибернетические преступления: связанные с распространенными преступлениями, перенесенными в интернет. Это могут быть финансовые преступления, преступления против детей, преступления, связанные с терроризмом, мо-

шенничество, кражи, незаконные игры, торговля произведениями искусства или продажа поддельных лекарств.

Структура и руководство Интерпола:

1. Генеральная Ассамблея.
2. Исполнительный комитет.
3. Генеральный Секретариат.
4. Национальные центральные офисы.
5. Национальное Центральное Бюро Франции.
6. Комиссия Интерпола по проверке файлов.

Управление Интерполом состоит из Генеральной Ассамблеи и исполнительного комитета. Именно они принимают стратегические решения Интерпола.

С другой стороны, Генеральный секретариат и национальные центральные офисы (НЦБ) отвечают за реализацию стратегических решений. Что касается надзора за организацией, то ответственность за это несет комиссия Интерпола по проверке файлов.

Национальное Центральное Бюро Франции (BCN) расположено в Париже, в Центральном управлении судебной полиции (DCPJ). Кстати, директор DCPJ также является директором BCN. Именно отдел международных отношений (DRI) DCPJ отвечает за функционирование офиса.

Французский BCN состоит из полицейских, жандармов, а также таможенников. Большинство из них находятся в Центральном отделе оперативного сотрудничества полиции (SCCOPOL), который зависит от DRI. Его членам поручено принимать, анализировать и распространять запросы от стран – членов Интерпола, а также запросы французских служб, предназначенных для иностранных полицейских служб.

Парижский BCN также связан с группами международных отношений (GRI), которые зависят от специализированных центральных отделений судебной полиции, пограничной полиции и жандармерии. Эти группы борются с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, современным рабством, киберпреступностью и т. д. Они обеспечивают обработку оперативных запросов, поступающих от Интерпола.

Таким образом, Франция – государство-участник Интерпола внесла большой вклад в функционирование и развитие данной международной организации, помогающей правоохранительным органам всего мира успешно осуществлять свою деятельность.

Список литературы

1. Генеральный секретариат Интерпола // Официальный сайт Интерпола. – URL: www.interpol.int (дата обращения: 20.02.2022).

2. Волеводз, А. Г. Международные правоохранительные организации / А. Г. Волеводз. – М. : МГИМО, 2020.

3. Общие положения Международной организации уголовной полиции. Интерпол // Официальный сайт Интерпола. – URL: www.interpol.int (дата обращения: 20.02.2022).

4. Годовой отчет за 2021 год. ИНТЕРПОЛ // Официальный сайт Интерпола. – URL:www.interpol.int (дата обращения: 20.02.2022).

Краснова К. А.[1]*,*
курсант 307 взвода
института подготовки
сотрудников для органов
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Фролов С. В.*,*
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Международный терроризм – одна из самых опасных угроз миру, безопасности и стабильности, реализации прав человека, а также социально-экономическому развитию. Основные задачи международного терроризма – дезорганизация государственного управления, нанесение экономического и политического ущерба, нарушение основ общественного порядка, что, по мнению террористов, должно побуждать правительство к изменению своей политики. Он потенциально существует с любым общественным институтом и способен проявиться в любом возможном виде. Поэтому многие ученые-правоведы рассматривают проблему борьбы с международным терроризмом, способы его подавления и оптимизации. Согласно отчёту GTI, подготовленному Институтом экономики и мира (IEP), за последние 5 лет наблюдается положительная тенденция снижения смертей в результате террористических актов. Так, в 2019 г. смертность снизилась на 15 %, в сравнении со статистикой на 2018 г. [7].

Понимание данного криминального факта примерно схоже во всех странах, поскольку каждое государство осознаёт опасность международного терроризма. Поэтому на международном и региональном уровне приняты конвенции о противоправности различных проявлений международного терроризма. Преступления международного терроризма должны занять одно из первых место в системе международного уголовного права – эффективная борьба с ними может вестись не только с помощью специального антитеррористического конвенционного механизма, но и на основе Римского Статута Международного уголовного суда. Всеобъемлющая конвенция по борьбе с международным терроризмом не сможет решить все проблемы эффективности сотрудничества государств в данной сфере. Потенциальная роль этого документа скорее сводится к

[1] © Краснова К. А., 2022.

декларации, к тому, чтобы стать символом единодушия международного сообщества в борьбе с международным терроризмом. В ситуациях международного терроризма, осуществляемого не связанными с государством физическими лицами, сегодня представляется эффективным инструментарий, содержащийся в 12 антитеррористических конвенциях. Особенно широчайшей по своему охвату конвенции по борьбе с бомбовым терроризмом и прогрессивной конвенции о борьбе с финансированием терроризма [1].

В настоящее время в перечень организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах − членах Организации Договора о коллективной безопасности, входит более ста террористических организации. Наиболее известны Аль-Каида и «Исламское государство», которые действуют в основном на территории Сирии, Ирака и некоторых других стран. Противодействие угрозам международного терроризма осуществляется странами под координацией ООН, в соответствии с принятыми международными договорами, нормами международного права [4].

В соответствии с международными договорами страны сотрудничают друг с другом в сфере борьбы с терроризмом. Антитеррористическую деятельность осуществляют правоохранительные органы и специальные службы, а также международные организации по борьбе с терроризмом: Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН, Международная организация уголовной полиции – Интерпол, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Комитет Совета Европы по борьбе с терроризмом, контртеррористическое управление ООН. Они содействует развитию международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, и оказывают поддержку государствам-членам в осуществлении Глобальной контртеррористической стратегии.

28 сентября 2001 г. состоялось 4385-е заседание Совета Безопасности, на котором была принята комплексная и всеобъемлющая резолюция 1373, предусматривающая меры и стратегии по борьбе с международным терроризмом. Пункт 6 резолюции учредил Контртеррористический комитет для контроля за осуществлением резолюции с привлечением необходимых экспертов, а Совет Безопасности призвал все государства представить не позднее, чем через 90 дней, начиная с 28 сентября, информацию о мерах, предпринятых ими в этой связи. Резолюция также призвала к пресечению финансирования терроризма и улучшению международного сотрудничества в борьбе с терроризмом [2].

В соответствии с руководящими принципами деятельности, утвержденными 16 октября 2001 г., Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН осуществляет свою деятельность на основании «принципов сотрудничества и транспарентности».

Он состоит из 15 членов Совета Безопасности. Совет Безопасности назначает председателя и заместителей председателя Комитета. Председателем Контртеррористический комитет должен быть постоянный представитель члена Совета Безопасности, в чьи функции входит председательствование на собраниях Комитета. Если председатель не может вести собрание, то он назначает другого председателя, который действует от его имени [5].

Комитет предоставляет в Совет Безопасности регулярные доклады (в устном или письменном виде), включая рекомендации, при необходимости в отношении исполнения и применения резолюции 1373, либо по просьбе Совета Безопасности, либо если Комитет сочтет это необходимым [3].

Интерпол оказывает поддержку странам-членам в предотвращении, подготовке к террористическому нападению и реагировании на него. Это означает создание механизмов предотвращения и реагирования, скоординированных между заинтересованными ведомствами, включая полицию, таможню, пограничный контроль, специалистов в области здравоохранения, военных, разведывательных служб и природоохранных органов. Это осуществляется посредством обмена информацией и анализа разведывательных данных, наращивания потенциала и обучения, а также оперативной поддержки.

Эти мероприятия поддерживают резолюцию 1540 Совета Безопасности ООН, в которой пограничный контроль и усилия правоохранительных органов признаются центральными в противодействии распространению химического, биологического и ядерного оружия и его неправомерному использованию негосударственными субъектами.

ОБСЕ вносит всесторонний вклад в международные усилия по борьбе с терроризмом, действуя под руководством ООН, устраняя проявления терроризма, а также различные социальные, экономические, политические и другие факторы, которые могут создавать условия, в которых террористические организации могут заниматься вербовкой и завоевать поддержку.

ОБСЕ продвигает совместный и скоординированный подход к борьбе с терроризмом на всех уровнях, включая координацию между национальными властями, сотрудничество между государствами, сотрудничество с соответствующими международными и региональными организациями и, при необходимости, создание общественных – частное партнерство между органами государственной власти, частным сектором (бизнес-сообществом, промышленностью), гражданским обществом и СМИ.

Комитет Совета Европы по борьбе с терроризмом, ранее называвшийся Комитетом экспертов по терроризму, является межправительственным органом, координирующим действия Совета Европы по борьбе с терроризмом. Основываясь на принципах предотвращения, судебного преследования и защиты, перед комитетом поставлена следующая задача – разработать надлежащие и практичные инструменты мягкого права, такие как рекомендации и руководящие принципы, которые государства-члены должны учитывать и применять в борьбе с террористической деятельностью.

Управление по борьбе с терроризмом обеспечивает руководство, координацию и наращивание потенциала в поддержку усилий государств-членов. Это выражается в принятии практических мер по предотвращению терроризма и борьбе с ним с помощью широкого спектра мероприятий, проектов и программ.

Обязательство государств защищать и поощрять права человека требует от них принятия эффективных мер по борьбе с терроризмом. Государства должны обеспечивать, чтобы любые меры, принимаемые в этих целях, не

противоречили их обязательствам по международному праву, особенно международным стандартам в области прав человека, защиты прав беженцев и гуманитарному праву.

Один из наиболее важных – вопрос о том, как международное сообщество или отдельные государства определяют понятие «терроризм». Международные принципы в сфере борьбы с терроризмом, закреплённые в основных конвенциях и резолюциях Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи и Совета по правам человека, устанавливают обязательства государств по борьбе с терроризмом. Но, несмотря на это, единое, всеобъемлющее определение терроризма до сих пор отсутствует. Это создает определённые трудности для способности государств определять уровень соблюдения этих конвенций и резолюций, а так же оказывает влияние на другие сферы. Из-за разнообразия элементов, содержащихся в определениях терроризма во внутреннем праве государств, создает трудности, как в вопросах выдачи, так и взаимной правовой помощи. Потенциально это может привести к неспособности международного сообщества отреагировать на некоторые акты терроризма из-за отсутствия общепринятого определения этого термина.

Термин «терроризм» должен ограничиться действиями, действительно имеющими террористический характер. В борьбе с терроризмом имеет преимущество тот факт, что скоординированные на данный момент определения преступлений, касающиеся различных аспектов терроризма, позволяют установить соответствующий порог в результате введения требования. Это требование заключается в том, что такие преступления должны совершаться с целью причинения смерти, серьезного ущерба здоровью или захвата заложников с целью вызвать состояние ужаса, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

Отсутствие универсального и чёткого определения терроризма создает трудности для эффективной защиты прав человека в условиях борьбы с терроризмом. Продолжает свою работу Специальный комитет, учрежденный резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи для разработки проекта всеобъемлющей конвенции о международном терроризме. До завершения его работы нужно, чтобы термин «терроризм» применялся исключительно в отношении действий, действительно носящих террористический характер [9].

Таким образом, современном международном праве достаточно много принятых мер по борьбе с терроризмом. Однако, несмотря на это, уровень эффективности вышеперечисленных организаций не соответствует глобальным требованиям. Например, в научной литературе имеется точка зрения, подчеркивающая неэффективность и безрезультативность ООН и ее органов в борьбе с международным терроризмом. Данное мнение вызвано отсутствием единого текста Всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом, который был предложен еще в 1996 г., а также отсутствием универсального определения терроризма и оценочных стандартов контртеррористических действий. Следовательно, ООН способна эффективно действовать только в усло-

виях активного взаимодействия с иными субъектами международного пространства: организациями, государствами и индивидами [8].

Не так давно правительство США исключило из списка террористических организаций революционное движение МЕК, а по сообщениям некоторых СМИ, еще и оказало ему серьезную поддержку. В 1997 г. США занесли МЕК в список террористических организаций наряду с «Аль-Каидой» и «ХАМАС», а ее деятельность официально стала одной из причин вторжения в Ирак. Иран и Ирак сегодня по-прежнему считают МЕК террористической группировкой. А вот позиция США резко поменялась.

Таким образом, США и НАТО нарушали нормы международного права, а именно резолюцию Совета Безопасности ООН 1566 г. Данную ситуацию можно считать одним из ярких примеров несовершенства политики в сфере борьбы с международным терроризмом.

Список литературы

1. Прокофьев, Н. В. Многосторонние международные договоры в сфере борьбы с международным терроризмом. Проблемы эффективности / Н. В. Прокофьев. – 2005.

2. UN DPPA. Справочник по практике совета безопасности: дополнение за 2018 год. Глава VIII. – С. 690–698.

3. Отчет Global Terrorism Index 2020 // Isionofhumanity.org. – URL: https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/ (дата обращения: 12.02.2022).

4. Чернядьева, Н. А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия : монография / Н. А. Чернядьева. – М. : Проспект, 2017. – 336 с.

5. Пора вступить в стратегическую борьбу с терроризмом // NATO.INT. – URL: http://www.nato.int/docu/review/2008/04/AP_CTRT/RU/index.htm (дата обращения: 20.02.2022).

Кужевская Е. Б.[1],
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат философский наук

Юнусов М. Д.[2],
адъюнкт ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ. ЦИФРЫ, ФАКТЫ, СТАТИСТИКА

В современном мире наркобизнес стал действительно глобальной проблемой, в той или иной степени затрагивающей все страны и континенты. По данным статистики, ежегодно от употребления наркотиков погибают сотни тысяч людей по всему миру. Наркобизнес приносит огромный доход, на котором строятся мощные структуры организованной преступности, а именно наркокартели, которые контролируют выращивание сырья, его переработку, подпольные лаборатории по изготовлению наркотических препаратов, а также организовывают международную контрабанду наркотиков и их сбыт в различных странах мира.

Традиционные наркотики производятся в странах, где имеются благоприятные условия для выращивания соответствующего сырья. Наиболее широк ареал выращивания конопли. Ее основные производители – Мексика и США. Помимо этого, конопля выращивается в Колумбии, странах Карибского бассейна, в некоторых африканских странах, Индии, на постсоветском пространстве, а именно, в Таджикистане, Казахстане, Киргизии[1].

Несмотря на продолжающиеся дебаты о том, включает ли род каннабис один или несколько видов, в настоящее время научное сообщество рассматривает растение каннабис как моно специфичное (Cannabis sativa L.). Существует два подвида растения (сатива и индика) и четыре разновидности. Для Cannabis sativa, основного вида растения каннабис, зарегистрировано 120 фитоканнабиноидов. Основным опьяняющим или психоактивным компонентом является Δ9-ТГК, а КБР – основной каннабиноид, у которого нет существенных доказательств того, что он может вызывать психоактивные эффекты, подобные ТГК.[2]

Производимая почти в каждой стране трава каннабиса состоит из высушенных и измельченных листьев и цветущих верхушек растения каннабис, которые обычно курят. Напротив, смола каннабиса, представляющая собой концентрированный экстракт цветков и растений каннабиса, производится в

---

[1] © Кужевская Е. Б., 2022.
[2] © Юнусов М. Д., 2022.

основном в нескольких странах Северной Африки, Ближнего Востока и Юго-Западной Азии. Гашишное масло – это продукт каннабиса, который можно извлечь из любой части растения. Также используется все большее разнообразие других продуктов каннабиса на основе экстрактов, включая съестные припасы, вейпы и мазки.

За последние два десятилетия произошел быстрый прогресс в методах выращивания растений каннабиса, в частности в Европе и Северной Америке, которые в основном направлены на достижение высокого содержания Δ9-ТГК.

В дополнение к серьезной трансформации культивирования каннабиса в последние годы рынок каннабиса диверсифицировался до такой степени, что в настоящее время он включает широкий ассортимент продуктов с различными способами приема внутрь, эффективностью и эффектами.

Каннабис по-прежнему остается наиболее широко используемым наркотиком во всем мире. По оценкам УНП ООН, почти 4 % населения земного шара в возрасте 15–64 лет употребляли каннабис по крайней мере один раз в 2019 г., что эквивалентно примерно 200 миллионам человек.

Число людей, употреблявших каннабис в прошлом году, по оценкам, увеличилось почти на 18 % за последние 10 лет (2010–2019 гг.), что частично отражает увеличение численности населения планеты на 10 % за тот же период. Таким образом, с 2010 г. распространенность употребления каннабиса в прошлом году увеличилась почти на 5 %. Однако это увеличение числа людей, употребляющих каннабис, и распространенность употребления каннабиса следует интерпретировать с осторожностью из-за больших погрешностей в оценках. Несмотря на эти ограничения, качественная информация о тенденциях в потреблении каннабиса, о которой сообщают в среднем 67 государств-членов в год, подтверждает рост потребления каннабиса в период 2010–2019 гг.

Употребление каннабиса в Африке и Азии. В Африке ежегодная распространенность употребления каннабиса в 2019 г. оценивается в 6,4 % населения в возрасте 15–64 лет, что соответствует 47 млн пользователей каннабиса в прошлом году. В регионе субрегион, состоящий из Западной и Центральной Африки, имеет самую высокую распространенность употребления – 9,4 %, или, по оценкам, 27 млн пользователей в прошлом году, что в значительной степени отражает употребление каннабиса в прошлом году в Нигерии, где, по оценкам, люди, употребляющие каннабис, составляли 10,8 % взрослого населения, или 10,6 млн чел. в 2018 г. Последние оценки употребления каннабиса недоступны ни для одной другой страны региона.

Люди, проходящие лечение от расстройств, связанных с употреблением каннабиса, обычно регистрируются в Африке, где сообщалось, что половина из тех, кто проходил наркологическое лечение в 2019 г., проходили лечение от употребления каннабиса. На основе данных о лечении наркомании в Западной Африке, охватывающих период 2014–2017 гг., большинство людей (73 %), которые лечились от расстройств, связанных с употреблением наркотиков, в субрегионе лечились от каннабиса в качестве основного наркотика, что соответствует показателю почти 2 на 100 тыс. взрослого населения, проходящего лечение от расстройств, связанных с употреблением каннабиса, в каждом от-

четном году. Аналогичным образом, среди жителей Южной Африки, посещавших специализированные наркологические службы в 2019 г., сообщалось, что каннабис был основным или вторичным наркотиком для большинства людей, проходивших лечение от расстройств, связанных с употреблением наркотиков, особенно среди лиц в возрасте 20 лет и младше. Среди учащихся 15–17 лет в странах Северной Африки распространенность употребления каннабиса в прошлом году составляла от 5 % в Марокко (2017 г.) до 2,5 % в Тунисе (2016 г.) и Египте (2016 г.).

По оценкам, ежегодная распространенность употребления каннабиса в Азии намного ниже, чем в других регионах, и составляет 2 %, но из-за численности населения почти треть (61,5 млн) от предполагаемого глобального числа потребителей каннабиса проживает в регионе. В Индии в 2018 г. более 3 % населения в возрасте 18 лет и старше и менее 1 % подростков (в возрасте 10–17 лет) – в общей сложности почти 31 млн человек – употребляли каннабис в прошлом году. В Таиланде, по оценкам, 1,3 % взрослого населения в 2019 г. употребляли каннабис в прошлом году; в Индонезии этот показатель составлял 1,4 %. Хотя в регионе еще не проводились современные опросы среди населения в целом, опросы молодежи были проведены как в Афганистане, так и в Казахстане в 2018 г. В Афганистане в прошлом году 5,5 % (диапазон 4,5–6,7 %) учащихся 13–18 лет употребляли каннабис.

Среди молодежи, не посещающей школу, главным образом в Кабуле, 7,3 % сообщили об употреблении каннабиса в прошлом году, тогда как в Казахстане от 1,2 до 2,3 % учащихся в возрасте 13–18 лет сообщили об употреблении каннабиса в прошлом году.

В отсутствие данных исследований индекс восприятия употребления каннабиса указывает на то, что потребление каннабиса увеличилось в Африке и Азии за 2010–2019 гг. Совсем недавно более половины стран Африки и Азии, представивших ответы на вопросник к ежегодному докладу в 2018 и 2019 г., сообщили об увеличении употребления каннабиса, основываясь на мнениях экспертов.

Список литературы

1. Ананьева, Л. Ю. Сущность и специфика наркобизнеса в современном мире / Л. Ю. Ананьева // Справочник от сервиса Автор 24 // Pravochnick.ru. – URL: https://spravochnick.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/narkobiznes_kak_globalnaya_problema_xxi_veka/ (дата обращения: 20.02.2022).

2. Global Overview: Drug Demand. Drug Supply // World Drug Report. – 2021 // Unodc.org. – URL: https://www.unodc.org/res/wdr2021/field/WDR21_Booklet_3.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

Куликов В. Н.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Филюшин Д. А.[2]*,*
курсант 902 учебного взвода ФПСОИБ
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ. ПОИСК РЕШЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В последние годы все большую актуальность приобретает тенденция, свидетельствующая о расширении и углублении сферы международного сотрудничества в области правоохранительной деятельности. Первостепенное значение приобретают борьба с уровнем преступности, ее пресечение и профилактика. Объяснить такое положение можно усилением аспекта взаимодействия между государствами, интеграционными процессами, усилением связей в различных сферах жизнедеятельности общества и государства, и взаимодействия в контексте развития международных правоотношений [1].

Высокий уровень сотрудничества традиционно сохраняется с Китаем, Вьетнамом, Республикой Корея, Ираном, Израилем, Индией, Монголией, Никарагуа, Сербией и другими странами. Несмотря на известные внешнеполитические факторы, удалось найти и новые взаимовыгодные точки соприкосновения с правоохранительными органами Западной Европы. На регулярно организуемых заседаниях двусторонних рабочих групп (с правоохранительными органами Австрии, Германии, Италии, Испании, Финляндии и ряда других государств) рассматривается обширная антикриминальная повестка, включающая в себя такие актуальные и перспективные направления сотрудничества как пресечение деятельности лидеров транснациональных преступных сообществ и организаций; инициация обмена сведениями о финансовых операциях, направленных на легализацию преступных доходов; совершенствование комплекса мер по противодействию угрозам экстремистского и террористического характера; выявление радикально настроенных лиц в миграционных потоках; согласование программ совместных действий по борьбе с новыми и уже известными, но трансформирующимися видами преступности (например, незаконным оборотом наркотиков, мошенничеством, киберпреступностью).

---

[1] © Куликов В. Н., 2022.
[2] © Филюшин Д. А., 2022.

Подготовке и практической реализации указанных направлений способствует активный информационный обмен, в том числе через разветвлённую сеть служащих Управления международного сотрудничества МВД России и полицейских атташе (офицеров связи), аккредитованных при дипломатических учреждениях зарубежных стран в Российской Федерации [2].

Через Управление международного сотрудничества МВД России, офицеров связи, по дипломатическим каналам, а также через прямые контакты у иностранных партнёров уточняется статус рассмотрения запросов об оказании содействия и запросов о правовой помощи по уголовным делам (за 2020 г. адресовано около 2,5 тыс. следственных поручений, получено на исполнение – около 7 тысяч). Прорабатываются альтернативные механизмы процедур выдачи преступников. Так, представителями МВД России выработан алгоритм депортации находящихся в международном розыске лиц в страны гражданской принадлежности (с 2020 г. – уже около 10 фигурантов).

В последние два года в связи с пандемией COVID-19 на первый план выдвинулась проблема безопасности виртуального пространства.

МВД России провело большую работу по присоединению к Соглашению о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г., правовая база которого позволит обеспечить правоохранительным органам стран Содружества эффективную борьбу с «компьютерными» преступлениями [3].

Согласно отчёту Всемирного экономического форума о глобальных рисках 2020 г. в течение последних лет преступления в сфере ИТ регулярно входят в число пяти наиболее опасных мировых угроз. Расследование и раскрытие преступлений о дистанционных хищениях нуждаются в выработке единого алгоритма действий как на этапе проверки заявления и сообщения о преступлении, так и на первоначальном этапе расследования. При утечке информации, нарушении критической инфраструктуры объектов информатизации максимально важна оперативность реагирования и легитимность проводимых мероприятий, особенно если речь идёт о трансграничной преступности в сфере ИКТ. При этом особое значение имеет сохранение конфиденциальности персональных данных.

Приоритетны также направления работы: повышение эффективности сотрудничества с правоохранительными и миграционными органами иностранных государств, международными организациями по различным направлениям оперативно-служебной деятельности на основе укрепления и развития правовой базы международного взаимодействия и приграничного сотрудничества; разработка и заключение двусторонних и многосторонних международных договоров Российской Федерации с другими странами, а также обеспечение вступления их в силу; участие в разработке модельных законов в рамках СНГ, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в сфере деятельности, относящейся к компетенции МВД России.

Так, с момента образования УМС МВД России ведётся активная работа в сфере нормативного правового обеспечения вопросов международного сотрудничества. С 2019 г. по настоящее время подписано порядка 20 международных

договоров, 10 из которых – соглашения в сфере укрепления межведомственного взаимодействия по различным актуальным направлениям деятельности с компетентными органами стран дальнего зарубежья, в том числе с Государством Катар, Многонациональным Государством Боливия, Федеративной Республикой Бразилия, Республикой Нигер [4].

МВД России твёрдо настроено на расширение нашего представительства в миротворческих миссиях и тем самым активизацию участия в решении благородных задач по поддержанию мира и безопасности везде, где это требуется, на основе международного права и в гуманитарных целях.

Список литературы

1. Курчинская-Грассо, Н. О. Актуальные проблемы международного сотрудничества в правоохранительной сфере / Н. О. Курчинская-Грассо. – М. : Молодой ученый. – 2019. – № 49.

2. Волеводз, А. Г. Учреждения и органы Европейского союза по судебному и полицейскому сотрудничеству / А. Г. Волеводз. – М. : Европейский учебный ин-т при МГИМО, 2010.

3. Дамаскин, О. В. Транснациональная организованная преступность: проблемы международной и национальной безопасности : монография / О. В. Дамаскин. – М. : Юрлитинформ : Криминология, 2019.

4. Александрова, О. И. Процессуальные проблемы участия России в международной борьбе с преступностью / О. И. Александрова, А. И. Бастрыкин. – СПб., 2001.

Лукашина О. В.[1]*,*
курсант 801 учебного взвода ИПСД ОВД
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Кудалина И. А.[2]*,*
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПОЛИЦИИ

Соглашения о сотрудничестве определяют правовую основу для работы с партнерами.

В глобальных рамках ни одна организация не может действовать эффективно в одиночку. Необходимо сотрудничество с другими соответствующими учреждениями, способными предоставить дополнительную помощь или знания. С этой целью установлены прочные отношения с широким кругом партнеров – международными межправительственными и неправительственными организациями, а также частными лицами, которые разделяют интересы [3, с. 100].

Правовая основа для совместной работы определена в соглашениях о сотрудничестве. Сегодня есть соглашения с рядом международных организаций, таких как:

1. ООН и несколько ее специализированных учреждений.
2. ЕВРОПОЛ.
3. Содружество Независимых Государств.
4. Международный уголовный суд.
5. Африканский союз.
6. Организация американских государств.
7. Совет министров внутренних дел арабских стран.

А также работа с частными организациями: НПО, ассоциации, фонды, академии или коммерческие компании. Эти отношения оформлены в различных правовых документах, таких как соглашения о сотрудничестве и меморандумы о взаимопонимании.

Каждое соглашение и его положения относятся к сфере установленного сотрудничества; это может включать обмен информацией, взаимные исследовательские проекты, доступ к базе данных, взаимное представительство или средства технической помощи.

Соглашения о сотрудничестве разрабатываются путем взаимных переговоров с соблюдением соответствующих правовых актов, а затем подписываются уполномоченными представителями сторон. Однако соглашения являются дей-

---

[1] © Лукашина О. В., 2022.
[2] © Кудалина И. А., 2022.

ствующими документами, и они могут быть изменены или заменены новыми соглашениями, когда это необходимо и согласовано обеими сторонами.

Потребность в сотрудничестве полиции значительно возросла с экономическими и социальными изменениями. Практически все факторы, которые в девятнадцатом и двадцатом веках были связаны с растущим благосостоянием высокоразвитых стран, – урбанизация, быстрый транспорт, улучшение коммуникаций, развитие и интеграция международных рынков – способствовали росту международной преступности, мелкой и изощренной. Эти факторы способствовали мобильности преступников, перевозке запрещенных веществ и организации сложных заговоров, а также открывали новые возможности для хищений, мошенничества и распоряжения преступной прибылью. Определенные условия также способствуют росту международной преступности, это отсутствие стабильной политической власти и социальные неурядицы [2].

Виды сотрудничества, внедряемые для борьбы с растущими проблемами трансграничной или международной преступности: двусторонние, глобальные и региональные. Способы сотрудничества – формализованная связь, координационные институты и завещание или неофициальное расследование. Препятствиями для сотрудничества являются разнообразие полицейских и правовых систем, доктрина суверенитета, глубоко укоренившиеся убеждения в политической независимости и неприкосновенности государственной территории, а также расхождение национальных интересов.

Это старейший и в некоторых отношениях самый важный вид полицейского сотрудничества. Хотя двусторонние полицейские договоры часто основаны на неформальных договоренностях, они впервые появились в девятнадцатом веке и стали все более распространенными в последние 25 лет. Они редко дают точное представление о значении и ценности этого сотрудничества. Объем соглашений, как показывает модель соглашения, подготовленного Интерполом в 1975 г., потенциально очень широк. Они могут охватывать обмен общей полицейской информацией по таким вопросам, как дорожно-транспортные происшествия, пропавшее или украденное имущество, обмен информацией о предупреждении преступности о методах работы преступников, людях, нуждающихся в защите, слежке за подозреваемыми и сообщениях о перевозки опасных веществ.

Сотрудничество в уголовных расследованиях заключается в обмене информацией или доказательствами, обмене протоколами полицейских расследований, полицейскими в командировках и преследовании преступников по горячим следам через международные границы. Соглашения также могут включать наименование полицейских органов, уполномоченных участвовать в трансграничном сотрудничестве, место и частоту международных встреч, методы связи между сотрудничающими полицейскими силами, роль национальных центральных бюро Интерпола, запросы на въезд на территорию другого государства. государство, правила использования транспортных средств и ношения огнестрельного оружия, а также гражданско-правовая ответственность полиции в зарубежных странах. На практике полицейские договоры или соглашения никогда не включают все эти пункты. Соглашения могут принимать форму полуконфиденциальных протоколов или обмена письмами о взаимопонимании.

Один тип соглашения практически универсальный среди соседних дружественных стран – договоренность об охране сухопутных границ. Недавно в Европе они были разработаны для включения совместных полицейских участков, которые могут быть важными точками контакта и координации.

Интерпол является ключевым агентством для глобального сотрудничества правоохранительных органов, но ООН, Совет таможенного сотрудничества, «Большая восьмерка» (группа наиболее промышленно развитых стран мира) и Организация экономического сотрудничества и развития также играют важную роль, хотя и с перерывами роли в продвижении сотрудничества. Интерпол обеспечивает систему многосторонней передачи полицейской информации; он помогает координировать расследования, а его генеральный секретарь может инициировать их [1].

В Северной и Южной Америке правоохранительные органы активно взаимодействуют на многосторонней основе через региональные встречи Интерпола, Международную конференцию по борьбе с наркотиками, Организацию американских государств и Международную ассоциацию начальников полиции, но очень мало из них напрямую связаны с полицейскими операциями. Оперативное сотрудничество почти полностью осуществляется на двусторонней основе, и большая его часть инициируется Соединёнными Штатами. Помимо событий в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии это относится и к другим континентам. сотрудничества правоохранительных органов.

Официальные договоренности, такие как двусторонний обмен офицерами связи, Интерпол и Европол, незаменимые инструменты, но их эффективность зависит от политической готовности к сотрудничеству и раскрытию информации. Обычно они играют скромную оперативную роль. Интерпол играет такую роль благодаря своей коммуникационной сети и работе в области анализа оперативной информации. Европол играет повышенную роль в этих областях, а также координирует трансграничные расследования с участием двух или более государств – членов ЕС. Но остается нежелание передавать полномочия исполнительной полиции международным институтам. Неформальное сотрудничество часто идет дальше, чем сотрудничество по формальным каналам. Методы частного сыщика – выезд в иностранные юрисдикции без юридических полномочий, но часто при содействии иностранных властей для расследования подозреваемых и преступных действий – иногда являются важным элементом расследования сложных дел. Эти действия рискуют пересечь границу с незаконными действиями и создать политическую напряженность между государствами.

Список литературы

1. Agreements on cooperation. – 2019 // Un.org. – URL: http://www.un.org/ (дата обращения: 20.02.2022).

2. International police cooperation. – 2017 // What-whenhow.com/. – URL:http://www.what-whenhow.com/ (дата обращения: 20.02.2022).

3. Большая Российская энциклопедия. – М., 2008. – Т. 7.

Мжельская Г. М.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Михеева О. С.[2]*,*
курсант 102 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Международная система правосудия сталкивается с растущим транснациональным характером преступности в результате усиления цифровизации и глобализации. Существующие режимы сотрудничества неэффективны для противодействия стремительным изменениям в современном обществе. Более того, всё больше стран склонны прибегать к самостоятельным решениям с учётом своих национальных особенностей. Уменьшение поддержки многостороннего сотрудничества означает, что международная система уголовного правосудия стала разрозненной и недостаточно эффективной.

Транснациональная организованная преступность включает правонарушения, совершённые организованными бандами или преступными группами. Данная разновидность преступности предполагает пересечение национальных границ лицами, совершившими противоправные действия. К таким преступлениям относятся: террористические акты, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, фальшивомонетничество, контрабанда и др. Транснациональная организованная преступность включает преступления, совершенные в пределах одной страны организованными преступными группами. В дальнейшем эти группы оказываются в других государствах, чтобы избежать наказания или преследования в судебном порядке [1, с. 659–676].

Эта проблема стала серьёзной угрозой для всего мирового сообщества. Достижения в области телекоммуникаций, транспорта и компьютерных технологий стирают границы между странами, тем самым наш мир становится более взаимосвязан, чем когда-либо в истории. К сожалению, международная преступная деятельность в значительной степени выиграла от этого. В связи с гло-

[1] © Мжельская Г. М., 2022.
[2] © Михеева О. С., 2022.

бализацией категории нарушения закона существенно выросло за последние годы. Важность данной проблемы была поднята в октябре 2021 г. на конференции, проводимой международной организацией «Глобальная инициатива против транснациональной организованной преступности». Причиной тому стало то, что ни одна страна не может успешно бороться с международной организованной преступностью в одиночку. В результате была создана организация по противодействию транснациональной организованной преступности (так называемые G8), которая подписала Конвенцию Совета Европы о компьютерной преступности и Конвенцию ООН по борьбе организованной преступностью [2].

К основным механизмам сотрудничества в области международного права можно отнести: помощь полиции, договоры о взаимной правовой помощи и международная экстрадиция. Большая часть международного сотрудничества осуществляется путём прямой связи между полицией разных стран. Подобное сотрудничество иногда называют «cop to cop» («от полицейского к полицейскому»), которое обычно основывается не на конкретном договоре или международном соглашении, а скорее на доброй воле, взаимном уважении и общих интересах в борьбе с преступностью. Яркий пример такого сотрудничества – расследование взрыва посольства США в Кении и Танзании в 1998 г. [3].

Основным средством продвижения партнёрства «cop to cop» является Международная организация уголовной полиции – Интерпол. Эта организация состоит из Национальных Центральных Бюро стран-участниц. Их основная роль заключается в быстрой и безопасной передаче следственной информации. Когда это работает, помощь полиции может быть своевременной и эффективной, однако есть много случаев, когда просьбы о помощи остаются без ответа.

Ещё один механизм – это судебные поручения, которые представляют собой обращение судьи одной страны к судье другой страны с просьбой о получении юридической помощи. В каждой стране есть законодательство, регулирующее исполнение этих поручений. Как только судья запрашивающего государства подписывает поручение, оно передаётся по дипломатическим каналам. Это процесс, который может занять много недель или даже месяцев. По прибытии в назначенное место оно рассматривается Министерством иностранных дел. Министерство может отказаться действовать в соответствии с судебным поручением, если эта помощь может негативно повлиять на государственную политику конкретной страны.

Альтернативой судебным поручениям является взаимная правовая помощь. Она осуществляется в Италии, России, Великобритании, Израиле, США, Польше, Австралии, Бельгии и многих других. Каждый договор о взаимной правовой помощи накладывает на каждую сторону обязательство оказывать помощь в проведении уголовных расследованиях [4].

Существуют четыре возможных сценария развития международного сотрудничества в борьбе с транснациональной организованной преступностью. Первый – перестройка существующих механизмов сотрудничества. Второй – опора на региональные рамки сотрудничества, что, возможно, приведёт к созданию новых зон сотрудничества. Также может быть использование односторонних действий в обход существующим механизмам взаимодействия. Кроме

того, можно бы разработать ускоренное использование неофициальных соглашений о сотрудничестве. Государства будут вынуждены пересмотреть режим международного сотрудничества и предпринять радикальные усилия по реформированию межгосударственных связей, включая создание обязательных арбитражных механизмов для разрешения двусторонних споров [5].

Мир явно переживает значительную турбулентность, со сложными и неопределенными тенденциями, которые разворачиваются в неоднозначной и нестабильной обстановке. Нынешнее международное сотрудничество в области уголовного правосудия находится под большим напряжением. Преобладающая поляризация, частично обусловленная ростом национализма, конфликтующими политическими парадигмами, асимметрией в потенциале государств и геополитической нестабильностью продолжают препятствовать в борьбе с беззаконием.

Радикальный пересмотр и обновление существующих мультинациональных режимов наиболее желательный путь. Для обеспечения политического нейтралитета, защиты прав человека и сохранения верховенства закона необходима интегрированная система, к которой и призывает Международная ассоциация юристов [6].

Список литературы

1. Andrew K. Woods, Mutual legal assistance in the digital age, in David Gray and Stephen E. Henderson (eds), Cambridge Handbook of Surveillance Law, Cambridge: Cambridge University Press. – 2017. – P. 659–676.

2. Jeanette Money and Sarah P Lockhart, Migration Crisis and the Structure of International Cooperation, Athens: University of Georgia Press. – 2018.

3. J. E. Harris, International Cooperation in Fighting Transnational Organized Crime: Special Emphasis on Mutual Legal Assistance and Extradation. – 2017.

4. Joyce Hakmeh and Tatiana Tropina, Russia’s vision for a cybercrime treaty, Directions: Cyber Digital Europe. – 2021.

5. Yvon Dandurand, Criminal justice reform and the system’s efficiency, Criminal Law Forum, 25. – P. 383–440.

6. Y. Duran, J. Jahn, The Future of International Cooperation Against Transnational Organized Crime, Global Initiative. – 2021.

Нижниченко Н. Б.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Жарова Е. А.[2]*,*
курсант 306 учебного взвода
Института подготовки
сотрудников для органов
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО И УГОЛОВНОГО ПРАВА США В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Гражданское право и уголовное право – это два широких и отдельных раздела права с отдельными сводами законов и наказаний.

Примеры уголовного права: кражи со взломом, нападения, нанесение побоев и убийства. Гражданское право применяется, например, к случаям халатности или недобросовестной работы.

Дела:

В гражданском праве дело начинается с подачи жалобы одной из сторон, которая может быть физическим лицом, организацией, компанией или корпорацией, против другой стороны. Сторона, которая подаёт жалобу, называется истцом, а сторона, отвечающая на жалобу, называется ответчиком, данный процесс называется судебным разбирательством. В гражданском судопроизводстве истец просит суд обязать ответчика исправить ошибку, часто в виде денежной компенсации истцу. В отличие от этого, в уголовном праве дело против ответчика возбуждает правительство, обычно называемое государством и представленное прокурором. Частное лицо никогда не может выдвинуть уголовное обвинение против другого лица: человек может сообщить о преступлении, но только государство может выдвинуть уголовное обвинение в суде. Преступления – это действия, наказуемые государством, которые делятся на два широких класса по степени тяжести: тяжкие преступления, за которые возможно лишение свободы на срок более одного года, и проступки, за которые возможно лишение свободы на срок один год или менее.

Наказание:

Одним из заметных различий между гражданским и уголовным правом является наказание. В случае уголовного права человек, признанный виновным,

---

[1] © Нижниченко Н. Б., 2022.

[2] © Жарова Е. А., 2022.

наказывается заключением в тюрьме, штрафом или в некоторых случаях смертной казнью. В то время как в случае гражданского права проигравшая сторона должна возместить истцу сумму убытков, которая определяется судьей и называется штрафным ущербом. Уголовный процесс более серьезен, чем гражданский, так как обвиняемые по уголовным делам имеют больше прав и защиты, чем обвиняемые по гражданским делам.

Бремя доказывания:

В случае уголовного права бремя доказывания лежит на правительстве, чтобы доказать виновность ответчика. С другой стороны, в гражданском праве бремя доказывания сначала лежит на истце, а затем на ответчике, чтобы опровергнуть доказательства, предоставленные истцом. В случае гражданского судопроизводства, если судья или присяжные считают, что более 50 % доказательств в пользу истца, то истец выигрывает, что очень мало по сравнению с 99% доказательств в уголовном праве. В уголовном праве обвиняемый не признается виновным, если против него нет более 99 % доказательств [1, с. 25–40].

Как работает система:

Уголовное право имеет дело с заботой об интересах общества. Оно включает наказание и реабилитацию правонарушителей, а также защиту общества. Полиция и прокурор нанимаются правительством для исполнения уголовного закона. Для оплаты этих услуг используются государственные средства. Если жертва преступления сообщает об этом в полицию, тогда ее обязанность – расследовать дело и найти подозреваемого. В большинстве случаев, если обвинение было предъявлено должным образом и, если имеются подтверждающие его доказательства, правительство, а не человек, который жалуется на происшествие, возбуждает дело в суде. Это называется системой государственного обвинения. С другой стороны, гражданское право касается частных споров между отдельными лицами или между отдельным лицом и организацией или между организациями. Гражданское право имеет дело с причинением вреда, убытков или ущерба одной или другой стороне. Ответчик в гражданском деле признается ответственным или не ответственным за ущерб, в то время как в уголовном деле ответчик может быть признан виновным или нет.

К 1920-м годам внимание переключилось с совершенствования методов реабилитации отдельных преступников на контроль преступного поведения в целом. Это был период великого национального эксперимента «сухого закона» с сопутствующим ростом всевозможных противозаконных действий. Граждане по всей стране, но особенно в крупных городах, становились все более взволнованными тем, что они воспринимали как тревожный рост преступности и кажущуюся неспособность системы уголовного правосудия справиться с ней. Некоторые утверждали, что первопричиной проблемы является коррумпированность государственных чиновников криминальными элементами, и действительно, в тот период было много случаев политической коррупции. Другие настаивали на том, что система уголовного правосудия сама виновата и отчаянно нуждается в капитальном ремонте. Широко распространено требование принять какие-то меры [2, с. 47–49].

Исследование в Кливленде. Город Кливленд первый пытался систематически решать эту проблему. В течение нескольких лет город страдал от растущего уровня преступности, и над муниципальным аппаратом уголовного правосудия висела пелена недоверия. Ситуация обострилась весной 1920 г., когда главный судья городского муниципального суда был вынужден уйти в отставку из-за соучастия в жестоком преступлении. Ряд общественных организаций во главе с адвокатурой Кливленда убедили Кливлендский фонд, частную филантропическую организацию, спонсировать исследование уголовного правосудия в городе. Был собран штат исследователей во главе с Роско Паундом, тогдашним деканом Гарвардской школы права, и Феликсом Франкфуртером с юридического факультета Гарварда. После двух лет эмпирических наблюдений и накопления массы статистических данных они представили пространный отчет о процессе уголовного правосудия в Кливленде [3, с. 65–68]. Это был самый полный, подробный и точный портрет проблем городского правоприменения, который когда-либо был создан. В докладе были рассмотрены все детали механизма уголовного правосудия – от полицейской администрации до уголовных судов и городских исправительных учреждений. Был даже раздел о юридическом образовании в Кливленде и его влиянии на процесс уголовного правосудия.

В докладе были отмечены многие недостатки существующего механизма уголовного правосудия и даны рекомендации по его изменению. Однако эти рекомендации носили скорее мелиоративный, чем революционный характер. В докладе не предлагалось радикально перестраивать существующую систему, а скорее упорядочить и модернизировать ее работу. Акцент был сделан на внедрении большей эффективности на всех этапах процесса уголовного правосудия. Много места было уделено, например, объяснению того, как сотрудники прокуратуры и суды могут более гладко и быстро обрабатывать большие объемы уголовных дел, с которыми они сталкиваются. В докладе также подчеркивается необходимость полной профессионализации сотрудников системы уголовного правосудия и повышения статуса практикующего специалиста в области уголовного права [4, с. 32–35].

Список литературы

1. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид. – М., 1988.

2. Есаков, Г. А. Mens rea в уголовном праве США: историко-правовое исследование / Г. А. Есаков. – М., 2003.

3. Есаков, Г. А. Основы сравнительного уголовного права / Г. А. Есаков. – М., 2007.

4. Есаков, Г. А. Уголовное право зарубежных стран / Г. А. Есаков, Н. Е. Крылова, А. В. Серебренникова. – М., 2008.

Нижниченко Н. Б.[1]*,*
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя.

Макарова Ю. П.[2]*,*
курсант 811 учебного взвода
Института психологии служебной
деятельности органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ В РОССИИ И ИХ РЕШЕНИЕ

В настоящее время остро обсуждается проблема растущей эмиграции российских рабочих и усиления эксплуатации иностранных граждан. Демократические изменения, произошедшие в Российской Федерации, начиная с середины 1980-х годов сыграли важную роль в жизни общества и экономики. Эти изменения коснулись и сферы нелегальной иммиграции, поэтому одна из проблем, затрагивающих внутренний российский рынок труда в настоящее время – это растущая эмиграция российских рабочих и увеличение использование иностранной рабочей силы. Но использование иностранной рабочей силы сопровождается множеством проблем. Наиболее сложная из них: трудоустройство иностранцев. Огромный приток иммигрантов в РФ (прежде всего через южные границы) состоит из огромного числа нелегально приехавших на территорию Российской Федерации иностранцев.

В 1992 г., после присоединения России к Конвенции ООН о статусе беженцев (1951 г.) появились вопросы, касающиеся статуса большого числа иностранных граждан и жителей без гражданства. Много из них въехали и проживали в России с нарушением паспортно-визового режима. К середине 90-х годов XX в. нелегальная иммиграция в Россию стала одной из самых обсуждаемых экономических, социальных и политических проблем страны, которые требовали тщательного анализа и решительных политических действий. Иммигранты без документов стали частью теневой экономики, некоторые – незаконного бизнеса, в том числе торговли наркотиками и оружием, а также незаконного перемещения рабочих в Западную Европу, США и Канаду. В крупных городах, таких как Москва, нелегальные иммигранты образовали этнические общины, а некоторых подозревают в связях с локальными преступными группировками. Большое количество российских бизнесменов охотно нанимает неле-

[1] © Нижниченко Н. Б., 2022.
[2] © Макарова Ю. П., 2022.

галов из-за дисбаланса между спросом на труд и предложением его же. Одна из самых сложных задач иммиграционной политики – нелегальная иммиграция и поиск эффективных способов ее регулирования. Эта проблема актуальна и для стран с давними иммиграционными традициями. Из-за трех факторов есть вероятность прогрессивного роста иммиграции в России:

1) легкость пресечения российских границ и слабый иммиграционный контроль;

2) недостаточное законодательство и отсутствие законов об иммиграции;

3) уникальность геополитического положения России и ее благоприятные социально-экономические условия.

«К основным факторам, влияющим на иммиграцию в Россию из стран СНГ и других стран, относятся:

1) более стабильное экономическое состояние и более высокий уровень жизни в России по сравнению с другими странами СНГ многими другими странами «дальнего зарубежья» (т. Ближний Восток, Африка, Азия, Афганистан, Иран и др.);

2) появление альтернативной занятости на российском рынке труда (благодаря экономической реформе) с использованием иностранного капитала, различных видов собственности, приватизация и само занятость;

3) неустойчивость российского законодательства, регулирующего въезд, проживание и трудоустройство иностранцев; отсутствие эффективной системы иммиграционного контроля; «прозрачность» границ России с другими странами СНГ;

4) географическое положение России, благоприятное для транзита из Азии в Европу»[489].

Это уникальное сочетание социально-экономических, геополитических и правовых факторов ставит проблемы в отношении нелегальной иммиграции и трудоустройства в России ребром. Ситуация усугубляется экономическим хаосом и преступной деятельностью, которые делают более легким трудоустройство иностранцев. Из-за больших доходов от «торговли людьми» (либо гражданами России, либо гражданами из других стран через российскую территорию) иммиграция возросла, особенно часто в этом задействованы граждане Азии.

В настоящее время очень мало, а иногда даже и совсем нет информации о размерах, направлении, структуре и экономических последствиях нелегальной занятости. В России нелегалы чаще всего устраиваются на работу в центральных районах страны. Их занятость обычно связана со строительством, ремонтными работами и торговлей в сфере услуг, особенно мелкооптовая торговля, рынок одежды, частные перевозки, ремонт дома, строительство дач, ресторанное обслуживание и др. В сельской местности наиболее распространена сезонная занятость в сельском хозяйстве в сочетании с незаконной практикой – работать больше часов, чем разрешено законом. Высокая концентрация нелегалов на рынках труда теневой экономики. Данная экономика не требует легального иммиграционного статуса, предоставляя возможность нелегалам получать доходы без уплаты подоходного налога. По словам ключевых информаторов, 40 % нелегальных иммигрантов работает в теневой экономике и всего 32 % в

организованном частном секторе. Динамика нелегальной занятости зависит от государственной экономики. По мере роста частного сектора экономики создаются более благоприятные условия для расширения нелегальной занятости.

Основные политические меры, которые могуь помочь в регулировании нелегальной иммиграции:

1) предотвращение нелегального въезда и трудоустройства;

2) санкции в отношении работодателей и депортация нелегальных иностранцев, уже находящихся в стране;

3) легализация нелегалов.

Список литературы

1. Krassinets, E. Illegal migration and employment in Russia. International migration papers. Informal network on foreign labour in central and Eastern Europe, LO/Luxemburg co-operation // Ilo.org. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_201973.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

2. Филашов, Е. В. Понятие миграции, незаконной миграции и борьбы с незаконной миграцией / Е. В. Филашов // КиберЛенинка. Электронный ресурс. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-migratsii-nezakonnoy-migratsii-i-borby-s-nezakonnoy-migratsiey/viewer (дата обращения: 20.02.2022).

3. Чигирева, М. А. Правовое регулирование миграции и нелегальной миграции / М. А. Чигирева, О. П. Копылова // КиберЛенинка. Электронный ресурс. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-migratsii-i-nelegalnoy-migratsii (дата обращения: 20.02.2022).

Петраков Н. А.[1]*,*
адъюнкт ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МНЕНИЯ И ПОДХОДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА К ВОПРОСУ О ДИЗАЙНЕ ЦИФРОВОГО ЕВРО

В отчете Европейского центрального банка (далее – ЕЦБ), опубликованном 2 октября 2020 г. [1], рассматривается выпуск цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ) – цифрового евро – в рамках еврозоны. Такой цифровой евро следовало бы рассматривать в качестве обязательства центрального банка, предлагаемого в цифровой форме для использования гражданами и юридическими лицами для осуществления розничных платежей. По мнению ЕЦБ это дополнит текущее предложение наличных и оптовых депозитов.

Возможные преимущества цифрового евро и быстрые изменения в сфере розничных платежей подразумевают, что евросистема должна быть готова к его выпуску в будущем. Цифровой евро мог бы способствовать достижению целей европейской интеграции, предоставляя гражданам доступ к безопасной форме денег в быстро меняющемся цифровом мире, а также его стратегической автономии, предоставляя альтернативу иностранным платежным провайдерам для быстрых и эффективных платежей в Европе и за ее пределами.

В ряде случаев цифровой евро может стать незаменимым. Например, если использование наличных денежных средств значительно сократится, другие электронные способы оплаты станут недоступными из-за экстремальных событий или иностранные цифровые деньги в значительной степени вытеснят существующие платежные средства. Введение цифрового евро может стать решением для нескольких описанных выше сценариев одновременно, но возможны и серьезные последствия для ключевых областей банковского дела, финансовой системы и в конечном счете для жизни европейских граждан.

По мнению ЕЦБ цифровой евро также поддержал бы другие стратегические цели. С его помощью стало бы возможным предоставление современных платежных услуг, отражающих меняющиеся потребности людей, и активное продвижение инноваций в области розничных платежей, дополняющих частные платежные решения. Это может расширить рынок электронных платежей, усилить их конкуренцию, увеличить доступность цифровых платежей, способствуя расширению доступа к финансовым услугам.

Возможная роль цифрового евро в качестве инструмента укрепления денежно-кредитной политики отчете ЕЦБ не определена, но может появиться в будущем на основе дальнейшего анализа или в связи с изменениями в международной финансовой системе. Наконец, цифровой евро потенциально стать спо-

---

[1] © Петраков Н. А., 2022.

собом снижения общих затрат и негативного воздействия денежных и платежных систем на окружающую среду.

Цифровой евро, по мнению ЕЦБ, должен быть разработан таким образом, чтобы избежать возможных нежелательных последствий для финансовой индустрии и для экономики в целом, связанных с его функционированием. Некоторые варианты дизайна цифрового евро могут повлиять на посредническую функцию банков и стоимость их финансирования, особенно в кризисных ситуациях. Кроме того, некоторые потенциальные конфигурации цифрового евро могут привести к увеличению размера баланса Евросистемы и увеличению ее подверженности потрясениям, а также могут привести к возникновению проблем на международных финансовых рынках, связанных с увеличением потоков капитала. Однако анализ, приведенный в этом отчете, показывает, что, следуя соответствующим стратегиям при разработке цифрового евро, Евросистема может решить эти проблемы.

Уполномоченные органы Евросоюза проводят дальнейший анализ, чтобы полностью понять проблемы и преимущества, которые могут возникнуть в результате введения цифрового евро. В частности, они изучают преимущества и недостатки конкретных типов цифровых евро и то, как они будут соответствовать потребностям и ожиданиям европейских граждан, предприятий и финансовых посредников. В цифровой евро могут быть заложены некоторые ключевые функции наличных денег, которые полезны в цифровой экономике, например, возможность совершать платежи в офлайн режиме, но он должен предоставлять возможности онлайн-платежей.

В отчете ЕЦБ намеренно не пропагандируется конкретный тип цифрового евро и не делаются выводы по таким вопросам, как технология создания, расходы на реализацию или возмещение затрат на цифровой евро. Однако сделан акцент на том, что «любое потенциальное решение должно удовлетворять ряду принципов и требований, определенных в настоящем отчете, включая надежность, безопасность, эффективность и защиту конфиденциальности, при соблюдении соответствующего законодательства, включая законодательство об отмывании денег и финансировании терроризма».

Анализ ЕЦБ показывает, что большинство желательных функций цифрового евро могут быть объединены. В докладе используется прагматичный подход к определению основных элементов эффективного цифрового евро; выделены основные принципы, которые должны полностью соответствовать целям, политике и принципам Евросистемы. Затем определяются требования с учетом различных вариантов развития ситуации, которые позволят обеспечить соответствие внедрения цифрового евро целям Евросистемы и потребностям потенциальных пользователей. Наконец, общие требования, необходимые во всех обозримых сценариях для защиты европейской экономики, европейской финансовой системы и Евросистемы от необоснованных последствий, связанных с выпуском цифрового евро.

Цифровой евро, по мнению ЕЦБ, мог бы также поддержать общую экономическую политику Европейского союза (ЕС). Он мог бы удовлетворить возникающие платежные потребности современной экономики, предлагая наряду с

наличными деньгами безопасный цифровой актив с расширенными функциональными возможностями. Государственный сектор наиболее подходит для обеспечения безопасности, масштабирования, уровня удобства и доступности, необходимых для того, чтобы граждане, предприятия и финансовые учреждения могли участвовать в рынке цифровых платежей.

В то время как Европейский союз будет контролировать выпуск цифрового евро, контролируемые частные посредники будут иметь наилучшие возможности для предоставления вспомогательных услуг, ориентированных на пользователей, и для создания новых бизнес-моделей на базе своей основной внутренней функциональности. Поэтому предпочтительнее модель, при которой доступ к цифровому евро осуществляется при посредничестве частного сектора.

Для реализации требуется новая инфраструктура, возможно, основанная на существующей инфраструктуре Евросистемы и включающая новые технологии. Практические эксперименты необходимы для проверки функциональных конструкций и изучения технической осуществимости различных вариантов, а также их способности удовлетворять потребности потенциальных пользователей. Экспериментальная работа должна быть направлена на выявление и разработку «минимально жизнеспособного продукта» [3].

В ряде сценариев цифровой евро, как цифровая валюта центрального банка, может стать подходящим вариантом для ЕС для достижения целей, связанных с основными функциями центрального банка и общей экономической политикой, при условии, что его техническая сторона будет соответствовать требованиям, вытекающим из различных вариантов развития ситуации.

Таким образом, по мнению ЕЦБ выпуск цифрового евро в качестве цифровой валюты центрального банка может быть обоснован в следующих ситуациях:

1) для поддержки цифровизации европейской экономики и стратегической независимости ЕС;

2) в ответ на значительное снижение роли наличных денег в качестве платежного средства, если существует значительный потенциал для широкого использования иностранной ЦВЦБ или частных цифровых платежей в зоне евро;

3) в качестве нового канала осуществления денежно-кредитной политики;

4) для снижения рисков нормального предоставления платежных услуг;

5) для укрепления международной роли евро;

6) для снижения общих затрат и экологического воздействия денежных и платежных систем на окружающую среду.

В настоящее время вопрос выпуска цифровой валюты Центрального банка стоит на повестке дня у множества государств. Российская Федерация в лице Центрального банка России рассматривает возможность выпуска своей валюты в цифровой форме – цифрового рубля. Представляется, что использование зарубежного опыта в данном вопросе позитивно отразится на данной разработке, учитывая, что цифровой евро на данный момент уже функционирует в пилотном режиме [2].

Список литературы

1. ECB Report on a digital euro October 2020 // Ecb.europa.eu. – URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/Report_on_a_digital_euro~4d7268b458.en.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

2. European central bank // Ecb.europa.eu. – URL: https://www.ecb.europa.eu/home/html/index.en.html (дата обращения: 27.02.2022).

3. Барсуков, П. ЕЦБ запускает цифровой евро / П. Барсуков // Ru.euronews.com. – URL: https://ru.euronews.com/2021/07/14/eu-ecb-digital-euro (дата обращения: 27.02.2022).

Репников В. С.[1]*,*
курсант 2 «П» курса ИПСД ОВД
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Нижниченко Н. Б.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА И БОРЬБЫ С НИМ

В условиях ухудшения международной обстановки страны продолжают играть активную и ведущую роль в международном антитеррористическом сотрудничестве, прежде всего в рамках ООН и ряда других авторитетных международных организаций, а также в двустороннем формате.

Важно помнить о происхождении этих наиболее опасных событий, происходящих прежде всего в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Очевидно, что в какой-то момент некоторые ведущие мировые террористические организации приступили к тотальной геополитической работе в этом регионе, предполагающей, по сути, целенаправленное и системное вмешательство во внутренние дела сепаративных государств, дестабилизацию и уничтожение привычных укладов [1]. Именно эта высокомерная политика во многом ответственна за разрушение традиционных систем государственного управления, механизмов безопасности в регионе и неконтролируемое распространение оружия и боеприпасов по региону, провоцируя беспрецедентный уровень радикализации среди местного населения и как результат – расцвет террористических и экстремистских группировок, такими как ИГИЛ и не менее опасной террористической группировкой «Фронт Аль-Нусра», что уже долгие годы путем своей антигосударственной деятельности подрывают правопорядок и мирную жизнь законопослушных граждан.

Из-за обострившейся в мире эпидемиологической ситуации, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции Ковид-19, трудно предугадать какими будут методы терроризма в недалёком будущем. Многочисленные запреты и методы борьбы с увеличением роста заболеваемости порождают разгневанные возгласы противников вакцинации и сторонников радикального экстремизма, поскольку это уничтожает ряд террористических методов из-за запретов сборов крупной толпы людей в одном месте, массовых мероприятий или концертов.

---

[1] © Репников В. С., 2022.

Принципы борьбы с международным терроризмом основаны на законности и защите граждан и государства от деятельности террористов по всему миру, поэтому мировые державы придерживаются политики минимальной огласки приемов осуществления террористической деятельности.

Стратегические направления борьбы с международным терроризмом:

1. Помощь внедрению международно-правовой базы борьбы с терроризмом и укрепление международного правового сотрудничества по уголовным делам, связанным с терроризмом.
2. Противодействие насильственному экстремизму и радикализации, ведущим к развитию международного терроризма, в соответствии с многоаспектным подходом.
3. Предотвращение и пресечение путей финансирования международного терроризма [2].
4. Противодействие использованию интернета в террористических целях, путем блокировки агитации терроризма в социальных сетях и ограничения его распространения.
5. Содействие диалогу и сотрудничеству по вопросам борьбы с терроризмом, в частности, посредством государственно-частного партнерства между государственными органами и частным сектором (бизнес-сообществом, промышленностью), а также гражданским обществом и средствами массовой информации.
6. Укрепление национальных усилий по выполнению резолюции 1540 (2004) Совета Безопасности ООН о нераспространении оружия массового уничтожения.
7. Тщательное и качественное обследование документов, удостоверяющих личность, выявление поддельных документов, билетов.
8. Поощрение и защита прав человека и основных прав и свобод личности в контексте мер по борьбе с терроризмом.
9. Шифрование данных позволит с лёгкостью вычислять и пресекать готовящиеся терракты, так как без террористы полагаются на электронные сети для распространения информации.

При разработке новых методов борьбы с терроризмом следует отмечать все мелочи и различать весь спектр методов распространения терроризма [3]. Распространение международного терроризма крайне разрушительно влияет на общественный порядок и государство в целом. Терроризм возник не сегодня и исчезнет не завтра, но правительство не без помощи граждан цивилизованных стран находили средства борьбы с ним и побеждали его на своей территории, не отвергая собственных принципов. Экономика, которая страдает сильнее всего, всегда восстановится, если только не подчинять ее политике и не «прогибаться» под временные нужды. И как бы ни были удачными и успешными новейшие методы противодействия распространения терроризма, к сожалению, он всегда адаптируется в новых условиях, поэтому всему миру необходимо постоянно работать над сознанием новых противодействий террору, чтобы продолжить обеспечивать немедленное реагирование на незаконные действия со стороны террористических организаций.

Список литературы

1. Отчет о террористической ситуации и тенденциях в ЕС (Te-Sat) // Europol.europa.eu. – URL: https://www.europol.europa.eu/publications-events/main-reports/tesat-report (дата обращения: 20.02.2022).

2. Колин, П. Тенденции терроризма: что нас ждёт в 2022 году? / П. Колин. – 2021.

3. Борьба с финансированием терроризма // Ec.europa.eu. – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/counter-terrorism-and-radicalisation/fight-against-financing-terrorism_en (дата обращения: 20.02.2022).

Серебряков В. В.[1],
адъюнкт ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПОВЫШЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ С НИЗКИМ И НИЖЕ СРЕДНЕГО УРОВНЕМ ДОХОДА

Вопрос повышения безопасности дорожного движения (БДД) в современном мире один из приоритетных направлений для каждого государства. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно на дорогах мира происходит 1,35 млн смертельных случаев [1]. Анализ экономического воздействия дорожно-транспортного травматизма, проведенный всемирным фондом безопасности дорожного движения Всемирного банка, показал, что, если страны смогут вдвое сократить смертность и заболеваемость в результате дорожно-транспортного травматизма и поддерживать этот уровень в течение 24 лет, они смогут добиться значительного увеличения ВВП – от 7 % до 22 % [2]. Поэтому вопросы внедрения новых и улучшения имеющихся способов повышения безопасности дорожного движения весьма актуальны. Рассмотрим меры повышения БДД, которые были применены в странах с низким и ниже среднего уровнем дохода.

Образование

Просвещение населения, и в особенности детей, по вопросам безопасности дорожного движения и надлежащего поведения, как участников дорожного движения, может помочь уменьшить количество и тяжесть ДТП, особенно при использовании более широкого пакета вмешательств [3, с. 82–89; 4, с. 726–733; 5, с. 23–29]. Например, в Пакистане для повышения знаний детей и их отношения к безопасности дорожного движения использовались сказки из сборников рассказов, и относительно недорогие сборники рассказов обеспечили эффективную и раннюю стратегию содействия изменению поведения, касаемо того, как вести себя на обочине дороги и при переходе дороги. Результаты показали, что изначально на вопросы о том, где безопасно переходить улицу, правильно ответили чуть более 50 % детей, но через два месяца после первоначального вмешательства это число увеличилось до более чем 90 %. Тем не менее было признано, что может возникнуть необходимость в регулярном обучении БДД для дальнейшего обеспечения того, чтобы учащиеся запоминали информацию о безопасности дорожного движения в долгосрочной перспективе [6, с. 456–460] и чтобы любое воздействие было эффективным, такие меры должны сочетаться с законодательными и правоприменительными мерами [7].

Общество и семьи также обладают значительным потенциалом влияния на молодежь, и необходимо разработать программы безопасности дорожного

[1] © Серебряков В. В., 2022.

движения в поддержку официальных школьных программ [8, с. 23–31]. В более широком сообществе исследования были сосредоточены на влиянии телевизионных сообщений о безопасности дорожного движения [9, с. 32–38], которые оказались в значительной степени эффективными для снижения потребления алкоголя за рулем, хотя язык, используемый в сообщениях, считался потенциальным барьером в стране, где говорят на нескольких языках. В Танзании была разработана образовательная программа, основанная на оценке местных дорожно-транспортных происшествий, в том числе среди мотоциклистов [10, с. 137–143].

Правоприменительная практика

Повышение безопасности дорожного движения путем обеспечения соблюдения пересмотренного законодательства может способствовать повышению безопасности дорожного движения, особенно в отношении пяти ключевых факторов риска, определенных в Глобальном плане на Десятилетие действий по обеспечению безопасности дорожного движения (скорость, вождение в нетрезвом виде, неиспользование мотоциклетных шлемов, неиспользование ремней безопасности, неиспользование детских удерживающих устройств в автомобилях), руководства по каждому из которых были опубликованы ВОЗ [11; 12]. Руководство по вождению в нетрезвом виде было доработано до уровня оценки, чтобы помочь понять, как страны с низким уровнем дохода (далее – СНУД) и страны с уровнем дохода ниже среднего (далее – СНСУД) могут лучше применять руководящие принципы [13]. Другие примеры исследований в этой области включают исследование в Аддис-Абебе в Эфиопии, где совместные кампании в СМИ и правоохранительных органах позволили сократить вождение в нетрезвом виде на 50 % [14, с. 539]. Что касается законодательства, Аддис-Абеба разработала свою первую в истории стратегию безопасности дорожного движения и план ее реализации, учредила межведомственный совет по безопасности дорожного движения под председательством заместителя мэра и рассматривает возможность создания фонда безопасности дорожного движения [15].

Пересмотренная политика безопасности дорожного движения полностью запретила использование мобильных телефонов во время вождения, сделала использование шлема и ремня безопасности обязательным, а также повысила уровень контроля за превышением скорости, вождением в нетрезвом виде и перевозкой опасных грузов. Было обнаружено, что это помогло снизить количество ДТП примерно на 19 % и связанных с ними смертельных случаев на 12 % в течение года после вмешательства [14, с. 539].

Инженерная инфраструктура

Недостаточно исследований, специально оценивающих влияние инженерных вмешательств в СНСУД, а те, которые доступны, имеют смешанные результаты. Ряд ученых сообщают, что результаты трех инженерных исследований до и после, включенных в их обзор, показывают, что, хотя количество смертельных случаев снизилось, количество несчастных случаев увеличилось более чем вдвое [16]. Другое недавнее исследование в Эфиопии было сосредоточено на снижении травм пешеходов, связанных с дорожным дви-

жением, на кольцевых развязках путем моделирования воздействия различных особенностей подходов, таких как наличие ограждения и расположение пешеходных переходов. Результаты, полученные с помощью модели прогнозирования аварий и разработки функций обеспечения безопасности, показали, что количество аварий с участием пешеходов было на 50 % выше вблизи остановок общественного транспорта, где высока пространственная интенсивность конфликтов между пешеходами и транспортными средствами. Изменение уклона подъезда на 1 % может привести к увеличению числа ДТП с участием пешеходов на 12 %, так как видимость дороги снижается. Тем не менее есть меньший риск наезда на пешеходов там, где предусмотрены соответствующие средства перехода. Например, на кольцевых подъездах с центральными навесами было на 44 % меньше аварий с участием пешеходов, чем на подходах без таких приспособлений [17, с. 1–8]. Однако предоставление пешеходных удобств не означает надлежащего использования. В Гане, например, 65 % пешеходов, пересекающих «зебру», демонстрировали некоторые аспекты рискованного поведения: разговоры, еда или питье, использование телефонов и наушников [18, с. 216–219].

Исходя из вышесказанного следует вывод об эффективности применяемых мер повышения БДД в СНУД и СНСУД. Несмотря на то, что в Республике Беларусь и Российской Федерации данные меры применяются: на законодательном уровне запрещено пользование мобильным телефоном при управлении транспортным средством; использование мотоциклетных шлемов, ремней безопасности, детских удерживающих устройств обязательно; устанавливают пешеходные переходы, дополнительное освещение; проводятся детские олимпиады по знанию ПДД и т. д. Не все из применяемых мер реализованы в полной мере. Так, несмотря на проведение олимпиад среди учащихся на знание ПДД, кружки с занятиями по БДД проводятся не во всех учебных заведениях и не вовлекают в свои ряды более широкого круга обучающихся. Для повышения знаний о БДД среди детей следует за счет государственных средств создать и разослать в детские дошкольные учреждения иллюстрационные и текстовые рассказы по безопасности дорожного движения, а также соответствующих мультипликационных фильмов. А для повышения интереса учащихся школьного возраста к изучению ПДД целесообразно рассмотреть и на законодательном уровне закрепить льготы при сдаче теоретического экзамена для получения водительского удостоверения.

Список литературы

1. Всемирная организация здравоохранения. Глобальный отчет о состоянии безопасности дорожного движения. – Женева, 2018.

2. The World Bank. The High Toll of Traffic Injuries: Unacceptable and Preventable; The World Bank: Washington, DC, USA. – 2017.

3. Esperato, A., Bishai, D., Hyder, A. A. Projecting the health and economic impact of road safety initiatives: A case study of a multi-country project. Traffic Inj. Prev. – 2012. – P. 82–89.

4. Salmon, R., Eckersley, W. Where there’s no green man: Child road-safety education in Ethiopia. Dev. Pract. – 2010. – P. 726–733.

5. Blantari, J., Asiamah, G., Appiah, N., Mock, C. An evaluation of the effectiveness of televised road safety messages in Ghana. Int. J. Inj. Control Saf. Promot. – 2005. – P. 23–29.

6. Zimmerman, K., Jinadasa, D., Maegga, B., Guerrero, A. Road traffic injury on rural roads in Tanzania: Measuring the effectiveness of a road safety program. Traffic Inj. Prev. – 2015. – P. 456–460.

7. Staton, C., Vissoci, J., Gong, E. Y., Toomey, N., Wafula, R., Abdelgadir, J., Zhou, Y., Liu, C., Pei, F.D., Zick, B. et al. Road traffic injury prevention initiatives: A systematic review and metasummary of effectiveness in low and middle income countries. PLoS ONE. – 2016.

8. Bachani, A. M., Mogere, S., Hyder, A. A., Hung, Y.W., Nyamari, J., Akunga, D. Helmet wearing in Kenya: Prevalence, knowledge, attitude, practice and implications. Public Health. – 2017. – P. 23–31.

9. Bachani, A. M., Risko, C. B., Gnim, C., Coelho, S., Hyder, A. A. Knowledge, attitudes, and practices around drinking and driving in Cambodia: 2010–2012. Public Health. – 2017. – P. 32–38.

10. Bradbury, A.; Quimby, A. Community road safety education: An international perspective. Munic. Eng. – 2008. – P. 137–143.

11. World Health Organization. Global Plan. for the Decade of Action for Road Safety 2011–2020; World Health Organization: Geneva, Switzerland. – 2011.

12. UNRSC – United Nations Road Safety Collaboration Publications. Available online // Who.int. – URL: https://www.who.int/ roadsafety/publications/en/ (дата обращения: 06.06.2019).

13. John Hopkins International Injury Research Unit. Risky Road Behaviors in Addis Ababa; John Hopkins International Injury Research Unit: Baltimore, MD, USA. – 2019.

14. Abegaz, T., Berhane, Y., Worku, A., Assrat, A. Effectiveness of an improved road safety policy in Ethiopia: An interrupted time series study. BMC Public Health. – 2014. – C. 539.

15. Bloomberg Philanthropies Road Safety. Available online // Bloomberg.org. – URL: https://www.bloomberg.org/program/public- health/road-safety/ (дата обращения: 24.04.2019).

16. Bonnet, E.; Lechat, L.; Ridde, V. What interventions are required to reduce road traffic injuries in Africa? A scoping review of the literature. PLoS ONE. – 2018.

17. Ahmad, H.; Naeem, R.; Feroze, A.; Zia, N.; Shakoor, A.; Khan, U.R.; Mian, A.I. Teaching children road safety through storybooks: An approach to child health literacy in Pakistan. BMC Pediatr. – 2018. – C. 1–8.

Серебрякова О. М.[1]*,*
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат филологических наук

Васильева Э. С.[2]*,*
курсант 315 учебного взвода
Института подготовки
сотрудников для органов
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

БОРЬБА С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ. РОЛЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Глобализация современных политических, экономических взаимоотношений увеличила возможности международной торговли, в связи с этим поменялись типы организованной преступности. Иерархический порядок организованных преступных групп (ОПГ) породил различные незаконные сети в результате появления новых прибыльных рынков.

Транснациональная организованная преступность охватывает различные виды бизнеса: незаконный оборот наркотиков, отмывание денег, незаконный оборот огнестрельного оружия, торговля людьми и другая незаконная преступная деятельность через национальные границы. Эта преступная деятельность связана с экономическими проблемами и проблемами развития отдельных государств [1] [2] [3]. Преступность влияет на рост населения, миграцию и урбанизацию.

Благодаря многочисленным технологическим усовершенствованиям в глобальном мире ОПГ резко изменились за последние 30–40 лет. Они не уважают безопасность или региональную стабильность стран и действуют с преступными намерениями, поскольку получают от этой деятельности больше прибыли, чем от законной деятельности. ОПГ, осуществляя свою незаконную деятельность, используют передовые методы и приемы. Вот почему слишком часто требуется активное вмешательство правоохранительных органов. Этого могут достичь только международные правоохранительные организации.

Чем больше глобализация расширяет возможности международной торговли, тем более разнообразной становится деятельность организованной преступности. Традиционный иерархический порядок ОПГ уступил место различным

[1] © Серебрякова О. М., 2022.
[2] © Васильева Э. С., 2022.

сетям с целью завоевания новых прибыльных рынков, например группа, которая занимается незаконным оборотом наркотиков, также ведет бизнес с другими незаконными организациями. Таким образом, имеется связь между незаконным оборотом наркотиков и другой незаконной деятельностью, в которой участвует организованная преступная группировка. Для борьбы с этой угрозой в 2000 г. была подписана Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности [4].

Преступления, которые ограничены на региональном уровне, превратились в «трансграничную» форму из-за глобализации и вытекающей из этого экономической взаимозависимости стран. Развитие коммуникационных и информационных технологий обеспечило большую мобильность людей, товаров и услуг во всем мире. Поэтому нельзя понять термин «организованная преступность» в современном мире, если исключить его связь с глобализацией.

Есть много глобальных и региональных организаций, которые анализируют и борются с организованной преступностью во всем мире. Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН, 2005 г.) проанализировал и определил 40 ОПГ и обнаружил, что их основными преступлениями считаются применение насилия (80 %), коррумпированность правоохранительных и судебных органов (75 %) и вовлечение в незаконную деятельность (75 %).

ООН сыграла важную роль в борьбе с транснациональной организованной преступностью. Согласно докладу ООН за 2021 г., сумма денег, полученная от незаконной торговли (315 млирд долл.), составила 1 % общего объема мировой торговли. Именно поэтому УНП ООН работает вместе с другими организациями: МВФ, Всемирный банк, Интерпол. НАТО, ОБСЕ, Рабочая группа ЕС по борьбе с терроризмом.

Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) следит за тремя основными договорами, а именно Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 г., Единой конвенцией о наркотических средствах 1971 г., Конвенцией о психотропных веществах и Конвенцией ООН 1988 г. против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. УНП ООН обеспечивает также правовые механизмы для обеспечения соблюдения международного режима контроля над наркотиками.

Перед лицом возросшего оборота афганского опиума и героина через Центральную Азию за последнее десятилетие УНП ООН хотело оказать помощь правоохранительным органам центрально-азиатских государств. С этой целью был создан Центрально-Азиатский региональный информационный координационный центр с Меморандумом о взаимопонимании по субрегиональному контролю над наркотиками и транснациональному сотрудничеству между Российской Федерацией, Кыргызской Республикой, Азербайджанской Республикой, Туркменистаном, Республикой Казахстан, Республикой Узбекистан, Республикой Таджикистан и УНП ООН в 1996 г.

Становится очевидно, что для эффективной борьбы с ОПГ требуются новые стратегии борьбы с новыми тенденциями или преступными тенденциями. Территории, на которых действуют транснациональные ОПГ, явно неограничены. Преступные группы, занимающиеся торговлей наркотиками и оружием в тече-

ние многих лет, обратились к другим сферам преступности: торговля органами, антиквариатом, сигаретами и людьми. Правоохранительным органам на международном уровне следует отслеживать тенденции и укреплять неэффективную политику, с тем чтобы предотвратить расширение деятельности организованных преступных групп и сферы их деятельности.

Значительная часть участников опросов и интервью, проводимых с целью определить, какова роль и эффективность обучения сотрудников правоохранительных органов на международном уровне, заявили, что они испытали повышение уровня своих знаний, а также своего опыта, оперативных возможностей и возможностей после прохождения тренингов в глобальных и многонациональных учебных центрах. В рамках проводимых опросов было предложено, чтобы организации, проводящие обучение, такие как Управление по борьбе с наркотиками (агентство в составе Министерства юстиции США, занимающееся борьбой с наркоторговлей), академия ФБР и ТАДОК (Турецкая международная академия по борьбе с наркотиками и организованной преступностью) и др., увеличили возможности проводимых тренингов, а также распространили эти тренинги на различные географические районы, такие как Африка, Балканы и т. д.

Вместе с последствиями глобализации организованная преступность стала одной из важнейших проблем безопасности современного мира и превратилась в межнациональную преступность. Теперь эти группировки совершают преступления, которые касаются безопасности не только одной страны, но и нескольких стран, и стали общей проблемой для всего мира, где растет число преступных группировок и жертв.

Жертвы глобальных преступлений также находятся в широком диапазоне. Это, например; уязвимые группы, такие как дети и женщины, которые могут пострадать от торговли людьми; подростки, посещающие начальные и средние школы, которые отравились различными наркотическими веществами в результате незаконного оборота наркотиков; правительства, компании и частные лица, которые страдают от киберпреступлений или преступлений, связанных с отмыванием денег. Различные аспекты этой виктимности очевидны из-за нарушения физической неприкосновенности в некоторых случаях или из-за миллионов долларов или эквивалентной степени финансового ущерба в других случаях.

Организованные преступные синдикаты, которые были созданы по всему миру и глобализировались в течение 20–30 лет и продолжают действовать, расширились за рубежом благодаря таким причинам, как улучшенная способность ускорять доставку товаров и простота коммуникаций и разнообразных транспортных каналов, реформирование границ и превращение в международные организации с незаконными связями, установленными между странами. Эта трансформация с эффектом удобства, обеспечиваемого визуальными, слуховыми, письменными или электронными средствами массовой информации, привела к появлению более профессиональной и гибкой формы структурирования и модели сотрудничества, которая работает с корпоративной логикой и яв-

ляется структурой совершенно иная, чем у организаций мафиозного типа, которые основаны на культурных связях, к которым мы привыкли.

Лучшее понимание и более точная информация о деятельности организационных структур и основной мотивации трансграничных организованных групп, которые могут появляться с помощью новых методов исследования и новых участников борьбы с организованной преступностью. В этой борьбе необходимо решить множество проблем на национальном и международном уровнях. Чтобы подобные проблемы не стали реальностью необходимы сотрудничество и координация действий различных государств, поддержка международных организаций, упомянутое сотрудничество на международном уровне и, в частности, правовая структура и эффективная борьба с помощью правоохранительных организаций на национальном уровне.

Существует много глобальных и региональных субъектов, которые анализируют организованную преступность и борются с ней. Образование и обучение также играют важную роль в борьбе с незаконным распространением наркотиков. По этой причине источники финансирования международных организаций предоставляют возможности для создания новых учебных центров, институциональных академий, транснациональных учебных мероприятий и конференций для оказания помощи в борьбе с организованной преступностью, глобальным террором и незаконной торговлей наркотиками.

Взаимное обучение сотрудников правоохранительных органов в международных учебных центрах улучшило знания и общение между странами-участницами различных международных правоохранительных организаций и побуждает страны делиться передовым опытом, чтобы помочь бороться с организованной преступностью во всем мире.

Список литературы

1. Clinard, M. B. and D. Abbott. Crime in Developing Countries. – New York : Wiley, 1973.

2. Messner, S. F. «Societal Development, Social Equality and Homicide: A Cross-national Test of the Durkheimian Model» Social Forces. – 1982.

3. Shelley, L. I. Crime and Modernization: The Impact of Industrialization and Urban- ization on Crime. Carbondale: Southern Illinois University Press. – 1981.

Серебрякова О. М.[1]*,*
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат филологических наук

Голикова К. Д.[2]*,*
курсант 404 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Проблема организованной преступности представляет угрозу как для государства, так и для мирового сообщества. Наблюдается процесс институционализации преступных группировок, что становится причиной для создания более сложных преступных структур. При этом важно учитывать такую проблему, как вмешательство данных преступных организованных групп в структуру государственного управления.

Борьба с преступностью – важный элемент политики национальной безопасности, так как современные преступные группировки в дополнение к типичной преступной деятельности также пытаются влиять на правоохранительные органы, суды, средства массовой информации, государственных чиновников или политиков на различных уровнях для обеспечения своих собственных интересов.

Организованная преступность отличается транснациональным характером, что поднимает вопрос о предупреждении организованной преступности со стороны международных организаций. В условиях расширения деятельности организованной преступности государства и организации как субъекты международных правовых отношений вынуждены действовать на основе сотрудничества и предоставления сил и средств для борьбы с указанным видом преступности.

Организованные преступные группы транснационального характера, стремящиеся к максимизации прибыли за счет незаконной деятельности, пытаются всеми доступными методами и средствами снизить эффективность и доверие к компетентным государственным органам в правоохранительной сфере с целью предотвращения судебного преследования лиц, совершивших эти преступления. Перед лицом расширения транснациональной преступности, субъекты

[1] © Серебрякова О. М., 2022.
[2] © Голикова К. Д., 2022.

международных отношений были вынуждены объединить усилия в целях создания эффективных правовых инструментов, основанных в первую очередь на многостороннем международном сотрудничестве, которое должно предоставить полномочия в борьбе с международной организованной преступностью. Такие стремления проявлялись в международном сообществе в течение длительного времени, хотя предмет и содержание таких международных соглашений значительно отличались [1, с. 211–230].

В области борьбы с организованной преступностью на международном уровне различают двусторонние и многосторонние соглашения, которые подразделяются на универсальные и региональные. В рамках рассмотрения международно-правовых норм выявляются отдельные положения, которые направлены на борьбу с производством и оборотом наркотических веществ, торговлей людьми, незаконным ввозом мигрантов и т. д.

При систематизации нормативных правовых актов, регулирующих ответственность за организованную преступность, общие правовые акты касаются конкретных видов преступлений, совершенных трансграничными преступными группами. Проблема организованной преступности на международном уровне охвачена Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности» с тремя дополняющими протоколами.

Борьба с организованной преступностью на международном уровне охвачена достаточно широким перечнем международных договоров и соглашений. Большая часть из них является универсальными многосторонними соглашениями, работа над которыми проводилась в рамках ООН.

Учитывая, что в вопросах международной безопасности наиболее универсальной международной организацией является ООН, стоит указать на универсальные многосторонние правила, разработанные в ее рамках. Архитектура международной системы предупреждения преступности и борьбы с ней формирует многосторонние соглашения, которые являются основой для функционирования специализированных органов полиции и сотрудничества между государствами в этом отношении. В дополнение к ООН и ее специализированным органам в глобальной системе борьбы с преступностью особую роль играют региональные организации, прекрасным примером чего является ЕС. Анализируя роль ООН в области предмета исследования, следует отметить, что деятельность этой универсальной организации в области укрепления международного сотрудничества, направленного на предотвращение и борьбу с ним, была предпринята несколько десятилетий назад. Этот вопрос присутствовал и обсуждался на конференциях, организуемых с 1955 г. каждые пять лет Конгрессом ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. До сих пор было проведено четырнадцать таких конгрессов, и последний из них состоялся в Киото в 2021 г.

Принимая во внимание современные усилия по предупреждению преступности и борьбе с ней, в 1991 г. ООН активизировала свои усилия в этой области, создав специальную комиссию по Предупреждению преступности и уголовному правосудию. Результатом работы Комиссии стала организация международных конференций по вопросам многостороннего сотрудничества в борьбе

с международной организованной преступностью 21–23 ноября 1994 г. в Неаполе. На конференции были приняты Политическая декларация и Глобальный план действий по борьбе с международной организованной преступностью (так называемая Неаполитанская декларация).

Менее чем через месяц принятая декларация была одобрена Генеральной ассамблеей ООН, которая выдвинула идею глобальной конвенции против международной организованной преступности. На пути к окончательной форме правовых норм в этой сфере предстоит решить множество проблем. Более того, современное законодательство, регулирующее предотвращение и борьбу с организованной преступностью, также не лишено недостатков. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, перечислим основные международно-правовые акты, являющиеся основой для решений в области предупреждения преступности и борьбы с ней на международном уровне. При систематизации определенной информации следует упоминать как общие правовые акты, так и те, которые касаются конкретных видов преступлений, совершенных трансграничными преступными группами.

Итак, организованная преступность охвачена Конвенцией ООН против Транснациональной организованной преступности, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 15 ноября 2000 г. со следующими протоколами [3]:

1. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, в частности женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности.

2. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности.

3. Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющий Конвенцию ООН против международной организованной преступности. Это один из важнейших правовых актов в этой области. По данным на 23 февраля 2015 г., участниками конвенции являются 185 стран.

Конвенция всеобъемлюще регулирует вопросы уголовного преследования, предупреждения и наказания организованной преступности. Его участники обязаны ввести уголовную ответственность за следующие преступления: участие в организованной преступной группе (ст. 5), отмывание «грязных» денег (ст. 6), коррупцию лиц, выполняющих государственные функции, как в активной, так и в пассивной форме (ст. 8) и преступления против правосудия (ст. 23). Конвенция требует, чтобы подписавшие ее стороны принимали меры в соответствии с действующими правовыми нормами, с тем чтобы привлекать юридических лиц к ответственности за участие в преступлениях, упомянутых в документе. Это может быть, как уголовная, так и гражданско-правовая ответственность, а также административная (п. 2 ст. 10). Конвенция содержит ряд положений, касающихся международного сотрудничества.

В дополнение к традиционным формам сотрудничества, таким как выдача и взаимная правовая помощь, также предусматриваются современные формы, такие как создание совместных следственных групп (ст. 19), использование спе-

циальных методов расследования (ст. 20), допрос с использованием коммуникационных технологий.

В то время как основная конвенция содержит общие положения о сотрудничестве, технической помощи и правовой помощи, каждый протокол содержит более подробные положения, адаптирующие эти общие правила для их применения в отношении конкретных проблем, связанных с торговлей людьми, незаконным ввозом мигрантов, производством и торговлей оружием.

Однако при профилактике и борьбе с международной организованной преступностью обычно отдают предпочтение оперативным мерам. Сотрудничество в этой области на международном уровне включает, в частности, обмен информацией, сотрудничество правительств и учреждений в разработке соответствующего законодательства, надлежащий контроль за финансовыми операциями, совместный анализ данных о преступлениях, международный обмен данными ДНК, организацию международных тренингов и учений для сотрудников, а также информационные кампании.

Идея создания полицейской организации на международном уровне появилась начале XX в., задолго до появления концепции глобализации. Международное сообщество давно признало необходимость сотрудничества в борьбе с организованной международной преступностью еще до того, как она стала глобальной проблемой, какой она является в настоящее время.

Международная организация уголовной полиции (Интерпол) не является международной правоохранительной организацией в связи с отсутствием правоохранительных органов в ней. В данном случае рациональнее называть данную организацию международным инструментом обмена информацией о преступлениях, что позволяет правоохранительным органам разных государств сотрудничать в борьбе с международной преступностью. Деятельность Интерпола связана со множеством сфер деятельности, одна из которых – организованная преступность. В рамках структуры Интерпола действует Специальная группа по борьбе с организованной преступностью, деятельность которой направлена на создание базы данных о международных организованных преступных группах, предоставление важной информации Национальным бюро в форме специальных отчетов, координацию мероприятий в области борьбы с конкретными формами организованной преступности [4, с. 175].

Европейское полицейское управление было создано для оказания поддержки странам – членам Европейского Союза в предупреждении организованной преступности и терроризма и борьбе с ними. Истоки этого учреждения следует искать в создании Европейского подразделения по наркотикам (EDU). Решение о создании EDU было принято в Копенгагене в июне 1993 г. Основной задачей Группы было предоставление и координация информации о незаконном обороте наркотиков и одурманивающих веществах.

В Стратегии, а затем на основе соответствующих исполнительных документов агентству была предоставлена значительная функция, и в последующие годы были обеспечены широкие возможности для развития. Деятельность полиции, основанная на разведывательной поддержке, была признана приоритетом деятельности Европола. Учреждению была поручена роль органа, готовящего

регулярные оценки угрозы безопасности государств-членов, связанной с деятельностью преступных и террористических групп, и оперативной поддержки, оказываемой Европолом государствам – членам Евросоюза в 2010 г. [5]

Одна из важнейших функций Европола – предоставление эффективных полномочий в областях, которые были включены в мандат организации, а также в случаях, представляющих интерес для нескольких областей преступности.

Наиболее важные области интересов Европола в борьбе с организованной преступностью:

– преступность, связанная с наркотиками;
– торговлю людьми;
– сексуальную эксплуатацию детей;
– нелегальную иммиграцию;
– фальсификацию валюты евро;
– мошенничество с использованием платежных карт;
– технологически продвинутую преступность;
– преступления против интеллектуальной собственности;
– мошенничество и экономические преступления.

Для обеспечения состояния безопасности, а также для поддержания общественного порядка государство должно формировать специализированные учреждения, функциональные обязанности которых связаны с обеспечением национальной и общественной безопасности. Полиция является организацией, призванной служить обществу и защищать безопасность людей. Именно на основе этого законодатель установил в качестве основной задачи деятельности полиции защиту жизни и здоровья граждан, их законных интересов от незаконного посягательства [6, с. 21].

Организованные преступные группировки сегодня получают доход от продажи наркотиков, оружия, торговли людьми и другой незаконной деятельности. Их прибыль достигает нескольких миллионов долларов, что заметно влияет на экономическую составляющую государств, а также создает дополнительные проблемы в борьбе с организованной преступностью. Чрезмерная конкретизация этого вида преступлений создает требования к сотрудничеству как на уровне отдельных служб, ответственных за государственную безопасность, так и на наднациональном уровне. Чтобы обеспечить желаемый уровень внутренней безопасности государства, полиция и другие службы сотрудничают друг с другом сознательно, целенаправленно и организованно.

Список литературы

1. Dekker, Sander, and Dan Hansén. Learning under pressure: The effects of politicization on organizational learning in public bureaucracies. Journal of public administration research and theory 14.2. – 2004. – P. 211–230.

2. Резолюция 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 15.11.2000 № 55/25 «Конвенция против транснациональной организованной преступности» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: (дата обращения: 20.02.2022).

3. Geiger, Hans, and Oliver Wuensch. The fight against money laundering: An economic analysis of a cost-benefit paradoxon. Journal of Money Laundering Control 10.1. – 2007. – P. 91–105.

4. Пузырева, Ю.В. Укрепление международного полицейского сотрудничества в свете вызовов и угроз со стороны транснациональной организованной преступности / Ю. В. Пузырева // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 6. – С. 173–178.

5. Shelley, Louise I. Transnational organized crime: an imminent threat to the nation state. Journal of international affairs. – 1995. – P. 463–489.

6. Варлачева, А. В. Глобализация транснациональной организованной преступности / А. В. Варлачева, Д. Г. Попов // Вестник БелЮИ МВД России. – 2021. – № 1. – С. 17–24.

Серебрякова О. М.[1]*,*
доцент кафедры
иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат филологических наук

Ерофеева Н. И.[2]*,*
курсант 404 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: НАПРАВЛЕНИЯ, УРОВНИ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Современное общество страдает от разрушительных проявлений преступности, которая наносит ущерб общественным отношениям в политической, экономической, социальной и духовной сферах. Несмотря на предпринимаемые усилия, любая страна мира не может самостоятельно противостоять международной преступности, и только совместные усилия и международное сотрудничество различных государств могут решить вышеуказанную глобальную проблему мирового сообщества.

Основные направления международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью: формирование международных стандартов прав и свобод человека; заключение международных договоров; расследование проявлений международной преступности; исследовательская деятельность. Нужно определить разные уровни международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, уровень двустороннего сотрудничества и сотрудничества на региональном и глобальном уровнях.

Принципом сотрудничества между государствами является правило jus cogens (норма неоспоримого права), один из принципов международного права, изложенных в ведущих международных документах: Устав ООН от 26 июня 1945 г. (ст. 1, 11, 13, 55, 56) (Закон & Постановление, 1945), Преамбула Венской конвенции о праве международных договоров (Закон & Постановление 1969 г.) и другие важные международные документы.

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью представляет собой сложную систему общественных отношений, которая реализуется в целях предупреждения, выявления, расследования, судебного разбирательства пре-

[1] © Серебрякова О. М., 2022.
[2] © Ерофеева Н. И., 2022.

ступлений и привлечения к ответственности виновных. Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью осуществляется по соответствующим направлениям, уровням и формам. Проведенное исследование показало, что если исходить из трактовки понятия направления как линии движения, то имеются следующие пути международного сотрудничества в сфере борьбы с международной преступностью:

1. Выявление международной противоправности общественно опасных деяний, посягающих на интересы государств, мирового сообщества, и возложение на государства обязанностей по закреплению их уголовной наказуемости в национальном законодательстве.

2. Формирование международных стандартов соблюдения прав и свобод человека при уголовном преследовании лиц, причастных к международной преступной деятельности.

3. Заключение международных договоров об осуществлении международного сотрудничества в сфере предупреждения преступности.

4. Применение мер, предусмотренных международными договорами и национальными законами государств, в целях расследования международной преступности – международных преступлений, преступлений международного характера и иных общеуголовных правонарушений, имеющих международную связь.

Согласно толкованию слова «уровень» как условной горизонтальной линии или плоскости к международному сотрудничеству в сфере борьбы с международной преступностью относятся:

1. Уровень двустороннего сотрудничества между государствами, заключающийся в сотрудничестве между государствами и их компетентными органами, дипломатическими представительствами, консульскими учреждениями и другими уполномоченными органами.

2. Сотрудничество на региональном уровне, которое осуществляется между государствами при условии их объединения по территориальному признаку или в рамках деятельности региональных международных организаций.

3. Сотрудничество на глобальном уровне, в котором участвуют практически все страны мира в борьбе с международной преступностью, при содействии международных организаций мирового уровня.

Согласно толкованию слова «форма» как способа организации и внешнего выражения деятельности к формам международного сотрудничества в сфере борьбы с международной преступностью относятся:

1. Международная правовая помощь, выдача лиц, подозреваемых в совершении преступлений, уголовное преследование в порядке передачи, которое осуществляется в целях расследования преступлений.

2. Направление осужденных к местам лишения свободы для дальнейшего исполнения наказания в государства согласно их гражданству или постоянному месту жительства.

3. Международный ордер на арест.

4. Обеспечение прав и свобод граждан одного государства при ведении уголовного производства в другом государстве.

5. Обмен информацией и опытом работы компетентных органов государств, организация учебно-методических, научных мероприятий, оказание помощи, в том числе для нужд судебно-технического и судебно-экспертного обеспечения.

Важным направлением международного сотрудничества в сфере борьбы с международной преступностью является заключение международных договоров, что составляет правовую основу этой деятельности. Их условно объединили в группы. Надо учитывать положения многоотраслевых международных договоров, заключенных министерствами, центральными органами исполнительной власти государств по отнесенным к ним вопросам и направлениям на совершенствование практических механизмов осуществления международного сотрудничества правоохранительных органов государств.

Характеризуя уровень международного сотрудничества в сфере борьбы с международной преступностью, можно сделать вывод, что в этих условиях принципиальным вопросом является конкретизация субъектов сотрудничества, которая и будет определять непосредственный уровень сотрудничества.

Условно субъекты сотрудничества при решении проблем международного сотрудничества можно разделить на две группы: уполномоченные (центральные) и компетентные органы государств; международные организации. Исследование показало, что субъектами сотрудничества при выполнении задач международного сотрудничества в области борьбы с преступностью и расследования соответствующих преступлений считаются уполномоченные (центральные) и компетентные органы. Но какие конкретные учреждения подразумеваются под этими терминами в разных странах, каков процедурный порядок и организационные особенности реализации мер сотрудничества? Различия в правовых системах государств, в структуре органов, занимающихся борьбой с преступностью, требуют уточнения этих терминов в соответствии с международными договорами, заявлениями и оговорками, выраженными государствами при их подписании и ратификации в национальном законодательстве.

В соответствии со ст. 15 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г. (Закон и регулирование, 1959), судебные приказы и запросы направляются Министерствами юстиции запрашивающей Стороны в Министерство юстиции запрашиваемой Стороны и возвращаются по тем же каналам. В неотложных случаях судебные постановления могут направляться непосредственно судебными органами запрашивающей Стороны судебным органам запрашиваемой Стороны.

Понятия органов юстиции и судебных органов были уточнены Государствами – участниками Конвенции (Совет Европы, 1959 г.). Например, во время ратификации правительство Италии сделало заявление о том, что в соответствии со ст. 24 Конвенции Конституционный суд и Парламентская Следственная комиссия должна дополнительно рассматриваться в качестве судебных органов. Республика Польша сделала заявление о том, что для целей Конвенции прокуроры также будут квалифицироваться как судебные органы.

Позитивной тенденцией следует считать тот факт, что допускается прямая связь или прямой порядок связи между компетентными органами, которые при этих условиях приобретают статус уполномоченных органов. Такое прямое

взаимодействие способствует эффективности сотрудничества, эффективному решению поставленных задач.

Ряд международных договоров о борьбе с международными преступлениями также регламентируют особенности прямого порядка взаимоотношений между компетентными органами государств для решения задач расследования преступлений (ст. 24 Конвенции об отмывании поиске, изъятие и конфискации доходов, полученных преступным путем, в 1990 г. (Совет Европы, 1990); ст. 35 Конвенции о киберпреступности 2001 г. (Конвенция о киберпреступности, 2001) и др.).

Прямое взаимодействие между компетентными органами государств способствует эффективности сотрудничества, упрощает решение ряда организационных вопросов. Исходя из вышесказанного, меры по повышению эффективности международного сотрудничества в области борьбы с преступностью должны включать совершенствование механизмов прямого сотрудничества между компетентными органами государств.

Решение важных задач международного сотрудничества в ходе расследования преступлений совершается с участием международных организаций на глобальном и региональном уровнях. Во всем мире ООН, созданная в 1945 г., в состав которой входят 193 государства-члена, определяет общие стандарты, принципы, рекомендации, касающиеся уголовного правосудия, прав и свобод граждан, вовлеченных в эту сферу. Задачи международного сотрудничества государств вытекают из ст. 1 Устава ООН, и многочисленные структурные подразделения, институты; специализированные конгрессы обеспечивают эффективное функционирование ООН в этой области. Генеральная Ассамблея ООН – инициатор разработки международных и национальных программ по борьбе с наиболее опасными и широко распространенными преступлениями международного характера.

В системе ООН существует ряд институтов, которые вносят свой вклад в решение проблем борьбы с преступностью на международном уровне: Центр по международному предупреждению преступности; Межрегиональный Румынский научно-исследовательский институт по вопросам преступности и правосудия ООН; Азиатский и Дальневосточный Институт ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Токио; Хельсинкский институт по предупреждению преступности и борьбе с ней; Институт по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Африканской ООН; Австралийский институт криминологии; Канадский международный центр уголовного законодательства и уголовного правосудия; Международный уголовный суд; Специальная финансовая комиссия по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ); Группа старших экспертов Большой восьмерки по транснациональной организованной преступности, известная как Лионская Группа и др.

Интерпол и Европол играют ведущую роль в решении задач правоохранительных органов.

Интерпол – международная правительственная организация, в которую входят 192 страны. Организационные модели НЦБ (Национального центрального бюро) различны, поскольку их структура определяется каждым государством

самостоятельно. В частности, посредством Интерпола при обмене информацией можно получить данные о:

– незаконной деятельности лица;

– лицах, подозреваемых в совершении преступления;

– местонахождении или месте жительства подозреваемых и обвиняемых, выехавших за границу;

– способе совершения преступления, обстоятельствах его совершения;

– незаконной деятельности организованных преступных групп и др.

Важным направлением сотрудничества с Интерполом при расследовании преступлений является выявление и проверка лиц, причастных к совершению преступлений, предметов, связанных с преступлением на основании протоколов Интерпола и полиции зарубежных стран. Несколько иначе обстоит дело с использованием помощи Интерпола в целях международного розыска и обеспечения экстрадиции лиц, совершивших уголовные преступления. В таких условиях Интерпол выступает не только как посредник и субъект взаимодействия, но и как орган, непосредственно организующий и координирующий проведение разыскных мероприятий, принимающий активное участие в обеспечении экстрадиции.

Разнообразие задач, решаемых Интерполом, требует ряд определенных средств. Одно из них – использование возможностей информационно-поисковой системы, глобальной телекоммуникационной системы, созданной на основе новейших информационных технологий и обеспечивающей качественный и конфиденциальный круглосуточный прямой доступ к информации. Интерпол оснащен Компьютеризированной криминальной информационной системой, которая позволяет искать широкий спектр информации и помогает идентифицировать преступников, используемые ими банковские счета, имена и адреса юридических лиц, причастных к преступлению. Система позволяет отправлять изображения НЦБ Интерпола в другие страны. Важным является информационно-аналитическое обеспечение деятельности Интерпола. Проверка отпечатков пальцев, дактилоскопических карт и ДНК-профилей с помощью баз данных Генерального секретариата Интерпола осуществляется в целях: 1) определения лиц, ранее дактилоскопированных; 2) определения неопознанного трупа человека; 3) розыска пропавших без вести; 4) установления лиц, оставивших отпечатки пальцев на месте преступления и др.

Деятельность Европейского полицейского управления напрямую связана с вопросом международного сотрудничества в расследовании преступлений на региональном уровне. Европол является специализированным агентством ЕС, которое координирует деятельность полиции и других компетентных органов ЕС, осуществляет сбор, анализ и обмен информацией о преступлениях и лицах, причастных к совершению этих преступлений, а также выполняет другие задачи.

Основа деятельности Европола – управление информацией для сотрудничества компетентных органов стран Европейского Союза в борьбе с международной преступностью. Европол распространяет свою деятельность на территорию

государств – членов ЕС. Он также сотрудничает с государствами, не входящими в его состав.

Информация, которой обмениваются компетентные органы в ходе международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, должна быть оперативной, взаимной, подробной и точной. Непроцедурный обмен информацией происходит между отдельными работниками – представителями компетентных органов государств. Такое сотрудничество выражается в различных формах – от консультирования представителей отдельных подразделений до предоставления справочной информации. Полученная таким образом информация носит ориентировочный характер, способствует принятию процессуальных и тактических решений. Важной задачей международного сотрудничества в сфере противодействия международной преступности является расследование соответствующих преступлений, которое, в свою очередь, характеризуется рядом особенностей:

1. Регулирование международным правом и соблюдение принципов взаимности, суверенитета государств, которые сохраняют своеобразный баланс между необходимостью справедливого выполнения вопроса о правовой помощи или иных формах международного сотрудничества и сотрудничества в целом.

2. Возможность отказа в исполнении запроса о международном сотрудничестве, если это может нанести ущерб суверенитету или безопасности государства, или иным важным интересам.

3. Специальные субъекты выполнения поставленных задач и используемые каналы связи.

Современное состояние борьбы с преступностью свидетельствует о необходимости более эффективного применения мер международного сотрудничества. В настоящее время важной задачей являются совершенствование и повышение эффективности практики осуществления международного сотрудничества, в частности, между уполномоченными органами, международными организациями. Это связано с рядом факторов: количественный рост международной преступности, ущемление интересов ряда государств, совершенствование средств и методов, используемых преступниками; борьба с ними – обязательство, налагаемое международным и национальным законодательством; утрата возможности сбора доказательств и ориентировочной информации при расследовании международных преступлений силами только одного государства, без применения мер международного сотрудничества; различия в законодательстве каждого государства и в практике реализации мер международного сотрудничества требуют формирования единого, согласованного подхода к решению практических задач.

Список литературы

1. Chornous, Y. International standards of criminal proceeding (Ukrainian case): KELM knowledge education. Law Management. – 2018. – № 22 (2). – P. 188–200.

2. Council of Europe. Convention on laundering, search, seizure and confiscation of the proceeds from crime of November 08. – 1990. Retrieved from // M.coe.int. – URL: https://rm.coe.int/168007bd23 (дата обращения: 20.02.2022).

3. Council of Europe. Second additional protocol to the European Convention on mutual assistance in criminal matters of November 08. Retrieved from. – 2011.

4. Karpov, O. The use of the means of international police agencies in the search for criminals. Published PhD dissertation, National academy of Internal Affairs. – 2011.

5. Law & Regulation. Charter of the United Nations and statute of the International Court of Justice. Retrieved from. – 1945.

6. Law & Regulation. European convention on mutual assistance in criminal matters of April 20. Retrieved from. – 1959.

7. Law & Regulation. (1969). Vienna Convention on the law of treaties (with annex), concluded at Vienna on 23 May. Retrieved from.

Серебрякова О. М.[1]*,*
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат филологических наук

Коннова Д. С.[2]*,*
курсант 317 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЗНАЧИМОСТЬ СТРУКТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Обеспечение безопасности во всем мире является основным направлением деятельности международных органов, к которым можно отнести Совет Лиги наций и Совет Безопасности ООН. Лига наций и ООН – универсальные международные организации, так как их главные органы были созданы по окончании двух последних мировых войн. По словам Илюхиной Р. М., «война сконцентрировала внимание на универсальных интересах государств, их взаимозависимости, усилив тенденцию к коллективной самозащите человеческого общества от опустошительных войн» [1]. Предложения по созданию Совета Безопасности ООН подготовили СССР, Великобритания и США в июле 1944 г.

Во многих странах после окончания Второй мировой войны начался процесс по реорганизации систем обеспечения национальной безопасности (СОНБ). В частности, этот процесс активно происходил в США, так как после накопленного опыта в результате проведения войны существенно изменился подход к осуществлению внешней политики.

Можно выделить характерные этапы развития обеспечения национальной безопасности в США в те годы. В 50-е–60-е годы прошлого века область деятельности государственного руководства, связанная с определением внешнеполитических целей и способов их достижения, а также с разработкой планов достижения этих целей и практической реализацией их, именуется в США политикой «национальной безопасности». В 1970-е годы начался прогресс в разработке теоретических основ формирования национальной стратегии. В 80–90-е годы прошлого века начинается продвижение в области обоснования национальной стратегии.

Структура СОНБ США образована еще в 1940-е годы, затем подвергалась некоторым коррективам, принципиально не изменившим ее основного содер-

[1] © Серебрякова О. М., 2022.
[2] © Коннова Д. С., 2022.

жания. В структуру СОНБ США входят: Президент страны, советники Президента, исполнительный аппарат, федеральные министерства и ведомства, Конгресс, а также Государственный Департамент (ГД) США, который осуществляет руководство внешней политикой страны.

Основные задачи ГД: оказание помощи Президенту в разработке внешней политики; обеспечение информацией правительственных органов по экономическим, политическим, военным, социальным, международным вопросам; дипломатическая переписка с другими государствами; руководство своими учреждениями за пределами страны; решение вопросов по иностранным представительствам в США; защита прав и интересов граждан США за рубежом.

Самое многочисленное учреждение в структуре СОНБ США – Министерство обороны, созданное в 1947 г., которое в настоящее время возглавляют министры, подчиняющиеся министру обороны. Они определяют силы и средства для реализации стратегии национальной безопасности.

Основной целью создания СНБ США было осуществление координации Государственного департамента и Министерства обороны, являющихся основными ведомствами в обеспечении национальной безопасности США.

В России подобным органом является Совет безопасности, главная задача которого – «согласование внутренней, внешней и военной политики по вопросам национальной безопасности с целью обеспечения более эффективного сотрудничества военных служб в вопросах, относящихся к сфере национальной безопасности» [2].

Задачи Совета безопасности России значительно разнообразнее, нежели в США, так как СБ имеет более широкий круг компетенции: он решает вопросы внутренней и внешней политики в области обеспечения безопасности; стратегические проблемы государственной, экономической, общественной, оборонной, информационной, экологической и иных видов безопасности; охрана здоровья населения; прогнозирование, предотвращение чрезвычайных ситуаций и преодоление их последствий, обеспечение стабильности и правопорядка в стране.

Сравнивая функции СНБ США и СБ РФ, заметим, что в обеих службах отсутствует функция интегральных оценок безопасности и выработки решений по комплексам угроз безопасности. При сопоставлении организационных структур можно сделать вывод о том, что структура СНБ не только значительно сложнее СБ, но она имеет подразделения (Высшая группа анализа и Комитет заместителей министров), которые могли бы сыграть роль органа, дающего экспертную интегральную оценку национальной безопасности.

Сравнительный анализ систем национальной безопасности России и США позволил выявить ряд характерных особенностей:

1. Осуществление регионального подхода. Стратегия национальной безопасности США содержит разделы, посвященные отдельным регионам мира, для которых рассматриваются потенциальные вызовы и угрозы. В России региональные приоритеты содержатся в Концепции внешней политики. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отдельных разделов не содержится, но отмечаются угрозы, связанные с диспропорцией

в уровнях развития субъектов Российской Федерации, а также пути их предотвращения путем сбалансированного, комплексного и системного развития субъектов Федерации.

2. Характер угроз национальной безопасности. Угрозы в США, определяемые с учетом долгосрочных интересов США, имеют преимущественно внешний характер. В России характер угроз носит преимущественно внутренний характер.

3. Методы противодействия угрозам национальной безопасности. В США специфика методов обусловлена характером угроз, а в России они представлены в виде задач и целей.

4. Роль информации и аналитики в принятии решений.

В США деятельность разведки заключается в направленном и конкретном обеспечении важнейшей информацией всех субъектов обеспечения национальной безопасности. США обладает высокой способностью координации различных ведомств: совместное планирование и сотрудничество по реализации планов, обмен информацией и идеями, возможность проведения обучения в разных ведомствах.

В России же наблюдается низкая эффективность влияния информации на принятие решений в силу недостаточной координации функций субъектов обеспечения национальной безопасности. Совет Безопасности РФ, не имея фактически прямых рычагов воздействия на процессы в области национальной безопасности, использует информацию, предоставленную МВД, ФСБ, СВР, ФСО России, Генеральной прокуратурой, Генштабом в обработанном виде. Поэтому необходимо создание системы стратегического планирования, комплексных решений проблем национальной безопасности.

5. Использование собственных национальных ценностей для защиты национальных интересов.

США – мировой лидер по навязыванию своих национальных интересов, так называемой мягкой силы. Высокий уровень использования интеллектуального потенциала и новых идей при выработке политики национальной безопасности в США достигается эффективной деятельностью аналитических центров как источника высококвалифицированных кадров для работы в администрации и аппарате Конгресса.

Стратегия национальной безопасности США основана на принципах:

– сохранить свое лидерство как единственная сверхдержава мира;

– установить эффективные политико-экономические отношения с наиболее сильными державами мира;

– создавать институты, содействующие экономическому сотрудничеству и решению проблем безопасности;

– поддерживать демократические процессы в мировом масштабе в целях распространения американских идеалов в мире.

Некоторые выводы по организации деятельности СОНБ России. СБ РФ и СНБ США при общности решаемых проблем в значительной степени различные организационные структуры. По кругу решаемых вопросов и по составу участников заседаний СНБ США и СБ РФ принципиально отличаются

в сторону большего круга вопросов и большей профильности участников заседаний СБ РФ.

Основные интересы:

– обеспечение свободы, безопасности и благосостояния граждан Германии и нерушимости ее государственной территории;

– интеграция в Европейский Союз, так как демократия, правовая государственность и благосостояние в Европе означают мир и безопасность также и для Германии;

– прочный трансатлантический союз с США как мировой державой, основанный на общности идеалов и интересов, так как потенциал США необходим для международной стабильности, ориентированной на выравнивание различий и на партнерство;

– вовлечение восточных соседей в западные структуры и создание новой кооперативной системы безопасности, охватывающей все государства Европы;

– соблюдение международного права и прав человека во всем мире; соблюдение справедливого всемирного экономического порядка, базирующегося на принципах рынка, так как безопасность отдельных стран может быть обеспечена только в рамках системы глобальной безопасности, которая гарантирует мир, право и благосостояние для всех.

В систему обеспечения национальной безопасности Германии входят:

– органы разведки – федеральная разведывательная служба (БНД), Ведомство разведки бундесвера (АНБ);

– органы контрразведки – Ведомство по охране Конституции (БФФ), ведомства по охране Конституции в землях (ЛФФ), военная контрразведка (МАД);

– специальные подразделения и группы пограничной охраны МВД – группы по борьбе с терроризмом (ГСГ-9), группы розыска и др.;

– особые формирования Ведомства уголовной полиции в федерации и землях – отделы государственной безопасности оперативного розыска и предварительного следствия, особые группы безопасности;

– службы безопасности Министерства экономики, других министерств, крупных компаний и фирм.

В 1990 г. был принят ряд законов, в которых определены задачи БНД, БФФ и МАД, а также основы их взаимодействия и координации. В соответствии с законодательством Германии о сотрудничестве БНД и БФФ возможен лишь обмен информацией. Оперативное взаимодействие предусмотрено только для военной контрразведки и Ведомства по охране конституции.

Федеральный совет безопасности Германии отвечает за разработку концепции государственной безопасности, вырабатывает предложения по стратегическим направлениям внешней и внутренней безопасности. В состав Совета безопасности входят: вице-канцлер, министр обороны, министр внутренних дел, министр иностранных дел, министры экономики и финансов и Уполномоченный по координации деятельности спецслужб [28]. Спецслужбы Германии осуществляют две основные задачи: обеспечение внешней безопасности и обеспечение внутренней безопасности, защита конституционного строя и целостности государства.

Основные положения в сфере обеспечения безопасности Франции представлены в Ордонансе от 7 января 1959 г. Важнейшим стратегическим инструментом является разведка, которая осуществляется на трех уровнях: стратегическом – для обеспечения возможности выработки адекватных долговременных решений руководством страны; тактическом – для обеспечения интересов отдельных структур, ведающих вопросами безопасности; оперативном – для обеспечения необходимой информацией исполнителей отдельных операций в режиме реального времени.

Таким образом, общей чертой зарубежных концепций национальной безопасности является ярко выраженный идеологический характер. Нечеткость понимания общего понятия безопасности, влекущая неясность понимания всех производных от него, допускает возможность трактовать безопасность более широко и, следовательно, использовать силы и средства обеспечения безопасности в интересах руководства государства.

Список литературы

1. Илюхина, Р. М. Лига наций 1919–1934 / Р. М. Илюхина. – М., 1982. – С. 22.

2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 20.02.2022).

Серебрякова О. М.[1]*,*
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат филологических наук

Кубков М. А.[2]*,*
курсант 317 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОТРУДНИЧЕСТВО ПОЛИЦИИ В КИТАЕ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Организованной преступностью называют преступления, совершенные группой людей, которые образуют тайную ассоциацию, имеют иерархическую структуру и полагаются либо на семейные связи (как классическая структура мафии), либо на иное более или менее постоянное членство. Согласно литературе современная организованная преступность, однако, часто не структурирована иерархически [3]. Единственный вид организованной преступности, который до сегодняшнего дня можно квалифицировать как иерархический, – это итальянская мафия. Все остальные сети считаются ячейковыми. Обычно организованная преступность транснациональна или действует на местном уровне. В рамках настоящей оценки основное внимание было уделено расследованию дел об организованной преступности через национальные и международные границы. В ряде случаев преступность действительно пересекает границы в Китае и ЕС, что оправдывает разработку стратегий трансграничного сотрудничества полиции в этой области.

ЕС – это регион, состоящий из 28 государств-членов с различными политическими и правовыми структурами, а также организационной культурой. Организованная преступность воспринимается в ЕС как угроза, следовательно, на уровне ЕС ведется значительная работа по реагированию на нее, что нашло отражение в развитии специализированных агентств ЕС по борьбе с организованной преступностью, таких как Европол, Евроюст и СЕПОЛ.

Особо важный вид организованной преступности, занимающий видное место в ЕС, – это торговля людьми и, в частности, сексуальная эксплуатация детей, включая детскую порнографию. Предотвращение и борьба с этим видом

[1] © Серебрякова О. М., 2022.
[2] © Кубков М. А., 2022.

организованной преступности были объявлены приоритетом ЕС, которая предложила новые правила для борьбы с преступниками, ответственными за сексуальное насилие над детьми и торговлю ими, а также для улучшения помощи жертвам. Кроме того, киберпреступность была объявлена приоритетом европейской борьбы с преступностью. Атаки на информационные системы и другие формы киберпреступности, такие как кража личных данных в интернете или жестокое обращение с детьми в интернете, растут вместе с быстро развивающимися технологиями. ЕС стремится быть в равной степени инновационным и гибким в реагировании на такие преступления. Разрабатываемые стратегии варьируются от поддержки трансграничных киберрасследований и подготовки полицейских до законодательных мер. Европейский центр по борьбе с киберпреступностью при Европе начал функционировать в янв. 2013 г.

Лучший способ борьбы с преступностью сегодня – это замораживание активов преступников. Эта точка зрения особенно устойчива в области организованной преступности ЕС. В ЕС были расследованы финансовые преступления, включая налоговое мошенничество, кражу личных данных, отмывание денег и коррупцию. Есть надежда, что ратификация Конвенции ООН против коррупции позволит создать более согласованную антикоррупционную политику ЕС. Однако главной проблемой в этой области является эффективное сотрудничество между государствами – членами ЕС, в частности, по предотвращению преступности путем эффективного замораживания, конфискации и возврата доходов, полученных преступным путем. Поэтому Европейская комиссия продвигает общесоюзные стандарты финансовых расследований и использование совместных следственных групп.

Другим видом организованной преступности, который становится все более распространенным в ЕС, являются контрафакция и нарушение прав интеллектуальной собственности. Объекты этих преступлений – дизайнерская одежда, продукты питания и фармацевтические препараты, и они нарушают не только законные коммерческие интересы, но и права потребителей, например на физическую неприкосновенность. Доход, получаемый от этих преступлений, может, по оценкам Европейской комиссии, конкурировать с оборотом наркотиков и огнестрельного оружия. По оценкам, организованные преступные группировки зарабатывают до 230 млрд евро в год только на торговле наркотиками. Поэтому ЕС разработал всеобъемлющую стратегию борьбы с наркотиками, реализуемую в рамках действий ЕС. Данный план охватывает сокращение предложения лекарств и спроса на них, координацию между членами – странами ЕС, информацию и исследования, а также сотрудничество со странами, не входящими в ЕС. Пакт ЕС о борьбе с международным оборотом наркотиков был принят в июне 2010 г. [2]

Другими проблемами, которые решаются в ЕС с особым упором на международное сотрудничество, являются такие преступные деяния, как пиратство в открытом море, торговля украденными автомобилями, насилие в спорте и торговля культурным наследием.

Китай включает четыре совершенно разных юрисдикции, в отличие от 28 в ЕС. Различия между ними большие, и проблемы, связанные с сотрудничеством полиции, более значительны. Основной закон Гонконга предусматривает политическое урегулирование по принципу «одна страна, две системы». Безусловно, в регионе действуют более двух систем. Система материкового Китая в значительной степени опирается на иностранные правовые модели. Уголовный кодекс Китая и уголовно-процессуальный кодекс в частности заимствованы из советской и германской правовых систем. Гонконг, как бывшая британская колония, регулируется системой общего права, которая сохраняется даже после рецессий в КНР в 1997 г.

В Макао, как и в Гонконге, не применяется смертная казнь, что отличает эти два административных района от материковой части и может осложнить сотрудничество полиции и правосудия между этими юрисдикциями. Тайвань, как и материковый Китай и Макао, – это гражданско-правовая система. Он содержит смесь Имперского китайского права, современное китайское право, принципы и концепции систем гражданского права, таких как в Германии и Японии, а также в Соединённых Штатах. Эти различия в системах и наследии права, несомненно, оказывают влияние на регулирование и структуру полиции в их рамках.

Особой проблемой организованной преступности в Китае является коррупция. Для борьбы с коррупцией в регионе в 1988 г. были созданы двусторонние официальные рамки сотрудничества. Схема взаимной правовой помощи (MCAS) между материковым Китаем и Гонконгом [3, с. 227] были созданы при помощи прокуратуры провинции Гуандун, Департамента и Независимой комиссии Гонконга по борьбе с коррупцией (ICAC) для расследования случаев трансграничной коррупции, однако она была оформлена в письменном виде только в 1996 г. Еще одно двустороннее соглашение в регионе было подписано в 1990 г. между Материковым Китаем и Тайванем «Соглашение Кинмэнь» [4, с. 174], которое переросло в 2009 г. в Соглашение о совместной борьбе с преступностью и взаимной правовой помощи, которое можно было бы рассматривать как официальное соглашение. Настоящее соглашение направлено на борьбу со всеми видами трансграничной преступности, но особенно это относится к организованной преступности и имеет те же последствия, что и рамки сотрудничества ЕС в этой области.

Неформальное сотрудничество наиболее распространенный вид сотрудничества в делах об организованной преступности в Китае. Организованную преступность можно считать наиболее значимой проблемой с точки зрения проблем преступности в регионе. Что касается обеспечения соблюдения законов о наркотиках, то это одна из самых больших проблем во всех четырех частях региона. Гуандун, Гонконг и Макао с 2003 г. сотрудничают в расследованиях преступлений, связанных с наркотиками, разрабатывают общие стратегии контроля над наркотиками и осуществляют общие законы о борьбе с наркотиками и межрегиональную политику в области наркотиков. Однако проблема, которая

остается – как и в ЕС, – заключается в различиях в режимах вынесения приговоров, и они ставят преграду перед любыми официальными соглашениями, влияющими на оперативное сотрудничество на местах. Еще одним фактором, способствующим неформальному сотрудничеству полиции, являются незаконные азартные игры. Например, чемпионат мира по футболу 2006 г. привел к расширению сотрудничества между системами и, в частности, к решению проблемы незаконных азартных игр.

Сотрудничество в борьбе с организованной преступностью в правоохранительных системах Китая лишь частично отличается от сотрудничества в этой же сфере в ЕС. «Неформальное» сотрудничество, которое превратилось в ЕС в более формальные механизмы, по-прежнему преобладает в Китае. Но это не означает, что все сотрудничество в ЕС уже носит формальный характер. Просто существует более высокая степень формализации благодаря правовой активности на уровне ЕС в этой области. Реальные проблемы организованной преступности в двух системах не сильно различаются, и в обоих регионах ощущается необходимость в расширении сотрудничества.

В обеих системах наиболее значимыми правонарушениями являются преступления, связанные с наркотиками, и это значительно укрепляет сотрудничество как в ЕС, так и в Китае. В то время как борьба с организованной преступностью в целом и преступлениями, связанными с наркотиками в частности, привела к созданию Европола в ЕС, в Китае действуют более «мягкие» законы и меры, регулирующие трансграничное правоприменение.

Следовательно, действительно ли необходимы дальнейшие стратегии, разработанные на уровне ЕС, или международные стратегии, как доказано на примере опыта в Китае, также обеспечат высокий уровень сотрудничества в области организованной преступности. Независимо от уровней формализации обе системы создали платформы для обмена информацией и формы совместных следственных групп, которые эффективно решают эту проблему. Кроме того, обе системы поддерживают существующие стратегии с помощью социальных мер, таких как совместное обучение, семинары, конференции, визиты и обмен офицерами. Тот факт, что в ЕС действует более формализованная система, по-видимому, не делает такую социальную поддержку излишней.

Возможным выводом из вышеизложенного может стать обсуждение сотрудничества в Китае в свете стратегий ЕС.

Исключая сотрудничество в судебной сфере и вопросы смертной казни, сотрудничество полиции в Китае в области организованной преступности очень развито, хотя и в большей степени за счет мягких мер, чем формализованных договоров и соглашений. Это очень похоже на то, как начиналось сотрудничество между европейскими странами 50 лет назад. С чисто оперативной точки зрения, система ЕС, по-видимому, не обладает выдающимися преимуществами, и многие хорошо работающие стратегии в ЕС аналогично развивались в Китае, несмотря на отсутствие формализации в азиатской части сравнения.

Список литературы

1. Petrus Van Duyne, ‘Organised crime, corruption, and power’, Crime, Law and Social Change, 26:3. – 1997. – P. 201.

2. Choy Dick Wan and Fu Hualing, ‘Crossborder relations in criminal matters’ in M. S. Gaylord, D. Gittings and H. Traver (eds), Introduction to crime, law and justice in Hong Kong / Hong Kong University Press. – 2009. – P. 227.

3. Sonny Shiu-Hing Lo, The politics of cross-border crime in Greater China – Case studies of Mainland China, Hong Kong, and Macao. New York: M.E. Sharpe. – 2009.

Серебрякова О. М.[1]*,*
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат филологических наук

Кузина А. А.[2]*,*
курсант 317 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

Международное правовое сотрудничество в борьбе с киберпреступностью осуществляется в первую очередь на основе региональных договоров. Каждый региональный правовой режим уникален и имеет специфические особенности. Регионализация международного правового сотрудничества в борьбе с киберпреступностью имеет свои положительные и отрицательные стороны и привела к парадоксальной ситуации, которая частично может объясняться транснациональным характером киберпреступности. С одной стороны, региональное соглашение – лучший способ решения проблемы киберпреступности в рамках определенной региональной организации, а с другой – различные подходы к криминализации деяний, совершенных в интернете или с использованием компьютерных технологий, могут привести к созданию безопасных условий для киберпреступников, препятствовать взаимной правовой помощи или выдаче между странами, принадлежащими к разным регионам.

Киберпреступность оказывает негативное влияние на различные аспекты социальной жизни и экономики. Как это было подчеркнуто ООН, «в последние годы резко возросли угрозы безопасности в интернете, и в настоящее время киберпреступность затрагивает более 431 миллиона взрослых жертв во всем мире» [1].

Киберпреступность – это не только одна из самых быстрорастущих угроз, она может быть разрушительной. В 2016 г. британский хакер Дэниел Кей разработал ботнет, атака которого в конечном итоге привела к отключению интернета в большинстве стран Запада Африки [2]. Другими хорошо известными примерами разрушительных кибер-инцидентов являются вирусные атаки Petya и NotPetya. По словам советника по внутренней безопасности США Тома Бос-

[1] © Серебрякова О. М., 2022.
[2] © Кузина А. А., 2022.

серта [3], последние распространились более чем на 10 стран и привели к общему ущербу в размере более 10 млрд долл.

Эти случаи прекрасно демонстрируют необходимость тесного международного правового сотрудничества в борьбе с киберпреступностью. В частности, это касается необходимости гармонизации уголовного законодательства, как материального, так и процессуального, а также правовой базы для взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдачи.

Не существует универсального договора, который касался бы только международного правового сотрудничества в борьбе с киберпреступностью. Однако некоторые международные договоры, регулирующие сотрудничество в борьбе с другими видами преступлений, могут быть применимы к этому вопросу.

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000) и Факультативный протокол, связанный с торговлей детьми (2000), могут стать основой для международного сотрудничества, когда киберпреступление будет удовлетворять общим требованиям вышеуказанных договоров. Факультативный протокол применим к производству, распространению, продаже или хранению детской порнографии, когда данные действия совершаются в интернете. Конвенция ООН может применяться к предупреждению, расследованию и уголовному преследованию киберпреступлений.

Однако этих международных рамок недостаточно для создания надежного механизма, требуется система взаимной помощи для сохранения и передачи электронных доказательств транснациональной киберпреступности, которая может затронуть разные государства, бросая вызов системе международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью.

Международные региональные межправительственные организации прилагают значительные усилия для создания эффективной правовой базы для борьбы с киберпреступностью. За последние 20 лет заключено 6 конвенций о киберпреступности: Конвенция Совета Европы о киберпреступности (2001) и Дополнительный протокол к ней о ксенофобии и расизме (2003); Африканский союз Конвенция о кибербезопасности и защите персональных данных (2014); Коллективная безопасность Договорная организация протокол о противодействии преступлениям в области информационной безопасности (2014 г.); Соглашение о сотрудничестве государств – членов СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (2001); Арабская конвенция о борьбе с преступлениями в области информационных технологий (2010). Эти договоры устанавливают правовую основу для гармонизации уголовного законодательства и сотрудничества правоохранительных органов и судов в борьбе с киберпреступностью в определенном регионе. Однако региональные соглашения создают различные формальные режимы регулирования, которые могут спровоцировать правовые конфликты, приводящие к возникновению противоречивой судебной практики и к созданию убежищ для киберпреступников.

Все региональные договоры имеют свои специфические особенности и разделены на две основные группы.

К первой группе относятся те, которые заключены на постсоветском пространстве и направлены на гармонизацию уголовного законодательства. Это протокол ОДКБ о противодействии преступлениям в области информационной безопасности и Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации.

Соглашение о сотрудничестве заключено с целью создания правовой основы для сотрудничества правоохранительных и судебных органов государств-участников в борьбе с киберпреступлениями. В то же время протокол ОДКБ направлен на обеспечение эффективного взаимодействия по противодействию преступлениям в информационной сфере и создание правовой основы для сотрудничества спецслужб и правоохранительных органов. Таким образом, договоры имеют близкие, но всё же разные объекты правового регулирования.

Протокол ОДКБ устанавливает правовую основу для пресечения поведения, которое рассматривается как преступление в соответствии с национальным законодательством государств-участников: против конституционного строя и государственной безопасности, против мира и безопасности человечества, в области информационных технологий.

Сфера действия Соглашения о сотрудничестве государств – участников СНГ относительно узка. Договор регулирует сотрудничество в борьбе только с преступлениями против компьютерной информации. Договор не содержит правовых положений о гармонизации уголовно-процессуального законодательства. Соглашение СНГ и Протокол ОДКБ регулируют возможные конфликтные ситуации, возникающие в результате участия государств-участников в других международных договорах.

В 2018 г. государства – участники СНГ подписали Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в области информационных технологий. Этот новый договор расширяет сферу сотрудничества государств – участников СНГ, требуя криминализации кибератак, компьютерных диверсий, онлайн-призывов к террористическим актам и экстремистской деятельности.

Ни один из договоров первой группы не содержит положений о процедурных мерах, которые должны быть приняты на национальном уровне. Однако одна из основных проблем в борьбе с преступностью в сетевой среде – это сложность выявления преступника и оценки масштабов и последствий преступного деяния.

Вторая группа договоров включает Конвенцию Совета Европы о киберпреступности и другие региональные конвенции, основанные на ней.

Конвенция Совета Европы о киберпреступности считается наиболее прогрессивным договором. Она охватывает гармонизацию законодательства, проблемы в области прав человека, возникающие в связи с борьбой с киберпреступностью, вопросы юрисдикции и взаимной правовой помощи. Он был ратифицирован 64 государствами, которые не являются государствами – членами СЕ. Его правовая база стала одним из аргументов против заключения универсальной конвенции под эгидой ООН во время конгрессов по предупреждению преступности. Делегаты полагали, что Конвенция Совета Европы могла бы

стать универсальной правовой основой для международного правового сотрудничества. Однако некоторые государства утверждали, что конвенция содержала положения, которые могли представлять угрозу национальной безопасности. Эти аргументы еще выдвигают некоторые страны.

Механизм присоединения к Конвенции Совета Европы о киберпреступности довольно сложен для государств, не являющихся членами СЕ. Государство-кандидат, стремящееся присоединиться к конвенции, должно получить согласие договаривающихся государств и согласие Комитета министров СЕ. Несмотря на то что за последние пять лет увеличилось число государств – участников; все еще несправедливо утверждать, что Конвенция может стать универсальной правовой основой.

Конвенция о киберпреступности заключена в 2001 г. и не учитывала всех современных тенденций в области киберпреступности. В этой связи Комитет по конвенциям (TCY) издает руководящие принципы, направленные на содействие эффективному использованию и осуществлению Конвенции Совета Европы в свете правовых, политических и технологических изменений [3].

Несмотря на положительные результаты, достигнутые TCY в толковании Конвенции Совета Европы, некоторые последние тенденции в области киберпреступности надо решать с помощью конкретного правового документа. В частности, широко распространена практика облачных вычислений, что создает новые проблемы для сбора электронных доказательств. Поэтому в 2017 г. государства-участники договорились начать подготовку протокола к этому договору, чтобы помочь правоохранительным органам обеспечить безопасность доказательств на серверах в иностранных, многочисленных или неизвестных юрисдикциях.

Содержание Арабской конвенции о борьбе с преступлениями в области информационных технологий разработано на основе Конвенции Совета Европы о киберпреступности. Договор состоит из двух частей: первая посвящена гармонизации уголовного законодательства. Вторая касается правового и судебного сотрудничества по этому вопросу. Предпринята попытка предоставить перечень преступлений, связанных с компьютерами. Однако у договора есть существенный недостаток. Он предписывает государствам-участникам криминализировать некоторые действия без объяснения их фактических причин. Арабская конвенция содержит важные правовые положения, касающиеся взаимной правовой помощи. Взаимная правовая помощь предоставляется на основании юридического запроса. Государство-участник может отказать в правовой помощи, если не соблюдается положение о двойной уголовной ответственности.

TCY был создан с целью координации консультаций государств-участников в трех областях (содействие эффективному использованию и осуществлению конвенции; обмен информацией о значительных правовых, политических или технологических разработках; рассмотрение возможного дополнения к конвенции).

Оперативный механизм Конвенции Африканского союза обладает более широкой компетенцией, чем TCY, и выполняет ряд функций, охватывающих все области, регулируемые договором. Он формулирует и способствует принятию кодексов поведения для использования должностными лицами; представляет отчеты Исполнительному совету об осуществлении конвенции; устанавливает партнерские отношения с органами Африканского союза и гражданским обществом.

Региональные договоры устанавливают различные правовые режимы для международного правового сотрудничества. Договоры, заключенные на постсоветском пространстве, направлены на гармонизацию уголовного законодательства и опираются на традиционный механизм правовой помощи. Договоры, разработанные на основе Конвенции Совета Европы, регулируют международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью, создавая основу для гармонизации уголовного законодательства. К сожалению, перечень киберпреступлений, отличается от региона к региону. Такая ситуация может привести к возникновению проблем с привлечением к ответственности лиц, совершивших транснациональные преступления.

Регионализация международного правового сотрудничества в борьбе с киберпреступностью имеет положительные и отрицательные стороны и привела к парадоксальной ситуации. С одной стороны, региональное соглашение – наилучший способ решения проблемы киберпреступности в рамках определенной региональной организации, а с другой – различные подходы к криминализации деяний, совершенных в интернете, могут привести к созданию безопасных условий для киберпреступников и препятствовать взаимной правовой помощи.

Отсутствие международно-правовой базы для взаимной помощи в этой области может привести к ситуации, когда сотрудникам правоохранительных органов придется сотрудничать напрямую на основе личных контактов со своими коллегами в зарубежных странах.

Конвенция Совета Европы о киберпреступности не может создать универсальный механизм международного сотрудничества. Он содержит очень сложный механизм присоединения, который является разумным для регионального договора, однако недопустим для любой конвенции, которая должна рассматриваться как универсальный уровень.

Любой процесс разработки региональных договоров должен сопровождаться всесторонним исследованием существующих договорных документов по киберпреступности.

Список литературы

1. UN Information Service, Cybercrime, available on // Unis.unvienna.org. – URL: http://www.unis.unvienna.org/unis/en/events/2015/crime_congress_cybercrime.html (дата обращения: 20.02.2022).

2. The Sunday Times, British hacker Daniel Kaye shut down web for entire nation of Liberia, available on // Thetimes.co.uk. – URL: https://www.thetimes.co.uk/article/british-hacker-daniel-kaye-shut-down-web-for-entirenation-of-liberia-dn9kzslhd (дата обращения: 10.10.2019).

3. Guidance Notes, available on // Coe.int/. – URL: https://www.coe.int/en/web/cybercrime/guidance-notes (дата обращения: 20.02.2022).

Серебрякова О. М.[1]*,*
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат филологических наук

Соколовский А. В.[2]*,*
курсант 317 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

БОРЬБА С КИБЕРПРЕСТУПНОТЬЮ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ

В течение последних двадцати лет недобросовестные пользователи компьютеров продолжали использовать компьютер для совершения преступлений. В настоящее время это явление приобрело сложный и беспрецедентный характер и потребовало быстрого реагирования в виде принятия законов, которые защищали бы киберпространство и его пользователей. Уровень изощренности достиг такого уровня, что система используется для совершения убийств и других видов причинения вреда. Киберпреступность по определению – это любое вредоносное действие, совершенное с компьютера или из интернета.

Другое определение, данное директором Исследовательского центра компьютерной преступности (CCRC) во время интервью 27 апреля 2004 г.: «Киберпреступность («компьютерная преступность») – это любое незаконное поведение, направленное с помощью электронных операций на безопасность компьютерных систем и обрабатываемых ими данных» [1]. По сути, киберпреступность – это преступление, совершенное в виртуальном пространстве, и виртуальное пространство сформировано таким образом, что информация о лицах, объектах, фактах, событиях, явлениях или процессах представлена математическим, символьным или любым другим способом и передается через локальные и глобальные сети.

Из вышесказанного следует вывод, что киберпреступность связана с разрушением компьютерных данных или сетей путем перехвата, вмешательства или уничтожения таких данных или систем. Она включает в себя совершение преступления против компьютерных систем или использование компьютера для совершения преступлений.

Это широкий термин, который описывает все: от электронного взлома до атак типа «отказ в обслуживании», которые приводят к потере денег пользователями электронных сетей.

---

[1] © Серебрякова О. М., 2022.
[2] © Соколовский А. В., 2022.

Основные категории киберпреступности:

1. Киберпреступления против людей.

2. Киберпреступления против собственности.

3. Киберпреступления против правительства.

4. Другие виды киберпреступлений включают:

4.1. Несанкционированный доступ к хостам – более известный как взлом. Взлом может принимать различные формы, некоторые из которых не требуют глубоких технических знаний.

4.2. Рассылка спама включает массовую рассылку электронных писем с целью продвижения и рекламы товаров и веб-сайтов.

4.3. Компьютерное мошенничество / мошенничество с «фишингом».

4.4. Атаки типа «отказ в обслуживании» или DDoS-атаки включают большие объемы трафика, отправляемого на хост или сеть, что делает его недоступным для обычных пользователей из-за чрезмерного потребления ресурсов.

4.5. Вирусы, трояны и черви относятся к одной категории, поскольку они представляют собой программное обеспечение, предназначенное для «заражения» компьютеров – или установки на компьютер без разрешения пользователя, однако каждый из них работает совершенно по-разному [3].

Причины, по которым киберпреступники совершают киберпреступления:

1. Киберпреступления ради признания. В основном их совершают молодые люди, которые хотят, чтобы их заметили, и они почувствовали себя в группе больших и крутых парней в обществе.

2. Быстрый заработок денег. Эта группа мотивирована жадностью и является профессиональными преступниками, которые подделывают данные в сети или системе, особенно данные электронной коммерции, электронного банкинга, с единственной целью совершения мошенничества и отмывания денег у ничего не подозревающих клиентов.

3. Киберпреступление может быть совершено для борьбы с делом, в которое, как человек думает, он верит; для того, чтобы пригрозить и чаще всего нанести ущерб, которые негативно сказываются на получателях.

Исследования показали, что ни один закон не может быть принят для эффективного искоренения такого бедствия, как киберпреступность. Попытки предпринимались на местном и международном уровнях, но эти преступления все еще имеют место быть. То, что является преступлением в одной стране, может не считаться преступлением в другой, поэтому киберпреступникам всегда было легко выйти на свободу после поимки.

Статистические исследования, проведенные в Великобритании, показали, что киберпреступность и недостатки программного обеспечения стоят Британии ежегодно до 10 млрд ф. ст. [2].

Инфраструктура информационных технологий, которая в настоящее время жизненно важна для связи, торговли и контроля над нашей физической инфраструктурой, очень уязвима для террористических и преступных атак. Частный сектор играет важную роль в обеспечении безопасности национальной ИТ-инфраструктуры путем внедрения надежных продуктов безопасности и внедрения передовых методов обеспечения безопасности.

Но федеральное правительство также играет ключевую роль, поддерживая открытие и разработку технологий кибербезопасности, которые лежат в основе этих продуктов и методов. Повышение уровня кибербезопасности страны требует высококвалифицированных специалистов для разработки, развертывания и внедрения новых продуктов и методов кибербезопасности. Число таких высококвалифицированных специалистов слишком мало, учитывая масштабы проблемы. Ситуация усугубляется недостаточным и нестабильным уровнем финансирования долгосрочных исследований в области гражданской кибербезопасности, а университеты в этой сфере зависят от привлечения и удержания профессорско-преподавательского состава.

Уязвимости в программном обеспечении, размещенном на компьютерах, существенно усугубляют проблему кибербезопасности. Методы разработки программного обеспечения, которые были нормой ранее, не обеспечивают высококачественное, надежное и безопасное программное обеспечение, необходимое ИТ-инфраструктуре.

Разработка программного обеспечения еще не наука или строгая дисциплина, и процесс разработки не контролируется с целью минимизации уязвимости, которые используют злоумышленники. Сегодня уязвимое программное обеспечение может быть взломано и изменено, чтобы нанести ущерб ранее исправному программному обеспечению, а зараженное программное обеспечение может воспроизводить себя и передаваться по сетям, чтобы нанести ущерб другим системам.

Эти разрушительные процессы могут быть невидимы для непрофессионала, хотя эксперты признают, что их угроза растет. И решающее значение имеют как профилактические меры, так и исследования. Первые позволяют минимизировать ущерб сегодня, а вторые – заложить фундамент знаний и возможности, которые помогут специалистам по кибербезопасности завтрашнего дня снизить риск и свести к минимуму ущерб в долгосрочной перспективе.

Враждебная сторона, использующая компьютеры, подключенные к интернету, за тысячи миль от вас, может атаковать компьютеры, подключенные к интернету в США так же легко, как если бы они находились по соседству. Зачастую бывает трудно установить исполнителя такого нападения, и даже когда преступник установлен, уголовное преследование за пределами национальных границ является проблематичным.

Нужно обучать граждан тому, что, если они собираются пользоваться интернетом, им необходимо постоянно поддерживать и обновлять безопасность их систем, чтобы они не могли быть скомпрометированы, например, чтобы не стать агентами при DDoS-атаке или для распространения «спама». Также необходимо обучать корпорации и организации передовым методам эффективного управления безопасностью.

Информационная безопасность относится к мерам, принимаемым для защиты или сохранения информации в сети, а также самой сети. Тревожный рост числа преднамеренных атак с потенциально катастрофическими последствиями для взаимозависимых сетей и информационных систем по всему миру требует,

чтобы значительное внимание уделялось инициативам по защите критически важной информационной инфраструктуры.

В течение многих лет правительства защищали стратегически важные инфраструктуры, однако в последнее время информационная революция изменила все сферы жизни. Изменился способ ведения бизнеса, функционирования правительства и обеспечения национальной обороны. В настоящее время эта деятельность опирается на взаимозависимую сеть инфраструктур информационных технологий, что увеличивает наш риск для широкого спектра новых уязвимостей и угроз для критически важных инфраструктур страны.

Растущая распространенность, взаимосвязанность и глобализация информационных технологий в сочетании с быстро меняющимся, динамичным характером киберугроз и приверженностью использованию ИКТ для социально-экономического развития обусловливают острую необходимость защиты важнейших информационных инфраструктур для обеспечения большего контроля. Это означает, что правительства должны применять комплексный подход к защите этих инфраструктур от киберугроз.

Исследование показало, что в совершении киберпреступлений участвуют три категории людей (идеалисты, мотивированные жадностью и кибертеррористы). В равной степени было установлено, что эти категории людей в немалой степени способствовали кибертерроризму.

Киберпреступность и кибербезопасность стали предметом серьезной озабоченности всех правительств мира. Мягкое наказание киберпреступлений ограничивает сдерживание: в странах с обновленными уголовными законами ах, что не может удержать преступников от совершения преступлений, оказывающих широкомасштабное экономическое и социальное воздействие на общество. Кроме того, глобальное лоскутное одеяло законов создает мало определенности; между странами мало консенсуса относительно того, какие преступления должны быть законодательно запрещены.

Распространение верховенства закона на киберпространство критически важно. Поскольку разработка таких законов для эффективного противодействия киберпреступности все еще находится в стадии разработки, частные лица и корпоративные организации должны разработать способы обеспечения безопасности своих систем и данных. Чтобы обеспечить эту самозащиту, организациям нужно сосредоточиться на реализации планов кибербезопасности, направленных на решение проблем с персоналом, процессами и технологиями, следует выделить больше ресурсов для обучения сотрудников организаций методам обеспечения безопасности, разработать тщательные планы и рекомендации.

В качестве рекомендаций предлагаются такого рода действия (как в области безопасности, образования, так и законодательства), учитывая слабый характер глобальной правовой защиты от киберпреступности:

1. Законодательный подход.

1.1. Законы должны применяться в том числе к киберпреступности. Национальные правительства по-прежнему являются главным органом власти, который может регулировать преступное поведение в большинстве стран мира. Со-

знательные усилия правительства по принятию законов для борьбы с киберпреступлениями совершенно необходимы.

1.2. Разработать прогрессивные программы наращивания потенциала национальных правоохранительных органов.

1.3. Должны существовать симбиотические отношения между фирмами, правительством и гражданским обществом для укрепления правовых рамок кибербезопасности. Деяние должно быть признано преступлением в каждой юрисдикции, прежде чем оно может быть подвергнуто судебному преследованию.

2. Подход к обеспечению безопасности.

2.1. Укрепление системы доверия, включая информационную безопасность и сетевую безопасность, аутентификацию, конфиденциальность и защиту потребителей, является необходимым условием для развития информационного общества и укрепления доверия среди пользователей ИКТ.

2.2. Необходимость активно продвигать, развивать и внедрять глобальную культуру кибербезопасности в сотрудничестве со всеми заинтересованными сторонами и международными экспертными органами.

2.3. Упорядочение и улучшение координации по осуществлению мер информационной безопасности на национальном и международном уровнях.

2.4. Создание основы для внедрения информационной безопасности в важнейших секторах экономики, таких как коммунальные услуги, телекоммуникации, транспорт, туризм, финансовые услуги, государственный сектор, производство и сельское хозяйство, а также разработка основы для управления рисками информационной безопасности на национальном уровне.

2.5. Создание институциональной структуры, которая будет отвечать за мониторинг ситуации в области информационной безопасности на национальном уровне, распространение рекомендаций по последним предупреждениям об информационной безопасности и управление рисками информационной безопасности на национальном уровне, включая отчетность о нарушениях и инцидентах информационной безопасности.

2.6. Содействие безопасной электронной торговле и электронным государственным услугам.

2.7. Защита прав физических лиц на неприкосновенность частной жизни при использовании электронных средств связи.

2.8. Разработка национальной структуры технологий кибербезопасности, которая определяет контроль требований к кибербезопасности и базовые условия для отдельных пользователей сети.

2.9. Фирмы должны обеспечивать безопасность своей сетевой информации. Когда организация обеспечивает безопасность своих сетей, становится возможным применять законы о правах собственности и наказывать тех, кто вмешивается в данную собственность.

3. Образование/Научные исследования.

3.1. Повышение осведомленности и компетентности в области информационной безопасности и обмена передовым опытом посредством развития культуры кибербезопасности на национальном уровне.

3.2. Внедрение программы оценки/сертификации продуктов и систем кибербезопасности.

3.3. Развитие, укрепление и поддержание национальной культуры безопасности, стандартизация и координация программы повышения осведомленности и образования в области кибербезопасности.

Список литературы

1. Golubev’s interview // Crime research.org. – URL: http://www.crime research.org/Golubev_interview_052004/ (дата обращения: 20.02.2022).

2. Sinrod, J. Eric. What’s Up With Government Data Mining? – 2004. – September, 6.

3. Douglas A. Barnes. Deworming the internet. Texas Law Review, 83. – 2004. – P. 279–329.

Третьяков А. В.[1]***,***
курсант 602 учебного взвода
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Безбородова Л. А.[2]***,***
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВЕЛИКОМ ГЕРЦОГСТВЕ ЛЮКСЕМБУРГ

В настоящее время Великое Герцогство Люксембург – единственное государство-герцогство в мире, статус суверенного государства которое получило в 1867 г. С 1922 г. форма правления в стране парламентская демократия в рамках конституционной монархии. С 2000 г. главой государства является Анри, седьмой великий герцог Люксембурга. Государство во всем отстаивает культурную и национальную независимость под лозунгом «Мы хотим остаться такими, какие мы есть» (Mir wulle bleiwe wat mir sin). Эти слова высечены на фронтоне столичной ратуши. В Люксембурге три государственных языка – немецкий, французский и люксембургский. На французском чаще говорят в правительственных учреждениях, немецкий – язык деловых кругов и прессы, в быту же большинство местных жителей использует люксембургский язык, Lutzebuergesch [лётцебюргеш], которому в 1982 г. был присвоен статус национального.

Люксембург находится в таможенной унии с Бельгией, а с 1944 г. вместе с Бельгией и Нидерландами входит в качестве составной части в межгосударственное объединение стран Бенилюкс. На территории Люксембурга разместились многие институты Европейского сообщества, в частности Европарламент (наряду со Страсбургом), Ревизионная комиссия, Европейский инвестиционный банк и Европейский суд аудиторов. Люксембург председательствовал в Евросоюзе с июля по декабрь 1997 г. Однако самое яркое событие в истории Люксембурга после Второй мировой войны – подписание общеевропейского соглашения (1985) около деревни Шенген. От названия этой деревни и происходит название визы почти во все страны Европы.

В соответствии с Конституцией Великого Герцогства Люксембург, которая состоит из 12 глав и 121 статьи, в седьмой главе, посвящённой вооружённым силам государства, прописано какие подразделения относятся к вооружённым силам, какова структура и функции жандармерии, а также то, что допускается формирование гражданской гвардии, организация которой определяется законом [1].

---

[1] © Третьяков А. В, 2022.
[2] © Безбородова Л. А., 2022.

Вооруженные силы (ВС) Люксембурга состоят из Сухопутных войск (СВ) и жандармерии. Верховным главнокомандующим ВС является глава государства – Великий герцог, осуществляющий руководство через Министерство ВС и штаб армии.

В боевой состав СВ входят 1 лёгкий пехотный батальон, две разведывательные роты (одна выделена в состав бельгийской дивизии, входящей в Еврокорпус, вторая – в состав сил быстрого развёртывания НАТО) и учебная рота. На вооружении СВ находятся 6 миномётов, ПУ ПТУР и безоткатные артилерийские орудия. Военно-воздушных сил нет, однако в составе ВС находится авиационная эскадрилья самолётов дальнего радиолокационного обнаружения и управления НАТО (17 самолётов E-3A AWACS и 3 транспортных самолёта Боинг-707). Комплектование ВС осуществляется на добровольной основе. Мобилизационные ресурсы 115,7 тыс. человек, в том числе годных к военной службе 95,1 тыс. человек. На территории Герцогства находятся склады боеприпасов, военной техники и материально-технических средств для обеспечения войск США и НАТО.

Обеспечением национальной безопасности в государстве занимается Министерство внутренней безопасности, которое отвечает за координацию и осуществление общей политики внутренней безопасности Люксембурга. Оно обеспечивает подготовку и проведение встречам по вопросам национальной и международной безопасности. Компетенция Министерства внутренней безопасности изложена в постановлении Великого герцога о структуре министерств. Министерство внутренней безопасности действует в качестве надзорного органа над полицией Великого герцога и Общей инспекции полиции (IGP) [2].

Помимо Министерства внутренней безопасности активное участие в обеспечение национальной безопасности принимает полиция Великого Герцога – национальная полицейская служба Великого Герцогства Люксембург, которая находится под контролем министра внутренних дел Люксембурга, хотя она и действует от имени и под полным контролем Великого Герцога Люксембургского, повседневный исполнительный контроль осуществляется генеральным директором полиции Великого Герцога. Полиция Великого Герцога существует в нынешнем виде с 1 января 2000 г., когда жандармерия Великого Герцога была объединена с полицейской службой. Полиция Великого Герцогства отвечает за обеспечение внутренней безопасности Великого Герцогства Люксембург, поддержание закона и порядка, пограничный контроль и соблюдение всех законов и указов Великого Герцогства. Она также отвечает за помощь вооруженным силам Люксембурга в их внутренних операциях, как предписано Великим герцогом Люксембургским. В соответствии с Законом от 31 мая 1999 г. «О создании корпуса Государственной полиции Люксембурга и Главной инспекции полиции», основной задачей полиции Люксембурга является обеспечение внутренней безопасности и законности, а также поддержание общественного порядка и урегулирование конфликтов (ст. 2 Закона) [2, с. 1801–1824].

Полиция Великого Герцогства поделена на шесть регионов, которые находятся под командованием региональных директоров полиции. Директор

отвечает за центры по принятию неотложных мер, местные полицейские участки и региональные службы. Штаб-квартиры регионов находится в Капеллен, Дикирх, Эш-сюр-Альзетт, Гревенмахер, Люксембург и Mersch. Центры по принятию неотложных мер (Centre d'Intervention Primaire, сокращенно «CIP») самые оснащенные и готовые для оказания помощи в чрезвычайных ситуациях. CIP также служат в качестве штаб-квартиры для региона, обеспечивая административную поддержку для других операционных центров региона. Региональные полицейские силы также несут прямую ответственность за охрану дорог, расследование уголовных дел и оказание помощи жертвам преступлений. Местные полицейские участки (комиссариаты) (Commissariat de Proximité, сокращенно «CP») действуют самостоятельно, но под контролем регионального директора. Существует ещё специальное полицейское подразделение в Люксембурге, которое располагается в аэропорту Финдел и осуществляет пограничный контроль.

Инспекция полиции Люксембурга (IGP) создана в 2000 г. в результате реорганизации полиции. Основная задача инспекции – контроль за деятельностью полиции Великого Герцога в соответствии с правовыми положениями закона.

Генеральная инспекция полиции состоит из четырех отделов:

1. Отдел «административных и судебных расследований», ответственный за проведение административных и судебных расследований.

2. Отдел «контроля и аудита», который осуществляет проведение экспертиз, аудита и мониторинг решений, принимаемых полицией, а также контроль за определенными видами деятельности полиции, такими как контроль мест лишения свободы, уголовное преследование и административные меры.

3. Отдел «анализа», который помимо проведения исследований, ответственен за составление ежегодного отчета для министра, содержащего выводы и рекомендации, выпущенные IGP в течение года в рамках его различных сфер деятельности.

4. Отдел «дисциплинарных расследований», который занимается расследованием дел, возбужденным генеральным директором полиции.

Общая инспекция полиции (IGP) – контролирующий орган полиции Великого Герцога Люксембургского. Его основная задача – контролировать работу полиции. IGP находится в прямом подчинении министра внутренней безопасности и в функциональном подчинении министра юстиции, генерального прокурора, а также других судебных органов. Таким образом, генеральная инспекция интегрирована во внешнюю формальную систему полицейского контроля. Контроль, осуществляемый Генеральной инспекцией, не конкурирует с существующими видами контроля, такими как административный контроль, осуществляемый министром и административными органами; судебный контроль, осуществляемый судебными властями, а также парламентский контроль, осуществляемый Палатой депутатов и ее комитетами. Наряду с этими тремя столпами существуют и другие формы контроля: внутренний иерархический контроль над полицией и неформальный контроль со стороны полицейских союзов, прессы и граждан в целом.

Полномочия Инспекции полиции:

1. Контроль законности – в рамках этой миссии IGP наблюдает за исполнением законов и постановлений и сообщает о недостатках и проблемах соответствующему органу.

2. Контроль качества – это миссия по контролю эффективности и результативности работы полиции, а также за качеством услуг, предоставляемых гражданам.

3. Судебные расследования – Генеральный инспектор, заместитель Генерального инспектора и сотрудники полиции IGP имеют статус сотрудников экспертной полиции. В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса они могут проводить предварительное расследование или даже совместно с прокуратурой привлечь к ответственности в связи с судебным расследованием уголовных деяний, совершенных одним или несколькими сотрудниками полиции.

4. Консультативная задача – IGP, в рамках своих полномочий отвечает на любой запрос о задержании, поступивший от соответствующего министра, министра юстиции и генерального прокурора. Инспекция полиции формулирует для внимания ответственного министра все мнения, предложения и рекомендации относительно деятельности, организации или управления полиции, которые он считает полезными. IGP также участвует в обучении сотрудников полиции правам человека и полицейской этике.

5. Дисциплинарные указания: ст. 9 Закона от 18 июля 2018 г. о Инспекции полиции [3] гласит, что «IGP выполняет дисциплинарные указания в соответствии с законом от 18 июля 2018 г. о дисциплинарном статусе сотрудников полиции Великого Герцога». Это новая компетенция IGP, поскольку до первого августа 2018 г. дисциплинарные дела в отношении сотрудников полиции являлись внутренним делом полиции. Таким образом, в настоящее время и в будущем IGP должна расследовать дисциплинарные дела, инициированные генеральным директором полиции. С этой целью создан отдел «дисциплинарных указаний».

Компетенции Инспекции полиции Люксембурга:

1. Инспекция полиции (IGP) компетентна принимать решения только в отношении полиции Великого Герцога или деятельности ее персонала.

2. IGP уполномочена следить за исполнением дисциплинарных инструкций. Тем не менее, в соответствии со ст. 24 Закона о гражданстве и дисциплинарном статусе полиции Великого Герцога, возбуждение процесса, связанного с дисциплинарными нарушениями возложено на Дирекцию полиции.

3. IGP не принимает решения вместо Дирекции полиции.

4. IGP контролирует выполнение рекомендаций, принятых Генеральной Дирекцией полиции.

5. IGP не обладает компетенцией рассматривать жалобы по существу вынесенных налоговых предупреждений, в частности, в случае нарушений правил дорожного движения. Эти жалобы должны быть адресованы непосредственно агенту, выдавшему их, полиции или компетентным судебным органам, и это до

уплаты налогового предупреждения (AT). С учетом возложенных компетенций IGP подает жалобы непосредственно в Дирекцию полиции.

6. IGP не обрабатывает претензии, непосредственно связанные с текущими судебными делами.

Политическая система Люксембурга функционирует эффективно и стабильно, в сочетании со стабильной ситуацией в обществе, попытки неконституционной смены власти или государственных переворотов маловероятны. Государство характеризуется отсутствием серьёзных конфликтов и благоприятной ситуацией в сфере экономики, например, уровень коррупции в Люксембурге оценивается как низкий. На территории Люксембурга отсутствуют, представляющие угрозу, нелегальные сепаратистские или антиправительственные объединения, что обусловлено высоким уровнем благосостояния населения, отсутствием конфликтогенных территориальных расколов, а также широким общественным консенсусом относительно ключевых направлений государственной политики. Ни одно из соседних государств не заявляет о своих претензиях на территории, принадлежащие Люксембургу. В последнее время на территории Великого герцогства Люксембург терактов или попыток их осуществления зафиксировано не было. Люксембург не сталкивается с проблемой избыточной миграции, потому что правительство проводит активную политику интеграции иммигрантов.

Что касается столицы государства, города Люксембург, то он самый безопасный город в мире, но занимает лишь 18-е место по общему качеству жизни. По уровню личной безопасности Люксембург опережает Хельсинки и швейцарские города Базель, Берн и Цюрих. Уровень преступности как в городе, так и в государстве в целом находится на благоприятном показателе, а также стоит подчеркнуть, что преступность имеет тенденцию к снижению в столице Великого Герцогства. Как показали последние данные полиции Люксембурга, в 2017 г. наблюдалось общее снижение как абсолютного числа зарегистрированных преступлений, так и показателя на 100 тыс. жителей. Тем не менее, угоны автомобилей и общественное пьянство возросли.

Таким образом, несмотря на небольшие показатели качества жизни в стране, государство строит эффективную политику в области национальной безопасности, создав надёжную систему по поддержанию правопорядка и стабильности в обществе, а также снижению уровня преступности по всей стране.

Список литературы

1. Конституция Великого герцогства Люксембург // Worldconstitutions.ru. – URL: https://worldconstitutions.ru/?p=146 (дата обращения: 20.02.2022).

2. Закон от 18.07.2018 «О Генеральной инспекции полиции и внесение поправок в закон» // Egilux.public.lu. – URL: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2018/07/18/a623/jo (дата обращения: 20.02.2022).

3. Официальный сайт полиции Великого Герцогства Люксембург. – URL: https://police.public.lu/fr.html (дата обращения: 20.02.2022).

4. Официальный сайт Министерства внутренней безопасности. – URL: https://msi.gouvernement.lu/fr.html (дата обращения: 20.02.2022).

Чурсина А. Д.[1]*,*
адъюнкт 1 года обучения ФПНПиНК
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

УГРОЗЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ОТВЕТНЫЕ МЕРЫ КАНАДСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

За последнее десятилетие социальные сети получили во всем мире поразительное распространение. Виртуальные глобальные сообщества произвели настоящую революцию в самых разных областях жизнедеятельности людей, включая журналистику, маркетинг, политику, науку, затронув и сферу криминальной активности. Последнее создало ряд проблем для уголовного законодательства стран, которое начали все чаще сталкиваться с негативными последствиями этой новой технологии. В связи с тем, что многие россияне систематически пользуются социальными сетями, неудивительно, что соответствующие сайты интернета часто становятся площадкой для совершения преступлений.

Международное сотрудничество в области обмена правовой информацией и анализа зарубежного опыта – важный элемент в борьбе с киберпреступностью. В связи с этим представляет интерес опыт реализации уголовно-правовой политики Канады по противодействию преступности в социальных сетях. В 2018 г. на территории Канады Бенджамин Перрин (профессор Школы права Университета Британской Колумбии) провел исследования в рамках проекта «Преступления в социальных сетях» [1], проанализировав зарегистрированные судебные решения Канады, связанные с совершением преступлений в социальных сетях. Таким образом, наиболее распространенными преступлениями были: преступления на сексуальной почве, угрозы и преследование.

Под угрозой в соответствии со ст. 264.1 Уголовного кодекса Канады [2] в целом понимается преступное деяние, которое выражено в умышленном произнесении, передаче угрозы любым способом, или вынуждении другого лица ее получить.

Впервые ответственность за угрозу была закреплена в 1869 г., когда парламент криминализировал деяние, связанное с письменными угрозами убить кого-либо. Законодательная эволюция данной уголовно-правовой нормы связана с постоянным расширением сферы ее действия, вплоть до действующей редакции, которая включает в себя не только угрозы причинения смерти, но и угрозы причинения телесных повреждений, угрозы в отношении имущества и животных, переданные любым способом. Использование информационно-телекоммуникационных технологий (включая социальные сети) стало новым способом передачи таких сообщений.

---

[1] © Чурсина А. Д., 2022.

На основании данных, представленных на сайтах Статистического управления Канады [3] и Главного информационно-аналитического центра МВД России [4], имеется возможность проанализировать уровень распространенности преступления, связанного с угрозой убийством:

Таблица 1

Статистические сведения о преступлениях, предусмотренных ст. 119 УК РФ и 264.1 Уголовного кодекса Канады за 2016–2020 гг.

	2016 г.	**2017 г.**	**2018 г.**	**2019 г.**	**2020 г.**
Количество в России	42494	38403	35241	30105	29168
Количество в Канаде	174	292	260	294	325

При сопоставлении вышеуказанных сведений следует учитывать уровень распространенности данного преступления на 100 тыс. чел. Таким образом, за 2020 г. в России уровень составил 20 преступлений на сто тысяч человек (29168/144 100 000Х100 000). В Канаде данный показатель составил менее одного преступления на сто тысяч человек (325/38 010 000Х100 000). Поэтому правильно произвести анализ законодательства Канады для выявления положительного опыта при рассмотрении вопроса о совершенствовании отечественного уголовного законодательства.

В соответствии со ст. 264.1 Уголовного кодекса Канады «Преступление совершает каждый, кто каким-либо образом умышленно произносит, передает или заставляет лицо получить угрозу, которая выражена в:

a) причинении смерти или телесных повреждений любому лицу;

наказывается лишением свободы на срок, не превышающий пяти лет или штрафом до 5000 долл. США для физического лица или 100 000 долл. США для организации;

b) сожжении, уничтожении или повреждении недвижимого или движимого имущества;

c) убийстве, отравлении или ранении животного или птицы, которые являются собственностью любого лица – наказывается лишением свободы на срок до двух лет».

Вышеуказанная норма нередко становится объектом общественных дебатов в контексте борьбы между ограничением оскорблений и свободой выражения в социальных сетях. Причина разногласий заключается в коллизии нормы Канадской хартии прав и свобод и нормы уголовного законодательства этой страны.

Статья 2, пункт (b) Канадской хартии прав и свобод обеспечивает конституционную защиту свободы выражения мнений как одной из основных свобод: «2. Каждый человек имеет следующие основные свободы: <…> (b) свобода

мысли, убеждений, мнений и их выражения, включая свободу печати и других средств коммуникации [5]».

Исторически, исходя из широкого толкования, которое Верховный суд Канады дал этой фундаментальной свободе, считалось, что ст. 264.1 Уголовного кодекса нарушает свободу выражения мнения, гарантированную ст. 2, п. (b) Хартии. Однако в главном законе страны в 1 статье указано, что права и свободы гарантируются в разумных пределах, установленных законом [6].

Таким образом, Хартия прав и свобод Канады закрепила определенные юридические ограничения реализации свободы выражения мыслей и убеждений. Дополнительное разъяснение по поводу нормы Уголовного кодекса о высказывании угрозы дал Верховный суд Канады в 2012 г., установив в пункте 70, что угрозы насилия полностью исключены из защиты по ст. 2, п. (b) Хартии. Как написал председатель Верховного суда Маклахлин для единогласного решения суда в деле Р. против Хаваджи [7]:

«[...] Угрозы насилия, как и насилие, подрывают верховенство закона. [...] Они подрывают сами ценности и социальные условия, которые необходимы для дальнейшего существования свободы выражения [...] Угрозы насилия не подпадают под действие ст. 2(b), гарантирующей свободу выражения».

Основные элементы состава преступления, связанного с произнесением угроз, предусмотренного ст. 264.1, ч. 1, п. (a) Уголовного кодекса («Правонарушение совершает каждый, кто каким-либо образом умышленно произносит, передает или заставляет лицо получить угрозу причинения смерти или телесных повреждений любому лицу»), были объединены и уточнены Верховным судом Канады в деле «R. v. McRae» [8] 12 июня 2013 г. Объективная сторона, выраженная в запрещенном деянии (actus reus), заключается в том, что обвиняемый любым способом произнес, передал или заставил лицо получить угрозу о причинении смерти или телесных повреждений. Стороне обвинения не нужно доказывать, что предполагаемому получателю угрозы было известно об угрозе, а также не имеет значения, был ли потерпевший запуган ею или воспринял ее всерьез. Уголовно наказуемо само высказывание такой угрозы, которая по смысловому содержанию имеет цель запугать, вне зависимости от того, была ли эта цель достигнута. Слова также не обязаны быть обращены к конкретному лицу, достаточно угрозы в отношении установленной группы лиц (например, сотрудникам полиции, представителям расы и т. д.).

Что касается субъективной стороны, вины, выраженной в психическом отношении лица к совершаемому деянию (mens rea), то умысел обвиняемого должен быть направлен на запугивание потерпевшего. При этом при квалификации не учитывается намерение осуществить угрозу. Однако, чтобы определить умысел обвиняемого, суду часто приходится делать выводы из слов и обстоятельств, в том числе из того, как эти слова воспринимались теми, кому они были адресованы.

Факультативный признак субъективной стороны состава угрозы, выраженный в цели преступления, заключается во внушение страха и запугивании потерпевшего. В деле 1994 г. «R. v. Clemente» обвиняемый угрожал своему социальному работнику. В одном случае он заявил, что взорвет ее офис и задушит

ее, в другом – что труп будет найден в ее офисе при передаче его дела, а в третьем – что он убьет ее [9]. Обвиняемый был признан виновным в сообщении своему социальному работнику, что он намеревался убить ее или причинить ей тяжкие телесные повреждения, в нарушение ст. 264, ч. 1, п. (а) Уголовного кодекса Канады. Верховный суд установил, что преступление в форме произнесения угроз посягает на «защиту свободы выбора, путем запугивания». В соответствии с разъяснением, данное преступление не требует каких-либо дальнейших действий, помимо высказывания самой угрозы. Аналогично в деле «R. v. McCraw» [10] судья Кори постановил, что уголовная ответственность за данные преступления обеспечивает защиту от страха и запугивания. Принимая эту статью, парламент стремился защитить личную свободу выбора и действий, что имеет фундаментальное значение для членов демократического общества.

Верховный суд Канады также признал, что угрозы смерти или телесных повреждений по своей сути являются насилием. Действительно, угрозы смерти или телесных повреждений могут предсказуемо вызвать эмоциональное расстройство человека, которому адресованы, и даже причинить ему психический вред.

Основным существенным вопросом, с которым сталкиваются правоприменители в Канаде при квалификации угрозы в социальных сетях, является установление признаков субъективной стороны преступления, прежде всего вины. Общее прецедентное право Канады в отношении преступления в форме угроз, предусмотренного в ст. 264.1(1) Уголовного кодекса этой страны, требует, чтобы обвиняемый имел намерение запугать или быть воспринятым всерьез. Выявление психического отношения лица к совершенному преступлению вызывает трудности при квалификации угроз, которые передаются через средства массовой информации, что приводит к возникновению юридических и фактических ошибок в некоторых судебных решениях.

Сообщения в социальных сетях часто носят неконкретный характер, что затрудняет проведение контекстуального анализа, необходимого для определения того, было ли то, что объективно воспринимается как угроза телесного повреждения, субъективно направлено на запугивание или восприятие всерьез. В то же время, независимо от направленности умысла обвиняемого, последствия как для потерпевшего, которому была адресована угроза, так и для других людей, в адрес которых она высказывалась, могут быть общественно-опасными и причинять вред законным интересам граждан. В связи с этим возрастает роль уголовного права в борьбе как с угрозами, высказываемыми в социальных сетях, как и вообще с преступлениями, совершаемыми в виртуальном информационном пространстве.

Пример сложности определения субъективной стороны рассматриваемого преступления можно отметить в деле «R. v. Sather» [11], в котором Общество помощи детям («CAS») взяло под опеку новорожденного сына обвиняемого «Кайла». Сотрудник CAS искал в Facebook упоминания об агентстве и обнаружил «пугающие сообщения» на странице обвиняемого в данной социальной сети. В результате было предъявлено обвинение в угрозах убийством или нанесением телесных повреждений, ст. 264.1, ч. 1, п.(а) Уголовного кодекса Канады.

Обвиняемый признал, что именно он сделал эти записи в Facebook: 16 сентября 2007 г. (10:53 a.m.) «Когда я узнаю, как медсестра CAS назвала «Кайла», пусть бог пощадит мою душу, потому что я отправлюсь прямо в ад с 25-летним питстопом в тюрьме».

Судья Р. Блуин из Суда Онтарио пришел к выводу, что стороне обвинения не удалось доказать вину лица, и, следовательно, субъективную сторону преступления, так как высказывание не имело цели запугивания, в связи с чем оправдал его.

Несмотря на вышеупомянутые трудности, есть случаи, когда суды признавали наличие у обвиняемого прямого умысла, направленного на запугивание при произнесении угроз, выраженных при общении в социальных сетях. Например, в деле «R. v. Le Seelleur» [12] обвиняемой была 19-летняя студентка, которая прочитала в интернете статью агентства новостей CTV (Television news in Canada) о на тот момент действующем премьер-министре Квебека Полин Маруа. Обвиняемая поделилась статьей через свой аккаунт в Twitter (у нее было более 100 подписчиков) и сделала угрожающий комментарий, в котором просила «убрать» женщину с поста премьер-министра, пока обвиняемая не «разбомбила» последнюю. Было предъявлено обвинение, в частности, в произнесении угроз в нарушение ст. 264.1 (1) (a) Уголовного кодекса. Не было спора о том, что комментарий обвиняемой в Твиттере представлял собой угрозу, учитывая «ясные и недвусмысленные слова, написанные обвиняемым, и контекст, в котором они были произнесены и переданы». Вопрос заключался в том, имела ли обвиняемая прямой умысел на запугивание при высказывании угрозы. Обвиняемая показала в суде, что написала комментарий, «не подумав хорошенько» и «не имея никакого намерения». Она заявила, что опубликовала свой «твит» в момент гнева после комментария, сделанного премьер-министром, и сообщила во время перекрестного допроса, что была расстроена различными действиями премьер-министра.

Судья Ж. Пулен постановил, что в деле «R. v. Le Seelleur» установлены все признаками субъективной стороны, необходимые для признания лица виновной в инкриминируемом преступлении.

Таким образом, имеется неоднозначность правоприменительной практики Канады при рассмотрении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности за угрозу, в связи с двусмысленным пониманием диспозиции статьи в части, касающейся «запугивания и восприятия угрозы всерьез». В УК РФ данная проблема устранена введением в диспозицию ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» формулы «если имелись основания опасаться осуществления угрозы». Подход российского законодателя лучше отвечает реализации общеправовых принципов законности и справедливости, чем канадский, поскольку оставляет меньше места судебному усмотрению и, следовательно, ошибке. Указание в диспозиции ст. 264.1 Уголовного кодекса Канады на необходимость восприятия потерпевшим угрозы именно как реальной, при условии определения критериев реальности, доступных для оценки судом, позволило бы устранить отмеченные противоречия судебной практики. Представляется, что этого можно было бы достичь принятием сле-

дующей формулировки диспозиции вышеназванной статьи: «Преступление совершает каждый, кто каким-либо образом умышленно произносит, передает или заставляет лицо получить угрозу, которая выражена в: <…>, при том, что он сознательно желал причинить потерпевшему испуг, а последний воспринял угрозу, как реально выполнимую».

Диспозиция ч. 1 ст. 119 УК РФ, как и других норм УК РФ, предусматривающих угрозу как конститутивный или факультативный признак состава преступления, нуждается в нормативном определении понятий угрозы и ее реальности. Под угрозой в уголовно-правовом смысле следует понимать воздействие на другое лицо путем доведения до его сведения намерения причинить ему либо другим лицам какой-либо вред, совершаемое для того, чтобы принудить потерпевшего к выполнению предъявленных требований, или как самоцель. При этом реальна та угроза, которая объективно могла быть реализована выразившим ее лицом в момент доведения до сведения потерпевшего, либо в момент предполагаемого исполнения, о котором виновный его уведомил.

Общественно опасное деяние в форме произнесения угроз, предусмотренное ст. 264.1 ч. 1 п. (a) Уголовного кодекса Канады, проявляется как «зарождающееся» или «зачаточное» преступление. Это подготовительное преступление, которое криминализирует поведение, предшествующее совершению более опасных преступлений, сформулированных в самой угрозе (например, убийство или нападение). Таким образом, данный вид запрещенного деяния является своего рода «превентивным преступлением», которое закон предусматривает для того, чтобы дать полиции возможность вмешаться в урегулирование взаимоотношений, не допуская совершения более тяжкого преступления [13].

Список литературы

1. Social Media Threats: Examining the Canadian Criminal Law Response // Ojs.library.dal.ca. – URL: https://ojs.library.dal.ca/CJLT /article/viewFile/9008/7784 (дата обращения: 12.01.2022).

2. Уголовный кодекс Канады // Веб-сайт законов о правосудии Правительства Канады // Laws-lois.justice.gc.ca. – URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/ (дата обращения: 10.01.2022).

3. Статистическое управление Канады // Statcan.gc.ca. – URL: https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=3510006701 (дата обращения: 11.01.2022).

4. ФКУ «ГИАЦ МВД России» // Официальный интернет-сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri /Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 10.01.2022).

5. Канадская хартия прав и свобод // Веб-сайт законов о правосудии Правительства Канады // Laws-lois.justice.gc.ca. – URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/page-12.html (дата обращения: 12.01.2022).

6. Канадская хартия прав и свобод // Веб-сайт законов о правосудии Правительства Канады. – URL: https://www.justice.gc.ca/eng/csj-sjc/rfc-dlc/ccrf-ccdl/check/art2b.html (дата обращения: 12.01.2022).

7. R. v. Khawaja // Official website of the Supreme Court of Canada. – URL: https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/12768/index.do (дата обращения: 12.01.2022).

8. R. v. McRae // Official website of the Supreme Court of Canada. – URL: https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/13371/index.do (дата обращения: 12.01.2022).

9. R. v. Clemente // Official website of the Supreme Court of. – URL: https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/1159/index.do (дата обращения: 12.01.2022).

10. R. v. McCraw // Official website of the Supreme Court of Canada. – URL: https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/790/index.do (дата обращения: 13.01.2022).

11. R. v. Sather // Threats on Social Media. – URL: https://canliiconnects.org/en/commentaries/36211 (дата обращения: 12.01.2022).

12. R. v. Le Seelleur // Threats on Social Media. – URL: https://canliiconnects.org/en/commentaries/36211 (дата обращения 12.01.2022).

13. Consultation Paper on Homicide, Assault & Sentencing in the Somaliland Penal Code // Thehorizoninstitute.org. – URL: https://www.thehorizoninstitute.org/usr/library/documents/legal-commentaries/consultation-paper-on-homicide-assault-death-penalty.pdf (дата обращения: 12.01.2022).